Стилистическое наследие

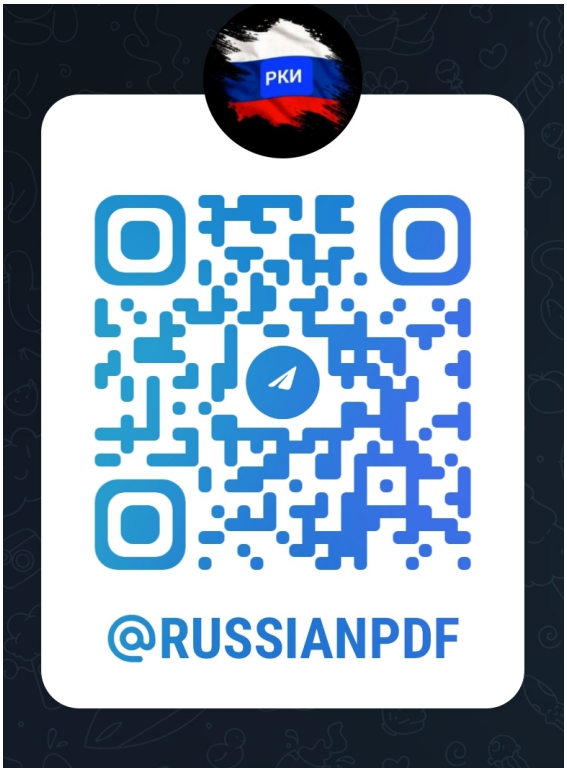
В.И. Чернышев

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО СТИЛИСТИКЕ

ФЛИНТА

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Серия основана в 2010 году



В.И. Чернышев

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО СТИЛИСТИКЕ

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2023

УДК 821.161.1'38
ББК 81.411.2-5
Ч-49

Издано при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций
Российской Федерации

Чернышев В.И.
Ч-49 Избранные работы по стилистике / В.И. Чернышев. ; вступ. ст. О.В. Никитина. — Москва : ФЛИНТА, 2023. — 832 с. — (Стилистическое наследие). — ISBN 978-5-9765-5300-2. — Текст : электронный.

В книгу вошли труды В.И. Чернышева, которые не издавались десятилетиями и уже стали библиографической редкостью. Осо-бенно стоит упомянуть его работу «Правильность и чистота русской речи», включенную в настоящее издание. Она до сих пор служит верным ориентиром в области грамматической стилистики русско-го языка, раскрывает и объясняет актуальные проблемы практиче-ской фонетики, углубляет наши знания по основам литературной речи, показывает специфику разговорного языка, дает точные реко-мендации, как следует употреблять те или иные слова и выражения. Другие разделы «Избранных трудов» содержат интересные статьи В.И. Чернышева по разным аспектам теоретической и практической стилистики русского языка.

Книга приобщает читателя к формированию речевой культуры, учит правилам литературной стилистики, предвосхищает направле-ние современных филологических исследований.

УДК 821.161.1’38
ББК 81.411.2-5

ISBN 978-5-9765-5300-2 © Издательство «ФЛИНТА», 2023

«Одушевленная энциклопедия русской филологии» (О Василии Ильиче Чернышеве)

Судьба Василия Ильича Чернышева (1867—1949), казалось бы, уготовила ему незавидную участь служить учителем в глубинке, но пытливый ум, чуткий слух и увлеченная душа не давали ему покоя: кругом то и дело звучали причудливые слова-прибаутки, зазвонистые песни, неподалеку трудились офени с их тайными языками... В.И. Чернышев родился и провел молодые годы в живоносном Владимирском крае, где народная культура даже на рубеже XIX—XX вв. как будто замерла, словно по далевским заветам, и не отступала от своих словесных и нравственных корней. Язык там сливался с гармонией речи, обрядами, фольклором. Все это с малых лет впитывал будущий ученый, непростая жизнь которого, благодаря природному дарованию, упорству, тяге к знаниям и влюбленности в областные речения, странным образом переменилась. Он оказался в столице российской науки — Санкт-Петербурге, и со временем переехал туда работать. Окормлял В.И. Чернышева, или, точнее, увидел в провинциальном педагоге одухотворенного филолога академик А.А. Шахматов, который помог ему освоиться в новых институтах, дал протекцию, ввел в круг самых родовитых лингвистов. Другим наставником молодого ученого стал известный библиофил П.К. Симони, оказавший на него влияние «своими знаниями по языку и фольклору, своей широкой филологической образованностью, <...> а также точностью своих исследований»[1]. В.И. Чернышев неспешно входил в пестрый круг филологов и постепенно завоевывал в нем авторитет. С легкой руки А.А. Шахматова начинающего лингвиста привлекли к участию в научных проектах Императорской АН (подготовке «Словаря русского языка», сборе и систематизации диалектных данных). Он не оставлял и собирательской деятельности подвижника, пропагандировал правильность русской речи, разрабатывая совсем новую прикладную науку — культуру речи, вошел в число ведущих специалистов по лексикографии — фактически вместе с С.П. Обнорским, Д.Н. Ушаковым, Л.В. Щербой стоял у истоков советской лексикографии. В.И. Чернышева можно назвать летописцем отечественной науки первых десятилетий XX в. Он был вовлечен в сложную работу по реформе русской орфографии и уже

[1] Виноградов В.В. О трудах В.И. Чернышева по русскому языку // Чернышев В.И. Избранные труды: в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 8.

после войны подготовил объемный очерк о деятельности Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова в этом направлении, сопроводив его интересными лингвистическими мемуарами[2]. Он чувствовал ритм и дух переливов народных голосов, очень любил классическую русскую поэзию и прозу и выискивал в ней живое, подлинное, внимательно вслушивался в интонации городского просторечия.

Язык художественной литературы находился в центре внимания В.И. Чернышева прежде всего потому, что из него он черпал образцы народной речи, учился понимать идиостиль автора, особенности употребления тех или иных грамматических форм. Примечательны в этой связи его статьи о языке Пушкина, в которых он исследовал произношение местоимений, семантику знаков препинания, имена действующих лиц в сказках и др. Каждый раз ученый подбирается к неизученному вопросу очень бережно, с трепетом, как бы подкрадывается к искусству гения: «Подлинный пушкинский текст, печатный или письменный, — драгоценность искусства и науки. Издание его требует величайшего внимания и осторожности, но издатели, к сожалению, допускают в нем слишком много орфографической ломки или даже просто порчи. К чему исправлять то, что хорошо?

У Пушкина находим:

“Велено было собраться, как можно скорее, и в числе тысячи человек идти навстречу Наумову” (“История Пугачевского бунта”, с. 24).

У [П. А.] Ефремова: “...собраться как можно скорее и, в числе тысячи человек, идти навстречу Наумову” (с. 167).

Что это лучше?»[3]

В.И. Чернышев анализировал также басни и сказки В.И. Майкова, язык и стиль стихотворений Е.А. Баратынского и А.В. Кольцова, произведения И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Г.И. Успенского и других классиков, всякий раз подмечая любопытные черты индивидуального стиля.

Из трудов В.И. Чернышева особое место занимает книга «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической

---

[2] Чернышев В.И. Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов — реформаторы русского правописания (по материалам архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям // Шахматов А.А. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 167—252.

[3] Чернышев В.И. Заметки о языке А.С. Пушкина // Чернышев В.И. Избранные труды: в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 78.

грамматики» (1911), удостоенная Императорской АН в рукописи премии имени М.И. Михельсона. Стоит отметить новаторство автора в постановке проблемы, которая считалась запущенной в науке в силу интереса ученых XIX в. преимущественно к компаративистике. Приоритет изучения памятников письменности, гриммовский интерес к древностям, мифологизация народной культуры имели обратную сторону: *современный* язык практически не изучался, образцовыми считались художественные тексты; не существовало четкой стилистической нормализации языка, а выработанные классиками на заре лингвистического века правила устарели. Без преувеличения можно сказать, что В.И. Чернышев берется за то, что обходили и его современники, большинство из которых были наследниками идей Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова, то есть прежде всего историками языка. Показательно, что второй выпуск книги, посвященный частям речи, ученый начинает с безусловного авторитета в филологии Ф.И. Буслаева и его классического «Опыта исторической грамматики русского языка», где говорилось о том, что допускалось двоякое написание слов *солнышко* и *солнушко*, *перышко* и *перушко*. Суффикс *-ушк-* при этом использовался в книжном языке, но уже во время Ф.И. Буслаева постепенно выходил из употребления и применялся в разговорных формах и диалектах. В.И. Чернышев констатировал: «Теперь можно сказать, что образования с суффиксом *-уш-* (*sic!*) совершенно изгнаны из книжного языка, хотя в разговоре слышатся не только в областных говорах, но и в образованной речи»[4].

В этой работе содержатся тончайшие наблюдения над изменениями *употребления* слов и выражений не только в обиходной, но и в писательской речи, диктовавшей тогда литературно-языковую традицию. В.И. Чернышев писал: «Народное *постеля* (откуда: в *постель*), считаемое теперь литературным, вполне допускалось в языке старых писателей, от которых перешло и к более новым»[5]. Автор книги подметил такую особенность: «Старый язык охотно употреблял существительные на *ство*, которые у нас теперь уже не обращаются. Остатки их мы находим еще у Крылова и Пушкина»[6]. В.И. Чернышев был внимателен даже к небольшим переменам в живой речи, например, к употреб-

[4] Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд., испр. и доп. Пг., 1915. Вып. 2. С. 3.

[5] Там же. С. 5.

[6] Там же.

лению при предлогах *в* и *на* разных окончаний типа *в аду* (реже *в аде*), *на балу* (в старину чаще: *на бале*), *на бережку* (и *на бережке*), *на духу* (на исповеди), *на корню* (только в выражении: хлеб, лес на корню), *во мху, на мху*: клюква растет во мху и на мху (и в мохе, на мхе), *в посту* (во время поста как части года) и *в посте* (в воздержании), *на потолку* (простонародное; обыкновенно: *на потолке*)[7] и мн. др. Сколько живых наблюдений над художественной и народной речью выражено в этих кратких ремарках, показывавших неоднозначность нормы, которая колебалась в зависимости от условий, времени, стилистики и индивидуальных особенностей писателей, религиозных деятелей, ученых. Все это и многое другое предстояло изучить последователям В.И. Чернышева — В.В. Виноградову, С.И. Ожегову.

Критический отзыв о книге в авторитетном журнале «Archiv für slavische Philologie» написал знаменитый славист И.В. Ягич, справедливо отметивший, что «в общем количестве русской книжной продукции теоретическое наблюдение за правильным применением русского языка занимает весьма незначительное место»[8]. Лишь Я.К. Грот пристально занимался этой проблемой, но его реформирование вызвало, по мнению И.В. Ягича, большие споры: «Мои же протесты против якобы “этимологического” написания *вядчина* вместо принятого *ветчина* не были приняты... Лишь при позднейшей переработке руководства он несколько уступил, заявив, что можно здесь отвлечься от “этимологического” написания и писать *ветчина*! Долго обсуждалось, насколько я помню, колеблющееся написание инфинитива *идти* или *итти*. По желанию Грота было санкционировано *идти*, хотя основание и не было достаточно убедительным. Ведь не может быть сомнений в том, что произношение *идти* находится под влиянием настоящего времени *иду*; *идти* является, таким образом, всего лишь фонетическим написанием...»[9].

Книгу В.И. Чернышева и сейчас можно и нужно читать как энциклопедию правильной речи, настолько богато она иллюстрирована колоритными поучительными примерами из произведений разных жанров и стилей речи: от Ломоносова, Фонвизина, Карамзина и ми-

---

[7] Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд., испр. и доп. Пг., 1915. Вып. 2. С. 30—32.

[8] Цит. по изд.: Чернышев В.И. Избранные труды: в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 647. Перевод с немецкого В.Г. Костомарова.

[9] Там же. С. 648.

трополита Филарета до Тургенева, Победоносцева, Леонида Андреева, Брюсова, Кони и Короленко, русских сказок, публицистики, газет начала XX в. (в частности, он активно вчитывался в «Биржевые ведомости»). В.И. Чернышев не спешил делать безапелляционные выводы, «утверждать» правила и «приказывать», как правильно говорить. Он старался прочувствовать все богатства оттенков родной речи, без разделения их на «нужные» и «отставленные».

В.И. Чернышев как лингвист обладал природным свойством *слышать* и *видеть* живое в языке. Оттого его книга наполнена драгоценными наблюдениями не только над народной или художественной речью, но и содержит яркие портреты словесной коммуникации Петрограда, порой пересекавшиеся со спорными суждениями Н.И. Греча, все же далекого в своих интересах от изучения обиходного — реального — социолекта. Вот как об этом писал В.И. Чернышев: «Под влиянием народного языка речь наших писателей гораздо более богата видовыми формами, чем обыкновенный язык представителей городского образованного класса. В больших городах уже давно и заметно утрачивается это богатство языка. Греч в 1840 г. заявлял, что составители русских грамматик “выдумывали несбыточные и небывалые” формы, например, *бывывало, хаживал*... Конечно, это заявление показывает, что Греч плохо знал живой и литературный русский язык (грамматику он знал хорошо). В существовании “несбыточных и небывалых” форм не может быть никаких сомнений.

Бывывали и мы при деньгах. Даль. — Профессор мой *хаживал* к батюшке и говаривал с ним обо мне. Карамзин, Мармонтелевы повести, 99. Я не раз *хаживал туда смотреть, как...* вытискивали пестрые узоры обоев. Тургенев, первая любовь, 313...

Однако, несомненно, — продолжал В.И. Чернышев, — что петроградская живая речь уже и в то время в значительной степени утратила богатство чисто русских видовых образований. Потеря чутья к видовым формам здесь очень явно обнаруживается в непонимании видовых оттенков глаголов *слыхать* и *видать*. Именно в Петрограде в народе часто говорят *слыхал* вместо *слышал* и *видал* вместо *видел*. Такое употребление встречается и в речи образованных петроградцев, а также у некоторых преимущественно петроградских писателей»[10].

В.И. Чернышев был, пожалуй, первым после В.И. Даля, кто так увлеченно собирал и изучал некодифицированную речь, которая сто-

[10] Там же. С. 225.

яла особняком в калейдоскопе народно-языковых чудес. Это так называемый офенский язык. Под ним понимают в широком смысле территориально-социальные диалекты торговцев, портных и т.д., не похожие на обычный говор. Потому их назвали позднее условными, или тайными, языками, на которых общались местные жители: вместо *дом* говорили *хаз*, вместо *деньги — лавье* или *рым, ремеха* (по материалам словаря портновского языка В.И. Чернышева)[11].

Остается посетовать на то, что архивное наследие В.И. Чернышева изучено крайне мало. В нем и сейчас теплится то настоящее, коренное, невыдуманное, что являлось почерком настоящего ученого, большого патриота и радетеля русского просвещения, каким мы всегда будем помнить Василия Ильича Чернышева. Сотни карточек «Словаря офенского языка», «Словаря русского кожевника», материалы калужских просолов, «Терминология русских картежников», собранные ученым владимирские, вологодские речения могли бы составить целую энциклопедию крестьянского, ремесленного быта, но остались до сих пор неизученными и частично, по-видимому, рассеянными в беспокойной летописи науки первой половины XX в., когда публично, без идеологических пристрастий, особенно в 1930-е годы, этим заниматься было трудно[12]. Но в конце 1920-х годов, периоде «лингвистического НЭПа», эта тема звучала очень актуально. Впоследствии благодаря усилиям такого же самородка-лингвиста В.Д. Бондалетова неудобная в советское время тема не угасла: были обследованы новые территории бытования тайноречия, разработана и опубликована карта условных языков, исследованы этимологические и социокультурные связи слов, опубликованы новые источники и мн. др.[13]

Во время Великой Отечественной войны В.И. Чернышев, будучи уже в весьма преклонных летах, продолжал работать (он написал об-

---

[11] Цит. по изд.: Приемышева М.Н. «Сокровища родного слова...» (К 150-летию со дня рождения В.И. Чернышева) // Русский язык в школе. 2017. № 1. С. 59—65.

[12] Подробнее об этом см.: Приемышева М.Н. «Сокровища русского слова...» (К 150-летию со дня рождения В.И. Чернышева)... С. 60—62.

[13] См., например: Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. [Вып. I], [Вып. II]. Рязань, 1974, 1980; Его же. Иноязычная лексика в русских арго. Куйбышев, 1990; Его же. Тюркские заимствования в русских арго. Самара, 1991; Его же. Финно-угорские заимствования в русских арго. Самара, 1992; Его же. В.И. Даль и тайные языки в России. М., 2004; Приемышева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. 1—2. СПб., 2009. и др.

ширный отзыв на «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова). Находясь в Алма-Ате, страдал от крайней нужды, но испытания не надломили духа филолога: он по-прежнему верил, что скоро вернется к словарным делам и любимому филологическому ремеслу, перед которым благоговел, за которое держался и которому отдавал весь свой талант.

***

Книги и статьи В.И. Чернышева до конца 1960-х годов были известны лишь академической общественности и вузовским преподавателям. Впервые после десятилетий забвения они обрели новую жизнь, когда по инициативе академика В.В. Виноградова в издательстве «Просвещение» выпустили двухтомник «Избранных трудов» (М., 1970), в который вошли многие оригинальные работы В.И. Чернышева по фонетике, морфологии и синтаксису, лексикологии и лексикографии, культуре речи (т. I), языку и стилю писателей, диалектологии, правописанию и методике преподавания родного языка, воспоминания об ученых и портреты известных лингвистов (т. II). После краткого «Предисловия» помещена обширная вступительная статья В.В. Виноградова. В первых строках он назвал старшего коллегу одним «из своеобразнейших и характернейших личностей»[14]. В чем же заключается особенность лингвистического портрета В.И. Чернышева? Наверное, в том, что он формировался прежде всего как народный филолог и поздно вступил в когорту академических исследователей, но при этом сохранил независимость взглядов, не был подвержен лингвистической моде, не стремился взлететь вверх, будучи одержимым карьерными устремлениями. Он шел своей дорогой, как бы по обочине науки, в тени таких корифеев, как И.В. Ягич, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, и эта стежка оставила неподражаемые следы. Еще в начале знакомства с Отделением русского языка и словесности В.И. Чернышев в поисках профессиональных контактов познакомился с А.А. Шахматовым, который стал ненавязчиво опекать его. В результате Василий Ильич раскрылся как самобытный исследователь, лишенный предвзятости и тенденциозности академической среды. Оттого многие его труды выглядели как стихийные всплески филологического воображения — он занимал

[14] Виноградов В.В. О трудах В.И. Чернышева по русскому языку... С. 7.

ими те лакуны науки, которые другие обходили, не замечали, которых чурались. Но тем они привлекательны сейчас, ибо находятся вне времени и пространства гипотез и теорий. В.В. Виноградов при всей его строгости и порой претенциозности увидел в В.И. Чернышеве самородка со своим нравственным миросозерцанием — скромного, интеллигентного, наблюдательного, работоспособного, неконфликтного и... неутомимого в походах за сокровищами народного слова. Точный в характеристиках, придирчивый В.В. Виноградов назвал творчество Василия Ильича «живой, одушевленной энциклопедией русской филологии, и прежде всего русского народного языка, мышления и быта»[15]. В.И. Чернышев так и не примкнул к какому-то определенному направлению: будь то компаративисты, формалисты, марристы... Он остался верен силе и глубине своего природного провидения и шел незаметной тропой странника-филолога на фоне более громких достижений и противоречивых кампаний в науке первой половины XX столетия, показывая своим читателям духовные ориентиры языкотворчества. Они непоколебимы и по сей день.

О.В. Никитин,
доктор филологических наук,
профессор

[15] Виноградов В. В. О трудах В. И. Чернышева по русскому языку... С. 48.

ПРАВИЛЬНОСТЬ И ЧИСТОТА РУССКОЙ РЕЧИ

ОПЫТ РУССКОЙ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

ИЗ «ПРЕДИСЛОВИЯ» К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В предлагаемой книжке собраны и приведены в систематический порядок примеры и правила употребления тех форм и оборотов речи, которые наиболее затрудняют пишущих и говорящих. Вопрос: «Как лучше, как правильнее сказать?» нередко мы задаем себе и другим. На этот вопрос не всегда даются одинаковые ответы. Иногда указания, высказанные в самой решительной форме, не удовлетворяют нас потому, что неодобряемые формы и обороты речи мы находим у наших образцовых писателей. Иногда же, наоборот, мы часто видим нарушение несомненных правил речи в книгах, в газетах, в письме и в разговоре более или менее образованных лиц. Такие противоречивые показания производят смешение понятий и затемняют даже те вопросы стилистической грамматики, относительно которых существуют ясные и прочные решения.

Несмотря на значительную свободу, допускаемую русским языком в употреблении форм и оборотов, русская стилистическая грамматика имеет некоторые весьма устойчивые правила, которые не колеблются и оттого, что они нарушаются изящными писателями. И сами писатели являются для нас авторитетными в тех только случаях, где они не погрешают против общепринятых норм.

Правила стилистической грамматики извлекаются нами из трех основных источников лучшей русской речи: 1) общепринятого современного употребления, 2) произведений образцовых русских писателей, 3) лучших грамматик и грамматических исследований литературного русского языка.

Пособием при разрешении разбираемых вопросов служат также данные народного языка.

15 февраля 1909 года

ИЗ «ПРЕДИСЛОВИЯ» КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В виде дополнения к данному изданию предполагается потом выпустить небольшой русский стилистический словарь, который будет содержать те затруднительные для употребления случаи, которые относятся не к грамматической, а к лексической (словарной) стороне языка. В первом издании книги некоторые данные такого рода вводились (с известной натяжкой, отчасти оправдываемой практической целью книги) то в один, то в другой ее отдел. Теперь они будут совсем выделены. Действительно, такие формы, как *жневье, загинала, ремянный, слюня, четвериньки* и под., хотя и отличаются своим звуковым составом от общепринятых *жнивье, загибала, ременный, слюна, четвереньки,* но эти отличия не произошли вследствие изменения одних звуков в другие, как, например, получилось *рехнуться* из *ряхнуться.* Мы имеем здесь слова, различные по образованию, и место для суждения о них не в грамматике, а в словаре.

6 октября 1913 года

ВВЕДЕНИЕ

Первоначальная стилистика не затрудняется решением вопроса о правильности и чистоте русской речи. Неправильным считается то, что несогласно с грамматикой, а нарушением чистоты речи признается употребление архаизмов, провинциализмов, неологизмов и варваризмов.

Практика иногда чрезвычайно легко разрешает вопрос о том, что допустимо и что нетерпимо в языке, особенно в школе, где первым и последним критическим судьею является учитель, нередко сам же и создающий кодекс одобряемого, разрешаемого и не допускаемого в речи своих воспитанников. Труднее разрешаются сомнения о правильности выражений, когда приходится критиковать речь взрослых людей, способных выставить в защиту своих привычек и взглядов теоретические основания и пример других образованных людей или — еще лучше — образцовых писателей. Критическое отношение к последним окажется уже весьма затруднительным и потребует известных знаний в языке и значительной осмотрительности в решениях. Прежде всего, нужно признать, что стилистические мерки и вкусы существуют для известного времени и меняются так же, как меняется язык. Для времен Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Тургенева были различные понятия о правильности речи, и вместе с изменением языка эти классические писатели в некоторых случаях перестали быть для нас авторитетными; их выражения иногда стали для нас непригодны. Ломоносов, например, допускал сравнительную степень на *-яе* (*светляе*), рекомендовал средний род для всех существительных на *-ище* (*великое домище*), полагал, что «лутче сказать *толкаючи*, нежели *толкая*», и т.п.

Очень внимательный к языку Карамзин находил в свое время хорошими нетерпимые теперь формы: *домы, постеля, розница, передражнивая, ярмонка, картеча.*

Пушкин сам признавался в пристрастии к галлицизмам («Мне галлицизмы будут милы, Как прошлой юности грехи, Как

Богдановича стихи...», «Евгений Онегин»). Употреблял он и народные формы, которые теперь не допускаются в литературном языке, как *три дни, козачей сабли, пламя поздное, цалует* и др.

Следуя правилам и обычаям своего времени, во всех таких случаях авторы, очевидно, не совершали ошибки против языка. Значит, здесь мы не имеем дела с неправильностью, но встречаемся с формами устаревшими, вышедшими из употребления, словом, с архаизмами языка.

Тот или другой живой и ходячий оборот речи, та или иная форма языка, обычные для данного времени, потом стареются, постепенно выходят из употребления, наконец делаются архаичными, мертвыми. Само собою разумеется, что они архаичны только для нас, живущих в новую эпоху языка, принявшую другой словарный состав и новую грамматику. Для авторов, изучавших язык в более старое время, архаизмы эти должны были казаться имеющими все права на употребление. Державин, Жуковский, Пушкин, Белинский, Тургенев и др., конечно, владели в совершенстве языком лишь своего времени и как питомцы старой школы для последующих эпох необходимо должны быть несколько архаичны. Эта архаичность не есть недостаток их стиля (как это было бы у писателей, намеренно или по незнанию держащихся более старого языка), но необходимая черта времени.

Кроме изменений от времени, русский литературный язык много изменялся от влияния на него языков иностранных, в особенности родственного ему славянского церковного языка и французского, господствовавшего в нашем образованном классе в конце XVIII и начале XIX столетия. Если замирание старых слов и форм происходило с некоторой постепенностью, то новые иностранные слова и обороты входили в известные эпохи быстро, натиском. Такой наплыв иностранных слов был при Петре Великом; напор галлицизмов мы видим при Карамзине и его последователях до Пушкина включительно. Последний в «Критических заметках» определил и окончательное действие этого натиска. «Множество слов и выражений, — говорит он, — насильственным образом введенных в употребление, остались

и укоренились в нашем языке». Консервативным писателям этой эпохи казались странными выражения: *делать влияние на разумы* (*faire l'influance sur les esprits*), *черта злословия* (*un trait de satire*) и др., представляющие буквальный перевод французских оборотов. Шишков справедливо замечал, что русский глагол *вливать* требует предлога *в*: *вливать вино в бочку*; но со временем к подобным оборотам привыкли, и для теперешнего читателя фраза «Пушкин имел огромное влияние на писателей своего и ближайшего поколения» кажется совершенно русскою, как кажутся русскими слова: *церковь, история, мастер* и т.п.

Славянские формы и обороты не только во множестве влились в русскую литературную речь и совершенно с ней сплавились, но и сейчас еще ведут в ней борьбу за существование. Так, например, мы колеблемся при выборе слов: *середина* и *средина, чрез* и *через, терпенье* и *терпение, помочник* и *помощник, дрожжи* и *дрожди.*

Влияние народной грамматики на литературную было, конечно, несравненно значительнее, чем влияние чужих языков. Не только Пушкин и последующие писатели, но и Ломоносов и Карамзин признавали за народным языком обширные права на употребление в речи образованных людей и в книгах. Здесь, как и в других влияниях, употребление только ограничивало авторов, не принимая значительных нововведений или не давая распространения формам, малоупотреблявшимся в образованном классе. Например, Ломоносов допускал формы: *преж, чхнул, мочно, мочную, заскрыпев, кричали, страм, дыхать, взотти, испужавшись, признаваюсь, сумневаюсь, другое, салдатов* и др., которые теперь вовсе непозволительны. У Карамзина находим: *волосов, два дни, большая розница,* «*в самом сердце* (т.е. раздражении) голос ее был так приятен...», *живучи* (в другом трактире) *обо двор* — все формы и выражения теперь не принятые. У Крылова видим: *приколона ленточка*; у Гоголя: *спеленат*; у Пушкина: *копытом мочным, разуздывает, достальное, зачали, встали изо стола*, — такие народные формы, которых теперь не допустит ни один школьный учитель в тетради своего ученика.

Стремление давать практические указания входило в значительной степени в русские грамматики, начиная с Ломоносова и кончая Буслаевым.

Чем ближе к нашему времени, тем больше стилистика удаляется из грамматик. Литературный язык считается вполне сложившимся; колебания допускаются все меньше и меньше; в школе неограниченную власть приобретает тот или другой учебник, иногда весьма далекий от идеального совершенства; в печати корректоры с большим упорством и непониманием портят язык и слог знаменитых писателей, воображая, что они «исправляют ошибки», переделывая их богатую и свободную русскую речь по плохим школьным грамматикам.

Все это говорит, что обсуждение вопросов стилистической грамматики в наше время дело не лишнее. Прежде всего, это нужно для практического применения языка. Некоторые недоумевают при многих вопросах употребления, например, можно ли написать в родительном падеже *меду*, *чаю*, и останавливаются на мнимограмотных *меда*, *чая;* другие, видя у авторов не соответствующие нынешнему употреблению формы, считают их за «ошибки», а при перепечатке старых авторов многое из их выражений, форм и оборотов речи даже и переделывается на новый лад. Так, в некоторых изданиях значительно изменены, а отчасти искажены Пушкин, Крылов, Жуковский, Некрасов и др. Желательно одним помочь при затруднении, другим уяснить ту историческую точку зрения, которой нужно в данном случае держаться.

Старинное и ходячее понятие о «неправильности» приходится почти совсем устранить из обращения, когда мы исследуем язык великих писателей. Державин, Пушкин, Лермонтов, Тургенев почти не делали «ошибок» в истинном смысле этого слова. Они лишь употребляли формы и обороты, которые не перешли в современный нам язык, или гораздо свободнее нашего пользовались народным языком.

Еще вопрос — что нужно переделывать? — язык ли великих писателей или устарелые и односторонние грамматики, которые

его не одобряют. В создании литературного языка талантливые писатели идут впереди, грамматика должна идти вслед за ними. Поэтому от действительных «неправильностей» языка нужно отличать «мнимые», которые устанавливаются дилетантскими учебниками и статьями и часто признаются многими, но не имеют для себя достаточных теоретических оснований и отвергаются лучшими писателями. Нередко педантическая стилистика имеет притязание предписывать правила языку вместо того, чтобы изучать его законы, или же делает односторонние и неосновательные выводы из ложно понятых случаев употребления слов и форм. Этим нередко грешили у нас иностранцы, пишущие русские грамматики, например, Греч. В своих учебниках он требует употреблять сочетания *два черные ворона, три пуховые шляпы* и под. и считает неправильными сочетания *два черных ворона, три пуховых шляпы*, не допускает таких причастий, как *неувядаемый*, вполне усвоенных русским языком, или деепричастий, как *войдя, брося* и под., введенных в употребление лучшими писателями, и др.

В этом отношении типической можно признать статью Н.М. Николича «Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати» (Филологические записки. 1877. Вып. 1; 1878. Вып. 1). Автор действительно указывает в ней несколько несомненных ошибок писателей в образовании, изменении и сочетании форм, например: «*зажжа* свечу»; «деятельность Л-ого, *новевшая* общую панику»; «болезнь, *свевшая* его в рановременную могилу» (Древняя и новая Россия. 1876. № 7. с. 225); «руки *спеленуты*»; «обещали поместить на первые *откроющиеся*[1] вакансии»; «все листья *осыпятся*»; «не имеющие своего состояния или *женииного*»; «после разговора с *Карениным*»*; отчайный*, *нечайно*; «было не то что стыдно, а неловко за *самою*[2] себя» (из «Анны Карениной» Толстого); «*реальной* его *основой есть* все-таки официальное положение и общая образованность».

---

[1] Словоупотребление необычное и смелое, хотя понятное и хорошо выражающее мысль.

[2] Собственно, очень устарелая форма винительного падежа.

Но значительная часть указаний и рассуждений Николича основана на недоразумении. Автор как будто отождествляет правила употребления форм русского языка с собственными стилистическими привычками, а печать считает чем-то вроде учебного заведения, которое не должно выходить в письме из рамок школьных грамматик.

Однако печать не ученица, а зрелая деятельница и в некоторой степени создательница языка. Многообразие и глубина ее содержания требуют всего богатства форм и выражений, принадлежащих современному языку.

Поэтому напрасно г. Николич, как и некоторые другие стилистические критики, считает ошибками против правил языка:

1. Употребление таких форм и оборотов, которые встречаются реже других, но терпимы в языке. Таковы, например: «идеи, на которых он *воспитался*»; *в течении, в продолжении*; «Была отслужена панихида *по усопшим предкам*»; «Австрийское правительство осталось *недовольным* письмом вождя старочехов».

2. Сохранившие еще известную долю живучести архаизмы, например употребление прилагательных на *-ший* и *-ейший*, вроде *высший, худший, старейший* в смысле сравнительной степени («Многие из них тщеславятся перед народом как бы чем-то и *высшим* перчаток», «состояние, *худшее* самого сурового рабства»); множественное число глагольного сказуемого при подлежащих собирательного значения («Значительное *большинство* студентов вовсе *не могут* пользоваться учеными сочинениями»).

3. Обороты и слова, вновь входящие (а теперь уже и вошедшие) в литературный язык: «*вопрошающе* взглянула»; «*вызывающе* поддакивала»; «*репетировать* учеников»; «*приготовлять* уроки»; «перевести *фразу*».

4. Формы просторечия и народного языка: *угáщивал*; *разжáлывали*; *счетá*; *адресá*; «На дворе монастыря, *по-за* окнами храмов, видны монахи, странники и странницы».

5. Формы и выражения канцелярские, военные, школьные и т.п.: «из сумм, *заведываемых* земством»; «деятельность обще-

ства, *председательствуемого* таким-то»; «будучи *предшествуем*[3] благодеяниями»; «согласно *вашего желания*»; «всякий пользуется местом сообразно *взятого* им *билета*».

Наконец, необходимо признать, что классические авторы, грамматики, стилистическая критика, собственно, — не прямые, а косвенные источники для изучения современного нам литературного языка, так как они представляют нам русский язык в прошлом состоянии, хотя и недалеком от нас. Основной источник лучшей современной речи — нынешнее ее употребление. Если какая-нибудь форма или оборот теперь совсем не приняты, то никакие авторитетные писатели и ученые, некогда ими пользовавшиеся, не могут свидетельствовать в пользу их употребления в нынешнем языке. Однако следовать современному общему употреблению в языке совсем не так легко, как это может показаться сначала. Прежде всего, во многих случаях очень трудно решить вопрос: является ли данное словоупотребление общим, т.е. все ли образованные люди так говорят, все ли признают это употребление? Число лиц, говорящих литературным языком, огромно, а личный опыт каждого говорящего ограничивается сравнительно небольшим случайным кругом людей. Притом каждый говорящий так осваивается со своим собственным словоупотреблением, что чрезвычайно легко впадает в ошибку, думая, что все говорят так, как говорит он.

Нелегко определить и то, что является современным в языке, что стоит в нем прочно, что является случайным наносом, что отжило свой век. В языке всякой определенной эпохи для ее современников много неясного: слагающегося, но не сложившегося, вымирающего, но не вымершего, входящего вновь, но не утвердившегося.

Необходимо еще обратить внимание на то, что само употребление подчиняется сложным и противоречивым влияниям и в силу этого дает иногда две, три формы одного и того же грамматического значения. Поэтому приходится определять, при-

[3] Предшествуем (précédé) — галлицизм, употребляемый уже Пушкиным: «Предшествуем хоругвями святыми...» (Борис Годунов, Красная площадь).

знать ли два образца употребления равноправными или же одно признать «правильным», достойным подражания, другое — «неправильным», появившимся вследствие худого, неразборчивого отношения к речи. Вообще, надо отличать хорошее и худое употребление и не принимать последнего себе за образец. Одна из причин изменения литературного языка в том и состоит, что хорошее употребление борется с худым и вытесняет его. Это исправление существующего употребления производится обыкновенно под влиянием традиции, установленной образцовыми писателями, или научной теории языка. Таким образом, современное употребление языка иногда невозможно уяснить себе, не изучая авторов и грамматики.

Вообще, мы должны признать, что для изучения современного литературного языка необходимо пользоваться всеми его источниками, т.е. существующим употреблением, словоупотреблением писателей и грамматиками, излагающими факты употребления в научном и критическом освещении. Всех свойств языка изучить невозможно, но тому, кто желает лучше его понимать и хорошо им владеть, необходимо пользоваться всеми доступными средствами его изучения, тщательно выбирая источники, внимательно наблюдая факты и усердно вникая в смысл своих наблюдений.

ФОНЕТИКА

§ 1—5. Гласные

§ 1.

1. Хотя академические Словари, Грот и многие справочники по правописанию настойчиво рекомендуют нам форму *ряхнуться* (сродно с *неряха*), употребление дает обыкновенно другую, близкую к произношению, *рехнуться.*

«Он имел вид человека, слегка *рехнувшегося*» (Гнедич. Новобрачные, «Биржевые ведомости», 25 апреля 1911 г., № 12288).

Утеряно литературным языком первоначальное *я* и в глаголе *застрявать.* Это *я* легко восстановить по ударяемой форме *застрять*, но писатели и даже филологи (Грот) предпочитают писать по произношению: *застревать* при *застрять.*

Тверже держится *я* в *мясти, мятутся* и прочих производных, потому что оно поддерживается родственными словами *мятеж, смятение* и др.

«Какой закон непостижимый Тебя стремит, тебя *мятет?*» (Тютчев, Фонтан).

Другое дело, где колебание между *е и я* неударяемыми связано с колебаниями ударяемых форм: *покрёхтывать* и *покрякхтывать*, *трёс* и *тряс*, *запрёг* и *запряг.* Литературный язык вообще предпочитает вторые формы, с *я*, но иногда встречаются и формы с *ё, е.* «*Кряхтя* и охая под тяжкой ношей дров» (Крылов, Крестьянин и смерть, изд. 1843 г., 167). «Он начал было, *кряхтя*, приподниматься на постели» (Гончаров, Обломов, 25). «*Трясся* ночь он напролет» (Пушкин, Утопленник, изд. 1838 г., 28). «Земля *тряслась* — как наши груди» (Лермонтов, Бородино, изд. 1842 г., 73). «В одну телегу *впрячь* неможно Коня и трепетную лань» (Пушкин, Полтава, изд. 1838 г., 296).

2. Довольно трудно выяснить настоящую гласную также в формах *пискарь* и *пескарь.* Более привычна форма *пискарь*, но в

последнее время, руководствуясь Гротом, стали употреблять нередко и *пескарь*.

3. Колебание между ударяемым *о* и *а* имеем в формах *головль* и *голавль*. «*Головль* не так широк, как язь» (Аксаков, Записки об уженье рыбы, 202. По поводу этой формы проф. К.Ф. Рулье, на с. 201, заметил: «В Москве у рыбаков *голавль*»).

4. Этимология слова *селянка* нам не ясна, но это не дает основания переделывать данное слово в *солянка* по случайному сближению с *соль*. Настоящее, взятое из самого языка слово имеет одну форму *селянка*.

«Устриц предпочитают трактирной *селянке* с перцем» (Белинский, V, 424). «Смысл не *селянка*: ложкой не расхлебаешь» (Даль).

5. В ряде глаголов, переносящих ударение со 2-го лица единственного числа к началу, южновеликорусское наречие имеет ударяемое *о* вместо *а*: *плотишь, доришь, содишь, котится* и др. вместо *платишь, даришь, садишь, катится*. Образованные люди из южновеликорусской акающей области допускают некоторые из этих произношений в своей речи; например, говорят *подорит, посодит*, а *плотит* с производными (*заплотит, уплочено* и др.) считается общепринятым и в литературном живом языке (в письме остается древняя форма: *платит, уплачено* и т.д.).

6. В немногих случаях мы колеблемся в произношении между *е* и *о*: *желчь* и *жолчь*, *щелка* и *щолка*, *кулечек* и *кулёчек*, *мешечек* и *мешочек*.

Областные великорусские наречия нередко имеют *ё* в формах местоимений *всей, моей, твоей, своей*. Литературный язык не допускает такого произношения, хотя оно иногда и встречается у поэтов, обнаруживаясь такими рифмами, как *простой — твоёй, земной — моёй*.

«В убожестве с тобой Мне мил шалаш простой; Без злата мил и красен Лишь прелестью *твоёй*» (Батюшков, Мои пенаты).

«Были дни — и я любила Сны о радости земной; Но надежда изменила, Радость — сон в судьбе *моёй*» (Кольцов, Сирота).

§ 2.

7. В начале иностранных собственных имен народный язык стягивает сочетание *ие* в *е*; такие народные формы слов нередко встречаются и у писателей, особенно в стихах: *езуит, ерей, Ерусалим, Ерихон, Енский, ерарх* и под. В письменном литературном языке более приняты книжные: *иезуит, иерей, иерарх, Иерусалим, Иерихон, Иена* и т.д.

8. Современный русский литературный язык в сложении слов с предлогами не знает стяжения гласных. Исключением является только слово *зартачиться*, встречающееся иногда у прежних писателей. Теперь всегда обращается правильное *заартачиться.*

9. В немногих случаях стяжение гласных допускалось прежде и в словах сложных: *единобразие, словохотный* (последняя форма встречается у Карамзина). Теперь всегда: *единообразие, словоохотный.*

10. Современный литературный язык не допускает форм *мого, свому, твого* и т.п., полученных вследствие стяжения гласных. В старом и особенно в народном языке они хорошо известны, а в областном просторечии слышатся и доселе. То же нужно сказать и о сокращенных формах отчественных имен женского рода: *Андревна, Матвевна* и пр.

§ 3.

11. В народном языке сохранилось местами произношение слогового *и* там, где в литературном слышится только *й.* Эти народные произношения отразились и на языке некоторых наших писателей, употребляющих формы: *поиман, поимать, поимала, не идешь* и под. Обыкновенно мы говорим и пишем только: *поймать, поймала, пойман*, и чаще: *нейду, нейдешь, нейдет* и т.д.

«Она сообразила, что веселая музыка *нейдет* к ее положению» (Тургенев, Дворянское гнездо, изд. 1859 г., 257).

«Никто *нейдет* искать под ними прохлады» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 166).

Примеры на *не идешь, не идет* встречаются у известных писателей гораздо реже. Однако следует признать, что формы с *и* слоговым тоже давно и прочно держатся в русском языке, а в современной периодической печати, особенно петербургской, они даже более приняты.

«Глядишь — и не знаешь, идет или *не идет* его величавая ширина» (Гоголь, Страшная месть).

«Все моя больная у меня с ума *не идет*» (Тургенев, Уездный лекарь, 82).

«Ястреб упрямится, *не идет* на руку...» (Аксаков, Рассказы и воспоминания охотника, 60).

«Затрубят в трубу, и все готовится, но никто *не идет* на войну» (Иезекииля, VII, 14).

«Видя, что гуси *не идут*, отошла к обрыву» (Чехов, Мужики, 23).

«Сердился на то, что она так долго *не идет*» (Чириков, Фауст, 148).

«Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала Лиса оленя *поймала*» (Крылов, Лев на ловле).

Колебания между слоговым и неслоговым (кратким) *и* современный литературный язык имеет еще в некоторых словах и формах: 1) в словах: *окраина* и *окрайна* (редко), *Украина* и *Украйна*, *проидоха* и *пройдоха* (чаще), *пропоица* и *пропойца* (чаще); 2) в формах: *таин* и *тайн* (старое, книжное; употребляется чаще всего в выражении *приобщаться святых таин*), *яица* и *яйца*.

«Обольется ярко лучами южного солнца... крутая *окраина* с садами» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 132).

«И серебряный иней у *окраин* дорог» (Чюмина, Зимние сны).

«*Украйна* глухо волновалась» (Пушкин, Полтава).

«Это был *пропойца* мужик, возвращающийся из кабака» (Андреев, Кусака).

«Этот храм... своих *тайн* не выскажет он» (Голенищев-Кутузов, В горах Швейцарии).

«*Яйца* всмятку дожидались, пока их кокнут по носу чайной ложечкой» (Чириков, Фауст, 165).

«Ибо ежели выпускать *яйца* примется истопник, то он легко может помять желтки» (Щедрин, Письма о провинции, 267).

Книжное *Михаил* (*Михаилович, Михаиловна*) и народное более старое *Михайло* и новее *Михайла* (*Михайлович, Михайловна*) отличаются не только произношением *и*, но и окончаниями. В литературном языке при книжной форме часто употреблялась и народная. Теперь обыкновенно: *Михаил*, но *Михаиловна, Михаилович* и *Михайловна, Михайлович*.

«— У меня хозяйство простое, — сказал *Михаил* Петрович» (Л. Толстой, Анна Каренина, 423).

«Осип Осипыч и *Михайло Михайлыч* написали по сту» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 99).

«У него была, верно, своя Агафья *Михайловна*, которой он поверял свои тайны» (Л. Толстой, Анна Каренина, 440).

§ 4.

12. Вследствие ослабления неударяемых гласных в русском литературном языке нашему произношению — чаще всего в слогах за ударением или перед ударением, но не рядом с ним, — иногда свойственна полная потеря того или другого гласного звука. Однако письменный язык вообще стремится сохранять старый вид слов, поэтому данная особенность нашей живой речи отражается в письме лишь в немногих случаях. Мы, например, часто говорим *не пер'бивай*, но даже в стихах, как это сейчас увидим, автор, употребивший данную форму, стесняется точно ее обозначить. Слово *тысяча* в народном языке обыкновенно произносится *тыща* (*тысча*); такую форму мы иногда услышим и от людей образованных, но в литературном языке она не принята; например, у Крылова в басне «Крестьянин в беде» мы находим: «Советов *тысячу* надавано полезных» (а не *тыщу*). Только производное *тысячёнка* мы употребляем и в книжной, и в народной форме (*тысчёнка*). Также говорим

сутолка, папортник, но в печати обыкновенно встречаем *сутолока, папоротник*: «Нет обычной *сутолоки* студентов на амбулаторных приемах» («Русские ведомости», 14 марта 1913 г.). «Только же зацветет *папоротник*, хватай его» (Гоголь, Вечер накануне Ивана Купала, 90). В письмах Л.Н. Толстого встречаем форму *дервенеет*: «Сохнет, *дервенеет*, сжимается, и ничего не могу сделать» (Письмо к А.А. Толстой около 3 мая 1859 г.), но едва ли найдем подобные фонетические написания в его литературных произведениях. Впрочем, и у Тургенева встречаем *одервенело*: «Лицо вытянулось и *одервенело*» (Тургенев, Несчастная, 120).

Из сокращенных слов, встречающихся в литературном языке, укажем: *жавронок* (только у поэтов; обыкновенно: *жаворонок*), *исподволь* (старое *исподоволь* встречается реже), *пербивай* (обыкновенно: *перебивай*), *притолка* (не редко), *тысчёнка.*

«*Исподволь* и ольху согнешь» (Даль). «Побежденные имели возможность *исподволь* вооружиться» («Русские ведомости», 17 марта 1913 г.).

«Не *перебивай* (читайте: *не пербивай*)! Да, ты настолько прост, о, трогательный мой провинциальный дрозд...» (Щепкина, Шантеклер, «Речь», 31 января 1910 г., № 30).

«Вошел Фока и... остановившись у *притолки*, сказал...» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 70).

«Он пошатывался на ногах, придерживаясь одной рукой за *притолку*» (Тургенев, Новь, 538).

«Ударь в *притолоку* над воротами, чтобы потряслись косяки» (Амоса, IX, 1).

«Давно ль он в год мечтал приобретать пером *тысченок* семь иль восемь?» (Полонский, Неуч, XXXVI).

«Двести *тысячонок* так привлекательно стали рисоваться в голове его...» (Гоголь, Мертвые души, 173).

Неужели и *неужли* у нас одинаково употребительны.

13. Выпадение *и* в русском языке можно указать только в *пьявка*, *пьявица*, — это формы, принадлежащие не всему русскому языку, а лишь некоторым диалектам.

«*Пьявка*, чуя воду, катила скорлупу в данном направлении» («Биржевые ведомости», 22 апреля 1913 г., № 13509).

«И никогда вы не страдали, а только, как *пьявица*, кормились около чужих страданий» (Чехов, Палата № 6, 86).

14. В формах творительного падежа существительных женского рода на *-а* русский литературный язык знает формы полные: *женою, сестрою, водою, землею* и сокращенные, с отпавшим конечным гласным: *женой, сестрой, водой, землей* и т.п. Живой современный язык едва ли употребляет полные формы, хотя они часто встречаются в книгах, и особенно в стихах. То же нужно сказать и о прилагательных именах женского рода: в творительном падеже мы обыкновенно говорим: *теплой, белой, зеленой* и пр., а не *теплою, белою, зеленою* и т.д.

15. В русском просторечии есть несколько слов с приставными гласными *о* (произносится как *а*) или *и*: *оржаной, овторник, охлопья, ишла* и немногие другие. Современный литературный язык не терпит таких форм, но прежде некоторые из них встречались (*охлопья*).

«Назади вместо двух болталось четыре полы, из которых *охлопьями* лезла хлопчатая бумага» (Гоголь, Мертвые души, 219).

Современный литературный язык допускает только форму *овраг*, в прежнем изредка встречается и старинная и народная *враг.*

«Неприятель... выкопал ров от Келарева пруда до Глиняного *врага*» (Карамзин, И. Г. Р., XII, 101).

§ 5.

16. Разница в употреблении и склонении между славянскими книжными формами на *-ие* (именительный падеж), *-ию* (творительный падеж) и русскими разговорными формами на *-ье, -ью* и прочими весьма не чувствительна, и писатели, свободно пользуясь теми и другими, даже не придают этим своей речи особого оттенка.

Так, у Пушкина видим: *счастие* и *счастье*, *веселия* и *веселья*, *желания* и *желанья*, *преданиях* и *преданьях*, *в волнении* и *в волненье*, *творения* и *творенья*, *любовию* и *любовью*, *кровию* и *кровью*, *кистию* и *кистью*, *жизнию* и *жизнью*, *сению* и *сенью*, *речию* и *речью*.

Новый литературный язык все-таки отдает заметное предпочтение русским формам. Например, у Тургенева в «Записках охотника» находим часто сокращенные формы, притом иногда такие, которых мы избегаем: *в теченье дня* (15); *убежденье* (26); *положенье* (27); *познанья, ожиданьем* (34); *созданье* (36); *пропитанье* (36); *желанья* (36); *названья* (40); *пенье* (40); *участьем* (47); *молчанья* (53); *в каком положенье* (81); *с ожесточеньем* (83); *на мгновенье* (83); *сообщенья* (84); *с живостью* (84); *благоволеньем* (106); *радушьем* (106); *замечанья* (108); *впечатленья* (108); *для приличья* (159) и др.

«Из наших разговоров я вынес одно *убежденье...*» (Хорь и Калиныч). «Несмотря на свое бедственное *положенье*, ни разу не пропадал и не изъявлял *желанья* покинуть своего хозяина» (Ермолай и мельничиха). «У него была жена...— дюжинное и тяжелое *созданье*» (там же).

Между тем писатели, особенно старинные или принадлежавшие по своему воспитанию старой школе, охотно пользуются и славянскими формами.

«Театральная летопись наша... начинается удивительною *вещию*» (Белинский, V, 531). «К Варваре Петровне опять не обратился за *помощию*» (Достоевский, Бесы, I, 37). «Первою *мыслию* ее, когда она пришла в себя, были мы» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 166). «Согласился и с *мыслию* о вреде религии» (Достоевский, Бесы, I, 28).

Вообще же окончание *-ие*(*-ия*) преобладает у нас в словах сложных, книжного происхождения: *благодушие, благолепие, благородие, благочестие, благоухание, великолепие, добродушие, единомыслие, жестокосердие, земледелие, златолюбие, злословие, лицемерие, малодушие, милосердие, многословие, самолюбие, сребролюбие, честолюбие*;

после некоторых групп согласных, особенно *ств*: *удовольствие, спокойствие, сочувствие* и т.п., *безмолвие, молния, усердие* и др.;

вообще в словах книжных, с отвлеченным значением, особенно в научной терминологии: *развитие, влияние, сословие, понятие, представление, местоимение, междометие, наречие, причастие, деепричастие, предложение, сочленение, сложение, вычитание, разложение* и пр.

Окончаниями *-ие* и *-ье* отличаются церковные и книжные слова от чисто русских: *житие, бытие* и *житьё, бытьё.*

Некоторые слова имеют только одно русское окончание с *ь*: *жильё, чутьё, скамья, семья.*

Поэтому имеем вариации в форме собственных имен: 1) церковные, книжные, почтительные: *Мария, Анастасия, Наталия, Илия, Василия* (родительный падеж), *Василиевна*, и 2) обыкновенные, разговорные, народные: *Марья, Настасья, Наталья, Илья, Василья, Васильевна* и т.п. Рядом с ними такие, которые не сокращаются: *Димитрия* (родительный падеж), *Георгия, Димитриевна, Георгиевна* и пр.

Особенно хорошим примером стилистических различий между славянскими и русскими формами может служить следующий. «...Да ведь и над *судьей* и над подсудимым есть еще *Судия*» (Мельников, Поярков, 207).

§ 6. Беглые гласные *О* и *Е*

17. Сохранение и выпадение гласных *о* и *е* в большинстве случаев мало затрудняет пишущих и говорящих по-русски. Только нерусский человек может остановиться при образовании родительных падежей от таких слов, как *лоб*, *сон, угол, лев, лен, козел, узел, нос, дом, голос, гордец, жнец* и т.д. В подобных случаях и образованный язык, и народные наречия вполне согласны между собою, и нам не нужно заучивать правила или слова, чтобы опускать *о* и *е* в формах *лба, лбом, сна, сном, льна, льну* и т.д. или же сохранять *о* и *е* в формах *носа, дому, гордеца* и т.п.

Конечно, в словах малоупотребительных, например *мосол*, мы затрудняемся, сохранять или опускать *о*. Словари и авторы покажут нам формы с беглым *о*: *мосла, мослы.*

«*С голого мосла* не навар» (Даль).

«Обглоданные *мослы* и сбитое сено указывали на жительство врагов наших» (Мельников, Красильниковы, 175).

Только в немногих словах литературный язык колеблется между формами с *о* или *е* и без этих гласных.

Во-первых, имеем колебания в форме именительного падежа: *вихорь* и *вихрь, ветер* и *ветр* (церковное), *огонь* и *огнь* (церковное), *пепел* и *пепл* (старинное), *плесень* и *плеснь* (старинное), *причет* и *причт, стекло* и *стекло, скло* (старинное, южное); *вымысел* и *вымысл* (реже), *замысел* и *замысл* (реже), *промысел* и *промысл* (в том же значении редко; чаще употребляется в особом значении), *умысел* и *умысл*; также: *замужество* и *замужство, пригожество* и *пригожство* (реже).

«Как стая громадных птиц, промчался прочь взыгравший *вихорь*» (Тургенев, Вешние воды).

«*Вихрь* завертел наш паром, как щепку» (Аксаков, Воспоминания, 288).

«Ежели северный *ветр* приносит нам больше, чем нужно, прохлады, то западный гонит нам тучи» (Щедрин, Убежище Монрепо, 35).

«И что ж, от долгого мученья Как *пепл* сберечь ей удалось?» (Тютчев, О, как убийственно мы любим).

«Зеленая *плеснь* уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах» (Гоголь, Мертвые души, 214).

«Егоровна... пригласила попа и весь *причет* церковный на похоронный обед» (Пушкин, Дубровский, изд. 1887 г., 134).

«*Причт* — состав лиц, служащих при какой-либо одной церкви» (Энциклопедический словарь Брокгауза, XXV, 289).

«Как *стекло* булат его блестит» (Пушкин, Полтава, I).

«[Взорами скользил] по необозримой равнине вод, спокойных и гладких, подобно *склу*» (Лажечников, Последний Новик, 137).

«В передачу виденного и слышанного прокрадываются *вымысел* и самообман» (Кони, Судебные речи, 43).

«Между тем в голове тетушки созрел совершенно новый *замысел*» (Гоголь, Иван Федорович Шпонька).

«В других губерниях... травля перепелок составляет *промысел* однодворцев» (Аксаков, Рассказы и воспоминания охотника, 72).

«Могли бы выбрать сами себе место жительства и *промысл*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 251).

«Сосед соседа звал откушать, Но *умысел* другой тут был» (Крылов, Музыканты).

«Те, кои на него имеют злодейский *умысл*, только того опасаться должны...» (Фонвизин, Жизнь Сифа, 449).

«Ее гораздо больше сокрушает отъезд дочери, чем ее *замужество*» (Тургенев, Накануне).

«Позади меня уже так много воспоминаний: жизнь в Петербурге, богатство, потом бедность, потом смерть отца, *замужство*» (Тургенев, Отцы и дети, 146).

«Она *пригожеством* лица, Здоровьем и умом блистала» (Дмитриев).

«[Петиметры] заглядывали бесстыдным образом в лице (!) каждой женщине и произносили во все горло решительные свои приговоры о их *пригожстве*» (Почта Духов, ч. II, 1789, 72).

18. Особую разновидность представляют немногие слова, в которых *е* меняет свое место: *пришелец* (*пришельца*) и *пришлец* (*пришлеца*), *кресельце* (редко) и *креслеце* (*креслице*), *писемцо* (областное; на севере слышится и от образованных людей) и *письмецо*.

«Из *пришельцев* образовались почти исключительно высшие... классы новых государств» (Грановский, Людовик IX, 439).

«Вот уж столпились под кровлей сарая Все *пришлецы* из окружного края» (Жуковский, Суд божий над епископом).

«Я торжествовал и не мог спокойно сидеть на моих высоких *кресельцах*» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 119).

«У ног ее на маленьком *креслеце* сидит Лиза» (Тургенев, Дворянское гнездо, 224).

«*Письмецо* придет и вестей принесет» (Даль).

19. Существительные *заём, наём* в косвенных падежах теряют *е* (произносится, собственно, *о* с предыдущим *й*), которое заменяется *й*: *заём — займа, наём — найма* и т.д. В разговорном языке иногда слышится *й* также в именительном падеже: *займ, наймъ*, но литературный язык не допускает таких форм. Чуждо литературному языку и сохранение *е* в косвенных падежах: *заема* и пр.

20. Слово *заяц* мы произносим *заец* и склоняем, как слова *пропоец, китаец: зайца, зайцы, зайцев.* У Сумарокова в басне «Совет боярской» находим старое склонение этого слова, сохранившееся и в народном языке, — *заяца, заяцы, заяцев* («Бывал я некогда с охотой псовой там, И много *заяцов* весьма по тем местам»).

21. Русский литературный язык знает только слова *пихать, чихать, тыкать* с их производными, но в южных русских говорах весьма распространены формы *пхать, чхать, ткать.* Изредка последние формы встречаются и в печати, преимущественно у старых авторов, в особых выражениях или при передаче народной речи.

В связи с *чхать* имеем и *чох* (южное), где *о* соответствует древнему глухому, выпавшему в первой форме. «Он не верил ни в *чох*, ни в смерть» (Л. Толстой, Анна Каренина, 418).

На формы, связанные с произношением *ткать* вместо *тыкать*, мы не имеем достоверных примеров из писателей. Только у Щедрина мы отметили слово *спотклivость* вместо ожидаемого *спотыкливость* (ср.: *спотыкливая лошадь*), но данная форма может быть объяснена в связи с словом *споткнуться*.

Укажем также *замуслить, замуслиться* и *замусолить, замусолиться, пронзить* и *пронозить* (старинное и народное), *дохнуть* и *дхнуть* (устарелое).

«Не стоит тоже и рубаху на нем [больном] менять, окончательно не стоит; он сию же минуту опять весь *замусолится*» (Ганзен, Роза, 150).

«В консисторию приходили... заморенные деревенские причетники в *замусленных* полукафтаньях» (Потапенко, Лепта вдовицы).

22. Затем имеем немногочисленные колебания между сохранением и пропуском *о* и *е* в косвенных падежах. Укажем сначала слова мужского рода, взяв за образец формы родительного падежа единственного числа: *зва* (старинное) и *зова*, *игумна* и *игумена*, *мха* и *моха* (*о* допускается лишь в единственном числе), *свекра* и *свекора* (редко), *трюфля* и *трюфеля.*

«Пришел безо всякого *зову*» (Достоевский, Бесы, III, 4).

«Кромешники в тафьях и власяницах послушными являлись чернецами, а грозный царь — *игумном* богомольным» (Пушкин, Борис Годунов).

«Братия Троицкого монастыря принялись искать своего *игумена*» (Костомаров, Преподобный Сергий, 205).

«Покуда не блеснет ему изо *мха* ярко-оранжевая головка осинника» (Щедрин, Письма о провинции, 393).

«Он радовался на каждое свое дерево с оживавшим на коре его *мохом...*» (Л. Толстой, Анна Каренина, 201).

«Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти будущему *свекру*» (Пушкин, Капитанская дочка).

Заметим еще, что собственные имена *Игумен, Остер, Псёл* имеют беглые гласные: *Игумна, Острa, Псла.*

23. В словах женского рода беглые *о* и *е* не вполне последовательно употребляются в некоторых формах родительного падежа множественного числа. Таковы: *игол* и *игл*, *игор* (старое и народное) и *игр*, *искор* (реже) и *искр*, *ласок* (старое) и *ласк*; *вётел* и *ветл*, *свадеб* и *свадьб, сестёр* и *сестр* (старое), *сосен* и *сосн* (старое), *тяжеб* и *тяжб* (чаще), *усадеб* и *усадьб.*

«Ее изнеженные пальцы Не знали *игл*» (Пушкин, Евгений Онегин, II, 26).

«Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем *игр* похоронных» (Одиссея, XXIV, 87).

«...И в воздушные чертоги *Искр* и злата поселить» (Случевский, Утро! тронулись туманы).

«Еще несколько слов, несколько *ласк* от матери — и крепкий сон овладевал мною» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 74).

«Актеры и актрисы посредством *масок* изображали такие лица и подражали таким голосам, коих вопрошающие видеть или слышать охотно желали» (Фонвизин, Жизнь Сифа, 378).

«С огородных *ветел*... несло гомозливым грачиным шумом» (Шмелев, Весенний шум. «Современное слово», 14 апреля 1913 г.).

«Несколько *ветл* было срублено» (Ганзен, Роза, 62).

«Они могут... служить украшением Груздёвских семейных торжеств, как-то: крестин, *свадеб* и проч.» (Щедрин, Убежище Монрепо, 133).

«Нет *свадьб* по городу; суды не заседают» (Случевский, Карфаген).

«Он... вогнал в могилу мать, заморил *сестер* и братьев» (Короленко, В дурном обществе, 20).

«И пробежит тревожный шорох В вершинах *сосен* вековых» (Чюмина, Зимние сны).

«Большая часть *тяжб* решалась судебным поединком» (Грановский, Людовик IX, 451).

«Около господской усадьбы... происходило, что обыкновенно происходит около господских *усадеб*» (Тургенев, Контора).

«Часто четыре-пять мелкопоместных *усадьб* стояли о бок» (Щедрин, Пошехонская старина, 6).

24. В словах среднего рода мы затрудняемся употреблять беглый гласный тоже в родительном падеже множественного числа, где имеются двоякие формы: *бёдер* и *бёдр*, *вёдер* и *вёдр*, *рёбер* и *рёбр* (старое), *ремёсел* (редко) и *ремёсл*, *чисел и числ* (старинное), *чре́сел* и *чресл*, *ядер* и *ядр* (старинное).

«Акулина... налила воды из *ведер*» (Л. Толстой, Поликушка, 228).

«Польется вода из *ведр* его» (Числа, 24, 7).

«Мне тоже дали небольшой кусочек с *ребер* [жереха]» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 75).

«Черные племена до сих пор не поддаются... очевидной пользе *ремесел*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 249).

«Тогда же несколько *ядер* упало в Лавру» (Карамзин, И. Г. Р., XII, 105).

25. В прилагательных беглые *о* и *е* непоследовательно употребляются в следующих словах: *кругл* и *кругол*, *полн* и *полон*, *резв* (в литературном языке редко) и *резов*, *остр* (реже) и *остер*, *тепл* и *тепел*, *хитр* и *хитёр*.

«Не все *резов*, однако ж, ребенок» (Гончаров, Обломов, 186).

«Кто так чувствителен, и весел, и *остер*, Как Александр Андреич Чацкий?» (Грибоедов, Горе от ума, д. I, явл. 5).

«Камин должен быть очень *тепел*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 281). «Вечер *тепел* там» (Гончаров, Обломов, 173).

«Но в душе он был холоден и *хитр*» (Тургенев, Дворянское гнездо, 78).

«Мальчик с пальчик... был очень ловок и *хитёр*» (Л. Толстой, Мальчик с пальчик). «У брюхопоклонника... есть... убеждение, что он *хитер*» (Щедрин, Признаки времени, 90).

В прилагательных долгого окончания имеем колебания в словах *мужеский* и *мужской, укромный* и *укромонный*. Необходимо, впрочем, признать, что слово *мужеский* более свойственно книжному языку (например, мы употребляем только *мужеский род*, а не *мужской*), *мужской* — разговорному; поэтому в употреблении его писателями можно заметить оттенки большей и меньшей отвлеченности, как это видно из следующего примера.

«Главный недостаток [«Истории» Карамзина] состоит в его взгляде на вещи и события, часто детском и всегда, по крайней мере, не *мужеском*» (Белинский, I, 350. От *муж* в значении «зрелый человек»).

«Из стада серый волк В лес овцу затащил, в *укромный* уголок» (Крылов, Волк и Мышонок).

«От холоду и жару есть приют И *укромонные* местечки для наседок» (Крылов, Лиса-строитель).

26. В числительных укажем колебания, зависящие от беглого *е*, в словах *восемнадцать, восемнадцатый* и *осьмнадцать, осьмнадцатый.* С призвуком *в,* очевидно, имеем слова русские, разговорные, без него — славянские, книжные. Формы *восьмнадцать, восьмнадцатый* слышатся иногда в живом образованном языке, но книжный их не допускает.

«В Берде найдено *осьмнадцать* пушек» (Пушкин, История Пугачевского бунта, V).

27. В словах *донце, донышко, поддонок* русский литературный язык знает только твердое *д*, а в словах *узел, узелок* допускается только мягкое *з.* Областное просторечие употребляет нередко: *дёнце, дёнышко* (северное) и *узол, узолок* (преимущественно южное). Здесь, собственно, мы имеем дело со смешением глухих ъ и ь.

Также при обычном произношении *пинок, пинка*: «Следовало бы ожидать толчка калиновым подожком... или *пинка* ногой» (Аксаков, Семейная хроника, 33), встречаем *пинька, пиньков.* По-видимому, это южновеликорусское словоупотребление.

«Его привыкли видеть, иногда даже давали ему *пинька*...» (Тургенев, Малиновая вода, 63. Так в первых изданиях; впоследствии Тургенев исправил: «давали ему *пинка*»).

28. При соединении со словами предлогов *без, в, из, к, над, об, от, под, перед* (*пред*), *с, через* (*чрез*) наблюдается в ряде случаев появление гласного *о*. Мы говорим и пишем: *безо всякого* (чаще: *без всякого*), но *без своего; во всяком,* но в *твоем; изо всех* (также: *из всех*), но *из своего; ко мне*, но к *твоему; надо мной*, но *над своим; обо всем,* но *об твоем; ото всех* (также: *от всех*), но *от своего; подо мною*, но *под твоим; передо мною*, но *перед своим; со мною*, но *с твоим; черезо все* (чаще: *через все*), но *чрез твоего.* Условия, при которых происходит это чередование, объясняются историей языка.

29. Весьма последовательные чередования форм с гласным *о* и без всякого гласного имеем при слиянии данных предлогов, а также и приставок *вз, воз, низ, раз* с глаголами, имевшими некогда глухой гласный, замененный теперь беглыми *о* и *е* или совсем выпавший. Возьмем несколько таких глаголов: *беру — брать, деру — драть, жег — жгу, зову — звать, тереть — тру.* С данными префиксами мы употребляем при всех первых словах — перед *о*, *е* из древних *ъ, ь* — формы без гласного: *вберу* (*изберу, отберу, подберу*, **сберу*[4], *разберу*), *издеру* (*обдеру, отдеру, раздеру, сдеру*), *изжег* (*обжег, поджег, разжег, сжег*), *отзову* (*подзову, сзову*), *втереть* (*истереть, обтереть, оттереть, подтереть, растереть, стереть*).

При всех вторых словах префиксы обыкновенно имеют *о* перед выпавшим древним глухим: *вобрать* (*отобрать, подобрать, разобрать, собрать*), *взодрать* (*изодрать, ободрать, отодрать, разодрать, содрать*), *изожгу* (*обожгу, подожгу, разожгу, сожгу*), *обозвать* (*отозвать, подозвать, созвать*), *вотру* (*изотру, оботру, ототру*, *подотру, разотру, сотру*).

30. Обратимся теперь к некоторым отдельным случаям употребления форм с гласным *о* и без него.

Мы обыкновенно предпочитаем сочетания *без сна, без всякого, без всякой* народным *безо сна, безо всякого, безо всякой*; но писатели не избегали последних.

«Всю ночь я *безо* сна пробился» (Языков, Странный случай).

«Ходил он и двигался *безо* всякого шуму» (Тургенев, Малиновая вода, 63).

«Он жил один *безо* всякой прислуги» (Достоевский, Бесы, I, 156).

«Она *безо* всякого стеснения рассказывала, что вспотела за столом» (Ганзен, Роза, 23).

31. Литературный язык предпочитает словоупотребления *вокруг*, *восвояси, вслед*, но допускает и *вкруг, всвояси, вослед* (*во след*).

---

[4] Звездочкой означаем форму, имеющую вариант с *о*.

«...*Вокруг* повозки суетится» (Крылов, Муха и дорожные).

«Я кивнул ему головой и пошел *восвояси*, вдоль задымившейся реки» (Тургенев, Бежин луг).

«Владимир поехал жаловаться в Москву, куда *вслед* за ним прибыли и бояре псковские» (Карамзин, И. Г. Р., VI).

«*Вслед* за нею зима В теплой шубе идет» (Кольцов, Что ты спишь, мужичок?).

32. Обыкновенно мы говорим *из всех*, но у писателей встречаем и народное *изо всех.* Сочетания *изо ста, из ста* одинаково допускаются литературным языком.

«Скоро представит он [университет] целой России итоги, выведенные *изо ста* таких отчетов» (Грановский, О современном состоянии и значении всеобщей истории, 3).

33. Малочувствительна разница в употреблении между словами *отвсюду* и *отовсюду*, *отдвинуть* и *отодвинуть*, *отмстить* и *отомстить*, хотя формы с *о* можно бы предпочитать другим.

«Точно укор какой стремится к вам *отовсюду*» (Щедрин, Письма о провинции, 397).

«Я несколько *отодвинулся* от стены» (Короленко, В дурном обществе, 46).

«Тогда за сына *отомстят*» (Кони, Судебные речи, 141).

Сочетания *от всех, от всякого* более свойственны книжному языку,чем *ото всех, ото всякого.*

«*От всех* ему: спасибо, исполать!» (Крылов, Обезьяна).

34. И теперь мы колеблемся между формами *сбираться* и *собираться, сзывать* и *созывать*, отдавая некоторое преимущество формам с приставкою *со* под влиянием совершенного вида *собрать, созвать*, употребляемого только с этой приставкой. Вместо форм *сожег* и *сщурил*, которые мы найдем в следующих примерах, мы обыкновенно употребляем *сжег* (но: *сожгла, сожгло, сожгли*) и *сощурил.*

«Офицеры *сбирались* друг у друга поочередно» (Лермонтов, Фаталист, 146. Напрасно в позднейших изданиях исправлено на *собирались*).

«Мы *собирались* друг у друга» (Пушкин, Выстрел). «Велел почистить сюртук, точно *собирался* на смотр» (Андреев, Тьма, 272).

«И звон смиряющий Всем в душу просится, Окрест *сзывающий*, В полях разносится» (И. Аксаков, Бродяга (Шоссе)).

«Здесь Остерман *сщурил* свои лисьи глазки» (Лажечников, Ледяной дом, ч. II, гл. VI, 118).

Мы употребляем безразлично сочетания *со двора* и *с двора*, *со своей* и *с своей*, но *со дня*, *со всем* предпочитаем выражениям *с дня*, *с всеми* (последнее, впрочем, едва ли употребительно).

«*Со двора* и гумна. По дорожке большой...» (Кольцов, Что ты спишь, мужичок?).

«Меня, Молчалина и всех *с двора* долой» (Грибоедов, Горе от ума).

«Смотритель маяка видел *со своей* вышки конец катастрофы» (Ганзен, Роза, 141).

«Его ждут *со дня* на день» (академический Словарь).

«*С дня* на день более торгом обогащался» (Фонвизин, Чертик на дрожках, 358).

35. Очень редки случаи, когда слова, образованные приставками с гласным *о* и без него, кроме формы, отличаются и по значению. Таковы: *предоставить кому что* (дать волю, возможность делать, пользоваться) и *представить кого кому* (явить, отрекомендовать).

36. Мы видим, что во всех случаях, когда предлог или приставка имеют в окончании *о*, это *о* является в русском языке перед группой согласных. Исключения есть — и их много — только в отрицательную сторону, т.е. имеем группу согласных и не имеем *о*: *без страха, в стране, к строгости, над прибылью, от труда, перед братом, с криком, вздремнуть, надстроить, обстроить, отбросить, подкрасить, предпринимать, распродать*. Припомнив условия возникновения *о* из ъ, мы увидим, что здесь и не могло быть *о*, которое являлось лишь перед группами согласных, имевшими и потерявшими глухие ъ или ь.

Правда, что мы имеем много случаев отсутствия ожидаемого *о*: *из всех, от всяких, без сна, перед днем* и т.п. Здесь старые формы заменены новыми, под влиянием других, чаще употребляемых. Стали говорить *из всех* (вместо прежнего *изо всех*), потому что постоянно говорят: *из тех, из этих, из таких* и т.п.; стали говорить *перед днем* по примеру *перед ночью, перед годом, перед месяцем* или под влиянием сочетаний с определением: *перед этим днем, перед самым днем.*

37. Перед гласной и одной согласной у нас в произношении нет звука *о*: *в армии, с огнем, от угла, к ели, над ивой, под этим, об еде, сыграть, разучить, взорвать, объехать, съютить, без тебя, с домом, из реки, к лесу, над горой, взломать, вложить, изловить, раскинуть* и т.д. без всяких колебаний.

Хотя мы имеем сочетания *во имя, воедино* (*слитое воедино* — Мельников, IX, 119), *во епископа* (посвящен *во епископа*), *во избежание, во исполнение*, но это формы церковнославянские, книжные; точно так же принадлежат не русскому, а церковному языку указанные Фонвизиным *во услышание, во Апостолах, во Израили.*

О формах *вообразить, воодушевить, сообразить, соединить* и т.п. необходимо сказать то же самое.

38. Мы имеем еще много сочетаний с предлогами *во* и *со*, которые являются, против нашего ожидания, перед гласной, одной согласной и группой согласных, не имевших в древности перед собой слога с одним из глухих. Все такие слова получены нами из церковных книг, многие не очень еще давно, через авторов XVIII в. Таковы, например: *вооружить, вообразить, воплотить, вовек, вовеки, воедино, воистину, вокруг* (сравните русское *вкруг*), *восвояси* (сравните русское *всвояси*); *собор* (сравните русское *сбор* в другом значении), *соблюдать, соболезновать, совещаться, совершить* (сравните русское *свершить*), *содействовать* (сравните русское разговорное *сдействовать* в значении «сделать»), *соединять, созывать* (сравните русское *сзывать*), *созидать, сообразить* (сравните народное *собразить*),

соорудить, сопротивляться, соревноваться, сосредоточиться, сотрясение, сотрудник и т.п.

Здесь указывались лишь те слова, которые прочно стоят в современном литературном языке. Старый язык имел их больше; между прочим, в нем были более или менее устарелые теперь: *вопрошать, вопросить; совлечь, совокупить, содрогаться, соделать, содеять, созидать, сокрыть, сокрыться, сопротивник, сопротивный, сострадать, сотовариществовать, соцарствовать*.

39. Приставка *воз-* (*вос-*) в древнем языке имела глухой гласный, который по закону древней фонетики должен был выпасть перед гласной следующего слога и согласной или группой согласных, за которой следовал гласный не глухой. Таким образом, имеем: *взахатъся, взбалмошный, взбираться, взбутетенить, взбороздить, взбросить, взбудоражить, взбеситься, взвиться, взвизгнуть, взвинтить, взвесить, взглянуть, взгромоздиться, взъерошенный, взъехать* и мн. др. Перед группой согласных, потерявшей глухой, занимающая нас древняя приставка является в русском языке в форме *взо-*: *взобраться, взогнать, взодрать, взорвать, взоткнуть* и др.

Из только что приведенных данных видно, что русский язык совершенно не имеет приставки *воз-, вос-*; все же слова, которые есть в русском языке с этой приставкой, — заимствования из церковных книг. Таковы: *возбудить* (русское *разбудить*), *возвеличить, возвестить, возводить* (русское *взводить*), *возвышать, возгореться, воздержаться, воздавать, возделывать, возлюбить* (русское *взлюбить*), *воскресить, воскликнуть* (русское *вскрикнуть*), *возносить* (русское *взносить*), *воспитать, воспеть* (русское *вспеть*: «Лишь он *вспоет* — старуха встала» (Крылов, Госпожа и две служанки), *воспаление, воспоминание* (сравните русское *вспоминать*), *восторг, восток, восход* (смотрите дальше русское *всход* и др.). Все это слова, вполне усвоенные русским языком; довольно значительная часть их утрачена. Например, мы теперь уже избегаем или совсем не употребляем: *возблагодарить, возблестеть, возбли-*

стать, возбранять(*-ся*), *возбуждать* (в смысле «пробуждать, будить»), *возвергать, возвеселить*(*-ся*), *возвевать, возглавие, возгнушаться, возгреметь, воздремать, воздымать*(*-ся*), *воздыхать, воздеть, возжелать, возженный, возжигать* (в смысле «зажигать»), *воззреть, воззывать, возлетать, возлить, возметенный, возмочь, возреветь, возрыдать, воссиять, восславить, воссесть; воскипеть гневом, воскликновение, восклицать, восколебаться, воскормленец, воскрыленный, воскрыляться, воспаленный* (в смысле «зажженный»), *воспалять* (в том же значении), *воспарить, воспламенить* (в смысле «зажечь»), *восплескать, воспомнить, воспоследовать, воспособление, восприемник* (в смысле «преемник»), *воспылать, воспящать, вострепетать, восхищать* (в смысле «похищать»), *восходить* (о человеке или животном), *восхотеть, восцарствовать, восчувствовать.* В XVIII и первой половине XIX столетия слова эти еще свободно обращались в литературном языке, но теперь они уже устарели.

В некоторых канцелярских выражениях держатся, впрочем, и теперь слова с *воз-* (*вос-*) при общеупотребительной форме с *вз-* (*вс-*).

«По мере надобности в *воспомогательном* медицинском персонале студенты будут приглашены на службу» («Современное слово», 25 июля 1910 г., № 917).

«Быстро увеличиваются и расходы на *воспособление* развитию кустарных промыслов» («Русские ведомости», 19 марта 1913 г.).

В немногих случаях мы видим колебание между славянской и русской формой:

«Ребенок *возрос* под одним только ее попечением» (Достоевский, Бесы, I, 50).

«*Я взрастил* несколько тутовых дерев» (Даль. Чаще последнее, русское словоупотребление).

«Жизнь... в которой я воспитывался или *воскармливался*» (А. Григорьев. Обыкновенно: *вскармливался*).

«Но как он вздрогнул, как *воспрянул*...» (Пушкин, Полтава).

«Она *вспрянула* от сна» (Гончаров, Обломов, 195. Чаще, кажется, первое словоупотребление).

«Я смотрел на громадную, багровую луну, которая *восходила*» (Чехов, Страх, 192). «Уже *восходило* солнце» (там же, 202).

«Луна еще не *всходила*» (Арцыбашев, Смерть Ланде, 86. То и другое одинаково употребительно).

При общепринятой форме *возмнитъ* есть еще менее употребительная *возомнить*.

«Шевыреву *возмнилось*, что педагогия должна быть главным руководящим предметом в факультете» (С. Соловьев).

«Я *возомнил*, что вижу истинного хрестианина» (Арцыбашев, Смерть Ланде, 95).

40. В связи с историей глухих мы можем уяснить себе старые и народные образования: *вображает, вображенье, вобще, воружил, воружась, вонью, собщать, собща, съединить*. Только в последнее время формы эти совсем вытеснены из нашего литературного языка: в конце XVIII и в первой половине XIX в. почти все они были еще довольно употребительны в языке. Даже и теперь, может быть, некоторые произносят: «вображает», «воружился», «собща», хотя пишут, как и все, только: *воображает, воображенье, вообще, вооружил, вооружась, сообщать, сообща, соединить.* На первый взгляд кажется, что формы вроде *вображает, воружил, собща* образовались путем стяжения гласных из *воображает, вооружил, сообща.* История языка показывает, что это формы с выпавшим глухим перед гласным, подобные сочетаниям: *в огне, в оружии, в образе, в обществе, с единством* и т.п. Они имели в древности вид: *въображати, въображение, въоружати, съединити, съобьщити* и т.п. В них ъ сначала произносился, а потом ослабевал и выпал перед гласными не глухими.

§ 7—12. Согласные

§ 7.

41. В русском языке глухой согласный *т*, в положении между двумя гласными, в некоторых — очень немногих — словах

обращается в звонкий *д*: *эдак, эдакий, околодок, околодочный* вместо *этак, этакий, околоток, околоточный.* В современном литературном языке первые формы почти совсем вытеснены благодаря этимологическому правописанию, но у писателей они встречаются до недавнего времени.

В слове *верещать* при *вережжать* (пишется: *верезжать*) имеем обратное явление: звонкое долгое *ж* между двумя гласными обращается в глухое долгое *ш.*

В слове *будочник* народный язык — вероятно, под влиянием произношения *бутка* (пишется: *будка*) — употребляет обыкновенно форму *буточник*, которая встречается и у прежних писателей.

42. Звук *ч* между двумя гласными иногда обращается в *тч;* таким образом явились произношения: *протчий, притчина, лутче* (древнее *луче*). Два первые произношения вытесняются из литературной речи благодаря общепринятым написаниям с *ч*: *прочие, впрочем, причина.* Последнее слово (*лутче*) было известно в старом языке (употреблялось, например, Ломоносовым, Фонвизиным), но давно вытеснено словом другого образования *лучше* (сравните: *боле* и *больше*, *мене* и *меньше*, *луче* и *лучше*).

Слово *лутше*, которое иногда мы слышим в живом языке, составилось, по-видимому, из ложной основы *лут-* в *лутче* (сравните: *кроткий — кротче*) и окончания *-ше.*

Сочетание *тч*, которое мы слышим в словах *порутчик, крупитчатый, неметчина, туретчина*, в письме передается теперь тоже через *ч*, хотя для этимологического правописания было бы лучше сохранить группу *тч*, потому что слова эти произошли из *поруччик* (сравните: *кабатчик, потатчик* из *кабаччик* — здесь та же основа, какая в *кабачный — потаччик*), *крупиччатый, неметчина, туретчина* (сравните *шведский — шведчина* и произношения: *немецкий, турецкий* (*ц = т + с*) — *неметчина, туретчина*).

«Того самого премьер-майора, что из *Туречины* с миром приехал» (Мельников, Бабушкины россказни, 169).

«Тупое прославление родной *немечины*, как злое оскорбленье, звучит в его ушах» (П.И. Вейнберг, Из Гейне, Herakles musagetes).

§ 8.

43. В некоторых словах нас затрудняет в письме выбор между звонкими и глухими согласными *в* и *ф*, *ж* и *ш*, *г* и *к*. Принятые в орфографии Грота формы, как *шафка, деревяжка,* не считаются безукоризненными, и поэтому на следующие примеры никак нельзя смотреть как на ошибки против русского языка. Каждый подобный случай требует особого исследования, а некоторые примеры ясно показывают, что ошибки не у писателей, а в нашей орфографии.

«Несколько белых *шавок* поднялось с сена и подбежало к нам, виляя хвостами» (Тургенев, Лебедянь, 57. Значит, ошибается Грот, установивший правописание *шафка*).

«Желудок его не варил ни вина, смешанного с чернилами и прочей дрянью, ни крошеных мухоморов и *сыроешек* с уксусом» (Тургенев, Чертопханов и Недопюскин, 280).

«Все люцернцы украсили цветами и себя, и свои дома, и лошадей, и даже уличных собак и *дворняшек*» («Биржевые ведомости», 31 мая 1908 г., № 10530).

«...Что штанов Не пожалел стащить бы с *ляшек*, Чтоб хоть взглянуть на этих пташек» (В. Костомаров, Тэм О'Шэнтер (Из Бернса)).

«Гнедой, упорным шагом, морща лоснившуюся шкуру своих *ляжек*, взобрался на двухверстный подъем» (Гаршин, Медведи).

«Сечка сечет, *деревяжка* везет, сам Мартын поворачивает» (Даль).

«Ходит на *деревяшке*» (Академический словарь старого издания). «Начальник видит: человек на *деревяшке...*» (Гоголь, Мертвые души, 386).

«У себя в чуланчике *деревяшкой* постукивает» (Тургенев, Малиновая вода, изд. 1852 г., 61. Так же и в следующих изданиях).

«Все эти соленые рыжики, огурчики, икра, маринованные рябчики, *копчушки* смотрели, казалось, на него по-родственному» (Мамин-Сибиряк, Детские тени).

«У вас и город-то не то город, не то пожарище, — ни на что не похож, и сами-то вы в нем все как *капчужки* в коробке заглохли!» (Лесков, Грабеж, т. V, 379. Вместо: *копчужки*).

«Твоей *замухрыжки* я вовсе не намерен конфузиться» (В. Никитин, Многострадальные). Сравните происходящее отсюда *замухрыжный:* «*Замухрыжного* и голодного вида музыканты пилят, дудят» («Новое время», 1898, № 8164).

«Девочка какая-то *замухрышка*» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука). Сравните *замухрышный:* «За ними явился человечек невзрачный и *замухрышный*» (Боборыкин, Перевал).

Итак, правильно только *шавка* (*шавок*) и допускается колебание в формах: *дворняжка* (*дворняжек*) и *дворняшка* (*дворняшек*), *деревяшка* (*деревяшек, деревяшечка*) и менее обычное, далевское и гротовское, *деревяжка* (предполагающее: *деревяжек*), *ляшка* (*ляшек*) и, тоже не вполне надежное гротовское, *ляжка* (требующее: *ляжек*), *копчужка* и *копчушка*, *замухрыжка* и *замухрышка*, *сыроежка* (*сыроежек*) и *сыроешка* (*сыроешек*), *ватружка*[5] и *ватрушка.*

В немногих случаях затрудняемся мы также в выборе между согласными *г* и *к*; встречается *битюг* и *битюк*, *битюговый* и *битюковый*, *пересмягли* и *пересмякли*; Даль даже дает явно противоречивые формы: *осмякать — осмягнуть.* Слово *битюг*, как порода лошадей, обыкновенно производят от имени реки *Битюга* Воронежской и Тамбовской губерний. Однако такое толкование возбуждает сомнения. Этимология и история языка говорят также за *г* и в словах *засмягнуть, осмягнуть — осмягать, пересмягнуть, пересмяглый.*

---

[5] Форма неупотребительная, но оправдываемая областным *ватруги* (Юрьевский у. Владимирской губ.).

«Около часу дня на Гороховой ул. тройка *битюгов...* въехали (так!) на панель, изувечив шедшего из школы мальчика 12 лет» («Вечернее время», 29 марта 1913 г.).

«Однажды рьяный *битюк* помчал его под гору к оврагу» (Тургенев, Однодворец Овсяников).

«От трепета и печали (говорит Летописец) засохли наши гортани, уста *пересмягли*» (Карамзин, И. Г. Р., VII, 35).

«Губы *засмягли* (от ветра) (Даль).

Пересмяглые губы (Академический словарь).

«Дорогою губы *осмягли*» (Даль).

В словах *мокредь, чернедь*, с суффиксом *-едь*, под влиянием произношения, мы утратили древний звук *д*, употребляя *т* и в косвенных падежах: *мокрети, чернетью* и т.п. Таким образом, вместо старых *мокредь — мокреди, чернедь — черneди* у нас распространились новые слова: *мокреть — мокрети, чернеть — чернети* и пр.

«Не успели свезти хлеб с поля, *мокредь* захватила» (Академический словарь).

«Даже так называемая *чернядь* — и та как полоумная сбегалась со всех сторон, когда на село приезжал Разуваев» (Щедрин, Убежище Монрепо, 125).

«Слякоть да *мокреть*» (Даль). «И в церковь-то божию в этакую *мокреть* ехать охоты нет» (Щедрин, Господа Головлевы, 72).

44. При существительных *альманах, волох, суматоха* производные прилагательные должны иметь формы *альманашный* (отсюда *альманашник*), *волошский, суматошный* (*х* переходит в *ш*). Так как мы во многих случаях из произносимого окончания *-шный* или *-шник* (говорим: *табашный, молошный, булошник*) производим орфографическое *-чный* или *-чник* (пишем: *табачный, молочный, булочник*), а из произношений вроде *ладошский* имеем в письме *надожский*, то естественно, что и у писателей встречаются изредка неправильные формы, в которых вместо окончаний первого ряда получаются окончания второго. Таковы: *альманачный, альманачник, суматочный, воложский.* При

веснуха, веснушка имеем прилагательное *веснушчатый* (этимологическая форма) и *веснущатый* (фонетическая форма). В современной печати встречаем иногда неправильное *веснусчатый.*

45. В петербургском говоре нередко слышатся необычные по своей фонетической форме образования *воркун, воркунья* (он большой *воркун*), *дракун, дракунья* (какая ты *дракунья*). Хотя эти формы и включены в Академический словарь, редактированный Гротом, их трудно считать литературными: в московском наречии едва ли они есть; у авторитетных писателей они не встречаются.

Сравните обыкновенные литературные: *ворчун, ворчунья, драчун, драчунья.*

«Учит грамоте ребят весь седой *ворчун*-старик» (Курочкин, Урок).

«Он не походил... на мелкопоместного разорившегося дворянина — псаря и *драчуна*» (Тургенев, Певцы).

46. В русском народном языке известны некоторые слова с диссимиляцией (расподоблением) согласных: *пролубь* (*прорубь*), *мошейник* (*мошенник*), *песельник* (*песенник*) и пр. В литературном языке первые две формы встречаются у Некрасова, в произведениях, написанных языком, близким к народному, притом слово *мошейник* в речи крестьянина. Слово *песельник* в литературном языке позднейшего времени некоторые ученые рекомендуют употреблять в значении «певец, искусный исполнитель песен», а слову *песенник* они присваивают смысл «сборника песен». Сам язык не оправдывает такого, выдуманного грамотеями, различия: в старом мы можем указать *песельник* в значении «сборник песен», а не «певец»; в новом — обыкновенно в смысле «певец» употребляется форма *песенник*, а не *песельник.*

«Себя выражали одушевленные *песенницы* и плясуньи» (Аксаков, Семейная хроника, 252).

«Свистят *песенников* и музыкантов наверх» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 180).

«Первое, что бросилось в глаза Вронскому, были *песенники* в кителях...» (Л. Толстой, Анна Каренина, 394).

Сравните, однако, *песельник* у Пушкина в «Послании к Галичу»: «Наш *песельник* тащится по лестнице с гудком».

47. Обратное явление — ассимиляцию (уподобление) неодинаковых согласных имеем в слове *лленой* вместо *льняной* (народное), которое во времена Аксакова еще можно было употребить и в книжной речи. Теперь допускается только *льняной*.

§ 9.

48. В ряде слов мы затрудняемся: употребить одну согласную или удвоить ее?

Неправильно удвоение в *поддорожник* вместо *подорожник* (растет *по дороге*), *труженник* (по влиянию таких слов, как *священник*).

Немало случаев, когда литературный язык допускает колебание между формами с одной и удвоенной согласной, так как варианты этих форм — большею частию слова, различно, но правильно образованные. К числу таких относятся: *разорить* (в объяснение этого слова приводится славянское *орити*[6]) и *раззорить* (при русском *зорить*), *разевать* (старинное сокращенное произношение, сохранившееся и в литературном языке) и *развевать* (при *зевать*); *гостиница, гостиный* и *гостинница, гостинный, женин* (образовано, как *сестрин*) *и женнин* (образование, связанное с народным прилагательным *женний* или подобным образованием *мужнин*), *росомаха* (старинная правильная форма) и *россомаха* (вероятно, народное образование по типу слов, составленных из префикса *раз-* и слов, начинающихся с *с*: *рассовать, рассол* и под.). Колебание между формами *серебреник* и *серебренник* указано дальше.

«Воюет, решает участь народов, *разоряет* города...» (Гончаров, Обломов, 113—114).

---

[6] *Разорить*, *разорять*, *разорение* — формы книжные, славянские; северные русские наречия имеют обыкновенно *раззорить*, *раззорять*, *раззоренье* рядом с *зорить*.

«Нас, что ни ночь, *разоряют* станицы Всякой пролетной прожорливой птицы» (Некрасов, Несжатая полоса).

«Что ни предскажет кому: *разоренье*, Убыль в семействе, глядишь — исполненье!» (Некрасов, Знахарка).

«Из *разинутого* рта изредка вырывались отрывистые, бессмысленные звуки» (Тургенев, Чертопханов и Недопюскин, изд. 1852 г., 266).

«Что ты *разинул* рот?» (Академический словарь).

«Они остались вдвоем в *гостиной*» (Тургенев, Дворянское гнездо, 140).

«Там... обширный *гостиный* двор» (Мельников, Старые годы, 1).

«Да свояченица живет, *женина* сестра» (Тургенев, Затишье, 12).

«Он послал предписание своему бурмистру насчет *женниной* пенсии» (Тургенев, Дворянское гнездо, 100).

«Ходишь *росомахой*» (распустив одежду нараспашку) (Даль).

«*Россомаха* — млекопитающее животное из семейства куничных» (Энциклопедический словарь Брокгауза, XXVII, 125).

§ 10.

49. При фонетических формах *обертывать, обернуть, обертка, оберточная* мы не совсем еще утратили и этимологические *обвертывать, обвернуть, обвертка, обверточная*, хотя последние формы теперь встречаются реже.

«...Бумаг, обвязанных веревками и *обернутых* газетными листами» (Короленко, Ист. совр., 468).

«*Обвертывать* голову полотенцем» (Академический словарь). «*Обвернуть* руку платком» (там же).

Коренные *б* и *п* перед суффиксом *-ну-* у нас вообще сохраняются: *зябнуть, улыбнуться, лопнуть, ляпнуть, липнуть* (однако: *льнуть, прильнуть* вм. *льпнуть, прильпнуть*); только при *капнуть* имеем: *кануть* (особенно утвердившееся в выражении *как*

в воду канул), при *гибнуть* имеем: *гинуть, сгинуть* (так говорится обыкновенно о чем-либо бесследно пропавшем).

Звук *к* перед суффиксом *-ну-* в литературном языке всегда сохраняется: *пискнул, ляскнул, кувыркнулся* и пр. В виде исключения у писателей встречаем народные формы: *писнул, ляснул* (от *лясскать*) и, довольно часто, *кувырнулся*.

«Макар... *кувырнулся* в снег» (Короленко, Сон Макара, 110).

«Голый человек *кувырнулся* в воду» (Чириков, Именинница, 172).

50. Приставное *в* перед гласным *о* русский литературный язык имеет в немногих словах: *восемь, восемнадцать, воспа* (народное и старинное, встречается у Карамзина, допускалось еще и Буслаевым; теперь только *оспа*), *вотчина* (и *отчина*), *вотчим* (и *отчим*), *вострый* (в значении вещественном: *вострый топор, вострый нож*; однако не менее употребительно и *острый топор, нож* и т.п.) и *острый* (в значении отвлеченном: *острый ум, острая память*), *завострить, навострить* (устарелые, народные) и *заострить, наострить, вохра* (народное) и *охра.*

«Целая *вотчина* с одним человеком справиться не может?» (Тургенев, Поездка в Полесье, 246. Слова автора).

«Сосновка и Вавиловка были наследственной *отчиной* рода Обломовых» (Гончаров, Обломов, 182).

«Оторванный жестоким *вотчимом* от чрева любимой матери...» (Щедрин, Признаки времени, 231).

«А не смеялся он над *отчимом*?» («Современное слово», 27 сентября 1913 г.).

51. И славянский и старинный русский язык сохраняют *г* перед суффиксом *-ну-* в глаголе *двигнуть* и производных. Такие формы долго держались и в нашем литературном языке. Теперь мы обыкновенно употребляем: *двинуть, двинула, двинуться, подвинуть* (вполне возможно и отвлеченное: *подвинуть* на доброе дело), но: *воздвигнуть, воздвигнулась, воздвигнуться, воздвигну*, причем последние слова, с приставкой *воз-*, применяем лишь в выражениях книжных.

§ 11.

52. В русском языке еще недавно колебались в форме некоторых слов между мягкими и твердыми произношениями и написаниями, особенно в слогах *ры, ри.*

Так, Пушкин часто писал: *скрып, скрыпит*, у Тургенева и Толстого находим: *брычка*, Белинский писал: *Александрыйский театр* и т.д.

Теперь прочно остановились на одной какой-либо форме, и старые, находившие себе опору в народном произношении, не допускаются в литературном языке.

В наше время употребляются только формы: *скрип, скрипка, скрипеть, бричка, Александрийский, расстрижение, кринка, криница, дырявый, крыльцо.*

В *крило, окрилять* и других производных имеем славянизмы, по влиянию *крило* и *крильцо*: все это формы устарелые (кроме глагольных образований, которые допускаются и теперь: *окриляюсь, окриленный надеждами*).

«Я же, напротив, при этом виде... только утешаюсь и *окриляюсь*» (Щедрин, Признаки времени, 37).

Заимствованное из польского языка *цирюльник* теперь рекомендуется употреблять с мягким *р*, но в произношении нередко слышится твердое *р*, которое иногда передается и в письме; в форме *цирульник* это слово известно и Буслаеву («Историческая грамматика», § 33).

«Собирали искусных художников, *цирюльников* и артистов» (Андреев, Елеазар, 107).

«На сером диване спал... *цирульник* Иван Павлыч» (Чириков, Танино счастье, 3).

Сумерок, которое мы имеем при *сумерек*, кажется, напрасно считается гротовской орфографией неправильным: в литературном языке оно принято не менее.

«И тихо, и светло. До *сумерок* далеко» (Фет, Приметы).

«Около *сумерок* он нашел возможность проникнуть и к Юлии Михайловне...» (Достоевский, Бесы, III, 119).

Колебания между мягкими и твердыми звуками *р* имеем еще в некоторых словах перед окончанием *-ма*: *кутерма* и *кутерьма*, *суржа* и *сурьма*, *тюрма* (старое и редкое) и *тюрьма.* В современном литературном языке обыкновенно обращаются формы с мягким *р*: *кутерьма, сурьма, тюрьма.*

Колебание между твердым и мягким *р* имеем еще в глаголе *корачиться — корячиться*; отсюда и существительное имеет двоякую форму *корачки* и *корячки* (пишется и с *а*: *карачиться, карачки* и т.д.). Академический словарь указывает только формы глагола с мягким *р.* Грот распространил мягкость и на существительное; он даже замечает: «у Гоголя неправильно: *карачки*». Но в живом языке преобладает форма с твердым *р*, употребленная Гоголем. Даль тоже знает только *карачки*, на *карачках*, а в глаголе твердые и мягкие формы даются у него с разными значениями: *корачить* — пятить, осаживать назад, *корячить* — расставлять ноги врозь.

53. Имена на *-ель* и *-ля* в сложении с суффиксом *-ка* обыкновенно сохраняют мягкость *л*; мы говорим и пишем: *капелька, кровелька, кастрюлька, земелька, сабелька, петелька* (и *петелка*), *колыбелъка, качелька.*

У них родительные падежи с *е*: *капелек* («Я боюсь этих кристальных, светлых *капелек*» (Андреев, Жизнь человека, 147)), *кровелек, кастрюлек, земелек, сабелек, петелек, колыбелек, качелек* и т.д. Отсюда и дальнейшие уменьшительно-ласкательные тоже с *е*: *капелечка, кастрюлечка, петелечка, колыбелечка.* Иногда, впрочем, и в литературном языке, по влиянию народного, мы слышим произношения с твердым *л*: *капелка — капелок — капелочка, петелка — петелок — петелочка, колыбелка — колыбелок — колыбелочка.* Формы с твердым *л* не вполне чужды и письменному языку. Так, Академический словарь, при *капелька, петелька*, форме *колыбелка* даже дает преимущество перед формой *колыбелька*, которой совсем не помещает у себя. В старом языке, очевидно, преобладала форма *колыбелка.* Например, у Фонвизина находим: «Каков человек в *колыбелку*, таков и в могилку» (Разговор у княгини Халдиной, 842). Следовательно, и

форму *колыбелочка*, с твердым *л*, нельзя считать нелитературной. Действительно, ее мы находим у А.Н. Майкова: «Я дитя оберегал, *колыбелочку* качал» (Колыбельная песня).

Родительные падежи множественного числа от *капля*, *петля* в живом языке иногда слышатся с твердыми: *капел*, *петел*, но в письме такие формы совсем не допускаются.

В *жалче* мы обыкновенно произносим и пишем твердое *л*, но у писателей иногда находим мягкое *л.*

У Тургенева находим, наоборот, твердость *л* в *мельче* вместо принятой мягкости (если не ошибку в правописании), вероятно, по южновеликорусскому произношению этого слова.

54. В современном языке вообще следует считать принятым правило об отвердении *н* в родительном падеже множественного числа имен женского рода на *-ня* после согласной, если на конце этой формы нет ударения: *башня — башен, бойня — боен, колокольня — колоколен, обедня — обеден* и пр. (но если перед *-ня* гласная, *н* сохраняет свою мягкость: *барыня — барынь, яблоня — яблонь* и т.п., также при ударении в конце: *бань, деревень* и др.). Исключение, которое делается для слов *барышень* и *кухонь*, не имеет больших оснований. Если руководствоваться языком писателей, то отступлений от данного правила найдется гораздо больше, так как установившаяся для нас твердость конечного *н* в родительном падеже имен на *-ня*: *песен, колоколен* и т.п., — не принимается писателями безусловно не только для письма, но и для произношения.

В именах женского рода с суффиксом *-ка*, соответствующих именам на *-ня*, мы имеем ряд уменьшительных то с твердым, то с мягким *н*: 1) *басенка, башенка, вишенка, колоколенка, пашенка, песенка, часовенка* и т.п.; 2) *банька, деревенька, нянька, барынька* и др. Отсюда и родительные падежи множественного числа то с *о*, то с *е*: *басенок, башенок, вишенок, колоколенок, пашенок, песенок, часовенок* и *банек, деревенек, нянек* и под. Группы эти некоторыми смешиваются, особенно в письме. Так, в печати иногда встречаем: *башенька, вишенька, песенька, часовенька* и т.д.

Здесь твердые и мягкие формы определяются родительным падежом множественного числа: *песен — песенка — песенок, вишен — вишенка — вишенок* и *бань — банька — банек, нянь — нянька — нянек.*

С этими существительными не следует смешивать неуменьшительных, как: *каменка, казенка, косынка, клеенка* и др., у которых *н* всегда твердо. В печати изредка встречается мягкое *н* и в таких словах.

Выбирать между твердым и мягким *н* в других случаях нам приходится редко. Грот устанавливает с твердым *н* форму *день-денской*, которой и следуют некоторые, хотя обыкновенное употребление и теперь предпочитает форму *день-деньской*: «В *день-деньской* устало солнце» (Полонский, Солнце и месяц, 12).

Слова *испокон*, *спокон* литературный язык обыкновенно употребляет с твердым *н.*

55. Старые и отчасти народные формы *дира, дирка, дирочка, диравый* с мягким *д* вытеснены у нас произношениями и написаниями с твердым *д*: *дыра, дырка, дырочка, дырявый.*

Старинное, собственно славянское *отнюд*, с твердым *д*, давно заменено формою с мягким *д — отнюдь.*

Слово *вдогад* (редко без отрицания), *невдогад* в литературном языке обыкновенно употребляется с твердым *д.*

56. Не свойственно русскому литературному языку и смягчение *с* в словах *косма, сосиска.* Слово *труском* (рысцой) мы обыкновенно употребляем с твердым *с.*

57. Современный литературный язык вполне сохранил мягкое произношение губных в конце слов: *впрямь, вкривь, любовь* и т.п., хотя в народном языке весьма распространено отвердение мягких конечных губных, т.е. произношения: *впрям, вкрив, любое* и пр.

Такие произношения были не чужды и нашим поэтам, преимущественно прежнего времени; эта особенность их речи видна из того, что они рифмовали орфографические мягкие согласные с твердыми. Например, у Пушкина находим рифму:

вручив — вкривь, где последнее слово приходится читать *вкрив.* Сравните у него же написание *впрям* (Евгений Онегин, гл. I, изд. 1825 г., XVI).

58. Прилагательные на *-онький* после *г, к, х* имеют в литературном произношении звук *ы* на месте *о*: *сухынькый.* Слоги *гы, кы, хы* в таких прилагательных произносятся иногда мягко — *ги*, *ки, хи*: *сухинькый.* Вследствие этого является совпадение в произношении окончаний *-онький* и *-енький*, которое отражается и на письме, где встречаются вызванные мягким произношением неправильные написания: *тихенький, легенький, мякенький.* Так как настоящий суффикс *-онький* в таких словах ясно определяется формами *высокóнек, плохóнек, легóнько* и пр., то литературный язык вообще не допускает смешения форм на *-онький* и *-енький*, хотя оно иногда наблюдается даже у авторитетных писателей.

Сравните правильные: *плохонький* у Грибоедова, *легонькое*, *тихонькую* у Аксакова, *тихонького* у Л. Толстого.

«Будь *плохонький*, да если наберется Душ тысячки две родовых, тот и жених» (Горе от ума, изд. 1839 г., 61).

«Он приготовил мне *легонькое* ружье» (Семейная хроника, 307).

«Мы поищем тебе какую-нибудь смирненькую, *тихонькую*... дворяночку» (там же, 117).

«Идет только хозяйство ростовщическое, как у этого *тихонького*...» (Анна Каренина, 430).

§ 12.

59. Мы знаем несколько простонародных словоупотреблений в области согласных, которые в наше время делают речь вульгарною; таковы, например, формы: *дражнить, страм.* Такие словоупотребления были, однако, не чужды языку старых писателей. Так, у Фонвизина, Карамзина (Сочинения, 249) и даже в Академическом словаре находим первое слово, у Грибоедова и Розенгейма — второе.

§ 13. Славянизмы

60. В русском литературном языке, как известно, есть значительная примесь славянских слов и форм. Притом последние во множестве случаев очень давно стали настолько сродны русскому употреблению, что не производят ни на кого впечатления чего-то чуждого, пришедшего извне. Только научная грамматика может точно определить славянский элемент в русской речи и выделить из нее славянизмы. Людям, не знакомым со славянской грамматикой, слова: *тщетно, единственный, принуждаю, помощь, враг, срам, плен* — кажутся чисто русскими, между тем это несомненные славянизмы. Они определяются точными фонетическими признаками, которые различают следующие группы слов.

I. Славянское *е* (не *ё*) под ударением: *житие, бытие, копие, вопиет, Лев* и др.; русское *ё*, тоже ударяемое: *житьё, бытьё, копьё, Лёв, тщётно* (народное). Поэтому такие слова с *е* под ударением, как: *вертеп, ковчег, крест, небо, пещера, треба* и т.п., мы должны признать обрусевшими славянизмами.

Эти славянизмы отчасти поддаются русскому влиянию, особенно в языке народном. Так, при *крест* (с *е*) мы имеем: *крёстный отец*; при *небо, перст, пещера* имеем народные *нёбо, пёрст, пещора.* При обычных произношениях *бытие, житие, копие, вопиет* встречаются более редкие, но не чуждые старому и современному литературному языку произношения: *бытиё, житиё, копиё, вопиёт.*

II. Есть небольшое число слов, в которых славянскому начальному *е* соответствует русское *о*: славянские *един, елень, езеро* и некоторые другие; русские *один, олень, озеро.* Слова *еще, едва, единство, единица, единорог* и под. оказываются, таким образом, славянизмами, присвоенными русскому языку. Некоторые славянизмы такого рода в нашем употреблении имеют известные ограничения; мы, например, говорим *един*, но лишь в особых выражениях, происходящих из книжного языка: «*един* бог без греха», «*един*, как перст».

III. Славянское *д* обращается в *жд*: *ходити — хожду, родити — рожду, видети — вижду* и т.п.; русское *д* обращается в *ж*: *ходить — хожу, садить — сажу, водить — вожу.* Мы имеем целый ряд слов, в которых группа *жд*, соответствующая *д*, указывает их славянское происхождение: *нужда, одежда, вражда, вождь, захождение, рождение, чуждый, награждать, присуждать* и т.д. Вообще, в глаголах несовершенного вида славянские формы с сочетанием *жд* многочисленны и прочны. Правда, разговорный язык допускает здесь некоторые народные русские формы с *ж* вместо славянских; например: *досажать* («Не следовало бы тебе *досажать* отцу»), *утружать* («Не хотелось *утружать* его этой просьбой»), *рожать* («Все женщины *рожают*, и никто не умирает. Я сама *рожала* шесть раз» (говорит важная дама) (Андреев, Жизнь человека, 132). Однако образованный язык решительно предпочитает славянские книжные: *досаждать, рождать, утруждать.*

«Тревожат, дразнят, *досаждают*» (Щедрин, Круглый год, 9). «Не *утруждай* меня своими просьбами» (Академический словарь).

В большинстве случаев нам приходится пользоваться каким-нибудь одним, одинаково всем привычным русским или славянским словом, выражающим нужное понятие. Только изредка мы колеблемся и выбираем: *вырождаться* или *вырожаться*, *прохлаждаться* или *прохлажаться*, *невежа* или *невежда*, *рождество* или *рожество*, *тождество, тождественный* или *тожество, тожественный*, *урожденец* или *уроженец?* Кроме *невежда* и *невежа*, которые обособились по значению, мы почти во всех данных словах отдаем явное предпочтение славянской форме, т.е.: *вырождаться, прохлаждаться, рождество, тождество, тождественный*; только русское *уроженец* употребительнее славянизма *урожденец*.

В славянских словах *дождь, дождик, дрожди* группа *жд* соответствует не одному русскому простому *ж*, но двойному (точнее, долгому) мягкому *ж*; по-русски эти слова звучат: *дощь* (в письме: *дожжь*), *дожжик, дрожжи*. В такой форме оба эти

слова прежде допускались и в письме (*дожжик*, например, встречается у Карамзина). Теперь в письме господствуют славянские формы (*дождь* и *дождик* всегда, *дрожди* очень часто), что, конечно, отражается и в произношении.

IV. Русское *т* обращается в *ч: хотеть — хочу, светить — свечу, ответ — отвечать*; на месте славянского *т* имеем *щ*: *хощу, свеща, отвещати* и т.п. Все слова русского языка, имеющие *щ* на месте *т*, мы должны признать несомненными славянизмами. Таковы, например: *освещение, освящение, пища, хищный* (от *хитить;* ср. русское народное *хичный*), *изящный* (от *изъять*), *насущный* (от *суть*), *клевещу, ропщу, укрощать, обогащать, похищать* и т.п. Таким образом, славянизмами у нас являются не только отдельные слова, но также и целые категории слов, например ряд глаголов несовершенного вида на *-ать* (*посещать* и пр.), ряд форм первого лица: *сообщу, запрещу* и т.п.

Славянизмы *хищный, насущный, изящный* исключительно употребляются в литературной речи.

Кроме этих, есть славянизмы, не связанные для нас ясно с *т*, но имеющие *щ*, соответствующее русскому *ч*; таковы все причастия на *-щий*: *текущий, стоящий, висящий, ходящий* и др. (ср. русские *текучий, стоячий, висячий, ходячий* и т.п.); также некоторые отдельные слова: *мочь, помочь* и *мощь, помощь, мощный*; *ночь, ночной, всеночная* (народное северное произношение *всеношня,* где *ш* из *ч*) и *нощь, всенощная, полнощный*; *овочь, овошной* (народные; последнее имеет *ш* из *ч*) и *овощь, овощный; обчество, вообче* или *вобче* (народные) и *общество, вообще.*

И в отдельных словах мы отдаем почти всегда полное предпочтение славянским формам, а русские употребляем очень редко; некоторым кажутся они «неправильными», «искаженными» словами.

Однако в словах *всеночная* и *всенощная*, *еженочный* и *еженощный* мы и теперь колеблемся между формами русскими и славянскими.

Формы *мочь, помочь* мы встречаем лишь в языке старом или близком к народному, например у Фонвизина, в стихах Кольцо-

ва, в «Капитанской дочке» Пушкина; в языке старого времени допускалось и слово *мочный* (встречается в статье Надеждина о Пушкине). Теперь мы обыкновенно употребляем только *мощь, немощь, помощь, мощный.* Слово *мочь* теперь сохранилось только в выражениях: *мочи нет, сколько есть мочи*, и в сложении с приставками: *немочь, невмочь.* Заметим также выражение: *бог помочь!* В средине прошлого столетия слово *мочь* обращалось еще в литературном языке, как это видно из академического Словаря, приводящего пример: «В свое время он большую *мочь* имел в городе».

Слова *овощ, овощный, общество, вообще* литературный язык употребляет только в славянской форме. Славянский вид, с *щ* вместо русского *ч*, имеет еще слово *пещись*, употребляемое лишь в старом и книжном языке (обыкновенно же мы говорим и пишем: *печься о ком, о чем*).

В славянском языке *т* обращалось в *щ* также перед мягкими *р* и *в*; поэтому славянизмами же являются и *умерщвлять* (несовершенный вид при *умертвить*), *ухищряться, изощрять*(*-ся*) и производные. Русский разговорный язык склонен употреблять форму *умерщвлять,* которую и находим у Фонвизина: «Вечная жертва предрассуждения, вас *умертвляющего!*» (Торгующее дворянство, 652). Однако наш письменный язык, подчиняясь требованиям грамматик, избегает этой формы. Русская же форма *ухитряться* более употребительна, чем славянизм *ухищряться*; однако имеем: *ухищрение, изощрение, поощрение.*

Глаголы *изострить, испестрить* в несовершенном виде принимают у нас церковнославянскую форму: *изощрять* (в отвлеченных значениях), *испещрять*, которая сообщается и причастиям: *изощренный, испещренный* (сравните русские: *обострить отношения, обострять отношения, обостренные отношения*).

Рядом с этими книжными формами, со звуком *щ*, существуют разговорные, с сочетанием *ст*: *изострять* (*изострять свой ум*), *испестренный* (*испестренный цветами луг*), которые нельзя считать нетерпимыми в литературном языке. Некоторые грам-

матисты и писатели проводили в обращение и формы совершенного вида со звуком *щ*: *изощрить, испещрить.* Первое из них упрочилось и в литературном языке; мы, например, говорим: *изощрить способности учащихся.*

V. Весьма легко отличается в нашем языке русский элемент от славянского посредством того признака, который в грамматике имеет название: «русское полногласие». Это звуковые сочетания *оро, оло, ере, ело* после согласной там, где славянский язык имеет *ра, ла, ре, ле* (в старом славянском языке писалось *рѣ, лѣ*). Таким образом, при ряде русских слов: *ворота, сторона, голова, молочный, дерево, беремя, шелом* (устарелое) и многих других мы имеем ряд славянских: *врата* (в церкви), *страна* (света), *глава* (в книге), *млечный* (путь), *древо* (познания добра и зла), *бремя* (жизни), *шлем.* Обыкновенно такие славянские слова имеют отвлеченное значение, употребляются в книжных выражениях и относятся к религии, науке, искусству и пр.; русские означают конкретные предметы, относятся к житейскому обиходу и употребляются в просторечии, в чисто русских народных выражениях.

Ряд подобных славянизмов вытеснен из русского литературного языка благодаря влиянию народного, действовавшего и непосредственно, и через образованных людей, полюбивших народный язык или вышедших изнарода. Еще у Пушкина, Жуковского, Лермонтова мы постоянно встречаем многие славянизмы с сочетаниями *ра, ла* и пр., которые теперь совсем не употребляются. Даже поэты конца XIX и начала XX в. употребляют некоторые такие славянизмы. Так, например, у графа Голенищева-Кутузова в числе нередких вообще разнообразных славянизмов находим и с сочетаниями *ра, ла*: *отвратясь* («И, *отвратясь*, тихонько плачу» — т. I, с. 19), *враны* («И стаями отвсюду мчатся *враны*» — т. I, с. 48), *глас* («И, как на *глас* знакомого призыва...» — т. I, с. 98), *златит* («Как солнце горные хребты *златит*...» — т. I, с. 104), *страж* («И у ворот, как *страж*, стоит сама...» — т. I, с. 128), *злата* («Туда — где звон цепей, бряцанье *злата*...» — т. I, с. 144) и др.

С другой стороны, упрочившиеся славянизмы вытесняют некоторые русские формы. У писателей мы можем еще найти такие полногласные формы, которых теперь образованные люди уже не употребляют. Таковы, например: *полон, озорочек, зорочек, зорочковый, в голове шествия, бесперерывно, бесперестанно, черезвычайно, шелом, бородобрей, золотоглавый, безбережный, ворог.*

В этой борьбе славянизмов с русизмами выделился ряд слов, которые почти одинаково употребительны в той и другой форме. Это прежде всего предлоги *чрез* и *через*, *пред* и *перед*; затем некоторые отдельные слова: *впредь* и *вперед*, *жребий* и *жеребий* (собственно: *жеребей*, как показывает родительный падеж *жеребья*; сравните: *воробей — воробья*), *предбанник* и *передбанник*, *среда, средина, средний, среди* и *середа*, *середина, середи, середний* (два последние слова, впрочем, более принадлежат старому и народному языку).

Современный язык не всегда различает слово *серебряник* (мастер, приготовляющий серебряные изделия) и *сребреник* (серебряная еврейская монета).

«Кого они купили за тридцать *серебряников*» (Андреев, Иуда, 47).

«С такой жадностью бросился подбирать *серебреники...*» («Современное слово», 25 декабря 1910 г.).

Сравните правильное словоупотребление: «Зубрилову *серебрянику* не сметь заказывать» (Мельников, Старые годы, 79). «И продали Иосифа измаильтянам за двадцать *сребреников*» («Бытие», 37, 28).

61. В некоторых словах славянскому начальному *ра, ла* соответствует русское начальное *ро, ло.* Таким образом, мы должны признать славянизмами слова: *работа, рабочий* (сравните русское народное *робота*), *расту, возраст, растение, растительность, растительный* (сравните русские: *рос, рост, росток, рослый, подросток*), *разум, распря, разница, разный, разниться* (сравните русские: *розница, розный, розно*), *равный, равнина, равенство* (сравните русские: *ровный, ровня, вровень, уровень,*

ровесник), *ладья* (сравните русские: *лодка, лодочка, лодочник*). Здесь русские и славянские формы частью отличаются и по значению.

62. К числу славянизмов относятся также некоторые слова, имеющие *з* твердое вместо *г*: *досязать, осязать, подвизаться, притязать, истязать, состязаться, состязание, притязательный, отверзать*; также имеющие *ц* вместо *к*, которое находим в устарелом глаголе *проницать* (теперь обыкновенно: *проникать;* однако прилагательное *проницательный* от первого глагола окрепло в литературном языке); кроме того, мы употребляем его в некоторых глаголах несовершенного вида, например: *бряцать, мерцать* (при *брякать, меркнуть* и *смеркаться*).

63. В XVIII и начале XIX в. совершенный вид глагола *приближаться* обыкновенно употреблялся в форме *приближиться*, находящей свое объяснение в старом русском и церковнославянском языке. У Карамзина, Пушкина, Жуковского мы теперь не часто видим формы этого последнего глагола только потому, что позднейшие издатели исправляли, согласно с теперешним употреблением, *ж* на *з.*

Современный язык знает только формы: *приблизиться, приблизилась, приблизься* и т.п.

§ 14. Иностранные слова

64. Особенно благоприятные условия для колебаний в форме представляют слова иностранные, вошедшие в наш язык. На форму их оказывало влияние прежде всего народное произношение заимствованного слова, не допускаемое современным образованным языком, но терпимое раньше; например: *анбар* (встречается у Карамзина), *билиярт, щекатурить, галдарея, кардон, пантомина, пукет, пукля, сертук* (некогда рекомендовалось Гротом), *сурьезно, ярмонка* и др.

65. Мы видим здесь, что старый литературный язык был ближе к народному; общепринятые теперь формы: *амбар, амбарчик, билиард, штукатурить, выштукатурить, галерея, картон,*

пантомима, букет, букли, сюртук, серьезно, ярмарка — утвердились не так давно. Они явились вследствие научного анализа, точно определяющего, из какого языка заимствовано то или другое слово и какую оно должно иметь форму. Так, сообразно с формою латинского языка, мы считаем правильным *проект,* а не *проэкт.* Сообразно с польским имеем *реестр* (*rejestr*), а не *реэстр.* Точно так же ряд слов из греческого с начальным *э* мы употребляем с *е*, потому что получили их не прямо от греков, а при посредстве славянского языка, в котором они имели *е*, а не *э.* Таковы: *евангелие, евнух, елей, епархия, епископ, епитимия, ехидна* с их производными. Изредка мы встречаем: *эпитимия, эхидность* (Тургенев, Первое собрание писем, 201) и под., более близкие к греческому языку формы, но история языка и существующее употребление говорят за формы с *е.*

Другой ряд греческих слов мы имеем с *э*, потому что они пришли к нам позднее, главным образом при посредстве языков латинского, немецкого, французского. Таковы: *эгида, экзема, экзотический, эклектизм, эклиптика, эклога, экономия, экстаз, элегия, электричество, эмблема, энергия*, *энклитика, энтомология, энтузиазм, энциклопедия, эпиграмма, эпиграф, эпидемия, эпизод, эпилепсия, эпилог, эпитафия, эпитет, эпопея, эпос, эпоха, эротический, эстетика, этика, этимология, этнография, эхо* и др.

Многие греческие слова нам известны в двоякой форме: во-первых, в той, в которой мы получили их в древности прямо из Византии или позднее из греческих книг; во-вторых, в той форме, которую эти слова приняли в языках французском и немецком, из которых перешли и к нам. Слова первого рода имеют *в*, *ф*, *и*, которым в словах второго рода соответствуют *б*, *т*, *е.* Таким образом, имеем:

1) *варваризм* и *барбаризм, амфивия* (устарелое) и *амфибия*; 2) старинные *амефист, афеист, феатр, фема, феология, феократия* (рекомендуется, впрочем, Гротом) и современные *аметист, атеист, театр, тема, теология, теократия;* однако *апофеоз* теперь более употребительно, чем *апотеоз* («Этот че-

ловек — *апотеоз* мелочного самолюбия» — Белинский, V, 359); 3) *катихизис* и *катехизис*, *риторика* и *реторика*, *христоматия* и *хрестоматия.*

Хорошим примером, соединяющим все три указанные особенности, является старинное *вивлиофика* и современное *библиотека.*

66. При заимствованиях из языка письменного возникает вопрос, как читать некоторые чужие написания, например: произносить или не произносить букву *h* или греческое густое придыхание. Вследствие неодинаковых ответов на этот вопрос имеем одни и те же иностранные слова в разных формах: *гидальго* и *идальго, герань* и *ерань, гекзаметр* и *экзаметр* (реже), *Гипократ* и *Ипократ, Гипокрена* и *Ипокрена, гипотеза* и *ипотеза* (старинное), *гипотека* (старое) и *ипотека, гипохондрия* (старое) и *ипохондрия, ирой, ироизм, ироический* (старинные) и *герой, героизм, героический, Омир* (старинное) и *Гомер, омеопатия* (старинное) и *гомеопатия, оризонт* (старинное) и *горизонт, гелиотроп* и *элиотроп* (старинное), *гетерия, гетерист* и *этерия, этерист* (старинные) и др.

Здесь же укажем старинные *физиогномия* (греческое, через французское посредство *la physiognomie*), *физиогномист* при современных упрощенных (вероятно, под влиянием *астрономия, экономия* и под.) *физиономия, физиономист.*

Там, где чужое письмо расходится со своим произношением, для нас возникает трудный вопрос, что передавать на письме у нас: выговор слова или его орфографию? Так, в литературном языке имеем *эксплуатация, эксплуатировать* (по произношению) и *эксплоатация, эксплоатировать* (ближе к французскому письму); при *драпри*, *Токвиль* (по произношению) имеем и орфографические *Токевиль*, *драпери;* точно так же большинство пишут у нас *сентиментальный*, руководствуясь французской орфографией; немногие, следуя произношению, пишут *сантиментальный* (сравните *сантим* при французском *centime*). Также при обычном немецком *штранд* (согласно с произношением) изредка встречаем и орфографическое *странд.*

67. Особые трудности возникают при заимствовании, когда в азбуке заимствующего народа нет букв для точной передачи соответствующих звуков; так, мы не имеем ни звуков, ни букв для немецкого *й* и французского *и*, почему и передаем их приблизительно — то через *ю*, то через *и*: *Мюллер* (старое) и *Миллер, Нюренберг* и *Нирнберг* (старое), *кунстштюк* (чаще) и *кунстштик* (сокращенно *куншти*к), *кюммель* и *киммелъ, капюшон* и *капишон* (реже, но ближе к народному).

Хотя мы имеем звук, соответствующий французской и немецкой букве *h* (*г* в слове *бога*), но у нас нет для него буквы, так что немецкие и французские *g* и *h* мы передаем и читаем одинаково. Уже Ломоносов высказывал пожелание, чтобы в употребительных иностранных словах *g* и *h* не смешивались в выговоре. Между тем мы и теперь слова *Hugo, Heine, Hamburg* и т.п. читаем и пишем неправильно, с русским *г* вместо иностранного *h*, причем, по замечанию акад. Корша, слово *гороскоп* может показаться скопищем гор, а столица Голландии не отличается от морской птицы. Впрочем, русское письмо и произношение в данном случае не вполне последовательно; так как *h* приближается также к звуку *х*, то последнее и пишется в некоторых словах: *Бетховен, Ховен, Хусс* и др.

68. Так как наше письмо иногда не указывает точно произношение иностранных слов, то некоторые из них слышатся у нас в неправильной форме. Например, говорят: *доктринёр, партнёр, репортёр* по образцу *актёр, гувернёр, контролёр.* Но в первых словах имеется звук *е*, совсем не приближающийся к нашему *ё*; их настоящая форма с *е*: *доктринер, партнер*, а *репортер* имеет *е* неударяемое.

69. В конце XVIII и начале XIX в. наш образованный класс, вследствие сильного влияния французского языка, принял и передал нам некоторые восточные слова во французской форме, так что мы имеем: *калиф, калифат, Магомет, магометанство*, вместо принятых у нас раньше: *халиф, халифат, Мухаммед, мухаммеданство*, более отвечающих первоначальной форме этих слов.

70. При общепринятой теперь латинской форме *вулкан* встречается, особенно в старом употреблении, и французская *волкан*, откуда *волканический.*

При французской форме *сафир* имеем более употребительную немецкую *сапфир.*

Отметим еще колебания между формами *клоб* (старинное) и *клуб*, *лазорь* и *лазурь*, *ноль* и *нуль*, *номер* и *нумер*, заметив, что формы с *у*, то есть *клуб, лазурь, нуль, нумер*, теперь более приняты (некоторые, впрочем, отличают *номер* в смысле «выпуск журнала» от *нумер* в значении «комната в гостинице»), а *клоб* совсем устарело.

И еще — конечно, вследствие различного происхождения, — в некоторых иностранных словах мы колеблемся в выборе *с* и *ш*, особенно в сочетании со следующим *т*: *снурок* и *шнурок* (чаще; сравните общепринятые: *шнур, шнуровать*), *спринцовка, спринцевать* и *шпринцовка, шпринцевать, пастет, пастетный* и (чаще) *паштет, паштетный, штиль* (старинное, так всегда у Ломоносова) и *стиль* (современное, согласно с французским), *стора* и *штора.* Слова *статский* и *штатский* определились в своей форме сообразно со значением: последнее употребляется обыкновенно в смысле невоенный («переменил военный костюм на *штатский*»); однако такое словоупотребление не вполне последовательно; также нередко встречается *статская* служба (невоенная).

Слово *шкап* мы получили сначала, вероятно, из нижненемецких говоров; в таком виде утвердилось оно и в народе. Затем к нам пришло слово *шкаф* из верхненемецкого языка и привилось в образованном классе. И теперь еще обе формы твердо держатся в языке, и трудно установить, которая форма предпочитается употреблением. Грот рекомендует форму *шкап*, но современное употребление едва ли идет за ним.

«Кожаный... диван помещался между двумя громадными *шкапами* из карельской березы» (Тургенев, Отцы и дети, 170).

«*Шкапы* и комоды были раскрыты» (Л. Толстой, Анна Каренина, 373).

«Это были ключи от буфета, от кухонного *шкапа*, от погреба» (Чехов, Моя жизнь, 150).

«Он... приблизился к *шкафу*» (Гоголь, Мертвые души, 235).

«Запирание же лавки действительнее запирания *шкафов*» (Кони, Судебные речи, 93).

Близко к английскому источнику мы имеем *шкуна* и ближе к голландскому *шхуна.*

Старинное русское *калоша* (*колоша*), более принятое в наше время, рекомендованное и Гротом, не вытеснило, однако, чуждой народному языку французской формы *галоша.* Некоторые колеблются и теперь между этими двумя формами. Так, у Куприна: «Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без *калоша*» (Детские рассказы, 22). «Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в теплой шапке, меховом пальто и высоких *галошах*» (там же, 24—25).

«Да пришли мне *калоши* с Михайлом» (Пушкин, Письмо к брату, 1824 г.).

«Я на минуту остановился в передней, чтобы снять *калоши*» (Лермонтов, Княжна Мери).

«В передней раздался стук *калош*» (Тургенев, Новь).

«Константин, снимая *калоши*, прислушивался...» (Л. Толстой, Анна Каренина, 113).

Форма *галстук* (русская переделка немецкой *галстух — Halstuch*), имеющая при себе и производную *галстучек*, усердно утверждается и распространяется нашей школой. Чисто немецкая форма *галстух* не только не рекомендуется Гротом, но даже совсем им не допускается и считается «неправильной». Однако в «правильности» ее не может быть сомнений, а употребление утверждено образцовыми писателями; упорно держится она и в наше время.

«Он был наряден, как жених, от *галстука* и двойной цепочки до лаковых ботинок» (Л. Толстой, Анна Каренина, 468).

«Под истертым черным *галстухом* на желтоватой манишке блестел фальшивый алмаз» (Пушкин, Египетские ночи, изд. 1841 г., 247).

«Надели на меня форменную мундирную куртку, повязали суконный *галстух*» (Аксаков, Воспоминания, 183).

«Карл Иваныч... оправил перед зеркалом свой *галстух* и повел нас вниз» (Л. Толстой, Детство, изд. 1864 г., 9).

«Обломов всегда ходил дома без *галстуха*» (Гончаров, Обломов, 9).

«[Губернатор] с утра надевал тесный вицмундир и чрезвычайно тугой *галстух*» (Тургенев, Отцы и дети, изд. 1862 г., 94).

71. Иногда колебания в форме иностранных слов происходят вследствие того, что при заимствованном слове возникает еще его русская переделка, которая тоже приобретает права на общее употребление. Например, имеем книжные *шпаклевать, шпаклевка* и народные *шпатлевать, шпатлевка*; имеем книжное, взятое с немецкого, *шпиковать* и народное *шпиговать.*

72. Колебания в форме иностранных слов происходят еще оттого, что у отдельных писателей встречаем попытки придавать чуждым словам, уже утвердившимся в известной форме, вид, более соответствующий иностранному произношению. Так, Белинский, писавший обыкновенно: *водевиль, водевильчик, водевильный,* с 1839 г. пытается ввести более близкое к французскому произношение: *водвиль, водвильный, водвильчик.* У него же находим *апплодисман, рутиньер, трибюна, индустриальный* — формы, более сближенные с французскими. Григорович употребляет чисто французское *аккомпаньеман,* а Гончаров — более близкое к французскому *аккомпаньемент* вместо общепринятого теперь *аккомпанемент.*

73. Во многих случаях очень трудно точно передать на чужом языке иностранное слово; из стремления к более точной передаче возникают иногда разные формы для одного и того же слова. Так, при общепринятом *джентльмен* встречаем еще *джентельмен*, при обыкновенном *лаццарони* имеем и *лазарони*, при обычном *гяур* есть и *джяур.*

74. Перейдем к некоторым случаям употребления иностранных слов в русском языке в связи с их правописанием.

После слогового *и* Грот рекомендовал употреблять *э*: *гиэна, гигиэна, диэта, клиэнт, пиэтист* и пр.; современное употребление дает чаще формы с *е*: *гигиена, гиена, диета, клиент, пиетист* и т.д.; также *геенна* (ад).

После гласных *о*, *у* обыкновенно употребляем *э*: *дуэль, дуэт, поэт, менуэт* и пр.

Иностранные слова, имеющие широкое *е* после согласной, как *тема, мер, проблема* и др., давно нами пишутся и произносятся с *е.* Уже Грот заметил, что переделывать их снова, чтобы приблизиться к французскому произношению, на *тэма*, *мэр*, как это видим иногда в современной печати, не следует. То же нужно сказать и о латинском *факсимиле*, которое иногда встречается в виде *факсимилэ.*

75. Заимствованные *сургуч*, *сурьма* иногда являются и с мягким *с*: *сюргуч*, *сюрьма*; однако литературному языку более свойственны первые формы.

76. Имея прилагательное *латинский*, с мягким *т*, мы должны бы и существительное употреблять в форме *латинь*; обыкновенно, однако, последнее встречается в обращении с твердым *т*, согласно народному произношению: *латынь*, *по-латыни.*

77. Сочетания *иа, ио, ие* в словах иностранных мы обыкновенно произносим как двусложные: *ариергард, аудиенция, баталион, биллион, билиард, бриллиант, вариант, вариация, империал, компанион, материал, миллиард, миллион, миниатюра, почталион* и др. Только в немногих словах утвердилось произношение с *ь* вместо *и*: *дьявол, дьякон, дьяк, итальянец, медальон, павильон, папильотка, пьеса, фамильярный*: их и следует употреблять в этой форме. Грот стремился и некоторые слова первой категории сблизить в форме с их французским источником, рекомендуя произносить и писать: *арьергард, батальон, бильярд, брильянт, компаньон, почтальон.* Подобные произношения, конечно, иногда слышатся в образованном обществе, но не так часто, чтобы им отдать преимущество перед издавна утвердившимися формами с слоговым *и.*

78. В словах *курьёзный, серьёзный* сочетание wo теперь почти уже не употребляется, хотя еще не очень давно в литературном языке предпочитались формы *куриозный, сериозный.* Грот, например, считал формы с *ё* только терпимыми и рекомендовал формы с wo.

79. Французско-немецкий дифтонг *ей* передается у нас теперь обыкновенно как *ей*: *нейтрализовать, нейтралитет, нейтральный* и т.д. Прежде он передавался посредством *еу* (ближе к письму). Еще Академический словарь дает формы: *неутрализовать* («Кислота, соединяясь с металлическими окислами, *неутрализует* их, образуя соли»), *неутрализоваться* («Щелочи *неутрализуются* кислотами»), *неутралитет, неутрально* («Держать себя *неутрально*»), *неутральный* и пр.

80. В заимствованных словах мы часто затрудняемся вопросом, одну или удвоенную согласную писать и говорить.

Прежде всего, не следует удваивать согласную в словах, не имеющих удвоения в первоисточнике, что иногда встречается в нашем употреблении. Необходимо принять для следующих слов только формы: *дилетант, драма, Иларион, Илиада, импресарий, карикатура, литература, лотерея, пилигрим, привилегия, проблема, шулер.*

Затем в русском письме и произношении в словах более или менее давно заимствованных имеется ряд форм, в которых удвоение исчезло и не должно вводиться вновь; таковы слова: *адрес, амуниция, апелляция, аплодировать, асессор, арест, афиша, барьер, грамота, канцелярия, карета, катар, команда, компрометировать, конкуренция, оказия, офицер, панихида, форейтор.*

В некоторых словах мы колеблемся между книжными формами с удвоением и народными без него: *аттака* и *атака*, *баккалавр* и *бакалавр, баттарея* и *батарея*, *каммергер* и *камергер*, *коммиссия* и *комиссия*, *корридор* и *коридор*, *параффин* и *парафин*, *Парнасе* и *Парнас*, *троттуар* и *тротуар*, *Фаддей* и *Фадей.*

Во многих же словах удвоенная согласная сохраняется в письме и произношении: *акклиматизация, аккомпанировать,*

аккорд, аккредитовать, аккуратный, аксессуар, аллебарда, аллегория, аллея, аллилуия, аллюр, апелляция, Апеннины, Аполлон, аппетит, артиллерия, асессор, ассамблея, ассигнация, ассистент, ассоциация, аттестовать, баллада, балласт, баллотировать, баррикады, бассейн, биллион, бюллетень, ванна, вассал, геенна, группа, дилемма, диссидент, диссонанс, дистиллировать, дрессировать, идиллия, иллюминация, иллюстрация, интеллигенция, Ипполит, каллиграфия, касса, Кирилл, классификация, коллегия, класс, коллекция, колонна, колосс, комиссар, комиссия, комментарий, коммерция, компресс, компромисс, конгресс, коралл, корректор, корреспондент, кристалл, манна, масса, металл, миллиард, миллион, миссия, норманн, оппозиция, оппонент, оппортунизм, паллиатив, параллель, пассажир, пассия, пресса, пресс, программа, прогресс, профессия, профессор, процесс, рессора, сессия, симметрия, сумма, суррогат, суффикс, телеграмма, терраса, территория, террор, труппа, Филипп, финн, эпиграмма, эффект и др.

81. Удвоение гласных в письме уместно только там, где и в выговоре заимствованное слово имеет два отдельных гласных звука: *Аарон, Авраам, Исаак, Ваал, Лаокоон, пиит, геенна, Аа* (река в Курляндии) *Цеэ* (*Zehe*).

Не следовало бы передавать удвоение из чужого письма, если оно обозначает не двойную, а только протяжную (долгую) гласную. Поэтому было бы лучше в письме употреблять исключительно: *Ахен, Аргау, Гага, Валь, Трансваль, Шпре* и пр. (а не *Аахен, Гаага, Трансвааль* и под., вызывающие неправильное произношение с двумя гласными).

82. Приспособление иностранных слов к русскому произношению выразилось, между прочим, в потере звонких в конце слов или перед глухими. Таким образом, вместо старых *джигид, матроз, стамезка* имеем *джигит, матрос, стамеска* (откуда *стамесок, стамесочка*).

83. Особого рода (не фонетические) изменения в иностранных словах происходят вследствие того, что в народной среде чужие слова сближаются с подходящими по звукам своими и

под влиянием последних первоначальные звуки чужого слова подменяются звуками, взятыми из русских слов. Таким образом, латинское *високосный*, под влиянием *высоко*, переделано в *высокосный*, персидское *хазовый* (конец) сближено с *казать* и обратилось в *казовый* (конец)[7]. Слово *кацавейка* подпало влиянию слова *куцый* и является часто в форме *куцавейка*, греческое *клирос* отожествлено с *крылом* и превратилось в *крылос*, слово *маис* иногда является в виде *майе* по влиянию слов вроде *май, майся*, в слове *приосаниться* чужой корень *сан* подменялся некогда своим *сам* и в языке явилось слово *приосамиться*, слово *сироп* обратилось в *сыроп* под влиянием *сырой.*

Необходимо, впрочем, заметить, что хотя эти подвергшиеся «народной этимологии» слова и встречаются иногда у авторов, однако современный литературный язык предпочитает употреблять их в чистой форме: *високосный, кацавейка, клирос, маис, приосаниться* (народная форма этого слова теперь совсем не допускается), *сироп*; только *казовый* вытеснило первоначальную форму *хазовый*, и последняя теперь не встречается в обращении.

84. Наблюдается также применение одних заимствованных слов к другим, более употребительным. Так, немецкие *берейтор, ефрейтор, форейтор* получили свое окончание под влиянием таких слов, как *доктор, ректор, пастор* и под. Первоначально же они явились у нас в чисто немецкой форме *берейтер, ефрейтер, форейтер,* которые и господствовали в XVIII в. Еще у Карамзина находим *форейтер.*

85. Обыкновенно в иностранных словах книжный язык стремится удерживать их первоначальную форму. Так, в невзыскательном употреблении мы нередко встречаем формы *магнитизм, магнитизировать,* составленные нами под влиянием *магнит*; однако литературный язык одобряет данные слова толь-

---

[7] Новообразование *казовый* считалось «неправильным» и не допускалось старыми академическими словарями; вошло только в I том 4-го выпуска Академического словаря русского языка, вышедшего в 1907 г.

ко в той форме, какую указывает их первоисточник: *магнетизм* (франц. *magnetisme*), *магнетизировать* (нем. *magnetisieren*).

Впрочем, образованные под влиянием *экзамен* русские формы *экзаменовать, экзаменатор* более приняты, чем сближенные с латинским первоисточником формы *экзаминатор* (рекомендуется Гротом), *экзаминовать* (употреблялось в таком виде Гречем). При литературном *цензировать* (нем. *zensieren*) в печати встречается и *цензуровать* (русская переделка под влиянием *цензура*).

86. При образовании других иностранных глаголов мы не руководствуемся русскими звуковыми отношениями, но берем производные слова в той форме, какую они имеют в первоисточнике. Поэтому при *аннексия* имеем *аннектировать* (говорят и *аннексировать*), при *дезинфекция — дезинфицировать*, при *инспекция — инспектировать*, при *коллекция — коллектировать* (нем. *kollektieren*) и *коллекционировать* (франц. *collectionner*), при *синдикат — синдицировать*, при *фальсификация — фальсифицировать*, при *электрофикация — электрофицировать.*

При *претензия* имеем прилагательное *претенциозный*, откуда *претенциозность.*

87. Заметим, что иностранная форма сохраняется лучше в словах, редко употребляемых и недавно вошедших в обращение. В более старых прилагательных *апокалипсический, апоплексический, синтаксический* и под. держится эта русская форма.

«Звуками почти *апокалипсическими* изображен побег из города, обреченного гибели» (Гоголь, Существо русской поэзии).

«Латкин подвергся *апоплексическому* удару» (Тургенев, Часы).

«Под вечер Андрей Ефимыч умер от *апоплексического* удара» (Чехов, Палата № 6, 139).

«В *синтаксическом* отношении лицом действующим может быть не только одушевленный, но и неодушевленный предмет» (Буслаев, Историческая грамматика, § 125).

«Ни грамматической, ни *синтаксической* формы для них тоже не требуется» (Щедрин, Господа Головлевы, 177).

§ 15. Сложные слова

88. В сложении слов соединительные гласные *о* и *е* являются соответственно твердому или мягкому окончанию первой части сложения: при *сад, дом, путь, земля, медный, синий* имеем *садоводство, домоводство, путешествие, земледелие, медно-красный, синехвостка* и пр. Однако при *кровь* имеем *кровообращение, кровопролитие, кровоизлияние, кровопускание, кровотечение* и пр.; при *конь* имеем *конокрадство* (но *коневодство*), при *червь — червообразный, червогонный, червоточина*, при *честь — честолюбие*, при *шесть — шестопсалмие*. Соответственно старинному *дальный* имеем *дальнобойный,* а согласно теперешнему *дальний* имеем *дальневосточный.*

Формы *кровеобращение, кроветечение, кровеочистительный, червегонный, червеобразный* менее употребительны, но встречаются в литературном языке.

89. Современный литературный язык в слове *Новгород* склоняет только вторую часть сложения (*Новгорода, Новгороду* и пр.), а прилагательное употребляет без соединительной гласной (*новгородский*); в старом известны народные формы *новогородский* и *Новагорода, Новугороду* и т.д.

При современных *царьградский*, *Царьграда* имеем старые *цареградский, Цареграда.*

«С дружиной своей, в *цареградской* броне, Князь по полю едет на верном коне» (Пушкин, Песнь о вещем Олеге).

«Янтарь на трубках *Цареграда*...» (Пушкин, Евгений Онегин, I, 24).

«И этих куполов, которых вид один Напоминает вам предместья *Цареграда*» (Полонский, Прогулка по Тифлису).

90. В ряде слов основа первой части сложения берется то от существительного, то от прилагательного, так что получаются две формы одного и того же слова: *варшаво-венская* и *варшавско-венская* (железная дорога), *болгаро-турецкая* и *болгарско-турецкая, итало-турецкая* и *итальяно-турецкая* (война), *рязано-уральская* и *рязанско-уральская* (железная до-

рога), *с.-петербурго-приморская* и *с.-петербургско-приморская* (железная дорога), *кругоглазые* и *круглоглазые, цементо-бетонный* и *цементно-бетонный.*

Заметим: *взаимодействие, взаимоотношение*, а не *взаимно-отношение, взаимнодействие,* как встречается иногда в просторечии.

91. При сложении *рукопожатье* имеем и *рукожатье* (менее употребительное).

При старом и народном *солнопек* (от корня *солн,* который видим в *солнышко*) имеем подновленное *солнцепек* (менее употребительно), составленное под влиянием *солнце.* Сравните также *солноворот* и *солнцеворот.*

В старом языке была в большом употреблении форма *противу*, в современном обращается только *против.* В прежнем языке преобладали и отчасти дошли до нас сложения с первым словом: *противуположный, противуположность, противупоставить, противустать, противустоять,* даже *противуречие*; в современном языке господствуют сложения, связанные с формою *против: противоположный* (здесь и дальше *о* — соединительная гласная), *противоположность, противопоставить, противостоять, противостать, противоречие* и пр.; однако обыкновенно: *противугнилостное средство.*

При слове *между* имеем разного рода сложения: 1) без соединительной гласной: *междуведомственный, междукостный, междумускульный, междуреберный, междуначалие, междуцарствие*; 2) с соединительной гласной: *междоусобие, междоусобный.* Колеблемся в формах: *междоречие* и *междуречие.*

92. Там, где при сложении слов получаются два одинаковых слога, один может пропускаться: *противосставать* из *противовосставать* (устарелое), *сиворонок* (редко) и *сивоворонка*, *знаменосец* и *знаменоносец* (оба употребительны в современном языке, но последнее меньше). Впрочем, *знаменосец* можно считать сложением, подобным *времепровождение, времесчисление.*

93. Изредка встречаются также словоупотребления, в которых мы допускаем неправильности во второй части сложения.

Таково, например, слово *салотопленный* (образовано под влиянием 1-го лица глагола *топить*) вместо *салотопенный* (*салотопенный завод* — Академический словарь). Заметим еще, что *слезотечение* есть невольное течение слез без плача, *слезоточение* есть проливание слез, плач.

94. В слове *полоумный* первая часть сложения, как и в *полорогий*, имеет значение *полый* (пустой); вследствие неправильного сближения с *пол* в значении «половина» (как мы видим, например, у Даля) некоторые придают этому слову форму *полуумный*, современным языком не допускаемую.

При общепринятом сложении *неудобоваримый* встречается в разговорном языке и неправильное *неудобосваримый.*

95. В следующих сложных словах мы имеем соединения, в которые вошла форма родительного падежа: *богадельня, сумасброд, сумасшедший, христарадничать.* Этим словам иногда напрасно придавали форму сложенных при посредстве соединительной гласной *о*: *богодельня* (для такой формы, впрочем, есть основание в славянском языке), *сумосброд, сумосшедший, христорадничать.*

Слова *сумасшедший, сумасшествие* в разговорном языке обыкновенно слышатся в упрощенной форме: *сумашедший, сумашествие.* Некоторые, между прочим Буслаев («Историческая грамматика», § 80), допускали такую форму и в книжном языке.

96. Перестановка частей сложения встречается очень редко: *лизоблюд* и *блюдолиз* (обе формы встречаются в литературной речи).

97. В сложении числительных с прилагательными теперь в большем употреблении формы родительного падежа: *двух-, трех-, четырех-, пяти-, шести-, ...сорока-* и т.д. (*двухклассный, трехлетний, четырехугольный, пятиаршинный, шестиэтажный, сорокалетний*, однако: *сороконожка, девяностолетний, столетний, тысячелетний*).

98. Однако при числительных *три* и *четыре* имеем в некоторых словах общепринятые образования с формами: *тре-, четы-*

ре- (*трезубец, треножник, треугольник, треугольный, четырегранник, четыреугольник, четыреугольный* и др.).

В сложении с формою *четыре* обыкновенно находим слова у Гнедича: *четыребляшный, четыреколесный, четыреслойный.*

99. В слове *тридневный,* заимствованном из славянского языка, имеем сложение с формою именительного падежа *три-*; в других, чисто русских словах, такое сложение теперь не допускается.

В старом языке известно сложение с формою *сороко-*: *сороколетний, сорокорублевый.*

100. Старинное сложение с *дву-* (форма двойственного числа) удержалось и теперь в значительном числе слов: *двуглавый, двугодичный, двугорбый, двугранный, двугривенный, двукопытный, двукратный, двуличный* и т.д. Однако часть таких образований вытеснена позднейшими с формою *двух-*; например, вместо прежних *двулетний, двумесячный* имеем теперь *двухлетний, двухмесячный.* Не потеряно еще старое *двуколёсный* (Пушкин, Современник, I, 24), но есть уже и новое *двухколёсный.*

ЧАСТИ РЕЧИ

§ 16. Образование существительных

101. В «Исторической грамматике» Буслаева читаем: «Некоторые слова допускают [суффиксы] *-ыш-* и *-уш-*; например, *солнышко* и *солнушко, перышко* и *перушко* и др.; прежде *-уш-* чаще употреблялось и в книжном языке, а теперь выходит из обычая; но в разговорном и особенно в областном доселе держится крепко» (§ 63). Теперь можно сказать, что образования с суффиксом *-уш-* совершенно изгнаны из книжного языка, хотя в разговоре слышатся не только в областных говорах, но и в образованной речи. У писателей старых поколений немало примеров с *-уш-* в словах среднего рода и на письме.

«Ах! Зачем покидал я родимое *зернушко*?» (Жуковский, Овсяный кисель, изд. 1849 г.).

«Какие *перушки!* Какой носок!» (Крылов, Ворона и лисица).

«...На дне которой удил он хлебные *зернушки*» (Гоголь, Мертвые души, 178).

«Буря ль разыграется — Старые кораблики Приподымут *крылушки...*» (Лермонтов, Тамань, 149).

«Воробьи... распуша *перушки*, еще яростнее прежнего чирикали...» (Тургенев, Певцы, 127).

«...Материей, сплошь усеянной крупными *пупырушками* в виде бородавок» (Тургенев, Новь, 104).

Но от слов мужского рода уменьшительные образуются на *-ушко* или *-ушка*: *соловушко* (архаичное) и *соловушка* (новое), *воробушко* и *воробушка* (сравните старинное и народное *батюшко* и литературное *батюшка*) и т.д. Смешение окончаний среднего и мужского рода, как в следующем примере, не допускается.

«Андрей один, как *воробышка*, забился в темный угол» (Григорович, Светлое христово воскресенье, 265).

Сравните более употребительную форму *воробушек*: «Самый маленький *воробушек* лежит мертвый» (Л. Толстой, Как тетушка рассказывала...).

Краюшек вместо *краешек* — областное южновеликорусское произношение. Также и *мякуш, мякушек* вместо *мякиш, мякишек.*

От *камень* имеем *камешек* (правильно образованная, ср. *кремень — кремешек*, общепринятая форма), *камушек* (форма, собственно, южновеликорусская, но проникшая и в литературный язык; заметьте колебания между литературным и областным у Аксакова) и *камышек* (редкая форма).

«Белые, чистые пески с грядами разноцветной гальки, то есть *камушков*, широко расстилались перед нами» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 29).

«Отец отыскал мне несколько прекрасных, гладких, блестящих разными цветами *камешков*» (там же).

«...Толкая ногой *камешки* в воду...» (Гончаров, Обломов, 196).

102. Говорят и пишут с суффиксом *-як*: *лозняк, сосняк, ольшняк*, но у Тургенева и Фета, очевидно, по южному наречию: *лозник, сосенник, ольшаник, липник.* Однако и литературный язык допускает колебания между *березник* и *березняк.*

«Ручей, весь заросший *лозниками...*» (Тургенев, Бирюк, 8).

«Закраснели голые стволы *сосенника*» (Тургенев, Поездка в Полесье, 233).

«По обеим сторонам расстилалось лесное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелким *ольшаником*» (там же, 234).

«Над *липником* замолкнувшего сада...» (Фет, Псовая охота).

«Горы, покрытые частым зеленым *березником*...» (Карамзин).

«Он выбежит и за ворота: ему бы хотелось в *березняк*» (Гончаров, Обломов, 194).

103. Народное *постеля* (откуда: *в постеле*), считаемое теперь нелитературным, вполне допускалось в языке старых писателей, от которых перешло и к более новым.

«Когда уж лев стал хил и стар, То жесткая ему *постеля* надоела» (Крылов, Лев).

«*Постеля* есть, покой вам нужен» (Пушкин, Альфонс).

«В *постелю* влез и свечку погасил» (А. Толстой, Портрет, 53).

Жуковский употребляет слово *летай* как существительное на *-ай*, подобно *оратай, ходатай, вожатай* (при *вожатый*) и др. «Два *летая* дерутся на дороге, Кусаются, брыкаются...» (Сказка об Иване Царевиче, Стихотворения, т. VI, изд. 1849 г., 247). «Поехал, глупым *летаям* оставив На произвол, начать ли снова драку Иль помириться» (там же, 248).

104. Старый язык охотно употреблял существительные на *-ство*, которые у нас теперь уже не обращаются. Остатки их мы находим еще у Крылова и Пушкина.

«В Москву переведен через мое *содейство*» (Грибоедов, Горе от ума, д. I, явл. 4).

«Безумный плачет лишь от *бедства*, а умный ищет средства, Как делом горю пособить» (Крылов, Соловьи).

«Везде разметаны ее *свирепства* жертвы» (Крылов, Мор зверей).

«Игнатий Некрасов успел привести ее [мысль] в *действо*» (Пушкин, История Пугачевского бунта, II).

Обратно, вместо нынешних *беспокойство, довольство, чувство,* имеем старинные *беспокойствие* (изредка встречается и теперь), *довольствие* (теперь употребляется только в смысле «продовольствие»), *чувствие.* Также изредка употребляем и старинное *странствие*, обыкновенно же — *странствование.*

105. Новые книжные слова на *-ость*, означающие свойства того или другого качества, не являются произведением новейших писателей, как это иногда заявляют, но давно уже понемногу входят в литературный язык. Еще у Ломоносова есть *желтость, кислость*, у Сумарокова — *жаркость*, у Держави-

на — *литность, людскость* (слово, распространенное тогда и после), *отличность, прямовидность* (перспектива), *смертность*, у Крылова — *зеленость* (слово, известное и раньше), у Пушкина — *красивость*, у Гоголя — *земность*, у Лермонтова — *казармность, упрямость*, у Тютчева — *светлость, тихость.*

106. При обычных существительных *броня, греча, добыча, конопля, круча, ровня, сута, яблоня* мы имеем и менее употребительные *бронь, гречь* (южновеликорусское), *добычь, конопель* (южновеликорусское), *кручь* (то же), *ровень, суть, яблонь.* Обыкновенно: *кудель*, но есть и *куделя* (народное). При *герань* некоторые употребляют и *герания.* Теперь употребляем только *ролы*, у старых авторов часто встречается *роля* (польское *rola*).

«На нем *броня*, пищаль, колчан...» (Пушкин).

«Едет бором, только слышно, Как бряцает *бронь*» (А. Толстой, Илья Муромец).

«Через всю степь тебе к подножью Ковер душистый стелет *гречь*» (Фет, Погода).

«Тогда-то он узнал, что *добычь* не по нем» (Крылов, Вороненок).

«*Добыча*, право, недурная!» (Крылов, Лев на ловле).

«Где тучный дуб растет над тучной нивой, Где пахнет *конопелью* да крапивой» (Тургенев, Лес и степь, 301).

«Над самой *кручью* широкого оврага находился небольшой березовый “заказ”» (Тургенев, Затишье, 47).

«Иван Васильевич... вышел на *кручу* берега» (Чириков, В лощине меж гор, 60).

«Только тебе я не *ровенъ*» (Случевский, Часть бесконечности).

«Неба своды, Творец, поддержаны тобой, Да не падут на *сушь* и воды» (Пушкин, Подражания Корану, V).

«*Яблонь* была в цвету» (Тургенев, Андрей Колосов, 24).

«Я нашел Варю в саду, под *яблоней*» (Тургенев, Андрей Колосов, 21).

«*Куделя* вспыхнула» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 32).

«Уж ничего не видит он, Бледнеет, *ролю* забывает...» (Пушкин, Руслан и Людмила, III).

«Цензор в спокойствии нашем Равную *ролю* играл» (Некрасов, Рассыльный).

«*Роля* хвастуна, скупого» (академический Словарь).

107. Мы редко употребляем некоторые существительные с окончанием *-ина*, означающим единичность: *виноградина, изюмина* и т.п.

108. Русский язык имеет в существительных и наречиях ряд образований, в которых чередуются твердые и мягкие окончания: *нутрь — внутрь — внутри* и *нутр — внутр*; **впередъ*[8] — *впереди* и *перед — вперед*; *середь* (народное) — *середи* и *серед* (южное); **задь — позадь — сзади* и *зад — сзада*; *очередь* и *чередь*; *явь — въявь* (чаще, чем *въяв*) и *яв — въяв — въяве — наяву.*

109. От разных, хотя и сродных корней также образованы слова *убирка* и *уборка* (*убирка комнаты, убирка травы и хлеба; уборка комнаты, уборка хлебных растений*), *обжег* (повреждение на теле от огня или жара; лекарство от *обжега*) и *обжиг* (обжигание).

110. При *кровопиец, кровопийца, кровопийство* имеем и *кровопивец, кровопивство*; отсюда глаголы *кровопийствовать* и *кровопивствовать.*

«Голодные маляры едва не били его, обзывали жуликом, *кровопийцей*» (Чехов, Моя жизнь, 133).

«Как истинный *кровопивец*, он не приступил к делу прямо» (Щедрин, Господа Головлевы, 52).

«Это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия *кровопивства*) завоевать себе положение в обществе» (Щедрин, Убежище Монрепо, 134).

«Но у него есть готовность *кровопивствовать* — и это значительно помогает ему» (Щедрин, Убежище Монрепо, 131).

---

[8] Звездочка перед словом означает, что оно не обращается в языке, а только предполагается филологами.

§ 17. Склонение существительных мужского рода

111. В именах существительных мужского рода старинный русский язык и народный употребляют в родительном падеже окончание *-у* гораздо чаще, чем оно употребляется теперь. Вследствие этого у образцовых писателей формы на *-у* сравнительно обильны, но значительная часть их не считается обязательной для современного языка, и многое даже не допускается им. При этом слова, имеющие в родительном падеже *-у*, большею частью допускают и окончание *-а.* Случаи употребления и стилистическое отношение двух этих форм верно определил уже Ломоносов, рекомендовавший для славянских, книжных, отвлеченных значений формы на *-а*, а для разговорных — формы на *-у*, указавший формы на *-у* для собирательно-вещественных, разделяемых по числу или весу: *анису, бархату, бисеру, воску, квасу, чесноку, льду*; для некоторых имен, означающих место и время: *базару, берегу, верху, низу, веку, лугу* и др. («Грамматика», § 172—179).

Так как в современном употреблении правильные формы родительного на *-у* нередко подменяются новыми мнимограмотными формами на *-а*, то следует рекомендовать формы родительного на *-у* в выражениях, подобных: *очень много анису, покажите атласу, купил бархату, привезли бисеру, принес винограду, мешок воску, много воздуху, в ране много гною, купи гороху, принеси дегтю, много дыму, насыпали ельнику, нитка жемчугу, наиграть жиру, подай изюму, принес картофелю, выпил стакан квасу, налил керосину, достал кипятку, сварил немного клею, дайте коньяку, насеяли клеверу, корму достанет, купил крыжовнику, много ладану, принес льду, выпил лимонаду, нарвал луку, купил лесу на сарай, посеял маку, принес мармеладу, мало меду, прибавьте миндалю, мозгу мало, нарвал моху, навалили мусору, приготовь мелу, привези навозу, много народу, понюхал нашатырю, купи перцу, насыпьте песку, фунт пороху, налил портвейну, рому, пролил много поту, положи туда рису, приготовили немного салату, мало сахару, купил ситцу, набра-*

лось много всякого сброду, мало снегу, попил соку, положил солоду, много сору, поднес спирту, поел супу и *сыру, купил табаку, попробовал творогу, прибавил уксусу, притащил хворосту, занял хмелю, бутылка хересу, много хламу, привез цементу, напустил чаду, покушал чаю, хочу чернослива, наелся чесноку, прибавь шафрану, чашка шоколаду, много шелку, куча щебню, принял яду, купил ячменю* и др. под.

112. К этому же разряду приближаются такие отвлеченные имена существительные, которые изменяются количественно, обозначая меру или степень предмета или качества. Таковы: *блеск, визг, вес, жар, зной, крик, лоск, пыл, рост, свет, сбор, спор, срок, слух, страх, толк, ход, шаг, штраф, шум* и другие односложные слова, не переносящие ударения на окончание. Сюда же относятся имеющие более одного слога: *гонор, голод, голос, доход, задаток, задор, запах, испуг, оброк, отдых, откуп, покой, прибыток, промах, простор, размах, товар, убыток, холод, шорох, эгоизм, ясак* и некоторые другие. Здесь, однако, всегда допускались и формы на *-а*, а в современном языке они несомненно преобладают.

113. К этой же группе надо отнести выражения: *что есть духу; только и разговору; только и толку* и под.

«Вася что было *духу* пустился к котенку» (Л. Толстой, Котенок).

«Дома об них только и *разговору*» (Щедрин, Губернские очерки, 107).

«Сначала только и было *толку*, что о вчерашнем фейерверке» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 378).

114. В значениях места прежде всего обращает на себя внимание частое употребление родительного на *-у* после предлогов *из*, *от*, *с* в оборотах, означающих движение удалительное, исходное откуда-либо, а также причину, от которой что-либо происходит.

«Года четыре провел он в чужих краях, то гоняясь за нею, то с намерением теряя ее из *виду*» (Тургенев, Отцы и дети, 46).

«И я опрометью выбежал из *дому*» (Достоевский, Бесы, III, 59).

«Волк из *лесу* в деревню забежал» (Крылов, Волк и кот).

«[Мужиков] не видно было в поднимавшемся из *низу* тумане» (Л. Толстой, Анна Каренина, 328).

«Сотни мужичьих голов, как спелые колосья от *ветру,* нагибаются и вновь подымаются» (Короленко, Старый звонарь 247).

«Получив отказ от руки и от *дому...*» (Тургенев, Хорь и Калиныч, 9).

«Надо было лежать на лавках, чтоб не задохнуться от *дыму*» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 114).

«Они не могут почти ходить от *жиру*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 431).

«И, заметив полосу света, пробившуюся с *боку* одной из суконных стор, он весело скинул ноги с дивана» (Л. Толстой, Анна Каренина, 6).

«Ведь мы с *голоду* умрем» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 186).

«Он захлопнул крышку и приподнялся с *полу*» (Тургенев, Отцы и дети, 272).

«Куры бездомные с *холоду* ежатся...» (Некрасов, Пожарище).

115. К этому же родительному, означающему удаление, исход, большею частью примыкают и немногие обороты с формою на *-у*, после предлогов *из*, *от*, *с*, показывающие время.

«На двадцать восьмом году от *роду* он уже был капитаном» (Тургенев, Отцы и дети, 44).

«Я... час от *часу* умножал игру» (Пушкин, Капитанская дочка, гл. I).

«Всякий мало-мальски путный человек должен был с первого *разу* это увидеть» (Тургенев, Конец Чертопханова, гл. XII).

116. Немало случаев, когда родительный на *-у* с предлогом *с* обозначает место или образ действия: *с боку, с голосу, с налету, с тылу* и т.п.

117. Во многих случаях выражения с предлогом *с* уже перешли в наречия: *сбоку, сверху, снизу, сразу* и др.

118. Окончание *-у* проникло даже и в наречия, особенно такие, которые образованы из прилагательных краткого окончания: *сдуру, сослепу, смолоду, спросту* (Лермонтов, Ребенку).

119. Соответственно исходу, удалению и достижение с предлогом *до* также нередко выражается родительным с окончанием *-у.*

«Она причесалась почти до *мозгу*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 375).

«Осмотреть дом с верху до *низу*» (Академический словарь).

«У дверей сверху до *полу* висят вывески...» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 464).

«До *свету* надо покрепче уснуть» (Некрасов, В деревне).

«На целую неделю оставил меня на свободе с утра до вечера бегать с ружьем до *упаду*» (Аксаков, Воспоминания, 309).

120. Редкие случаи родительного с окончанием *-у* после предлогов *для* и *у* нужно считать народными и старинными оборотами, которые современному литературному языку уже не свойственны.

«Аркадий... подозвав возвратившуюся Фифи, стал для *контенансу...* гладить ее по голове» (Тургенев, Отцы и дети, 129).

«Взор искрой засверкал, бьет у *рту* пена клубом [у льва]» (Крылов, Лев и комар (вариант).

«У *дому* ждут ломовые извозчики...» (Некрасов, Дешевая покупка).

121. Родительный на *-у* встречается в ряде отрицательных оборотов и выражений.

«Он... и *виду* не подавал, что мною доволен» (Аксаков, Воспоминания, 27).

«Ни *гласу*, ни послушания» (поговорка). «У него нет ни *роду*, ни племени» (пословица). «Еду-еду, *следу* нету» (поговорка). «О нем нет ни *слуху*, ни *духу*» (т.е. нет никаких известий) (поговорка). «Нет ни *складу*, ни *ладу*» (поговорка).

«Есть и про солнышко беда: нет *ладу* с сыном никогда» (Жуковский, Летний вечер).

«Ягод *обору* нет» (Щедрин, Пошехонская старина, 9).

«У нас об Англии *помину* нет» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 79).

122. К отрицательным оборотам, имеющим родительный на *-у*, примыкают и те случаи, где такая форма родительного имеется при предлоге *без* (*безо*).

«Прохор... пьет без *просыпу* и жену избил до смерти» (Л. Толстой, Анна Каренина, 125).

«И лев мысль барса утвердил без *спору*» (Крылов, Лев и барс).

«Говорит он без *умолку...*» (Щедрин, Господа Головлевы, 25).

«Как будто бы без *умыслу* рассказала ей, как она помирилась с Виларом» (Карамзин, Мармонтелевы повести, 232).

123. Из положительных оборотов родительный на *-у* обыкновенно употребляется в выражениях: *дать маху, сбиться с панталыку, смеху ради.*

124. Если при существительном стоит определение, то вместо формы родительного на *-у* мы часто видим форму на *-а.* В таких случаях привычная форма родительного в именах прилагательных, например *чистого*, вызывает привычную форму имени существительного, например *льда*; форму же *льду* мы привыкли связывать с прилагательным *чистому.*

«Сколько капитал этот мог приносить в год *доходу*, сколько она могла из этого *дохода* тратить...» (Щедрин, Господа Головлевы, 203).

«Перелинявши, червяки сильнее стали есть, и *листу* пошло еще больше» (Л. Толстой, Шелковичный червь).

«Я собрал их [червяков] и положил им свежего *листа*, но они отворачивали головы от листа и ползли прочь» (там же).

125. Впрочем, здесь мы не имеем дела с твердо установленным в языке правилом, а лишь с некоторым направлением нашего грамматического сознания и привычек речи. Употребляющие формы родительного на *-а* при определении часто пользуются ими и без него, а те, которые привыкли пользоваться формами на *-у*, употребляют их и после определения.

126. В родительном определительном (крыльцо *дома*) и описательном (человек высокого *роста*) теперь употребляется обыкновенно только форма на *-а.*

127. У писателей встречаются с окончанием *-у*, отличающим чисто русскую речь, даже слова славянские и иностранные, теперь обыкновенно принимающие окончание *-а.* Так, в «Мертвых душах» Гоголя находим формы: *банку, капиталу, таланту, куражу, такту, гарниру, скандальозу.*

128. В существительных вещественных и собирательных окончание *-а* употребляется лишь в тех случаях, когда нет значения делимости и количества: *вкус чая, после чая, белизна снега, дороговизна сахара, вред табака, бутылка для уксуса, болезнь мозга, хуже яда, истребление леса, воля народа* и т.п.

«В них сладость *меда,* благовонье розы» (Языков, Странный случай).

«Глубокое озеро, дно которого состояло из белого *песка*» (Аксаков, Семейная хроника, 26).

«Кадки с водою и ящики для *песка*...» (Куприн, Детские рассказы, 79).

«И соли от *сахара* не отличаю» (Андреев, Жизнь человека, 172).

«После *чая* ляжет тотчас на диван» (Гончаров, Обломов, 112).

129. Однако отступления от этого правила так часты, что примеров на его нарушение можно собрать не меньше, чем на его соблюдение. К отступлению от данного правила имеется много оснований: 1) слабая грамматическая школа и неразвитое чутье языка у части пишущих и говорящих, 2) широкое распространение некоторых часто встречающихся форм на *-у* (*чаю, табаку, песку*) во все категории родительного падежа, 3) трудность отличить в некоторых случаях разделительное значение от других, 4) влияние на литературный язык старинного и народного, имеющих гораздо больше форм на *-у*, чем современный литературный язык.

130. И относительно невещественных названий немало случаев в языке писателей, когда колебания между двумя формами родительного обнаруживаются почти в одинаковых условиях. Например:

«Поцеловав и благословив четырех малолетних дочерей и особенно новорожденного сына, единственную отрасль и надежду старинного дворянского своего дома, ибо дочерей он считал ни за что: “что в них проку! ведь они глядят не в дом, а из *дому...*”» (Аксаков, Семейная хроника, 12). Там же: «убежали из *дома*» (30).

«Сон пропал, *аппетиту* не стало» (Чириков, Как это случилось, 125. Разговорное).

«В этот день он не обедал, — совсем не было *аппетита*» (Чириков, там же, 139—140. Слова автора).

«Крови не будет уже *ходу* по телу» (Л. Толстой, Яблони).

«Соку уже не было *хода* из кореньев в сучья, листья и цветы» (Л. Толстой, там же).

Если Аксаков и Чириков в приведенных примерах различают формы на *-у* и *-а* тем, что первые употребляют в словах действующих лиц, а вторые — в речи автора, то Толстой употребляет в данном случае две формы как совершенно равные одна другой.

131. Писатели уже давно не держатся строго в круге слов, употребляющихся с окончанием *-у*, как это можно видеть из следующих примеров, в которых нужно видеть недочеты языка.

«Уже нет *воска* и фитиль догорает» (Андреев, Жизнь человека, 190).

«Приехал Казбич и спрашивает, не нужно ли баранов и *меда...*» (Лермонтов, Бэла, 184).

«— В первый раз *от рода*, — отвечал он, самодовольно улыбаясь» (Лермонтов, Фаталист, 151).

«— Не хотите ли подбавить *рома*? — сказал я моему собеседнику» (Лермонтов, Бэла, 173).

«Дали [чаю] совсем без *сахара*» (Достоевский, Бесы, II, 177).

Вероятно, в большинстве подобных случаев мы видим плод ложной корректорской грамотности.

Известно, что усердие охранителей языка в пределах элементарных школьных норм заходит так далеко, что в наше время исправляются по современным ученическим грамматикам произведения наших классиков, употреблявших охотно родительный на *-у.* Исправление это делается не только в прозе, но и в стихах, в последних даже с разрушением рифмы. Так, в одном издании басен Крылова (М., 1898, изд. К.И. Тихомирова) неосторожный редактор исправил *у* на *а* в следующих стихах басни «Пустынник и медведь»:

О чем у них и что бывало *разговору*,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив;
Мишук с природы молчалив;
Так из избы не вынесено *сору...*
То видя, говорит, как путный,
Мишка другу: «Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у *досугу...*»
А муха снова у друга на носу,
И неотвязчивей час от *часу...*
Присел на корточки, не переводит *духу*,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, вструху!»

132. В народном языке формы родительного на *-у* гораздо более распространены, чем в литературном; поэтому у писателей, которые точно передают народную речь в говоре действующих лиц, часто встречаются такие родительные на *-у*, которых мы совсем не употребляем.

133. В общем родительный на *-а* не только преобладает в русском языке, но и вытесняет формы с *-у*, как это мы видели из приведенных указаний и примеров. Во всех названиях предметов одушевленных допускается только родительный на *-а*: *бра-*

та, сына, гуся и т.п.; то же во всех именах собственных: *Киева, Харькова, Днепра* и т.д. (исключение: *с Дону*). Форма на *-а* исключительно употребляется после числительных *два, три, четыре: два раза* (но: *ни разу*), *три часа* (но: *ждала до часу*), *четыре дома* (но: *из дому*), а также во всех словах, подлежащих счету, то есть соединяемых с числительными *один, два, три, четыре* и т.д. Таким образом, употребляем исключительно родительные: *города, года, сарая, стула, шкапа, тарантаса, плуга, дуба, арбуза* и т.п. — без ударения на конце (исключения есть для некоторых при предлогах; см. пп. 113—120 и далее) и с ударением: *куста, креста, сундука, топора* и т.п.

Почти нет случаев, где бы формы на *-у* проникали в эти категории слов, в которых твердо упрочилось окончание *-а.* Формы на *-у* не представляют такой стойкости. Прочны они более всего в словах вещественных-собирательных, в выражениях, ставших наречиями или близких к ним (*сбоку, снизу, с краю* и т.п.), в некоторых готовых чисто русских оборотах (*дал маху; сбился с панталыку; ни складу ни ладу* и др.).

Прочно также ударяемое *-у* в родительном уменьшительном на *-ок, -ек*: *медку, ледку, кваску, чайку, сахарку, табачку* и т.п.

Употребление в таких случаях окончания *-а* указывает на слабое знание русского языка. Но в других случаях, где окончание *-у* вполне уместно и формы на *-а* одинаково или еще и более употребительны, чем на *-у.* В современной печати заметно стремление совершенно истребить формы с *-у.* Такая нивелировка форм речи происходит с явным ущербом для языка, в котором формы на *-у* свойственны определенным случаям употребления и, кроме того, отличают речь простую, разговорную и особенно народную, а формы на *-а* свойственны речи книжной, отвлеченной, возвышенной. Сравните: *около саду — украшение сада; сроду не видывал — царского рода; ни слуху ни духу — обладатель тонкого слуха; с миру по нитке — удалился от мира; у меня много долгу — не исполнил сыновнего долга; не хватило духу отказать — от дурного расположения духа* и т.п.

134. В именах мужского рода единственного числа винительный падеж сходен с именительным, если предмет неодушевленный (*вижу дом, сад*), и с родительным, если предмет одушевленный (*вижу отца и брата*).

Это правило, однако, не соблюдается строго тогда, когда название одушевленного предмета относится к неодушевленному: *рисую двуглавого орла, делаю бумажного змея, изваял Зевса* (статую), *смотрю в телескоп на Юпитера, читаю* «*Обломова*», *выписываю* «*Учителя*» (журнал), *получил Станислава* (орден) и т.п.; но также: *пускаю змей, выписываю* «*Киевлянин*», *читаю* «*Народный учитель*» и др.

«По медицине же выписывает одного только *"Врача"*, которого всегда начинает читать с конца» (Чехов, Палата № 6, 40).

«Извозчик, как показалось ему, увидев его погоны, пуговицы и *Станислава*, окаменел» (Чехов, Орден).

«Я решился сделать из нее [географической карты] *змей*» (Пушкин, Капитанская дочка, I).

«Потом возьмут *змей*, разбегутся на ветер и пустят; ветер подхватит *змей*» (Л. Толстой, Для чего дует ветер?).

«Пристально смотрела на его огромный *Станислав*, качавшийся у него на шее» (Достоевский, Униженные и оскорбленные, 230).

135. Мы говорим обыкновенно: *читать апостол* (во время богослужения); но у писателей иногда встречаем малорусское и южное: *читать апостола.*

«В праздник отхватает *Апостола* бывало так, что теперь и попович иной спрячется» (Гоголь, Пропавшая грамота).

136. При этом отвлеченные на *-тель*: *числитель, знаменатель, делитель, множитель* — употребляются как одушевленные: *помножить числителя на знаменателя, найти общего наибольшего делителя* и т.п.

Существительное *идол* употребляется как название предмета одушевленного (*сокрушить идола*); *кумир* и *истукан* принимаются как предметы неодушевленные (*вижу кумир, вижу истукан*); однако и эти слова могут употребляться как назва-

ния предметов одушевленных (*вижу истукана, смотрю на истукана*).

137. *Болван* принимает падежные формы сообразно со смыслом: *надень шляпу на болван* (деревянный); *говорю про болвана* (глупца). Также слова *мешок, пень, язык* в значении человека употребляются как одушевленные.

«Нашего *мешка* обманули» — Буслаев (= Ломоносов, Российская грамматика, § 187).

«В иного *пня* в десять лет не вдолбишь того, что другой ловит на полете» (Фонвизин, Недоросль, д. II, явл. 5).

«Казака, назвавшегося воеводою, взял с собою как *языка*» (Пушкин, История Пугачевского бунта, VIII).

138. Слово *животное* в разговорном языке иногда склоняется по образцу названий одушевленных предметов мужского рода (*зачем мучить животного*). Правильны только употребления по среднему роду: «— Зачем ты пускаешь к себе это *животное*? — заметил Штольц» (Гончаров, Обломов).

139. По образцу таких оборотов, как *прочитать, написать* «*Онегина*», «*Обломова*», возникают и неправильные, как *написал Космоса*.

140. При числительных *две, три, четыре* винительный падеж может иметь форму именительного, когда говорится об одушевленных предметах особенно женского рода: *украл две лошади, отпущено провизии на тридцать три женщины, взял на воспитание четыре девочки.* Однако обороты с *двух, трех, четырех* лучше.

141. В предложном падеже, вместо обычного окончания *-е*, при предлогах *в* и *на* имеют *-у* следующие, большей частью односложные слова, переносящие ударение на это окончание: *ад — в аду* (реже: *в аде*); *бал — на балу* (в старину чаще: *на бале*); *берег — на берегу* (реже: *на береге, на бреге*); *бережок — на бережку* (и *на бережке*); *бой — в бою, на бою; бок — на боку, в боку* («Чувствую сильную боль в левом *боку*»); *борт — на борту; бор — в бору, на бору* (реже: *в боре*); *бред — в бреду; быт — в быту* (и *в быте*); *бег — на бегу* (и *в беге*);

вал — на валу; верх — в (самом) *верху, наверху; вечер* (см. замечания в § 142); *вид — в виду, на виду* (и *в виде* — в образе; *на виде*: «*На виде* на жительство полиция сделала отметку»); *воз — в возу, на возу; волосок — на волоску* (старинное; теперь обыкновенно: *на волоске*); *ворот — на вороту* (и *на вороте*); *век — на веку,* но *в веке; вес — на весу,* но *в весе; ветер — на ветру* (и *на ветре, в ветре*); *ветерок— на ветерку* (и *на ветерке*); *герб — в гербу* (и *в гербе*); *глаз — в глазу, на глазу* (и *в глазе*); *год — в году, на году* (реже: *в годе*); *горн — на горну* (и *на горне*); *гроб — в гробу* (и *в гробе, на гробе*); *долг — в долгу; дом — в дому* (устарелое; теперь обыкновенно: *в доме*), *на дому* (употребляется лишь в выражении: *работать на дому, иметь что-либо на дому*); *Дон — на Дону; дуб — на дубу* (чаще: *на дубе*); *дух — на духу* (на исповеди); *дым — в дыму* (и *в дыме*); *жар — в жару, на жару; жир — в жиру, на жиру; зад — в заду* («в самом *заду* двора стояла маленькая тележка»); *зоб — в зобу* (реже: *в зобе*); *зуб — на зубу* (чаще: *на зубе*); *квас — в квасу* («*В квасу* (в квасе) плавает муха»), *на квасу* («Сижу на хлебе да *на квасу*») и *на квасе; клей — в клею, на клею* («Краска приготовлена *на клею*»); *Клин — в Клину; кол — на колу* (и *на коле*); *корень — на корню* (только в выражении: *хлеб, лес на корню*); *корм — на корму* (и *на корме*); *край — в краю, на краю* (реже: *в крае, на крае*); *круг — в кругу* (и *в круге*), *на кругу; кружок — в кружку* (реже) и *в кружке* («В своем *кружке* он имеет большое доверие»); *круп — на крупу* (и *на крупе*); *Крым — в Крыму; крюк — на крюку* (и *на крюке*); *куст — в кусту* (и *в кусте, на кусте*); *лад — в ладу; лаз — на лазу; лед — во льду, на льду; лёт — на лету; лоб — на лбу, во лбу* (и *в... лбе*); *лог — в логу; лоск — на лоску; луг — в лугу, на лугу; лес — в лесу* (реже: *в лесе*); *мед — в меду, на меду* («Пряники сделаны *на меду*»); *мир — в миру* (и *в мире*), *на миру; мозг — в мозгу; мост — на мосту; мох — во мху, на мху* («Клюква растет *во мху* и *на мху*») и *в мохе, на мхе; мыс — на мысу* («На песчаном *мысу* реки мы развели огонек») и *на мысе; мысок — на мыску, мел — в мелу, на мелу* («испачкал в мелу руки»; «тряпка лежит *на мелу*»); *мех — в меху, на*

меху (и *в мехе*); *невод — на неводу* (и *на неводе*); *низ — в низу; нос — в носу, на носу; овраг — в оврагу* (обыкновенно: *в овраге*); *остров — на острову* (и *на острове*); *откуп — на откупу; отпуск — в отпуску* (и *в отпуске*: «В отпуске чиновник провел больше времени, чем ему позволили»); *паз — в пазу* («*В пазу* над дверями крестьяне кладут осколки косы, чтобы предохранить себя от оспы»); *пай — в паю* (и *в пае*: «В каждом *пае* сто рублей»); *пар — в пару; перед — на переду; песок — в песку, на песку* (устарелые формы; теперь обыкновенно: *в песке, на песке*); *пир — в пиру, на пиру; плац — на плацу* (реже: *на плаце*); *плот — на плоту; плен — в плену; повод — в поводу, на поводу; погреб — в погребу* (чаще: *в погребе*; «Молоко стоит *в погребе*»); *под — в поду, на поду* («Хлеб пекут иногда в плошках, а иногда прямо *на поду*»); *полок — на полку* (и *на полке*); *полк — в полку; полог — в пологу; полон — в полону; пол — в полу, на полу; порт — в порту* (и *в порте*); *пост* (пощение) *— в посту* (во время поста как части года) и *в посте* (в воздержании); *пост* (место службы) *— на посту* (редко: *на посте*); *потолок — на потолку* (простонародное; обыкновенно: *на потолке*); *пот — в поту* (и *в поте*); *пруд — в пруду, на пруду* (и *в пруде, на пруде*); *пух — в пуху, на пуху; пыл — в пылу; рай — в раю; рант — на ранту; ров — во рву* (и *во рве*); *род — в роду* (и *в роде*), *на роду; рот — во рту; ряд — в ряду* (и *в ряде*), *на ряду; сад — в саду* (реже: *в саде*); *свет — в свету, на свету* (и *в свете, на свете,* чаще всего в значении «в мире», «в жизни на земле», и тогда не может иметь формы на *-у*); *скит — в скиту* (реже: *в ските*); *слух — на слуху; след — на следу* (и *на следе*), *в следу; смотр — в смотру, на смотру; смех — на смеху* (и *на смехе, в смехе:* «*В смехе* ее чувствуется принужденность»); *снег — в снегу* (и *в снеге*), *на снегу; сок — в соку* (и *в соке*); *сор — в сору; спирт — в спирту; стан — в стану* (и *в стане*); *стог — в стогу; строй — в строю; суд — на суду* (устарелое; обыкновенно: *в суде, на суде*); *сук — на суку* (и *на суке*); *счет — на счету* (и *на счете*: «*На счете* сделана доверительная надпись»), *в счету* (и *в счете*); *таз — в тазу, на тазу; терем — в терему* (чаще: *в*

тереме); *ток — на току; торг — в торгу* (и *в торге*), *на торгу* (и *на торге*); *тыл — в тылу; уголок — в уголку* (и *в уголке*); *угол — в углу* (реже: *в угле*), *на углу; узел — в узлу* (и *в узле*); *форт — на форту; хлев — в хлеву* (и *в хлеве*); *хмель — во хмелю* (в нетрезвом состоянии); *ход — в ходу* (и *в ходе*), *на ходу* (и *на ходе*: «*На ходе* дела его отсутствие совсем не отразилось»); *холм — на холму* (обыкновенно: *на холме*); *холод — в холоду* (и *в холоде*: «Живет *в холоде* и в голоде»), *на холоду* (и *на холоде*: «*На* таком *холоде* легко и простудиться»); *цвет — в цвету* (и *в цвете*); *чад — в чаду; чай — в чаю* (и *в чае*); *чан — в чану* (и *в чане*); *час — в часу* (и *в часе*), *на часу; чин — в чину* (чаще: *в чине*); *шаг — на шагу* (и *в шаге*); *шар — в шару* (и *в шаре*), *на шару; шелк — в шелку, на шелку; шест — на шесту* (и *на шесте*); *шкап* (*шкаф*) *— в шкапу, в шкафу* (и *в шкапе, в шкафе*), *на шкапу, на шкафу* и *на шкапе, на шкафе*); *шум — в шуму* (и *в шуме*); *яд — на яду; ям — на яму.* Также в наречных выражениях: *на скаку, на юру,* и наречиях: *внизу, наверху, вверху, ввечеру* (устарелое).

142. При других предлогах форма на *-у* встречается очень редко. Можем указать только: *о вечеру* («хвали день *о вечеру*», пословица), *о быту, при полку.* Не забудем и древнее «Слово *о полку* Игореве».

«Сказать ли вам теперь *о* моем *быту?*» (Грибоедов, Письмо к В.С. Миклашевич 3 декабря 1828 г., Сочинения Грибоедова, изд. Академии наук, т. I, с. XCIII).

«Доктор... возил ее [жену] везде за собой *при* гусарском *полку*» (Л. Толстой, Война и мир, т. IV, ч. I, 71).

143. Мы видим, что в данном круге слов окончание *-у* является господствующим (исключения оговорены нами). Колебания между формами на *-у* и на *-е* в большинстве случаев не являются произвольными, но зависят от смысла и характера речи.

В выражениях, принявших значение наречий (*на скаку, наяву, на юру* и пр.), возможно только окончание *-у.*

В некоторых случаях формы на *-у* и на *-е* обособились по значению или окрепли в особых оборотах речи: *на бегу* (во вре-

мя быстрой езды); *ввиду* (вследствие) и *в виде* (с целью, в образе), *быть на виду* (пользоваться вниманием, быть открытым); *на своем веку* (в своей жизни); *быть на весу* (висеть); *как бельмо на глазу, ни в одном глазе* (совершенно трезв); *работать на дому; быть в духе или не в духе* (в хорошем или дурном настроении) и *быть на духу* (на исповеди); *лежит в жару* (имеет повышенную температуру); *хлеб* (сено, лес) *на корню; жить в ладу; ловить на лету; неприятель на носу* (очень близко); *в чужом пиру похмелье; вести в поводу, идти на поводу; в посту* (во время поста, т.е. дней, назначенных для поста) и *в посте* (в пощении); *в пылу* того или другого чувства; у нас *в роду* (в породе) и *вроде* яблока (подобно яблоку), *в своем роде* шарлатан, *на роду* написано; *на свету* (на освещении) и *на свете* (в жизни, на земле); *пасха* была *на снегу*; человек *в соку* (в силах), *вариться в собственном соку* (истощать свои силы, не пополняя их, не облегчая себя); *быть на хорошем счету; быть во хмелю* (в опьянении); *быть в ходу* (в распространении), *на ходу* (во время езды или ходьбы); *в цвету* (во время цветения, расцвета) *и в цвете лет, сил; на каждом шагу* (часто, везде).

Формы на *-у* вообще имеют значение места и в предложении являются обстоятельством по вопросу *где*; формы на *-е* имеют значение дополнений и отвечают на вопросы *в чем, на чем.* Поэтому мы говорим: «Скот стоит на подножном *корму*», но: «Зимой я разорился на *корме* скота»; «Трава *в лугу* еще не скошена», но: «Он хочет купить пашню, а *в луге* не нуждается»; «Живет *в лесу*», но: «Знает толк *в лесе*»; «Был *в отпуску*», но: «*В отпуске* ему отказали»; «Завяз *в снегу*», но: «*В снеге* у нас нет недостатка»; «Купил сено *в торгу*», но: «*В торге* этом он не принимал никакого участия»; «Сижу *в углу*», но: «Сын не откажет матери *в угле* и хлебе».

Некоторое, хотя очень нерешительное, влияние на употребление формы предложного падежа имеет определение, именно определяемые формы чаще имеют окончание *-е*, чем *-у.* Мы употребляем, например: *на берегу* и *на самом береге*; *на ветру* и *на сквозном ветре*; *в году* и *в прошлом годе*; *на лбу, на горячем*

лбу и *в чистом холодном лбе* (два определения вызвали форму на *-е*); *в порту* и *в военном порте*; *на пруду* и *на этом-то пруде*; *в саду* и *в страшном саде*; *на суку* и *на том самом суке*; *в торгу* и *в этом торге*; *в углу* и *в своем угле.*

Затем, формы на *-у* происходят из живого, народного языка, формы на *-е* принадлежат речи книжной, письменной. В общепринятом библейском выражении *трудиться в поте лица* форма на *-у* совсем недопустима. И в других книжных, отвлеченных выражениях предпочитаем формы на *-е*: *в кругу друзей* и *в круге идей; у меня в роду* и *в роде Шереметьевых; кругом в долгу* и *в сыновнем долге* (обязанности).

Наконец, формы на *-у* и *-е* связаны с ударением слов. Формы на *-у* мало проникли в такие слова, которые имеют при склонении ударение на окончании (нельзя сказать: *на столу́, в кабаку́, в рукаву́, в снопу́, на двору́, на суду́* и т.п.), а также и в те, которые сохраняют везде ударение именительного падежа (невозможны формы: *на сту́лу, в сара́ю, в около́тку, в уча́стку, на база́ру* и т.д.). Таким образом, предложный на *-у* всего чаще является у слов, в которых при склонении ударение передвигается, начиная с именительного или родительного падежа множественного числа:

1) зоб — зо́ба — зобы — в зобу́, шкап — шка́па — шкапы — в шкапу́, бал — ба́ла — балы — на балу́, вал — ва́ла — валы — на валу́, пол — по́ла — полы — на полу́, пир — пира — пиры — на пиру́ и т.п.;

2) род — ро́да — родо́в — в роду́, зуб — зу́ба — зубо́в — на зубу́, год — го́да — годо́в — в году́ и пр.

Так как в литературном языке многие слова не отличаются устойчивостью в ударении падежных форм, то вместе с колебаниями в ударении является раздвоение и в употреблении форм предложного падежа. Мы видели, что склонение, примыкающее по ударению к типу *стол*, дает предложный на *-е*. Обыкновенно мы склоняем с такими ударениями слова *куст, пруд, узел, хлев, холм;* естественно, что мы и в предложном падеже употребляем от этих слов формы на *-е*: *в кусте́, в пруде́, в узле́, в хлеве́, на*

холме́. Но так как есть группа говорящих, которая в единственном числе не переносит в этих словах ударения на окончание, то она вносит в язык формы на *-у*: *в кусту́, в пруду́, в узлу́, в хлеву́, на холму́.* Каждая группа усваивает произношение другой, и от этого происходят колебания в живом языке у одних и тех же лиц. Таким образом, колебания между формами предложного определяются, между прочим, также неодинаковостью ударения и в родительном таких слов, как *горна, пая, ряда, стана, чана, шара, шкапа.* Не передвигающие ударения наконец будут более склонны говорить: *на бо́рте, в го́рне, в па́е, в ряде, в ста́не, в ча́не, в ша́ре, в шка́пе* (склонение по типу *стул — сту́ла — на сту́ле*); переносящие ударение на последний слог скорее скажут: *на борту, в горну́, в паю, в ряду́, в стану, в чану, в шару́, в шкапу́* (склонение по образцу *полк — полка́ — в полку́, у́гол — угла́ — в углу́*).

В некоторых словах современное употребление колеблется между двумя формами, не отдавая предпочтения ни той, ни другой. Говорят: *на балу* и *на бале* (реже), *на бережку* и *на бережке, в быту* и *в быте, на вороту* и *на вороте, на ветру* и *на ветре, в гробу* и *в гробе, в жиру* и *в жире, в квасу* и *в квасе, в кругу* и *в круге, во мху* и *в мохе, на мыску* и *на мыске, на острову* и *на острове, в отпуску* и *в отпуске, в пруду* и *в пруде, в уголку* и *в уголке, в узлу* и *в узле, в хлеву* и *в хлеве, в холоду* и *в холоде, в цвету* и *в цвете* (в смысле физическом), *в чаю* и *в чае, в чану* и *в чане, в шагу* и *в шаге, в шару* и *в шаре, в шкафу* и *в шкафе.* Ясное дело, что в подобных случаях нам всего удобнее держаться такого словоупотребления, которое мы уже усвоили по привычке.

В ряде случаев употребляем обыкновенно или же исключительно формы на *-у*: *в бою, на боку, на борту, в бреду, на валу, в возу, на Дону, на жару, в жару, в клею, в Клину, в Крыму, в ладу, во льду, на лбу, на лугу, в лесу, в меду, в мозгу, на мосту, в мелу, на меху, в носу, в пару, на пиру, на плоту, в плену, в полку, на полу, в порту, в пуху, в пылу, в раю, на ранту, во рту, в саду,*

на смотру, в сору, в спирту, в стогу, в строю, на току, в тылу, в углу, в чаду.

Реже случаи, когда мы из двух форм предпочитаем предложный на *-е*: *на коле, в кусте, в мире, на неводе, на острове, на шесте, в шуме.* (Другие случаи оговорены раньше, в § 141—143.)

144. В современном литературном языке следующие формы существительных мужского рода в именительном (и винительном) падеже множественного числа имеют окончания *-а*, *-я* вместо *-ы, -и*: *адреса, альта, аптекаря, асессора, баса, бензеля, берега* (*брега*), *бока, борта, боцмана, буфера, бега, векселя, вензеля, вечера, воза, волоса, вороха, веера, века, ветра* (редко), *глаза, года, голоса, города, грифеля, гроба, директора, дисканта, дома, доктора, дупеля, дьякона, егеря, желоба, жемчуга, жернова, закрома, инспектора, катера, кивера, кителя, колера, колокола, консула, конюха, короба, корпуса, корректора, края, крейсера, кренделя, кузова, купола, кучера, леера, лектора* (редко), *лиселя, лихтера, лоцмана, луга, лекаря, леса, маклера, мастера, невода, норота* (при *норот*), *номера* и *нумера, обшлага, окорока, округа, омута, оратора* (очень редко), *ордена, ордера, острова, откупа, отпуска, офицера, паруса, паспорта, перепела, писаря, повара, погреба*, *пойнтера, полога, попечителя* (редко), *порта, потроха, поезда, пояса, пристава, прииска, провода, промысла, профессора, раза, редактора, ректора, рога, рукава, слесаря, слога, служителя, снега, сорта, стога, сторожа, стрепета, струга, счета, суда* (им. ед. теперь *судно,* в древнем языке *суд,* которое видим в *сосуд* и *судок*), *тенора, терема, тетерева, тока, тома, тона, тополя, торбаса, тормоза, улья* (редко), *учителя* (*законоучителя*), *фактора*, *фельдфебеля, фельдшера, фельдъегеря, флигеля, флюгера, холода, хлева, хутора, цензора* (стар. *ценсора*), *циркуля, черепа, шафера, шелка, шенкеля, шкипера, шомпола, штемпеля, штурмана, шулера, щеголя, юнкера, якоря, ястреба.*

Окончание *-а* всегда соединяется с ударением. Оно может стоять только в словах с подвижным ударением, не переносящих ударения в родительном падеже единственного числа и перено-

сящих во множественном: *бе́рег — с бе́рега — эти берега́*, но: *куст — куста́ — кусты* (исключаются: *обшлага́, рукава́, хлева́*).

Таким образом, употребление форм именительного падежа множественного числа на *-а*(*-я*) и на *-ы*(*-и*) связывается еще и с различной акцентовкой форм множественного числа. Первые формы имеют ударения на окончании слова (*острова́ — острово́в — острова́м — острова́ми — об острова́х*), вторые — на основе (*ку́полы — ку́полов — ку́полам — ку́полами — о ку́полах*). Это надо иметь в виду и при наших колебаниях и затруднениях в выборе форм на *-ы* и на *-а*. Мы предпочитаем формы: *консулы, крейсеры, мичманы, редакторы, офицеры, порты, приски, попечители, ректоры, лекторы, промыслы, факторы, соколы*, потому что обыкновенно употребляем их с ударением на основе: *мичманов, офице́ров, попечителей, ле́кторов, фа́кторов* и т.д., но для тех, кому привычны произношения с ударением на окончании: *мичмано́в, офицеро́в*, *попечителе́й, ректоро́в, лекторо́в, корректоро́в, факторо́в*, естественно и употребление форм на *-а* от этих слов: *мичмана́, офицера́, попечителя, ректора́, лектора́, корректора́, фактора́, сокола́.* Мы не допускаем формы *оратора*, между прочим, и потому, что не терпим произношений: *ораторо́в, ораторам* и пр.

145. В немногих случаях формы на *-ы, -и* и *-а* отличаются по значению: *мехи* (кузнечные или сосуды) и *меха́* (шкуры зверей), *о́бразы* (воображаемые лица, изображения) и *образа* (иконы), *хле́бы* (печеные) и *хлеба́* (хлебные растения), *цветы* (растения) и *цвета́* (краски), *поводы* (побуждения, основания: «*поводы* к совершению поступка») и *повода́* (поводья: «Тут рыцарь прыг в седло и бросил *повода*» (Крылов, Рыцарь), *по́ясы* (географические) и *пояса* (для того чтобы подпоясываться), *о́рдены* (рыцарские и монашеские общества) и *ордена́* (знаки отличия).

«В груди как *мехи* кузнечные раздуваются» (Л. Толстой, Много ли человеку земли нужно, 497).

«От этого-то в холода одеваются в *меха*» (Л. Толстой, Тепло).

«Он был одет в богатые, неизвестные Макару *меха* и ткани» (Короленко, Сон Макара, 128).

«Нередко медленно меж ними я брожу И на знакомые их *образы* гляжу» (Пушкин, Полководец).

«Кузнец был богобоязливый человек и писал часто *образа* святых» (Гоголь, Ночь перед Рождеством).

«*Цветы* кивают мне, головки наклони» (Фет, Мотылек мальчику).

«Океан... скоро сам приобретает *цвета* ласковые» (Чехов, Гусев, 240).

Впрочем, мы иногда встречаем у авторов *меха* вместо *мехи.* Колеблемся также в выражении: «поступить на *хлебы*» (северное) и «поступить на *хлеба* к кому» (южное).

«*Меха* заменяются ныне поддувальным колесом» (Даль).

«Старые *меха* не выдерживают молодого вина» (Аксаков, Семейная хроника, 231).

«Его широкая грудь работала как кузнечные *меха*» (Короленко, Заседатель, 316).

«Когда б его всем сердцем не любили, пошли бы мы *на хлебы* к Фердинанду?» (Шевырев, Валленштейнов лагерь, М., 1859, 51).

«Гимназисты, чтобы переходить из класса в класс, поступали *на хлеба* к своим учителям» (Чехов, Моя жизнь, 94).

146. Употребление в большинстве случаев давно узаконило приведенные выше формы с окончанием *-а*(*-я*) вместо *-ы*(*-и*) в именительном падеже множественного числа имен мужского рода. Относительно редких словоупотреблений мы уже сделали необходимые оговорки. Если взять только самое близкое к нам время, то мы увидим полное господство в языке приведенных выше форм на *-а.* Однако они входили в наш литературный язык постепенно, и если рассматривать его за более продолжительный период времени, то мы увидим в нем много примеров широкого распространения исчезнувших ныне или исчезающих на наших глазах старых форм на *-ы*, *-и.* Мы и теперь еще видим часто колебание между старыми и новыми формами: *адресы* и

адреса, *возы* и *воза*, *вееры* и *веера*, *годы* и *года*, *гробы* и *гроба*, *директоры* и *директора*, *дупели* и *дупеля*, *дьяконы* и *дьякона*, *егери* и *егеря*, *инспекторы* и *инспектора*, *конюхи* и *конюха*, *желобы* и *желоба*, *жемчуги* и *жемчуга*, *крендели* и *кренделя*, *жерновы* и *жернова*, *закромы* и *закрома*, *коростели* и *коростеля*, *лоцманы* и *лоцмана*, *омуты* и *омута, округи* и *округа*, *офицеры* и *офицера* (реже), *пекари* и *пекаря*, *паспорты* и *паспорта*, *порты* и *порта*, *приставы* и *пристава*, *прииски* и *прииска*, *проводы* и *провода*, *профессоры* и *профессора*, *слоги* и *слога*, *служители* и *служителя*, *соболи* и *соболя*, *стоги* и *стога*, *сорты* и *сорта*, *счеты* и *счета*, *томы* и *тома*, *тоны* и *тона*, *тополи* и *тополя*, *тормозы* и *тормоза*, *фельдфебели* и *фельдфебеля*, *хлевы* и *хлева*, *шелки* и *шелка* (реже), *щеголи* и *щеголя* и др. Возникает вопрос, каких форм нам держаться в употреблении? Мы видим вообще поступательное движение и победу новых форм с *-а*, *-я* над формами с *-ы*, *-и*, и это дает нам основание смело держаться новых форм, если мы усвоили их употребление. Ведь и формы *века, дома, края, паруса, писаря, пояса, учителя, рога, снега* лет сто тому назад должны были казаться вульгарными, малограмотными.

147. Формы, живущие в современном языке, мы уже перечисляли; оговорим те из встречающихся у старых писателей, которые вышли из обращения или заметно устарели: *векселя, веки, домы, край, лекари, парусы, писари, поезды, поясы, роги, снеги, сторожи, учители.*

Остается еще назвать несколько старых форм, которые в современном употреблении несомненно господствуют над новыми: *волосы, консулы, попечители*, *разы*; сюда же, пожалуй, можно отнести и форму *офицеры.*

В общем наиболее стойко окончание *-а* в именах парных: *берега, бока, глаза, рога, рукава.* Здесь сохранилась древняя форма двойственного числа.

Затем немалое число форм дают иностранные слова, особенно с неударяемыми окончаниями *-ер*, *-ор*, *-ель.*

148. Интересны замечания о склонении и формы склонения некоторых слов именительного падежа мужского рода у Пушкина.

Пушкин склонял *татаре, татар,* как *бояре, бояр* («Критические заметки», 127): «*Татаре* тщеславятся этим скрыпом...» («Путешествие в Арзрум», «Современник», I, 24). «*Татаре* наши окружали их раненых...» (там же, 62).

Именительный множественного *бусурмане* у него образован от *бусурманин:* «*Бусурмане* на короля наскочили» («Видение короля»).

Пушкин склонял *цыганы, цыганов,* как *истуканы, болваны, -ов* («Критические заметки», 127). Такого словоупотребления держался и Буслаев, замечавший: «Форма *цыгане* вместо *цыганы* ошибочна, потому что единственное число *цыган* не оканчивается на *-ин*» («Историческая грамматика», § 96). Встречается оно и теперь: «Встречал я посреди степей, Над рубежами древних станов, Телеги мирные *цыганов*» (Пушкин, Цыганы. Эпилог). «Шуткины были смуглые, черноволосые, как *цыганы*» (Сологуб, В толпе, 118).

Вместо *болгарин, молдаванин, мусульманин* у Пушкина находим, согласно с народным языком, *булгар, молдаван, мусульман*: «Кирджали был родом *булгар*» («Кирджали»); (сравните у Батюшкова: «Меч сверкает в руке *болгара*» — «Предслава и Добрыня», 286; «Ненавистный *болгар*, жених ее» — Там же, 287). «Где ходит гордый славянин, француз, испанец, армянин, и грек, и *молдаван* тяжелый» («Из путешествия Онегина»). «Где, в гаремах наслаждаясь, Дни проводит *мусульман*» («Талисман»). «В Юрзуфе бедный *мусульман* Недавно жил...» (Черновые наброски).

В таком виде в разговорном языке юга России слово это дошло до наших дней: «Ты поп, я *мусульман*» (слова татарина, хорошо говорящего по-русски) (Чехов, Дуэль, 117).

Отметим еще встречающееся у Лермонтова *чечен* (теперь обыкновенно: *чеченец*): «Сидел *чечен* однажды предо мною»

(«Измаил-Бей», I, 4). «Злой *чечен* ползет на берег» («Казачья колыбельная песня»).

Теперь мы имеем словоупотребление: *татарин — татары, басурманин — басурмане* («Чему смеются *басурмане*?» — Пушкин, Гробовщик) и *басурман — басурманы* («Вот затрещали барабаны — И отступили *басурманы*» — Лермонтов, Бородино), *цыганы* и *цыгане* (чаще), *молдаванин — молдаване* («Был у меня муж, *молдаванин*» — М. Горький, Старуха Изергиль, 130); «Ночью *молдаване* тихо пели свои молитвы» («Русские ведомости», 1913, № 28), *мусульманин — мусульмане* («*Мусульмане* готовы на всякие жертвы» — «Новое время», 28 июля 1914 г.), *молоканин — молокане*; также: *чеченец — чеченцы*.

При *болгарин* имеем *болгары — болгар* («А *болгары* — народ расчетливый» — «Биржевые ведомости», 25 августа 1914 г., № 14333); «Воззвание *болгар*» («Русское слово», 12 августа 1914 г.). Здесь соединились падежные формы разных слов: *болгарин — болгаре* (в современном языке обыкновенно не употребляется) — *болгар* и *болгар* (старинное) — *болгары — болгаров* (старинное).

«Тебе известны храбрые поколения *болгаров*» (Батюшков, Предслава и Добрыня, 277—278). (Сравните там же, 278: «Где не известна храбрость *болгар* и славян?».)

«Великий князь победил *болгаров*» (Карамзин, История Государства Российского, I, 206).

«Наши ушли, *болгаре* разбежались» (Гаршин, Четыре дня).

Во множественном числе при форме *барин* употребляется другое слово — *господа*; формы *баре* и *бары* теперь имеются только в народном языке.

«Сбежалась челядь у ворот Прощаться с *барами*» (Пушкин, Евгений Онегин).

«Портреты гордых *бар*, краса гостиной» (Лермонтов, Сказка для детей).

Боярин у поэтов может иметь форму *бояры,* взятую из разговорного языка.

«Выходят важные *бояры*, Встав из-за ломберных столов, Взглянуть на мчащиеся пары Под гул порывистый смычков» (Баратынский, Бал, изд. 1894 г., где, вероятно, по вине редакции написано: *бояре*, не отвечающее рифме *пары*).

При слове *семьянин* Грот указывает формы именительного множественного: *семьянины.* Обыкновенно по-русски говорят: *семьяне, семьян* и пр. И Белинский в своей грамматике указывает формы *семьянин — семьян* (а не *семьянинов*, как выходило бы по Гроту, III, 135).

«Хлеб в печи раздвоился — к отлучке одного из *семьян*» (Даль).

«Обручи — честь и смирение, и доброе согласие, которое держит, и живит, и питает *односемьян*» (Даль, Притча о дубовой бочке).

149. В именах молодых животных на *-енок* именительный множественного числа обыкновенно оканчивается на *-ята*: *жеребенок — жеребята, медвежонок — медвежата, мышонок — мышата, крысенок — крысята, ягненок — ягнята, поросенок — поросята, котенок — котята, теленок — телята, цыпленок — цыплята* и т.п.

При *ребенок* в смысле «младенец, дитя» множественное обыкновенно *дети* (другое слово): «Мать получает пособие на *ребенка*»; «Мать получает пособие на *детей*».

В старых грамматиках указываются для некоторых слов формы множественного числа на *-и*: *гусенки, цыпленки, медвежонки.* Современный литературный язык таких форм не допускает. Редки они и у авторов. Только у Гоголя, в устах приятной дамы, находим совершенно необычное *ребенки* («Вся деревня сбежалась, *ребенка* плачут, все кричат, никто никого не понимает» — «Мертвые души», III, 183) и редкое *котенка*, отчасти объясняемое особым, непрямым значением слова («Шея его... казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых *котенков*, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы» — «Шинель»). У Фонвизина встречаем *цыпленков* («Весь наш стол состоял из двух не изжаренных,

а сожженных *цыпленков*» — Письмо из Ниренберга 29 августа 1784 г.), но лишь в сочетании с *двух*. Это сочетание нужно сопоставить с обычными: *два цыпленка, два утенка, два гусенка, два медвежонка*, по влиянию которых могут получаться и другие падежные окончания.

При *щенок* имеем *щенка* («Вы, *щенка*, за мной ступайте!» (Пушкин, Утопленник); здесь *щенка* в приложении к детям) и *щенята* (от предполагаемого *щененок*; пример на форму множественного числа см. выше). «Они кувыркаются и визжат от радости, как *щенка* на солнце» (Достоевский, Бесы, II, гл. 2).

Опенок во множественном числе обыкновенно: *опенка.*

При формах на *-ята* есть ласкательные на *-ятка, -яточка, -енятка*, *-еняточка.*

«[Выводят] таких миленьких, голеньких *крысяток*» (Андреев, Жизнь человека, 191).

«И поспешно, созвав *мышеняток* своих, убралася» (Жуковский, Война мышей и лягушек).

«Когда *птеняточек* ко сну потянет...» (Крылов, Добрая лисица (вариант).

Слова *бесенок, чертенок, жаденок* имеют обыкновенно форму множественного числа на *-ената*: *бесенята, чертенята, жаденята* (как бы от *бесененок* и пр.). При *ласята* имеем еще *ласенята,* при *волчата* встречается *волченята* (реже). У Гоголя в «Тарасе Бульбе» встречаем также *жаденки*: *куча жаденков, двое жаденков.* При *внук* имеем *внука* и *внучата* (последнее от употребляемой теперь только в народном языке формы *внученок*).

150. Родительный падеж множественного числа, равный основе (древняя форма), вместо обычного *-ов* имеют в современном литературном языке следующие слова: *глаз, волос* (старинное *волосов*), *сапог* (реже: *сапогов*), *чулок* (реже: *чулков*), *брелок, погон, аршан, алтын, раз, гренадер* (и *гренадеров*), *гусар* (и *гусаров*), *драгун, кирасар, сапер, улан, бахтаар, кадет* (и *кадетов*), *гардемаран* (и *гардемаринов*), *рекрут* (и *рекрутов*), *солдат* (старинное *солдатов*), *башкар, киргиз* (и *киргизов*), *монгол* (чаще: *монголов*), *могикан, тунгус* (и *тунгусов*), *старожил*

(и *старожилов*), *человек* (у старых, особенно у церковных писателей часто: *человеков*).

Укажем еще устарелые: *аромат, недуг, нерв, акр, стерлинг, пуд, фут* (изредка встречается и теперь), *матрос, пистолет, зуб, рог.*

Родительный множественного, равный основе, имеют также имена на *-ин*, опускающие во множественном числе суффикс *-ин*: *дворянин — дворяне — дворян, мещанин — мещане — мещан, крестьянин — крестьяне — крестьян, гражданин — граждане — граждан, славянин — славяне — славян* (у старых авторов есть и *славянов*), *армянин — армяне — армян* и т.д.

«Где ты, *славянов* храбрых сила!» (Дмитриев).

«Знакомый пир их манит вновь, Хмельна для них *славянов* кровь» (Пушкин, Бородинская годовщина).

Отдельно нужно сказать о родительных множественного, не имеющих окончания: *бар, господ, цыган, грузин, осетин, сарацин*, у которых именительный множественного не подходит к предыдущему типу.

Пушкин некогда задавал и разрешал вопрос: «Как надобно писать: *турков* или *турок?* То и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны» («Критические заметки»). Сам он употреблял обе данные формы. Теперь мы не допускаем уже формы *турков*, не употребляем и *турка,* так что и здесь в нашем языке объединились в одно склонение два разных слова: *этот турок — много турок* (форма, полученная от женского рода, но для нас связанная с мужским).

151. Винительный падеж множественного числа имен предметов одушевленных во всех родах сходен с падежом родительным, а предметов неодушевленных — с именительным: *знаю отцов, матерей и детей; вижу кресты церквей, крыши домов и деревья.*

Имена *рябчик, рак, омар, устрица* и пр., употребленные в смысле кушанья, принимаются нами как предметы одушевленные: *изжарили рябчика, съел рака, омара, устрицу; люблю рябчиков, раков, омаров* («А *омаров* ты любишь?» — Андреев,

Жизнь человека, 143), *устриц* («А ты разве ешь *устриц?*» — Чехов, Устрицы).

Названия предметов одушевленных, приложенные к неодушевленным, употребляются как последние.

«Спешу принести цветы и ульев сот янтарный И нежны *первенцы* полей» (Батюшков, Беседка муз).

«Предполагалось установить колоссальные двуглавые *орлы*» («Русские ведомости», 22 февраля 1913 г.).

Уже Греч указал, что «имена собирательные всегда употребляются как наименования неодушевленных, хотя бы составлены были из предметов одушевленных. По этому правилу, например, должно говорить: «Цесарь покорил многие воинственные *народы*», а не «многих воинственных *народов*», и «разбил *войска* неприятельские», а не «*войск* неприятельских» («Чтения о русском языке», I, 215).

Поэтому следует употреблять: «народ, *который* люблю», а не: «народ, *которого* люблю», и под.

Имена предметов отвлеченных могут употребляться как одушевленные, если они означают людей.

«Он пишет их портреты, Которые от Леты Спасли бы *образцов*» (Батюшков, Послание к А. И. Т-ву).

«Озеров нашел себе... достойного *образца*» (Белинский, VI, 323).

Сравните более употребительные: «он нашел себе достойный *образец*»; «превратился в *призрак*»; «похож на эти *творения*» и т.д. «Они не были похожи на эти презренные и жалкие *творения*» (Гоголь, Старосветские помещики).

Слова *власти* и в значении людей обыкновенно употребляются как названия предметов неодушевленных («опирается на светские *власти*»; «называю такие которые мне знакомы»), но возможно употребление: *просить властей, называть известных лиц.*

В выражениях, обозначающих переход лиц в должность, сословие или какое-либо общественное состояние, при глаголах *поступить, принять* и под. с предлогом *в* винительный падеж

предметов одушевленных имеет всегда форму именительного: *произвели в генералы, отдан в солдаты, записан в купцы, поступил в учителя, принят в студенты* и пр. В следующем примере неправильное словоупотребление: «Идет лов провинциалов в момент перехождения их в *студентов*» («Биржевые ведомости», 19 августа 1910 г., № 11874).

152. Обыкновенная форма творительного падежа множественного числа от имен мужского рода на *-ь* имеет окончание *-ями*, но у писателей встречается для некоторых слов старинная и народная на *-ьми*: *гвоздьми, гостьми, зверьми, желудьми, когтьми, козырьми, корольми.*

«Котомкой с *желудьми* сушеными ссудил» (Батюшков, Странствователь и домосед). «И барс и тигр смиренны, как ягнята, и с кроткими *зверьми* запанибрата» (Языков, Странный случай). «Эти счастливые дети своего времени в сборнике часто являются *гостьми*» (Белинский, VIII, 371).

Теперь обыкновенно употребляем: *гвоздями, гостями, зверями, желудями, когтями, козырями* («Хвать королей по усам всех *козырями*» — Гоголь, Пропавшая грамота), *королями.* Встречаем, однако, и *зверьми, желудьми, крыть козырьми.*

Люди в творительном падеже имеет форму *людьми.*

153. Слово *сосед* мы склоняем во множественном числе по мягкому склонению, а *холоп* по твердому, но у писателей XVIII и первой половины XIX в. встречаются как раз обратные изменения. У Пушкина обычны склонения: *соседы, соседов, соседам, соседами.* Встречаются они и у Белинского. *Холоп* во множественном числе Пушкин употреблял по мягкому склонению: *холопей, холопями.* То же и Белинский.

154. Крестное имя и слово *князь* при именах лиц стало теперь всегда изменяться по падежам. У писателей конца XVIII и первой половины XIX в. оно не всегда склонялось; такие формы, как *Александр Ивановича Боброва, Александр Ивановичу Боброву* («Грамматика» Барсова) и под., считались прежде более грамотными и более вежливыми: «Ждем *князь Петр* Ильича» (Грибоедов).

155. Слово *день* в старинном и народном языке имеет особые формы склонения: родительный единственного *дни*, родительный множественного *ден*, предложный единственного *на дню.* Формы эти довольно долго держались в литературном языке, особенно разговорном, но теперь их можно считать вытесненными из литературной речи.

156. Множественное число слова *человек*, ныне неупотребительное, было одною из самых обычных форм у поэтов XVIII в. Поэтому мы находим его и у Крылова: «Как агнцы, кротки *человеки*, И молоком текут там реки» («Волк и кукушка»). Теперь форму *человеки* употребляют только в выражении: «Все люди, все *человеки*»: «Все мы были люди, все *человеки*, все чувствовали свои слабости» (Щедрин, Признаки времени, 23).

157. Мы имеем два употребительных в литературном языке слова: *кочан* (южное) и *кочень* (северное). Первое склоняется: *кочáн, кочанá*, множественное число — *кочаны́*; второе: *кочень, кóчня*, множественное число — *кóчни.* Первое слово под влиянием второго для некоторых падежей утратило правильные формы своего склонения, так что при именительном *кочан* мы встречаем родительный *кочнá*, именительный множественного *кочны́, кочни* или *кóчни.*

158. Слово *зодчий* в старом языке склонялось как существительное: *зодчия, зодчию* и т.д.

§ 18. Средний род

159. Слово *плечо* в именительном падеже множественного числа принимает обыкновенно форму *плечи*, но встречается и старинная и народная *плеча.* В родительном падеже мы чаще употребляем форму *плеч* (восходящую к *плеча*), чем *плечей* (форма, связанная с *плечи*). В творительном падеже при обыкновенной форме *плечами* изредка наблюдается и *плечьми.* Также имеем *колено* (часть ноги) — именительный множественного *колена*, родительный *колен* и *колени* (как и *плечи* — остаток двойственного числа) — *коленей, коленям, коленями, на коленях.*

Мягкие формы вообще употребляются чаще твердых, но форма *колен* тоже очень употребительна.

160. *Ухо* в творительном падеже множественного числа имеет у нас форму *ушами*, но у старых писателей, согласно с народным языком, иногда находим *ушми*, впрочем, лишь в выражении: «конь *ушми* прядет».

161. Слова среднего рода на *-ко* с неподвижным ударением в именительном падеже множественного числа обыкновенно оканчиваются на *-и*: *лыко — лыки, веко — веки, лукошко — лукошки, очко — очки, яблоко — яблоки, окошко — окошки, колечко — колечки, личико — личики, перышко — перышки, ушко — ушки* и пр.; отсюда старинное *во́йски* при *во́йско* (сравните нынешнее *войска́* с переносом ударения на окончание). Некоторые из них и в родительном падеже множественного числа принимают окончание *-ов*, по мужскому роду: *ушков* («обе иголки без *ушков*»), *озерков, очков, облаков, яблоков.*

Имена на *-ечко* имеют родительный множественного на *-ечек*: *блюдечек, колечек, местечек, семечек* и т.д., но существительные на *-ико* имеют родительный множественного с *-ов*: *колесиков, личиков, плечиков.*

В народном выражении *с сердцов, без сердцов* имеем тоже родительный множественного на *-ов* (ср. народные: «не хватает *местов*», «много *делов*»).

162. Косвенные падежи малороссийских фамилий на *-о* и русских слов на *-ишка* и *-ушка* (*-юшка*), *-ла* из *-ло*: *Шевченко, Короленко, мальчишка, соловушка, батюшка, Гаврила, Данила, верзила, воротила, заправила* — в современном русском литературном языке перешли в склонение слов женского рода на *-а* (согласно с произношением их по московскому наречию): *у Шевченки, у Короленки, у мальчишки, у соловушки, у батюшки, Шевченкой, Короленкой, мальчишкой, соловушкой, батюшкой, Гаврилой, верзилой, воротилы* (именительный падеж множественного числа) и т.д.

Впрочем, малороссийские фамилии на *-енко* и *-ко* и собственные имена лиц на *-о* перешли в указанное склонение не

вполне. Некоторые еще и теперь склоняют их как слова на *-о*. Так, у Чехова в «Дуэли» правильное склонение в среднем роде: *Самойленко, Самойленка, Самойленку, Самойленком* (с. 59, 61 и др.). У Короленко тоже видим *Шевченком, Гандылом*, при именительном *Гандыло* («История современника», 6); родительный падеж *Гандыла* (там же, 7).

Наконец, для нас вполне естественно совсем не склонять эти слова: *у Шевченко, у Короленко, с Шевченко, с Короленко* и т.д.

Уничижительные на *-ишко,* означающие предметы неодушевленные, колеблются в склонении между формами среднего и женского рода: 1) *городишко, домишко, крестишко, чинишко, местишко* и под., родительный падеж *городишка, домишка, крестишка*, дательный падеж *городишку, домишку, крестишку* и т.д.; 2) именительный падеж *городишка, домишка, крестишка*, родительный падеж *городишки, домишки, крестишки*, дательный падеж *городишке, домишке* и т.д.

163. Под влиянием аканья и собственные имена городов *Вильно, Гатчино, Гродно, Ковно* перешли в склонение женского рода: уехал в *Вильну,* в *Гатчину*, в *Ковну* (последнее, впрочем, редко; обыкновенно в винительном и предложном падежах: *в Ковно*).

164. Слово *чудо* в старом языке иногда склонялось по множественному числу без наращения *-ес*: *чуда, чуд, чудам* и пр.

165. В употребляющемся в виде наречия выражении *поделом* мы сохранили древнюю форму дательного падежа множественного числа на *-ом*; в других случаях, когда то же сочетание имеет значение предлога и имени, мы употребляем только *по делам*: «*По делам* твоим оправдаешься и *по делам* твоим осудишься».

166. Так как имена на *-е*, по общему правилу, в именительном падеже множественного числа должны иметь окончание *-л*, то нам следует употреблять формы: *голенища, терния, лезвия, острия* (а не *голенищи, тернии* и т.п.).

167. В старом языке имена на *-ище* могли иметь родительный множественного на *-ей* вместо формы, равной основе: *де-*

тищей, логовищей, пугалищей, чудовищей и др. Теперь такое окончание удержалось только в форме *голенищей* при *голениц.*

168. Правильная форма родительного падежа множественного числа имен среднего рода на *-ье* и *-ие* (*платье, кушанье, подворье, угодье, здание*) должна иметь окончание *-ий*: *кушаний, подворий, угодий* и под. (сравните: *волненье — волнений, желание — желаний*). Это мы и видим, например, в таких случаях, как: *захолустий, зданий, копий, кочевий, кушаний, платий, подмастерий, поместий, похмелий, терний, угодий, ущелий.*

Но у писателей встречаются формы народного языка: *воскресеньев, захолустьев, кушаньев, лохмотьев* (предполагаем в единственном числе *лохмотье*), *платьев, подмастерьев, поместьев, снадобьев, терниев, угодьев, устьев.*

Народные формы: *платьев, подмастерьев, лохмотьев,* впрочем, вошли в общее употребление и считаются вполне литературными. Другие из перечисленных выше форм на *-ев* тоже, почти все, употребительны в образованном языке. Только *воскресеньев, терниев* кажутся нам простонародными формами.

169. Имена на *-мя*: *время, пламя, семя* и т.п. — в разговорном языке и теперь часто склоняются как имена на *-е* (*поле*); говорят: *нет время, около знамя, купил семя.* Однако ни пример живой речи, ни многочисленные случаи употребления последних форм писателями не утвердили за этими формами общего употребления, и они считаются нелитературными.

Пушкин тщательно избегает таких форм, может быть, после того, как критика заметила неправильность в одном из его ранних произведений: «на *теме* гор» (см. «Критические заметки», V, 135; «Уж утро хладное сияло На *теме* полунощных гор» — Пушкин, Руслан и Людмила, изд. 1820 г., 62); во 2-м изд., 1828 г., исправлено: «На *темени* полнощных гор». Такую форму допустил он потом только в сказке: «Ты, бесенок, еще молоденек, Со мною тягаться слабенек — Это было б лишь *время* трата» («Сказка о купце Кузьме Остолопе», изд. 1841 г.). Говорят, что Лермонтов, по указанию Краевского, хотел исправить

форму *из пламя* в стихотворении «Есть речи — значенье...», но затруднился подобрать подходящее выражение и оставил в первоначальном виде стихи: «*Из пламя* и света Рожденное слово». Однако указанные формы встречаются не только при Пушкине, но и после, а изредка и в наше время.

В родительном падеже множественного числа, кроме исключения *семян,* известны еще: *стремян* (и *стремен*), старинное *времян*, народное *гумян* (от *гумно* — другого склонения).

«Как из *стремян* вы вышибли его, он сутки замертво лежал» (Пушкин, Скупой рыцарь, изд. 1836 г., 111).

170. Слово *дитя* перешло в народном языке в склонение слов женского рода. Винительный *дитю*, творительный *дитей* встречаются и у авторов, но не вошли в общее употребление.

В творительном множественного в народном языке распространена форма *детями.* Встречаем ее и в языке Библии.

§ 19. Женский род

171. Старые грамматики отличали слово *любовь* от собственного имени *Любовь*, требуя для первого в родительном, дательном и предложном формы *любви*, а для второго — *Любови.* В самом языке это различие не проводится строго, и поэтому поэты свободно пользуются формой *любови* в значении нарицательного имени. Мы также говорим *Любви Петровны* (сравните: «Веры, Надежды, *Любви* и матери их Софии»), но чаще *Любови Петровны.* Наконец, некоторые, избегая затруднения в выборе формы косвенного падежа от слова *Любовь*, совсем не склоняют это слово: «его жены *Любовь* Дмитриевны».

172. *Церковь* в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа имеет обыкновенно твердые окончания: *церквам, церквами, о церквах.* Формы *церквям, церквями, о церквях* теперь считаются не вполне литературными.

173. *Мать* и *дочь* — обыкновенные формы именительного, винительного и звательного падежей; в книжном языке изредка встречаем в этих падежах формы *матерь* и *дочерь.*

174. Из форм мужского рода, оканчивающихся в именительном падеже множественного числа на *-а*(*-я*), в народном языке (южные говоры) окончание *-а* проникло и в формы женского рода; говорят: *дверя, податя, печа, площадя* вместо *двери, подати* и пр. Такого рода формы встречаются изредка и у писателей: *залежа, зеленя, мелоча, леса* (от ед. ч. *ле́са*).

175. Творительный падеж множественного числа имен женского рода на *-ь* допускает у нас в некоторых словах двойные формы: *дверьми* и *дверями*, *костьми* (чаще всего в выражении *лечь костьми*, которое, однако, является и в виде *лечь костями*) и *костями*, *плетьми* и *плетями*, *сетьми* и *сетями.* Также имеем *дочерьми* и *дочерями*, *свечьми* и *свечами.*

176. В народных говорах нередко смешивается дательный падеж с родительным; говорят: *у куме́, у сестре́, у па́пи*(*= у папе*)*, у ма́ми* (*= у маме*). Такое употребление было свойственно, между прочим, Грибоедову, в рукописях которого находится: «Я должен *у вдове, у докторше* крестить» (академическое издание, II, 215); «была *у батюшке*» (II, 216). Литературный язык совершенно не допускает такого смешения, и следующая ошибка Пушкина была тотчас же замечена критикою: «В чертах у Ольги жизни нет, как у *Вандиковой Мадоне*: Кругла, красна лицом она, Как эта глупая луна На этом глупом небосклоне» («Евгений Онегин», глава III, 5, издание 1827 г.). Впоследствии Пушкиным исправлено: «Точь-в-точь в *Вандиковой Мадоне*».

177. Слово *кайма* во множественном числе нередко является у авторов в южновеликорусской форме: *ка́ймы, ка́ймами* и т.д.

178. Имена женского рода на *-а*, *-я* в родительном падеже множественного числа должны оканчиваться на *-ь* или твердый согласный, но разговорный язык допускает иногда окончание *-ей*, которое встречается и у писателей. Из форм на *-ей* укажем прежде всего устарелые: *тучей, вельможей, бурей, зарей, каплей, мышцей, пращей, рощей, офицершей, пустыней, Добрыней.*

«[Пляска] состоит в том, чтобы, в сильном напряжении *мышцей,* взмахивать руками, вертеться на одном месте, присе-

дать, топать ногами...» (Карамзин, История Государства Российского, I, 71).

«От стука палиц, свиста *пращей*...» (Жуковский, К Воейкову).

«Средь *бурей* тайный мой хранитель И верный пестун с юных дней!» (Пушкин, Наполеон на Эльбе).

«Исчезли здания *вельможей* и царей» (Пушкин, Воспоминания в Царском Селе).

«Раздулись ноздри их, глотают Окрестных *рощей* аромат...» (Полонский, Караван).

В современном языке имеем: *туч, вельмож, бурь, зорь* («Ночь была тихая, с нерешительным светом двух *зорь*» — Лажечников, Внучка панцирного боярина, изд. 1883 г., 460), *капель, мышц, пращ, рощ, офицерш, пустынь, Добрынь*. Но в ряде слов женского склонения на *-а* и *-я* современный литературный язык употребляет только окончание *-ей*: *пашей, ханжей, вожжей, броней, парчей, клешней, ноздрей, головней, саклей, лютней, западней, юношей* и др.; также *бредней* (единственное *бредня* находим у Кантемира): «Больше глазу Верить станут своему, нежель моей *бредни*» (Сатира 4).

«Близь *саклей* дымных и простых» (Лермонтов, Кавказский пленник).

«В виду всякого рода *западней* и ловушек писатель невольно стушевывается» (Щедрин, Признаки времени, 90).

«Отрекся я от дивных *бредней*» (Чюмина, Сомнению закрыл я дверь).

В некоторых других имеем колебания между двумя формами: *барж* и *баржей, доль* и *долей, тонь* и *тоней, торговль* и *торговлей, притч* и *притчей, оглобель* и *оглоблей, распрь* и *распрей, купль* и *куплей, петель* и *петлей, святош* и *святошей, сплетен* и *сплетней, свеч* и *свечей*.

«Дня три я напрасно просил, даже дал денег Алисе, чтобы купила мне *свеч*. Хозяйки прислали деньги назад, а *свечей* не прислали» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 377).

Здесь нужно иметь в виду, что некоторые имена этого рода употребительны с двойными окончаниями *-я* и *-ь*: *басня* и *баснь, песня* и *песнь, туфля* и *туфель* (редко), *яблоня* и *яблонь*. Формы на *-ь* от первых двух слов старинные, книжные, теперь употребляются редко. *Песнь* мы встречаем лишь в высшем, торжественном слоге. Родительный множественного на *-ей* от таких имен вполне правилен: *баснь — басней, песнь — песней, туфель — туфлей*, *яблонь — яблоней*. Но так как мы обыкновенно употребляем формы на *-я*: *басня, песня, туфля, яблоня*, то и родительные падежи множественного числа от данных слов должны иметь у нас формы: *басен, песен, туфель, яблонь*.

179. *Сажень* в родительном падеже множественного числа имеет формы: *саженей, сажен* и *сажень* (редко).

«Когда обе реки сходятся, в Волге уже 30 *саженей* ширины» (Л. Толстой, Волга и Вазуза).

«За двести *сажен* все предметы прятались в тумане» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 373).

«Сараи протянулись *сажень* на тридцать» (Г. Успенский, Иван Босых, 94).

180. *Ступень* в родительном падеже множественного числа имеет *ступеней*; форма *ступень* вместо *ступеней* встречается, кажется, только у петроградских авторов.

«Идет, плывет за тенью тень По ступеням и со *ступень*» (Фофанов, Святочная фантазия).

181. *Сирень* теперь обыкновенно склоняется только в единственном числе; у Пушкина встречаем это слово как необычную форму родительного падежа множественного числа: «Кусты *сирень* переломала, По цветникам летя к ручью» («Евгений Онегин», глава III, строфа 38. Вместо: *сиреней*).

182. Родительный падеж женского рода множественного числа от имен на *-ья* иногда затрудняет пишущих: «Меньшая из копенгагенских *гостьей*... затеяла... что-то вроде пляски» («Биржевые ведомости», 18 мая 1908 г., № 10509). Следует: *гостий,* как *келий* («Он настроит дымных *келий* По уступам гор» (Лер-

монтов, Спор), *вещуний, плясуний, колдуний* («Знаю, что этакой плут и не в *колдуний*, а во что-нибудь и поважнее не сразу поверит» (Писемский, Леший).

«Народная месть преследовала колдунов и *колдуний* в эпохи общественных бедствий, например засухи» (Костомаров, Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа).

183. В старинном и народном языке встречаются иногда формы родительного падежа множественного числа на *-ов, -ев* от имен женского рода. Так, у Державина находим: *кикиморов* («Как нет *кикиморов* явленья»), *стихиев* («Сквозь мрак времен, *стихиев* споры»), *Фивов, фуриев.* В современном языке встречаем иногда неправильное *юнгов* вместо *юнг*: «Высочайше утверждены Положение и штат школы *юнгов* в Кронштадте» («Школа и жизнь», 27 августа 1912 г.).

184. Слово *курица* во множественном числе обыкновенно имеет форму: *куры, кур* и т.д.; только народный язык допускает *курицы, куриц*, а по влиянию его находим такое словоупотребление и у авторов.

«По улице бродило несколько *куриц*» (Пушкин, Капитанская дочка, III).

«Даже *куриц* не было видно на улице, даже собак» (Тургенев, Касьян с Красивой Мечи, 223).

Слюна имеет во множественном числе *слюни, слюней* (от старинного и народного *слюня*).

§ 20. Собирательные формы

185. Собирательные формы среднего рода единственного числа на *-е* не вошли в современный литературный язык, хотя и употреблялись авторитетными писателями, особенно часто Крыловым.

«Одеты *листьем* и корой...» (Державин, Изображение Фелицы).

«Не лучше ль дать себя немножко ощипать, И *перьем* бы твоим постельку их устлать» (Крылов, Добрая лисица).

«Утыкавши себе павлиным *перьем* хвост...» (Крылов, Ворона).

«Хоть *листьем,* правда, он одет, Да что за жесткость, что за цвет!» (Крылов, Хмель).

«Бедняжка нищенький под *оконьем* таскался» (Крылов, Фортуна и нищий).

«Власы раскинув по плечам, Венчанны *гроздьем*, обнаженны, Бегут вакханки по горам» (Пушкин, Торжество Вакха).

186. Собирательные формы на *-ьё* в литературном языке встречаются редко. Укажем: *гвоздьё, дурачьё, вороньё, зверьё, батожьё.*

Надо принимать во внимание еще то, что собирательные на *-ьё* (с ударением на окончании) склоняются только в единственном числе и распадаются на два разряда: 1) имеющие при собирательном единичное название: *батог — батожьё, ворон — вороньё, дурак — дурачьё*; 2) имеющие одно только собирательное название: *тряпьё, бельё, старьё* и т.п.

187. Собирательную форму с окончанием *-ья* или *-овья* в именительном падеже множественного числа принимают следующие существительные мужского рода: *батог — батожья* и *батоги*, *боров — боровья* (редкое) и *борова*, *брат — братья*, *брус — брусья*, *волдырь — волдырья* (старинное) и *волдыри*, *волос — волосья* (редкое) и *волосы, волоса*, *ворон — воронья* и *вороны*, *грозд — гроздья* и *грозды*, *деверь — деверья* и *девери*, *друг — друзья* и *други* (только у поэтов и в выражении: *други и приятели*), *дядя — дядья* и *дяди*, *зуб — зубья* (у гребня) и *зубы* (у человека), *зять — зятья, зятевья* (старинное) и *зяти* (старинное), *камень — каменья* и *камни*, *клин — клинья* и *клины* (редкое), *клок — клочья* и *клоки*, *клуб — клубья* (редко) и *клубы*, *кнут — кнутья* и *кнуты*, *князь — князья* и *князи* (редкое), *колос — колосья*, *кол — колья* и *колы* (единицы; «учитель ставит всем *колы*»), *ком — комья* и *комы* (редкое), *копыл — копылья*, *корень — коренья* (в кушанье) и *корни* (у дерева), *короб — коробья* и *короба*, *кочан — кочанья* и *кочаны*, *крюк — крючья* и *крюки*, *кузов — кузовья* и *кузова*, *кум — кумовья*, *кус — кусья*

(старинное), *лист — листья* (на дереве) и *листы* (бумаги, железа), *лоскут — лоскутья* и *лоскуты*, *луб — лубья*, *муж — мужья* (по отношению к жене) и *мужи* (старинное; знатные, властительные люди; мужчины), *обод — ободья* и *ободы, обода*, *пень — пенья* и *пни*, *повод — поводья* (чаще) и *повода*, *полоз — полозья* и *полоза*, *прут — прутья* и *пруты* (редко), *пузырь — пузырья* и *пузыри* (чаще), *пупырь — пупырья* и *пупыри*, *сват — сватья* (редко) и *сваты*, *сокол — соколья* (народное) и *соколы*, *струк — стручья*, *струп — струпья* и *струпы*, *стул — стулья*, *сук — сучья* и *суки*, *сын — сыновья* и *сыны* (старинное и народное), *уголь — уголья* и *угли* (реже), *хлоп* (в этой форме редко) — *хлопья*, *холоп — холопья* и *холопи* (обыкновенно: *холопы*), *череп — черепья* (редко) и *черепы, черепа*, *шурин — шурья.*

Живой язык и проза отличают по значению формы *листы* (бумаги) и *листья* (на дереве), но поэты, а частью и прозаики издавна так часто употребляют *листы* вместо *листья*, что подобные следующим выражения уже нужно считать правильными для стихотворного языка:

«На деревах *листы* дремали молча» (Жуковский).

«*Листы* на дереве с зефирами шептали» (Крылов).

«Чуть трепещут Сребристых тополей *листы*» (Пушкин).

«Не пылит дорога, Не дрожат *листы*» (Лермонтов).

«Люблю их [берез] тень И путь, усыпанный *листами*» (Некрасов, Тишина, IV).

«Меж тем оглобли Приподнялись поверх возов. Как лес без веток и *листов*» (Никитин, Кулак, V).

«Но ветер налетел, зашумел *листами* и унес ее слова» (Тургенев, Отцы и дети, 268).

«Это капли росы собрались в треугольных *листах* травы и блестят на солнце» (Л. Толстой, Какая бывает роса на траве).

188. В именах женского рода собирательные формы необычны. Встречается только изредка *дырья, жердья*; обыкновенно: *дыры, жерди.* Форма *щелья*, указываемая старыми грамматиками, вышла из употребления. В «Исторической грамматике» (§ 97) Буслаев говорит: «...от слов: *дерево, камень, уголь, щель*

и др. — мы употребляем двоякую форму множественного числа: а) простую: *дерева, камни, угли, щели*, и б) собирательную: *деревья, каменья, уголья, щелья* и проч.».

189. В среднем роде собирательное окончание *-ья* в именительном падеже множественного числа принимают слова: *дерево — деревья* и *дерева*, *дно — донья* (редко) и *дны*, *звено — звенья, колено — коленья* (суставы растений), *колена* (племена и части ноги; в стихах для рифмы пишется иногда по произношению: *колены*), *колени* (только части ноги), *крыло — крылья* и *крыла* (старинное), *перо — перья, полено — поленья* и *полена* (редко), *помело — помелья* и *помела*, *сило — силья*, *шило — шилья.*

190. В некоторых случаях простая и собирательная формы отличаются по значению. Все такие различия нами уже оговорены.

Вообще, в литературном языке наблюдается «падение» собирательных форм. Некоторые из них устарели и забываются; новых совсем не создается. В современном употреблении трудно, например, встретить формы: *холопья, черепья, боровья, кочанья, коробья, волдырья, пузырья, дырья, щелья, донья, помелья, силья, шилья*, которые когда-то, как видно из прежних авторов и грамматик, были в полном обращении. Затрудняясь в употреблении собирательных форм, мы стараемся нередко избежать в речи множественного числа от таких слов, как: *дядя, сват, шурин, дно, кнут, полено, помело, шило*, или же заменяем, с той же целью, данные слова другими, подходящими по смыслу. Например, вместо *шурин* говорим: *брат жены — братья жены,* вместо *дно корабля — днище*, откуда: *днища кораблей*, и т.д.

Даже основное представление о значении собирательных форм нами более или менее утрачено. Собирательные имена означают, собственно, совокупность мелких или многочисленных единиц в целой массе. Поэтому лучше сказать: «*дерева* для постройки», «огромные *камни*», «толстые *корни* дерева», «*дны* у кораблей», «крупные *угли*», но: «в лесу все *деревья* вырублены», «зеленеющиеся *деревья*» (а не *дерева*), «*каменья* на дне реки из-

резали мне ноги», «мелкие *коренья*», «*донья* у бутылок», «мелкие *уголья*».

191. Так как в склонении собирательных существительных весьма нередко возникают затруднения при выборе формы родительного падежа, то рассмотрим условия употребления этой формы.

Собственно, собирательные имеют в родительном падеже два окончания: *-ев* и *-ей.* Первое обыкновенно имеют те слова, которые оканчиваются в именительном на неударяемое *-ья*: *братья — братьев, собратьев, холопья — холопьев, полозья — полозьев, уголья — угольев, листья — листьев, каменья — каменьев, лохмотья — лохмотьев, дырья — дырьев, крылья — крыльев, коленья — коленьев, поленья — поленьев* и т.д.

Окончание *-ей* имеют в родительном падеже те собирательные, у которых в именительном ударяемое *-ья*: *князья — князей, друзья — друзей, мужья — мужей, сыновья — сыновей, зятья — зятей, кумовья — кумовей, деверья — деверей, тетеревья — тетеревей.* Однако при формах *зятья, кумовья, деверья, дядья, сватья* мы имеем также родительный на *-ёв*: *зятьёв, деверьёв, кумовьёв, дядьёв, сватьёв.* Последние формы распространены в употреблении не менее, чем формы на *-ей.* Форма *мужьёв* принадлежит только старинному и народному языку, но от *шурья* мы знаем только *шурьёв.*

Окончание родительного *-ий* восходит к книжным формам именительного *-ия*: *братия — братий, собратий, крылия, воскрылия — крылий, воскрылий. Недовольство братий* значит: недовольство монахов; *недовольство братьев* — недовольство родных братьев; *стоны братий* — стоны соплеменников.

Родительный на *-ей* неударяемое восходит к именительному на *-и*; поэтому формы *дядей, холопей, коленей* и т.п. мы не должны считать собирательными.

Точно так же не собирательными являются формы: *тетеревов* (от *тетерева*), *колен* (от *колена*), *сынов* (от *сыны* — старинное и народное; теперь употребляется только в выражении *сыны Отечества* и под.), *крыл* (от *крыла*; старинное; встречается и

теперь в поэзии, так как долго держалось в книжном языке; по-видимому, прежде форму *крылья* относили преимущественно к мельнице).

Формы *зятевей* (от *зятевья*), *тетеревей* (от *тетеревья*) надо оговорить как народные, особенно первую. Последняя не вполне чужда литературному языку, но чаще все-таки употребляем: *тетерева — тетеревов.* Точно так же *камни — камней* для нас обычнее, чем *каменья — каменьев.*

Дерева — дерев употребляем реже, чем *деревья — деревьев.* О лесе, саде обыкновенно: *деревья — деревьев.*

§ 21. Славянизмы и иностранные слова

192. Из славянизмов в склонении дольше других держались формы, принимающие приставку *-ее* к основе: *очеса, словеса, древеса*, и дательный — предложный падеж слова *земля*: *к земли, в земли, на земли.*

«Мужик, простак, каких везде не мало, Нашел червонец *на земли.* Червонец был запачкан и в пыли» (Крылов, Червонец).

«А я здесь в поте и пыли, Я, царь земли, прирос *к земли*» (Тютчев, Сочинения, изд. 1900 г., 60).

«Летит мимо все, что ни есть *на земли*» (Гоголь, Мертвые души, III, 249).

В выражениях, взятых из славянского языка, встречаются и другие славянизмы, например формы предложного падежа: *на песце, во языцех.*

«Все это нечто эфемерное, скоропреходящее, *на песце* построенное» (Салтыков, Сочинения, изд. 1890 г., т. IV, 500).

«Об отцах города не стоит и говорить; они давно стали притчей *во языцех* во всем, что касается обывателя» («Новое время», 17 июня 1914 г.).

193. В старом языке иностранные слова на *-о* склонялись как имена среднего рода; другие иностранные слова переделывались на русский лад и склонялись соответственно приданным им окончаниям. Здесь литературный язык старого времени был

в полном согласии с народным, в котором и теперь приняты словоупотребления *в пальте, в депе, на бюре, жилей, филей* и т.п. Не очень еще давно акад. И.И. Срезневский не смущался тем, что русские люди говорят *без пальта, в пальте, под пальтом*, хотя и указывал, что мода смеется над такими выражениями. Книжная речь здесь, однако, взяла верх над народной, и мы теперь не склоняем подобных слов. Из прежних употреблений не чужды и современному языку: *алой, кофей, эхо* (склоняемое в единственном числе по среднему роду). Но вместо старых употреблений: *на бюре, в домине, желей, какаом, каррея, лазарон, мадама, филей, чичерон* — теперь приняты только несклоняемые формы этих слов: *бюро, домино, какао, желе, карре, филе, лазарони* и *лаццарони*, *чичероне, мадам.*

Иностранные собственные имена на *-о* и *-э* обыкновенно употребляем тоже в несклоняемой форме: *Бруно, Дорреджио, Отелло, Сафо, Аруэ* и т.д.

§ 22. Род существительных

194. Увеличительные на *-ище* от слов мужского рода: *возище, домище, сапожище, огородище*, и уничижительные на *-ишко*: *возишко, домишко, рублишко* и т.п. — в современном литературном языке относятся к мужскому роду. В старом языке обыкновенно употреблялся здесь средний род. При Ломоносове *великое домище* слышалось чаще, чем *великий домище* (см. его «Грамматику», § 140).

«Не возик и не воз, *возище* то валит» (Хемницер, Обоз).

195. Литературное акающее наречие отчасти, а южновеликорусские акающие говоры в значительной степени перевели слова среднего рода на *-о* в женский на *-а.* Это последствие аканья отразилось и на языке наших писателей, у которых находим формы: *ведерка, лукошка, лыка, мониста, мочала, огнива, перила, перла* — вместо: *ведерко, лукошко, лыко, монисто, мочало, огниво, перило, перло*, а также и ставшие более или менее полноправными *карло* и *карла, чучело* и *чучела.*

У Пушкина, при *карло, карла* и т.д., обыкновенно преобладают формы *карла, карлы, карлой*, по женскому склонению («Руслан и Людмила»). Эти формы, по женскому роду, надо считать лучшими еще и потому, что при них нет смешения с собственным *Карл: нет карла* и *Карла, говорит с карлом* и *с Карлом.*

196. Колебания в роде слов в живом литературном языке нашего времени относительно немногочисленны; но родовые формы некоторых слов установились прочно не так быстро и не без борьбы. Поэтому у авторов находится немало отступлений от принятых родовых форм, особенно в словах иностранных. Укажем: *авантюр* (редко) и *авантюра, амальгам* (редко) и *амальгама, антилоп* (старинное) и *антилопа, апогей* и *апогея* (редко), *апофеоз* (изредка встречается и *апотеоз*) и *апофеоза, арабеск* и *арабеска, арьергард* и *арьергарда* (старинное), *архив* и *архива* (старинное), *атом* и *атома* (старинное), *багет* и *багета, бакенбарда* и *бакенбард, бандероль* мужского рода (реже) и женского, *баранок* (южное) и *баранка, бацилла* и *бацилл* (реже), *бедра* (старинное) и *бедро, бекеш* мужского рода (редко) и *бекеша, берёста* и *берёсто* (старинное), *берлог* (старинное и народное) и *берлога, бисквит* и *бисквита, бланк* и *бланка* (реже), *богословие* и *богословия* (старинное), *болиголов* и *болиголова* (реже), *боль* мужского рода (старинное) и женского, *бордюр* и *бордюра* (редко), *ботвинья* и *ботвинье* (народное; в литературном языке редко), *ботинок* (реже) и *ботинка, ботфорт* и *ботфорта* (чаще во множественном числе), *браслет* и *браслета* (реже), *брешь* мужского рода (редко), *брешь* женского рода и *бреша* (старинное), *брызг* и *брызга* (в единственном числе употребляются редко), *бук* (редко) и *бука, валенок* и *валенка, ворс* и *ворса, виньет* и *виньетка, вирш* и *вирша, взяток* (старинное; знаем, собственно, родительный падеж множественного числа *взятков;* единственное число употребляется лишь в особом значении, о чем смотри дальше) и *взятка, войлок* и *войлоко* (народное), *вуаль* мужского рода и женского, *выводок* и *выводка* (реже), *гайдамак* и *гайдамака* (малороссийское), *гардероб* и *гардероба* (старинное), *гарнитур* и *гарнитура* (реже), *глист* и *глиста, гошпиталь,*

госпиталь мужского рода и женского (старинное), *гравюр* (старинное) и *гравюра, грозд* и *гроздь* (женского рода), *диагональ* и *диагонал* (старинное), *дрязг* и *дрязга* (в единственном числе употребляются редко), *душ* и *душь* женского рода, *дуэль* мужского рода (старинное) и женского, *дыб* (редко) и *дыбь, ералаш* и *ералашь* (женского рода), *жар* и *жара, желатин* и *желатина, жираф* и *жирафа, жнива* и *жниво, завес, завесь* и *завеса, заголовок* и *заголовка* (старинное), *закуток* и *закутка, залавок* и *салавка* (реже), *зал* (театральный, зрительный и под.); *зала* и *зало* (старинное), *заморозок* и *заморозка* (реже), *занавес* и *занавесь, заработок* и *заработка* (реже), *зебр* (редко) и *зебра, знамень* (старинное) и *знамя, илем* и *ильма, индиго* и *индиг* (редко), *испуг* и *испуга* (старинное), *кал* и *кало* (реже), *кадриль* мужского рода (старинное) и женского, *канделябр* и *канделябра* (реже), *капель* мужского рода (очень редко) и женского, *карьер* (старинное) и *карьера, картофель* мужского рода и женского (областное, между прочим, петроградское), *каскад* и *каскада* (старинное), *катаракт* и *катаракта, кафизм* (очень редко) и *кафизма, кегль* и *кегля* (в единственном числе употребляются редко), *киот* и *киота, клавиш* и *клавиша, клоак* и *клоака, клякс* и *клякса, коленка* и *коленко* (редко), *комод* и *комода* (старинное), *конопель* и *конопля, консоль* мужского и (реже) женского рода, *контральт* и *контральто, контроль* мужского рода и женского (редко), *костоед* (реже) и *костоеда, кросна* и *кросно, кринолин* и *кринолина* (редко), *крылец* (старинное и народное) и *крыльцо, кудерь* и *кудря* (в единственном числе употребляются редко), *кур* («Попался как *кур* во щи» — поговорка) и *кура* (народное; изредка встречается в петроградской печати: «Десяток яиц уступают за 1 коп., живую *куру* за 5 коп.» — «Биржевые ведомости», 12 сентября 1914 г., № 14369); вообще же знаем лишь множественное число: *куры, лазурь* мужского рода (старинное) и женского, *лебедь* мужского рода и женского (народное), *лепт* (старинное) и *лепта, мавзолей* и *мавзолея* (старинное), *манер* и *манера, метод* и *метода* (но только: научный метод, метод исследования), *мирра* (употребляется только в женском роде) и *мирро*? (знаем

лишь форму родительного падежа единственного числа: *мирра* у Пушкина), *мирт* и *мирта, миф* и *мифа* (старинное), *миазм* и *миазма, мозоль* мужского рода (народное) и женского, *молекул* и *молекула, мол* и *мола* (старинное), *моль* мужского рода (старинное) и женского, *настурций* и *настурция, начал* и *начало, насест* и *насесть, нашест* и *нашесть, недоимок* (реже) и *недоимка, нерот* и *нерото, ниш* и *ниша, нутр* и *нутро, овощ* (мужского рода) и *овощь* (женского рода; в единственном числе употребляются редко), *ожог* и *ожога* (старинное), *облак* (старинное и народное) и *облако, одеколон* и *одеколонь* (старинное), *озимь* мужского рода (очень редко) и женского, *округ* и *округа, орбит* (очень редко) и *орбита, осокор* и *осокорь* мужского и женского рода, *отель* мужского рода и женского (редко), *оттенок* и *оттенка* (старинное), *паникадил* (редко) и *паникадило, папах* (старинное) и *папаха, параллель* мужского рода (редко) и женского, *парий* (редко) и *пария*, *перечень* мужского рода и женского (редко), *перигей* и *перигея* (редко), *перл* и *перло* (старинное), *пламень*[9] (как и *знамень;* старинная, чуждая разговорному языку форма; долго держалась в нашей поэзии и, как редкость, дошла до нашего времени) и *пламя, плевальник* и *плевальница, плес, плесо* и *плеса* (южное), *поверток* и *повертка, подклет* и *подклеть, полу мисок* (реже) и *полу миска, портфель* мужского рода и женского (редко), *постав* и *постава* (редко), *поступок* и *поступка* (старинное), *пращ* (очень редко) и *праща, привес* и *привеса, привесок* и *привеска, примéс* и *примесь, пролаз* и *пролаза, проруб* (южное) и *прорубь, просек* и *просека, протор* («*проторы* и убытки»), *протора* и *проторь* («*прóтори* и убытки»), *прохлад* и *прохлада, псалтырь, псалтирь* мужского рода и женского, *профиль* мужского рода и женского (реже), *рельс* и *рельса, рояль* мужского и женского рода, *рез* и *резь, санаторий* и *санатория*, *сикер* и *сикера* (реже), *сикомор* и *сикомора* (реже), *силок* и *сило, скирд* и *скирда, скобель* мужского рода и женского (редко), *скрин* и *скрыня, снежок* и *снежка* (южновеликорусское; в единственном

[9] В старом языке эта форма употреблялась еще и в женском роде.

числе употребляются редко), *Содома* вместо *Содом, спич* мужского рода и женского (редко), *ставень* и *ставня, станс* и *станса* (старинное), *стать* и *статье* (старинное), *степень* мужского рода (старинное) и женского, *студень* мужского рода и женского (реже), *стул* и *стуло* (южное), *сенокос* и *сенокоса* (редко), *табель* мужского рода (редко) и женского, *табурет* и *табуретка, такт* и *такта* (старинное), *титул* и *титло* (старинное), *террас* (старое) и *терраса, тлен* и *тлень* (редко), *тополь* мужского рода и женского (южное), *туфель* (старинное) и *туфля, ужин* и *ужина* (старинное), *укор* и *укора* (старинное и народное), *улиток* (старинное) и *улитка, упрек* и *упрека* (старинное), *фарс* и *фарса* (старинное), *фасад* и *фасада* (старинное), *фиал* и *фиала* (старинное), *фелонь* мужского рода (реже) и женского, *фрегат* и *фрегата* (старинное), *хвой* (реже) и *хвоя, хмель* мужского рода и женского (редко), *ход* и *хода* (только в значении конской выступки), *цитат* (редко) и *цитата, червь* мужского рода и женского (редко), *черед* и *чреда, череда, чинар* и *чинара, чинуш* (реже) и *чинуша, штурма* (старинное и народное) и *штурм, щиколоток, щиколок* и *щиколотка, щиколка, ества* и *ество, эполет* и *эполета, эстафет* и *эстафета, ярем* и *ярмо, ясень* мужского рода и женского (реже), *яства* и *ясство*.

Все приведенные здесь формы, отступающие от книжного языка нашего времени, являются или 1) архаизмами, как *амальгам, апогея, архива, бедра, берлог, знамень, комода, крылец, лепт, облак*[10] и др. (все эти слова оговорены, как старинные или редкие в современном употреблении), или 2) принадлежат народному языку, как *баранок, ботвинье, заработка, прорубь, сенокоса, хода, яблок* и др. (все оговорены, как народные или редкие в употреблении). В очень немногих случаях мы видим у авторов, даже у Пушкина, ошибочное употребление рода: *пращ* вместо *праща, озимь* мужского рода вместо женского, *мирра* (родительный падеж единственного числа) вместо *мирры*

[10] Некоторые из этих архаизмов недавние, каковы слова иностранные, вроде *апогея, амальгам, архива*; другие восходят к древней эпохе, например *бедра, берлог, облак*, известные еще старославянскому языку.

(здесь правильная форма так же хорошо укладывается в стих, как и неправильная; странно, что Пушкин, его друзья и критики не заметили этой легко исправимой ошибки), *сикомора* вместо *сикомор.*

Замечательно, что между устарелыми родовыми формами много полонизмов. В конце XVIII и начале XIX в. польское культурное влияние ослабевает и сменяется западноевропейским; тогда вытесняются и польские родовые формы, особенно на *-а*: *арьергарда, бреша, гардероба, каскада, комода, станса, фарса, фасада, фрегата* и др.

Во всех случаях, которые выше не оговорены, мы считаем слова, колеблющиеся в роде, более или менее равноправными в употреблении.

Всего более это относится к словам заимствованным, особенно таким, которые оканчиваются на *-ь* и, таким образом, легко могут входить в группу слов мужского и женского рода. Это, например, слова: *бандероль, вуаль, дуэль, кадриль* и т.д.

На род этих и других заимствованных слов отчасти указывают иностранные первоисточники, в данном случае французские *1a banderole, la bréche, le voile, le duel, la douche, le quadrille* и *la quadrille.* Эти указания, однако, не следует понимать в том смысле, что мы должны руководствоваться в употреблении данными того языка, из которого заимствовано то или другое слово. Единственным основанием для нас может быть только сложившееся русское словоупотребление. Если мы и входим здесь в некоторые исторические справки, откуда взято то или другое слово и какой род оно имеет в своем первоисточнике, то делаем это только для объяснения русской формы слова, а никак не для утверждения того или другого употребления. Вопреки французскому языку, мы употребляем *дуэль* всегда в женском роде, *вуаль* и *душ* очень часто и в мужском, и в женском, хотя французский язык для первого слова требует мужского рода, а для второго — женского, и т.д.

Во многих склоняемых чужих словах род даже не может удержаться. Так, все заимствованные французские слова на

твердую согласную могут войти у нас только в склонение типа *стол* и, таким образом, переходят в мужской род, хотя многие из них во французском рода женского.

Иногда мы произвольно составляем род слов из форм, неясных по роду. Например, узнав слова *бакенбарды, сикоморы* во множественном числе, одни для единственного представляют себе *бакенбард, сикомор,* другие *бакенбарда, сикомора.* Эти формы вводятся и в литературный язык.

197. Само собою разумеется, что к числу существительных, колеблющихся в роде, не должно относить тех слов, которые с разными родовыми формами имеют и разные значения. Таковы: *апостроф* (надстрочная запятая на месте пропущенной буквы) и *апострофа* (риторическая фигура — обращение: «После сей *апострофы* опять обращаюсь к тебе, мой философ» — А. Григорьев); *взяток* (поноска пчелы: «Главный *взяток* начинается обыкновенно во второй половине июня» — Бутлеров) и *взятка* (подарок чиновнику); *змей, змий* (большое тропическое животное; мифический дракон; библейский змей-искуситель; детская игрушка для запускания в воздухе: «Хочу туда... где рыщет лев, пресмыкается *змей*» — Гончаров, Фрегат «Паллада», 5; «Мы через дебри и овраги на *змее* огненном летим» — Фет, На железной дороге; «В сердце мое закрадывается *змий* сомнения» — Щедрин, Признаки времени, 178; «Дети пошли в поле и взяли *змей*» — Толстой) и *змея*; *саламандр* («И пламем жруща *саламандра* он в прах твоих повергнет ног» — Державин, На отправление в армию фельд. гр. Каменского; «Вышесказанный *саламандр* есть вымышленный зверь, дышащий и живущий в огне» — Державин, Объяснения к стихотворениям. с. 593, 2-е акад. изд.) и *саламандра*; *семинарий* (занятия студентов под руководством профессоров) и *семинария*; *юрт* (округ, станица) и *юрта.*

Иногда разные родовые формы утвердились в различных выражениях: *манера обращения* и *таким манером, на манер; сделать блестящую карьеру* и *скакать во весь карьер* («Пролетит

во весь *карьер*» — А. Майков, Неаполитанский альбом; «Он пустил в *карьер* лошадь с самого места» — Лесков, На ножах).

198. В связи с колебаниями в роде нас затрудняют иногда и формы родительного падежа множественного числа, в особенности если нужные нам слова не употребляются в единственном числе (например, *обоев* или *обой*?); иногда же форма единственного не соответствует форме родительного падежа множественного числа (например, при *яблоко* встречаем иногда *яблоков* вместо ожидаемого *яблок*). Мы имеем: *вокабул* и *вокабулов* (реже), *выселков* и *выселок* (реже), *гобоев* и *гобой* (неправильное), *граблей* и *грабель, дровней* и *дровень* (реже), *каверз* и *каверзов* (неправильно), *кикимор* (от *кикимора*) и *кикиморов* (ошибочно или от народного северного *кикимор* по м. р.?), *комментариев* и *комментарий* (неправильное; впрочем, нередко употребляется в литературном языке), *кальсонов* (сравните: «Нога... упрямилась лезть в *кальсон*» — А. Косоротов, Конец Алатынских) и *кальсон* (реже), *конфет, конфект* и старые и народные *конфектов, конфетов* (от старинного *конфект* по мужскому роду — как немецкое *Konfekt* вместо *конфекта*), *манжет* и *манжетов* (неправильное), *нападок* (эта форма лучше, потому что в единственном числе мы обыкновенно говорим *нападка* в женском роде) и *нападков, обоев, побоев* (лучшие формы; сравните: *бой — боев, прибой — прибоев* и пр.) и *обой, побой, опилков* (реже) и *опилок, панталон* и *панталонов, пинов* вместо *пинн* или *пиний, помой* и *помоев* (чаще), *пересудов* и *пересуд* (реже), *потемок* и *потемков* (реже), *потуг* (реже) и *потугов, просонков* и *просонок, спросонков* и *спросонок* (формы на *-ов* лучше, потому что мы говорим *спросонку* — по мужскому роду), *раз* и *разов* (редко), *спазм* (сравните: «Она замолчала, как будто подавляя начинавшуюся горловую *спазму*» — Достоевский, Униженные и оскорбленные, 126) и *спазмов* (реже), *сумерек, сумерок* и *сумерков* (реже), *фресков* (от *фреск*) и *фресок* (от *фреска*: «И вот эту *фреску* посмотрю потом получше, — подумал он» — «Русские ведомости», 17 февраля 1913 г.), *фруктов* (правильное) и

фрукт (просторечие от народного *фрукта*), *хор* (от *хоры*) и *хоров* (реже), *шаровар* и *шароваров* (просторечие), *ширм* и *ширмов* (народное), *экивоков* и *экивок, яблок* (от среднего рода *яблоко*; правильная форма *яблок* употребляется реже, чем неправильная *яблоков*) и *яблоков* (от старинного и народного *яблок* — по мужскому роду).

199. Иностранные не склоняющиеся слова на *-а, -е, -и, -о, -у*, означающие предметы неодушевленные единственного числа, употребляются обыкновенно в среднем роде: *такое амплуа, такое антраша*, *бронзовое бра, пушистое боа, такое амбре, одно безе, это гляссе, миндальное желе, шелковое кашне, теплое кофе, отдельное купе, потерянное портмоне, открытое фойе, свое алиби*, *зеленое драпри, открытое жалюзи, избранное жюри, выигранное пари, крымское бордо, центральное бюро, условное вето, военно-топографическое депо, измятое жабо, купленное индиго, голландское какао, старое пальто, прелестное пианино, это сорго, старое фортепиано, вкусное рагу, такое бижу.*

«Засвидетельствовать *свое алиби*» (академический Словарь). «Чтобы у меня в комнате *такое амбре было*» (Гоголь, Ревизор). «Наложить *свое вето*» (академический Словарь). На окнах *красное* и *зеленое драпри*» (Гончаров, Фрегат «Паллада»). «...Торопливо и усердно повязывали *белое жабо*» (Аксаков, Воспоминания). «В домах иногда *открывалось жалюзи*» (Гончаров, Фрегат «Паллада»). «Пополневшее лицо совершенно застыло в *какое-то величавое желе* уже ничем не обузданной добродетели» (Тургенев, Дым). «В манерах, с какими он снимал *свое кашне*.., сквозило тонкое, почти женское изящество» (Чехов, Враги).

Относительно слова *какао* необходимо, впрочем, заметить, что оно преимущественно употребляется в мужском роде; *кофе* тоже обыкновенно имеет форму мужского рода: *молотый кофе, холодный кофе* (франц. *le café*; конечно, сказывается влияние и русского *кофей*).

§ 23. Число

200. Некоторые имена существительные, не употребляющиеся обыкновенно во множественном числе, в особенности имена отвлеченных понятий и названия действий и состояний, у писателей встречаются, однако, в форме множественного числа.

Имена отвлеченных понятий и действий допускаются во множественном числе вполне законно, когда они употреблены в смысле частном, а не общем, т.е. относятся к одному предмету или случаю. Мы можем говорить во множественном числе: *блаженства, вдохновения, вежливости, довольства, дружбы, дымы, клеветы, лжи, стуки, шорохи* и т.д., разумея разного рода блаженства, вдохновения, дружбы и т.п., отдельные дымы, клеветы, лжи, стуки и т.д.

Точно так же такие слова, как *вражда, заискивание, нищета* и др., мы можем представлять в смысле различного способа их проявления, и тогда возможно употребление их во множественном числе.

201. Имена вещественные употребляются во множественном числе лишь для означения разнородных предметов. Просторечие употребляет обыкновенно формы множественного числа, говоря об урожаях: «*ржи, овсы, сена* хорошо (или худо) родились». Также о чае, кофе говорят: «занимаются *чаями, кофеями*».

«Тогда пробавляются *кофеями, чаями*, вареньями» (Гончаров, Обломов, 228).

«От прежних цветников уцелели одни пионы и *маки*» (Чехов, Моя жизнь, 104).

«Все *мяса,* живность, дичь и овощи...» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 63).

202. Интересно, что, употребляя некоторые слова в форме именительного падежа множественного числа, мы в то же время избегаем формы родительного. Говорим *мечты, толпы, тяготы, хвалы, черты*, но обыкновенно не употребляем или избегаем форм *мечт, толп, тягот, хвал, черт.* При именительном

годы (жил там многие *годы*) в родительном обыкновенно говорим *лет* (жил там много *лет*) вместо *годов.* Последнее словоупотребление теперь является простонародным.

«[Повесть] начинается фразою: “Есть разного рода *любви*”, далее можно в ней найти слова “вражд”, “мечт” и т.п.» (Белинский, VI, 235).

203. *Зло* во множественном числе не употребляется, но имеем выражение: «из двух *зол* (неприятностей) выбрать меньшее».

Неправильно употребляется иногда в современной печати и у авторов *козла* вместо *козлы* (произносится: *ко́злы,* а изредка: *козлы́*).

204. Некоторые имена существительные мы употребляем обыкновенно лишь во множественном числе. Язык литературный допускает их иногда и в единственном, согласно со старым и народным употреблением.

«Получил, в первый раз в моей жизни, маленький *аплодисменты*» (Аксаков, Семейная хроника, 418).

«Нет дел — играю на *бирюльке*» (Державин, Умеренность).

«Сигурд нашел в ней спавшего в полном *доспехе* воина» (Грановский, Песни Эдды, 486).

«Но ты не верь: здесь хитрый *ков*, здесь тайная погибель скрыта» (Жуковский, Поликратов перстень).

205. В немногих случаях (в именах и наречиях) мы колеблемся между формою единственного и множественного числа, не отдавая явно предпочтения ни той, ни другой: *кресло* и *кресла*, пользоваться *общею симпатиею* и *общими симпатиями*; *спозаранку* и *спозаранков*, *спросонку* и *спросонков*, *спросонья* и *спросоньев* (реже), *впросонках* и *впросонке* (реже).

206. При глаголах, означающих назначение на какую-либо должность, мы употребляем существительные во множественном числе (*назначен в учителя, в директора*), но книжный русский язык допускает в этом случае и единственное, особенно когда говорится о помазании и посвящении: *помазать его в правителя народу, рукоположить во епископа.*

207. Вместо множественного числа у писателей, подобно языку народному, нередко встречается единственное в собирательном значении.

«В саду служанки, на грядах, Сбирали *ягоду* в кустах» (Пушкин, Евгений Онегин, гл. III, строфа 39, изд. 1827 г., 48).

«Уста его... оледенели, и *волос* его встал дыбом» (Лажечников, Ледяной дом, ч. IV, гл. III, 42).

«Луга и поля... покрытые... мелкою *вишнею*» (Аксаков, Семейная хроника, 23).

«Насажав дворовую *птицу* на верхи возов...» (Аксаков, Семейная хроника, 18).

«[Базарная площадь] была заставлена возами, заполнена шумом, гоготанием продаваемой *птицы*, ржанием лошадей» (Короленко, История современника, 375).

208. Имена собственные вообще во множественном числе не употребляются, но разговорный язык допускает иногда от таких имен формы множественного числа; за ним следует и литературный. Такое употребление вполне уместно, когда собственное имя означает не лицо, а тип, то есть относится ко многим.

«Долго ли мы будем жить, как совы, бояться света дневного, слушать совиную мудрость *Нилов Андреевичей!*» (Гончаров, Обрыв, т. IV, гл. 2, 223, изд. 1886—1889 г.).

«Коронки всех иван-да-*марий*, *веро́ник*, кашек и гвоздик Идут в стога, в большой гербарий...» (Случевский, В немолчном говоре природы).

209. Из удержавшихся в современном литературном языке форм двойственного числа следует оговорить: *колени, плечи* (при *колена, плеча*), *двести*, в которых конечное *и* получилось фонетически из древнего *ѣ*. Настоящую древнюю форму двойственного числа имеем только в выражении *воочию*, реже *в-очью, в-очию*. Во всех других случаях остатки форм двойственного числа понимаются нами как слова единственного числа (*оба ученика*) или множественного (*колени, обе протянутые руки*).

§ 24. Словообразование прилагательных

210. Прилагательные *гостиная, портной* и под., употребляемые у нас в значении существительных, уже не имеют при себе слов определяемых, но старинные и народные сочетания их с существительными и теперь еще изредка встречаются в языке писателей.

«Герман... вошел в *кондитерскую лавку*» (Пушкин, Пиковая дама).

«Пришли к нему один раз-два *портные мастера*» (Л. Толстой, Царское новое платье).

«Составит домашний спектакль... в одной из *спальных комнат...*» (Аксаков, Семейная хроника, 335).

«Директор ходил по *столовой зале*» (Аксаков, Семейная хроника, 311).

Некоторые слова употребляются то в форме прилагательных, то в форме существительных: *кофейная* и *кофейня, спальная* и *спальня, читальная* и *читальня.* Чаще употребляются существительные формы.

211. В современном литературном языке прилагательные притяжательные образуются и употребляются не так свободно, как в народном и раньше в книжном. Мы предпочитаем обороты *кожа льва, дом священника* и т.п. оборотам *львова кожа, священников дом*, подобные которым прежде встречались как общепринятые. Ученые объясняют новые книжные обороты (*кожа льва* и под.) влиянием французского и немецкого языков.

212. Из родительных определительных падежей, означающих фамилии, образуются изредка такие словоупотребления, в которых родительный падеж переходит в самостоятельное определение: из *перо Ломоносова* имеем *пером Ломоносовым,* из *дочь Пафнутьева* в винительном падеже получаем *Пафнутьеву дочь*, из *дом Щербацкого* находим *Щербацкого дома.* Эти редкие употребления принадлежат собственно народному языку, а не литературному.

213. В старом русском языке были весьма обычны такие прилагательные-определения, как: *почитанье книжное* (*чтение книг*), *псковское взятие* (*взятие Пскова*), *пограбление монастырское* (*ограбление монастыря*), *полоняная весть* (*весть о полоне, плене*) и т.п., где современный русский язык допускает только существительное. Так как названный оборот еще сохранился отчасти в народном языке, то по влиянию его, как редкость, он встречается и у современных писателей. Иногда авторы употребляют такие сочетания как архаизмы (*смертный час, книжное чтение* и т.п.).

«Не обратились на нее Ни дам ревнивые лорнеты, Ни трубки *модных* знатоков Из лож и *кресельных* рядов» (Пушкин, Евгений Онегин, VII, 50).

«Летит с обеих сторон лес с темными строямиелей и сосен, с *топорным* стуком и вороньим криком» (Гоголь, Мертвые души, 470).

214. Отчественные прилагательные в разговоре и письме у нас обыкновенно употребляются с суффиксами *-ович*, *-евич* (*Иванович, Петрович*, *Сергеевич* и т.д.). Прежние писатели охотнее пользовались народными формами на *-ыч*, *-ич.* Так, у Пушкина находим: *Антон Пафнутьич* («Дубровский», гл. XVII). У Грибоедова Фамусов говорит: *Сергей Сергеич, Александр Андреич.* У Лермонтова есть: *Максим Максимыч.* У Тургенева в «Бурмистре» аристократ-барин везде называется *Аркадий Павлыч*; и в других местах «Записок охотника» у него обыкновенно имена на *-ыч,* а не *-ович.*

В общем, как старый язык, так и современный соединяют с полными прилагательными значение большей вежливости и относят их к лицам с более высоким общественным положением. Сокращенные формы на *-ыч, -ич* употребляются в простом обращении или к лицам, не занимающим значительного положения в обществе.

215. В языке писателей и в разговоре встречаются иногда прилагательные, неправильно образованные; например, *Балдова* вместо *Балдина* (сравните: *сестра — сестрина, Балда — Бал-*

дина; Петр — Петрова, Балд (?) — *Балдова*; впрочем, народное: *старшина — старшинов дом, старшинова сестра*), *ксениевский*[11] вместо *ксениинский* (производится как *мариинский* от *Мария;* первое можно бы произвести только от мужского рода: *Ксений*). Впрочем, при *сын, брат, муж, зять* обыкновенно употребляют *сынин, братнин, мужнин, зятнин* (и *зятев*).

К разряду неправильных нельзя отнести старинных *ревижский* (*ревизский*)*; одинакий* (*одинокий*)*,* откуда старинные: *одиночество* (*одиночество*)*, по одиначке* (*поодиночке*)*, шемаханский* (*шемахинский*)*, студентский* (*студенческий*).

216. Прилагательные, произведенные от собственных имен, основа которых оканчивается на *-г* или *-х*, меняют эти звуки, по законам русской фонетики, на *ж*, *ш.* Поэтому при *Волга, Коломяги, Ладога, Луга, Молога, Острог, Рига, Прага, Устюг* имеем *волжский, коломяжский, ладожский, лужский, моложский, острожский, рижский, пражский, устюжский*; также от *варяг, печенег, лях, чех, волох* прилагательные имеют форму: *варяжский, печенежский, ляшский, чешский, волошский.* Неправильные формы встречаются в современной печати (особенно часто в названиях уездов сохраняют основу существительного), встречались они и в старом языке.

Некоторые, не очень давно вошедшие в язык прилагательные такого рода представляют исключение из общего правила: при *Выборг, Гамбург, Ольденбург, Оренбург, Петербург, Ямбург* имеем производные с неизмененной основой: *выборгский, гамбургский, ольденбургский, оренбургский, петербургский, ямбургский.*

217. В первой половине XIX столетия некоторые прилагательные еще употреблялись у писателей согласно с языком разговорным, с твердыми окончаниями вместо мягких: *дальний, малолетний, поздное* и др. Такие употребления изредка встречаются и позднее.

---

[11] Входило в обращение в Петрограде; печаталось раньше на билетах трамвая.

Теперь, по влиянию школы и учебников грамматики и правописания, в печати исключительно употребляются формы с мягкими окончаниями: *давний, дальний, долголетний, дольний, излишний, малолетний, односторонний, поздний.*

Как остаток от прилагательных, имевших прежде твердое окончание, в современном языке существуют наречия *внутренно* и *искренно.*

218. Древнее прилагательное *завтрий* потеряло именительный падеж, а в косвенных приобрело на письме твердые окончания, вероятно из слова *завтра*; впрочем, в разговорном языке, а отчасти и в письменном употребляется еще и мягкое окончание.

«Не откладывай до *завтрого,* Что сегодня можешь выполнить...» (Пушкин, Бова, изд. 1841 г.)

«Но к *завтрому* вы отдохнете и обдумаете» (Достоевский, Бесы, I, 101).

219. Сравнительно новым явлением в русском литературном языке оказывается употребление прилагательных в смысле дополнений и обстоятельств. Здесь надо различать следующие случаи:

1) образование новых слов, соответствующих именам с предлогом: *загробный, замогильный, домогильный* (редкое), *дореформенный, посмертный, безбровый, бестенный, безвыходный, безлунный, бестрепетный, довременный, предрассветный, предзакатный* и т.п.;

2) употребление уже существующих прилагательных в значении обстоятельств времени. Хотя мы и не допускаем таких выражений, как *осенний сад* вместо «сад осенью» или *вечерние свечи* в значении «свечи, зажигаемые по вечерам», однако встречаем подобные выражения у выдающихся писателей. Таковы: *погребальная речь* (которая говорится при погребении), *ночной разбойник* (разбойничающий по ночам), *вечерний звон* (бывающий по вечерам), *зимний труд* (во время зимы) и т.д. Поэтому нельзя считать совсем нетерпимым и стих А. Блока: Помилуй, боже, *ночные души* (скитающиеся ночью).

220.Некоторые прилагательные имеют одну краткую форму (*должен*), другие — одну полную (*двоякий, деловой*). Авторы позволяют себе иногда придавать таким прилагательным непринятые окончания. Обыкновенное словоупотребление, старинное и современное, знает только одни краткие или полные формы: *воздушный, господень, должен, двоякий, деловой, красноносый, многие, печатный, посторонний, проезжий, нищий, родной, ручной.*

221. Имена прилагательные, оканчивающиеся на *-нный*, имеют в кратком окончании мужского рода то *-ен*, то *-нен.* Чтобы не смешивать одного окончания с другим, нужно обращать внимание на состав и происхождение прилагательных.

Прилагательные, произведенные от существительных, корень (или основа склонения) которых оканчивается на *-н*: *временный* (*своевременный*), *длинный, истинный, неизменный, пространный, пустынный, склонный* (*благосклонный*), *непреклонный, неуклонный*), *странный, ценный* и пр., имеют в кратком окончании *-нен*: *временен* (*своевременен*), *длинен, истинен, неизменен, пространен, пустынен, склонен, благосклонен, непреклонен, неуклонен, странен, ценен* и пр.

К этой же группе отнесем и те прилагательные, которые, не имея *н* в корне, имеют его в словообразовательной основе существительного; они тоже оканчиваются в краткой форме на *-нен*: *бездыханен, благоуханен, искренен, надменен, несомненен* (сравните: *дыхание, благоухание, искренность* и пр.).

К этой же группе относятся и те немногие прилагательные, которые имеют окончание *-нный* после слога *не*: *болезненный — болезнен, приязненный* (*неприязненный*) *— приязнен, неприязнен, безукоризненный — безукоризнен, безбоязненный — безбоязнен.*

Так как причастия на *-нный* имеют в краткой форме окончание *-ен* (*брошенный — брошен, спрошенный — спрошен, оконченный — окончен, окровавленный — окровавлен, разрешенный — разрешен* и т.д.), то и прилагательные, полученные из причастий, должны бы принять такое же словообразование. Действительно мы имеем: *возвышенный — возвышен* («образ

мыслей его *возвышен*»), *определенный — определен, неожиданный — неожидан, почтенный — почтен, распространенный — распространен* (первое *н* принадлежит корню), *рассеянный — рассеян, совершенный — совершен.*

Но в общем прилагательные данного рода отличаются от причастий удвоением *н.* Таким образом, мы употребляем или даже предпочитаем при *неожидан — неожиданен*, при *определен — определенен, неопределенен*, при *почтен* (устарелое) — *почтенен.*

Затем имеем ряд прилагательных с окончанием *-енный*, почти всегда неударяемым. С ударением можем указать только *блаженный, прокаженный*, допускающие одно краткое окончание: *блажен, прокажен* (малоупотребительное) и *обыкновенный,* имеющее окончание с удвоением *н*: *обыкновенен, необыкновенен.*

Прилагательные с неударяемым *-енный* колеблются в кратком окончании мужского рода между формами на *-енен* и *-ен*; последние, т.е. такие, как *воинствен, искусствен, посредствен, явствен*, встречаются чаще. Руководствуясь существующим в настоящее время употреблением, укажем: *безнравственен, бесчувственен* и *бесчувствен, сочувствен, величествен, двусмыслен, единствен, естественен* и *естествен, легкомыслен, медленен* и *медлен, многочислен, могуществен, мужествен, невежествен, ответствен, подведомствен, посредственен, родственен* и *родствен, свойственен* и *свойствен, таинствен, тождественен.*

222. Не многие употребляют прилагательные на *-щий*: *зрящий, плодущий,* которые Буслаев считал вошедшими в книжный язык («Историческая грамматика», § 55). Но *завалящий, злющий* (реже: *злущий*), *гулящий, пропащий, работящий* нередко встречаются у писателей.

223. Современный литературный язык имеет ряд прилагательных на *-чий, -лый, -мый*, близких к причастиям: *бродячий, висячий, вонючий, гремучий, горючий, дремучий, жгучий, зрячий, живучий, кипучий, колючий, ревучий* (Пушкин), *могучий,*

шипучий и др.; *загорелый, заматерелый, исхудалый, опустелый, поблеклый, сиплый, тухлый, чахлый* и под.; *невыносимый, незаменимый, неистощимый, необитаемый, необходимый, неуловимый, неумолимый* и т.п.

Старый литературный язык предпочитал иногда употреблять на месте таких прилагательных причастия: *могущий* вместо *могучий, жгущий* вместо *жгучий, живущий* вместо *живучий.*

224. Старые стилисты отличали некоторые близкие по форме прилагательные от причастий, например: *усильный* и *усиленный.* Так, у Аксакова в «Семейной хронике» было напечатано: «Софья Николаевна... уступая *усиленным* просьбам старика, приезжала на бал на самое короткое время» (105), но в списке опечаток автор просил вместо *усиленным* читать *усильным.* Сравните там же причастие *усиленный*: «Верстах в семнадцати от Нового Багрова принимает он в себя наш Бугуруслан, и *усиленный* его водами, недалеко от города Бугуруслана соединяется с большим Кинелем» (28).

Хотя мы обыкновенно говорим *крахмальный* (прилагательное), но и *крахмаленный* (причастие) нельзя считать не имеющим права на употребление.

225. В литературном языке встречаются изредка следующие неправильно составленные прилагательные: *безоруженный, взбалмошенный, воздержанный.* Настоящая литературная форма их *безоружный, взбалмошный, воздержный* изменилась под влиянием причастий, но эти измененные формы теперь допускаются только в неразборчивом употреблении.

«Россия казалась слабою, почти *безоружною*» (Карамзин, История Государства Российского, IX).

«С первой *взбалмошной* мыслью То ж начиналось» (Жуковский).

«Простой степной барин, довольно *взбалмошный*» (Тургенев, Дворянское гнездо).

«Причиною сему [долголетию] было *воздержное* христианское житие» (Фонвизин, Чистосердечное признание, 852).

226. Если прилагательное или причастие употреблено в значении существительного, то при нем может стоять еще прилагательное для определения: *милый ближний, бедная больная, бедный слепой* и т.п. Прежде были противники такого словоупотребления: «Не хорошо, — писал Греч, — когда сойдутся два прилагательные без существительного: *бедный слепой, свирепый дикий*; последнее должно превратить в существительное: *бедный слепец, свирепый дикарь*» («Чтения о русском языке», II, 210). Однако во многих случаях нет возможности последовать такому совету, так как мы обыкновенно не имеем для подобных прилагательных соответствующих существительных. Да и *слепец* не вполне соответствует *слепой*: первое слово книжное, малоупотребительное; точно так же *дикарь* более принято, чем *дикий* в смысле существительного. Слов же *ближний, больной, городовой* и под. нам нечем заменить.

§ 25. Склонение прилагательных

227. В родительном, дательном и творительном падежах прилагательных на *-ий* после *ж*, *ч* мы иногда встречаем у писателей, точно так же как и в народном языке, форму женского рода на *-жей, -чей* вместо общепринятой на *-жьей, -чьей.* Литературный язык, собственно, почти не знает таких форм притяжательных на *-жая, -чая*, от которых могли бы получиться родительные на *-ей.* Имеем только необычное *лебяжая грудь* (см. пункт 231), общепринятое *монаршая милость — монаршей милости* и редкое *кошачая* («Его *кошачая* походка, Брюшко и кроткий, нежный взор...» — Данилевский, Адвокатство женщины, III, изд. 1901 г., 56), откуда родительный, дательный и творительный должны иметь форму *кошачей* («Лаской *кошачей* геройство в нем тщась усыпить...» — А. Майков, Брингильда); также: *княжая — княжей* («И царевича венчают *княжей* шапкой» — Пушкин). Обыкновенно же имеем: *вражья сила — вражьей силы, верблюжья шерсть — верблюжьей шерсти, кошачья ласка — кошачьей ласки* и т.д.

228. В слове *божий* современный язык сохранил еще отчасти именное склонение: род. п. *божия,* дат. п. *божию* (ср. *Василия, Василию* и пр.), им. п. мн. ч. *божии.* Рядом употребляем формы: *божьего, божьему* и пр., по обыкновенному склонению прилагательных.

229. В других случаях подобные именные формы склонения прилагательных встречаются редко. Укажем: дат. п. *вражью, щучью* (в особом окаменелом выражении), *мужичью*, им. п. мн. ч. *турии.*

«Прокрасться в ночь ко *вражью* стану» (Пушкин, Полтава, III).

«По *щучью* веленью все тебе готово» (Кольцов).

230. Только при неумелом обращении с русским языком можно смешивать прилагательные притяжательные на *-жий* с другими, то есть склонять, например, *свежий, досужий, горячий,* как *медвежий, волчий* и т.п.

«Я употребил часть своего *досужьего* времени на составление этого руководства» (Орбинский, Руководство для преподавателей грамотности, Одесса, 1861, с. III).

231. В стихах, ради размера, прилагательные иногда ставятся в необычной или устарелой растянутой форме: *лебяжая грудь, бабию речь* и т.п.

232. Прилагательные краткого окончания *бел, бос, бела, боса* и т.п. у нас вообще не склоняются; только в некоторых выражениях сохранились формы старых падежей по именному склонению: *среди бела дня, на босу ногу*, причем говорим также: *среди белого дня, на босую ногу.*

233. В склонении прилагательных нужно обратить внимание на родительный падеж женского рода с окончаниями *-ыя*, *-ия* (*влажныя земли*), теперь почти совершенно исчезнувший из литературного языка, но державшийся очень долго и встречающийся еще в стихах Пушкина, Лермонтова, Майкова и др.

234. В народных говорах прилагательные притяжательные краткого окончания склоняются, как полные: *бабушкин дом — бабушкиного дома, бабушкиному дому, Старостин сад — ста-*

ростиного сада, старостиному саду и т.п. Такое неправильное склонение встречаем мы не только в современной периодической печати, но даже у знаменитых писателей.

«Отец уже сидел, переодетый, вымытый и свежий, возле *матушкиного* кресла» (Тургенев, Первая любовь, 358).

«Она исполняла в доме роль *Колиного* дядьки или гувернера» (Тургенев, Новь, 41).

«Алексей Степаныч... вызвался пособить *сестриному* горю» (Аксаков, Семейная хроника, 156).

«В углу установлен был большой глиняный таз с водою, приготовленный для ночного мытья детского и *мужниного* белья» (Достоевский, Преступление и наказание).

Обыкновенно употребляем: *матушкина кресла, сестрина горя, бабушкина дома, иродова избиения, батюшкина кулака* и т.д., как в следующих примерах.

«Царь... хлопнул дверью и ушел из *царевнина* терема» (Карамзин, Прекрасная царевна).

«Какова сыну обновка к *дядину* сговору?» (Фонвизин, Недоросль).

«Захватили кафтаны на плечи и пошли через дорогу к *Машкину* Верху» (Л. Толстой, Анна Каренина).

Однако предложный падеж таких слов мы уже обыкновенно образуем по склонению прилагательных, а не существительных: *о бабушкином доме, о сестрином имении, в дочернином сердце, о папенькином гневе* и т.п.

235. В отчествах женского рода литературный язык не допускает долгого окончания, как это было в старинном языке и встречается иногда в народном. Следует говорить и писать: *нет Марьи Ивановны* (а не *Ивановной*), *кланяйтесь Вере Григорьевне* (а не *Григорьевной*) и т.д.

236. Малоупотребительные во множественном числе отчественные имена женского рода в творительном падеже множественного числа принимают у нас обыкновенно форму существительных: *Петровнами, Ивановнами, Степановнами* (как *царевнами*); у старых писателей иногда находим в твори-

тельном падеже множественного числа окончание *-ыми* по склонению прилагательных. Изредка оно встречается и в наше время.

237. Прилагательные, означающие названия городов и селений на *-ов, -ев, -ово, -ин, -ино*, склоняются как существительные на *-о* и твердый согласный; родительный падеж: *Саратова, Юрьева, Лыскова, Лихвина, Горохина, Бородина,* дательный падеж: *Саратову, Юрьеву, Лыскову, Лихвину, Горохину, Бородину,* предложный падеж: *о Саратове, о Юрьеве, о Лыскове, о Лихвине, о Горохине, о Бородине.* В творительном падеже некоторых слов есть колебания. Те названия, которые потеряли характер прилагательных и чувствуются как имена предметов, склоняются по образцу существительных: *Саратовом, Черниговом, Ростовом, Гдовом, Юрьевом, Киевом, Лысковом, Кашином, Лихвином*; другие немногие слова, не утратившие связи с прилагательными, имеют в творительном падеже окончание *-ым*, как у прилагательных: *Царицыным, Горохиным.* Естественно, что здесь возникают колебания: *Азовым* (старое) и *Азовом, Лихвиным* и *Лихвином, Бородиным* и *Бородином и т.п.*

238. Особенно надо сказать о таких формах, как: *в Архангельском, в Николаевском* и т.п. вместо *в Архангельске, в Николаевске.* Это прилагательные (*Архангельский город*), которые принадлежат только старинному и народному языку и не встречаются в современном литературном. Теперь употребляем: *живет за городом Архангельском; сторожат в Николаевске* и т.п.

239. Древние мягкие формы именительного падежа множественного числа нечленных прилагательных: *ради, виновати, сыти, голодни* и др., нередко слышимые в народе, теперь не допускаются в литературе, но встречаются у старых писателей.

240. Славянизм *прочая* (именительный падеж множественного числа среднего рода) теперь сохранился только в императорском титуле. Сокращение *и проч.* мы обыкновенно читаем: *и прочее.* У писателей, однако, встречается и более старая форма этого слова.

У писателей подобные формы именительного падежа множественного числа среднего рода встречаются и от других слов, как заимствование из славянского.

«Способен произвести дебош, бежать к соседям и рассказать им *вся сокровенная* Головлевских дел» (Щедрин, Господа Головлевы).

241. К числу форм прилагательных (и причастий), не существующих в нашем современном языке, следует, кажется, отнести формы дательного падежа краткого окончания при глаголе *быть*: *быть невоздержну, быть строгу, быть любиму* и пр.

§ 26. Степени сравнения

242. Образование степеней сравнения у писателей более свободно, чем в строгом и несмелом школьном языке, который избегает таких форм, как: *чутче, диче, серейший, мерзейший* и т.п.

«Читающая публика оказалась куда *чутче* критиков...» (Венгеров, Примечания к Белинскому, II, 562).

«Разве... живое слово “этот”... страннее, *диче*, нежели книжное слово “сей”?» (Белинский, III, 489). «Комедия напечатана на *серейшей* бумаге» (Белинский, VI, 177).

«Учители... писали оды *мерзавнейшим* из *мерзавнейших* личностей» (Лесков, Некуда, 134).

243. От таких образований, в которых обнаруживается гибкость русского литературного языка, сообщающаяся ему из разговорного просторечия, нужно отличать формы: 1) полученные из языка церковнославянского (например, *горше, паче*), 2) заимствованные из провинциальных наречий, например *дешевлее* (встречается у Гоголя; обыкновенно: *дешевле*), *краше* (от *красный* в смысле «красивый, прекрасный», по старинному и народному употреблению), *слаже*, 3) одинаково принадлежащие к обоим этим разрядам (*пуще*).

244. Некоторые имена прилагательные (и наречия) имеют в сравнительной степени две формы — на *-ее* и *-е*: *богаче* и *богатее* (устарелое), *более* и *боле* (старинное и народ-

ное), *горче* и *горчее* (народное), *громче* и *громчее* (народное), *гуще* и *густее* (менее употребительно, чем первое), *далее* и *дале* (старинное и народное), *жалче* и *жалчее* (реже), *долее* и *доле* (старинное и народное), *звонче* и *звончее, круче* и *крутее* (реже), *ловче* (народное) и *ловчее, позже* и *позднее, проще* и *простее, тяжеле* (старинное и народное) и *тяжелее, ярче* и *ярчее* (народное). Мы видим, что чистому и современному литературному языку принадлежат далеко не все приведенные формы.

245. Старые грамматики устанавливали различия между формами сравнительной степени на *-ше* и *-ее.* Формам на *-ше*: *больше, дальше, дольше, меньше, раньше, старше, тоньше* — присваивалось значение прилагательных; формы на *-ее*: *более, далее, долее, менее, ранее, старее, тонее* — считали наречиями. Книжный и живой язык не знал такого различия в старое время, не знает и в нынешнее.

В общем, и в живом и в письменном нашем языке господствуют формы на *-ше*; формы на *-ее*, имеющиеся при них, отзываются книжностью.

Только в некоторых оборотах данные формы более разграничены. Так, для выражения сложной сравнительной степени употребляются только *более, менее*; также в сочетаниях: *тем более, тем не менее, и так далее.*

246. *По-* при сравнительной степени означает ослабление качества: *побольше, покрасивее* (несколько, немного больше, красивее). Поэтому не должно соединять подобных прилагательных с *очень, гораздо, несколько.*

247. В первой половине XIX в. прилагательные на *-ейший* еще понимались и употреблялись в значении сравнительной степени; теперь это почти не допускается.

«*Огромнейший* первого камень схватил» (Жуковский, Одиссея, IX, 537).

«Его [Греча] грамматики суть важные явления в истории нашего языка, и с них начинается *основательнейшее* его изучение» (Белинский, III, 475).

248. Неупотребительны теперь превосходные степени из прилагательных на *-ейший* в соединении с *самый,* как было обычно у писателей первой половины XIX в. Уже Греч вооружался против такого оборота: «Пред сравнительною степенью [разумеются формы на *-ейший* и *-айший*] употреблять слово *самый* непозволительно; например, нельзя говорить: *самый сладчайший*» («Чтения», II, 210). Теперь говорим только: *самый ближайший, самый кратчайший* путь.

249. При сравнительной степени может стоять иногда и в литературном языке, подобно народному, прилагательное относительное, соответствующее придаточному предложению с *чем*: *рассердился больше прежнего* (= *чем прежде*), *жить там лучше здешнего* (= *чем здесь*), *нынче мороз сильнее вчерашнего* (= *чем вчера*), *он принял меня лучше тогдашнего* (= *чем тогда*).

250. Сравнительная степень на *-ее* сокращается в *-ей,* когда на окончание падает ударение: *белéй, тяжелéй, смелéй, скорéй*; но только: *бóлее, мéнее* (ударение на корне). Сокращенные формы последнего рода: *бóлей, невéрней* допускаются только поэтами.

«Что за радость биться с долей? Дал бог сон — чего же *болей*» (Мей, Невинной душке).

«Стихло. Бледней и *неверней* Горных вершин очертанья» (Чюмина, Вечер).

251. Если прилагательное относительное употребляется в значении качественного, то оно может иметь степени сравнения; говорим, например: *характер самый ангельский* (то есть самый кроткий), *небеснее.*

252. Живой русский язык часто выражает превосходную степень прилагательных и наречий повторением слова, иногда с присоединением ко второму приставки *пре-*. Такие формы не чужды и литературному языку.

«Она занимала большой деревянный дом на Остоженке, *теплый-претеплый*» (Тургенев, Несчастная, 71).

«Здесь был еще молодой человек с завитой в *мелкие, мелкие* барашки головой и с выпуклыми глазами...» (Писемский, В водовороте, 233).

253. Народные формы превосходной степени на *-ущий* и *-енный* встречаются у авторов только в очень немногих словах: *большущий, здоровенный.* Сюда же примыкает форма *тьмущая* в выражении *тьма тьмущая.*

254. Если при причастии стоит наречие, то причастие уже не может иметь смысл прилагательного, а потому не может быть соединено с *самый* для выражения превосходной степени. Обыкновенное словоупотребление: *помощь тяжело трудящегося* (причастие) *сословия*, или же: *помощь самого трудящегося* (прилагательное) *сословия.*

§ 27. Имена числительные

255. Некоторые числительные сравнительно в недавнее время утратили свою способность изменяться по всем падежам. Для нас уже невозможно употребление форм: *стом, стами;* необычно: *во сте*; вполне возможно: *пятидесятью, шестидесятью* вместо *пятьюдесятью, шестьюдесятью* и под., которые еще рекомендуются современными грамматиками и которые нередко мы видим в книжном языке.

256. Числительные *сорок, девяносто* и *сто* во всех косвенных падежах теперь имеют одну форму родительного: *к сорока рублям, сорока рублями, о девяноста рублях, во ста верстах* и пр. Однако после предлогов *по* и *ко* эти числительные могут принимать форму дательного падежа: *по сороку* (устарелое), *по девяносту, ко сту, по сту*, но могут и не изменять своей формы: *по сорока* (теперь всегда так), *по девяноста, ко ста, по ста.*

257. Числительное *тысяча* в творительном падеже единственного числа имеет, кроме правильной формы *тысячею,* неправильную *тысячью,* которая весьма употребительна в живом языке и у авторов. Также и в родительном множественного при

правильной форме *тысяч* употребляется иногда неправильная *тысячей*.

Восемь имеет в творительном падеже *восьмью* (*осьмью*) и *восемью* (чаще).

258. У Пушкина встречается замечательная форма: *четырью* (по образцу *пятью, шестью*). Она принадлежала старому петербургскому просторечию и держалась в нем еще в 40-х годах, как это видно из книги «Справочное место русского слова» (СПб., 1843), в которой читаем: «Часто говорят: он моложе *четырью* годами; правильно: *четырьмя* годами» (122).

Несомненно, из народного языка у него *семьдесять*. Впрочем, формы *шестьдесять, семьдесять, восемьдесять* были не чужды и старому литературному языку; Академический словарь даже предпочел их формам с твердым окончанием, которые теперь употребляются исключительно.

259. К именам числительным можно отнести и слово *пол,* употребляемое только в сложении со словами: *полгода, полмесяца, полчаса, пол-аршина, полверсты, полдюжины, полпуда, полфунта* и пр. (в значениях меры *пол* слагается с родительным падежом), *полдень, полночь* (сочетания *пол* с именительным вообще редки), *полсутки* («Андрюша *полсутки* ходит таким чистеньким, благовоспитанным мальчиком» — Гончаров, Обломов, II, 4; «*Посутки* иной раз жду, где-нибудь на тротуаре у твоих ворот» — Достоевский, Униженные и оскорбленные, II, 260) при обыкновенном *полсуток.*

Во всех косвенных падежах таких слов *пол* принимает форму *полу*: *от полудня до полуночи, около полуверсты, с полуфунтом, в полуверсте* и т.д.

260. При числительном *тысяча* существительное обыкновенно принимает в склонении форму родительного падежа множественного числа: *тысяча рублей, от тысячи рублей, к тысяче рублей, тысячу рублей, тысячею рублей, о тысяче рублей.*

261. Числительное *сто* в сложении с *две, три, четыре, пять, шесть* и т.д. в косвенных падежах изменяет обе части сложения:

двух сот, двумя стами, о двух стах, к четырем стам, о пяти стах, шестью стами и т.п. Стоящее при числительном существительное в этом случае или согласуется с ним, или во всех падежах принимает форму родительного множественного числа: *двумя стами рублями* или *двумя стами рублей, к трем стам десятинам* или *к трем стам десятин, о пяти стах жителях* или о *пяти стах жителей* и т.д.

Слово *тысяча* в подобных случаях, как и существительные, принимает форму, одинаковую с числительными, или употребляется в родительном падеже множественного числа: *тремя стами тысячами, в четырех стах тысячах, к пяти стам тысячам* и т.п., или же: *тремя стами тысяч, в четырех стах тысяч, к пяти стам тысяч* и под.

262. Числительное *тысяча* (и *миллион*) в сложении с другими числительными (до *ста*), подобно слову *сто*, в косвенных падежах изменяет обе части сложения: *двумя тысячами, трем тысячам, пяти тысяч, о шести тысячах* и т.д. При этом существительное изменяется вместе с числительным или остается всегда в родительном падеже множественного числа.

263. Числительное *полтора* (мужской и средний род) и *полторы* (женский род) утратило для нас большую часть своих старых падежных форм. Форма *полутора* со множественным числом существительного обыкновенно заменяет у нас все косвенные падежи мужского и женского рода. Так, мы говорим и пишем в единственном числе: *по полутора рублей* (старое: *по полутору рублю*), *полутора рублями* (старое: *полуторым рублем*), *о полутора рублях* (старое: *о полуторе рубле*), *около полутора недель* (старое: *около полуторы недели*), *к полутора неделям* (старое: *к полуторе неделе*), *полутора неделями* (старое: *полуторою неделею*), *о полутора неделях* (старое: *о полуторе неделе*); во множественном числе: *полтора* (произносится: *по́лтора*) *суток* (старое: *полуторы сутки*), *полутора суток* (старое: *полуторых*), *полутора суткам* (старое: *полуторым*), *полутора суткам* (старое: *полуторыми*), *о полутора сутках* (старое: *полуторых*).

264. Числительное *первый,* употребленное в значении *прежде*, может принимать окончание сравнительной степени *-ее*. В разговорном языке мы знаем также старинную и народную форму превосходной степени *первейший* (*мука первейший сорт*).

265. Мы не решаемся употреблять по-народному сочетания *сам* и сокращенных числительных порядковых: *друг, четверт, пят, шост* (иногда полных: *сам третéй, сам седьмóй, сам восьмóй*) и под., хотя и знаем их у писателей. Только говоря об урожае, мы употребляем *сам-пят, сам-десят* и т.п.

Таким же провинциализмом является для нас и: *друг дружку, друг подле дружки* вместо *друга* и пр. Общепринятыми являются выражения: *друг друга, друг к другу, друг за другом* и т.д.

266. Числительные собирательные *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* употребляются: 1) при именах личных, то есть означающих людей мужского рода, и при слове *дитя* среднего рода, 2) при существительных, употребляющихся только во множественном числе, 3) при прилагательных, имеющих значение личного существительного имени, 4) когда числительное употреблено без имени, 5) при местоимениях *мы, вы, они*, *нас, вас, их* и т.д., 6) в некоторых сочетаниях, имеющих смысл наречий (*вдвоем, вчетвером, вшестером, по двое, надвое, натрое, втрое, вчетверо* и под.).

1) «Он овдовел, и у него осталось *трое* детей» (Аксаков, Семейная хроника, 100).

«Вошли... *трое* учителей...» (там же, 222).

Рядом мы употребляем обороты и с числительными не собирательными: *двое солдат, двое слуг* и *два солдата, два слуги, три учителя* и *трое учителей, четверо сыновей* и *четыре сына, шесть работников* и *шестеро работников*.

2) «К вечеру выехали еще *двое* роспусков в лучших крестьянских лошадях» (Аксаков, Семейная хроника, 86).

«В *двое* суток мать моя доехала до К.» (там же, 207).

3) «В раздавшемся круге танцуют *двое* замаскированных русскими» (Елпатьевский, Маскарад в Тайгинске, 64).

«*Трое* старших находятся непосредственно под его наблюдением» (Аксаков, Воспоминания, 266).

«В этом коридоре содержались *трое* умалишенных» (Короленко, В подследственном отделении, 190).

4) «*Трое* осудят, а десятеро рассудят» (Даль).

«С тех пор как он записан, только *двое* поехали на открывшиеся вакансии» (Гончаров, Превратность судьбы, гл. II).

5) «Нас было *двое:* брат и я» (Пушкин, Братья-разбойники).

«*Трое* вас, вот и три вам дороги» (Пушкин, Будрыс и его сыновья).

267. Литературный язык не допускает соединения собирательных числительных с именами женского рода; поэтому нередко встречающиеся теперь сочетания: *трое дверей, трое женщин, четверо дочерей, трое лошадей* и под., нужно признать неправильными.

268. Кроме приведенных числительных собирательных, народный язык знает и другие, например *двадцатеро,* которое находим в стихах А.Н. Майкова («Завтра тех *двадцатерых* повешу» — «Радойца»).

§ 28. Местоимения

269. Личное местоимение *он* в косвенных падежах после предлогов принимает вставочное *н*: *от него, к нему, с ней* и т.д. Но после предложных наречий: *кроме, мимо, около, между* и др., а также и после двусложного предлога *ради* некоторые затрудняются, писать и говорить с *н* или без него. Общепринятыми теперь нужно считать формы с *н*, хотя встарину их избегали, да и теперь они не так обязательны, как в случаях, подобных *из него, по нем, к нему* и т.д.

270. Форма *ней* для родительного падежа местоимения *она* после предлогов, когда-то не одобряемая грамматиками, теперь

может считаться принятой и утвержденной в языке образцовыми писателями.

«Нет, не агат в глазах у *ней*» (Пушкин, Ответ Туманскому).

«Покажет Русь, что есть в ней люди, Что есть грядущее у *ней*» (Некрасов, Несчастные).

«Чепец прыгал у *ней* на голове вместе с накладкой» (Тургенев, Отцы и дети, 140).

271. Старые писатели могли смешивать родительный *ея* с винительным *ее:* «Представь меня перед *нея,* чтобы средь сна увидел я» (Клушин, С.-Петерб. Меркурий, 1793, I, 12).

272. Возвратное местоимение *себя* обыкновенно ставится при личных вместо косвенных падежей от них: «Я нашел платок у *себя* в кармане» (а не у *меня*): «*Ты* часто бываешь недоволен *собою*» (а не *тобою*); «*Она* обронила письмо у *себя* в комнате» (а не у *нее*). Обороты с личным местоимением вместо возвратного не чисто русские. Мы не говорим: «Я весь вечер провел у *меня* в кабинете», но только «у *себя* в кабинете».

273. Уже Греч обратил внимание на то, что в русском литературном языке при сравнительной степени вместо личных местоимений могут употребляться притяжательные: «Он пишет не хуже *вас*» и «не хуже *вашего*»; «Петр трудится не меньше *тебя*» и «не меньше *твоего*». В современном образованном языке, однако, последние словоупотребления редки; они принадлежат более языку старому и народному.

274. Местоимение *свой* относится у нас ко всем трем лицам во всех родах и числах: «Я взял *свою* шляпу», «Ты взял *свою* шляпу»; «Он взял *свою* шляпу»; «Она взяла *свою* шляпу»; «Мы взяли *свои* шляпы» и т.д. Притяжательные местоимения *мой, твой, его* означают принадлежность 1-му, 2-му и 3-му лицу, но обыкновенно не соединяются с соответственными лицами, т.е. не говорят: «Я взял *мою* книгу»; «*Ты* взял *твою* тетрадь»; «*Он* получил *его* заработную плату», но обыкновенно заменяют в этом случае местоимения отдельных лиц общим местоимением *свой*: «Я взял *свою* книгу»; «Ты взял *свою* тетрадь, а *мою* за-

был»; «Он получил *свою* заработную плату, а *твою* ему не выдали» и т.д.

Когда притяжательные местоимения *мой*, *твой, наш* и пр. противополагаются или сопоставляются, тогда часто ставят их вместо *свой*: «Я возьму *мою* чашку, а ты *свою*» (или *твою*); «Я продал *мой* дом, а он *свой* не хотел продать».

275. Местоимение *некий* (слово книжное; разговорное *какой-то*) составлено из *кой* и должно бы склоняться как последнее: *коего — некоего, коему — некоему, коим — некоим, о коем — о некоем, кои — некий* (по условному правописанию здесь *и* после *к*, подобно именительному падежу, где *некий* вместо *некой*), *коих — некоих, коим — некоим* и т.п. Но так как под влиянием правописания именительный падеж стал произноситься с мягкой согласной в конце, то мягкая основа проникла и в другие падежи: в творительный единственного числа мужского рода, где мы употребляем форму *некиим*, и во все падежи множественного числа, где получилось склонение с мягкой основой: *некие, некиих, некиим* и т.д. В женском роде единственного числа сохранилась твердая основа: винительный падеж *некую*, прочие *некоей.*

276. Местоимения *столько, сколько* и *несколько* затрудняют в употреблении своими падежными формами; они изменяются частью по именному, частью по местоименному склонению. 1) Кроме именительного, они все имеют дательный после предлога *по*: *по стольку, по скольку, по нескольку*; в исключительных случаях (в старом языке) встречается родительный на *о*: *до сколько, несколько* (обыкновенно: *скольких, нескольких*); 2) часто употребляются формы множественного числа с окончанием прилагательных: *стольких, скольких, нескольких, стольким, скольким, нескольким, столькими, сколькими, несколькими, о стольких, скольких, нескольких* (последние формы производят от утраченных *столький, скольким несколький*; сравните: *много, помногу, многие*).

277. Для нас необычны народные винительные падежи: *всеё, одноё, тоё*, хотя они встречаются у писателей. Но *самоё* более принято, чем *саму,* хотя и последнее встречается в печати.

278. Писатели употребляют изредка старинные местоимения: *всяк, всяческий* (откуда общепринятое наречие *всячески*), *кой, каковой, оный, сей, таковой, толикий,* которые для большинства современных образованных людей уже представляются неупотребительными.

Местоимение *кой* употребляется теперь только изредка в деловых бумагах («Поступило в приход 240 рублей, *кои* внесены в казначейство»), да и то лишь в косвенных падежах; в выражениях: *кой чёрт, в кои-то веки, в кою-то пору, ни в коем случае.*

В сложении с местоимениями *кто, что, какой,* как несклоняемая их часть, имеется форма *кое*: *кое-кто, кое-что, кое-какой.* Но в разговорном языке и у писателей встречается (реже) и форма *кой*: *кой-кто, кой-что, кой-какой.*

В сложениях с местоимениями и наречиями Грот, кажется, напрасно различал *кое-как, кое-что* и *кой-кто, кой-где, кой-куда.* Современное употребление во всех случаях предпочитает сочетания с *кое,* то есть: *кое-кто, кое-где, кое-куда* и т.д.

Если при сочетаниях *кое-кто, кое-что* употребляется предлог, то он, разделяя сочетание, стоит перед вторым, склоняемым местоимением: спросить *кое у кого*, поговорить *кое с кем*, догадываюсь *кое по чему*, узнать *кое о чем.* Постановка предлога впереди сочетания почти не встречается. *Кое-какой* имеет формы: *из кое-какого, в кое-каком, для кое-какого*, но возможны употребления *кое в каком, кое для каких.*

Местоимение *сей* в разных формах представляет смешение русских элементов с славянскими. Славянские *сей, сия, сие: «Сей* дом продается», «*Сия* тетрадь принадлежит ученику второго класса Ивану Колосову», «*Сие* письмо по прочтении прошу возвратить мне». Русские формы *сесь, ся, се* вообще устарели и сохранились лишь в некоторых падежах и выражениях. Несомненно, русские *о сю пору, по сю сторону* (винительный падеж женского рода), *то да се, ни то ни се* (именительный па-

деж среднего рода), *того-сего, ни с того ни с сего, о том о сём* (родительный и предложный падежи мужского и среднего рода), *до сих пор* (родительный падеж множественного числа; на русское происхождение указывает народное *до сех пор* — по-русски склонение данного местоимения вполне совпадало с *тот*), *ни в тех ни в сех.*

279. Указательное местоимение *то* в старом языке нередко употреблялось там, где мы теперь допускаем только *это.*

«В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко и тотчас отошел. Герман не обратил на *то* никакого внимания» (Пушкин, Пиковая дама, изд. Морозова, IV, 303).

280. В просторечии употребляются еще местоимения *вашенский*, *нашенский* (вашего, нашего сословия, разбора).

«Уж на что ж еще и поддевают дураков из *нашенского брата!*» (А. Майков, Три правды).

Просторечию также принадлежат выражения *наш*, *ваш брат*, *наша*, *ваша сестра* (мы, вы и нам, вам подобные).

281. Буслаев замечал: «Притяжательное *ихный*, столь употребительное в речи разговорной и столь необходимое, еще довольно туго входит в язык книжный» («Историческая грамматика», § 57). Теперь можно положительно считать его не вошедшим в общее и свободное обращение, хотя оно и нередко встречается у авторов, обыкновенно с мягким окончанием.

282. *Самый* при существительных может стоять вместо *даже.* Впрочем, для нас такое употребление устарело.

«Многие поджигали народ, и *самые* бояре» (Карамзин, История Государства Российского, VIII, 99).

«Люди питались злаками, *самые* цари изволили лакомиться уткой с шафраном» (Щедрин, Признаки времени, 12).

283. Местоимение *сам* обыкновенно служит к усилению личных местоимений и лиц: «Я *сам* сделаю»; «Ты *сама* приходи»; «Он *сам* это сказал» и т.п. Иногда личное местоимение совсем не употребляется, и в речи является только одно слово *сам*: «*Сам* узнаешь, будет время, Бранное житье» (Лермонтов).

В значении *невольно* местоимение *сам* может относиться и к предмету, а не к лицу: «*Сам* топор вот так и ходит» (Майков). «Рад бы не плакать, да слезы *сами* льются» (Даль).

В употреблении *сам* нередко смешивается с *самый*, особенно в косвенных падежах. Чтобы избежать такого смешения, нужно помнить, что местоимение *сам* служит к определению лиц; поэтому следует не допускать таких словоупотреблений, в которых *сам* относится к предметам, а не к лицам, хотя такие случаи и встречаются у авторов.

«Но прелестнейшую картину представляло *самое* озеро» (Жуковский, Отрывки из письма о Швейцарии, 208).

«*Самая* смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного» (Пушкин, Путешествие в Арзрум, II).

Форма местоимения *сам* меняется оттого, что оно может стоять при личном местоимении и при возвратном: 1) «Я *сам* вижу *себя* в зеркале»; 2) «Я вижу *самого себя* в зеркале»; 1) «Ты любишь *сам себя*»; 2) «Ты любишь *самого себя*»; 1) «Она *сама себе* нравится» и 2) «Она нравится *самой себе*».

284. Местоимение *ничего* в просторечии означает иногда *нисколько*; в таком значении употребляют его и писатели: «Денег нет *ничего*» (Л. Толстой, Анна Каренина, 149).

Ничего изредка может употребляться вместо *ничто* и даже вместо *никто* (последнее, впрочем, необыкновенное словоупотребление): «*Ничего* ее бы не спасло!» (Пушкин, Капитанская дочка, изд. 1836 г., 183).

Выражение *без ничего* (остался) вместо *безо всего* или *ни с чем* уже в 1840-х годах отмечено как неправильное (см. «Справочное место русского слова», СПб., 1843, 7).

285. Местоимение *весь* в некоторых выражениях имеет славянскую форму именительного падежа множественного числа среднего рода *вся*: «пуститься (пускаться) во *вся* тяжкая» (здесь и прилагательное является в той же форме), «звонить *во вся*» (как наречие; но *во все* колокола»), *все и вся*, «бранить *всех и вся*».

§ 29—37. Словообразование глаголов. Виды

286. Под влиянием народного языка речь наших писателей гораздо более богата видовыми формами, чем обыкновенный язык представителей городского образованного класса. В больших городах уже давно и заметно утрачивается это богатство языка. Греч в 1840 г. заявлял, что составители русских грамматик «выдумывали несбыточные и небывалые» формы, например *бывывало*, *хаживал* («Чтение о русском языке», I, 289). Конечно, это заявление показывает, что Греч плохо знал живой и литературный русский язык (грамматику он знал хорошо). В существовании «несбыточных и небывалых» форм не может быть никаких сомнений.

«*Бывывали* и мы при деньгах» (Даль).

«Профессор мой *хаживал* к батюшке, и говаривал с ним обо мне» (Карамзин, Мармонтелевы повести, 99).

«Я не раз *хаживал* туда смотреть, как... вытаскивали пестрые узоры обоев» (Тургенев, Первая любовь, 313).

«С Гектором они старые приятели еще по обозам, в которых они вместе *хаживали* между Томском и Красноярском» (Елпатьевский, Гектор, 161).

Однако несомненно, что петроградская живая речь уже и в то время в значительной степени утратила богатство чисто русских видовых образований. Потеря чутья к видовым формам здесь очень явно обнаруживается в непонимании видовых оттенков глаголов *слыхать* и *видать*. Именно в Петрограде в народе часто говорят *слыхал* вместо *слышал* и *видал* вместо *видел*. Такое употребление встречается и в речи образованных петроградцев, а также у некоторых преимущественно петроградских писателей.

«Я *слыхал*, что у г. Ольхина изготовляется изданий более чем на 280 000 рублей ассигнациями» (Булгарин; у Белинского, VIII, 347, предлагающего вместо *слыхал — слышал*).

«На Патмосе, свой день, великое виденье Один, из всех людей, воочию *видал* — борьбы добра и зла живое напряженье...» (Случевский, Воплощение зла).

Богатство и правильность видовых словоупотреблений наши авторы заимствуют из родных провинциальных наречий, из общения с теми классами населения, которые не подверглись сильному влиянию жизни больших не чисто русских городов, чужих народов и языков.

Нельзя, впрочем, говорить о совершенном падении видов и в языке больших городов. Если некоторые старые видовые формы забываются, то наблюдается и прирост видовых образований. Так, заимствованные слова: *арестовать*, *ассигновать*, *конфисковать* и под., еще недавно известные только в одной этой форме, теперь уже получили вновь образованные живым языком формы несовершенного вида: *арестовывать*, *ассигновывать*, *конфисковывать*. Из этих форм две первые вошли в общее обращение, да и третья встречается нередко.

287. Уже Греч обратил внимание на то, что «в просторечии есть еще одна модификация однократного вида: *толканул*, *дерганул*. Это значит: чуть-чуть, едва толкнул, дернул» («Чтения о русском языке», I, 297). Такое видовое образование действительно существует и преимущественно в просторечии. Означает оно мгновенность действия, но не его слабость. Разницы по смыслу между *толкнуть* и *толкануть*, *рубнуть* и *рубануть* и т.п. образованиями мы не чувствуем.

288. В языке старинном и народном при отрицании *не* употребляется иногда многократный вид вместо однократного: *не бывали* вместо *не были*, *не женивался* вместо *не женился*, *не живал* вместо *не жил* и т.п. Это оборот, усиливающий отрицание. Остатком таких сочетаний в современном литературном языке является обыкновенное употребление *не видал*, *не слыхал* вместо *не видел*, *не слышал,* также *не расслыхал* вместо *не расслышал.*

Неправильно употребляемые в просторечии формы *увидал*, *увидать* в значении однократном, т.е. вместо *увидел*, *увидеть*, приняты и в языке образцовых писателей. То же нужно сказать и о словах *услыхать*, *расслыхать*, которые, будучи произведены

от многократного *слыхать*, употребляются в однократном значении.

289. В русском языке по употреблению замечательны еще некоторые глаголы, означающие движение. Именно, мы имеем глаголы неопределенного движения: *бегать*, *гонять*, *катать*, *плавать*, *ползать, летать*, *таскать*, *бродить*, *водить*, *возить*, *лазить*, *носить*, *ходить*, *ездить*; рядом с ними у нас есть соответствующие глаголы определенного движения: *бежать*, *гнать*, *катить*, *плыть*, *ползти*, *лететь*, *тащить*, *брести*, *вести, лезть*, *нести*, *идти*, *ехать.* Те и другие глаголы — вида несовершенного; при этом первая группа по смыслу несколько приближается к многократному виду.

При сопоставлении настоящего времени вторых глаголов с прошедшим мы обыкновенно пользуемся прошедшими первой группы: «*Ты уже ходил домой, а я еще только иду*»; «*Я веду* лошадь в кузницу, а ты *водил ли*?»; «*Носил* ли ты свое письмо на почту? Я свое уже *несу*».

Особенно часто мы встречаем глаголы типа *ходить* после отрицания. Картинные выражения Пушкина: «К нему и птица не *летит*, и тигр *нейдет*» («Анчар») — в прозе мы передадим: к нему и птица не *летает*, и тигр не *ходит.* Мы говорим: «Он еще *не бегал* (или: *уже бегал*) в лавочку» (но: «Он *бежит* в лавочку»; *бегает* имело бы многократное значение); «Ты меня гнал из своего дома, а я тебя *не гонял*»; «Ты уже *ведешь* лошадь в поле, а он еще не *водил*» (также: «а он уже *водил*»); «*Не вози* ему сена: он за него не заплатит»; «Лучше туда не *ходить*» (но: «Туда непременно надо *идти*»); «Ты еще *не ходила* (или: *уже ходила*) за молоком, хотя я сказал: *иди* (или: *не ходи*)»; «Ты уже *едешь* в город, а я еще *не ездил*» (также: «а я уже *ездил*»). Мы видим, что иногда глаголы типа *идти* не допускаются после отрицания.

290. Несовершенный вид глагола *отчуждать* затрудняет пишущих: более употребительное теперь *отчудить* («отчудить

землю под трамвай») странно для слуха, привыкшего к чистому русскому языку, а рекомендуемое словарями старое *отчуждить* теперь, кажется, совсем не встречается. Впрочем, и ходящее в наше время слово *отчудить* можно признать составленным в духе русского языка.

291. В числе своеобразных видовых форм необходимо обратить внимание на слово *разбредаться.* Это вновь образованный несовершенный вид к *разбрестись* по образцу *расплестись — расплетаться.* Грот, вслед за Далем, считая эту форму неправильной, рекомендовал вместо нее неупотребительное слово *разбраживаться* (по типу *разнестись — разнашиваться*), которое, однако, не вошло в общее обращение.

292. Говорят: *помалчивай*, *помалчивает*, *помалчивал* и *помалкивай*, *помалкивает*, *помалкивал.* Какие формы лучше и почему явилась разница в словах одинакового значения? Словари Академии и Даля указывают лишь *помалчивать;* только редактор 3-го издания Словаря Даля проф. Бодуэн де Куртенэ внес в этот словарь и форму *помалкивать*, которая, действительно, не только есть в языке, но и весьма распространена в обращении. Примыкают данные формы с *ч* и с *к* к двум разным по образованию группам глаголов. К первой группе принадлежат весьма употребительные слова: *помалчивать — отмалчиваться, замалчивать, замалчиваться, смалчивать, умалчивать* («Об этом история *умалчивает*»). Первая семья глаголов имеет переходное значение, т.е. действие направляется на что-либо, выражаемое дополнениями по вопросам *что, от чего, о чем* и др.

Вторая группа глаголов представляет малоупотребительный ряд образований на *-ивать* к группе глаголов: *замолкать, смолкать, умолкать.* Правда, мы почти не говорим: *замалкивать, смалкивать, умалкивать,* хотя по-русски это вполне возможно: «Шум стал *замалкивать*» (обыкновенно: *замолкать*)*;* «*Смалкивает* громкий говор, все успокаивается» (обыкновенно: *смолкает*); «*Умалкивает* лай собак» (обыкновенно: *умолкает*). Из этой семьи глаголов у нас часто употребляется только слово *помалкивать.* Оно не внесено в прежние словари только по

недоразумению: старые филологи, вероятно, думали, что *помалкивать* не самостоятельное слово, а искажение глагола *помалчивать*.Но то, что смешали прежние лексикографы, и теперь еще ясно отличается живым языком и писателями, сохранившими форму *помалкивать* и употребляющими ее правильно. Дело в том, что *помалкивать* принадлежит к семье глаголов непереходных, и мы употребляем это слово там, где не должно быть никакого дополнения: «Сиди да *помалкивай*», но: «Об этом ты *помалчивай*»; «*Про меня* ты *помалчивай*».

293. При глаголе *рассветать* правильно образованное прошедшее время должно иметь форму *рассветало;* но в языке, кроме этой формы, очень часто употребляется еще *рассвело.* Это, собственно, образование от малоупотребительного совершенного вида *рассвести*; сравните: *расцветать — расцветало, расцвести — расцвело* и т.п. То же нужно сказать и о формах *рассветает* и *рассветет*: первая образована от *рассветать* и означает настоящее время, вторая происходит от *рассвести* и показывает будущее время. *Рассвенет* образовано от народного *рассвенуть* (из *рассветнуть*).

§ 30.

294. В неопределенном наклонении окончание *-ть* вместо ударяемого *-ти* хотя и не вошло в общее употребление, но допускается даже лучшими нашими стилистами. Формы на *-ть* вместе с формами на *-ти* дает и Академический словарь для многих глаголов, преимущественно сложенных с предлогами, именно: *выползть, гнесть, гресть, завезть, завесть, загресть, заместь, зачесть, затрясть, зацвесть, месть, навезть, нагнесть, наползть, обчесть, обресть, оскресть, отвезть, отчесть, отплесть, отползть, отскресть, отцвесть, перебресть, перевезть, перевесть, перегресть, переместь, перечесть, перерость, перекресть, плесть, побресть, повезтъ, повесть, погресть, подвезть, подгресть, подчесть, подскресть, ползть, поместь, развесть, поразгресть, порость*, *посвесть*, *посместь,*

поспесть, пособлюсть, потрясть, *поувезть, поувесть, превознесть*, *привесть, пригнесть, пригресть, приместь, принесть, приползть, прирость, пробресть, провезть, провесть, прогресть, проместь, процвесть, разбресться, разгресть, разнесть, расплесть, растрясть, свезть, свесть, соблюсть, увезть, увесть.* Мы видим все глаголы с основами на *з* и с. Конечно, общепринятыми и более распространенными остаются формы на *-ти*: *гнести, грести, мести, плести, ползти* и пр. с их производными. Однако обыкновенно только: *грызть*, *красть, лезть, пасть* (совершенный вид к *падать*; но: *пасти скот*), *прочесть, вычесть, счесть, сесть*, *прясть.*

295. Книжное *погребсти* (сравните новое церковное *погребсти*) образовано неправильно, потому что *б* перед *т* уже перешло в *с*: *гребу — грести, скребу — скрести* (ср. неправильное южное *скребсти*) и пр. Здесь *б* вторичное, взятое из формы изъявительного наклонения. Старые грамматисты, установившие, под влиянием церковного языка, форму *погребсти*, очевидно, желали еще различить значение *погребать* от значения *погрести* — поработать веслами.

296. В просторечии иногда слышатся старинные и народные формы *клять, проклять, заклять.* В литературном языке допускаются только формы: *клясть, заклясть, проклясть.* Вместо *застрять* встречается иногда *застрясть*.

297. Народные *найтиться, обойтиться, пройтиться* и под. вместо *найтись, обойтись, пройтись* совершенно не допускаются в нынешней литературной речи, но прежде их употребляли и писатели.

298. Старинные и народные формы неопределенного наклонения на *-чи*: *печи, стеречи* — совершенно не употребляются новыми писателями.

«Беда, коль пироги начнет *печи* сапожник, А сапоги тачать пирожник» (Крылов, Щука и кот).

«А дома *стеречи* съестное от мышей Кота оставил...» (Крылов, Кот и повар).

«Вот волка стали *стеречи*» (Крылов, Пастух).

299. Глагол *идти* с приставкою *при-* прежде чаще у писателей имел форму *прийти, прийдет* и т.д. Также прежде часто употреблялись формы: *приму, приймет* и пр. Теперь такие формы почти вышли из обращения. Обыкновенно мы говорим и пишем: *приду, придешь, придет, придется, придут, придем, придти* или *притти, приди, придя, приму, примешь, примет, прими* и пр.

Но там, где краткое *и* в глаголе *идти* получилось после приставки, оканчивающейся не на *-и*, а на другой гласный, например *о, а, е*, звук *й* обыкновенно сохраняется в литературном произношении и письме, т.е. мы имеем формы: *войду, пойду, отойду, сойду, уйду, найду, перейду, войти, найти, зайти* и т.д. После *ы* имеем старинные и народные формы *выду, выдешь, выдет* и пр.

Они не чужды нашему литературному языку, но общепринятые литературные произношения и написания теперь: *выйду, выйдешь, выйдет, выйдем, выйдете, выйдут, выйдя.*

В повелительном наклонении сокращенные формы *выдь, выдьте, поди, подите* чаще допускаются и в литературном языке, при считающихся более правильными книжных *выйди, выйдите, пойди, пойдите.*

В неопределенном наклонении употребляем *выйти* и *выдти, вытти, зайти* (старинные *выйдти, зайдти*).

300. Глагол *обнять* в будущем времени и повелительном наклонении часто слышится в народной форме *обойму, обойми,* которая встречается и у писателей. Общепринятыми считаются формы *обниму, обнимешь, обними* и пр.

301. От глаголов *гнести, блюсти, клясть* мы не затруднимся составить прошедшее время: *гнёл, -а, -о, блюл, -а, -о, клял, -а, -о*, но обыкновенно мы вовсе не употребляем таких форм первого глагола, а вторых избегаем, хотя у авторов последние изредка встречаются. Обыкновенно берем другие слова: *угнетал, наблюдал, проклинал* и т.п.

§ 31.

302. Глаголы с приметою *-ну-* бывают двоякого рода:

1) Примета *-ну-* всегда удерживается и означает мгновенность и однократность: *блеснуть, брякнуть, вернуть, визгнуть, ворохнуть, взгруснуться, вздремнуть, всхрапнуть, глянуть, грянуть, гульнуть, давнуть, дрогнуть* (*вздрогнуть*), *дунуть, зевнуть, капнуть, кашлянуть, клюнуть, кольнуть, крикнуть, крякнуть, курнуть, пискнуть, плюхнуть, помянуть, рвануть, рискнуть, свистнуть, скрипнуть, стукнуть, треснуть, трухнуть, тряхнуть, турнуть, хрустнуть, черкнуть, шевельнуть* и т.п.; сюда же относятся всегда удерживающие *-ну-*: *гнуть, тянуть*. Некоторые из приведенных глаголов имеют сокращенную неизменяемую форму: *бряк, прыг, толк, тяп, стук, шлеп, шмыг* и под. (= *брякнул, прыгнул, толкнул* и т.д.).

2) Примета *-ну-* может сохраняться и опускаться в прошедшем времени глагольных и причастных форм и означает обыкновенно переход в известное состояние: *блекнуть, брюзгнуть, вергнуть, виснуть, выкнуть, вянуть, гаснуть, грязнуть, гибнуть* (*гиб* не употребляется; изредка: *гибла, гибло, гибли*; обыкновенно же: *гибнул* и пр.), *глохнуть, двинуть, дохнуть, дрогнуть* (в значении *зябнуть*: «Собака *дрогла* (или *дрогнула*) на морозе» — длительное действие; но в значении однократном *-ну-* не может быть опущено: «он *вздрогнул*»; «Неприятельское войско *дрогнуло* от этого неожиданного нападения»), *дряхнуть, дрыхнуть, зябнуть, киснуть, воскреснуть, крепнуть, липнуть, мерзнуть, меркнуть, мокнуть, молкнуть, мякнуть, никнуть, пухнуть, слабнуть, слепнуть, сохнуть, сякнуть, тихнуть, торгнуть, тухнуть, охрипнуть, исчезнуть, чахнуть*.

Есть глаголы, в которых двоякие формы (с суффиксом *-ну* и без него) имеет не только прошедшее время, но и неопределенное наклонение; это: *-бегнуть* и *-бечь, -стигнуть* и *-стичь, стынуть* и *стыть* с их приставками.

Под влиянием конечного слога *-ну-* в глаголах будущего времени иногда составляются с *-ну-* и формы прошедшего и

неопределенного наклонения: *поклянусь — поклянулся, прокляну — проклянуть.* И у авторов изредка мы встречаем такие неправильные образования: «Но когда я *поклянулся* Не нанесть тебе обиды, Ни на шаг в минуту боя Не попятиться... пойдем!» (Жуковский, Сид, IV). «О, нет! Я б не решился *проклянуть!*» (Лермонтов, К ***.).

§ 32.

303. Глаголы так называемого среднего залога, образованные с суффиксом *-е-*, в народном языке иногда более употребительны с суффиксом *-а-*: *холодать, свистать, обеднять* и т.п. Формы последнего рода употребляются и писателями, причем *свистать* встречается не реже, чем *свистеть.*

Заметим, что между *холодать* и *холодеть* есть отличия в употреблении: *холодать* говорится о погоде («на дворе *холодает*»; но также: «на дворе *холодеет*»); о предметах говорят *холодеть* («руки и ноги *холодеют*»). При том *холодать* чаще употребляется на юге России; на севере обыкновенно: *холодеть.*

Частое употребление форм на *-ать*, конечно, не дает еще основания предпочитать их формам, которые старше в литературном языке, правильнее и еще более распространены в обращении.

«Машинист *свистел* что было силы» (Л. Толстой, Девочка и грибы).

«И молвил: «с божией стихией Царям не *совладать*» (Пушкин, Медный всадник, изд. 1841 г., 11).

«Невеста, не *совладев* с собою, приказала отнести посылку назад» (Аксаков, Семейная хроника, 156).

304. В южновеликорусских говорах часто слышатся глаголы, образованные от сравнительной степени: *поболеет, поменеет, похужеет* (ударение как в сравнительной степени: *бóлеет, мéнеет* и т.д.) и т.п. Образования эти встречаются и у писателей южновеликорусских не только в разговоре простолюдинов и провинциальной интеллигенции, но и в речи авторов.

«Павлу Петровичу скоро *полегчило*» (Тургенев, Отцы и дети, 240).

«Да и самое лицо побледнело и будто *похужело*» (Тургенев, Отчаянный, 251).

305. Образования *плеснеть, заплеснеть, заплеснелый* так же распространены в обращении, как и формы *плесневеть, заплесневеть, заплесневелый.*

306. *Постылеть* (*постылею*) и *опостылеть* более свойственны литературному языку, чем *постыть* (*постыну*), *опостыть.* Последние — собственно народные формы, встречающиеся в разговорном языке и у поэтов.

307. При общепринятых образованиях *закостенеть, окостенеть, закостенелый, окостенелый* изредка встречаются формы и от необычного глагола *закостеть.*

308. От *бежать* имеем формы *бегу, бегут, бежал, беги.* Не допускаемые теперь в литературном языке формы *разбеглись, убегла, побегли, бежат* встречались нередко в языке писателей XVIII и начала XIX в. И теперь в народном языке имеем: *бег* (произносится «бёк»), *бежат.*

309. В народном языке и просторечии отчасти смешались глаголы с приметами *-е-* и *-и-*; говорят: *вопеть* вместо *вопить, выздоровлю* вместо *выздоровею, гнусел* вместо *гнусил, долит* вместо ожидаемого неупотребляемого *долеет, одолит* вместо *одолеет, ржавит* вместо *ржавеет, заржавит* вместо *заржавеет, кишил* вместо *кишел, коптеть* вместо *коптить, обессилит* вместо *обессилеет, опротивит, опротивят* вместо *опротивеет, опротивеют, опостылит, опостылило* вместо *опостылеет, опостылело, просолодит* вместо *просолодеет, старится, состарился* вместо *стареется, состарелся, тяготит* вместо *тяготеет* и пр. Такого рода смешение форм встречается и у авторов.

Впрочем, формы *стариться, состариться* в литературном языке почти не отличаются от *стареться, состареться*: «Ты рано *состарился*» (академический Словарь). «Он *состарился*» (Даль).

Вообще глаголы с приметою *-е-* и *-и-* (*стареть, старею* и *старить, старю, тяготеть, тяготеет* и *тяготить, тяготит* и др.) употребляются в разных синтаксических оборотах: «Тяжелая жизнь меня *состарила*» (действительный залог) и «От тяжелой жизни он скоро *стареет*» (средний залог); или же отличаются по значению: «Этот человек с годами все более *фальшивеет*» (становится фальшивее); «Этот человек *фальшивит*» (обманывает).

§ 33.

310. Иногда неправильно образуют глаголы не от корня, но от сравнительной степени, например: *разжижил* вместо *разжидил, утоньшить, утоньшают* вместо *утончить, утончают* (ср.: *сгустил, нагустил* от *густый*, а не *сгущил* от *гуще*).

При глаголе *разжидить* существительное имеет форму *разжижение* (*разжижение* мозга), при *утончить* имеем *утончение, утонченность.*

311. В южновеликорусских говорах вместо *манить, заманить, поманить* и пр. употребляется *мануть, замануть, помануть.* Такое словоупотребление встречается у Лескова, а иногда и в современной печати.

312. Глагол *всклокочить* (*всклочить*) и причастие *всклокоченный,* преследуемые старыми грамматиками (Греч) и отчасти нынешними (Грот), как неправильно образованные, вошли в общее употребление в разговорном языке и давно были приняты образцовыми писателями. Широкое распространение этих форм, конечно, не мешает употреблению рекомендуемых грамматиками образований *всклочить, всклоченный*, которые встречаются тоже довольно часто. Некоторые авторы исключительно употребляют эти формы.

§ 34.

313. Несовершенный вид глаголов *отнять, поднять, снять* имеет две формы: *отнимать, поднимать, снимать* и *поды-*

мать, отымать, сымать. Такого рода формы употребляются и в совершенном виде: *подыму, подыми.* Последнего рода формы не все признают литературными, но считать их неправильными невозможно, так как они широко распространены в живом образованном языке и очень часто встречаются у писателей, особенно слово *подымать. Сымать* и *отымать*, однако, теперь не допускаются.

314. Глагол *читать* с производными *прочитал, прочитаю* принадлежит разговорной речи, глагол *честь* (*прочел, прочту*) употребляется обыкновенно в книжном языке. Первый употребителен, но писатели не избегают и второго. Также говорим и пишем: *рассчитай* и *разочти*, *сосчитай* и *сочти*, *вычитаю* и *вычту* и т.д. Современный литературный язык, впрочем, употребляет лишь *прочесть*, *прочту*, *прочел*, и то не часто. Особенно устарели простые формы от *честь* в смысле «читать», также *начесть, начел, прочетший, прочетши.*

315. *Брезгать* (*брезгаю, брезгал, брезгай*) и *брезговать* (*брезгую, брезговал, брезгуй*) одинаково допустимы в литературном языке, но последнее более употребительно.

316. Глагол *линевать* с производными (*налиневать, облиневать, разлиневать, линевание* и пр.) в живом языке, особенно в Петрограде и на юге России, весьма часто является в форме *линеить* или *линовать* (*разлинеить, облинеить, разлиновать, налиновать, линовка* и т.д.). Последние формы проникли и в литературную речь. Однако в образованном языке лучше употреблять издавна усвоенную им форму *линевать* с ее производными (сравните слова *линейка, линия,* не оправдывающие формы *линовать*).

317. Глагол *потчевать* (*потчую*) в недавнее еще время нередко употреблялся в форме *потчивать* (*потчиваю*), которая теперь совсем вышла из обращения.

318. При книжных образованиях *увещать, завещавать, увещавать* (два последние устарели, хотя и рекомендуются Гротом) существуют в разговорном языке и у писателей образования *увещать, увещевать, увещеваю, увещевал, завещевать*, которые

хотя и не показываются в грамматиках, но утверждены в языке употреблением.

По образцу *увещевать* имеем форму *усовещевать,* при рекомендуемой языковедами (например, Далем, Гротом) *усовещивать* (несовершенный вид при *усовестить*).

«Дядя принялся сначала *усовещевать* племянника» (Григорович, Рыбаки, V, 295).

«Но мужу не пришлось ее *усовещевать*» (Тургенев, Отцы и дети, 177).

319. Обыкновенно мы употребляем глаголы *расщепать, отщепать* с суффиксом *-а-* (ср.: *щепать, нащепать,* а не *щепить*), но и употребляемые некоторыми глаголы *отщепиться, расщепить* (отсюда *расщепленный*) с суффиксом *-и-* нельзя считать совсем нелитературными.

320. Вместо *исчёрканный* («книга *исчёркана* карандашом»), *перечёрканный* («рукопись *перечёркана* автором, просматривавшим ее») петроградские литераторы иногда говорят и пишут *исчирканный, перечирканный* (как слышится иногда в Петрограде от народа). Здесь смешиваются разные глаголы: *черкать* и *чиркать. Черкать* значит «делать черты». Мы говорим: *черкать ногтем, черкать пером, черкать карандашом* и т.д. *Чиркать* — производить шорох: «Я слышал, как в темноте кто-то *чиркал* спичкой».

321. Известные нам из народного языка формы *пужать, испужать, пужливый* (*пугать, испугать, пугливый*) допускались еще в литературном языке конца XVIII и начала следующего века. Крылов употребил слово *пужать* в письме к В.А. Олениной («Сборник Отделения русск. яз. и слов. И. А. Н.», т. VI, 277). Теперь эти слова в образованном языке не допускаются, но в академическом Словаре 1867 г. мы найдем еще *испужанный, испужать, испужаться, пужать, пужливый.*

322. То же нужно сказать и о слове *пущать* с производными: *выпущать, допущать, испущать, ниспущать, распущать, спущать* и др. Все приведенные слова есть еще в Академическом словаре 1867 г. Только в I томе Словаря издания 1895 г. слова

выпущать нет, а *допущать* отмечено как простонародное. Теперь знаем только *пускать, выпускать* и т.д.

323. От корня *вед* образуются глаголы с суффиксами *-а-, -ыва-* и *-ова-*; от корня *след* — с суффиксами *-ыва-* и *-ова-*. Свободное употребление таких форм хотя и находит некоторые ограничения в школьных грамматиках, должно считаться вполне нормальным явлением богатого и гибкого русского языка. Таким образом, имеем: *завéдывать* (*завéдываю, завéдывал, завéдывающий*), *завéдовать* (*завéдую, завéдовал, завéдующий*); *исповéдывать* (*исповéдываю, исповéдывал, исповéдывающий*), *исповéдовать* (*исповéдую, исповéдовал, исповéдующий*), *исповедать* (*исповéдаю, исповéдал, исповéдающий*); в народном языке, а иногда и в образованном просторечии последняя форма известна с другим ударением: *исповедáть* (*исповедáю, исповедáлся*), *проповéдывать* (*проповéдываю, проповéдывал, проповéдывающий*), *проповéдовать* (*проповéдую, проповéдовал, проповéдующий*), *проповéдать* (*проповéдаю, проповéдал, проповéдающий*), *заповéдывать* (*заповéдываю, заповéдывал, заповéдывающий*), *заповéдовать* (*заповéдую, заповéдовал, заповéдующий*), *заповéдать* (*заповéдаю, заповéдал, заповéдающий*), *иссл́едывать* (*иссл́едываю, иссл́едывал, иссл́едывающий*), *иссл́едовать* (*иссл́едую, иссл́едовал, иссл́едующий*), *рассл́едывать* (*рассл́едываю, рассл́едывал, рассл́едывающий*) и *рассл́едовать* (*рассл́едую, рассл́едовал, рассл́едующий*).

§ 35.

324. В глаголах вида несовершенного и совершенного у значительной группы слов в русском языке наблюдается чередование форм с ударяемой коренной гласной *а* перед окончаниями *-ывать, -ивать* и неударяемой, тоже коренной *о*: *вынашивать* и *носить, поворачивать* и *поворотить, спрашивать* и *спросить, отталкивать* и *оттолкнуть, выпрастывать* и *выпростать, вздрагивать* и *дрожать, рассматривать* и *рассмотреть, похохатывать* и *хохотать* и т.п. Приведем собрание слов не-

совершенного вида с ударяемым коренным *а*, соответствующим неударяемому коренному *о*: *вкола́чивать* (*выкола́чивать, закола́чивать, подкола́чивать, скола́чивать, наколачивать, приколачивать*), *выворáчивать* (*заворáчивать, приворáчивать, сворáчивать*), *вывáживать, выгорáживать* (*загорáживать, отгорáживать, перегорáживать*), *выпровáживать, высáсывать, выздорáвливать, вылáвливать* (*улáвливать*), *вылáмывать* (*отлáмывать*), *высмáркиваться, вынáшивать* (*донáшивать*), *выскáкивать* (*вскáкивать, отскáкивать, проскáкивать*), *выскáльзывать, высмáтривать* (*засмáтривать, подсмáтривать*), *выспрáшивать* (*допрáшивать, расспрáшивать, спрáшивать*), *вытáлкивать* (*втáлкивать, оттáлкивать, подтáлкивать, стáлкивать*), *забáлтываться, забрáсывать* (*выбрáсывать, разбрáсывать*), *захáживать* (*ухáживать*), *намáчивать* (*отмáчивать, смáчивать*), *натáлкиваться, настáивать, насторáживаться, облокáчиваться, обмáкивать, останáвливаться, отворáчиваться, оттáчивать* (*подтáчивать*), *перепáхивать, подкáлывать* (*покáлывать, скáлывать*), *подкáпывать, приволáкивать, приворáживать, просмáтривать, разгáвливаться, разговáривать* (*отговáривать, уговáривать*), *раскláниваться* (*откláниваться*), *укорáчивать* и т.п.

325. В этой группе глагольных образований явственно выделяются слова, имеющие сочетания *-ов*, *-ев*, чередующиеся с *у* (*совáть — сую́, жевáть — жую́*); все они в литературном языке имеют формы несовершенного вида с ударяемым *о*: *арестóвывать, набалóвывать, забаллотирóвывать, забастóвывать, завербóвывать, обворóвывать, разжёвывать, прожёвывать, подкóвывать, прикóвывать, конфискóвывать, облицóвывать, преобразóвывать, организóвывать, вырисóвывать, обрисóвывать, разрисóвывать, обоснóвывать, оснóвывать, всóвывать, высóвывать, засóвывать, подсóвывать, застрахóвывать, подтасóвывать, втолкóвывать, растолкóвывать, приторгóвывать, разочарóвываться, прошпигóвывать, оштрафóвывать* и пр.

Вообще же, предыдущая группа слов оказывается весьма стойкой в языке, и только в немногих случаях мы встречаем формы с *о* вместо привычных нам с *а;* такова теперь устарелая, но в старом языке более принятая форма *перепорхивать.*

326. Затем имеем не очень большую группу глаголов, в которых употребление колеблется между формами с ударяемыми *а* и *о*: *вырабатывать* и *выработывать, зарабатывать* и *заработывать, обрабатывать* и *обработывать, разрабатывать* и *разработывать, заболачивать* и *заболочивать, заготавливать* и *заготовливать, ускаривать* и *ускоривать, замораживать* и *замораживать, заподазривать* и *заподозривать, подмораживать* и *подмораживать, оспаривать* и *оспоривать, затрагивать* и *затрогивать, дотрагиваться* и *дотрогиваться, притрагиваться* и *притрогиваться, настраиваться, настраивать* и *настроивать, перестраивать* и *перестроивать, устраивать* и *устроивать, опорачивать* и *опорочивать, успокаивать* и *успокоивать, опоражнивать* и *опорожнивать, задабривать* и *задобривать, сдабривать* и *сдобривать, удабривать* и *удобривать, присваивать* и *присвоивать, усваивать* и *усвоивать, приспосабливать* и *приспособливать.* Здесь формы совершенного вида имеют обыкновенно ударяемое *о*: *зарабóтать, заготóвить, замóрозить, затрóнуть* и т.д.

Известно, что формы с *о* преобладали в старом языке; формы с *а* явились позднее, вытеснили старые формы с *о* и теперь господствуют. Это господство, однако, не полное. И теперь еще в некоторых глаголах этой группы литературный язык обыкновенно употребляет формы с ударяемым *о*: *обеспокоивать, обусловливать, условливаться, заохочивать, озабочивать, унавоживать, ознакомливать, отсрочивать, просрочивать, рассрочивать, освоиваться, подзадоривать, приурочивать, присвоивать, усвоивать, пришпоривать, сосредоточивать, удвоивать, удостоивать, уполномочивать, опозоривать, захлопывать.*

Однако и в этой группе слов современная печать употребляет большею частью образования с ударяемым *а.* Очевидно, здесь сказывается влияние живого языка, в котором более рас-

пространены новые формы с ударяемым *а*, вытесняющие старые с ударяемым *о*.

Случаи, в которых мы имеем одну только форму с ударяемым *а*, соответствующим ударяемому же *о*, редки. Например: вздрогнуть — *вздрагивать*, заволочь — *заволакивать*, приволочь — *приволакивать*, заготовить — *заготавливать,* подготовить — *подготавливать*, приготовить — *приготавливать*, закончить — *заканчивать*, окончить — *оканчивать*, прикончить — *приканчивать.* Они частью связаны с формами, имеющими неударяемое *о*: *дрожать, кончать,* что сближает их с группою, рассмотренной под пунктом 324.

В современном языке склонность к формам с *а* настолько значительна, что они допускаются и там, где их не следовало бы употреблять, чтобы не смешивать значения слов. Мы говорим, например: *засаливать, пересаливать* (от *солить*; смешивается с *салить*), *закрашивать, раскрашивать* (от *крошить*; смешивается с *красить*), *крапывал* (от *кропать*; смешивается с *крапать*). Старые грамматики для значений «кропать», «крошить», «солить» рекомендовали формы *кропывать, прошивать, соливать.*

§ 36.

327. Вместо *задаться, отдаться, раздаться, удаться* в русском языке иногда встречаем неправильные формы *задасться, отдасться, раздасться, удасться*, в которых окончание неопределенного наклонения составилось под влиянием изъявительного *дастся.* Литературный язык признает только формы *задаться, отдаться, удаться* («Это тебе может не *удаться*») в неопределенном наклонении и *задастся, отдастся, раздастся, удастся* («Это тебе *удастся*») в 3-м лице изъявительного наклонения.

От малоупотребительного глагола *ведать* у нас сохранилась древняя форма 3-го лица единственного числа *весть*, которая употребляется только в некоторых выражениях: *бог весть* (не известно), *невесть что* (вздор) и др.

Формы вспомогательного глагола *быть*, указываемые в грамматиках: *есмь, еси, есть, есмы, есте, суть* — большею частью утрачены. Употребляется только *есть* во всех лицах и числах («Каковя *есть*, таков и буду»; «Так ты и *есть* здешний дворник?»; «Надо знать вещи, каковы они *есть*»; «Я знаю вас, как вы *есть* теперь») и — редко — *суть* (обыкновенно это слово заменяется словом *есть*). И слово *есть* мы чаще всего употребляем в качестве самостоятельного глагола: «*Есть* деньги, *есть* охота, да нет времени». *Суть* вместо *есть* просторечие употребляет в выражении «Это не *суть* важно».

§ 37.

328. В народном языке нередко смешиваются глаголы и особенно причастия с окончанием *-ся* и без этого окончания. Смешение это отразилось несколько и на языке писателей, у которых находим немало примеров колебания между формами на *-ся* и без *-ся.* Даже такие большие писатели, как Крылов, Аксаков, затруднялись в употреблении глаголов такого рода. Так, в рукописи басни «Крестьянин и работник» оказываются фразы: «*собравши* с силой», «и, сил *лишивши*, издыхает», которые в печати явились уже в исправленном виде. С.Т. Аксаков по поводу выражения Загоскина «хлебы пересидели» («Юрий Милославский», изд. 1. с. 142) заметил: «говорится: *пересиделись*». Замечание это едва ли основательно: употребленную Загоскиным форму дают словари Академический и Даля. Форма, предлагаемая Аксаковым, очевидно, менее принята.

В литературном языке мы имеем: *рыба берет* (чаще) и *берется*; *снег, дым валит* (чаще) и *валится*; *дружить* и *дружиться* (чаще); *заблуждать, заблудший* (старинные; однако и теперь есть выражение: *заблудшая овца, душа*) и *заблуждаться, заблудшийся; запоздавшийся* (народное) и *запоздавший; грозиться* и *грозить* (лучше); *дожидать* (старинное и народное; сравните: *ожидать*) и *дожидаться* (сравните: *дождаться*); *клеваться носом* вместо *клевать носом*; *краснеться* (старинное)

и *краснеть*; *лопать* (от чего-либо) вместо *лопаться* (камень, стакан лопается, но в глаголах на *-нуть* — без *-ся*: *камень лопнул, стакан лопнул*; также: *банки лопаются* и *лопают*, но: *банк лопнул*); *миновать* и *миноваться*, *млекопитающие животные* (но возможно: *млекопитающиеся детеныши*; «В деревне мяса не было, и я жил там, как существо *млекопитающееся*»); *не надышит* (нежно любит) вместо *не надышится*; *рожь, зерно наливает* и *наливается*; *остриться* (старинное) и *острить*; *отливать* и *отливаться* (реже); *перетруситься* вместо *перетрусить* (ср. *струсить*; форма на *-ся*, вероятно, по влиянию *перепугаться*); *звонить* (приводить в действие домашний звонок), *позвонить* и *звониться, позвониться*; *первый попавшийся* и *первый попавший на глаза* (также: *попавшийся на глаза*); *пресмыкающий* вместо *пресмыкающийся*; *пришел, пришло* (старинные) вместо *пришелся, пришлось; распоряжать* (старинное) и *распоряжаться*; *растреснувшая* вместо *растреснувшаяся*; *мышь скребет* и *скребется*; *смеркает* (южновеликорусское) и *смеркается*; *соскучить* (старинное) вместо *соскучиться*; *состареть* и *состариться*; *спориться* (старинное и народное) и *спорить*; *струить* (реже) и *струиться*; *не шелохнет* вместо *не шелохнется*.

Само собою разумеется, что здесь мы приводили разные формы, не отличающиеся по значению. Оттенки значения всего заметнее в глаголах, имеющих примету *-е-*. Без *-ся* они означают постепенное усвоение какого-либо качества: «Лицо от жара *краснеет*» (Греч). «Полотно на солнце *белеет*» (Греч). Формы с *-ся* показывают то, что представляется нашему зрению издали: «Паруса в море *белеются*» (Греч). «Скирды *желтелись*» (Языков).

Есть и грамматические различия между рассматриваемыми формами. Глаголы на *-ся* среднего залога, непереходные: «Он стоит, как статуя, не *шелохнется*». Глаголы без *-ся* — переходные: «Дерево не *шелохнет* ни одним *листком*».

329. Окончание *-ся* глаголов в современном литературном языке употребляется только после согласных (*женился, женит-*

ся), а после гласных сокращается в *-сь* (*женюсь*), но у писателей встречаем нередко древнее *-ся* и после гласных, особенно в стихах. В прозе такое окончание, по-видимому, иногда вызывалось следующею группою согласных (*снеслися с королем*).

«Коренной гнедой и пристяжной каурой масти... *трудилися* от всего сердца» (Гоголь, Мертвые души, изд. 1846 г., 70).

«Но *признаюся*, удочка так засела у меня в голове...» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 39).

«Она *боялася* ласкать Базарова» (Тургенев, Отцы и дети, 199).

330. Чаще, чем в общепринятом литературном языке, у писателей мы встречаем глаголы на *-ся* в значении страдательных и возвратных.

«Я не хотел, чтобы имя мое в суде *упомянулось*» (Переводы Карамзина, II, 248).

«Закрыта книга — наша повесть *Прочлась* до крайнего листа» (Огарев, К ***).

«Я грезил виденными мною спектаклями и день и ночь, и так *рассеялся*, что совершенно не мог заниматься ученьем» (Аксаков, Семейная хроника, 316).

«...*Посвятиться* исключительно своему призванию» (Тургенев, Накануне, 256).

§ 38—43. Спряжение. Изъявительное наклонение

331. Старинные книжные образования от глаголов *лить, вить — лиется, виется* и т.д., встречающиеся часто у прежних авторов, редко допускаются новыми писателями. Также устарели формы *биясь, почиет* и пр. от *бить, почить*.

332. Ударяемые окончания не смешиваются в русских спряжениях. Хотя у Пушкина мы знаем форму *скребящий* (Современник, т. I, 124), но она, вероятно, явилась по какому-нибудь недоразумению. Сохранившаяся рукопись пушкинского текста дает общепринятую форму *скребущий*: «И совесть никогда не

грызла, этот Когтистый зверь, *скребущий* сердце...» («Скупой рыцарь», сцена II).

§ 39.

333. *Гудёт, гудут* не есть ошибочное изменение слов *гудит, гудят*; это совершенно правильные формы устаревшего глагола *густи*, которые, впрочем, охотно употребляются нашими писателями.

334. В спряжении глагола *хотеть* литературный язык не допускает древних и народных *хочем, хочете*, но эти формы встречаются у писателей, хотя еще Ломоносов заметил: «Говорят иные: *хочем, хочете, хочут*; однако не пристойно» («Грамматика» § 422).

§ 40.

335. В современном литературном языке смешались глаголы *честь* и *чтить*. В сложении с приставками мы еще различаем их; говорим: *почесть, счесть — почту, почтешь, почтет, почтем, почтете, почтут* и *почтить — почту, почтишь, почтит, почтим, почтите, почтят* (*прочтут книгу, сочтут деньги, вычтут расходы из прибыли, учтут вексель, сочтут своим долгом,* но: *почтят своим посещением*). Ломоносов еще различал *чтут* (считают) от *чтят* (почитают). Теперь глагол *чтить* обыкновенно дает одно неправильное спряжение, соединяющее в 3-м лице оба значения: *чту, чтит, чтишь, чтим, чтите, чтут*; здесь последняя форма образована от *честь*, а первые — от *чтить*.

Современному словоупотреблению не совсем, однако, чужда и форма *чтят*, так что в языке некоторых из нас глагол *чтить* спрягается правильно по 2-му спряжению.

336. При глаголах *вопить, возопить* мы еще имеем малоупотребительные старые книжные образования *вопиять, возопиять*, которые изредка встречаются и в современном языке. От-

сюда общепринятые выражения: *вопиющий в пустыне, голос вопиющего в пустыне, вопиющая нужда.*

337. В чистом литературном языке не допускаются при глаголах *мучить* и *нянчить* образования *мучать, мучаю, нянчать, нянчаю* с суффиксом *-а*, по народному употреблению, но писатели не держатся строго этого требования.

Несмотря на значительное распространение последних форм, правильными и общепринятыми нужно считать только формы *мучить, мучу, мучишь, мучит, мучим, мучите, мучат, муча, мучащий, мучил, мучь* и пр.; также *нянчу, нянчишь, нянчатся, нянча* и т.д. В общем, эти формы предпочитают и авторы.

«Четвертый год *мучу* свой живот» (Фонвизин, Недоросль, д. III, явл. 6).

«Если они единственно от того *мучатся*, что не знают своего счастия?» (Карамзин, Мармонтелевы повести, 233).

«Ты, все душевные способности губя, нас *мучишь*» (Пушкин, Осень, IV).

338. Некоторые образования, между прочим причастия и деепричастия от глаголов на *-ить,* составляются в нестрогом просторечии по типу глаголов на *-ать* (*шамшая, шамшал, опешал, опешавшая* и т.п.) и в таком виде изредка проникают в литературную речь. Обыкновенно: *шамша, шамшил, опешил, опешившая.*

339. В старом языке глаголы *стоять* и *стоить* не были вполне разграничены. Особенно долго употреблялась у нас форма *стояло* вместо *стоило.* Даже Белинский упорно ее держался (обыкновенно указывая ударение: *сто́яло*).

340. «И доселе иногда употребляется *кончиться, кончится* вм. *оканчиваться, оканчивается*», — замечал некогда Буслаев («Историческая грамматика», § 183). Такие слова частью относятся и к языку нашего времени.

«Иностранные собственные имена, *кончащиеся* на *е, и, о*, не склоняются. Кончащиеся на *а, ъ, ь* склоняются в мужском роде, а в женском нет» (Пушкин, Критические заметки, V, 135).

«У глаголов 1-го столбца неопределенное наклонение *кончится* на *ать*» (Грот, Филологические разыскания).

341. Глагол *мыслить* в старинном языке имел форму 1-го лица *мышлю* (*вымышлю, смышлю, помышлю*), подобно *слать — шлю*. Современный язык во всех формах этого слова употребляет *с*: *мыслю, вымыслю, смыслю, помыслю, размыслю, умыслю*. Только в некоторых причастиях и именах удержалось сочетание звуков *шл*: *вымышленный, умышленный, смышлёный, мышление* и др.

342. В некоторых случаях мы затрудняемся в образовании форм 1-го лица, имеющих в основе неопределенного наклонения, обыкновенно перед приметою *и*, согласные *с, т, з, д*. По общему правилу в 1-м лице *с* переходит в *ш*, *т* — в *ч*, *з* и *д* — в *ж*: *просить — прошу, портить — порчу, возить — вожу, садить — сажу* и т.д. Но от глаголов малоупотребительных в новом литературном языке иногда встречаются искусственные формы с неизмененной основой. Востоков, например, в своей грамматике указывает как узаконенные исключения формы *бдю* (от *бдеть*), *дудю, чудюсь, ощутю, борзюсь, мерзю, слезю* (у Ломоносова: *слежу*), *скользю, тузю, кудесю, чудесю, обезопасю*. В наше время приходится сделать к данным указаниям несколько замечаний:

1) Мы совсем не употребляем форм 1-го лица от глаголов *бдеть* (сравните сложное *снабдить,* имеющее правильную форму *снабжу*), *чудиться, мерзить, слезить, кудесить, чудесить*. При этом и в старом языке для данных глаголов иногда допускались правильные формы. Так, Академический словарь указывает: *чуждуся* (славянизм), *чудешу*; однако формы *бдю, мерзю, слезю* и *кудесю* он подтверждает. Не употребляем также 1-го лица от глагола *очутиться*. Впрочем, в случае нужды возможно сказать *очутюсь*.

2) При редко употребляемых *дудю, ощутю, борзюсь, скользю, тузю, обезопасю* чисто русскому живому языку вполне свойственны и правильные формы: *дужу, ощущу* (славянизм), *боржусь, скольжу, тужу* (сильно бью), *обезопашу*.

Грот в «Русском правописании» для глаголов *прослезиться* и *обессмертить* тоже указывает формы 1-го лица *прослезюсь, обессмертю,* для *взлысить* он дает форму *взлысю* (Академический словарь, редактированный Гротом). Формы эти нельзя признать вполне утвердившимися в языке и лучшими, чем чисто русские правильные образования *прослежусь, обессмерчу* (форму эту, между прочим, отстаивал Малорошвилов, один из критиков Грота, писавший о нем в «Новостях» 1885 и 1886 гг.; сравните у Даля *обессмерчивать*: «дела *обессмерчивают* человека»), *взлышу.*

343. Глаголы *каймить* и *клеймить* колеблются в формах 1-го лица: *каймлю* (*окаймлю*) и *каймю, клеймлю* (*заклеймлю*) и *клеймю.* Чаще употребляются формы с *л.* Причастия известны в формах: *окаймленный, клейменный* (или, в виде прилагательного, *клейменый*), *заклейменный* и (реже) *заклеймленный.* Существительные обыкновенно: *клеймение* и *клеймление* (реже).

§ 41.

344. К числу ошибок против языка никак нельзя относить те колебания в формах, которые свойственны так называемым изобилующим глаголам. Глаголы эти имеют равноправные формы от двух основ — на согласную и на гласную *-а*: *алчу* и *алкаю*, *брызжу* и *брызгаю*, *движу* (книжное) и *двигаю*, *жажду* и *жаждаю* (старое), *ичу* (старинное и народное) и *икаю*, *каплю* и *капаю*, *клеплю* (железо) и *клепаю*, *кличу* и *кликаю* (народное), *колеблю* и *колебаю* (устарелое), *колышу* и *колыхаю* (реже), *краплю* и *крапаю*, *кудахчу* и *кудахтаю*, *лочу* (старинное и народное) и *локаю*, *машу* и *махаю*, *мечу* и *метаю*, *мурлычу* и *мурлыкаю*, *мычу* и *мыкаю*, *мяучу* и *мяукаю*, *плещу* и *плескаю*, *прыщу* и *прыскаю*, *полощу* и *полоскаю* (реже), *пышу* и *пыхаю* (старинное и народное), *рыщу* и *рыскаю*, *стону* и *стонаю* (реже), *стражду* (устарелое) и *страдаю*, *тычу* и *тыкаю*, *фырчу* (народное) и *фыркаю*, *хлещу* и *хлестаю* (народное), *щекочу* и *щекотаю* (народное), *щиплю* и *щипаю* (народное), *хнычу* и *хныкаю*, *хромлю* (старинное и народное) и *хромаю* и др.

345. При спряжении глаголов с основами на губную согласную и при образовании причастий от них писатели иногда, согласно с народным южновеликорусским говором, употребляют формы без так называемого смягчающего *л*: *сыпет, дремет.* Сравните южные разговорные *трепит, щипит* вместо *треплет, щиплет* и т.п.

346. От глагола *ткать* употребительнее в разговоре и письме формы *ткешь, ткет* и пр. вместо *точешь, точет* (ср.: *звать — зовешь*) или *тчешь, тчет* и т.д., хотя *ткешь, ткет* такое же народное образование, как *жгешь, жгет,* которое мы считаем признаком малограмотности.

347. Старые писатели и грамматики спрягали глагол *орать* в значении «пахать» с мягким *р*: *орю*, *орют.* Поэтому в формах, подобных следующей, нужно видеть архаизм, а не ошибку: «Беатус — брат мой, на водах Собою сам поля *орющий*» (Державин, На счастие).

348. В спряжении глагола *блеять* признаются правильными формы: *блею*, *блеешь*, *блеет*, *блеем*, *блеете*, *блеют*, откуда *блеющий.*

349. Глагол *стлать* в народном языке нередко слышится в формах *стелить*, *стелил*, полученных под влиянием форм настоящего времени. Образования эти, совершенно не принимаемые литературной речью в ее теории, встречаются, однако, даже у выдающихся писателей. Вполне литературными считаются только формы *стлать*, *стелют*, *подостлать*, *постлать*, *разостлать* и др. с их производными: *подостлали*, *подостлал*, *постлала*, *стлался* и пр.

350. В просторечии иногда слышится неправильная форма 3-го лица множественного числа от глагола *ржать — ржат.* Образованный язык употребляет только правильную форму *ржут* и пр.

351. В просторечии нередко слышатся неправильно образованные формы: *зыблить, зыблиться*, *зыблится, зыблился.* Они составились потому, что неопределенное наклонение глагола *зыбать* вышло из употребления и составлено вновь из основы

настоящего времени (как *стелить* из *стелю*). Эти новые формы проникли в печать и к авторам.

Подобно этому составлены новообразования *зиждить*, *зиждится, зиждился* от настоящего времени *зижду.* Образования эти часто встречаются в периодической печати, но в грамматиках они считаются неправильными. Но формы *зиждет*, *зиждется*, *зиждутся*, образованные по 1-му спряжению — с *е*, необходимо считать правильными: «Кто все собою наполняет, Объемлет, *зиждет*, сохраняет» (Державин, Бог).

352. Другое явление видим в глаголах *щекотать* и *щекотать*, которые приняли в языке формы на *-ить* и на *-ать* и спрягаются как *катить*: *щекочу*, *щекотит*, *щекотят*.., и как *катать*: *щекотаю*, *щекотает* и т.д. Пушкин предпочитал первые формы этого глагола. О трескотне сороки обыкновенно употребляют только *щекочет.*

§ 42.

353. В старинном книжном русском языке допускались от некоторых глаголов на *-ывать* и *-ать* настоящие времена на *-ую*: *указывать — указую*, *испытывать — испытую*, *истязать — истязую* и т.д. В современном языке от этих образований существуют только некоторые остатки, например слова: *сказуемое*, *испытуемый*, *испытующий* взгляд, *указующий* перст, *связующий*, *неописуемый*, *обязуюсь.*

§ 43.

354. В русском языке употреблялось и употребляется немало глаголов в славянской форме вместо русской. Таковы: 1) имеющие *жд* из *д* вместо *ж* (*рождать*, *учреждать* и т.д.), 2) имеющие *щ* вместо *ч* из *т* (*клевещу*, *трепещу*, *смущу*: «Никого не *смущу* своею ошибкою»; но: *мучу*, *взмучу воду*).

1) В 1-м лице глаголов мы иногда несколько колеблемся между русской и славянской формой: *возбужу* или *возбужду*, *побежу* или *побежду*, *утружу* или *утружду*, *наслажусь* или

наслаждусь? Гораздо чаще употребляется русская форма: *возбужу*, *пробужу*, *поврежу*, *насажу* (топор, деревьев) и *насажду* (в отвлеченном смысле), *досажу*, *загражу*, *огражу*, *прегражу* и *прегражду*, *награжу*, *вознагражу* и *вознагражду*, *вынужу*, *принужу*, *побежу* и *побежду*, *убежу* и *убежду, освобожу*, *предупрежу* и *предупрежду*, *упрежу* и *упрежду, утружу*, *учрежу* и *учрежду*, *утверждю* и пр.; только *наслаждю* более употребительно, чем *наслажу.*

2) В нескольких глаголах славянское *щ* вместо русского *ч* держится так прочно, что русские формы совершенно неизвестны; это *обогащу*, *возвращу*, *развращу*, *отвращу*, *превращу*, *совращу*, *обращу*, *воплощу* (сравните чисто русские *ворочу*, *отворочу* и пр.), *поглощу*, *прекращу*, *сокращу*, *возмущу*, *смущу*, *укрощу*, *воспрещу*, *запрещу*, *клевещу*, *порабощу*, *посещу*, *ропщу*, *освящу*, *посвящу*, *ощущу*, *освещу* и *освечу*, *скрежещу*, *трепещу*, *тягощу*, *восхищу*, *похищу*, *защищу*, *насыщу.*

§ 44—45. Повелительное наклонение

355. В вежливых приглашениях, обращенных ко 2-му лицу, глагол обыкновенно имеет особую форму изъявительного наклонения множественного числа, оканчивающуюся на *-те: пойдемте* (а не *пойдем*), *поедемте* (а не *поедем*) и т.п.

«С моею музой своенравной *Пойдемте* слушать шум дубравный» (Пушкин, Евгений Онегин, VII, 5).

«А мы в залу *пойдемте*» (Достоевский, Бесы, I, 98).

Только в простом, близком обращении допускаются формы без окончания *-те*: *пойдем*, *поедем* и пр. Также: «*Будем* подражать нашим славным предкам!» (реже: *будемте*).

«— Я не знаю, на что вы намекаете, maman, — отвечал сын холодно. — Что ж, maman, *идем*» (Л. Толстой, Анна Каренина, 84).

«Докажите же, что вы мне друг, *поедем* вместе! *Поедем*, тряхнем стариной!» (Чехов, Палата № 6, 95).

356. При общепринятых формах *разуть — разуй* (сравните: *обуй, обуйся*) на юге России иногда слышится областная *разунь* от малоупотребительного глагола *разунуть*, которая напрасно считается некоторыми литературной.

От *жать, мять, клясть, начать, распять* имеем повелительные: *жни, мни, кляни, начни, распни*; от *поднять, снять — подними, сними.* (Сравните формы 1-го лица настоящего — будущего времени.)

357. Уже Буслаев заметил, что «повелительные от глаголов *могу, хочу*, *захочу* выходят из общего употребления», несмотря на авторитет писателей, их допускавших («Историческая грамматика», § 84). Теперь едва ли кто решится их употребить. Впрочем, по смыслу глаголов формы эти мало нужны.

«Бессильному не смейся, И слабого обидеть не *моги*!» (Крылов, Лев и комар).

«Не служит он, но *захоти*, так был бы деловой» (Грибоедов, Горе от ума).

Неупотребительны также повелительные наклонения от глаголов: *гнить*, *видеть*, *ехать*, *слышать*, *мереть*, *болеть.*

Мы не имеем или избегаем также повелительных, соответствующих формам некоторых «изобилующих» глаголов 1-го лица на *-у* (*-ю*): *алчу*, *брызжу*, *движу*, *жажду*, *кудахчу*, *рыщу*, *стражду*, *колеблю.*

358. Глаголы, имеющие после гласной ударяемое окончание *-ить*: *доить*, *кроить*, *поить*, *утаить*, образуют повелительное наклонение на *-и* (ударяемое): *дои, крои, пои*, *утаи.* В народном языке есть образования на *-а*: *дой, крой* («*Крой* да песни пой: шить станешь — наплачешься»; «Как ни *крой*, а швы наружу выйдут» — пословицы), *пой,* не *утай*; они встречаются изредка и в письменном языке. Заметим, что *клеи, заклеи* с ударением на конце получается из *клейть, заклейть* (ударение на окончании), а *клей, заклей* — от *клеить, заклеить* (ударение на корне).

«Стихии здравием *напой*» (Ломоносов, Ода на восшествие... Петра III).

«Катись, Гайдарь, и *пой* водою Брега, счастливые тобою!» (Кольцов, К реке Гайдаре).

«Потом медвяною росой пчелу работницу *напой*» (Жуковский, Летний вечер).

359. Неударяемое окончание *-и,* означающее 2-е лицо, в повелительном наклонении после стечения согласных обыкновенно не опускается: *стукни*, *сохни, погибни, окончи, порти, чисти* и т.п. (при *брось, кинь, сгинь, уведомь* и т.п. формах с отпавшим неударяемым *и* после одного согласного звука). Однако в литературном языке изредка встречаются народные формы повелительного наклонения с *-и*, опущенным или сохраненным вопреки данному правилу; например: *окончь, испорть, чисть, почисть, уведоми.*

360. С приставкою *вы-*, принимающей на себя ударение, окончание 2-го лица повелительного наклонения остается таким же, каким было без этой приставки: *неси — вынеси, крась — выкрась, брось — выброс*ь (а не *выкраси, выброси,* как иногда слышится в разговорном языке), *кинь — выкинь* (а не *выкини*), *сыпь — высыпь* (а не *высыпи,* как в народном языке и у Пушкина в «Скупом рыцаре»), *засыпьте, насыпьте* (а не *засыплите, насыплите*), *выложи* (ср. *заложи*), *вырежь, вылезь, выгони* и т.п.

При литературной форме повелительного *положи* (от *положить*) употребляем и народную *положь,* но только в выражении *вынь да положь.*

361. Другие не свойственные литературному языку формы, сохраняющие неударяемое *и* во 2-м лице повелительного наклонения, редки. Укажем старинные церковные: *увековечи, наставu,* которые находим у Батюшкова и Пушкина: «*Увековечи* песнь нетлением своим» (отрывок из «Освобожденного Иерусалима»). «*Настави* грешных нас» («К другу стихотворцу»). Общепринятые современные формы только: *увековечь, наставь.* Однако: «Боже *избави* тебя с ним спорить» и под.

362. 3-е лицо повелительного наклонения обыкновенно образуется с помощью слова *пусть*: *пусть говорит, пусть знает,*

пусть идут, пусть платят и т.д. Вместо *пусть* говорят еще *пускай*: *пускай говорит, пускай знают* и пр. Формы последнего рода, собственно, принадлежат более народному и разговорному языку, чем письменному, но у писателей встречаются нередко; грамматики тоже признают их вполне литературными.

«*Пускай* то будет правда» (Фонвизин, Жизнь Сифа, 325).

«*Пускай* же говорят собаки...» (Крылов, Слон и моська).

«*Пускай* поэт с кадильницей наемной Гоняется за счастьем и молвой» (Пушкин).

§ 45.

363. В ряде заимствованных глаголов мы колеблемся между формами на *-овать,* изредка *-евать* (близкими большею частью к французскому языку) и формами на *-ировать* (близкими к немецкому языку). Говорим и пишем: *деморализовать* и *деморализировать*, *европеизовать* (реже) и *европеизировать*, *зарегистровать* и *зарегистрировать*, *импровизовать* (реже) и *импровизировать*, *идеализовать* (реже) и *идеализировать*, *классифировать* (редкое) и *классифицировать*, *компилевать* (редкое) и *компилировать*, *конвоевать*[12] (старинное) и *конвоировать*[13], *консервовать* и *консервировать*, *контрассигновать*[14] и *контрассигнировать*, *легализовать* и *легализировать*, *локализовать* и *локализировать*, *мобилизовать* и *мобилизировать*, *парализовать* и *парализировать*, *реализовать* и *реализировать*, *революционировать* и *революционизировать* (реже), *срепетованы* (новое слово) и *срепетированы*, *скандализовать* и *скандализировать*, *терроризовать* и *терроризировать*, *утилизовать* (реже) и *утилизировать*, *централизовать* и *централизировать*, *цитовать* (старое) и *цитировать*, *электризовать* и *электризировать*.

---

[12] Польское слово.

[13] Голландское слово.

[14] Польское слово.

В общем, нельзя не заметить, что в наше время распространяются и преобладают формы на *-ировать* (немецкого происхождения). В то время как Академический словарь, Даль, Грот указывают формы на *-овать*: *деморализовать, импровизовать, классифировать, компилевать, локализовать, мобилизовать, парализовать, цитовать*, употребление, не подчиняясь этим указаниям, свободно пользуется соответствующими формами на *-ировать*, во многих случаях отдает им явное предпочтение, а некоторых рекомендуемых форм, например *классифировать, компилевать, цитовать*, теперь не знает вовсе.

§ 46—48. Причастие и деепричастие

364. Причастия и деепричастия от глаголов *идти, брести, плести, приобрести* и др. употребляются нередко с окончаниями *-вши, -вший* вместо *-дши, -дший, -тши, -тший.* Некоторые говорят: *завявший, приобревший, забревший* и др. Из таких причастий только *приобревший* вполне принято в литературном языке.

Формы *падший* и *павший* обособились по значению: первая показывает моральное падение (*падший ангел, падший человек, падшая женщина*), вторая — физическое (*павший плод, павшая балка, упавшее полено*).

365. От глагола *шибить* (обыкновенно употребляется с приставками *за-, от-, при-, о-, у-* и др.) прошедшее страдательное причастие имеет форму *-шибенный, -шибен*, какую мы и находим у писателей-классиков.

«Глаз, *вышибенный* копьем, висел у него на щеке» (Пушкин, История Пугачевского бунта, изд. 1834 г., 26).

«Была исколота, *ушибена,* испугана» (Белинский, II, 334).

«Пусть я останусь для вас неизвестным существом, *пришибенным* судьбою Васильем Васильичем» (Тургенев, Гамлет Щигровского уезда, 259).

Правильно образованная форма *-шибенный* (*ушибу, ушиб, ушибенный* — как *погребу*, *погреб, погребенный*) подверглась

изменению под влиянием образований, подобных *люблю, любил, влюбленный*; *дроблю, дробил, раздробленный*; *гублю, губил, погубленный*, и в настоящее время более распространены не допускавшиеся прежде формы *ушибленный, зашибленный* и другие производные.

«Карай с ощетинившейся шерстью, вероятно *ушибленный* или раненый, с трудом вылез из водомоины» (Л. Толстой, Война и мир, III, 132).

«Ощупал упругую икру ноги, *зашибленной* вчера при падении» (Л. Толстой, Анна Каренина, 400).

366. От *зарешетить, изрешетить* мы ожидали бы причастий *зарешеченный, изрешеченный*, как от *заплатить — заплаченный*, *заколотить — заколоченный*, но в печати встречаются и *зарешетенный, изрешетенный.*

«Маслова тоже улыбнулась и повернулась к *зарешетенному* маленькому оконцу в двери» (Л. Толстой, Воскресение, 8).

Правильная форма причастия от глагола *обезопасить — обезопашенный* (ср. *окрасить — окрашенный, опросить — опрошенный*) обыкновенно заменяется искусственной *обезопасенный,* которая уже давно употребляется в языке.

Причастия от *залесить, облесить* должны иметь формы *залешенный, облешенный* (как *оросить — орошенный*), откуда и существительные должны звучать *залешение, облешение* (как *орошение*), но можно допустить и *облесение*, подобно тому как мы имеем *обрусение* при *обрусить*, тем более что в данном случае на поддержку «правильного» звука *ш* не являются соответствующие формы несовершенного вида на *-шать*, как в *оросить — орошать — орошение, украсить — украшать — украшение* и т.п. Русский язык не знает ни «облешать» при *облесить*, ни «обрушать» при *обрусить.* Едва ли употребительно в нем и «обезопашивать» при *обезопасить.* Вот почему в нем живут некоторые новые «неправильные» формы причастий и существительных с основою на *-с*, составленные под влиянием форм неопределенного наклонения совершенного вида: *обе-*

зопасить — обезопасен, обрусить — обрусение, облесить — облесение.

367. От русского *измозжить* имеем причастие *измозженный*, но чаще употребляем славянское *изможденный.* Под влиянием *изможденный* составилось неправильное причастие *изнеможденный* вместо *изнеможенный* (от *изнемочь*), которое встречается изредка у авторов.

368. От неупотребительного *нзить* Академический словарь указывает форму первого лица *нзу.* Отсюда принятые и теперь причастия *вонзенный, пронзенный.* Так как мы теперь спрягаем *вонзить, пронзить* так же, как *занозить: вонжу, пронжу, заножу*, то в нашем языке вполне естественны и связанные с этими формами причастия *вонженный, пронженный.*

369. Причастные формы *вешанный, мешанный* и *вешенный, мешенный* (с приставками *раз-, за-, с-* и др.) различаются происхождением. Первые образованы от *вешать, мешать*, вторые — от *весить, месить.* Сообразно с этим они и должны употребляться, хотя даже у писателей данные формы иногда ставятся неправильно. Вообще, причастное окончание *-енный* соответствует глаголам на *-ить* (*бросить — брошенный*), окончания *-анный, -янный* имеют глаголы на *-ать, -ять* (*слышать — слышанный; свалять — свалянный*). Поэтому от *застрелить, простелить* имеем *застреленный, простреленный*, от *обменить, переменить — обмененный, перемененный*, от *измерить*, *смерить — измеренный, смеренный*; но от *расстрелять* причастие имеет форму *расстрелянный*, от *увенчать — увенчанный*, от *выровнять — выровнянный* и т.д. Также имеем: *сваленный* от *свалить* (*сваленный за городом мусор*) и *свалянный* при *свалять* (*свалянный из шерсти сапог*).

«...Красноватые скалы, *обвешенные* зеленым плющом и увенчанные купами чинар» (Лермонтов, Бэла, 166 (= которые *обвесил* зеленый плющ)).

«Калиныч отворил нам избушку, *увешанную* пучками сухих душистых трав» (Тургенев, Хорь и Калиныч, 15 (= которую *увешал*)).

«Направо от двери были два окна, *завешенные* платками» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 148 (= которые *завесили*)).

370. При русских *взгромозжать, загромозжать, нагромозжать* литературный язык предпочитает употреблять славянские *взгромождать, загромождать, нагромождать*; причастия на *-нный* обыкновенно имеют славянскую форму с *-жд-*: *взгроможденный, загроможденный, нагроможденный.* Точно так же при *избороздить* имеем *изборожден, изборожденный.*

371. От глаголов, имеющих основу на *о,* производится прошедшее страдательное причастие с суффиксом *т-*: *молоть — молотый, колоть — колотый, полоть — полотый, выполотый, прополотый, пороть — поротый, распоротый, выпоротый.* У авторов и в печати изредка встречаются неправильные причастия *колоный, выполонный, выпорон* и под., взятые из народного и разговорного языка.

372. От основ на *-а* страдательное причастие образуется при посредстве суффикса *-н*: *дать — данный, рвать — рванный, порванный, пеленать — пеленанный, брать — бранный, бран.* (Причастия эти обыкновенно употребляются с приставками.) В письменном языке иногда встречаются неправильно образованные, но нередкие формы: *брат, братый, спеленат, спеленатый.*

373. От основ на *-е* прошедшее страдательное причастие образуется с суффиксом *-н*: *видеть — виденный, рассмотреть — рассмотренный.* Поэтому Гоголю справедливо было замечено, что у него неправильно употреблено причастие *узрет* вместо *узрен*: «Не без радости был вдали *узрет* полосатый шлагбаум» («Мертвые души», 31).

374. В глаголах сложных (имеющих приставки) и в большинстве простых обыкновенно имеется одно страдательное причастие: от основы несовершенного — настоящее, от основы совершенного вида — прошедшее. Поэтому имеем: *полагаемый* (при *полагать*) и *положенный* (при *положить*), *замечаемый* (при *замечать*) и *замеченный* (при *заметить*), *слагаемый* (при *слагать*) и *сложенный* (при *сложить*), *бросаемый* (при *бросать*)

и *брошенный* (при *бросить*), *разбросанный* (при *разбросать*), *покупаемый* и *купленный* и т.п. Таким образом, в глаголах вида несовершенного в русском языке, при немногих исключениях (например, *читаемый* и *читанный*), есть только одно страдательное причастие настоящего времени: *бросаемый* (нет *бросанный*, но есть *разбросанный* — причастие совершенного вида), *любимый* (нет *любленный*, хотя и есть *влюбленный*), *терпимый* (нет *терпенный*, но есть *претерпенный*).

Необычны в литературном языке также и народные *раскладенный, закладенный, складены.* При *раскладывать, закладывать, складывать* совершенный вид обыкновенно является в формах *разложить, заложить, сложить*; отсюда и страдательные причастия *раскладываемый* и *разложенный* (а не *раскладенный*), *закладываемый* и *заложенный* (а не *закладенный*), *складываемый* и *сложенный* (а не *складенный*), *прикладываемый* и *приложенный* (а не *прикладенный*).

Мы видели, что причастия на *-нный* производятся от форм совершенного вида; поэтому неправильны встречающиеся в современной печати *перегрызанный* вместо *перегрызенный*, *изгрызанный, обгрызанный* и другие производные от *грызть*, *необъезжанный* вместо *необъезженный.*

375. От глаголов совершенного вида русский язык не допускает причастий на *-щий*; но в исключительных случаях авторы пытаются создавать такие причастия для выражения будущего времени. Изредка встречаются они и в современной печати.

«Братьев моих истребленье, тогда неизбежно *падущих*» (Жуковский, Отрывки из Илиады).

«Буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не *предъявящий* никаких свидетельств и пашпортов...» (Гоголь, Мертвые души, 371).

376. У писателей изредка встречаются страдательные причастия от таких глаголов, которые мы обыкновенно употребляем как непереходные. По общеизвестному правилу страдательные причастия производятся только от глаголов действительного залога. Еще Греч указывал поэтому, что «совершенно непра-

вильны и могут быть терпимы только в своевольной поэзии следующие причастия: *бываемый, неувядаемый, немерцаемый, незаходимый* вместо *бывающий, неувядающий, немерцающий, незаходящий*» («Чтения о русском языке», II, 42). Мы знаем, однако, что в языке живет и укрепляется много «неправильных» форм. То же нужно сказать и о подобных причастиях: они усвоены языком вследствие того, что их употребляли образованные люди и образцовые писатели в письме и разговоре.

Некоторые из подобных причастий на *-мый* есть славянизмы (*бываемый, неувядаемый*), значительная часть — галлицизмы, остальные образованы по аналогии к другим существующим формам и выражениям. Собственно «неправильных» нет вовсе; есть более принятые, прочно утвердившиеся и есть малоупотребительные. К первым отнесем: *достижимый, неподражаемый, неувядаемый, обитаемый, необитаемый остров, предшествуемый, сопутствуемый, угрожаемый, управляемый.*

377. Значительно приближаясь к именам прилагательным, причастия, однако, не могут, подобно им, принимать кратких окончаний. Но в тех немногих случаях, когда причастие перешло в прилагательное и означает не временное действие предмета, а его всегдашнее качество, допускается употребление и этих окончаний. Особенно это уместно в близких к причастиям прилагательных на *-щий: работящий, сведущий* и т.п. Мы говорим: «Бог *всемогущ* и *всеведущ*»; «Сосед *сведущ* в хозяйстве»; «Его брат *работящ*»; «Это качество *присуще* русскому человеку» и т.п.

Еще Греч писал: «Имеют ли причастия степени сравнения, то есть: можно ли сказать: *любящее, влюбленнее, живущее?* Нет! Имея значение времени, они не могут в то же время означать степень качества» («Чтения о русском языке», II, 43). И в нынешнем литературном языке только при более свободном обращении с речью возможно употребление причастий в сравнительной степени, как это допускается и в невзыскательном просторечии.

«Ее женщины и умнее, и *любящее*, и истиннее ее мужчин» (Белинский, V, 217).

«Он был и *испуганнее*, и тощее, и слабосильнее, и малорослее» (Щедрин, Пошехонская старина, 6).

Но такие слова, как *работящий, сведущий, священный*, по образованию или употреблению в языке являются не как причастия, а как прилагательные: они могут иметь сравнительную степень.

«*Сведущее* их нет никого» (Павский, 3, 120).

«Да *работящее* его во всей деревне нет» (Кокорев, Отцовский долг (народное).

§ 47.

378. От глаголов *-переть, -мереть* и *-тереть* с приставками деепричастие должно бы иметь формы: *заперши, умерши, отерши* и др. под., но нередко употребляются менее правильные: *за-, от-, при-* и др., *-перев, -терев, -мерев*, образованные по типу глаголов с приметой *-е-* (*покраснев, рассмотрев* и под.).

Некогда грамматика не терпела таких форм, как *заперев, отперев* и пр. Например, Греч писал о них: «Многие, и в том числе грамотные люди, пишут у нас: *отерев слезы, заперев дверь*. Это неправильно. Должно писать *отерши слезы, заперши дверь*. Кому неприятно это окончание, тот может превратить деепричастие в глагол и, например, вместо "*отерев* слезы, засмеялся" написать: "*отер* слезы и засмеялся". Если говорить *отерев, заперев*, то можно сказать и *умерев*, и вместо *отер*, *запер* — *отерел, заперел*» («Чтения о русском языке», II, 46). Учение старых грамматик перешло и в новые, и данные формы все еще считаются неправильными и недопустимыми в нашей школе и учебной литературе. Между тем они значительно упрочились в употреблении и широко распространены в литературном языке. Вполне терпимые в литературе, естественно, они не должны быть предметом гонения и в грамматике.

379. Мы почти не чувствуем различия между формами деепричастий прошедшего времени на *-в* и *-вши*: *прочитав* и *прочитавши*, *узнав* и *узнавши*, *смеряв* и *смеривши*, *согрев* и *согревши*, *вымыв* и *вымывши*, *разбив* и *разбивши*, *растрепав и растрепавши*, *отвязав* и *отвязавши*, *посеяв* и *посеявши*, *отдав* и *отдавши*, *создав* и *создавши*, *отколов* и *отоловши*, *завоевав* и *завоевавши*, *вырвав* и *вырвавши*, *призвав* и *призвавши*, *избрав* и *избрав-*

ши, *отплыв* и *отплывши*, *застыв* и *застывши*, *сжав* и *сжавши*, *увидев* и *увидевши*, *услышав* и *услышавши*, *оценив* и *оценивши*, *закрутив* и *закрутивши* и т.п. после гласных. Но после согласных уместно только *-ши*: *уведши, расплетши, прочетши* (устарелое), *выросши, разгрызши, вытерши, остригши, зажегши, испекши* и др. В глаголах на *-ся* употребляется исключительно дееепричастие с окончанием *-ши*: *померившись, раздувшись, согревшись, развязавшись вырвавшись, обжегшись, увидевшись, затаившись* и т.п.

Деепричастия на *-в* более свойственны речи книжной и старой. Карамзин и Пушкин почти исключительно употребляют их; даже у Тургенева преимущественно находим эти формы. Деепричастия на *-вши* отличают народную и разговорную речь. Взаимное соединение двух влияний привело к известному равновесию данных форм, отличающему современный язык. Даже в строго книжном языке Библии, при преобладании вообще форм на *-в*, замечаем иногда колебания между двумя формами: *узнав* и *узнавши*, *закрыв* и *закрывши*, *связав* и *связавши*, *увидев* и *увидевши*, *услышав* и *услышавши.* В общем, и у новых писателей все-таки чаще встречается книжное причастие на *-в.*

380. Глаголы вида совершенного, особенно с приметою *-и-*, в русском языке могут принимать формы деепричастий с окончанием настоящего времени и употребляться со значением прошедшего: *увидя* (= *увидев*), *замети* (= *заметив*), *высуни* (= *высунув*), *войдя* и др.

Старая грамматика старалась ограничить употребление подобных деепричастий. Греч, например, писал: «Еще должно сказать, что в глаголах предложных деепричастия производятся от прошедшего, а не от будущего совершенного времени, т.е. должно говорить и особенно писать: *посадив,* а не *посади*; *вынесши*, а не *вынеся*; *бросив*, а не *брося*; *устремив*, а не *устреми.* Исключения позволительны в глаголах возвратных, например: *убоясь, возвратясь*, и в стихах, для избежания стечения согласных: у Дмитриева: “Как будто совести *почувствуй* улику”. У Крылова: “*Наудя* рыб, попировать сбирался”. У Пушкина: “Гирей сидел,

потупя взор"» («Чтения о русском языке», II, 45). Учение старых грамматик применялось и на практике. Круг слов, принимающих данные формы, со временем несколько сокращался. Мы знаем, что некоторые писатели, например Тургенев, Гончаров, избегали рассматриваемых нами форм. Другие ограничивают их употребление преимущественно формами на *-ся* и производными от глагола *идти.* Все это вместе и нужно считать свойством современного нам литературного языка.

Вполне прочное право на употребление занимают те из подобных деепричастий, которые входят в особые цельные, неизменяемые выражения, как: *очертя голову, сломя голову, спустя рукава, вытараща глаза, положа руку на сердце, сложа руки, немного погодя, немного спустя, разиня рот, высуня язык* и пр.

381. Деепричастие от глагола *идти* с производными в старину часто употреблялось в форме *шед,* которую мы и встречаем нередко у образцовых писателей как архаизм. Современный язык знает только формы *пришедши, нашедши, подошедши, вышедши, сошедши* и т.п.

«19 июля, *пришед* проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении» (Пушкин, Путешествие в Арзрум, V).

«В сердцах людей *нашед* измену, ожесточился я» (Лермонтов).

«Я все знаю, — отвечал я, *подошед* к кровати» (Лермонтов).

382. Глаголы, имеющие в основе настоящего времени в первом лице звук *ч,* соответствующий *т* в других лицах и в основе неопределенного наклонения (*вертеть — верчу, вертишь; колотить — колочу, колотишь; молотить — молочу, молотишь*), в деепричастии имеют основу с *т*: *вертя, колотя, молотя*. У Толстого встречается неправильное *молоча*, образованное по влиянию формы 1-го лица.

«Данила скакал молча, держа вынутый кинжал в левой руке и как цепом *молоча* своим арапником по подтянутым бокам бурого» (Л. Толстой, Война и мир, III, 133).

383. От *ошибиться* мы обыкновенно употребляем деепричастие *ошибясь*; у Толстого встречаем *ошибившись* (образовано под влиянием неопределенного наклонения или южновелико-

русских форм *ошибился, вышибил, зашибил*). Сравните: *зашибясь, расшибясь, сшибясь, ушибясь* (а не «зашибившись» и пр.).

«Пока мы отыскиваем французов, *ошибившись* в их месте нахождения, французы натыкаются на дивизию Неверовского» (Л. Толстой, Война и мир, IV, 131).

384. Не привились к книжному языку народные деепричастия на *-учи, -ючи,* хотя у образцовых писателей, особенно у поэтов, и находим их иногда. В литературном языке дольше других держались деепричастия на *-учи* от глаголов *идти* и *ехать.* Немногие допускают их и в наше время. Обыкновенно же теперь мы употребляем деепричастия на *-учи, -ючи* только в форме *будучи* и в немногих выражениях: *делать* (что-нибудь) *умеючи, жить припеваючи, идти крадучись, работать играючи, жалеючи тебя.*

§ 48.

385. Теоретически от всякого глагола можно составить причастия и деепричастия, но многие из них неупотребительны в чистом литературном языке и странны для образованного слуха. Так, например, мы избегаем форм, подобных *плетомый, пасомый, беромый, зовомый, ведомый, беря, ждя, пиша* и др., хотя они и встречаются иногда у писателей.

Вообще, все формы на *-омый* отягощают речь.

Из деепричастий настоящего времени несвойственны языку особенно образования от глаголов, имеющих в неопределенном наклонении и в настоящем времени несходные основы.

Таковы глаголы: 1) *бить — бью, лить — лью, вить — вью, пить — пью, шить — шью* (оговорим старинные книжные: *бия, вия, лия,* соответствующие формам настоящего: *бию, вию, лию*); однако: *моя, роя, воя* — при *мыть, рыть, выть*; 2) *пахать — пашу, махать — машу, писать — пишу, плясать — пляшу, чесать — чешу, вязать — вяжу, казать — кажу, лизать — лижу, мазать — мажу, низать — нижу, резать — режу, глодать — гложу, метать — мечу, роптать — ропщу, топтать — топ-*

чу, свистать — свищу, плакать — плачу, искать — ищу, спать — сплю, брызгать — брызжу (здесь глаголы с приметою *-а-;* от подобных глаголов с приметами *-е-* и *-и-* деепричастия употребляются: *видеть — вижу — видя, глядеть — гляжу — глядя, просить — прошу — прося, возить — вожу — возя, колотить — колочу — колотя, мстить — мщу — мстя, льстить — льщу — льстя* и т.д.); 3) *молоть — мелю, колоть — колю, полоть — полю, бороть — борю, пороть — порю*; 4) *ковать — кую, клевать — клюю, плевать — плюю, жевать — жую*; 5) *звать — зову, брать — беру, драть — деру*; 6) *стыть — стыну, жать — жму, жать — жну, мять — мну, клясть — кляну*; 7) *тереть — тру, мереть — мру, переть — пру, стричь — стригу, беречь — берегу, стеречь — стерегу, мочь — могу, жечь — жгу, печь — пеку, влечь — влеку, сечь — секу, течь — теку, толочь — толку* и под.; 8) чужды литературному языку также настоящие деепричастия от глаголов, оканчивающихся в первом лице на *-ну*: *зябну, гибну, липну, вяну, кисну, мокну, сохну, пахну, чахну, тяну, гну, льну* и под. Также от некоторых неправильных: *ехать — еду, есть — ем, хотеть — хочу, бежать — бегу, даю, иду.*

Почти все приведенные глаголы, не дающие деепричастий на *-а, -я*, не имеют при себе и страдательных причастий настоящего времени на *-емый* и *-омый.* Нельзя, например, употреблять таких причастий от *бить, вить, шить, искать, колотить, молоть, полоть, пороть, ковать, жевать, драть, тереть, стричь, беречь, сечь, есть* и под. Вместо них мы употребляем, когда возможно, формы от глаголов с приставками несовершенного вида: *разбиваемый, вышиваемый, разыскиваемый, размалываемый, разжевываемый, сдираемый, сберегаемый* и т.п.

Гибкость русского языка, однако, настолько значительна, что некоторые из приведенных глаголов допускают деепричастные формы настоящего времени, хотя от них речь и делается негладкой. Встречаем, например, изредка: *паша, маша, пиша, режа, гложа, меча, топча, плача, ища, брызжа, меля, коля, куя, клюя, плюя, жуя, зовя, беря, стыня, кляня, зябня, гибня, вяня, тяня,*

идя, хотя (устарелое) и некоторые другие. При этом формы *плача, ища, идя* надо оговорить как довольно употребительные.

386. Среди малоупотребительных причастий нужно отличать старинные книжные вроде *согбенный, забвенный, убиенный, сокровенный* (славянские причастия на *-нный* вместо русских на *-тый*, обратившиеся большею частью в прилагательные).

«Держал свой стан *согбенным*» (Тургенев, Новь, 493).

«Я мыслю: патриарх лесов Переживет мой век *забвенный*...» (Пушкин, Брожу ли я...).

«Каких был лет царевич *убиенный*?» (Пушкин, Борис Годунов).

§ 49. Наречия

387. В современном литературном языке в большом обращении наречия на *-ще* (*вызывающе*), напоминающие старые книжные причастия (*поюще*), но образованные в действительности не от глаголов, но от причастий, как наречия от прилагательных (*крайний — крайне, зловещий — зловеще, вызывающий — вызывающе*). Наречия эти нового происхождения; у классиков их нет. Едва ли встречаются они и в ранних произведениях Л.Н. Толстого, который, по-видимому, усвоил данные формы из позднейшего литературного языка.

«Скажите, ради бога! — *умоляюще* повторил он» (Л. Толстой, Анна Каренина, 240).

«Невыносимо нагло и *вызывающе* подействовал на Алексея Александровича вид отлично сделанного художником черного кружева на голове...» (там же, 364).

«Концы усов *угрожающе* торчали, как два копья» (Короленко, Заседатель, 317).

388. Наречия усилительные (и образа действия), произведенные от глаголов того же корня, допускают колебания между окончаниями *-ма* и *-мя*: *бежма* и *бежмя*, *висма* и *висмя*, *горма* и *гормя*, *дрожма* и *дрожмя*, *ругма* и *ругмя* и пр. Но обыкновенно: *стоймя.*

«Все боятся его, на кого гневным оком ни взглянет, всяк *дрожма* дрожит» (Мельников, В лесах).

«Вожжи у Якова *дрожмя* дрожат» (Некрасов).

«Народ толпится, *кишма* кишит» (Даль).

«Между... тонкими зелеными травками *кишмя* кишели муравьи» (Л. Толстой, Детство и отрочество).

389. Уже Буслаев заметил, что наречия *врознь* и *врозь* одинаково правильны. Первое связано с производными словами *розный, рознь*, второе — с корнем данных слов. В живом употреблении преобладает слово *врозь*, и нет оснований избегать его в письменном языке.

390. Разговорная форма наречия *покаместь* в живом языке и у авторов, приблизительно до второй половины XIX в., преобладает над книжною формой *покамест.* Теперь первая почти не встречается в письменном языке.

391. Наречия на *-ски* (*по-русски, по-гречески, по-свойски* и т.п.) мы имеем при прилагательных на *-ский* (*русский, греческий, свойский*); у Толстого находим необычное *по-средневековски* — конечно, от *средневековский* (малоупотребительное), а не от *средневековый.*

«Средневековая итальянская жизнь в последнее время так прельстила Вронского, что он даже шляпу и плед через плечо стал носить *по-средневековски*» («Анна Каренина», II, 42).

392. Изредка у прежних писателей мы встречаем наречия места и времени в старинной народной форме, в современном литературном языке уже не допускаемой: *поздо; куды, туды, сюды; покудова, откудова, отсюдова; вчерась, завсегда; отсель* и *отселе, отколь* и *отколе, оттоль* и *оттоле.* Старинное *инде* встречается редко и у прежних авторов. *Сплошью* при *сплошь* встречается и теперь, но очень редко. Теперь обыкновенно употребляем: *поздно; куда, туда, сюда; покуда, откуда, отсюда; вчера, всегда; оттуда; где.*

Здесь же упомянем предложные наречия *окроме* (старинное и народное; теперь не употребляется), *окрест* (устаревшее книжное слово), *противу* (теперь только: *против*).

393. Наречие *силом* хотя и встречается у Толстого, — впрочем, лишь в применении к работнику, где естественно народное словоупотребление, — в литературном языке не допускается.

«Работнику не приходило в голову опустить поднятый резец, и, ворочая *силом*, он мучил лошадей и портил землю» («Анна Каренина», 411).

394. Вместо общепринятого правильно образованного наречия *изнутри* в русском литературном языке нередко встречается неправильное *извнутри* (осложнение получилось под влиянием слова *внутри*). При общепринятом *внутрь* встречается старинное и народное *вовнутрь*.

«Он долго тер мылом обе щеки, подперши их *извнутри* языком» (Гоголь, Мертвые души, 15).

395. Наречия *верхом, пешком, босиком* в народном языке и просторечии могут принимать форму множественного числа, когда относятся к нескольким лицам. Такие формы встречаются изредка и в литературном языке, особенно старом. Теперешний их не допускает.

«Явились и Николай Всеволодович с Кириловым, но не в экипаже, а *верхами*» (Достоевский, Бесы, II, 109).

«Сели [башкирцы] кто *верхами*, кто в тарантасы, поехали» (Л. Толстой, Много ли человеку земли нужно, 494).

«Они [дети] все были *босиками*» («Живописец», II, 186).

396. Неразрывные теперь наречия *вволю, навстречу, издалека, второпях* не очень еще давно могли разлагаться на отдельные части.

«Я пришла сюда так, поплакать *в* свою *волю*» (Фонвизин, Бригадир).

«Не с боязнью, но с приветом *В встречу* смерти я иду!» (Буренин, Трагедия в Бристоле).

«Русь! Русь! вижу тебя, *из* моего чудного, прекрасного *далека*, тебя вижу» (Гоголь, Мертвые души, 421).

«Удивляюсь еще, как я *в* таких *торопях* ничего не забыл в трактире» (Карамзин, Письма русского путешественника, II, 18).

397. Сочетание *тому назад* в прежнем языке часто употреблялось с пропуском второго слова; теперь обыкновенно оно является в полном виде.

«Недели три *тому*, пришел я поздно домой» (Пушкин, Моцарт и Сальери).

«Я сама, еще два дня *тому*, здесь одна, решилась освободить его от его слова» (Достоевский, Униженные и оскорбленные, 41).

Сравните:

«Два дни *тому назад...* пролетал я через Париж» (Крылов, Почта Духов).

«Мимо ужасных развалин горы, задавившей, двенадцать лет *тому назад*, прелестную деревню...» (Жуковский, Отрывки из письма о Швейцарии, 211).

398. Наречие *спасибо* в литературном языке, как и в народном, может принимать падежные окончания.

«Твори добро — не скажет он *спасибо*» (Пушкин, Борис Годунов).

Сравните:

«*Спасибом* сыт не будешь» (Даль). «Который мне даже *спасибо* не скажет» (Тургенев, Отцы и дети, 191).

399. Употребление некоторых существительных в смысле наречий *очень, сильно*, например: *смерть* («Он мне *смерть* (смертельно) надоел»), *страх* («Ей *страх* (страшно) хочется идти в театр»), *ужас* («Он *ужас* (ужасно) как рассердился») и *ужасть* (старинное и народное), принадлежит более просторечию, чем книжному языку.

§ 50. Предлоги

400. В литературном языке мы встречаем иногда, в числе других, сложные предлоги *по-за, по-над*, нередко употребляемые в областном просторечии.

«Здесь Чичиков... скорее за шапку, да *по-за* спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо» (Гоголь, Мертвые души, 162).

«Саша уже тащит *по-за* кухней к пруду, укрываясь от хором, две лопаты» (Е. Марков, Барчуки).

«*По-над* Доном сад цветет» (Кольцов).

401. Очень редки те случаи, когда предлог *через* у авторов встречается, по народному и старинному употреблению, в значении наречия.

«Я взял в руки хворостину и загородил ею дорогу. Надо было видеть, как одни [муравьи], презирая опасность, подлезали под нее, другие перелезали *через*; а некоторые... совершенно терялись и не знали, что делать» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 41).

402. В старых грамматиках было создано правило ставить предлог *об* перед гласной буквой (об ученике) и *о* перед согласной (о жене). Хотя правило это нарушалось авторитетными писателями уже и в то время, однако оно основано на удобстве произношения и держится в литературном языке до наших дней.

«Он слушал пение и думал *об отце, о матери, об университете, о религиях*» (Чехов, Палата № 6, 110).

«Он уже не помнил ни *об Осипе*, ни *о старосте*, ни *о жуковских недоимках*» (Чехов, Мужики, 49).

403. Любопытный пример разложения целого, неделимого слова на предлог и имя мы имеем в выражении *с оника.*

«Лугин поставил семерку бубен, и она *с оника* была убита» (Лермонтов, Отрывок из начатой повести, изд. Академии наук, IV, 294). (В изд. Ефремова, 1873 г., имеем более достоверное чтение: *соника* — с. 323.)

«С *оника*, после многолетней разлуки, проведенной в двух различных мирах, не понимая ясно ни чужих, ни даже собственных мыслей, цепляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметах самых отвлеченных...» (Тургенев, Дворянское гнездо, 147).

Здесь существующий в карточной игре (банк, фараон) термин *соника* (выиграть *соника* — по первой поставленной карте; переносно: сразу, вдруг) разложен на предлог *с* и существитель-

ное *оник*, в данном случае не имеющее смыслового содержания. Общепринятая правильная форма *соника* употребляется как наречие.

«Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч, и выиграл *соника*» (Пушкин, Пиковая дама, изд. 1834 г., 196).

«Она выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграли ей *соника*, и бабушка отыгралась совершенно» (там же, 194).

«Он выиграл большой куш *соника*» (Академический словарь).

Сравните французское: *Il a gagné sonica.*

404. Мы нередко затрудняемся в употреблении слов, сложенных с предлогами-приставками. Рассмотрим случаи, которые встречаются в языке чаще других.

В старом языке строже различали глаголы и имена, сложенные с *вз-*, *вс-* (означающие движение вверх) и сложенные с *в-* (означающие движение внутрь). Теперь мы постоянно говорим: *вошел на гору, влез на дерево, вкарабкался на крышу* вместо *взошел, взлез, вскарабкался*, и обратно: *взошел на двор, взошел в комнату* вместо *вошел.*

«Оба, преследующий и преследуемый, *вбежали* на крыльцо» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 325).

«Бал только что начался, когда Кити с матерью *входила* на большую... залитую светом лестницу» (Л. Толстой, Анна Каренина, 101).

«Въехав на косогор... ямщик остановился» (Короленко, История современника, 197).

405. В ряде случаев мы затрудняемся употреблять приставки *о-* и *у-*: *окутать* или *укутать*, *опираться* или *упираться*, *оплетать* (есть) или *уплетать*, *опускать* или *упускать*, *осложнять* или *усложнять*, *остареть* или *устареть*, *ощупать* или *ущупать*. Здесь обыкновенно разные образования показывают различные оттенки значения. Выбор слова, таким образом, зависит от смысла, который мы хотим придать нашей речи.

Разница между *окутать* и *укутать* нечувствительна. Даже Академический словарь в одном и том же случае дает разные

глаголы: «*Окутывать* дерево на зиму» и «*Укутывать* на зиму садовые деревья». И Даль дает примеры: «Оделася клушей, *окуталась* кувалдой» и «*Укуталась* клушей, оделася кувалдой». *Укутать* все-таки означает действие более сложное и более тщательное. Например, о ребенке, отправляемом зимой в дорогу, лучше сказать: «*Укутайте* его получше, чтобы он не прозяб».

Упираться тоже означает действие более напряженное (сравните *уперся* в значении «заупрямился»). При этом обыкновенно *упираться во что* («*Уперся* ногами в стену»), *опираться на что* и о *что* («Старик *опирается* на палку»; «*Опираясь* на доводы науки»; «*Оперся* рукою о стол»).

В значении «есть» употребляем обыкновенно слово *уплетать*, но встречаем и *оплетать.* Сравните в том же значении *уписывать*, а не «описывать» («Юлька с Фешкой так-то за обе щеки *уписывают*» — Щедрин, Господа Головлевы, 82). Сравните также *оплести* в значении «ударить».

«*Уплетают* двумя палочками вареный рис, держа чашку у самого рта» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 428). Сравните: «Он зараз *оплел* целую миску щей» (Академический словарь).

Опускать, опустить имеют значения:

1) Давать направление сверху вниз, спускать: «*опустить* гроб в могилу», «*опустить* вуаль», «*опустить* занавес», «*опустить* ноги в воду», «*опустить* углы губ», «*опустить* (потупить) глаза», «*опустить* перпендикуляр» и т.п.

2) Выпускать из рук: «*опустил* птицу», «*опустил* веревку», «*опустил* камень из рук». Также выпускать из внимания: *опустил из виду.* Однако в последнем случае лучше и употребительнее оборот со словом *упускать*: *упустил из виду.* Этот последний оборот правильнее потому, что последствие невнимания, небрежности мы обыкновенно выражаем словом *упущение*, а не *опущение.*

3) Ослаблять натянутое: «*опустить* струны на скрипке», «кучер *опустил* вожжи».

4) Пропускать: «*опустил* время, случай». Впрочем, и здесь также предпочитается оборот с глаголом *упустить*: «*упустил* хорошее время», «*упустил* удобный случай».

5) Пропускать в смысле «выкидывать, выбрасывать, исключать»: «*опустить* излишнее в сочинении».

Опущение есть действие опустившего и опустившегося: «*опущение* гроба в могилу», «*опущение* водолаза на дно моря», «*опущение* сказуемого в предложении» и т.п.

Глаголы *упускать, упустить* имеют следующие значения:

1) Дать возможность уйти или улететь, вообще — не удержать кого или что: «*упустить* лошадь, корову», «*упустить* птицу». К этой же группе примеров относится и общеупотребительный оборот *упустить из виду.*

2) Пропустить благоприятное время или обстоятельство, не воспользоваться ими: «*упустил* удобный случай».

3) Не исполнить должного: «*упустил* исполнить свою обязанность».

Упущение тоже означает недосмотр, потерю, неисполнение должного.

«Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то *упущения*» (Гоголь, Мертвые души, 228).

«Шекспировых творений Составил полный список, Без важных *упущений* И без больших описок» (Некрасов, Литературная травля).

Осложнить, осложниться, осложнение с их производными по значению не отличаются от *усложнить, усложниться, усложнение.* Современный язык отдает решительное предпочтение первой группе слов. Раньше считали более правильными образования второго рода, видя в них аналогию к *упростить* и подобным глаголам.

Остареть и *устареть* во многих случаях не отличаются по значению и употреблению; только по отношению к обычаям, моде применяется исключительно последнее слово («обычай этот *устарел* и вывелся», «*устарелая* мода», «*устарелое* слово»).

Ощупать значит «испытать что-то ощупью», *ущупать* значит «найти что-то ощупью».

406. В современном языке обыкновенно употребляется форма *усомниться*; форма *усумниться* теперь встречается редко, но она была более распространена в старое время, особенно тогда, когда допускалось еще и слово *сумневаться.*

407. Приставки *со-* и *су-* вообще не смешиваются и не заменяются одна другою в русском языке. Впрочем, в старом языке было *сопостат*, а теперь мы имеем *супостат*; иногда встречаем *состав* (соединение костей) вместо *сустав.* Последнее словоупотребление допускается Академическим словарем и Далем.

408. Глаголы *огибать, оробеть, осматривать, опереться* мы употребляем теперь только с приставкою *о-*; прежде они были известны и с приставкою *об-* (*обо-*).

«Широкая река *обгибала* ее [равнину] уходящим от меня полукругом» (Тургенев, Бежин луг, 181).

«Она словно опять *обробела*» (Тургенев, Дворянское гнездо, 258).

«Прежде всего пошли они *обсматривать* конюшню» (Гоголь, Мертвые души, 133).

«Бывало, сядет она напротив гостя, *обопрется* тихонько на локоть и с таким участием смотрит ему в глаза...» (Тургенев, Татьяна Борисовна и ее племянник, 74).

409. Приставки *при-* и *пре-* изредка смешиваются даже и в книжном языке. Не всегда легко различить слова *преклонить* и *приклонить*. *Преклонить* значит:

1) Наклонить, нагнуть.

«Тогда-то преступник должен *преклонить* выю под острие меча» (Фонвизин, Жизнь Сифа, 487).

«И набожный граф, умиленный душой, Колена свои *преклоняет*» (Жуковский).

2) Согласить, склонить, убедить.

«Основательными причинами он *преклонил* всех к своему мнению» (Академический словарь).

3) *Преклонить* употребляется еще в выражении: *день преклонился* — окончился, стал подходить к концу.

Приклонить значит «пригибать, приближать, прислонять, укрывать» (*приклонить голову*). Сюда же относится и церковное выражение *приклонить ухо*, то есть слушать внимательно (а не *преклонить*).

410. Вместо книжного *преставиться* (скончаться) в народе и вообще в необразованной среде иногда употребляется ошибочно *представиться*.

«Когда же он *преставился*, палаты Исполнились святым благоуханьем» (Пушкин, Борис Годунов).

411. Вместо *препоручить* в современной печати иногда ошибочно употребляется *предпоручить*.

412. В русском литературном языке изредка опускается *в* в приставке *во-*: *схрапну* (устарелое), *сплеснуть руками* при обыкновенном, по-видимому более правильном, *всплеснуть руками*. В выражениях *река стала* и *встала, волосы всклочены* и *склочены* и под. мы должны видеть совпадение по значению разных слов, не происходящих одно от другого путем сокращения приставки.

413. Слово *предотвратить* в разговоре и несознательном письме является иногда в форме *предовратить* (под влиянием *совратить, превратить* и под., не имеющих второй приставки *от-*), которая иногда проскальзывает и в печать.

414. В числе замечательных слов, сложенных с предлогами, укажем еще встречающиеся у авторов необычные глаголы: *вздыматься* (устарелое; теперь обыкновенно: *подыматься*), *искупаться* вместо *выкупаться*, *испить* вместо *выпить*, *оступить* вместо *обступить*, *умокнуть* вместо *обмакнуть*. Все эти словоупотребления принадлежат теперь только народному языку.

415. При общепринятых словах *удвоить, утроить* и *удесятерить* (последнее редко) мы избегаем подобного сложения с другими числительными, хотя такие слова изредка и встречаются в разговорном и письменном языке.

416. Русский литературный язык имеет ряд заимствованных из церковнославянского языка слов с приставкою *из-* (*ис-*), соответствующею русской *вы-*; это обыкновенно глаголы и от-

глагольные имена, означающие движение, извлечение изнутри чего-либо: *избирать* и *выбирать* (избрание и выбор), *избегать* и *выбегать*, *извещение* и *вывод*, *извлечь* и *выволочь*, *изгладить* и *выгладить*, *изгнать* и *выгнать*, *издать* и *выдать*, *изъять* и *вынуть*, *изыскать* и *выискать*, *исходить* и *выходить*, *изливать* и *выливать*, *изложить* и *выложить*, *изучать* и *выучить*, *изъяснить* и *выяснить*, *ископать* и *выкопать*, *искупить* и *выкупить*, *искусить* и *выкусить*, *испросить* и *выпросить*, *испустить* и *выпустить*, *испытать* и *выпытать*, *истекать* и *вытечь*, *исчерпать* и *вычерпать* и т.п. Первый ряд слов употребляется в выражениях книжных, отвлеченных, второй — в обыкновенной разговорной речи о предметах обыденной жизни. Сравните обороты речи: *избрание президента* и *выбор старшины*; *избегать ошибок* и *выбегать на улицу*; *изведение евреев из Египта* и *вывод пятен*; *изгнание Адама из рая* и *выгнать кого из дому*; *исходить из той же мысли* и *выходить на прогулку*; *излить гнев* и *вылить воду*; *ископаемые* и *выкопанные* и т.д.

417. Образованные при посредстве различных приставок глаголы *одеть* и *надеть* нередко смешиваются в областном просторечии, особенно на севере России. Не только в живой речи, но и в печати встречаются неправильные употребления: *одеть пальто, одеть фуражку*, вообще *одеть что-либо* вместо *надеть пальто, шляпу* или вообще *надеть что-либо.*

Правильное словоупотребление допускает только обороты: 1) *одевать, одеть кого*; 2) *одевать* (наряжать) *кого во что* (старинное: *в чем*) или *кем*; 3) *одевать* (покрывать, снабжать) *чем.*

Образцы правильного словоупотребления:

1) «Он [папа] окружен кардиналами, кои *одевают* и раздевают *его*» (Фонвизин, Письмо из Рима в апреле 1785 г.).

«Не успели *меня одеть*, слышим, наверху уже стучат сапогами» (Л. Толстой).

Здесь, конечно, вполне правилен и оборот *одеть что*, когда действие простирается на предмет неодушевленный: «*Одела* поля свежая зелень» (Фонвизин, Иосиф, 675).

2) «*Одет* он был *в* новую розовую *рубашку*» (Куприн, Детские рассказы, 108).

«Нирмацкого *одели медведем* и напоили водою с солью» (Тургенев, Первая любовь, 332).

3) «[Фабрика] *одевает* ситцем самую Италию» (Фонвизин).

Надевать, надеть, в свою очередь, не следует смешивать с *одевать*.

«Вам советую *надеть пальто*» (Гончаров).

«[Няня] сняла с меня все, разула и *надела* крестьянское *платье*» (Л. Толстой).

§ 51. Союзы

418. В старом языке употреблялось немало союзов, которые теперь вышли или выходят из обращения. Сюда относятся: *бо* (устарелый славянизм), *буде* (употребляется теперь преимущественно в канцелярском языке), *да* (устарелый славянизм; у поэтов встречается и теперь), *дабы* (употребляется изредка в книжной речи), *для того, для чего* в значении «потому», «почему» (теперь так не употребляются), *зане* (устарелый славянизм), *затем* в значении «потому» (устарелое), *ибо* (славянизм, в книжной речи не вполне еще устарелый, но чуждый живому, чисто русскому языку), *как* в значении «так как» (устарелое), *ниже* (устарелый славянизм), *подобно как, подобно так* (теперь употребляется только *подобно*, с дательным падежом), *поелику* (совершенно устарелое), *понеже* (тоже), *пота* (старинное и народное).

419. Изредка у писателей встречаются простонародные союзы, например: *али* (Пушкин, Конь; где, впрочем, народный язык), *коли, благо, не то.*

«До того их одолевала гражданская скорбь, что к цыганам приходилось бежать, *али* на баррикады в Париж» (Достоевский, Дневник писателя за 1877 г., изд. Маркса, 483).

«Для Петербурга находится Э. Янсен, который берется устроить провоз через французского курьера, *благо* у его отца есть связи с курьерами» (Кони, Судебные речи, 96).

«А *коли* умру, то дети мои будут страдать еще более» (Пушкин, Джон Теннер).

«Правду говори, *нето* тебе достанется» (Жуковский, Маттео Фальконе).

«Не должно пренебрегать этим упражнением, *не то* отвыкнешь как раз» (Пушкин, Выстрел).

420. Нам кажется странным употребляемое иногда слово *то* во фразах, подобных следующей: «*Рано* утром в воскресенье меня разбудила мама и сказала, что пора идти в церковь причащаться. *То я* поспешно встал и стал одеваться» (из речи петроградских учащихся). Здесь мы имеем дело не с ошибкой, а с особенностью старинной и народной речи, употребляющей *то* в смысле союза *поэтому, потому.*

«Но слушай: я решилась С твоей судьбой, и бурной, и неверной, Соединить судьбу свою; *то* вправе Я требовать, Димитрий, одного» (Пушкин, Борис Годунов, III, 46—47, изд. Морозова).

421. *Раз* в значении союза *если* («*Раз* это не принято, то и не следует делать») — галлицизм, более употребительный в разговорной речи, чем в книжной. По-видимому, он не старого происхождения. Впрочем, у Даля мы находим пословицу: «*Раз* племянник, значит дядин».

422. В современной печати иногда встречается неуместно употребленный союз *причем* вместо *притом, при этом.*

«Врач констатировал, что самоубийца принял цианистого калия, *причем* в таком большом количестве, что им можно было отравить десятки людей» («Современное слово», 13 декабря 1909 г.).

§ 52. Междометия

423. Из существующих в литературном языке междометий есть такие, о которых нужно сделать оговорки, касающиеся их употребления. Это книжные слова *исполать* (греческое слово, отчастивошедшее и в народный язык; в разговорном образованном языке употребляется, однако, весьма редко) и *увы* (славя-

низм, общепринятый более в письменном литературном языке, но неизвестный в народном).

§ 53. Частицы

424. Литературный язык не употребляет члена *то*, но у писателей и в печати он иногда встречается по влиянию народного и разговорного языка.

«Обнял бы его я, да нельзя: Человек-*то* добрый этот я» (Майков).

«Знать брели-*то* долгонько они Из каких-нибудь дальних губерний» (Некрасов, Размышления у парадного подъезда).

Особенность этой приближающейся к члену частицы *то* состоит в свойстве стоять не только при существительных, но при всех именах, местоимениях, глаголах, даже при наречиях и союзах. Она соединяется вообще со словами, на которые падает логическое ударение: «Дом-*то* у вас стар»; «Старый-*то* дом мы починили»; «Три-*то* рубля в день дорого»; «Я-*то* совсем не устал»; «Живет-*то* он бедно»; «Там-*то* меня приняли хорошо»; «Потому-*то* он и не пришел».

В старом литературном языке при словах мужского рода известна частица *-от*: *ум-от, немец-от, прок-от, мост-от* и под. Теперь такие употребления остались только в народном языке.

«И в чтенье прок-*от* не велик» (Грибоедов, Горе от ума, д. I, явл. 2.)

«Однако ж мост-*от* наш каков...» (Крылов, Лжец).

СИНТАКСИС

§ 54. Подлежащее

425. Школьная практика настойчиво требует, чтобы в предложениях никогда не пропускались подлежащие; требование это не оправдывается языком образованных лиц и писателей, допускающих такой пропуск, особенно в безыскусственной или сжатой речи.

«Я прибыл к одному месту, где, вероятно, некогда находился пруд, и увидел круглое, малое пространство посреди леса. Вот, — подумал я, — долина, назначенная старухою. *Вскоре нашел род тропинки, вероятно русло иссохшего ручейка*» (Пушкин, Джон Теннер, изд. 1839 г., 226).

«Он зна́ком пригласил нас сесть. *Молча повиновались ему*: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть» (Лермонтов, Фаталист, 149—150).

«Проказница Мартышка, Осел, Козел Да косолапый Мишка затеяли сыграть квартет. *Достали нот, баса, альта, две скрипки И сели на лужок под липки Пленять своим искусством свет. Ударили в смычки, дерут, а толку нет*» (Крылов, Квартет).

«*Именно эту фразу приготовляли губернатору, чтоб уколоть его. Размазывали с наслаждением*» (Достоевский, Бесы, I, 59—60).

«Девушка ответила что-то, но так тихо, что он не расслыхал. *Сел возле на кровать, наклонил стриженую крупную голову и положил руку на плечи...*» (Андреев, Тьма, 238).

§ 55. Сказуемое

426. Старая элементарная стилистика не допускала в сказуемом прилагательного в членной (долгой) форме или причастия. У Карамзина находим: «Я одет слишком по-дорожному и весь *мокр*» (Сочинения. с. 11). Фразы «Ваш вызов очень *глу-*

пый», «Ваш отказ *подлый*» Белинский отмечает как неправильные по форме сказуемого (V, 284). Но школьная стилистика не в состоянии была изгнать усвоенные живым языком обороты, которые нередко употребляются и лучшими писателями. По замечанию Потебни, долгое окончание увеличивает связь прилагательного с подлежащим, и прилагательное как бы подчеркивается. И произносится оно в этом случае с логическим ударением.

«Победа была *решительная*» (Карамзин).

«Платье на нем было *белое*» (Аксаков).

«Губы и ноги у него были *толстые и мясистые*» (Писемский, В водовороте, 233).

«Он весь *мокрый*...» (Короленко, Река играет, 23).

«*Потные* они, *усталые, грязные*; тучи табачного дыма плавают вокруг них...» (Горький, Трое, 12).

«Когда... вышел оттуда, то был *бледный*» (Андреев, Иуда, 34).

«Князь представил ей барона, который окончательно выспался и был *вымытый, причесанный*, в черном сюртуке и в легоньком цветном галстуке» (Писемский, В водовороте, 125).

«А на полянке, в саду, где стояла копна недавно скошенного сена, было еще жарче, потому что место было *закрытое* от ветра густым-прегустым вишняком» (Гаршин, То, чего не было).

427. При этом в подобных сочетаниях (при связках *есть, будет, был*) прилагательное-сказуемое всегда имеет форму именительного падежа. Оборотов с творительным необходимо избегать.

«Неряшливость и неприбранность этой комнаты были *поразительными*» (Шеллер-Михайлов, Пучина, III, т. I, 492). (Лучше: *были поразительные*.)

428. При глаголах, означающих возникновение какого-либо признака (*стать, сделаться, бывать, казаться, остаться* и под.), качественное прилагательное, входящее в состав сложного сказуемого, ставится в именительном падеже краткого окончания или в творительном полного: «Он стал *придирчив*» (и: *придирчивым*); «От торговли он сделался *беден, а не богат*»

(и: *бедным, а не богатым*); «Город показался мне *многолюден*» (лучше: *показался мне многолюдным*); «Он остался *непреклонен*, и я, когда он меня попросит о чем-либо, окажусь тоже *непреклонным*»; «Воздух становится *холоден*»; «Вода становится *теплой*»; «Старики бывают *ворчливы*» (и: *ворчливыми*); «Он очутился *одинок*» (и: *одиноким*). Вторая форма употребляется все-таки чаще, особенно в женском роде. Лучше сказать: «Она казалась *богатой*»; «Она сделалась *раздражительной*»; «Она очутилась *одинокой*» и т.д.

«И затем, откинувшись на спинку стула, оставался *неподвижен* в продолжение трех или четырех часов» (Достоевский, Униженные и оскорбленные, 6).

«Собака же... вытянувшись во всю свою длину на полу, тоже оставалась *неподвижною* на весь вечер, точно умирала на это время» (там же, 6).

429. При глаголах, означающих движение и покой (*идти, ехать, сидеть, лежать* и под.), прилагательное-сказуемое ставится обыкновенно в именительном падеже с полным окончанием: «Он пришел домой очень *усталый*»; «Он ходит *босой* по улице»; «Сестра лежит *больная*»; «Он сидел на постели *грустный* и *бледный*». Вместо старого оборота *сижу, лежу неподвижен* теперь обыкновенно употребляется *сижу, лежу неподвижно* (наречие).

430. При глаголах *знать, видеть, находить, помнить, нести, гнать* и др. под. прилагательное (имеющее смысл сказуемого) и причастие теперь ставятся обыкновенно в творительном падеже: «Я знал его *богатым* и *бедным*»; «Ты видел его *здоровым*»; «Барина нашли *мертвым* в своей постели»; «Тетя помнит его *молодым* и *здоровым*»; «Она несла книгу *открытой*»; «Отец прогнал его из дому *раздетым*».

Реже употребляются в этих случаях падежи именительный и винительный: 1) «едва сам *цел* убрался»; 2) «оставили их *неодетых*»; «нашел птичку в клетке *мертвую*», «видел ее *босую*». *Один* употребляется только в винительном: *увидел, нашел, вынес ее одну.*

431. Существительное при глаголах, которые являются связкою, может стоять в именительном падеже и творительном: «Он стал *знатный господин*» (и: *знатным господином*); «Он оказался *большой негодяй*» (лучше: *оказался большим негодяем*); «Сестру жены называют *свояченица*» (лучше: *называют свояченицей*). Творительный падеж, однако, мы употребляем преимущественно или исключительно: «Через женитьбу он сделался *обладателем* большого имения»; «Ты сделался важной *особой*»; «Он мне показался довольно пожилым *человеком*»; «Он кажется *лентяем*»; «Это поручение является *знаком* твоего доверия»; «Брак их некоторое время оставался *тайною*»; «Он очутился *наследником* большого состояния»; «Он назначен *директором* гимназии»; «Он доводится (чаще: *приходится*) мне *шурином*»; «Он считается *знатоком* истории»; «Я остался его *должником*».

432. При вспомогательном глаголе *быть* прошедшего и будущего времени почти одинаково употребительны формы именительного и творительного: «Брат был усердный *работник*» (и: *усердным работником*); «Он был *приятель* моего брата» (и: *приятелем*); «Он был мой *начальник*» (и: *начальником*); «После тети ты будешь *наследница*» (и: *наследницей*); «Ты будешь хороший *солдат*» (и: *солдатом*) и т.п. Оборот с творительным все-таки встречается чаще.

Но при настоящем времени допускается только форма именительного: «Ты мой *друг*, а она мой *враг*».

Именительный падеж обыкновенно необходим там, где обозначается постоянное, характерное свойство предмета: «Лир был *король* с головы до ног» (Овсянико-Куликовский); «Он был лучший *министр* народного просвещения». В противоположность этому творительный падеж показывает временное состояние: «Я был и *писцом*, и *казначеем*, и *бухгалтером*, а *простаком* никогда не бывал»; «Теперь он у нас *дьяконом*, а прежде был *причетником*».

433. Слова обстоятельственные ставятся у нас только при краткой форме прилагательных, служащей сказуемым, постав-

ленной притом в именительном падеже. Потому не совсем правильно составлены следующие примеры.

«Ей становилось грустно... от мысли умереть *так молодою*» (Лажечников, Ледяной дом, ч. IV, гл. IX, 139).

«Купил чернозему, хотя далеко не *так богатого*, как в Симбирской губернии» (Аксаков, Семейная хроника, 66).

«Встреча показалась мне *так забавною*, что я немедленно решил потешить рассказом Степана Трофимовича» (Достоевский, Бесы, I, 120).

«И становится все *так возможным*, что мечтою казалось вчера!» (Плещеев, Весна). (Сравните более правильное у Крылова: «Такое хвастовство хоть слишком было явно, Но показалось *так забавно*, Что зайцу дан клочок медвежьего ушка» — «Заяц на ловле».)

Следующая фраза Полевого, с обстоятельством при определении, служила уже предметом насмешек Белинского: «Давайте выражать русское горячее чувство... народным, *маленько мужицким* словом» (VIII, 187).

§ 56. Безличное предложение

434. Иногда у писателей встречаются безличные обороты в таких случаях, где мы предпочли бы личные. Так, мы скорее скажем: *Для этого требуется целая статья; Мне был пятнадцатый год; Я вздохнул глубоко и радостно; У меня за деньгами дело не станет; Место здесь найдется; Борода у него заиневела; Знания приложены там, где они нужны; Была половина шестого, когда я вернулся домой; Такая ловкость встретится разве в кошке; В моем сочинении была бездна ошибок; Четверть века прошла с той поры* и т.п. Господство в современном языке таких оборотов указывает на то, что наше безличное предложение подверглось сильному влиянию личного и во многих случаях уступило ему свое место. Язык авторов прежнего, хотя и недавнего времени был богаче, гибче и сохранял еще такие фор-

мы, достоинства которых мы уже не чувствуем и которыми перестали обладать.

«*Требуется* высокой *энергии, самоотвержения*, готового на все жертвы» (Лажечников, Ледяной дом, ч. IV, гл. 1, 6).

«Для одного этого *потребовалось бы целой и притом большой статьи*» (Белинский, VI, 322).

«Конечно, *требовалось большого напряжения ума*, чтобы мало-помалу изобразить все понятия [в китайском письме]» (Грот, Филологические разыскания, 3-е изд., т. 2, 148).

«Бороды их густо *заиневело*» (Лажечников, Ледяной дом, гл. IX, 190).

«*Мне было* в то время шестнадцатый год в исходе» (Л. Толстой, Юность (из Бирюкова), 138).

«*Было половина восьмого*, когда мы приехали к Анне Андреевне» (Достоевский, Униженные и оскорбленные, 95).

«*Пробило* половина десятого» (Гончаров, Обломов, 13).

«В моей повести *было бездна* натянутого» (Герцен).

«*Четверть века прошло* с той поры и *окружило* многих легендарным обаянием» (Боборыкин, Перевал).

«Сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то *привыклось и пошло на лад*» (Гоголь, Шинель).

«Давно *им грезилось весной*, весной и летом золотым» (Тютчев, Первый лист).

«*Мне вдруг припомнилось*, — говорит она мне потом, — что я, безумная, жестокая, могла выгнать тебя, тебя, моего друга...» (Достоевский, Униженные и оскорбленные, 220).

«И видимо, *ей прибавлялось сил*» (А. Толстой, Портрет, 160).

«О, как глубоко и радостно *вздохнулось Санину*, как только он очутился у себя в комнате» (Тургенев, Вешние воды, XX).

«Как там, должно быть, свежо под деревьями! — *подумалось ему*» (Тургенев, Дым, X).

«У богатых за друзьями *дела не станет*» (Батюшков, Гризельда, 253).

«Сбирайтеся толпой на пир, на праздник званый — Для всех *найдется места* там!» (Буренин, Веселая жизнь).

«Эти добродетели приложены там, где *их нужно*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 73).

«*Такой ловкости и цепкости*, какою обладает матрос вообще, а Фаддеев в особенности, *встретишь* разве в кошке» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 23).

«*Не забыть мне* никогда, Как она глядела!» (Кольцов, По-над Доном сад цветет).

«*Не нагнать тебе* бешеной тройки» (Некрасов, Тройка).

Утрата многих форм безличного предложения сказывается не только в языке образованной массы общества, но и в речи авторов, более чутких представителей группы хорошо говорящих. И у них иногда находим необычные формы личных предложений вместо общепринятых безличных оборотов.

«Гроснот возвратился в манеж, *будто ни в чем не бывал*» (Лажечников, Ледяной дом, гл. III, 68. Сравните: *как ни в чем не бывало*).

«За моею тележкою четверка быков тащила другую, *как ни в чем не бывала*, несмотря на то что она была доверху накладена» (Лермонтов, Бэла, 168).

«И, *будто ни в чем не бывал*, мигом возвратился домой» (Лажечников, Ледяной дом, гл. VI, 111. Обыкновенно: *будто ни в чем не бывало*).

«Эта самая записка очутилась в Телемахиде, между листами, вместо закладки, и дошла к кому *следовала*» (Лажечников, Ледяной дом, гл. VI, 142. Обыкновенно: *к кому следовало*).

«Сказал бы Василью Петровичу, что у меня *ломят* ноги» (Аксаков, Семейная хроника, 221. Обыкновенно: *у меня ломит ноги*).

«Я могу... пожалуй, стихи сочинять, коли *приспичит охота*» (Тургенев, Новь, 51; из письма Нежданова. Обыкновенно: *меня приспичило*. Сравните: «Эк *его приспичило!*» — Академический словарь).

«Но такое состояние не может длиться долго, — необходим исход, какой бы то ни *был*» (Кони, Судебные речи, 323. Обыкновенно: *какой бы ни было*).

Такую же борьбу личных и безличных оборотов и вытеснение последних первыми мы видим и в следующих парных выражениях: *брезжится* и *заря брезжит*, *вечереет* и *день вечереет*, *светает* и *день светает*, *рассвело* и *день рассветает.* Чисто русский язык, например народный, обыкновенно знает лишь первые, безличные употребления; вторые, личные, по-видимому, возникли в книжном языке. Для нашей речи они кажутся вполне естественными, потому что мы отчасти утратили чутье к смыслу и силе безличных оборотов.

«Чуть *брезжилось*, когда нас разбудили» (Аксаков).

«В следующую ночь *заря* чуть-чуть *брезжила*» (Тургенев, Новь).

«Через ставни слабо *брезжил* начинающийся *рассвет*» (Н. Гарин).

«*Вечереет.* По снежной, безбрежной равнине трусит пара запряженных гусем лошадок» (Чириков, Коля и Колька).

«*День вечерел.* Косая тень ложилась низко и широко» (И. Аксаков, Беглец).

«*Светает.* В поле тишина» (Лермонтов).

«Глядит — и *день светает*» (Крылов, Лиса).

«Ах, в самом деле *рассвело!*» (Грибоедов, Горе от ума).

«Мы тут в погоню. Уж *день рассветал*» (Никитин, Рассказ ямщика).

Конечно, с заменой безличных оборотов личными речь наша упрощается, но зато она и бледнеет, теряет тонкие оттенки выражения, которые не могут быть переданы личными оборотами. Далеко не равносильны выражения: *Мне вздохнулось радостно* и *Я вздохнул радостно*; *Мне вспомнилось* и *Я вспомнил*; *Мне этого не забыть* и *Я этого не забуду.* Безличное предложение обозначает в подобных случаях душевное состояние, мало зависящее от личной воли. Говорят: «И не спал бы, да *спится*», то есть и не хотел бы спать, да спишь невольно. Личные обороты всегда ука-

зывают на участие сознания и личной воли в действии. Хорошо сказать: «Он *хочет* нажить большие деньги покупкою и продажею имений»; но дурно: «Ему *хочется* нажить большие деньги покупкою и продажею имений». Обороты же вроде *как ни в чем не бывал* чувствуются нами как весьма нескладные.

Да и *день вечереет, день светает* неприятно русскому слуху. Мы легче примиряемся с удачным варваризмом, чем с натянутым выражением родного языка.

435. Писатели не избегают употребления неопределенного наклонения глаголов *видать* и *слыхать* в качестве сказуемого безличного предложения (впрочем, лишь с отрицанием), что нужно объяснять влиянием народного языка. Обороты такого рода без отрицания редки и отзываются простонародной речью.

«Велика вещь возить или пахать! Об удальстве твоем другого *не слыхать*» (Крылов, Собака и лошадь).

«Далее к небосклону, они [облака] сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже *не видать*» (Тургенев, Бежин луг, 176).

«Холмы все мельче и мельче, дерева почти *не видать*» (Тургенев, Лес и степь, 312).

«Зелени нигде *не видать*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», II, гл. 5).

«И шуток не слыхать: *видать*, что дело к спеху» (Чюмина, Сборщицы колосьев).

436. Иногда личный оборот вместо безличного получен из французского языка, как это видно из следующего примера: «“Я люблю лучше замок и экипажи” — галлицизм! По-русски говорится: *мне лучше нравятся*» (Белинский, VII, 264). Варваризмом является и личный оборот я *не имею* (средств, состояния и т.д.; нем. *Ich habe keine Mitteln* и т.д.). По-русски безлично: *у меня нет* (того-то).

§ 57. Согласование слов

437. При подлежащих, выраженных числительным количественным с родительным падежом существительного (*десять*

учеников), наречием количественным с тою же формою существительного (*много народу*), при существительных и вообще выражениях собирательных (*толпа, большая часть*) современный литературный язык ставит глагольное сказуемое в единственном числе. Чем больше времени тому назад, тем чаще встречаются старинные обороты со сказуемым во множественном числе. Но уже Пушкин при новом издании «Пиковой дамы» заменил в одном из таких оборотов множественное число единственным. Белинский отмечал такие случаи как неправильности языка. Фразу «Большая часть журналов наших сильно *заговорили* о добросовестности критики» Белинский поправляет на единственное число: *заговорила* (VII, 232). Употребление данных форм до настоящего времени зависит от влияния на язык писателей народной речи, в которой данный оборот слышится довольно часто. Поэтому писатели, предпочитая более литературные обороты с единственным числом, допускают случаи и со множественным. Например, у Тургенева обыкновенно подобно следующему: «Человек десять мужиков *стояло* около него» (Тургенев, Смерть, 104). Но встречается и со множественным числом. Замечательно, что в следующем месте Тургенев исправил первоначально стоявшее множественное число на единственное: «Пара только что проснувшихся белых гусей молча и медленно *перебираются* через дорогу» (Тургенев, Лес и степь, 302). (Так было в первом и во втором издании; потом находим: *перебирается.*)

438. Если при подлежащем стоит дополнение в творительном падеже, управляемое предлогом *с*, которое по смыслу тоже может быть подлежащим, то сказуемое ставится чаще во множественном числе, но может стоять и в единственном.

«За руки взявшись, *гуляли* Ундина с Бертальдой» (Жуковский, Ундина).

«С Пиладом мой Орест *грызутся*» (Крылов, Собачья дружба).

«Садовник с двумя помощниками *влезают* наверх» (Щедрин, Пошехонская старина, 38).

«*Жил* старик со своею старухой У самого синего моря» (Пушкин, Сказка о рыбаке и рыбке).

439. При нескольких подлежащих сказуемое слитного предложения, по логическому смыслу речи, должно бы стоять всегда во множественном числе, но оно очень часто встречается и в единственном. Последнее употребление является неотъемлемым свойством нашей речи и никак не должно считаться неправильным. Такой взгляд на недопустимость оборота с единственным имел, например, Чернышевский, как это видно из его примечаний к письмам Добролюбова: «Во всяком случае, ехать или не ехать мне на каникулы, это еще *решит* время и обстоятельства» (Добролюбов, Письмо 25 марта 1856 г.) (Примечание Чернышевского: «недосмотр, вместо *решат*».) «Со мной *живет* маленький брат и, временно, дядюшка, приехавший из Нижнего» (Добролюбов, Письмо к Турчанинову 26 апреля 1859 г.). (Примечание Чернышевского: «описка, вместо *живут*».)

«Любезная дочь! Твое счастье и мое утешение *погибло*!» (Карамзин, История Государства Российского, XI, 52).

«Мне *слышался* шорох и звук голосов» (Жуковский, Эолова арфа).

«В лесу ночной порою И дикий зверь, и лютый человек, И леший *бродит*» (Пушкин, Русалка, сцена III).

«На земле все битва; Но в тебе *живет* покой, Сила да молитва» (Огарев, Путник).

440. Некогда Писарев жестоко осмеивал одного автора, употребившего предложение, в основе которого стояла фраза: «Белинский *была* замечательная личность». Критик указывал на нелепость сочетания *Белинский была.* Но если бы автор употребил для слова *быть* форму мужского рода, его можно было бы упрекать за соединение *был личность.* Вообще у нас допускается согласование связки *был, была, было* как с подлежащим, так и со сказуемым-существительным.

I. «И эта буря, Грозившая природе разрушеньем, *Была* мне друг» (Жуковский, Орлеанская дева).

«Для старика *была* закон Ее младенческая воля» (Пушкин, Бахчисарайский фонтан).

«Это *было* для меня трудный подвиг» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 300).

II. «А Нерон всем *была* известная скотина» (Майков).

«Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, *была* береза, северная береза!» (Пушкин).

441. У авторов иногда встречаются явные случаи нарушения согласования слов, как, например: *счастливый дитя, дитя проснулся.* Подобные случаи объясняются согласованием по смыслу и не относятся к ошибкам против правил языка.

«*Проснулся* ты, мое *дитя*» (Жуковский).

«Беседуя с зверями, как *счастливый дитя*» (Батюшков, Мои пенаты).

«И под ясным небом В поле, на просторе, В цветах васильковых, *Положен дитя*» (Кольцов, Могила).

«С глубокой думою *стоял Дитя* Эдема, ангел мирный» (Лермонтов, Второй очерк Демона).

§ 58. Слитное предложение

442. При двух определениях, относящихся к одному существительному, последнее ставится и в единственном и во множественном числе: «Беру уроки *русского и немецкого языка*», «Беру уроки *русского и немецкого языков*»; «Он обманул *моего и твоего отца*» (здесь нехорошо сказать: *отцов*). Если существительное стоит впереди, то форма множественного числа употребительнее: «Знаю *языки латинский и греческий*». В других случаях этой форме нельзя отдать предпочтения. (Сравните дальше неосновательное мнение Даля.)

«Какую б радость твой почувствовал отец, Увидев на тебе и *свой и мой венец!*» (Ломоносов, Демофонт).

«Дам целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару, начиная *от Полицейского до Аничкина моста*» (Гоголь, Нос, изд. Маркса, 1900 г.; Сочинения, III, 13).

«Некоторые из них принадлежат равно *германскому и северному эпосу*» (Грановский, Песни Эдды, 484).

«Какова Академия, которая издает словарь — церковнославянский и русский, прибавляя к этому *языка*, а не *языков*» (Даль, Письмо к М.А. Максимовичу от 12 ноября 1848 г., «Русский филологический вестник», 1907, кн. 4, 558).

«...Среди волн на рубеже *Атлантического, Южнополярного и Индийского* морей» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 155).

«Когда солнце, излив огонь и блеск на крыши домов, протечет через *Аничков и Полицейский мосты*...» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 161).

«...Потеряли из виду *Столовую и Чортову горы*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 281. Вообще Гончаров в подобных случаях ставит существительное во множественном числе).

«Дибич посмотрел и *тот и другой документы*» (Гончаров, Превратность судьбы, гл. IV).

«То, что он не получит 5 баллов, относится только *к французскому и немецкому языкам*» (Чернышевский, Материалы для биографии Н.А. Добролюбова, 137).

«И по *Иртышу, и по Оби рекам* завоевал Ермак столько земли...» (Л. Толстой, Ермак).

443. Прилагательное или местоимение, относящееся к двум или нескольким существительным, обыкновенно имеет форму единственного числа. Относительно оборотов со множественным числом поучительно следующее указание: «В современной печати часто приходится встречать выражения вроде: “Я давно не видал *моих* брата и сестру”. Это не по-русски и режет ухо» (Овсянико-Куликовский. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1907. с. 29). Однако и множественное число иногда необходимо по смыслу речи: «Со мной ехали *богатые* купец и помещик»; «У меня есть *ленивые* ученик и ученица». Здесь форма единственного числа не определила бы второго слова. Сравните: «У соседа двое детей — *слепой* мальчик и девочка».

«Там ждет меня *своя* порфира и венец» (Ломоносов, Демофонт).

«Можно себе представить, каким громовым ударом разразилось это письмо над *моим* отцом и матерью» (Аксаков, Семейная хроника, 204).

«Кто заставляет, в *осенние* дождь и слякоть, таскаться с ружьем...» (Аксаков, Рассказы и воспоминания охотника, 10).

444. Стилистика не одобряет оборотов, в которых при одном дополнении соединяются между собою глаголы, требующие разных падежей, как, например:

«А все-таки *есть* или *нет циркуляра*?» («Биржевые ведомости», 18 мая 1908 г., № 10509. Следовало сказать: *есть циркуляр или нет циркуляра*).

«Единственное ее утешение — книги, *которых* она *не читает*, *а глотает*» («Биржевые ведомости», 14 ноября 1908 г., № 10811. Здесь слепое подчинение школьной грамматике приводит даже к неясности в смысле: *которых* прикрепляется к *не читает*, и это выражение на первый взгляд понимается буквально).

«Этот старый болтун осмеливается *ее сожалеть* и почти *протежировать*...» (Достоевский, Бесы, III, 67. Обыкновенно: *протежировать кому*).

«Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто *чувствуя и пугаясь приближения* дня» (Лермонтов, Максим Максимыч).

«— Вы заметили вчера, что меня здесь переделали, — прибавил он, и *ловя, и избегая* вопросительно устремленный на него *взор* Кати» (Тургенев, Отцы и дети, 264—265).

«*Было ль, не было ль сраженья?* Нет Додону донесения» (Пушкин, Сказка о золотом петушке).

445. Нельзя также соединять в одно слитное предложение глаголов тождественных по звукам, но неодинаковых по значению, как это делается в известной шуточной фразе: «На улице шли дождь и молодой человек». Поэтому не совсем правильно

следующее: «Какая *тень* и *аромат Плывут* над меркнущею степью» (Фет, Ты видишь — за спиной косцов...).

Неудобно также соединение союзами частей слитного предложения, одинаковых по форме, но различных по смыслу. Например, у Лермонтова в рукописи «Героя нашего времени» указывают: «Гостей не было, кроме *Веры и скуки*». В печатном тексте это место, однако, оказалось переделанным: «Гостей не было, кроме Веры и одного презабавного старичка» (см. изд. Академии наук, т. IV, 236 и 377). Неловко сказано и у Аксакова: «Когда мы весело возвращались с богатой добычей, милая сестрица выбежала ко мне навстречу *с радостным криком и с полоскательной чашкой* спелой ежевики, которую набрала она... по кустам мелкой уремы, растущей около живописной Кондурчи» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 402).

Еще более неудачны соединения союзами членов разной формы, как видим у Достоевского: «Она шла *с открытым видом и в великолепном костюме*» (Бесы, ч. III, гл. 2).

446. В сложных фразах, чтобы избежать двусмысленности, нужно так располагать слова, чтобы те, которые связываются союзом *и*, не были разделены другими, к которым этот союз тоже можно отнести, как это видим в следующем примере:

«Со всех концов России, из самых дальних ее участков стекались к нему [Некрасову] письма, стихотворения, телеграммы, выражавшие глубокое искреннее сочувствие к нему как к поэту народной скорби вместе с пожеланиями избавления от болезни и долголетней жизни» (Полное собрание стихотворений Н.А. Некрасова, т. I, СПб., 1902 г., Биографический очерк, 25—26. Здесь выходит: *избавления от... долголетней жизни*).

§ 59. Родительный падеж

447. Родительный падеж для обозначения времени выходит у нас из употребления, хотя он нередко встречается у писателей. *Сегодня* чувствуется нами не как падежная форма, а как наречие.

«И *той* же *ночи* в подземелье Зарыл мешок — и с ним свое веселье» (Крылов, Откупщик и сапожник).

«Я получил ее [поэму] не далее как *прошлого года*, в собственноручном, весьма недавнем списке, от самого Степана Трофимовича...» (Достоевский, Бесы, I, 5).

«Он, Мотька, *сего утра* лазил на остатки галереи» (Гончаров, Обломов, 214).

«Долли вспомнила, как убирали они вместе *прошлого года* эту комнатку» (Л. Толстой, Анна Каренина, 159).

§ 60. Дательный падеж

448. Дательный самостоятельный падеж рекомендовался Ломоносовым и допускался Востоковым для книжного языка. Хотя Ломоносов и признавал, что этот оборот не живет в русском языке, но находил, что русскому слуху не чужды такие выражения, как: «*Ходящему мне в пустыне*, показался зверь ужасный»; «*Бывшему мне на море*, восстала сильная буря». Писатели XVIII в. и даже Жуковский употребляли такие обороты, но они совершенно не привились к литературному языку.

«А я *идущему ему со мною* много раз повторял» (Прево д'Экзиль, Приключения маркиза Г., 35).

«*Нисшедшим облакам*, Богиня в них воссела» (Державин), Описание Потемкинского праздника).

«Вдруг с волной упадет [судно] и, *кругом взгроможденному морю*, Видит как будто из адския бездны далекое небо» (Жуковский, Цеикс и Гальциона).

449. Дательный определительный встречается преимущественно в языке старом и книжном.

«Великое светило *миру*» (Ломоносов).

«Поди отсель, уведомь короля О том, *чему* ты зритель был избранный» (Жуковский, Королева Урака).

«Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, *чему* свидетель в жизни будешь» (Пушкин, Борис Годунов).

450. Дательный в народном обороте *знать грамоте* не обязателен для литературной речи, и потому у писателей в отрицательном обороте с этим глаголом допускается и родительный (вместо винительного).

«Славяне, еще не зная *грамоты*, имели некоторые сведения в арифметике, в хронологии» (Карамзин, История Государства Российского, 71).

«Бывало, храбрый генерал Служил и *грамоты* не знал» (Пушкин, Отрывки из Онегина, «Современник», 1838, т. XII, 80. В издании Морозова: «*грамоте* не знал», III, 285).

§ 61. Винительный падеж

451. Винительный падеж при отрицании сохраняется, по Буслаеву, в особенности в тех случаях, когда при существительном есть определение. Указание Буслаева, однако, нельзя признать очень твердым, так как у авторов найдется очень большое число примеров, противоречащих его положению. Часто употребляется и винительный без определения и родительный с определением.

Пушкин отстаивал винительный падеж при составном глагольном сказуемом. По поводу замечаний критики он писал: «Стих *Два века ссорить не хочу* критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол с отрицательною частицею требует не винительного, а родительного падежа; например: я *не пишу стихов.* Но в моем стихе глагол *ссорить* управляет не частицею *не*, а глаголом *хочу.* Ergo, правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: “Я не могу вам позволить начать писать *стихи*”, а уж, конечно, не *стихов.* Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю» («Критические заметки», 127).

«Какой ужасный шум! Нельзя *ничто* понять» (Батюшков, Послание к Хлое. Теперь только: *ничего*).

«Так как никто не мог заменить *Наталью*, она была возвращена в двор» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 62).

«Не мог подставить *те слова...*» (Л. Толстой). «Она не могла любить *эту девочку*» (Л. Толстой).

«...Не желая навязывать *свое мнение* другим» (Тургенев).

«Не могу не сказать *несколько слов* об охоте» (Тургенев, Лес и степь, 301).

«И она не могла выговорить *этот вопрос*» (Л. Толстой, Анна Каренина, 152). Сравните у него же обороты с родительным: «*Спора* не может существовать»; «Не мог докончить своей *картины*»; «*Того и другого* нельзя иметь»; «Он не в силах удерживать своей *досады*»; «Чтобы не нужно было поворачивать *головы*».

Но у писателей очень часто встречается винительный вместо родительного при действительных глаголах с отрицанием и без этих условий. Особенно оговорим такие случаи, в которых винительный падеж употребляется как более сильно, решительно выражающий мысль.

«Близь ложа там во мраке ночи Сидел он, не смыкая *очи*» (Пушкин, Полтава, II).

«Не пригревай *змею* в груди» (Некрасов, Когда из мрака заблужденья. Впоследствии Некрасов — без нужды и неудачно — исправил: *змеи*).

«Он никому не шлет *укор*» (А. Толстой, Пусть тот, чья честь не без укора).

«А *радость* жизни не найду опять» (Буренин, Испытание жен, XIV).

«Не брошу я тебе, как вызов, *Имена* любимых, дорогих» (Allegro, Одиночество).

«Во сне я искал и не находил *то, что* мне было нужно» (Короленко, История современника, 169).

«Он не обратил на это *внимание*» (Андреев, Тьма, 225).

В общем, по-видимому, во многих случаях нельзя точно определить условий, когда при отрицании ставится родительный и когда винительный падеж. Существующее в школьных

грамматиках правило ставить всегда при отрицании родительный падеж вместо винительного не имеет под собой твердого основания. Таким основанием могло бы быть только сознание чисто говорящих по-русски или, по крайней мере, частное выражение этого сознания — последовательное употребление данных форм хотя некоторыми авторами. Ни того ни другого у нас нет, и, следовательно, нужно признать, что каждый из нас в затруднительных случаях, более или менее свободно, может употреблять формы, которые ему более свойственны, не руководствуясь навязываемым языку неосновательным правилом.

«Жалею, что ты со мною вместе не видал *великолепную цепь* этих гор» (Пушкин).

«Не стану описывать *оренбургскую осаду*» (Пушкин).

«Отец, отец! Оставь угрозы! *Свою Тамару* не брани» (Лермонтов, Демон).

«Не видят *блеск ее* враги И беззащитно умирают» (Лермонтов, Измаил-Бей).

«Не сгладит время их *глубокий след*» (Лермонтов, Измаил-Бей).

«Не встретить мне *подобное созданье*» (Лермонтов, Измаил-Бей).

«*Журнал* я *этот* не люблю» (Тургенев).

«Не любил *этот новый дух*» (Л. Толстой).

«Я не отвергаю *преступную жену*» (Л. Толстой). «Он не отвергнул тогда с презрением *эти сто рублей...*» (Достоевский, Бесы, I, 37).

«Увы! судьба жестокая *отраду последнюю* поэту не дала» (Буренин, Байрон).

«Отец все-таки не дослужил *несколько месяцев*» (Короленко, История современника, 348).

452. Здесь нужно отличать случаи, где отрицание относится только к обстоятельству и не должно иметь влияния на управление. Говорим: «Я сегодня видел сестру»; «Я *не сегодня* видел сестру, а вчера» (здесь нельзя сказать: *сестры*). Поэтому ошибочны следующие словоупотребления: «К тому потребно бо-

гатство и покровительство, *чего* не всякий имеет» (Фонвизин, Торгующее дворянство, 622). «Не очень понимая *значения* этого слова...» (Пушкин, Современник, т. IV, 43. Здесь *не* относится только к *очень*, составляя с ним одно понятие «мало»). «*Этого* не все знают» (Аксаков, Разные сочинения, М., 1858, 402. Критический разбор «Юрия Милославского»).

453. Винительный падеж времени, определяющего действие и движение, теперь употребляется редко. Обыкновенно сохраняем его только при *тотчас, сейчас*: *прочитаю тотчас, придет сейчас, возвращусь сию минуту*, но: *выехал в тот же день, отправился в ту же ночь*, однако: *каждое утро читает газету* (винительный с определением) и *утром читаю газету* (без определения — творительный).

«Ежели я это в ней женяся примечу, то *ту же минуту* разведусь с нею» (Фонвизин, Бригадир, 22).

«Она выехала *тот же* день в К.» (Аксаков, Семейная хроника, 204).

«*Раннее утро* всякий занимался чем-нибудь в своей комнате» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 368).

§ 62. Творительный падеж

454. Редки в русском языке некоторые старые формы творительного для обозначения времени, например: (сделать что-нибудь) *одним годом, добрым часом, сими днями.* Обыкновенно мы употребляем в подобных случаях оборот с предлогами *в* (винительный падеж) и *на* (предложный): *в один год, в добрый час, на этих днях* (= недавно).

«Архангельский город деревянный *одним годом* поставили» (Карамзин).

«Поди-ка, сын мой, *добрым часом*» (Дмитриев).

«И с обществами та ж судьба (сказать меж нами), Что с деревянными домами. — Как? — Так же: я вот свой достроил *сими днями*» (Крылов, Вельможа и философ).

455. Замечателен устарелый творительный в выражении *сам собою*, который прежде употреблялся и без *сам.*

«Долго жив в обществе, он многое знал от других: много подметил и *сам собою*» (кн. Вяземский, Грибоедовская Москва, 380).

«Он [Аракчеев] пробил себе дорогу *сам собою*» (кн. Вяземский, По поводу записок гр. Зенфта, 458).

«*Собою* ответу не учинила б никакого» (Котошихин, 57).

«Когда не веришь мне, то испытай *собою*» (Крылов, Пловец и море).

456. Творительный падеж употребляется иногда также и при тех страдательных причастиях, которые составлены из глаголов непереходных (сравните пункт 376).

«Недоставало шуму и суетливости барского, *обитаемого господами* деревенского дома» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 167).

§ 63. Имена при числительных *ДВА*, *ОБА* и др.

457. В старинном языке при числительных *оба* и *два* допускалось существительное в именительном падеже множественного числа, что отчасти сохранялось у позднейших писателей и, как редкость, дошло и до нашего времени.

«При сих словах *оба кесари* не могли от слез удержаться» (Ломоносов, Краткое руководство к красноречию, § 100).

«*Оба сии стихотворцы* преподавали правила других стихосложений» (Радищев, Путешествие..., 195).

«Рассказала ему об участии, которое *оба странники* так сильно возбуждали к себе» (Лажечников, Последний Новик, 167).

«Оба *гости*» (Аксаков, Встреча с мартинистами, Собр. соч., III, М., 1902, 140).

«*Оба соседи* пошли искать правды на Судому» (Буслаев).

«*Оба* эти бывшие *члены* Думы... преданы за это суду» («Русские ведомости», 2 марта 1913 г.).

«*Два* сии великие *мужи* [ле Брюн и Луллий] употребляли краски и тоны для вселения чувствия» (Фонвизин, Г-на Ярта рассуждение, 286).

«Где за *два рубли* в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами» (Гоголь, Мертвые души, 5. У Гоголя такое простонародное сочетание не редко).

458. Имена прилагательные, причастия и одинаково склоняющиеся с ними числительные и местоимения, будучи поставлены при существительных, зависящих от числительных *два* (*две*), *три, четыре, оба*, принимают форму именительного или родительного падежа множественного числа. Допуская обороты *два молодые человека* и *два молодых человека*, авторы отдают на практике заметное предпочтение первому из них. Преобладание именительного мы можем указать у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Салтыкова, Л. Толстого и др.

«Два голубя как два *родные* брата, жили» (Крылов, Два голубя).

«Три *взрослых* юноши соседних рассуждали» (Крылов, Старик и трое молодых).

«И тихо предо мной Встают два призрака *младые,* Две тени *милые* — два *данные* судьбой Мне ангела во дни былые!» (Пушкин, Воспоминание).

«На дворе, у низкого забора, Два *бедных* деревца стоят в отраду взора» (Пушкин, Шалость).

«Только два *русские* мужика... сделали кое-какие замечания» (Гоголь, Мертвые души, изд. 1846 г., 3—4).

«В дверях стояли два *дюжих крепостных* дурака» (там же, 159). «Оба *молодые* человека вышли» (Тургенев, Отцы и дети, 25).

«Оба *молодых* человека уехали тотчас после ужина» (там же, 112).

«Задала ему две *знатные и звонкие* пощечины» (Достоевский, Братья Карамазовы).

«В нашей русской жизни, в два или три *последние* поколения, таких или однородных с ним фактов происходило не мало» (Достоевский, Братья Карамазовы).

«На стенах висели два *больших, тусклых масляных* портрета» (Достоевский, Бесы, I, 157).

«Оба *проведенные* мною лета были в этом смысле очень неудовлетворительны» (Щедрин, Убежище Монрепо, 40).

«Вблизи от нашей усадьбы было устроено два *стеклянных* завода» (Щедрин, Пошехонская старина, 6—7).

«И *быстрые* две тени В объятьи радостном слились» (Голенищев-Кутузов, Отрывок неоконченной поэмы).

«Туда, где в блеске красоты Слились, как *вечных* две мечты, Прохлада волн с небесным зноем» (Голенищев-Кутузов, На берегу, VII).

«Два *свирепых* пса бросились на Женю» (Сологуб, Они были дети, 26).

«Из толпы словно вынырнули два очень *бледные* студента с ношею» (Сологуб, В толпе, 140).

«...Два *высокие восьмистекольные* окна» (Андреев, Жизнь человека, 135).

«Бровями, расходящимися от переносья, как два *смелых* крыла» (Андреев, Жизнь человека, 142).

Своеобразны формы согласования при словах, составленных из *пол-* и родительного падежа существительных: *полгода, полчаса, полпуда, полфунта, полверсты, полсажени, полсотни* и т.п. Именно в именительном и винительном падеже единственного числа определение принимает при них форму множественного числа: *минувшие полгода, через каждые полчаса, неполные полпуда, эти полфунта, целые полверсты* и т.д. Вместо именительного падежа множественного числа прилагательное может стоять и в родительном того же числа: *ждал целых полчаса, тут неполных полпуда и т.п.* При других падежах определение согласуется с именем по общему правилу: *от каждого получаса, к прошлому полугоду, в неполном полупуде, из этих полуфунтов* и пр. Сказуемое может стоять при

этих словах в единственном и во множественном числе: «Полгода *пролетело* (или *пролетели*) незаметно»; «Полверсты *было пройдено* (или *были пройдены*) в пять минут» и т.п. Но при определении возможно только множественное число сказуемого: «Полчаса, проведенные в его приемной, порядочно *раздосадовали* меня»; «Эти полсотни казаков быстро *прибыли* на помощь».

§ 64. Управление глаголов и имен

459. Следует обратить внимание на управление некоторых слов, допускающих различные сочетания с падежами и предлогами и затрудняющих на практике. Укажем ряд глаголов, имен существительных и прилагательных.

Некоторые глаголы, означающие движение, допускают двоякое дополнение — с винительным и творительным падежом: *бросил в него камень* и *камнем*, *брызгать воду* и *водою* (чаще), *вертеть палку в руке* и *вертеть палкою*, *поверни голову сюда* и *головою*, *двигает сердца* и *двигает сердцами*, *качаю ветку березы* и *качаю веткой*, *кинул в него комок грязи* и *кинул комком грязи*, *сыплет деньги без счету* и *сыплет деньгами*, *лошадь трясла голову* и *трясла головою* (чаще), *потрясать государство* и *потрясать государством*, *ветер шевелит листья дерева* и *листьями дерева.*

460. Глаголы *завтракать, закусывать*, *обедать*, *ужинать* обыкновенно употребляются без дополнения, но иногда встречаются с творительным падежом: «Закусим, пообедаем *чем* бог послал». *Закусывать* чаще встречается с родительным, иногда — с винительным.

«Позавтракавши *яйцами* вкрутую, *кильками* и *окрошкой*... Нежданов сел в тот же самый тарантас» (Тургенев, Новь, 67).

«Пьер поужинал *похлебкою* из ржаной муки с лошадиным мясом» (Л. Толстой, Война и мир, V, 307).

«Вечером ужинают *кашей*, оставшеюся от обеда» (Чехов, Палата № 6, 26).

«Вы... на другой день только закусили *семги*» (Гоголь, Ревизор).

«Закусили сначала *балычка* да *икорки*» (Лесков, Грабеж).

«Князь Андрей увидал Несвицкого и еще другого адъютанта, закусывавших *что-то*» (Л. Толстой, Война и мир).

461. При глаголах *горевать, печалиться, скорбеть, скучать, тужить, тосковать, вопить, выть, плакать, реветь, сетовать, носить траур, служить панихиду* и под. употребляется обыкновенно дополнение с вопросом *по ком: горюет по покойном брате, скучает по родном городе, плачет по умершем ребенке, служит панихиду по родителях* и т.д. (*по* с предложным падежом).

Обороты с дательным встречаются, но редко (*скорбят по погибшим братьям* и под.).

462. *Внимать* иногда имеет дополнение по вопросам *кого, что* и также употребляется *внимать кому, чему* (последнее чаще). *Дарить кому что* (современное употребление); *дарить кого чем* (старинное). *Жаловаться на что*; редко: *о чем. Ждать чего* (общепринятое употребление) и *ждать что* (худшее употребление, но нередко встречающееся). *Желать чего*; редко: *что. Жертвовать что*: *жертвовать вещи, деньги; жертвовать чем*: *жертвовал своим спокойствием, временем.* Вообще, винительный — при материальном значении, творительный — при отвлеченном. Смешение встречается редко. *Заслуживать чего* (в смысле: быть достойным, теперь общепринятое употребление) и *заслуживать что* (устарелое). *Заискивать в комнибудь* (всего чаще), *перед кем-нибудь*, *у кого-нибудь. Заложить* (в смысле «запрячь») *кого* (то есть какую лошадь) *во что* (в какой экипаж). *Искать чего и что*: *ищу платка* и *ищу платок, ищу воды* и *ищу воду* (родительный обыкновенно означает цель временную, винительный — постоянную). *Касаться чего* и *до чего* (общепринятое употребление); *касаться, коснуться чему* и *к чему* (устарелое словоупотребление). *Красить, выкрасить чем* (общепринятое употребление) и *во что* (более редкое и худшее употребление). *Красться, вкрасться во что* и *к кому*.

По-русски при глаголах, имеющих значение *лежать,* обыкновенно говорят и пишут: *лежит на кровати, на постели, лег на кровать, на постель.* Но когда говорят о больном, то предпочитают обороты: *лежит в кровати, в постели, лег в кровать, в постель.* Однако различия эти не обязательны, и авторы допускают смешение двух данных оборотов, то есть 1) употребляют оборот *лежит на постели*, говоря о больном; 2) говорят *лежит в постели, в кровати, лег в постель, лег в кровать* о здоровом («Лаврецкому не захотелось *лечь* в теткиной *кровати*» — Тургенев, Дворянское гнездо, 120); 3) иногда писатели, ради стилистического разнообразия, употребляют рядом оба оборота — с предлогом *в* и *на*: «Он лежал *в креслах, на которые* перенес его Владимир; правая рука его висела до полу, голова спущена была на грудь» (Пушкин, Дубровский). «Я подошел к другой кровати... разделся и лег *в* сырые *простыни.* Мой сосед *заворочался на* своей *постели*» (Тургенев, Гамлет Шигровского уезда).

Льстить теперь употребляем с дополнением по вопросам *кому, чему*; в старом языке знаем: *льстить кого, что.* Отсюда употребляемое в письмах выражение *льщу себя надеждой. Надеяться на что*; старинное *надеяться чего* изредка встречается и у новейших писателей. *Обвенчать, перевенчать, повенчать кого с кем* и *на ком*; *обвенчаться, перевенчаться, повенчаться с кем* и *на ком. Обижаться на что, обижаться чем* и *чему* (редко). *Опираться на что* и *на чем* (реже). *Отнимать у кого* и *от кого* (реже). *Относиться к кому* и *до кого* (устарелое). *Ошибиться* обыкновенно без дополнения, но иногда с творительным падежом: *ошибся дверью. Править кем, чем;* старинное: *кого, что. Перевалить* (перейти) *за что* и *что* (реже). *Писать кому* и *к кому. Плакаться на что* и *о чем* (реже). *Погрузиться во что* и *погрузиться в чем. Помнить, вспомнить кого, что* и *о ком, о чем: помни меня, помни обо мне, вспомни своего отца, вспомни о своем отце. Представлять собою, изображать собою* (новое книжное выражение); в современной печати нередко употребляется еще худший оборот: *представлять из себя, изображать из себя. Предупреждать о чем* и *в чем* (реже). *Презирать, пре-*

зреть кого, что и *кем* (старинное). *Пренебрегать кем, чем* и *пренебрегать кого, что* (реже). *Принадлежать* (быть собственностью) *кому, принадлежать* (быть членом) *к чему*; старинные употребления: *принадлежать чему* (быть членом), *принадлежать до чего* (относиться). *Приютиться у чего, к чему, под чем* и *в чем. Промышлять что* (добывать, вырабатывать), *промышлять чем* (торговать, заниматься), *промышлять о ком, о чем* (заботиться). *Проникнуть что* и *во что. Простить кого в чем* и *кому что. Прятаться, спрятаться во что* и *в чем, за что* и *за чем. Радоваться чему, на что*; реже: *радоваться чем* и *о чем. Раздражаться чем, на что* и *от чего. Сватать, сосватать, просватать кого за кого;* реже: *кого на ком. Свататься, посвататься, присвататься к кому, за кого* и *на ком* (реже). *Слыть, считать за кого* и *кем*: *слыл за скрягу, слыл скрягой; считали за чудака, считали чудаком. Следить за кем, за чем* и старинное: *следить кого, что. Смеяться, засмеяться*, *посмеяться над кем, над чем* (общепринятое употребление); у авторов нередко встречается устарелое для нас сочетание: *смеяться кому, чему*; очень редко находим: *смеяться о чем. Содержать на что* («содержать большую семью на свое маленькое жалованье») и *содержать чем* (реже). *Состоять из чего* (составляться) и *состоять в чем* (заключаться): «Ужин *состоял* из молока и каши»; «Не думай, что счастье *состоит* в деньгах». *Спорить о чем* и *спорить в чем* (устарелое); *спорить* (ссориться) *из-за чего* и *спорить за что*: «При дележе *заспорили из-за* денег»; «При дележе мужики *спорили за* сено» (народное словоупотребление). *Сравнить что с чем* и *сравнить что и что* (сравнивая то и другое). *Стрелять, выстрелить в кого*; реже: *по кому, по чему* (народное словоупотребление). *Стесняться кого, чего* (общепринятое употребление) и *стесняться кем, чем* (старинное и народное). *Требовать чего*, реже: *требовать что. Ударить чем обо что* (но: «Он для меня *палец о палец* не *ударит*»). *Удовлетворить кому, чему* и *кого, что. Удостоить чего* и *чем. Ужаснулся чего* (общепринятое употребление); изредка встречается: *ужаснулся чему* и *чем. Улыбаться кому, чему* и *на что*. *Хотеть чего*; иногда встреча-

ется с винительным, но только в выражении: *что хочешь, что хотите* и пр. *Хохотать,* как и *смеяться,* обыкновенно имеет дополнение по вопросу *над кем*; изредка встречаем *хохотать чему.*

463. При именах *родство, родственник* и др., означающих родство кровное, брачное и племенное, для обозначения, через кого утверждается родственная связь, употребляют предлог *по* с дательным падежом: *родственник по мужу*; *она по отцу Андреева*; *он по отцу латыш.* Однако обороты с предложным падежом тоже встречаются сравнительно нередко.

«Родство вообще бывает: кровное (родовое), *по общему родоначальнику*; свойство (сватовство), *по брачным союзам*; духовное...» (Даль).

«Штольц был немец только вполовину, *по отцу...*» (Гончаров, Обломов, II, 3).

Ведомость имеет теперь после себя предложный падеж с *о*: *ведомость о родившихся* (Академический словарь); *месячная ведомость о приходе, расходе и наличности денег* (там же); прежде часто употреблялся оборот с родительным: «Именная *ведомость небытчиков*» (Даль. То есть список не бывших где-либо или при чем-либо).

Слова *роспись, реестр* и *список* теперь обыкновенно соединяют с родительным падежом: *роспись приданого, список учеников*; прежде преобладали сочетания с дательным падежом, которые в канцелярском языке изредка встречаются и теперь.

Роспись книгам, приданому (Академический словарь).

«Всякий имел *список убитым и раненым*» (Пушкин, Рославлев).

«Именной *список служащим*» (Даль).

«Она вела подробно, с математическою точностию, *реестр годам* своих подруг» (Лажечников, Последний Новик, 222).

464. *В направлении, по направлению* обыкновенно ставим в сочетании с формою *к чему*, но встречаем иногда и с родительным без предлога.

«А они обыкновенно под вечер исчезали именно *в направлении к часовне*» (Короленко, В дурном обществе, 32).

«Он... пошел прочь, *по направлению к городу*» (Горький, Челкаш, 106).

«Свернули в сторону, *по направлению к* заброшенным кирпичным *сараям*» (Чириков. Лунная ночь, 253—254).

«Пошел по желтому и сырому песку *в направлении ключа*, известного во всем околотке под названием “Малиновой воды”» (Тургенев, Малиновая вода, 58. Здесь родительный падеж не совсем на месте, так как можно подумать, что автор шел рядом с ключом, параллельно ему).

«Цербер, издав громкий, торопливый лай *в направлении конского топота*, последовал за мною» (Короленко, Соколинец, 336).

«Ольга слушала голоса весенней ночи и смотрела *по направлению города*» (Чириков, Именинница, 210).

«— Сам ты, друг, и орешь! — сказал он *по направлению криков*» (Горький, Челкаш, 87).

Сочетания *в отношении, по отношению* обыкновенно имеют дополнение по вопросу *к чему*, но также допускают иногда сочетание с родительным падежом без предлога.

«*В отношении к подданным* он удивительно снисходителен, приветлив» (Карамзин, История Государства Российского, IX, 7).

«[Уважение], какое он обнаруживал *в отношении к Якову...*» (Короленко, В подследственном отделении, 219).

«Я... боялся, не разделяет ли моих чувств *по отношению к железной дороге* и мой новый знакомый» (Чириков, Лошадка, 262).

«Наталью Ивановну интересовали теперь, *по отношению брата*, два вопроса...» (Л. Толстой, Воскресение, 428).

«И я плакал от досады и несправедливости, которую большие допустили *по отношению меня*, маленького человека» (Чириков, Лошадка, 266).

465. Обыкновенно употребляем *виноват* (виновен) *чем* и *в чем*; у Толстого встречаем *виноват за то*, у Пушкина и других есть *виновен чему* (устарелое).

Мы употребляем *глух, туг* (в смысле «не склонен») *к чему* и *на что*: *глух на просьбы* и *к просьбам*, *туг к пониманию* и *на понимание.* Обороты с дательным лучше.

Полный употребляется и с родительным, и с творительным падежом: *амбары полны хлеба* и *хлебом.*

Справедлив к кому и *с кем:* «Будьте *к ней справедливы*»; «Начальник *со мной несправедлив*».

Чуждый употребляется с родительным и дательным падежом.

«Я *чужд ее* остался» (А. Толстой, Дон-Жуан, 102).

«Ложь, *чуждая* ее *природе,* сделалась не только проста и естественна в обществе...» (Л. Толстой, Анна Каренина, 378).

§ 65. Предлоги

466. *Благодаря* как предлог требует теперь дательного падежа, как деепричастие — винительного: «*Благодаря заботливой хозяйке* мы провели время в гостях очень хорошо». *Благодаря кому, чему* — прививший галлицизм (*grâce à*) или германизм (*dank dem*). «*Благодаря заботливую хозяйку*, мать просила ее посетить нас этим летом в деревне». В более старом языке и в первом случае употреблялся винительный падеж.

«*Благодаря нашим досужим грамотеям,* спряжения наших глаголов походят доселе на темный лес» (Белинский, II, 36).

«*Благодаря и людям, и судьбе*, Ты тайным радостям узнала цену» (Тютчев, Ты любишь).

«Труды мои, *благодаря начальство*, имеют цель более важную и полезную» (Пушкин).

«Теперь, *благодаря г. Зотова,* мы знаем...» (Белинский, IV, 381).

«Теперь, *благодаря г. Бранта*, мы узнали ее» (Белинский, VIII, 439).

«*Благодаря судьбу,* мы дожили наконец до тех лет...» (Переводы Карамзина, I, 134).

«Ей теперь, *благодаря бога,* лучше...» (Аксаков, Семейная хроника, 59).

467. *Вопреки* теперь обыкновенно ставится с дательным падежом, но изредка допускается и старое употребление с родительным падежом.

«[С прислугою], *вопреки* тогдашним *обычаям*, не входила она в короткие сношения» (Аксаков, Семейная хроника, 70).

«[Ехали] к баронессе Зегевольд ко дню рождения ее дочери Луизы, с которою... *вопреки неравенства* состояний их, соединили ее узами дружбы нежные, благородные чувствования» (Лажечников, Последний Новик, 96).

«Профессора, *вопреки* ныне действующих *правил* для прохождения учебного курса, весьма снисходительно относятся к выполнению этих работ вне стен института» («Новое время», 25 декабря 1911 г.).

468. *В* изредка употребляется вместо *с* при определении величины, преимущественно в разговорном и народном языке: *в палец толщиною, в кулак величиною* и под.

«А рука-то *в ведро* величиною» (Гоголь, Женитьба, д. I, явл. 12).

«Около колена была *в* кулак большая шишка» (Л. Толстой, Холстомер).

«Иногда фигуры эти большие, *в руку*» (Л. Толстой, Кристаллы).

В значениях времени и места мы употребляем обороты из предлога *в* с винительным падежом, равносильные оборотам без предлога.

«Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни *в зиму,* ни *в лето*...» (Гоголь, Мертвые души, 428).

«Дама вспорхнула *в тот же час...* в стоявшую у подъезда коляску» (там же, 339).

«П. А. З. пел *во всю дорогу*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 282).

В подобных случаях мы также говорим: «не отворялись *ни зиму, ни лето*» (или: *ни зимой, ни летом*), «*тот же час* сел в коляску», «пел *всю дорогу*» и т.д.

Также в означении величины при словах *весом, ценою, ростом, длиною* мы употребляем предлог *в* с винительным падежом или один винительный падеж без предлога: *камень весом в пуд, шуба ценою во сто рублей; камень весом три пуда, лошадь ценою двести рублей; ростом в два аршина* и *ростом два аршина; длиной в полторы сажени* и *длиной полторы сажени.*

В сочетаниях *в течении, в продолжении* предложный падеж следует считать вполне правильным. Сравните выражения *в ночи, в непродолжительном времени:* «Нашептал мне нечистый *в ночи* Неразумных и буйных речей...» (Некрасов, Вино). «Россия должна была быть облагодетельствована *в самом непродолжительном времени*» (Гаршин, Надежда Николаевна, XVII). Правописание Грота, допускающее здесь только винительный падеж, вошло в крайность, отвергая совершенно законную форму русского языка.

«Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов *в продолжении* своего повествования» (Пушкин, Станционный смотритель, изд. 1834 г., 112).

«*В течении* двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям» (там же, 93).

«*В течении* разговора он упомянул о своей покойной жене» (Тургенев, Мой сосед Радилов, 104).

«*В течении* вечера она несколько раз без шума выходила...» (Тургенев, Однодворец Овсяников, 136).

«Я стал припоминать, как и куда ходил *в течении* дня» (Тургенев, Бежин луг, 179).

469. Также употребляем с предложным падежом такие сочетания, как *в расстоянии, на расстоянии, на протяжении* (по вопросам *где, как далеко*): «живет *в расстоянии* одного переезда»; «тащили *на расстоянии* нескольких сажен»; «поставили изгородь *на протяжении* всего оврага». Сравните: *в близком,*

далеком расстоянии, на всем расстоянии, протяжении. Конечно, возможны обороты и с винительным: «обратите внимание *на расстояние*». Обороты эти не должно смешивать.

470. *За* иногда употребляется в значении *в*: *за ту же ночь, за весь вечер, за наказание* и т.п. Обыкновенно мы говорим: *в ту же ночь, во весь вечер, в наказание* и т.д.

«*За ту же ночь* приехал я в Симбирск» (Пушкин, Капитанская дочка).

«*За все предварительное следствие...* ни разу не спросили ее об этих ссадинах» (Андреевский, Защитительные речи, 201).

«Дедушка принял ее желание за неблагодарность, прогневался и сослал бедную Наталью *за наказание* на скотный двор в степную деревню» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 61).

За в разговорном языке, а изредка и у авторов имеет значение *из-за*: *спорить* и под. *за что* вместо *из-за чего.*

«Когда же он узнал, *за что* сраженье было...» (Майков, Басни, № 39).

«Заводят шум они *за деньги, за товар*» (Крылов, Раздел).

«Больная, вышед за ворота, схватывалась с соседкой *за какую-нибудь репу*» (Гоголь, Мертвые души.)

За в значении *с* употребляется в выражениях *письмо, грамота за печатью*: «Письмо из Петербурга *за* черною *печатью* не обещало ничего доброго» (Кудрявцев, Антонина, 41).

За в языке старинном и книжном употребляется для обозначения причины, вместо *вследствие.*

«*За древностию лет* К свободной жизни их вражда непримирима» (Грибоедов, Горе от ума).

«Да, я не взрыл, *за недосугом*» (Крылов, Огородник и философ).

«Замолк, *за давностью*, слух о том, как Тит Никоныч в молодости приехал в город, влюбился в Татьяну Марковну» (Гончаров, Обрыв).

«Маленькая темно-зеленая книжка, купленная им когда-то на всероссийской выставке *за* курьезную *дешевизну*, лежала в уголку» (Гаршин, Ночь, VI).

471. *Из* с родительным падежом в народном языке употребляется вместо творительного описательного: *красив из себя, смугл из лица* и под. В литературном языке обыкновенно: *красив собою, смугл лицом* и т.д. Авторы, однако, иногда пользуются и народными оборотами.

«Он был очень толст и высок ростом, *из лица смугл* и безбород, картавил и казался сонливым» (Тургенев, Дворянское гнездо, 46).

«Старшая дочь их... необыкновенно *миловидная из себя*, играла очень хорошо на фортепьяно» (Писемский, В водовороте, 24).

В современной печати иногда встречается неправильное употребление предлога *из-за* вместо *из.* Таково, например, сочетание *убийство из-за ревности*; следует при обозначении причины говорить и писать: *убийство из ревности, голодание из жадности, помощь из милости* и т.п.

«В фабричном центре Орехове-Зуеве в течение одной недели совершено два убийства мужьями своих жен *из-за ревности*» («Речь», 2 августа, 1907 г., № 180).

Однако в некоторых выражениях предлоги *из* и *из-за* так близки между собою, что совершенно смешались в литературном языке; говорят: *поссориться из безделицы* и *из-за безделицы*, *работать из выгоды* и *из-за выгоды* и др. Поэтому на следующие примеры нужно смотреть как на равноправные разновидности сходных выражений.

«*Из безделицы* поднял шум» (Востоков).

«Такие книги пишутся только *из денег*» (кн. Вяземский, IX, 42).

«Придирался ко мне *из пустяков*» (Аксаков, Семейная хроника, 194).

«Грешно и нерассудительно не соглашаться *из пустяков*» (Тургенев, Однодворец Овсяников, 131. Речь Овсяникова).

«*Из-за безделицы* поссорились» (Востоков).

В современном языке мы нередко встречаем выражение: *черты из жизни, черты деятельности* и т.п. В старое время неко-

торые стилисты считали первый оборот, с предлогом *из*, неправильным (сравните далее замечание Белинского). Теперь и тот, и другой оборот одинаково употребительны.

«И где не воскресят клиенты иностранцы Прошедшего *житья* подлейшие *черты*» (Грибоедов, Горе от ума, д. II, явл. 5).

«Всякий знает, что все "черты из жизни" принадлежат искусному перу Рафаила Михайловича Зотова» (Белинский, V, 401).

«Романы гг. Орлова, Воскресенского и Зотова... все же лучше "Георга, милорда английского"; одни "черты из жизни" чего стоят!» (о романе «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона») (там же).

472. *Исключая*, употребленное в значении деепричастия, имеет при себе винительный падеж («*исключая ученицу* из училища»). В значении предлога это слово обыкновенно принимает родительный падеж («в классе все, *исключая* больной *ученицы*»), но изредка встречается и с винительным («*исключая первое*, все усилия были приняты»): «Он попросил меня отослать все его вещи в Россию, к родственникам, *исключая небольшой связки*, которую он подарил мне на память» (Тургенев, Переписка, 93).

473. *Кроме* всегда ставится с родительным падежом. В следующем примере дательный падеж при *кроме* явился вследствие допускаемого иногда разговорным языком сокращения оборота *кроме как*: «Мужика, который их ничему научить не может, *кроме* дурным *манерам* и тирольским *песням*» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 213). Сравните у Пушкина: «Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, *кроме как попадье*» (Пушкин, Капитанская дочка, изд. 1836 г., 109. В современных нам текстах подновлено: *кроме попадьи*).

474. *Меж, между* употребляется с родительным и с творительным падежом. В живом языке и у авторов преобладает последний оборот, с творительным; но некоторые писатели (Крылов, Батюшков) чаще дают сочетание с родительным падежом.

В некоторых отдельных оборотах укрепился творительный падеж: *между тем* (пока, в это время), *между нами* (тайно).

«Долго висел он *между небом и землею, между жизни и смерти*» (Карамзин, Гора Шейдек).

«Когда на пиршествах стоял сосуд святой Из буковой коры *меж утвари* простой» (Батюшков, Тибуллова элегия).

«И ты — уныло протекал *Между* враждебными *полками*» (Батюшков, Переход через Рейн).

«Но *между вас* я вижу новы лица» (Пушкин, Борис Годунов).

«*Между колесами* телег, Полузавешенных коврами, Горит огонь» (Пушкин, Цыганы).

«Стоял один я в вышине *Меж скал*, поросших мхом и лесом» (Голенищев-Кутузов, В горах).

«Я был один — *меж мной и небесами* Лишь ночи тень струилась в тишине» (Голенищев-Кутузов, Я был один...).

475. У авторов, по влиянию народного языка, часто находим предлог *на* вместо *в*: *идти на кухню, на деревню, быть на кухне, на деревне* и т.п. Несмотря на многие примеры таких словоупотреблений у образцовых писателей, в литературном языке решительно предпочитаются обороты с предлогом *в*: *идти в кухню, в деревню, быть в кухне, в деревне* и т.д.

«Обычай иногда позволяет *на* употреблять вместо *в* и *во*, например вместо: *живу в Москве, в Кубани, в Луговой, идем в рынок, в поле* — говорится: *живу на Москве, на Кубани, на Луговой, идем на рынок, на поле* и проч.» (Фонвизин, Опыт российского сословника).

«По временам ночевал у меня *на кухне*» (Щедрин, Убежище Монрепо, 84).

«Пашка... бросился в палату оспенных, оттуда — *на* коридор» (Чехов, Беглец).

«Нянька приходила *на* кухню ужинать» (Короленко, История современника, 51).

«*На* кухне всегда было очень тепло» (там же).

«Доносились слухи о новых его жестокостях в семье и *на* деревне» (там же, 109).

«Уж смолкли песни *на* селе» (К.Р., Смеркалось, мы в саду сидели).

При означении времени предлог *на* с винительным падежом имеет двоякий смысл. Одни говорят *на Рождество, на Петров день* в значении «накануне Рождества», «накануне Петрова дня»; другие эти же сочетания употребляют в смысле «в день Рождества», «в самый Петров день». Первое, кажется более принятое, словоупотребление проникло в литературный язык из северных говоров, второе — из южных, но ни то ни другое не считается областным.

I. *На* в значении «накануне»: «После страдного дня спит село крепким сном, *На* святого *Ивана Купала*» (Измайлов, Сон в Иванову ночь).

II. *На* значит «в день»: «В село NN *на самое Рождество Христово* нахлынули сборщики» (Лажечников, Ледяной дом, ч. IV, гл. I, 17). «Заметив, что Басаврюк и *на Светлое Воскресение* не бывал в церкви, задумал было пожурить его» (Гоголь, Вечер накануне Ивана Купала, 81). «*На Илью* пили, *на Успенье* пили, *на Воздвиженье* пили» (Чехов, Мужики, 56).

После предлога *на* не может стоять винительный падеж среднего рода; мы говорим: *на все село,* а не *на всего села.* Поэтому неправильно выражение *всего-навсего* (здесь второе *всего* — механическое повторение первого). Однако оборот *всего-навсего,* весьма распространенный в просторечии, проник в литературный язык и встречается в нем нередко. Следует употреблять сочетание: *всего на все.*

«Да и служил то *всего-навсего* у княгини в течение 20-ти лет только один год» (Кони, Судебные речи, 49).

«*Всего на все* разграбили у меня один амбар» (Пушкин).

«*Всего на все* разрыл я собственными руками в полночные часы 11 могил» (Лажечников, Последний Новик, 46).

«*Всего на все* во всей толстой книге исследованы только 53 рукописи» (И.И. Срезневский, «Известия Академии наук», 1856, т. V, 43).

«Их, очевидно, *всего на все* пять человек» (Достоевский, Бесы).

476. *Независимо,* так же как *зависеть, зависимость,* обыкновенно имеет при себе родительный падеж с предлогом *от: независимо от кого, от чего.* Сочетание с родительным падежом без предлога: *независимо чего* — есть немецкий оборот, употребляемый лишь в канцелярском слоге.

1) «Вся система нынешних философов состоит в том, чтобы люди были добродетельны *независимо от религии*» (Фонвизин, Письмо из Ахена 18 сентября 1778 г.).

2) «Будут выдавать студенткам билеты *независимо платы* взносов» (Телеграмма Петербургского телеграфного агентства 5 декабря 1906 г.).

477. Предлоги *о, об* для обозначения времени с винительным и предложным падежом (*об эту пору, об это время, о праздниках*) теперь в литературном языке употребляются редко. Нам представляются подобные сочетания старинными и народными, и мы употребляем вместо них обороты с предлогами *в* и *на* (*в эту пору, на праздниках*).

«Она приезжала раз в год на святки или *об масленицу* погостить в Москву» (Герцен, Былое и думы, 45). «Твой добрый толстяк *об эту пору* обыкновенно зарывается в свои книги» (Тургенев, Дворянское гнездо, 95). «Кстати, брат его *о ту пору* вышел офицером в гвардейский полк» (Тургенев, Отцы и дети, 9). «Двое *о Святой неделе* с колокольни свалились» (Фонвизин, Недоросль, 68). «Когда-то, *о весне*, зверями В надсмотрщики медведь был выбран над ульями» (Крылов, Медведь у пчел).

478. Более или менее вытеснены из современного литературного языка сочетания *о* с предложным падежом для обозначения частей или принадлежностей предмета. Мы говорим: *стол на трех ножках, квартира в пять комнат* и пр. Только в выражении *я не о двух головах* упрочилось указанное словоупотребление. Востоков давал еще много примеров такого сочетания:

чаша об одной рукоятке, стол о трех ножках, церковь о пяти главах, корабль о семидесяти четырех пушках.

«Он жил в Шестилавочной, в небольшом доме, во флигеле, в довольно неопрятной квартире *о трех комнатах*» (Достоевский, Униженные и оскорбленные, 218).

479. *По*, означая место или направление действия или движения, требует дательного падежа: *идти по мосту, по городу, выстрелить по зайцу* и т.п. Этот дательный падеж в некоторых местоимениях давно уже смешивается с предложным не только в разговорной речи, но и у образцовых писателей. Грамматика, еще в лице Востокова, не только узаконила при местоимениях обороты с предложным падежом вместо дательного, но и признала последние неупотребительными: «Местоимение личное 3-го лица мужского и среднего рода числа единственного *ему*, также вопросительное *кому* и личные 1-го и 2-го лица числа множественного *нам, вам* с предлогом *по* неупотребительны; ибо не говорится *по ему, по кому, по нам, по вам,* а употребляется при дательном падеже существительных предложный падеж местоимений: *по нем*, *по ком, по нас, по вас*; например: *По ком стреляли*? *По неприятелю.* «Берег крут, *по нем трудно всходить*» (то есть *по берегу*). Таким же образом употребляется в предложном падеже вопрос *по чем*? при дательном падеже существительных, например: *По чем его били*? *По хребту, по ланитам. По чем куплен товар? — По рублю.* Дательный падеж *по чему* употребителен только как наречие» («Русская грамматика», § 136). Однако обороты с дательным при местоимениях тоже встречаются, особенно во множественном числе; у Крылова даже есть исправление *по ним* вместо *по них*: «И дачи квакушки так сделалися сухи, Что, ног не замоча, *по них* бродили мухи» (Крылов, Лягушка и Юпитер, изд. 1816 г. После исправлено: *по ним*).

И теперь мы говорим: «Там все болота, ехать *по ним* трудно»; также: *бить по чему попало* (и *по чем попало*); *почем я знаю* и *почему я знаю.*

I. «Рассыпала *по них* и злато и сребро» (Державин, Описание Потемкинского праздника, изд. 1868 г., 282).

«Чтоб только поступать *по нем*» (Державин, Истинное счастие).

«Но видны и *по нас* следы» (Державин, На смерть Нарышкина).

«И градом пот *по нем* катился» (Пушкин, Братья-разбойники).

«И путь *по нем* широкий шел» (Пушкин, Обвал).

«Мятежники приблизились и, разъезжая около нее [крепости], кричали часовым: “Не стреляйте и выходите вон: здесь государь”. *По них* выстрелили из пушки» (Пушкин, История Пугачевского бунта, гл. IV).

«А все чуден и мост, *по коем* мы пойдем» (Крылов, Лжец. Вместо *по коему*).

«Лжец ни один у нас *по нем* пройти не смеет» (Крылов, Лжец).

«Где-где вьется прихотливым извивом проселок, и бойко проскачет *по нем* телега» (Щедрин, Губернские очерки, 2).

«И она опять заметила болезненно нахмуренный лоб, и опять провела *по нем* платком» (Тургенев, Новь, 535).

«Леша еще слышал, как *по нем* бежали» (Сологуб, В толпе, 158).

«Иван... стал колотить напуганных животных *по чем* попало» (Короленко, История современника, 329).

II. «Их часовые увидали, И ружья грянули *по ним*» (Лермонтов, Измаил-Бей, III, 19).

«Проезд *по ним* неслышно тих» (Некрасов, Тишина).

В выражениях: *по прибытии, по окончании* и т.п. после предлога *по* современный литературный язык употребляет обыкновенно предложный падеж; сочетания с дательным падежом *по прибытию, по окончанию* некоторые считают малограмотными, хотя они, собственно, архаизмы, которые допускались старыми грамматиками и встречаются у прежних писателей, а изредка употребляются и теперь.

«Я уже писал царю тотчас *по окончанию* следствия» (Пушкин, Письмо к князю Вяземскому 10 июля 1826 г.).

«*По доставлению* в больницу К. скончалась» («Биржевые ведомости», 5 января 1910 г., № 11499).

«Уже *по отпечатанию* этого тома была получена подлинная рукопись оды “Вольность”» (Сочинения Пушкина, изд. Академии наук, т. II, с. X, предисловие). Сравните: «И *по поздравлению...* царя благословляли образами» (Котошихин, 5). «*По многим разговорам*, откупщик с нею поссорился» (Майков, Елисей, 6). «И Петр не назвался б Великим, Когда б *по подвигам толиким* Он свой народ не просветил» (Державин, На Коварство). «*По короткому совещанию*, решили на том, чтобы идти с войском прямо на Польшу» (Гоголь, Тарас Бульба, изд. 1835 г.).

Сравните обороты с предложным падежом, гораздо более соответствующие современному языку: «Бык с плугом на покой тащился *по трудах*, а муха у него сидела на рогах» (Дмитриев, Муха). «Ужели через то я потеряю сон? И меньше ль *по трудах* мне будет сладок он?» (Батюшков, Сон могольца). «*По общем обсуждении*, мы выработали некий план» (Короленко, История современника, 399).

Стремление избежать неупотребительных форм *по окончанию, по прибытию* и под. приводит иногда к ошибочному употреблению предложного падежа с *по* вместо дательного. Так, например, безусловно правильны и не заменимы другими сочетания: «Судите о деле *по окончанию*, а не по началу» (здесь вопрос *по чему*, а не *когда*); «По *раннему прибытию* домой видно, что он не кончил работы» (опять вопрос *по чему*); «*По сравнению* с шестидесятыми годами цена на мясо увеличилась более чем в два раза» (здесь *по сравнению* значит «сравнительно»; сочетание *по сравнении* значило бы «после сравнения»: «*По сравнении* этих переводов я убедился, что первый гораздо точнее»). Между тем в печати мы видим иногда именно такие случаи употребления оборотов *по прибытии* вместо *по прибытию, по сравнении* вместо *по сравнению* и т.д. В по-

добных случаях весьма вероятно, что совершенно правильные авторские тексты неосторожно подправляются типографскими корректорами.

«О времени убийства мы можем судить *по прибытии* Семеновой с вещами... в Финляндскую гостиницу» (Андреевский, Защитительные речи, 176).

«Вообще теории Ломоносова по вопросам геологии, *по сравнении* с нынешними взглядами, недоставало только предположения об огневом происхождении нашей планеты» («Вестник Европы», 1911, № 11, 294).

Под влиянием сочетаний *по два, по три, по четыре* в разговорном языке распространены неправильные обороты *по пять, по шесть, по семь* и т.д. вместо *по пяти, по шести, по семи* и пр.

«Работали две семьи от Коровников, из двух домов *по шесть* человек» («Биржевые ведомости», 14 сентября 1911 г.).

«Разносчик купил двадцать фунтов ягод *по десять* копеек, а продал их *по пятнадцать* копеек» (Отрывной календарь Сытина, 12 мая 1912 г.).

В живом произношении часто не отличается дательный падеж после *по* при словах *сколько, несколько*, но книжный язык еще не допускает здесь утраты падежа. Хотя некоторые и пишут *по сколько, по несколько*, но это считается ошибкой.

«Они поспешно взяли еще *по несколько* билетов» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 99. Обыкновенно у Гончарова: *по нескольку*).

«Обе девушки встречались в день *по несколько* раз» (Л. Толстой. Анна Каренина, 277. Обыкновенно у Толстого: *по нескольку*).

«Они будут видеться, будут каждый день просиживать *по несколько* часов вместе...» (Гаршин, Надежда Николаевна, XI).

Для уяснения правильности сочетаний *по скольку, по нескольку* следует обратить внимание на сходные с ними формы: *неподалеку, подолгу, помногу, понемногу, почасту* (пишется также: *по долгу, по многу* и пр.).

«Потом течет река прямо к северу и составляет *неподалеку* озеро» (Фонвизин, Жизнь Сифа, 397).

«Мы с Б. К. *подолгу* стояли на вахтенной скамье» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 410).

«Господа... оставались у Полешко иногда очень *подолгу*» (Кони, Судебные речи, 849).

«Некоторые люди *по многу* раз обманывали его» (Андреев, Иуда, 17).

«Мы все учились *понемногу...*» (Пушкин, Евгений Онегин, I, 5).

«*Почасту* ходишь ты пешком» (Державин, Фелица).

480. *Дремать, плясать* и подобные глаголы с дополнениями *под говором, под жужжаньем* и т.д., вместо *под говор, под жужжанье*, встречаются часто у прежних писателей, но теперь такое употребление признается неправильным и почти вышло из обращения. Для проверки могут служить обороты: *плясать под музыку* (а не *под музыкою*), *дремать под звуки* (а не *под звуками*). Сравните в конце правильные обороты у позднейших писателей.

«Пляшут девушки российски *Под свирелью* пастушка» (Державин, Русские девушки).

«Ко страже, дремлющей *под говором* валов» (Батюшков).

«Где путник с радостью от зноя отдыхает, *Под говором* древес, пустынных птиц и вод» (Батюшков).

«В прохладе пальм, *под говором* ручья Задумалась красавица моя» (Пушкин).

«Или дремлешь *под жужжаньем* Своего веретена» (Пушкин, Зимний вечер).

«Я... смиренно ложился в постель, философски отмалчиваясь *под целым градом* упреков, которые лились на меня из уст нянек и служанок» (Короленко, В дурном обществе).

«И *под бред* колокольчика брежу я сам» (Голенищев-Кутузов, Непогодная ночь).

«Из окон чердака, *под мирный лепет* снов, гуденью важному внимать колоколов...» (П.Я., Пейзаж).

«Рябчики любят дремать *под тихое журчанье* лесной речки и выпрыгивают по вечерним и утренним зорям на поверхность воды» (Аксаков).

«На окраинах беспрепятственно обворовывались жилища обывателей *под громкие звуки* трещоток в руках дремотных ночных сторожей» (Сологуб, В толпе, 113).

Под иногда употребляется вместо *на:* «Ливрейный лакей получил эти вещи *под сохранение*...» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 112—113. Обыкновенно: *на сохранение*).

481. *Предварительно* в смысле предлога, управляющего родительным падежом, есть германизм, чуждый языку наших классических авторов и употребляемый пока лишь в канцелярском слоге и в немногих газетах. В чистом русском языке *предварительно* — наречие, не имеющее при себе никакого падежа.

«*Предварительно грозы* бывает жара, духота» (Даль). «Влиянию огромнейшего большинства немецких людей в России как писателей и ученых, профессоров, академиков, библиотекарей, врачей, аптекарей, ремесленников, купцов и всякого рода промышленников, так и различных высших и низших сановников и чиновников, состоящих в гражданской, дипломатической, морской и военной службе, надо приписать введение некоторых германизмов в новейший русский деловой слог. Например, теперь зачастую у нас пишут: *предварительно сего, независимо сего* и проч.» (В.И. Ламанский, Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе, СПб., 1871. с. 114). «Ученый комитет полагал: *предварительно какого-либо решения* по существу вопроса, напечатать...» («Журнал Министерства народного просвещения», 1905, № 8. с. 114).

«Но самая справедливость велит мне *предварительно* признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был» (Фонвизин, Чистосердечное признание, 854).

482. Предлог *при* с предложным падежом в народном языке означает «надеть или иметь что-либо: *при шпаге, при часах, при*

месте, при деньгах. Такое словоупотребление изредка встречается и в литературном языке.

«В гостиной, в мундире, *при шпаге*, со шляпою в руках, сидел царский арап» (Пушкин, Арап Петра Великого, гл. 6).

«Иной *при месте* так вздыхает, Как будто рубль последний доживает» (Крылов, Лисица и сурок).

«Я теперь *при месте*, да не *при деньгах*» (Даль).

«Потом отец в мундире и *при шпаге*, а мать в нарядном платье куда-то уехали» (Короленко, История современника, 86).

483. *Про* в значении «для» — собственно народное словоупотребление, которого уже не держится наш нынешний литературный язык.

«И чистых капель меж листов Оставь *про резвых мотыльков*» (Жуковский, Летний вечер).

«Запастись нужным *про домашний обиход*» (Академический словарь).

«Иметь что *про запас*» (Востоков).

«Не *про тебя* яма копана, да тебе в ней сидеть» (Даль).

«Есть да не *про вашу честь*» (пословица).

484. *Противно* в значении предлога должно соединяться с дательным падежом: *противно чему.* В современной периодической печати иногда употребляется худший оборот: *противно чего.*

«Он, *противно своей привычке*, не лег в постель...» (Л. Толстой, Анна Каренина, 182. Смотрите такие же обороты там же, на с. 463, 472).

485. Предлог *ради* обыкновенно стоит впереди управляемого им слова, но может изредка ставиться и после: *бога ради*, *Христа ради*, *чего ради*, *скуки ради* и под.

«— Где мы? — спросил я однажды, *скуки ради*, Фаддеева» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 201).

«*Тебя ради* не в огонь лезть» (Даль).

486. *Сквозь* употребляется с винительным и родительным падежом. Мы говорим: *сквозь слезы* и *сквозь слез*, *сквозь сон* и *сквозь сна* и т.д. Первое словосочетание, кажется, наблюдается

несколько чаще второго, но и последнее считается общепринятым и правильным.

«Там часто тихая луна, *сквозь зеленые ветви*, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы» (Карамзин, Бедная Лиза, 13).

«Их кони по полям победы Скакали рядом *сквозь огни*» (Пушкин, Полтава, I).

«Реки, льющие волны *сквозь сон*, Вечно серый, сырой небосклон» (Случевский, Край, лишенный живой красоты).

«И *сквозь беглые зарницы* Чьи-то грозные зеницы Загорались над землею» (Тютчев, Не остывшая от зною...).

«*Сквозь деревья* виден был ряд хижин» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 399. У Гончарова чаще с винительным падежом).

«*Сквозь морозный пар* виднелись рабочие в полушубках» (Л. Толстой, Анна Каренина, 80. См. еще *сквозь* с винительным падежом на с. 371, 381).

«О чем же сетует она? Иль в сердце дочери прекрасной Она читает и *сквозь сна*» (Майков, Мать и дочь).

«Откуда *сквозь стен* можно видеть, что делается наруже» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 403).

«*Сквозь яблони*, цветами убеленной, Как сладко светит месяц золотой!» (Тютчев, Ночные голоса).

«*Сквозь шума* часто раздавались голоса...» («Биржевые ведомости», 3 сентября 1911 г., № 12511).

487. *Согласно* обыкновенно требует дательного падежа или творительного с предлогом *с*, но употребляется и с родительным, особенно в языке канцелярском. Последнее — худший, не чисто русский оборот речи (германизм).

1) Примеры худших оборотов речи: «Никто из означенных артистов, *согласно условий*, нигде, кроме “Буффа”... выступать не имеет права» («Биржевые ведомости», 24 декабря 1908 г., № 10878). «Из отпускаемых ныне сумм не должны, *согласно циркуляра*, выдаваться пособия на училища уездных земств и городов» («Современное слово», 23 августа 1909 г., № 607).

2) Примеры лучших оборотов речи: «Эмиль знал только, *согласно своему рассказу*, что ему был поручен маленький ящик с образчиками товаров» (Кони, Судебные речи, 91). «Ты *с здравым разумом согласно* мне вещаешь» (Фонвизин, Корион, д. II, явл. 2).

«Наконец отпустили жен и дочерей ханских... *согласно с желанием* тех и других» (Карамзин, История Государства Российского, XI, 27).

«Савельич, *согласно с мнением* ямщика, советовал воротиться» (Пушкин, Капитанская дочка, II).

488. В современной печати иногда встречается не чисто русский оборот *сообразно чего* («всякий должен занять место *сообразно взятого им билета*»). Следует выражаться: *сообразно чему* или *сообразно с чем.*

«Колония... живущая по законам, начертанным ей метрополиею, *сообразно духу* последней»... (Гончаров, Фрегат «Паллада», 278).

«Чтобы окончить сочинение, которое, *сообразно мечтаниям* Левина, должно было... произвести переворот в политической экономии... нужно было только съездить за границу» (Л. Толстой, Анна Каренина, 439).

«Человек, у которого в самых молодых летах отнята надежда на жизнь *сообразно с законами* природы» (Кони, Судебные речи, 149).

489. Употребление предлога *с* вместо *из* принадлежит собственно народному и старинному языку; хотя изредка оно встречается у авторов, но никак не может считаться литературным. Мы говорим только: *пришел из школы* (а не *со школы*), *пришел из деревни* (а не *с деревни*) и т.д.

«Царю ж, на погребение брата своего *с Москвы* ехавшу...» (Котошихин, 2).

«[Мужичок] приходил *с села* сторожить по ночам господскую усадьбу» (Щедрин, Господа Головлевы, 144).

«Давать их [пенсии] актерам *с московского театра* Медокса... было тогда делом новым» (Аксаков, Семейная хроника, 392).

«Нехлюдов ел, не замечая того, что ест, так он был занят своею мыслью, сразу разрешившею ту тоску, с которой он пришел *с деревни*» (Л. Толстой, Воскресение, 308).

«Много дней и ночей льются слезы *с очей* По иссохшим щекам старика» (Измайлов, Воеводина месть).

В разговорном языке слышится нередко оборот *с чего* вместо *отчего*, который изредка употребляется и писателями: «*С чего* это он волнуется?» (Тургенев, Новь, 18).

490. Если предлог имеет при себе несколько управляемых им слов, то он может повторяться перед каждым зависимым словом, но может и не повторяться.

«Я воображал его, как он *в бороде* и *в* непричесанном *парике*, сидел в ложе Фонтенеблосского театра» (Карамзин, Письма русского путешественника. Лион, 9 марта 1790 г.).

«Таковы они *в* своей *торговле*, *политике* и частных *отношениях* между собою» (там же, Лондон, сентябрь 1790 г.).

«Яицкие казаки начали жаловаться... *на удержание* определенного жалованья, самовольные *налоги* и *нарушение* старинных прав и обычаев рыбной ловли» (Пушкин, История Пугачевского бунта, гл. I, 8).

«Велел... подполковнику Симонову отрядить майора Наумова *с* полевой *командой* и *с казаками* для соединения с Биловым» (там же, гл. II, 24).

«Нам должно было спускаться еще верст пять *по* обледеневшим *скалам* и топкому *снегу*, чтоб достигнуть станции Коби» (Лермонтов, Бэла, 193).

«С полчаса гулял я *по* виноградным *аллеям*, *по* известчатым *скалам* и висящим между них *кустарникам*» (Лермонтов, Княжна Мери, 229—230).

«*От деревьев*, от *кустов*, от высоких *стогов* сена побежали длинные тени» (Тургенев, Лес и степь, 442).

«Вот уездный городок *с* деревянными, кривыми *домишками*, бесконечными *заборами*, купеческими необитаемыми каменными *строениями*, старинным *мостом* над глубоким оврагом» (там же, 445).

491. Если одинаково управляемые слова стоят в разных предложениях, то предлог не может быть пропущен. Нельзя, например, общеизвестную пословицу сказать так: «*Я про Фому*, а он *Ерему*». Подобный недопустимый пропуск находим в следующем примере: «И шли на этот зов народы, Кто ради страха, *кто вражды*, Кто помня старые расчеты» (Розенгейм, Вперед!).

Пропуск предлога невозможен и в том случае, когда после союза *а* нет другого подлежащего. Говорим: «Я сержусь не на тебя, а *на себя* (нельзя сказать: «не на тебя, а *себя*»). Неправильно у Чехова: «Ему было досадно не *на себя*, *а Надежду Федоровну* за то, что она возбуждала в нем это чувство» («Дуэль», 31).

§ 66. Соединение предложений

492. Не принято сочинять союзами соединительными или противительными полного придаточного предложения с сокращенным, то есть причастия (прилагательного) и деепричастия с местоимением *который* (*кой*) и т.п. Поэтому не вполне правильны следующие обороты у образцовых писателей.

«Потом ввели всех в большую залу, *обитую* черным сукном и *в которой* окна были затворены» (Карамзин).

«Посмотрите, как говорит о беспечном сне Лафонтен, *жертвовавший* ему половиною жизни своей *и которого* добродушие вошло в пословицу» (Батюшков).

«Спустились во глубину долины по лесистой горе, *называемой* Die heiligen Hallen *и которая*, как необъятный разрушенный амфитеатр...» (Жуковский, Путешествие по саксонской Швейцарии).

«Пугачев... стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю, *занимающему* ее правый угол *и коего* ветхие стены едва держались» (Пушкин, История Пугачевского бунта, гл. VII).

«Отряд выставил перед собою две маленькие пушечки, *найденные* в Яссах на дворе господаря *и из которых*, бывало, пали-

ли во время именинных обедов» (Пушкин, Кирджали. У Пушкина часто встречаются такие обороты).

«Рябиновка, *имевшая...* совершенный вкус сливок, *но в которой...* слышна была сивушища» (Гоголь, Мертвые души, III, 73).

«Господа чиновники прибегнули еще к одному средству, не весьма *благородному*, *но которое*, однако же, иногда употребляется» (Гоголь, Мертвые души, III, 196).

«Съестные припасы, случайно *привозимые* из деревни и *которые* не знали куда деть...» (Герцен, Былое и думы, 29).

«Явились и две-три прежние литературные знаменитости, *случившиеся* тогда в Петербурге и *с которыми* Варвара Петровна давно уже поддерживала самые изящные отношения» (Достоевский, Бесы, I, 25).

«Скверный мальчишка, *истаскавшийся* не по летам и о *котором* я уже упоминал...» (Достоевский, Бесы, II, 266).

«Марфин... стих и даже побледнел, увидав *входившее* в это время в залу целое семейство вновь приехавших гостей и *которое* состояло из трех молодых девушек с какими-то ангелоподобными лицами...» (Писемский, Масоны, 20).

«*Чтобы* скучно не было и *снисходя* к крайней нужде вновь приезжавших и несемейных... доктор Самойленко держал у себя нечто вроде табльдота» (Чехов, Дуэль, 32).

Теперь обыкновенно соединяются два одинаковых придаточных, полных или сокращенных, так что вместо пушкинской фразы: «Они предпочитали кофе, *сваренный* по их обычаю *и который* пили они целый день» («Записки бриг. Моро-де-Бразе»), мы пишем: «кофе, *который* был сварен по их обычаю *и который* пили они целый день».

493. Не сочиняется союзами причастие или прилагательное с деепричастием. Отступление от этого правила, впрочем, находим у некоторых писателей.

«Бывало, ясною *сопутствуем* луной *И* в мыслях *проходя* все наши разговоры» (Дмитриев). (Здесь, впрочем, сочетание не является особенно тяжелым потому, что первое слово соче-

тания приближается к деепричастному обороту: *будучи сопутствуем.*)

«*Неподвластный* року *И находя* в себе самом покой» (Жуковский, К князю Вяземскому и В.Л. Пушкину).

«Один деревенский мужик, *продавший* уголь *и напившись* чаю в трактире, подошел к ней, перекрестился и подал ей копейку» (Л. Толстой, Воскресение, 10).

494. Не следует сочинять союзами соединительными или противительными придаточных предложений полных или сокращенных с отдельными членами главного предложения. У писателей находим много отступлений от этого правила. Эти примеры авторов сделали данные обороты привычными для многих образованных людей, но их все-таки нельзя считать вошедшими в общее употребление.

Примеры на соединение полного придаточного с словами определительными:

«Так *называемый* Итальянский театр, *но где* играют одни французские мелодрамы, есть мой любимый спектакль» (Карамзин. Теперь сказали бы: *где*, *однако*, *играют...*).

«Писателя, *известного* и в странах отдаленных *и которым* должно гордиться...» (Батюшков).

«Мне отвели комнату в верхнем жилье, весьма *покойную*, *но где* с трудом можно было развести огонь» (Батюшков).

«Вопрос *важный*, *достойный* внимания мудрецов, *и которого я* решить не смею» (Батюшков).

«И на сем-то старинном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение *дерзкое и которое* чуть было не увенчалось бедственным успехом!» (Пушкин, Капитанская дочка, гл. VIII).

«Женат на вдове, женщине *хорошей*, *дворянской фамилии и которая* для него переменила свое вероисповедание» (Пушкин, Записки бриг. Моро-де-Бразе).

«Был утвержден стол *необыкновенной длины и за которым* насчитал я до ста десяти кувертов» (Пушкин, там же).

«Лакей сенатора, большой *охотник* до политических новостей *и которому* было где их собирать...» (Герцен, Былое и думы, 41).

Примеры на сочинение полного придаточного с словами дополнительными:

«Нестор *о Новегороде* упоминает прежде всех городов российских *и что* дважды строен» (Ломоносов).

«[Бушо] рассказывал *эпизоды* 93 года *и как* он уезжал из Франции...» (Герцен, Былое и думы, 45).

«В.А. Жуковский пожелал, чтобы он изложил ему письменно *историю* своей внутренней жизни *и на что* хочет он решиться для поправления своей будущей судьбы» (Белинский, IV, 71).

Примеры на сочинение членов предложения с придаточными предложениями, начинающимися с деепричастий:

«Опершись на стол, просиживал я дни и ночи, почти *без всякого движения и закрыв глаза*» (Карамзин). «В *таком расположении и наблюдая* все те же дистанции...» (Пушкин, Записки бриг. Моро-де-Бразе).

Нужно избегать сочинения союзом *и* придаточного с *чтобы*, *дабы*, *если бы*, *что* при неопределенном наклонении и обстоятельства, выраженного именем с предлогом:

«Должны были оставаться в Сороке, *дабы сберегать* нам отступления *и для сопровождения* провианта» (Пушкин, Записки бриг. Моро-де-Бразе. Вместо: *и сопровождать провиант*).

495. Не хорошо также соединение союзом *и* главного предложения и придаточного, а также придаточных разной формы.

«*Пленяся* глупостью такой, *И* к делу *приступил* тотчас механик мой» (Крылов, Механик).

«*Если бы* Бенни *не вел* своего дневника *и не оставь* он никаких бумаг, то трудно, может быть, было бы решиться рассказать и то, что до сих пор рассказано в этой “Беннеиде”...» (Лесков, Загадочный человек, XXVIII, 86, СПб., 1903).

496. Нельзя также связывать союзами слов разной формы, например неопределенного наклонения с существительным. Поэтому неправильны следующие сочетания:

«*Зевать* в обществе считается неприличным, *как признак* скуки» (Стенной календарь Сытина, 27 декабря 1908 г. Лучше было бы: *зевание...*).

«Я *любил чтение* столько же, сколько не *любил учиться*» (Герцен, Былое и думы, 34). (Здесь союз связывает, собственно, сказуемые *любил*, *не любил*, к которым уже примыкают разные по форме дополнения *чтение* и *учиться*, почему это словосочетание не является таким шероховатым, как предыдущее.)

497. Соединение двух главных предложений посредством *что* (при вопросительных и утвердительных первых предложениях) есть оборот, введенный в русский язык из иностранных. Оборот этот утвердился не только в речи книжной, но и в разговорном языке образованного класса.

«Уж точно будто в России и жить нельзя, *что* все они вон так и лезут» (Соллогуб).

«Наталья Гавриловна славилась на ассамблеях лучшею танцовщицей, *что* и было отчасти причиною проступка Корсакова...» (Пушкин, Арап Петра Великого, гл. IV).

«Я не видал его, *что* мне много повредило» (Стоюнин).

498. Чуждо чистому русскому языку и употребление *что* вместо *как* или *пока* (для обозначения времени).

«Вот уж четвертый день, *что* я не так здорова и не встаю с постели» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 138).

«За то время, *что* я состою товарищем городского головы, делопроизводители сравнены в окладах» («Биржевые ведомости», 17 мая 1900 г., № 11717).

499. Союз *что*, поставленный впереди *будто* в предложениях, означающих предположение или сомнение, является излишним, хотя и встречается у лучших писателей[15].

«Заблуждение его состояло в том, *что будто* не льстя не можно быть учтиву» (Фонвизин).

---

[15] Сравните, впрочем, указания Буслаева («Историческая грамматика», § 273), у которого такие обороты допускаются и оправдываются с исторической точки зрения.

«За старое предание рассказывают, *что будто* бы причиною того...» (Карамзин).

«Еще же говорят не ложно, *Что будто* завсегда возможно тебе и правду говорить» (Державин, Фелица).

«Я спал и видел странный сон. *Что будто* светлый Аполлон...» (Батюшков).

«И показалось мне, *Что будто* встал я...» (Жуковский, Капитан Бопп).

«Едва ль соседи и не правы, *Что будто* у него в шкатулке миллион» (Крылов, Мирон).

500. Точно так же *что* является излишним и при следующих за ним союзах *как, ли.*

«Главное, Анну Юрьевну беспокоило то, *что как* ей поступить с Еленой» (Писемский, В водовороте, 175).

«Барон даже подумывал написать ей, *что* не приедет *ли* она на недельку в Москву...» (там же, 140).

501. При союзах *ли — или* не следует повторять во второй фразе *ли*, так как этот союз заключается в *или.* Неправильно было бы сказать: «Виноват *ли* был учитель, *или* виновата *ли* была ученица». Правильно в следующем примере: «Виноват *ли* был учитель, *или* виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же...» (Л. Толстой, Война и мир, т. I, 131).

Но в вопросительном предложении допускается и второе *ли.*

502. Неуместно и условное *раз* после *ежели, если*: «Мне кажется, что *ежели раз* человек решил, что жить довольно, то... даже не совсем прилично обороняться от смерти» (Щедрин, Убежище Монрепо, 94).

503. Вообще, из двух союзов одинакового значения один является лишним; поэтому не должно соединять: *но однако*, *но впрочем.* Соединение это так часто встречается у образцовых писателей, что может считаться общепринятым. Притом в этом случае излишнее *но* придает речи особенный оттенок, именно усиливает противоположение.

«Чувствую, что письмо мое сколь длинно, столь и нескладно, *но однако* посылаю его» (Фонвизин).

«— Жалею, — сказал ему регент, — *но впрочем* вы правы» (Пушкин, Арап Петра Великого).

«*Но* победителем *однако ж* он остался» (Крылов, Разбойник и извозчик. Здесь даже три противительных союза).

«И мудрости его необычайной Дивился, *но однако* все за хвост Его держал» (Жуковский, Сказка о Иване царевиче).

504. Не следует связывать вводного слова или предложения с предложением главным союзами *что* или *как*: «Сестра, мне кажется, *что* не приедет», «Нас иногда обманывают люди, которых, нам кажется, *что* мы насквозь видим». Здесь союзы должны быть выпущены.

«Положение места, по обстоятельствам кажется, *что* было от устья полуденной Двины недалече» (Ломоносов).

«Подходя к ним, кажется, *что* идешь в Нептуново царство» (Фонвизин).

«А около меня, смотри, *как* тает снег» (Крылов, Роща и огонь).

«Вот следы общественного устройства и того высокого развития, до которого воображают люди, *что* достигли» (Герцен, Письмо к Захарьиной 22 января 1836 г.).

«Хоть напросятся насильно на тот обед, куда узнают, *что* приглашен миллионщик» (Гоголь, Мертвые души, изд. 1846 г., 303).

«Они... только отрицали те вопросы, без ответа на которые, он чувствовал, *что* не мог жить...» (Л. Толстой, Сочинения, изд. 1903 г., X, 444).

«Смердяков, без сомнения, мог убить только лишь из-за денег, чтобы присвоить себе именно эти три тысячи, которые сам же видел, *как* барин его укладывал в пакет» (Достоевский, Братья Карамазовы, Трактат о Смердякове).

У Герцена, Гоголя, Л. Толстого, собственно, вводится в речь постороннее сказуемое, которое вызывает затем союз *что*; поэтому строение синтаксического соединения не исправляется пропуском *что*, а становится еще более запутанным. У Достоевского введено в речь целое, неразрывно связанное с ней, хотя

и постороннее предложение (именно постороннее, а не вводное, почему начало его и не отделяется запятой от главного). Здесь тоже нельзя выпустить *как.* Заметим, что разбираемые конструкции мы можем назвать «запутанными» только с точки зрения школьного грамматического разбора. Выражена мысль здесь безупречно ясно, а что форма ее выражения не укладывается в рамки учебных грамматик, — это нельзя считать недостатком речи.

505. Встречается иногда излишнее *что* и между частями предложения, разделенного придаточным, или соединением придаточных: «Ей казалось, что те слова, которые она сказала мужу и которые она беспрестанно повторяла в своем воображении, *что* она их сказала всем и *что* все их слышали» (Л. Толстой, Анна Каренина, 368).

§ 67. Заимствованные обороты

506. После союзов *чем* и *нежели* русский язык не допускает в придаточном предложении неопределенного наклонения, если в главном предложении, поставленном впереди придаточного, сказуемое выражено изъявительным наклонением. Поэтому неправильно у Жуковского: «Долго ты по свету должен был странствовать прежде, *Нежели* к нам дорогу *найти?*» («Ундина», гл. I. Следовало бы: «к нам дорогу *нашел*»). Обороты речи, подобные приведенному из Жуковского, есть галлицизмы. Но если придаточное предложение стоит впереди главного, то неопределенное наклонение допускается: «*Прежде чем найти* к нам дорогу, ты долго должен был странствовать по свету».

Правильно: «Скажите ему, чтобы он непременно ко мне зашел *прежде*, *чем пойдет* на гумно» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 13). «Перекрестился *прежде*, *чем решился* взяться за замок затворенной двери» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 147). «*Прежде чем я остановился* в этом березовом леску, я с своей собакой прошел через высокую осиновую рощу» (Турге-

нев, Свидание, 193). «Зачем же вы ложитесь в постель, *прежде чем* вам *спать захочется?*» (Тургенев, Гамлет Щигровского уезда, 227).

«Но *прежде нежели* в седло *садиться*, Он долгом счел к коню с сей речью обратиться» (Крылов, Рыцарь).

«И *прежде чем понять* рассудком неразвитым, Ребенок, мог я что-нибудь, Проник уже порок дыханьем ядовитым В мою младенческую грудь» (Некрасов, В неведомой глуши...).

507. Буслаев указывает, что родительный падеж при сравнительной степени без нужды не разлагается в русском языке на придаточное предложение с *чем* или *нежели*, как это находим у Жуковского: «Утро мудренее, *чем* вечер» («Сказка о Иване царевиче». Вместо: «Утро вечера мудренее»). Впрочем, мы почти не чувствуем разницы в оборотах: «Старик умнее молодого» и «Старик умнее, чем молодой»; «Брат великодушнее сестры» и «Брат великодушнее, чем сестра». Переделка Жуковского нехороша главным образом тем, что он разложил в другой оборот пословицу, то есть ходячее, неизменное выражение.

508. Русское неопределенное наклонение не разлагается на придаточное предложение, как в немецком языке. Жуковский особенно часто употреблял этот германизм. Теперь, впрочем, мы более или менее свыклись с такими оборотами.

«Позвольте мне, *чтоб я умыл* Вам руки и лицо...» («Капитан Бопп». По-русски: «*позвольте умыть* вам руки и лицо»)[16].

«Дай мне мешок да сапоги, *чтоб мог я Ходить* за дичью по болоту...» («Кот в сапогах». По-русски: «дай... сапоги *ходить* за дичью по болоту»).

«Пошел он к королю и приказал, *Чтобы о* нем немедля *доложили* (там же. По-русски: «*приказал* о себе немедля *доложить*»).

509. *Чтобы*, употребленное в соответствие местоимениям *кто* и *что* (для выражения французского *pour*), есть галлицизм,

[16] Здесь оборот Жуковского нехорош еще и тем, что в нем лишнее слово (плеоназм) *мне* при *я*. Лучше было бы: позвольте, чтобы я умыл...

впрочем, вполне привычный для литературно образованных людей.

«И он сказал: а ты *кто, чтоб* меня Так дерзостно позорить?.. И *кто* же ты, *чтоб* петлей мне грозить?» (Жуковский, Рустем и Зораб, кн. IV, IX).

510. *Чтобы* в соответствии с *слишком* — тоже галлицизм. Оборот этот, однако, еще более усвоен нами, чем предыдущий. *Чтобы* для означения предположения — тоже привычный нам галлицизм.

«Я *слишком* был счастлив, *чтоб* хранить в сердце чувство неприязненное» (Пушкин, Капитанская дочка, гл. V).

«Сильвио был *слишком* умен и опытен, *чтобы* этого не заметить» (Пушкин, Выстрел, 366, изд. Поливанова).

«Работа *слишком* глубоко захватила меня, *чтобы* я мог серьезно думать о своих отношениях к жене» (Чехов, Жена, 168).

«Ле-Брюн не мог равнодушно слышать, *чтобы* говорили о Ле-Сюеровых картинах» (Карамзин).

511. При личном местоимении чистый русский язык не допускает определительного придаточного предложения как полного, так и сокращенного посредством причастия.

«— Как, Брут! И *ты, который* был так чист! — Скорбя душой воскликнет моралист» (Плещеев, Добродетельный пес). (Здесь намеренное подражание искусственному книжному языку.)

«Я, мало *вступавший* в подобные разговоры с моим отцом, торжественно сообщил ему о глупости Федора Карловича» (Герцен, Былое и думы, 38).

512. Не свойственно живому русскому языку и приложение при личном местоимении, но в книжном оно вполне принято.

«К вечеру жажда мести разгорелась в нем до исступления, и *он, добродушный и слабый человек*, с лихорадочным нетерпением дождался ночи» (Тургенев, Постоялый двор).

«*Юн, этот умный и тонкий в служебных делах человек*, не понимал всего безумия такого отношения к жене» (Л. Толстой, Анна Каренина, 258).

§ 68. Времена и наклонения

513. Смешение времен в русском языке редко, но встречается у писателей, особенно в причастных формах; например, у Державина есть *быв* вместо *будучи*, у Крылова находим *бывши* вместо *будучи*, у Гоголя — *уваженные* вместо *уважаемые.*

«И, подстрекаем *быв*, бодрится» («Водопад»).

«Да чем же ты, Жужу, в случай попал, Бессилен *бывши* так и мал» (Крылов, Две собаки).

«Давно, Полканушка, мне больно самому, Что, *бывши* одного двора с тобой собаки, Мы дня не проживем без драки» («Собачья дружба»).

«А между тем в народе стали попадаться и *уваженные* по заслугам всею Сечью седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами» (Гоголь, Тарас Бульба, гл. II).

514. В слитном предложении рядом взятые сказуемые должны стоять в одном времени и одном виде (совершенном или несовершенном): «Трава *поблекла, пожелтела и прилегла* к земле» (Аксаков). «Ни *зашелохнет*, ни *прогремит: глядишь* и не *знаешь, идет* или не *идет* его величавая ширина» (Гоголь). «Нельзя сказать: «Он *ходил, остановился, вздохнул* и *продолжал* путь» (Греч, Чтения о русском языке, II, 108). Исправить эту фразу можно присоединением обстоятельств, определяющих и отделяющих действия: «Он *долго* ходил по улице, *вдруг* остановился, вздохнул и *потом* продолжал путь» (Греч). «Он наколол дров и *сейчас затопит* печку». Нехорошо сказать: «Он *просыпается, полежит* в постели, *курит* и *принимается* за работу». Нужно все глаголы поставить в настоящем или будущем времени: «Он *просыпается, лежит* в постели, *курит* и *принимается* за работу»; или: «Он *проснется, полежит* в постели, *покурит* и *примется* за работу».

515. Чуждые русскому языку формы будущего времени, выраженные при посредстве глагола *иметь*, встречаются обыкновенно в языке канцелярском, в точных переводах у нестрогих

стилистов. Формы эти нельзя считать вполне усвоенными русской литературной речью.

«На бале у губернатора, *имеющем быть* завтра, будет присутствовать сам оригинал» (Гоголь, Мертвые души, изд. 1846 г., 305).

«В конце залы возвышалась высокая эстрада для *имеющих читать* литераторов...» (Достоевский, Бесы, III, 11).

«Арестант-ламповщик набуянил и *имел быть посажен* под арест» (Газета-Копейка, 14 сентября 1908 г., № 76).

«Ламповщик *имел* эти порошки *всыпать* в кипяток самовара» (там же).

516. Прекрасный живой оборот с повелительным наклонением в значении условия заметно вымирает в современном языке. Школа и печать его избегают, несмотря на многие примеры этого оборота, встречающиеся у прежних знаменитых писателей, а отчасти и у некоторых теперешних авторов.

«Месяц *будь* или не *будь*, Конь дорогу найдет» (Кольцов, Песня. Нынче ночью к себе...).

«*Смолчи* на этот раз Петенька, *прими* папенькино замечание с кротостью, а еще лучше *поцелуй* у папеньки ручку и *скажи* ему: извините меня, добренький папенька! я ведь с дороги, устал! — и все бы обошлось благополучно» (Щедрин, Господа Головлевы, 174).

«*Попади* богатство в мои руки в свое время, я не оставил бы его лежать втуне» (Андреев, Мои записки, 76).

517. То же нужно сказать и об употреблении повелительного наклонения в смысле прошедшего времени.

«Вымывшись, вытершись с ног до головы мокрою губкой, что делалось только по воскресным дням, а в тот день *случись воскресенье*...» (Гоголь, Мертвые души, 31).

«*Случись* тут мухе быть» (Крылов, Муха и дорожные).

«Вдруг *выскочи* лев *и бросься* на оленя» (Л. Толстой, Олень).

«На эти слова и *прибеги* лисица» (Л. Толстой, Лев, волк и лисица).

§ 69. Употребление причастий и деепричастий

518. Только в областном языке допускается деепричастие в смысле глагола прошедшего времени: *барин проснувши* или *проснувшись* (= проснулся), *дом сгоревши* (= сгорел). В средней России, где подобные обороты не обычны, образованные люди часто употребляют, однако, в этой народной и архаической форме фразу: «Он *был выпивши*» (= выпил, был навеселе), «Он *пришел* к нам *выпивши*». Впрочем, в языке второстепенных писателей и в переводах 1830-х и 1840-х годов Белинский не раз отмечал подобное, по-нашему малограмотное, употребление деепричастия. Два таких случая мы можем указать и у Гоголя. Переходя из языка петроградской прислуги в язык образованных классов, подобные выражения встречаются изредка и в современной петроградской печати.

«“*Юна была залившись слезами*” — это фраза из петербургского жаргона, а таких фраз в сем романе [“Таинственный монах”] бездна» (Белинский, II, 97).

«Пошел с веселостию в другую комнату, *будучи* слишком *привыкши* к интригам» (Браво, или Венецианский бандит» Купера, СПб., 1839. У Белинского, IV, 250).

«Итальянец *был спрятавшись* в самом мрачном углу галереи» (Зотов, Замок Сен-Жермен. У Белинского, V, 284).

«Он [Петрович] после канунешной субботы *будет* косить глазом и *заспавшись*, так ему нужно будет опохмелиться» (Гоголь, Шинель, изд. 1900 г., 98).

«Петрович, точно, после субботы сильно косил глазом, голову держал к полу и *был* совсем *заспавшись*» (Гоголь, Шинель, изд. 1900 г., с. 98).

«Почтенный старец этот постоянно *был* сердит или *выпивши*» (Герцен, Былое и думы, 30).

«Матица, если она *была выпивши*, пела что-то особенное, очень грустное» (Горький, Трое, 10).

519. Современный русский язык не допускает, чтобы деепричастие стояло при именительном падеже, несколько при-

ближаясь к сказуемому. Правило это было установлено еще Ломоносовым, но нарушалось едва ли не всеми писателями ломоносовской, карамзинской и пушкинской эпох. Нарушение это оправдывается как архаизм и свойство народного языка (сохранившееся еще и теперь), допускающего соединение деепричастия с именительным падежом (*барин ушотчи из дому*). Впрочем, все приведенные дальше обороты легко объясняются также как необычная расстановка слов.

«*Пришедши мальчик* в лес, Гнездо на дереве увидел и полез» (Хемницер).

«*Сотворя Зевес* вселенну, Звал богов всех на обед» (Державин).

«На ель *ворона взгромоздясь*, Позавтракать было совсем уж собралась» (Крылов, Ворона и лисица).

«С знакомцем *съехавшись* однажды я в дороге, С ним вместе на одном ночлеге ночевал» (Крылов, Бритвы).

«*Услыша крот* про это, Орлу взял смелость доложить» (Крылов, Орел и крот).

«*Созвав* отвсюду *он* Разумников, из них установил собранье» (Крылов, Водолазы).

«Не *могши* боле тут *лев* явной лжи стерпеть...» (Крылов, Рыбья пляска).

«*Приехав он* прямым поэтом, пошел бродить...» (Пушкин, Отрывки из путешествия Онегина).

520. Заимствованный из французского языка оборот с независимым деепричастием при личных глаголах, то есть с деепричастием, не относящимся к тому лицу или предмету, с которым стоит глагольное сказуемое главного предложения, был в употреблении не только у писателей, находившихся под сильным влиянием французского языка, но встречается и позднее. Для русского языка оборот этот считается неправильным и не допускается ни грамматикой, ни школой.

«Не *имея* третий месяц никакого об вас известия, *нетерпение* наше было несказанное» (Фонвизин).

«*Приехав* в Белев, по счастию попалась нам хорошая *квартира*» (Фонвизин).

«*Имея право* выбирать оружие, *жизнь* его была в моих руках» (Пушкин, Выстрел).

«Хоть я и не пророк, Но, *видя* мотылька, что он вкруг свечки вьется, *Пророчество* почти всегда мне удается» (Крылов, Плотичка).

«*Проезжая* на возвратном пути в первый раз весною знакомую березовую рощу, у меня *голова* закружилась и забилось сердце от смутного, сладкого ожидания» (Тургенев, Гамлет Щигровского уезда, 245—246. В чужой речи, а не в авторской).

«*Повторяя* молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, *любовь* к ней и *любовь* к богу как-то странно сливались в одно чувство» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 77).

«*Пройдя* шагов тысячу, мне стали попадаться *люди и женщины*, шедшие с корзинками на рынок» (Л. Толстой, Юность, изд. 1903 г., 225).

В большей части примеров здесь, впрочем, деепричастие относится к «логическому» подлежащему (*мне, нам* и под.), и тогда данные обороты представляются нам довольно сносными.

Разновидностью этого оборота является другой, теперь совершенно недопустимый, в котором вместо сложной формы страдательного деепричастия стоит страдательное причастие.

«*Всегда терзаемая раскаянием*, чертоги мои страшнее мне сея темницы стали» (Фонвизин, Иосиф, 702).

«*Воспитанная в аристократических предрассудках*, учитель для нее был род слуги или мастерового» (Пушкин, Дубровский, 469, изд. Поливанова).

«Но здесь, пришедши в обыкновенную жизнь, *окруженный мелочами смешными и подлыми, притеснениями маленькими*, душа моя упала с высоты» (Герцен, Письмо к Н.А. Захарьиной 5 декабря 1835 г.).

521. Подчинение деепричастия причастию, в особенности такому, которое поставлено в косвенном падеже, — не рус-

ский оборот. Он не усвоен вполне литературным языком, хотя и встречается у писателей не очень редко и хотя многие из нас не чувствуют его неправильности.

«Как бешеный, Зораб впился руками В его серебряные кудри, *рассыпанные* по плечам, В сраженьи *выпав* из-под шлема» (Жуковский, Рустем и Зораб, кн. VII, VI).

«В нем можно было разглядеть шкаф с книгами, большой диван, еще кое-какую мебель, зеркало на стене с отражением светлого письменного стола и высокую фигуру, беспокойно *метавшуюся* по комнате из одного угла в другой, восемь шагов туда и восемь назад, всякий раз *мелькая* в зеркале» (Гаршин, Ночь, VI).

«Семен Иванович взял под мышку рыжего кота, давно уже беспокойно *тершегося* у его ног, *подняв* хвост палочкой вверх и изредка коротко *мяукая*...» (Гаршин, Надежда Николаевна, VIII).

«Она глядит то на меня, то на древнего старца, молчаливо *стоящего* рядом, *опираясь* на посох» (Короленко, На затмении, 58).

Сравните лучшие обороты с причастием в именительном падеже:

«У Арбатских ворот попался извозчик-старичок, *спавший, покачиваясь* на своих дрожках» (Л. Толстой, Юность, изд. 1903 г., 225).

«В другом углу комнаты стонала от ревматизма какая-то восьмидесятилетняя старушонка, жившая когда-то и где-то в няньках, а теперь *помиравшая* одиноко, *охая, брюзжа* и *ворча* на мальчика» (Достоевский, Мальчик у Христа на елке).

522. В современном литературном языке встречаются изредка деепричастия при именах прилагательных: «Я был не *умен, волнуясь* из совершенных пустяков»; «Вы не *правы, рассердившись* на тетю» и т.п. Такие словоупотребления не поражают нашего слуха, и к ним можно относиться с некоторой терпимостью, особенно если мы видим в них повторение кем-либо уже принятых и несколько распространенных сочетаний.

«Варвара Васильевна была *права, оскорбившись* его долгим молчанием по приезде в Петербург» (Чернышевский, Материалы для биографии Н.А. Добролюбова, 189).

«Действительно, Николай Александрович был совершенно *неправ, оскорбившись* его дружескими убеждениями не предаваться отчаянию» (там же, 280).

§ 70. Союзы и частицы

523. Скопление союзов не допускается грамматической стилистикой, и Белинский осмеивает фразу Булгарина, в которой встречаются слова: «потому что для того, чтобы спеть» (VIII, 346). Подобное скопление союзов находим у Толстого: «Но он всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа и теперь решил про себя, *что, для того чтобы* чувствовать себя вполне правым, хотя и прежде много работал и не роскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе роскоши» («Анна Каренина», 121).

524. Частица *бы*, как остаток особых форм спряжения, не допускается в русском языке после причастий, так как они не могут спрягаться. Отступления от этого правила являются с стилистической точки зрения погрешностями против языка, хотя бы и оправдывались тем, что выражают особые оттенки речи. Обыкновенно вместо приведенных ниже мы употребляем обороты с *который*: *который желал бы, который развился бы, которые послужили бы* и т.п.

«Протекшие лета, о которых всегда плачет козак, *желавший бы,* чтобы вся жизнь его была молодость» (Гоголь, Тарас Бульба, гл. II).

«Боже! и погубить так безжалостно лучшие годы своей юности, истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, *развившегося бы* теперь в величии и красоте, может быть, также *исторгнувшего бы* слезы изумления и благодарности!» (Гоголь, Портрет, 63).

«Спит ум, может быть, *обретший бы* внезапный родник великих средств» (Гоголь, Мертвые души, 464).

«В Англии насчитывается в данное время не менее 25 тысяч здоровых молодых людей, *послуживших бы* очень ценным приобретением для армии» (Газета-Копейка, 28 сентября 1908 г., № 88).

525. Частица *бы* чаще всего стоит после глагола прошедшего времени или неопределенного наклонения: *пришел бы пораньше, придти бы тебе пораньше* и т.п. В древнем русском языке *бы* обыкновенно стояло при условном союзе и прошедшем причастии на *л* (нашем прошедшем времени), но тогда это была не частица, а вспомогательный глагол, с помощью которого составлялись условные формы прошедшего сложного времени. Когда мы говорим: «*Коли бы* ты *знал* это и *привел бы* к нам брата...» — то сохраняем еще очень старое словорасположение. Совершенно неосновательно предъявляемое некоторыми и к современному языку требование ставить *бы* всегда при глаголе. Мы постоянно видим, что *бы* соединяется с некоторыми союзами, именно: *чтобы, дабы, если бы, как бы*, *куда бы* и т.д. Соединение это древнее и правильное, но, по-видимому, ложное правило ставить *бы* всегда при глаголе заставляет иногда составлять неудачные обороты. Так, вместо обычного сочетания *как бы ни был тяжел* употребляют: «Как ни *был бы* тяжел настоящий момент, софийское правительство не пойдет на уступку того, что оно ни в коем случае уступить не может» («Вечернее время», 8 февраля 1913 г.). Мы постоянно говорим: «Пусть это делают другие, а *вам бы* этого не следовало делать»; «*Хорошо бы* тут так поступить!» и т.п. Вообще, мы теперь соединяем *бы* не с глаголом только, а чаще всего с словами, на которых лежит логическое ударение. Этого не понимал Полевой, подправлявший Гоголя по названному выше неосновательному правилу употребления *бы* только при глаголе. Гоголь руководствовался не правилами плохих грамматик, а существующим употреблением, которое усвоил совершенно верно. Он писал: «Да, мои добрые читатели, *вам бы* не

хотелось видеть обнаруженную человеческую бедность». Полевой подправлял: «Вам не *хотелось бы* видеть обнаруженной человеческой бедности». Во фразе Гоголя противопоставление читателей, не хотящих видеть человеческую бедность, автору, которого она привлекает. Поправка Полевого совершенно лишает фразу Гоголя того звучания, которое в нее вложено. Более удачны другие исправления Полевого. Так, у Гоголя: «И вот те деньги, *которые бы* поправили сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвение». Полевой требует: *которые поправили бы.* У Гоголя: «И пошел помещик забываться по миру, с душою от крайности готовою на низости, *которых бы* сам ужаснулся прежде». Полевой подправляет: *которых сам ужаснулся бы.* Однако и здесь мы вовсе не имеем дела с «ошибкой» Гоголя: *бы* допускается нашим языком при местоимениях. Мы говорим: «Не знаю, *кому бы* я мог поручить это дело»; «Скажите, *что́ бы* вы хотели получить?»; «Посоветуйте, *какую бы* дать ему подходящую работу». Следует только заметить, что в приведенных примерах местоимение имеет на себе логическое ударение. Во фразах Гоголя этого нет, и потому обороты, предлагаемые Полевым, лучше тех, которые употребил Гоголь.

526. *Бы* как остаток сложного прошедшего времени не употребляется у нас при глаголах настоящего времени. Поэтому неправильно следующее словосочетание: «*Кажется бы,* незачем далеко отходить от нашей хижины» (Б. Федоров, Три розы. У Белинского, V, 289, с поправкой: *казалось бы*).

Употребительная при *будто,* частица *бы* не совсем уместна при некоторых других союзах именного, а не глагольного происхождения, как в следующем примере при *точно*: «К удивлению моему, Шатов говорил громко, *точно бы* ее и не было в комнате» (Достоевский, Бесы, I, 200).

527. После союзов, сложенных с *бы* (*чтобы, если бы, дабы*), *бы* не должно повторяться в том же самом предложении. Не говорят: «*Чтобы* пошел и принес *бы* мне книгу» (Буслаев, Историческая грамматика, § 272). Писатели иногда нарушают это

правило: «*Чтобы* в моих поместьях никогда Не высыхала *бы* вода» (Крылов, Лягушка и Юпитер).

§ 71. Отрицания

528. В повелительном наклонении отрицание ставится только при глаголах вида несовершенного: *не кидай, не развертывай, не падай, не сказывай* и т.д. *Не пролей, не разбей, не упади, не запачкай* допускаются только в значении условия и предостережения или опасения, что произойдет нежелательное действие. В таких случаях часто прибавляется *смотри* или *пожалуйста*: *смотри не упади*; *пожалуйста*, *не откажитесь* (отсюда и просто: *не откажитесь* и т.д.). Только в возражениях употребляется *не скажите* вместо *так не говорите* (в смысле «я с вами не согласен»).

«Щепотки волосков лиса *не пожалей* — Остался б хвост у ней» (Крылов, Лиса).

«*Не позабудь* горячий свет Рассыпать на зеленый сад» (Жуковский, Летний вечер).

«— Я предпочитаю винт, — сказал моржовый. — Сядешь на балкончике, три партнера, полдюжины пива. Ветерок веет и — отлично! — *Не скажите*, — вмешался белокурый, — если партнеры горячие, так на даче как-то острее игра. Сейчас спор и ссора» (А. Зарин, «Биржевые ведомости», 12 июля 1913 г., № 13644).

«Скажите: “экой вздор!” иль “bravo!” Иль *не скажите* ничего, — Я в том стою: имел я право...» (Пушкин, Родословная моего героя, XIII (вариант). Обыкновенно: *не говорите*).

529. При неопределенном наклонении отрицание *не* тоже соединяется обыкновенно только с видом несовершенным: «Лошадь уже заложили, а барин приказал *не закладывать*»; «Он уже выучил урок, а ты говоришь, что *не велели учить*»; «*Не надо забывать* того, что обещался сделать». *Не выучить, не заложить, не забыть* и пр. употребляются только в выражениях условных (*не забыть бы*) и в значении «*нет сил, возможности*

выучить, забыть» и т.п. Следующие употребления необычны: «Помяните порой, что *не надо забыть*» (Измайлов, Эти песни — цветы). «Этого *забыть не надо*» (Андреев, Иуда, 53).

530. В обороте *не могу не* у нас утвердилась форма совершенного вида: *не могу не признаться, не могу не принять во внимание* и т.п. Нам уже кажется неправильным пушкинское словоупотребление: «Она *не могла не сознаваться* в том, что она очень ему нравилась» (Пушкин, Метель, изд. 1834 г., 64. В нынешних изданиях часто печатается с подправкой: *не могла не сознаться*).

531. В тех случаях, когда в главном предложении находится глагол, обозначающий действие, которое должно продолжаться до начала другого действия, названного в предложении придаточном, в русском языке употребляется своеобразный оборот с излишним отрицанием при союзах *пока, доколе* и под.: «Иди туда и жди, *пока не придет* отец» (= иди туда и жди до прихода отца). «Буду кормить отца до тех пор, *пока не помрет*» (= до смерти).

«И тихо произнес: “Ты будешь жить, *Пока я не приду*”» (Жуковский, Агасвер).

«И спал, *покуда* сам Милон Под сумерки *не пробудился*» (Жуковский, Роланд Оруженосец).

«За что бедная девка просидела в чулане, *пока* мы *не воротились?*» (Пушкин, Капитанская дочка, «Современник», 1836, т. IV, 107).

«Не спи, *покудова не скатишься* со стула» (Грибоедов, Горе от ума).

«Вперед до тех пор не сажать снопов в овин, *пока* огонь совершенно *не погаснет*» (Тургенев, Два помещика, 28).

«Тут когда-то несколько лет содержалась харчевня, *пока* хозяин Филиппов *не перенес* ее в новый дом» (Достоевский, Бесы, I, 197).

«Здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, *пока не разбудят*» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 75).

«Я пробуду у вас до весны, *пока не вернутся* мои утки, которых я отпустила» (Гаршин, Лягушка-путешественница).

Оборот с отрицанием не является обязательным во всех случаях; очень часто рядом с ним допускается оборот без *не*, который нужно считать тоже вполне обычным для русского языка.

«Чем долее она [игра] продолжалась, тем прогулки на четвереньках становились чаще, *пока* наконец маркер *остался* под биллиардом» (Пушкин, Капитанская дочка).

«Мы посидели, *пока* он *уснул*, и разошлись осторожно» (Некрасов, В больнице).

«Мать... бегала со мной по комнате до тех пор, *пока* я *засыпал*» (Аксаков, Детские годы Багрова-внука, 4).

«Недоумевал весь город, *пока* все *объяснилось*» (Достоевский, Бесы, I, 137).

«Ему пришлось ждать довольно долго, *пока* за дверью *послышались* грузные шаги» (А. Куприн, Детские рассказы, 54).

Когда действие главного предложения совершается совместно с действием придаточного, то оборот с отрицанием не допускается: «Я сидел на берегу все время, *пока они ловили* рыбу». Здесь нельзя сказать: «сидел, *пока не ловили*».

532. В отрицательных сочетаниях у авторов встречается иногда оборот, в котором после *не* при следующем члене предложения стоит *ни.* Это *ни*, имеющее значение *и не*, нередко не понимается современными корректорами и исправляется у авторов на *не.*

«*Не* горят златыми льдами, *Ни* пурпурными снегами Средь небесной синевы Их венчанные главы» (А. Майков, Воробьевы горы).

«Колесо *не* слышит, *ни* щадит» (Некрасов, Плач детей).

«Порою по часам по целым никто *не* едет, *ни* идет» (Случевский, В Заонежье).

533. При словах *все*, *всякий, везде* и под. мы употребляем сочетания местоимений и наречий с частицею *ни*: *что ни, кто ни, где ни.*

«[Сумароков] перевел в свои трагедии из французских стихотворцев *все, что ни* есть хорошего...» (Ломоносов, «Летописи» Тихонравова, 1859, кн. IV, отд. III, 105).

«Пускай печатают *все*, кому *что* на ум *ни* взойдет» (Радищев, Путешествие.., 165).

«*Все, что* у крестьян *ни* было, мы отобрали» (Фонвизин, Недоросль, д. I, явл. 5). «[Кавказский пленник] был принят лучше *всего, что* я *ни* написал...» (Пушкин, Критические заметки, V, 121).

«Надел на себя решительно *все, что* у него *не* было» (Гоголь, Тарас Бульба, изд. Маркса, 1900, т. И, 137. Здесь *не* употреблено по ошибке вместо *ни*).

«Положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать *все, что ни* попадалось» (Гоголь, Мертвые души).

«Казалось, какие-то громадные силы угрюмо покоились в нем, они должны разрушить и себя и *все, до чего ни* коснутся» (Тургенев, Певцы, 144—145).

«Тоскует, когда барин съедает до тла *все, что ни* положит на тарелку» (Гончаров, Обломов, 116).

«Ляжет и уснет *где ни* попало и когда угодно» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 292).

«Она тотчас же влюбилась в портрет, по обыкновению всех девочек в пансионах, влюбляющихся во *что ни* попало...» (Достоевский, Бесы, I, 21).

Необходимо, во-первых, в приведенных оборотах не смешивать частицы *ни* с частицею *не*, во-вторых, иметь в виду, что рядом с ними употребляются обороты и без *ни*, совершенно тождественные по значению и также вполне литературные.

«*Что день*, то снова Осел мой то ж Зевесу пел» (Крылов, Осел).

«Откуплюсь, *чем* только *пожелаешь*» (Пушкин, Сказка о рыбаке и рыбке).

«А хозяин бьет *чем попало*» (Чехов, Ванька).

В этих оборотах можно вставить *ни*, а во всех предыдущих можно его опустить; значение нигде не изменится и правильность речи не пострадает.

534. Оборот *ни на есть,* со вставкою *на*, принадлежит исключительно народной речи. Хотя такое сочетание и встречается изредка у авторов, обыкновенно как подражание народному языку, но образованная речь его не терпит.

«Какое *ни на есть* движение — все от тепла» (Л. Толстой, Солнце — тепло).

«Знаем, видим — лучше смерть как *ни на есть*» (Случевский, Камаринская).

«[Зала] огромных размеров, в два света, с расписанным... потолком... с мраморными статуями (какими *ни на есть*, но все же статуями...» (Достоевский, Бесы, III, 11).

Сравните правильные обороты в следующих примерах:

«И всякий народ... своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым выражая какой *ни есть* предмет, отражает в выраженье его часть собственного своего характера» (Гоголь, Мертвые души, 203—204). «Все мы, сколько нас *ни есть*, будем друг друга обманывать» (Щедрин, Признаки времени, 21). «Все, что *ни есть* в России мыслящего и интеллигентного, отлично поняло...» (Щедрин, Круглый год, 89). «Какая *ни есть* и ни будет наша судьба, мы ее сделали» (Л. Толстой, Анна Каренина, 235).

535. В уступительных сочетаниях *кто ни, как ни, куда ни* и под. частица *ни* не имеет силы отрицания и не может поэтому вызвать за собою родительного падежа вместо винительного. Сравните обороты: 1) «*Что ни* предскажет кому: разоренье, убыль в семействе, глядишь — исполнение!»; 2) «*Чего не* скажу, того и не узнаешь». В первом обороте, не отрицательном, видим *что* в винительном падеже; во втором, отрицательном, имеем *чего*, родительный падеж вместо винительного. Поэтому в следующих примерах правильно у Крылова и неправильно у Вяземского и Allegro.

«Тут бедный Фока мой, *Как ни любил уху*, но от беды такой Скорей без памяти домой» («Демьянова уха»).

«Я тоскую, что простора Не дают моим волнам, Что *куда ни кину взора* — Вижу скалы здесь и там» (Allegro, Терек бед-

ный...). (Сравните правильное у ней же: «Цветы, цветы... *куда на канешь взоры*, Они везде кивают головой...».)

«*Как на оценивай этой книга*, с какой точки зрения ни смотри на нее, а все придешь к заключению, что книга в высшей степени замечательная» (кн. Вяземский (о Гоголе); в «Северной пчеле», 1847, № 107, поправлено: *то есть эту книгу*).

§ 72. Расположение слов и предложений

536. Русский язык отличается особою свободою в расположении членов предложения. Так, подлежащее может стоять и на конце предложения:

«Вдруг мчится с северных сторон И с градом, и с дождем шумящий *аквилон*» (Крылов, Дуб и трость). «Кубки с вином и закуски носили меж зрителей *слуга*» (Жуковский, Ундина, гл. XI, 219).

537. Ломоносов пытался установить в русском языке латинско-немецкое словорасположение со сказуемым в конце сложного предложения, но это не привилось к русскому языку. Во второй половине XVIII в. ломоносовское словорасположение держалось еще в живом языке образованного общества, как это можно видеть из комедий Фонвизина. Теперь такое употребление мы можем найти только в не очень чистых переводах.

«Довольство и покой и радость *изъявляет*, И здравие тебе и крепость *обещает*, Ликуя, веселясь мы празднеством твоим, Усердно все в тебе венчанно солнце *чтим*» (Ломоносов, Монархиня, нося порфиру десять лет).

«Редкие правило ваше наблюдать *умеют*... Опыты жизни моей меня к тому *приучили*... Происшествия с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не *могут*...» (Фонвизин, Недоросль, 48—49. Из разговора Правдина с Стародумом).

«В Сирилунде как будто потише *стало*» (Ганзен, Роза, 86).

«Так я шел два дня, а Мункена Вендта все не видать *было*» (Ганзен, Роза, 112).

«Но Мункена Вендта не уломать *было*» (Ганзен, Роза, 125).

«После того ему еще пуще не по себе *стало*» (Ганзен, Роза, 125).

Замечательный пример подобного словорасположения мы находим в «Бурмистре» Тургенева, где тягучим, замедленным ходом речи намеренно усиливается характеристика Аркадия Павлыча Пеночкина.

«Роста он небольшого, сложен щеголевато, собою весьма недурен, руки и ногти в большой опрятности *содержит*» (256). «Он удивительно хорошо себя *держит*. Осторожен как кошка, и ни в какую историю замешан от роду *не бывал*, хотя при случае дать себя знать и робкого человека озадачить и срезать *любит*» (257).

Подобных случаев много до конца характеристики.

538. Карамзин любил помещать определения после слов определяемых, иногда для указания на них логического ударения («В июле 1566 года Иоанн явил России зрелище *необыкновенное*»), иногда ради плавности речи («История Государства *Российского*»). Первые случаи не чужды и современному языку («Это работник *усердный*»; «Она женщина *бедная*»); вторые долго держались в нашем языке, но теперь едва ли встречаются.

I. «...Княжне начинает нравиться мой разговор; я рассказал ей некоторые из странных случаев моей жизни, и она начинает видеть во мне человека *необыкновенного*» (Лермонтов, Княжна Мери).

«Он получил изрядное воспитание, учился в университете, но, рожденный в сословии *бедном*, рано понял необходимость проложить себе дорогу» (Тургенев, Дворянское гнездо, 1—2).

«На меня она имела влияние *сильное*» (Тургенев, Фауст, 189).

«Участие и любовь *непритворные* видны были на лице Анны» (Л. Толстой, Анна Каренина, 90).

II. «Он собрал однажды совет *свой* и предложил вождям следующий вопрос...» (Грановский, Тимур, 400).

«Потом он повел его в богатый дом *свой*» (Грановский, Предания о Карле Великом, 411).

«Карета, люди и лошади были присланы отцом *моим* из деревни» (Аксаков, Семейная хроника, 225).

«К сожалению, это обстоятельство зависит более от исправности почт, нежели сердец *наших*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 155).

«Отыщите в сердце искру любви к ней [природе], подавленную гранитными городами, сном при свете *солнечном*...» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 160).

«Пение сирены отразилось даже на литературе *нашей*» (Щедрин, Признаки времени, 133).

539. Весьма неудобно разделять словами родительный падеж имени существительного (или местоимения) от другого, к которому оно относится.

«Час смерти близился... и *мрачное чело В последний раз страдальца просияло*» (Батюшков, Умирающий Тасс).

«*И знаков тьму отличья* нахватал» (Грибоедов, Горе от ума).

«Указание на Провидение и покорный тон письма трогают *ее любящее униженную покорность сердце*» (Кони, Судебные речи, 48). (Здесь неудачное расположение почти незаметно, потому что вставленные слова произносятся как вводные, с понижением тона.)

540. Между предлогом и существительным, которое им управляется, не должно быть ни существительного, особенно поставленного в другом падеже или с предлогом, ни наречия. Нехороши сочетания: «*на со* всех сторон двигавшиеся обозы»; «*за в* четверо меньшую сумму» и т.п. Следующие обороты речи нужно признать тяжелыми:

«Будешь им также и *в сердцем желанную землю* отправлен» (Жуковский, Одиссея, XV, 339).

«Гедеоновский... взял двумя пальцами свою шляпу *с аккуратно положенными на одном из ее полей перчатками*» (Тургенев, Дворянское гнездо, 23).

«Это ходили за наряженными *в привлекавшие общее внимание костюмы*» (Сологуб, Мелкий бес, 350).

«Эти пожары легко могут уничтожить лесные заготовки, железнодорожные постройки, не говоря уже *о без пользы погибающих лесных богатствах*» («Новое время», 13 июня 1911 г.).

«Я приехал в Петербург 13-го, часов в 12 дня, а в 6 часов вечера я был уже приглашен *на вовсе не мною* (*не знаю, кем и зачем*) *созванное заседание...*» («Новое время», 20 ноября 1913 г.).

541. Для обозначения времени не точно, а приблизительно в литературном языке употребляется оборот с перестановкой слов: «просидел там *пятнадцать минут*» (ровно 15 минут) — «просидел там *минут пятнадцать*» (около 15 минут); «приду к вам *через три часа*» (ровно через 3 часа) — «приду к вам *часа через три* (приблизительно через 3 часа). В южновеликорусском наречии оборот, принятый для приблизительного обозначения времени, отличается тем, что предлог (*через, в, с*) ставится впереди сочетания. Говорят: «приду *через часа два*», «ворочусь *через минут пять*», «поедет *через недели две*». Такого рода словорасположения встречаются и у авторов, вероятно, только происходящих из южновеликорусской акающей области.

«*Через минут пять* хотели воротить посланного с этим приказом» (Лажечников, Ледяной дом, ч. IV, гл. I, 23).

«Отца попроси, чтоб он стал *в шагах пятидесяти* отсюда с заряженным ружьем» (Лажечников, Последний Новик, 118).

«От окна отошли, и *через минуты две* — слышно было — отлипла дверь в сенях, потом стукнула щеколда в наружной двери» (Л. Толстой, Хозяин и работник).

«Моя мать убеждала ее, что *через месяца два-три...* она все равно предоставит мне полную свободу» (Е.Н. Водовозова, На заре жизни, 436).

«*Через недели две* она пришлет за нею лошадей» (там же, 264).

«Походив по крайней мере *с два часа*, я заметил...» (Чехов, Моя жизнь, 99).

542. От обычного грамматического словорасположения нужно отличать расположение слов риторическое, в котором передвигаются к началу или к концу предложения те члены, на которых автор хочет поставить логическое ударение.

Примеры перестановки слов к началу предложения:

«*Чуден* Днепр при тихой погоде» (Гоголь). «*Отец мой* вами оскорблен жестоко» (Полевой). «*Плохая* им досталась доля» (Лермонтов, Бородино). «*Не род, а ум* поставлю в воеводы» (Пушкин, Борис Годунов). «*Всякую ночь* Лугин проигрывал» (Лермонтов). «И скоро ль, на радость соседей-врагов, *Могильной* засыплюсь землею» (Пушкин).

В последнем примере стихотворный размер допускает и обычное словорасположение; ясно поэтому, что слово *могильный* выдвинуто вперед, чтобы усилить его значение.

Примеры перестановки слов на конец предложения:

«На другой день были новые *казни*» (Карамзин). «Сметливость его и тонкость чутья меня *поразили*» (Пушкин). «Лицо его имело выражение довольно *приятное, но плутовское*» (Пушкин). «Государь движением руки передал Филиппа *воинам*» (Карамзин). «И ненавидим мы, и любим мы *случайно*» (Лермонтов). «Все уговорились держать себя с нею при Степане Михайлыче *ласково*» (Аксаков, Семейная хроника, 160).

Риторическое словорасположение допускает даже разделение близко связанных между собою слов, как в следующем примере из Тургенева: «За книгу он, разумеется, не берется, и на другое утро *та же* повторяется *история*» («Гамлет Щигровского уезда», 217). Тургенев здесь выдвигает и то, и другое слово, поставив одно в конце, а другое впереди сочетания.

543. Впрочем, свобода нашего словорасположения не безгранична, и значительные вольности, которые допускают иногда в этом отношении поэты, считаются недостатком их стиха. Все признают за несомненное, что в следующих примерах — дурное расположение слов.

«*Тебя стола вкруг ожидая*» (Державин, Приглашение к обеду).

«Что ум высокий можно скрыть *Безумной шалости под легким покрывалом*» (Пушкин, К Каверину).

«Все богомерзкие народы *Со дна воздвиглись царства тьмы* Во имя света и свободы» (Тютчев, Теперь тебе не до стихов).

«*Лишь* высших гор *до половины* Туманы покрывают скат» (Тютчев, Утро в горах).

«*Словно прадедов виною Для сынов погибший рай*» (Тютчев, Вновь твои я вижу очи).

«Ты слыхала, *легко обирать Наше будто богатое* барство» (Некрасов, Убогая и нарядная). (Какой смысл имеет это *будто:* союза — *будто легко...* или наречия при *богатое — будто* (*как бы*) *богатое?*)

«*Твой двор чтоб видеть вновь,* Армянских двух царевен Отвергли мы любовь» (А. Толстой, Сватовство).

«То не погонщик гонит *ли* верблюда?» (Фофанов, Герцог Магнус. Вместо: «То не *погонщик ли* гонит верблюда?»).

«Сегодня заглянул я *в старых писем связку*» (Ратгауз, Как мимолетно все!).

«Мы с тобой бредем *Под несбыточных желаний Пагубным огнем*» (Ратгауз, В пустыне).

«Не замолишь греха, *ставь хоть свечи весь год*» (Измайлов, Сон в Иванову ночь).

544. Наречие должно стоять рядом с тем словом, к которому оно относится, если оно не выдвигается к началу предложения для усиления обстоятельства (тогда на него обыкновенно падает логическое ударение), как в следующих случаях:

«*Скорее* обличите Кантемира *в невежестве*, нежели в пристрастии» (Батюшков). «Вероятно, страдания *очень* меня *переменили*» (Пушкин, Джон Теннер). «Сначала *очень* была *огорчена*» (Пушкин, Арап Петра Великого). «Хоть *строго* данную ей власть В монастыре она *блюла*» (Жуковский, Суд в подземелье).

Следующий пример представляет уже отступление от нормы: «В течение четырнадцати месяцев я *только* мог *однажды* писать» (Пушкин). Подобные нарушения порядка слов особен-

но неудобны там, где возможно двоякое понимание фразы, как это мы нередко видим у Крылова, слишком свободно передвигавшего для размера слово *лишь*.

«О львенке ото всех *лишь* слышать *похвалу*» («Воспитание льва»). «Что свежесть *лишь* вода *движеньем* сохраняет» («Пруд и река»). «Везде *лишь* от него и *грязь и лужи*» («Цветы»). «*Безумный* плачет *лишь* от бедства, А умный ищет средства...» («Соловьи»).

Вообще, мы видим, что русская речь особенно портится от произвольной перестановки некоторых наречий (*очень, лишь, хоть*), союзов и междометий. Вольную постановку междометий допускали, впрочем, лишь старые авторы: «И Полимнестор сам Является моим, *ах*, полным слез очам!» (Ломоносов, Демофонт). «Я верила словам, Мемнон, *ах*, полным яду!» (там же).

545. Частица *таки* обыкновенно стоит после тех слов, с которыми поставлена (*все-таки, не пришел-таки*), но допускается и впереди.

«Советую, как и всегда, уступить временщику. Да! *таки* уступить!..» (Лажечников, Ледяной дом, гл. V, 115).

«Статский советник, хоть и сам пропал, но *таки* упек своего товарища» (Гоголь, Мертвые души, 452).

«Сучок карабкался, болтал ногами, прыгал и *таки* выбирался на более мелкое место» (Тургенев, Льгов).

«Они опять стали бороться со мной и *таки* посадили...» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 141).

«Елена промолчала, и я *таки* запер ее и в этот раз» (Достоевский, Униженные и оскорбленные, 244). (У Гоголя и Достоевского *таки* хотя и соединено черточкой с предыдущим словом, но по смыслу эта частица относится у них к глаголу.)

«*Таки* будет сосед ко мне в гости ходить» (Никитин, Ссора (народное).

546. В тех глаголах, в которых *не* составляет неотделимую приставку, не принято ставить после него наречие, хотя это и наблюдается иногда в нестрогом разговорном языке, откуда переходит и в печать: «Мадам Клавская... объяснявшая свой отъезд

тем, что она очень устала и что ей *не совсем здоровится*» (Писемский, Масоны, 19).

547. Частица *не* должна стоять перед тем словом, которое отрицается: «Ты меня *не видел*» (отрицается действие); «*Не ты* меня видел» (а другой кто-нибудь); «Ты *не меня* видел (а кого-нибудь другого). Перестановка *не* встречается только у старых авторов: «Поклоны чуть ему земные *не* кладут» (Хемницер. Вместо: *чуть не земные*). «Путешествие *не* показалось ему столь ужасно» (Пушкин, Арап Петра Великого. Вместо: «*показалось не столь ужасно*»).

548. Вводное предложение или речение должно стоять впереди того слова, к которому относится. Этим мы избегаем двусмысленности, которую, например, находим у Батюшкова: «Я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, *так сказать*, украшениями (здесь ясность речи требует расположения: «отягченную, *так сказать*, раздавленную украшениями»).

549. Нельзя ставить главного предложения среди придаточного или частей придаточного полного между членами другого придаточного, которому оно подчинено.

«И птицам, *грех сказать,* чтобы давал потачку» (Крылов, Осел и мужик. Вместо: «грех сказать, чтобы давал потачку птицам»).

«*Я и без вас* воды *не знаю* где достать» (Крылов, Мельник).

«Манилова проговорила... что он очень обрадовал их своим приездом *и что* муж ее, *не проходило дня*, чтобы не вспоминал о нем» (Гоголь, Мертвые души, 42. Вместо: «и что не проходило дня, чтобы муж ее...»).

Здесь везде мы имеем обороты безыскусственной разговорной речи.

§ 73. Ясность выражения

550. Во избежание двусмыслия местоимения *он, она, оно*, а также и другие слова указательные и определительные нужно помещать так, чтобы они указывали на тот именно предмет, о

котором говорится, и не могли быть отнесены к другому. Старинная критика, в особенности школьная, заходила в этом случае слишком далеко и не допускала местоимения после двух существительных даже там, где смешение их невозможно по смыслу речи. Пример образцовых писателей показывает, что в этом случае следует руководствоваться содержанием речи, а не отвлеченным правилом, определяющим ее форму, и в стилистических требованиях не должно выходить из пределов практической нужды.

Так, в учебниках словесности приводится в образец неточного выражения фраза Гончарова: «Если бы не эта тарелка, да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней (на постели или на трубке? — спрашивают авторы учебников), то можно было бы подумать, что тут никто не живет» (Сочинения, изд. Маркса, т. III, 8). Так как хозяин, конечно, не мог лежать на трубке, то двусмысленности здесь нет и фраза Гончарова стилистически вполне удовлетворительна. Также терпимы и следующие: «При сих словах прервался Лафатеров голос; он утерся белым платком» (Карамзин). Само собою разумеется, что Лафатер, а не голос утирался белым платком. Сравните также: «Лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мне поводья и пошла пешком домой» (Пушкин, Выстрел). Само собою понятно, что испугалась и отдала поводья жена, а не лошадь; это показывают и знаки препинания[17].

Конечно, вообще расположение слов должно быть стройно, мысль необходимо выражать совершенно ясно. Худо, например, когда относительное местоимение отделено от своего существительного другим, к которому его можно бы было отнести, как, например, у Батюшкова: «Или рев *источника*, образованного *снегом, который* стрелою протекает по каменному дну между скалгранитных» (Отрывок... о Финляндии). Фразу с *который*

[17] См.: Буслаев, «Историческая грамматика», § 204, в котором говорится, что писатели руководствуются «в употреблении местоимения он более внутренним смыслом, нежели внешнею формою» речи.

понять нетрудно по логическому смыслу слов, но расположение их здесь все же очень неудачно.

Еще хуже, когда читающему действительно неясно, куда отнести данное местоимение или имя:

«Гребни утесов, один выше другого, пересекались» (здесь непонятно, что выше: гребни или утесы?). «Дом был небольшой, но каменный, старый, двухэтажный, окрашенный грязно-желтой краской. В одном из окон нижнего этажа, *которых* было всего три, торчал маленький красный гробик, — вывеска незначительного гробовщика» (Достоевский, Униженные и оскорбленные, 188. Неясно, если невнимательно прочитать первое предложение: три этажа или три окна?).

В общем, писатели, особенно современные, редко употребляют такие сочетания слов, в которых неуместно поставлены местоимения, беспорядочно или неправильно расположены слова определительные и определяемые, нет соглашения в роде и числе слов. Конечно, такие примеры встречаются и теперь, всего чаще в периодической печати, по необходимости работающей поспешно, но прежде их было гораздо больше. Гоголь, например, дает чрезвычайно большое количество таких словоупотреблений, которых мы совершенно не допускаем. Но к небольшим неловкостям выражения мысли можно относиться снисходительно, если для непредубежденного читателя смысл речи вполне ясен. Придирчивая стилистическая критика уже сказала Гоголю свое слово осуждения, и он уже ответил на него незабвенным образом «светлой головы», разъяснившей, что «мертвых душ» быть не может, «ибо душа бессмертна».

«Отправился домой прямо в свой *нумер, поддерживаемый* слегка на лестнице трактирным слугою» («Мертвые души», 12). «На закуске после *обедни, данной* городским *главою, которая* тоже стоила обеда» (там же, 22). «Старуха принесла... *солонку,* которую никак нельзя было поставить прямо на стол. Герой наш по обыкновению сейчас вступил *с нею* в разговор» (там же, 114). «*Голос* его показался Чичикову как будто несколько знакомым. Пока он *его* рассматривал, белокурый успел уже нащупать

дверь и отворить ее» (там же, 115—116). «Петербург... наполнен *старухами* в изодранных платьях и салопах, *совершающих* свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих» («Невский проспект»).

Сравните также:

«Он увидел Иисуса, окровавленного, бледного, в терновом венце, остриями своими *вонзавшимися* в лоб» (Андреев, Иуда, 69). (Вместо: *вонзавшемся.* Вероятно, описка или опечатка под влиянием предыдущего слова *своими.*) «По улицам плетется нужный народ; иногда переходят *ее* русские мужики...» (Гоголь, Невский проспект). «Тяжкий, огромный руками обеими *камень* катает; Он и руками *его* и ногами, что сил, подпирая, Катит *скалу* на высокую гору» (Гнедич, Тантал и Сизиф в аду).

§ 74—75. Выбор форм и слов

551. Следует избегать стечения одинаковых падежей, особенно если при этом получаются выражения, неясные по смыслу. Уже Греч правильно заявлял, что нехорошо сказать: «Он считался *всем полком храбрым офицером*». Лучше: «Он считался *во всем полку* храбрым офицером». Тот же Греч говорил об этом и подробнее: «Всячески надлежит избегать стечения равных или подобных падежей; например: *солнце поле освещает; листья дубы украшают; писатель, называемый плохим всем светом; начальник сына соседа моего друга; я любовался страною, освещенною луною.* Этого можно избежать изменением падежей: *поле освещается солнцем; дубы украшаются листьями; писатель, которого весь свет называет плохим*» («Чтения о русском языке», II, 209—210).

«*День* покрыл *туман*» (Языков).

«*Дом* со всех сторон сторожит *сад*, погруженный в непробудный сон» (Щедрин, Убежище Монрепо, 95).

«Ясно несется к нам в блеске денницы звук *колокольчиков вышедших стад*» (Случевский, Слышишь: поют по окрестности птицы).

«Изредка ожидание *счастия свидания нынешней ночи* вспыхивало ярким светом в его воображении» (Л. Толстой, Анна Каренина, 246).

«После *грозовых дождей последних дней* наступила холодная, ясная погода» (там же, 371).

«Танечка... с хохотом, семеня *своими обтянутыми чулками сытыми ножками*, полетела в коридор и в детскую» (Л. Толстой, Нечаянно).

552. Сюда же нужно отнести стечение иностранных несклоняемых слов. Так, во фразе «Похвальное слово *Пристли Кювье*» непонятно, кто кому говорил похвальное слово. И при русских словах родительные падежи нередко неясны по смыслу; таковы, например, были бы заглавия статей: *Допрос короля, Посещение Вильгельма*, из которых не видно, кто кого допрашивал и посещал.

«*Русский роман XV века*, то есть русский роман, сочиненный в XV веке — очень любопытно!» (Белинский, IV, 205).

«Уже несколько дней на стенах, киосках и углах красуется объявление: “Обозрение Шебуева”. Вначале я недоумевал, думал: авось опечатка — забыли слово “сочинение” вставить. Какая дикая, несуразная вещь. В театре предстоит “обозревать Шебуева”?! Так, что ли?! Его жизнь, творчество?!» («Биржевые ведомости», 13 августа 1908 г., № 10653).

553. Отягощает речь и соединение форм неопределенного наклонения, зависящих одна от другой, как в следующем примере: «Все могли знать, подозревать это, но никто не должен был *сметь говорить*» (Л. Толстой, Анна Каренина, 390). То же и у Грибоедова: «В мои лета не должно *сметь* Свое суждение *иметь*» («Горе от ума», д. III, явл. 3).

554. Необходимо избегать и повторения предлога:

«Часто сходился я *с* людьми *с* душой благородной, *с* светлым умом» (Соллогуб, На сон грядущий). (У Белинского, VI, 165, с замечанием: «В этой фразе странная двусмысленность, которой можно было избежать, употребив прекрасный лишь русскому

языку[18] свойственный оборот: *души благородной, ума светлого*».) «Гнев его... дошел *до* утра *до* крайних пределов» (Л. Толстой, Анна Каренина, 463. Лучше бы сказать: *к утру*).

555. Само собою разумеется, что следует избегать и повторения союзов. Такое повторение нередко наблюдается у Гоголя и Л. Толстого.

«Чичиков стал было отговариваться, *что* нет; но Собакевич так сказал утвердительно, *что* у него есть деньги, *что* он вынул еще бумажку...» (Гоголь, Мертвые души, 199).

«*Что* обе дамы наконец решительно убедились в том, *что* прежде предположили только как одно предположение, в этом ничего нет необыкновенного» (там же, 358).

«Вронский уважал и любил его в особенности за то, *что* чувствовал, *что* Яшвин любил его не за его имя и богатство...» (Л. Толстой, Анна Каренина, 227).

«Он не знал, *что* Левин чувствовал, *что* у него выросли крылья» (там же, 492).

556. Уже старинные стилисты-теоретики не допускают повторения в одной фразе и соседних одинаковых слов или слов, близких по звукам, но писатели часто не стесняются нарушать эти требования. Такие нарушения происходят частью от небрежности в слоге, частью от трудности строго разграничить два близких явления: 1) повторение слов по стилистическому неискусству пишущего (*это случилось случайно*), 2) художественное повторение, известное под именем тавтологии, обнимающее преимущественно уже сложившиеся в языке общепринятые, часто очень поэтические повторения (*сказывать сказки, криком кричит, беги бегом, рад-радехонек* и под.). Нам кажется неловким выражение Толстого *бесчисленное число,* но для авторов, по-видимому, это род общепринятого окаменелого литературного сочетания (как у нас в разговоре: *старый старик*). По разъяснению проф. Р.Ф. Брандта, у Тасса встречается как раз то

[18] Присваивая этот оборот только русскому языку, Белинский ошибался: родительный свойства известен в разных индоевропейских языках. Русский народный язык даже не знает таких оборотов, как человек великого ума, люди благородной души — они книжные и, наверно, заимствованные.

же *innumerabilnumero.* («Освобожденный Иерусалим». Поэма Торквато Тассо. Перевод Ореста Головнина (Романа Брандта), М., 1912. Соответствующее место: «Но ты не думай, что *число бесчисленного* полчища отхрою...» Песнь XIX, строфа 121, стих 1 и 2, в подлиннике — 2-й стих.) Иногда повторение сходных слов даже придает замечательную силу выражению, как в следующем примере намеренное усиление речи у Лермонтова: «Солнце садилось, когда я подъехал к Кисловодску, *измученный* на *измученной* лошади».

Ломоносов писал: «В рассуждении речений должно остерегаться, чтобы не повторять часто одного, например: "За *славу отечества* стоял он крепко, когда *слава отечества* была в бедственном состоянии и когда о помрачении *славы отечества* неприятели старались"» («Краткое руководство к красноречию», § 175).

«*Потребно* знать *употребление*» (Мерзляков, Краткая риторика, М., 1809, с. 44).

«...Тяжести, которые лежат на моей *бессовестной совести*» (Гоголь, Письмо к Погодину).

«В начале *рассказа* я вам *сказывал*...» (Тургенев, Андрей Колосов, 36).

«Но спутница его сама залепетала весьма речисто, *беспрестанно* утирая *беспрестанно* накоплявшиеся слезы» (Тургенев, История лейтенанта Ергунова).

«Он выиграл в продолжение своей жизни несколько миллионов и имел связи с *бесчисленным числом* женщин всех сословий» (Л. Толстой, Детство и отрочество, 48).

«С первого же дня, как он увидал Катюшу, Нехлюдов *почувствовал* прежнее *чувство* к ней» (Л. Толстой, Воскресение, 77).

«В это время Левин часто бывал *в доме* Щербацких и влюбился *в дом* Щербацких» (Л. Толстой, Анна Каренина, 31).

«Честолюбивые *планы* его опять отступили на задний *план*» (там же, 455).

«Здесь и самые *звуки звучат* тишиной» (Вл. Соловьев, Этот матово-светлый жемчужный простор...).

В общем, однако, это требование стилистики издавна соблюдается. Так, у Пушкина в рукописи Бориса Годунова: «*Желал* бы

знать, чего *желает* он». В печати исправлено: «*Желал* бы знать, о чем *гадает* он». У Белинского тоже находим: «Ее заунывным ветром, *который* свободно гуляет по необозримой снежной равнине, *которой* унылое однообразие изредка нарушается то печально зеленеющеюся елкою...» (Белинский, VI, 476 и 626). Так в рукописи; в журнале, в печатном тексте, уничтожено первое *который* и заменено: *свободно гуляющим.*

557. Школьная стилистика учит не допускать в речи плеоназмов, то есть слов излишних, ненужных. Таковы, по одному старому учебнику, выражения: *вернулся назад, возобновить снова, выбежал вон, оглянуться назад, повторил еще раз, сошлись вместе, разбить в мелкие дребезги, мелкие зернышки, один только я не видал* («Справочное место русского слова»). Нетрудно видеть, что во многих случаях здесь мы имеем давно сложившиеся, общепринятые в языке обороты для более ясного, резкого выражения мысли. Конечно, и писатели охотно употребляют такие выражения, а не избегают их. Мы все говорим *старый старик* не потому, что предполагаем существование «молодых» стариков, но потому, что знаем разные степени старости и данным выражением хотим обозначить высшую ее степень. Мы могли бы сказать *древний старик*, но это простонародно; есть выражение *глубокий старик*, но оно не чисто русское. Точно так же *зернышки* — одна степень мелкости, а *мелкие зернышки* — другая, высшая. Действительно, *повторить* значит «сказать еще раз», но ведь повторить можно и два и три раза, — таким образом, одного слова *повторить* еще мало в ясной речи.

«Но им *назад* не *воротиться*» (Жуковский).

«Под крылышко к дружку *назад* я *ворочусь*» (Крылов, Два голубя).

«Отряд выставил перед собою две *маленькие пушечки*, найденные в Яссах» (Пушкин, Кирджали).

«*Быстро* они *устремясь*...» (Гнедич, Илиада, песнь I, стих 312).

«Этот клуб... показался мне теперь какой-то *безлюдной пустыней*» (Апухтин).

§ 75.

558. Безупречная прозаическая речь не допускает того, чтобы в ней встречались рифмы. Редкие случаи нарушения этого требования происходят, вероятно, вследствие того, что сочинение пишется поспешно и не перечитывается вслух.

«Через мгновенье вновь начинается рознь, раздор и галденье» (Щедрин, Признаки времени, 33).

«Наконец, часу во втором, мы поехали *втроем*» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 398).

«Здесь необходимые ткани и хлеб, отрава и целебные травы» (Гончаров, Фрегат «Паллада», 441—442).

559. Конечно, неуместен в прозе и стихотворный размер, как, например, в таких предложениях: *Сестра пришла, когда ее совсем не ждали* (Сестра́ | пришла́ | когда́ | её | совсе́м | не жда́ли); *Ваша тетя знает наших братьев* (Ва́ша | тётя | зна́ет | на́ших | бра́тьев); *Голова на плечах у него преразумная* (Голова́ | на плеча́х | у него́ | преразу́м|ная); *Тихая девушки вынесла тяжкое горе* (Тихая | де́вушка | вынесла | тя́жкое | го́ре); *Прекрасно ответил на этот вопрос и второй ученик* (Прекра́сно | отве́тил | на э́тот | вопро́с и | второ́й у | ченик).

Стих в прозе оказывается в следующем месте у Пушкина: «Есть образ мыслей и чувствований, *есть тьма обычаев, поверий и привычек*, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (V, 30)[19]. Подчеркнутые слова составляют шестистопный ямб с лишним слогом на конце. Сравните также:

Уже совсем стемнело, и начинало холодать (Тургенев, Ермолай и мельничиха, 54. Здесь трехстопный ямб с лишним сло-

[19] Академик Ф.Е. Корш, указавший этот стих, замечает, что это «явление, редкое у Пушкина, что стоит отметить, потому что стихи в нашей прозе попадаются часто, где их совсем не ожидаешь, как в телеграммах, в полицейском дневнике происшествий, в объявлениях и т.п. ... Любопытно, что Писемский... был довольно щедр на стихи, вероятно, сам того не сознавая и даже именно по этой причине» (Известия ОРЯС. 1899. Кн. 2. С. 535). Что касается Пушкина, то, по указанию акад. Корша, он был в данном отношении истинный классик и стихов в его прозе вообще нет.

гом на конце и четырехстопный ямб). *Подстрекнул меня нелегкий, загляделся на красотку* (Соллогуб, Тарантас, Сочинения, т. II, 414. Здесь два четырехстопных хорея). *Уже поспел живительный кумыс, закис в кобыльих турсуках* (Аксаков, Семейная хроника, 24. Пятистопный и четырехстопный ямб). *Он не знал как будто, что это за мысли* (Андреев, Иуда, 67. Здесь два трехстопных хорея). Гордость невежд началась непомерная (Достоевский, Дневник писателя. Здесь четырехстопный дактиль).

КОММЕНТАРИИ

«Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» — наиболее известный и важный труд В.И. Чернышева. Еще в рукописи он был удостоен Академией наук премии имени М.И. Михельсона. Первое издание было весьма высоко оценено и подробно разобрано в рецензии И.В. Ягича[20], замечания которого были учтены автором при подготовке последующих изданий.

«Правильность и чистота русской речи» оказала заметное влияние на последующее развитие теории и практики нормализации русского литературного языка, на формирование учения о культуре русской речи. Идеи В.И. Чернышева легко ощутимы в работах С.И. Ожегова, Д.Э. Розенталя и других ученых; как уникальное собрание фактического материала книга эта до сих пор не имеет себе равных. Подавляющее большинство рекомендаций В.И. Чернышева вполне сохраняют свою силу и в наши дни.

Первое издание «Правильности и чистоты русской речи» вышло в 1911 г. Для второго издания «значительно увеличенного объема» В.И. Чернышев предполагал подготовить три выпуска, «из которых каждый будет составлять отдельную законченную часть грамматики: в 1-м будет заключаться фонетика, во 2-м — образование и изменение слов (морфология), в 3-м — синтаксис. В виде дополнения к данному изданию предполагается потом выпустить небольшой русский стилистический словарь, который будет содержать те затруднительные для употребления случаи, которые относятся не к грамматической, а к лексической (словарной) стороне языка». Однако вместо этого второе издание появилось в двух выпусках: «Фонетика» — в 1914 г. и «Части речи» — в 1915 г., а одновременно увидело свет в 1914—1915 гг. третье издание, сокращенное — «Фонетика. Части речи. Синтаксис». Планам создания нормативно-стилистического словаря вообще не суждено было осуществиться, а самая идея была воплощена лишь в наше время под руководством С.И. Ожегова[21].

В настоящем собрании воспроизводится текст третьего издания, поскольку, по словам автора, оно «передает в одной книге все главное и практически важное из содержания трех выпусков 2-го издания.

---

[20] Перевод этой рецензии дается в конце комментария.

[21] См.: Крысин Л.П., Скворцов Л.И. Правильность русской речи: словарь-справочник. М., 1962; 2-е изд. М., 1965.

Опускаются некоторые теоретические рассуждения, разные подробности и замечания частного характера и часть примеров. Исключается также почти все то, что относится к истории языка, и значительная часть того, что касается «неправильного его применения» (см. «Предисловие к 3-му изданию»). Текст воспроизводится без каких-либо изменений; опущены отдельные устаревшие примеры, в основном из газет того времени.

Русская книга о правильности и чистоте русского языка

(Чернышев В. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1911. 229 с.)[22]

В общем количестве русской книжной продукции теоретическое наблюдение за правильным применением русского языка занимает весьма незначительное место. Можно, пожалуй, сказать, что с тех пор, как в русской грамматике усилиями Буслаева восторжествовала гриммовская точка зрения, более раннее готтшедовское упорядочение языка, имевшее главных представителей в лице Греча или Шишкова (Востоков занимал свою особую, исторически-консервативную позицию), почти целиком сложило оружие. Еще Белинский охотно касался в своих критических работах языковой стороны. Достаточно вспомнить, как превосходно судил он о языке Ломоносова, Карамзина, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. В своих рассуждениях он отнюдь не избегал лексических и грамматических явлений; именно ему принадлежит высказывание о том, что не Академия, не грамматики и не лингвисты содержат в чистоте язык, а дух народа (X, 82). Вряд ли было бы ошибкой полагать, что, по Белинскому, под народным духом надо понимать язык великих писателей, являющийся лучшим стражем языка вообще. Ведь известно, что он не был свободен от предубеждений перед языком народных масс — точно так же, как и перед народной поэзией. Впоследствии литературная критика стала довольствоваться упоминанием великолепного языка таких величин, как Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гончаров и другие, без какого-либо анализа тайн стиля их столь удачных по языку произведений. В сотнях критических обсуждений художественной литературы еще и теперь едва ли можно

[22] V.J. Ein russisches Werk über die Richtigkeit und Reinheit der russischen Sprache // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1912. B. 33. Heft 3—4. S. 482—493 (пер. с нем. В. Костомарова).

обнаружить серьезное отношение к языковой стороне. Рецензируемый труд Чернышева, будучи счастливым исключением и, в самом деле, редким явлением, привлекает поэтому к себе самое пристальное внимание. Это обстоятельство и оправдывает появление данного отзыва в нашем журнале.

При существенном расхождении между письмом и произношением в русском языке, прежде всего, возникают орфографические затруднения, аналогичные тем, которые имеются во французском или английском языке; для полного их преодоления требуется высокая степень теоретического осмысления. Если писатель полагается на корректора, не очень подготовленного в грамматической теории, то в напечатанном тексте неизбежно появляются грубые нарушения как орфографии, так и грамматики, которые трудно извинить ссылкой на типографские опечатки. Значительная часть подобных неправильностей в напечатанных текстах (трудно судить о положении дела в собственноручных рукописях отдельных писателей) объясняется звуковым характером русского языка — наличием четко не произносимых русских звуков. Отсюда естественное смешение *е* и *и*, *о* и *а*, *я* и *е* и т.д. Поэтому указания к орфографически правильному способу письма издавна стали неотъемлемой и крайне желательной вспомогательной частью русской школьной литературы. Этим вопросом занималась и Петербургская академия. Я сам был свидетелем тому, как в незабываемых 1880—1886 годах на заседаниях Отделения словесности известным академиком Я.К. Гротом вырабатывалось руководство по орфографии и грамматике, которое он читал нам по мере продвижения своей работы. Поскольку Я.К. Грот следовал в орфографических вопросах верному принципу quiēta non movēre и, соответственно, подходил к делу весьма консервативно, задача, в сущности, сводилась лишь к тому, чтобы при наблюдаемых колебаниях отдать предпочтение тому написанию, которое признавалось более оправданным или единственно правильным, и узаконить его согласием всего академического Отделения. Предложения Грота редко вызывали возражения и, как правило, находили молчаливую поддержку остальных членов Отделения. Я вспоминаю только (да простится мне, как единственному еще живому члену тех лет, эта небольшая нескромность), что представление Грота писать *е* вместо *ѣ* в *лекарь*, *лекарство* и однокоренных словах натолкнулось на противодействие, а именно: академик Бычков открыто заявил, что он все равно будет и в дальнейшем писать здесь *ѣ*.

Возможно, именно поэтому Грот впоследствии отказался от своего первоначального намерения. Мои же протесты против якобы «этимологического» написания *вядчина* вместо принятого *ветчина* не были приняты; Грот не обратил внимания на то, что главный его довод — сопоставление с польским wędzić— не соответствует действительности. Лишь при позднейшей переработке руководства он несколько уступил, заявив, что можно здесь отвлечься от «этимологического» написания и писать *ветчина*! Долго обсуждалось, насколько я помню, колеблющееся написание инфинитива *идти* или *итти.* По желанию Грота было санкционировано *итти,* хотя основание и не было достаточно убедительным. Ведь не может быть сомнений в том, что произношение *итти* находится под влиянием настоящего времени *иду; итти* является, таким образом, всего лишь фонетическим написанием, которое, как известно, обычно отступает в русской орфографии перед этимологическим; ср.: *рассчитать*, *искусство* и даже *рассорить.* Книжка Грота вышла многими изданиями; в настоящий момент у меня под рукой нет ни первого, ни последнего издания и я не могу сказать, насколько существенны предпринятые улучшения.

Если книжка Грота является, главным образом, орфографическим пособием, то рецензируемый труд Чернышева преследует более высокие цели: не просто показать, как правильно писать данные языковые формы, но учесть их постоянное обновление, смену частично устаревших новыми, составляющими современный запас форм и оборотов. Таким образом, это отрезок истории русского литературного языка, иллюстрируемый выписками из наиболее видных писателей XIX в. и новейшего времени. Книга не просто лишь предостерегает против неправильностей, но на многочисленных примерах показывает, как в языке, подобно живому лесу, отдельные формы и обороты, пройдя расцвет и всеобщее одобрение, затем начинают завядать и, наконец, полностью выходят из обращения под давлением молодых побегов. Разумеется, такие солецизмы, как их принято называть в стилистике, идут бок о бок с действительно ошибочно употребленными формами языка. Их разграничение проводится автором этой в остальном весьма основательной книги не всегда точно и последовательно. Единственный недостаток этой безукоризненной книги, по сути дела, в том, что автор очень часто зачисляет в один ряд совершенно различные факты и явления. Возможно, он при этом полагал, что читателю безразлично, по какой внутренней причине та или иная форма считается неже-

лательной. Может быть, и так, но все же читатель, по крайней мере внимательный, находил бы большее удовольствие при строгом различении разных случаев и по выдвинутым основаниям мог бы сам легко оценивать то большую, то меньшую меру отклонения данного явления от нормы. Так, например, уже в первых параграфах «Фонетики» приведены формы *вострый*, *вохра* с их производными, *невежа*, *роту, загинала* (вместо *загибала*), которые, конечно, надо оценивать иначе, чем действительно «неорфографические» написания *воображает*, *раззорился*, *жневье*, *мошейник* и т.д. Во многих случаях автор, видимо, сам не решил, какую форму следует объявить правильной. Он, например, осуждает *псалтырь*, аналогичный, однако, слову *монастырь*, предпочитает написание *ляшка* написанию *ляжка*, хотя и приводит здесь же слово *ляга* в том же значении (бедро); если в родительном падеже множественного числа действительно произносится *ляшек*, то это может объясняться произношением именительного падежа *ляшка* точно так же, как *свадеб* — произношением *свадьба* (вместо **сватьба*).

Автор назвал свой труд опытом стилистической грамматики, а не собственно стилистикой, хотя в последней, синтаксической части его книги многие наблюдения чисто стилистического характера. В настоящем своем виде исследование, как это понимает и сам автор, обращено слишком сильно на отдельные формы слова и синтаксические обороты из области учения о падежах. Будем надеяться, что ярко выраженный интерес автора к современному языку в дальнейшем расширит свои границы, захватив существенные особенности истинно русского стиля в образцовой прозе. Это было бы очень желательно, хотя, несомненно, задача не из легких.

«Стилистическая грамматика» Чернышева состоит их трех частей: Фонетика (с. 15—27), Образование и изменение слов (с. 27—147) и Синтаксис (с. 147—208); им предпослано Введение (с. 5—15), в котором высказаны верные соображения о трудности, если не сказать — невозможности выявления на фоне беспрерывных сдвигов в употреблении отдельных форм и оборотов нормативной формы русского литературного языка, коль скоро исследователь не ограничит себя весьма небольшим отрезком времени. В качестве главного критерия правильности и вытекающей из нее чистоты Чернышев выдвигает общее речевое употребление: правильным может быть признано только то, что в данный момент является общеупотребительным. Разумеется, этот принцип следует применять с осторожностью. Ведь в общее упо-

требление могут вкрадываться и вредители, достойные лишь изгнания. Требования так называемых пуристов (сравните показательный пример на с. 13—14) идут, как правило, много дальше общественного мнения большинства. В остальном в фонетике автор мог ограничиться краткими замечаниями, поскольку относящийся сюда материал составляет главное содержание орфографической книжки Грота. Напротив, вторая часть, посвященная образованию и изменению слов, выполнена подробно и основательно. Многое отсюда могло бы, конечно, рассматриваться и под рубрикой «Фонетика»; например, вопрос о написании *вымысл* или *вымысел* (§ 7), даже вопрос о написании *крылышко* или *крылушко* и подобных (§ 6) относятся собственно не столько к словообразованию, сколько к фонетике, так как здесь речь идет о колеблющемся произношении иррредуцированного гласного в безударном слоге. Содержание пункта 12 также рассматривалось уже Гротом в его книжке. Начиная с § 8 обсуждаются отдельные падежные формы, прежде всего употребление генитивов на *-у* и локативов на *-у.* Автор подробно останавливается на обоих явлениях (пункты 18—20 и пункт 21), но, естественно, не исчерпывает их. Эти темы должны были бы быть сначала исследованы монографически, причем следовало бы, рассматривая генитив, разделить случаи самостоятельного употребления от предложных выражений, а также изучить употребление по группам; ср. примеры типа *с бою, с виду, с возу*, *с испугу, с умыслу, от жару, от страху, нас от часу, с часу на час, с глазу на глаз, без носу, без умолку, до упаду* и под., затем партитивный генитив: *напиться дурману, взяв песку, мелу, зеленого чаю, дайте себе сроку, подбавить чернозему,* наконец, в отрицательном предложении: *и виду не подавал, и слуху нет, ладу нет, спеху нет, не жду я проку, простору нет, покою не знаю, толку не знал, шагу ступить нельзя, не кончить веку, ни мигу не посидит* и т.д. При локативе, всегда, разумеется, употребляющемся с предлогом, можно было бы, однако, сгруппировать примеры по различным предлогам. К перечисленным на с. 38 примерам я бы добавил известное выражение *наяву* и *в миру* — из Пушкина, *на скаку* — из Тургенева. Не знаю точно, из Пушкина или из Тургенева мне запомнилось также *на плоту.* Заслуживало бы упоминания смысловое различие между *не в духе быть* и *что ты был на духу?*

Не предпринимается и попытки отдельно перечислить примеры на номинатив множественного числа мужского рода с окончанием *-á;* более того, автор предпочел показать на примерах с окончанием *-ы*

или *-и*, что такие старые формы сохранились даже и при окончании *-á.* Мне и здесь хотелось бы, по меньшей мере, увидеть список наиболее употребительных слов на *-а́* в номинативе множественного числа. Число этих случаев, как кажется, растет с национализацией языка. То же впечатление оставляют и замечания по поводу других падежей: вместо того чтобы подтвердить новейшее употребление примерами, которые отнюдь не были бы излишними, так как русская школьная грамматика далеко не точна в перечислении фактов языка, автор ограничивается привлечением для нынешнего времени устаревших явлений, главным образом из старших писателей. При этом сопоставляются не всегда равноприродные явления; например, на с. 44 находим иллюстрации генитива множественного числа *солдатов, сапогов, волосов* вместо более привычных старых форм *солдат, сапог, волос*, но, к нашему удивлению, среди них стоит и совершенно неверная форма *славянов* (из Пушкина), которая по своей естественной принадлежности должна была бы рассматриваться лишь на с. 46. Можно было бы также спросить автора, почему не все явления того или иного падежа рассматриваются вместе, а часто обсуждаются вперемешку. Пункт 25 начинается с упоминания старых форм генитива множественного числа; о том же падеже применительно к другим словам говорится еще в пунктах 27, 32, 35, 37, 40, 42, 44; этот материал перемежается наблюдениями совсем иного рода, которые затрагивают не только один генитив множественного числа. Так, в пункте 29 рассматривается склонение существительного *день,* в пункте 30 — одно явление чисто фонетического характера. Пример на форму *ушми* при *ушами,* данный в пункте 33, относится к пункту 28, где рассматриваются формы *гостьми* и *гостями*; о подобных дублетах вновь говорится в пункте 45. Весь пункт 34 посвящен склонению украинских фамилий на *-ко,* о чем — частично в противоположном смысле — писал еще Грот (§ 26, § 29). Точно также в пункте 36 дано полностью склонение существительных среднего рода на *-мя*, в пункте 38 — склонение слова *любовь*, апеллятивное значение которого может иллюстрироваться, наряду с примерами из поэтов, также выписками из прозаиков, например из Л. Толстого: *все эти любови не мешали ей, все остальные Любови* — тогда как в единственном числе он, конечно, пишет *любви.* В пункте 41 указывается на колебание некоторых существительных женского рода между склонением типа *-я* и типа *-ь* (от этого у лучших писателей наблюдается колебание между *в постели* и *в постеле*). Очень жаль, что в книге отсутствует

систематическое обсуждение всех этих явлений, что и обусловливает недостаточно глубокое проникновение в научную грамматику. Когда, например, в пункте 43 говорится о колеблющихся формах генитива множественного числа *сестер — сестр, сосен — сосн*, то читатель вспоминает, что еще в пункте 32 шла речь о подобных колебаниях между *ребер — ребр, ядер — ядр.* Не уместнее ли было бы все это объединить в одном месте? Я мог бы приводить много доказательств тому, что многие совершенно верные в остальном наблюдения обсуждаются в рецензируемой книге очень часто разбросанно, вне внутренней и внешней связи, в то время как можно было бы достигнуть гораздо более ясной картины и, следовательно, облегчить понимание существа дела для читателя, изложив все взаимосвязанные явления сразу. Так, иностранные слова рассматриваются в § 13, посвященном склонению, и в § 14, посвященном категории рода; одна глава, отданная этому вопросу, сделала бы его яснее.

При рассмотрении прилагательных словообразование также предшествует словоизменению, но и здесь под рубрикой словообразование анализируются некоторые явления, которые следовало бы отнести к синтаксису (например, *цыганкино появление* вместо *появления цыганки*) или к орфографии (например, *воложский* вместо *волошский*). О форме *петербургский* вместо правильного, но неупотребительного *петербуржский* можно сказать просто: ususty rannus; насколько я знаю, пишут, однако, только *пражский*, а не *прагский*; думаю также, только *острожский*, а не *острогский*, и т.д. Очевидно, *Петербург* явно ощущается как иноязычное слово. Предикативные формы прилагательных заслуживали бы равным образом более систематичного и связного рассмотрения: сказанное в § 32 слишком кратко, анализ прилагательных на *-нный* в пункте 78 вряд ли во всем вызовет согласие. Во всяком случае, во главе следовало бы поставить здесь такие формы, как *истинный, странный, неизменный, временный*, в качестве закономерных образований с суффиксом *-ен-* от корней с конечным звуком *-н-*; именные формы не могут здесь иметь иных вариантов, кроме как *истинен, странен, неизменен, временен.* В то же время я сомневаюсь, что стоит так строго, как это сделано в пункте 78, разграничивать причастные и адъективные образования на *-енный.* Неужто, действительно, *болезненен* правильнее, чем *болезнен,* или *естественен* вернее и лучше звучит, чем *естествен? Естественна* или *естественно* еще не дают повода требовать только *естественен,* тогда как при *священный* или

откровенный, конечно же, нельзя сказать *священ, откровен,* желая тем самым подчеркнуть адъективность форм, но лишь *священен, откровенен.* Образования, которые не схожи ни с каким причастием, как *воинствен, естествен, искусствен, мужествен, посредствен, таинствен, явствен*, следует предпочесть именно в этой форме избыточным удвоениям на *-енен.* При *ветреный* не употребляется удвоенное *н*, хотя тип образования здесь совершенно такой же, что и в *болезненный.* Затронутый в § 17 вопрос о том, надо ли писать генитив единственного числа женского рода *птичей* или *птичьей,* что с полным правом решается автором в пользу последнего написания, относится, в сущности, по своей природе к материалу § 16, так как здесь дело сводится к двойному словообразованию. Впрочем, от *медвежий* (ср. серб, *медведи*) правильнее была бы форма *межвежая* и т.д., поскольку в соответствии с *птичья, девичья* и т.д. притяжательным прилагательным от *медведь* были бы *медведий, -дья*, но мы находим *медвежья, медвежьей*, а также *из верблюжьей шерсти* (Тургенев), хотя *верблюжей* было бы вернее. Точно так же были бы весьма желательны дальнейшие наблюдения над примерами вроде *бабушкиного* (от *бабушкин*) вместо *бабушкина.* Не следовало бы совершенно уходить от обильного сопоставления именных адъективных форм в особых предложных оборотах, например типа *изредка, слегка, донага, дочиста, догола, искоса.* По поводу § 19 я хотел бы лишь заметить, что различие между сложениями *кой-какой* и *кое-что*, в которых будто бы *кой* — мужского, а *кое* — женского рода, вряд ли обосновано. Из только что вышедшего из печати выпуска академического Словаря можно заключить, что *кой* является всего лишь редукцией безударного *кое* в выговоре. Я сам всегда писал форму *кой* с внутренним сопротивлением, пока меня от него не освободил академик Соболевский.

Рассмотрение глагольных форм начинается с замечаний об удивительной эластичности русского языка в едва заметных и тонких переходах от простых к интенсивным глагольным основам, и, хотя это всего лишь процесс основообразования, какие тончайшие оттенки значения связываются с этими переходами! Автор не всегда справедливо оценивает эти явления, а именно: сказанное в пункте 107 не соответствует действительности. Форму *не видал* нельзя считать менее правильной, чем *не видел*; о ней неправомерно заявлять: «Это неправильное употребление слова при отрицании (*не слыхал*) стало уже обычным». Напротив, это очень древняя тонкость русского языка,

которая не всегда лишь верно выражается; ср. у Тургенева в «Нови»: «...ем чудесно, я в жизни так не едал». Это одна из жемчужин тургеневского языка, соблюдаемая и другими писателями. Например, Л. Толстой пишет: «Он ясно понял то, чего он не понимал, когда повел ее из церкви». Верное наблюдение, что в образовании интенсивных основ часто происходит мена *о* на *а* (теперь этого более не наблюдается), весьма механически повторяется в пункте 113, а список примеров не является, конечно, исчерпывающим, ср. хотя бы еще *вынашивать, поворачивать, выпрастывать, похохатывать* и многие другие. Трудно также согласовать утверждение, будто *подымать* не есть «форма литературная», с тем фактом, что эта форма часто употребляется писателями, например процитированными автором Тургеневым, Некрасовым, Достоевским, Гаршиным, Короленко, Куприным. Что же еще нужно? Говорят также *воздымать*. Напротив, справедливо, что формы *сыматъ* (вместо *снимать*), *сымут* (вместо *снимут*), *подъять* (вместо *поднять*) не являются теперь употребительными. Ведь язык во всем полон индивидуальных черт, от одного и того же корня одни формы он сохраняет долго, другие же не прививаются и устраняются. Так, например, от *прочесть* формы *прочту, прочел* безусловно еще общеприняты, тогда как причастие *прочет* совершенно забыто, а причастие *прочетший* звучит устарело. Сходное положение и у других явлений, рассмотренных автором в § 24—25; в § 26 можно было бы говорить только о стилистических неточностях: *дожидать* вместо *дожидаться, распоряжать* вместо *распоряжаться* или, наоборот, *краснеться* вместо *краснеть* и т.д. Иной раз неизвестно, имеешь ли дело с типографской опечаткой или с неточностью корректора. Кто, например, ответственен за ошибочное *колят* вместо *колют* в «когда меня беспрестанно колят булавками» (Тургенев, Новь, изд. 1884 г., т. IV, 98)? Нам известны в качестве явлений древнейшего времени двойные формы типа *двигаю* и *движу*, но как оценить «заблуждения» новейшего времени — такие, как *дышит* вместо *дышет* (если это не от *дышать* в значении «испускать запах», поскольку в этом случае *дышать — дышит* было бы правильно), или *постелишь* вместо *постелешь* (есть уже даже *постелить*!), или *зыблит* вместо *зыблет* (также уже отмечается *зыблить*!)? Против таких отклонений от закономерных образований теория может некоторое время обороняться, но в конце концов она обычно уступает, потому что именно употребление — последняя инстанция, которой нельзя не покоряться. Поэтому я бы и не сказал в

пункте 138, что *мучать*, *мучаю* (при *мучить*) недопустимо в чистом литературном языке уже потому, что, как можно судить из примеров, приводимых самим автором, такое употребление встречается у лучших писателей (Достоевского, Л. Толстого, Фета, Гаршина, Андреева). В самом деле, если Л. Толстой может написать: *ты мучаешься о нем; тогда только это меня мучает; мучает безответную В; зачем ты мучаешь меня?* (Анна Каренина, 1878, 1; 194, 294, 297, 362), то я склонен верить, что эта форма не противоречит его языковому чутью. В то же время эта форма употребляется им, главным образом, в настоящем времени, поэтому он может сказать рядом друг с другом: я *мучаюсь; я не могу один мучиться* (там же, II, 328). Сравните также совершенный вид: *[его] это озлобило и измучало.*

В пункте 146, где обсуждаются глагольные образования с опущенным слогом *-ну-* в инфинитиве, мне бы хотелось видеть более обстоятельное рассмотрение примеров, поскольку это явление русского глагольного словоизменения представляется крайне оригинальным. Говорится не только в мужском роде *поник головой, приник ухом, он привык, умолк, достиг цели, огонь угас, подполз к крыльцу, исчез, раскис, повис, чиж чах, толк, прыг, задохся, глох, одрях, померк, остыл, завял* или женском роде и во множественном числе: *слезы иссякли, губы отвисли, птица мерзла, я погрязла, все продрогли, десны припухли, слиплись губы*, но и в причастиях: *заглохший сад, завядшие цветы, из-под нависшего лба, с поникшей головой, слипшиеся усы, напухшие жилы;* любопытно также: *заблудшую овечку мою* (Пушкин). Дальнейшие наблюдения за этим явлением в его развитии к новейшему времени отнюдь не были бы излишними.

По поводу пункта 163 в главе, посвященной причастиям и деепричастиям, я хотел бы сделать такое замечание: формы *опершись, упершись, запершись*, противопоставленные формам *заперев, подперев, отперев*, связаны все же главным образом с возвратностью. Предпочтительное, если не сказать обязательное, оформление возвратных глаголов через *-вшись* или *-шись*, а иных — через *-в*, заслуживало бы специального анализа в примерах: *не дождавшись охлаждения, жестоко обманувшись, промотавшись он... не порывался, повертевшись... опять, улеглась* (Гончаров); *она сидела подпершись* (Тургенев); *оставшись один* (Л. Толстой); *сказала она перегнувшись* (он же). Разумеется, формы на *-ши* встречаются и помимо Verbum reziprocum, но редко: *посмотрела в зеркало согнувши стан*, *все повесивши нос ходят,*

поджавши хвост улизнул (Тургенев); *я, обомлевши от радостной надежды, сидел* (Аксаков); *строевую службу он прошел хорошо протерши лямку* (Гончаров). Примеры из Пушкина, данные по Будде, никак не могут считаться исчерпывающими; я, например, отметил для себя еще: *мы,согласясь, разошлись; я молчал, потупя глаза*; сравните у Аксакова: *воротясь домой, я послал; он, прочтя мне поучение, разбранил.* К примерам на причастие на *-щий* в предикативной форме (пункт 171) можно было бы добавить из Л. Толстого: *он казался горд и самодовлеющ,* или из Тургенева: *он был знающ.*

Впрочем, поскольку различные причастные образования в адъективной функции уже рассматривались, здесь следовало бы, пожалуй, лишь упомянуть об оборотах типа: *стоячая вода, стоячий воротник, висячие ветки, ходячая фраза*, *бродячая жизнь, жгучее лобзание, падучая болезнь, хрипучая моська, кипучие речи, скрипучее колесо, линючий рак, колючие кусты, летучие рыбы, вонючий бурдюк, дремучий лес, гремучая змея, певучий голос, пахучий цветок, плакучая береза, сыпучий песок* и т.д., а также: *загорелая щека, постоялый двор, сиплый голос, тухлая ветчина, чахлая грудь, выпуклые глаза, поблеклые листья, возле опустелых гумен, исхудалые коровы, заматерелый табак, одичалые глаза, окаменелое внимание* и т.д.

Самой интересной частью рецензируемой книги о современном русском литературном языке могла бы быть последняя, посвященная синтаксическим явлениям. Однако именно в этой части возможны и желательны различные дополнения и расширения; из этой синтаксической части со временем могло бы получиться очень хорошее введение в русскую стилистику, если автор продолжит углубление в своеобразия русской манеры выражения. Да и теперь уже многие тонкие наблюдения автора относятся к собственно стилистике. Наибольшее количество замечаний вызывает изложение учения о падежах с предлогами и без них; и мне бы сейчас хотелось высказать некоторые из них. Так, в § 31 при рассмотрении случаев опущения субъекта было бы необходимо подчеркнуть, что, передавая предложения, в которых французы употребляют on, а немцы man, русские обходятся лишь глаголом в третьем лице множественного числа или втором лице единственного без добавления *они* или *ты.* Например: *открой глаза, говорят тебе.* При рассмотрении предиката в § 32 следовало бы о *есть* сказать значительно больше, чем здесь сказано: такие примеры, как *расчеты есть, есть средства, такие виды на него есть только пред-*

положение, как вы есть, каков я есть (примеры эти из Л. Толстого и Тургенева) заслуживали бы более подробного анализа. Говоря в § 33 о безличных (бессубъектных) предложениях, автор, как кажется, не очень к ним расположен и склонен предпочесть великолепному обороту *для этого потребовалось бы целой статьи* блеклый европейский — *для этого требуется целая статья.* По-моему, у Толстого прекрасно сказано: *мне на душу легло тяжелым камнем* или *две мельницы снесло паводком*; сравните также у Крылова *бурею корабль разбило* или у Тургенева *холодом обдало меня* и т.д.

При рассмотрении согласования (§ 34) мне особенно хотелось бы видеть анализ весьма своеобразного явления русского синтаксиса — постановку первого местоименного субъекта из двух, обозначающих двух действующих лиц, во множественном числе: вместо *я с ним* или *он со мной* по-русски говорят *мы с ним, они с ним*, хотя в виду имеются только два лица. Хейнцель рассказывал мне годы тому назад, как составленная под влиянием этой русской конструкции немецкая телеграмма привела к недоразумению. Именно так Л. Толстой, подразумевая только Левина и Свияжского, то есть только двух лиц, пишет: «Они были дружны с Левиным». Он же, имея в виду лишь Анну и Вронского, говорит: «Они переезжают с ним в вновь нанятый дом».

К пункту 194 я мог бы добавить пример с генитивом при *послушать: послушал его разговора с профессором* (Л. Толстой). Важнее всего здесь было бы точно ответить на вопрос, когда отрицательный предикат заменяет аккузатив объекта генитивом; автор, правда, говорит об этом в § 37, но не так подробно, как следовало бы. Я считал бы необходимым еще раз точнее изучить произведения основных писателей с тем, чтобы выяснить, кто из них обладает более тонким языковым чутьем и обнаруживает склонность к древнейшему синтаксическому правилу постановки генитива. У Тургенева, например, читаем: *Журнал я этот не люблю,* у Толстого — *не любил этот новый дух; я не отвергаю преступную жену* (здесь аккузатив, возможно, потому, что непосредственно следует утвердительное предложение: *даю ей возможность* — так же, как и в примере: *и признавал и не признавал значение русской общины*). В примере *я никогда так праздно не проводил время* последние слова можно рассматривать как устойчивое выражение. Примеры, в которых утвердительно звучащий инфинитив употреблен зависимо после *не хочу* или *не могу*, следовало бы проанализировать с точки зрения зависимого от инфинитива объекта, опре-

делив границы постановки его в аккузативе и в генитиве. Сравните, например, у Л. Толстого: *не мог подставить те слова; она не могла любить эту девочку* и рядом: *спора не может существовать; не мог докончить своей картины; того и другого нельзя иметь; он не в силах удерживать своей досады; чтобы не нужно было поворачивать головы;* сравните также у Тургенева: *не желая навязывать свое мнение другим.*

Пожалуй, у каждого писателя можно было бы найти что-то индивидуальное или основанное на подражании иностранным языкам и таким образом существенно расширить наблюдения по поводу разных явлений в учении о падежах, содержащиеся в рецензируемой книге. Я упомяну несколько примеров из Толстого и Тургенева: *он дослужился генеральского чина; он избегал всех разговоров*; *он простил жену* и рядом с этим: *он простил Вронскому; он не чужд образованию; тем хуже удовлетворит им; ему вспоминался старик; ему вспомнилось лицо купца*, *которому он проиграл деньги; ужаснулся ему* (положению); *очень им табак мерзит; он позвонил человека; девочка привязала к себе Анну; к вечеру обещали опростать другой нумер; выпростал руку; еще сделали поле; боится ревновать эту кормилицу* и рядом: *она ревнует ко мне; она ревновала его к женщине; подпустил им тему; мысль, которую он высидел; баловать живописью; обедала бульоном; кто это четверней в карете; из корпуса вышел гражданским чином; буду страдать позором и разлукой; радовалась страданиями; он дернулся губами, шеей; беспрестанно подергивались слезами; не удостоивают спором странное воззрение; пот катил градом по лицу; одет он был ремесленником* и т.д. А также некоторые обороты с предлогами: *она испытывала страх к нему; не могли иметь к нему никакого зла; зная дружбу к нему;* [мать] *была неумолима к ней; помещик был туг к пониманию; находившийся в приятельских отношениях к графу; стыдно за свой обман; почувствовала страх за него; зависть за сына охватила; мужики спорили за сено; считали за чудаков; за чем теперь дело; он имел на нее неудовольствие; она радовалась на него; досадно на то; досадуя на жену; на школу нельзя положить сердца; налегать на слове; снял на тех же условиях; остаться на руках; на двадцать лет старше; на второй месяц муж бросил ее;* [воза] *нависающие на зады лошадей; на отлете держа сигару; перешел на более удобный ему французский язык; мнение*, *напущенное на себя; сделал себе врага в нем; вести дело в убыток; не в счет помолился; игра в*

кошку-мышку; стоя в полуоборот; в четыре руки играть; шли в разрез; старшая пошла в мать; в лошадях я ничего не понимаю; в чем он недоволен; вошел во вкус; с ним несправедливы; до сих пор принадлежал начальник; сам для себя жалок; чуждых для нее людей; палец о палец ударить; справляться с книгой.

В русском языке особого внимания заслуживают примеры частого сохранения существительными глагольного управления; например: *пользование землей*, *содействие земледелию* и т.п.

В связи с § 39 я хотел бы упомянуть русскую синтаксическую конструкцию, в которой прилагательное или местоимение перед числительным *пять* и выше, требующими, как известно, после себя существительного в генитиве, не согласуется в падеже с этим стоящим в генитиве существительным, хотя и относится к нему. Так говорят: *хоть бы и все пять*, а также: *в те несколько секунд; эти несколько дней.*

Понятно, что все эти и им подобные явления, поскольку они не порождают отклонений, не обязательно должны рассматриваться в рецензируемой книге. Однако возражение, что книга Чернышева и не ставила своей задачей обсуждение всех особенностей русской грамматики, безусловно справедливо лишь с позиций исключительно русских; ведь синтактико-стилистические своеобразия одного языка носят весьма релятивный характер и познаются проще и лучше всего в сопоставлении с другими языками. Затронутые мною вопросы как раз и выявляют свою синтактико-стилистическую оригинальность в сравнении с другими языками. Сказанным я никак не хочу приумалить оправданность анализа именно отобранных автором явлений; напротив, содержащиеся в § 39—43 наблюдения представляются мне в высшей степени ценными, и мне хотелось лишь высказаться в пользу их дальнейшего расширения. Так, например, в § 45 (пункт 283) следовало бы строже разграничить настоящие и кажущиеся случаи абсолютивного употребления деепричастий. О самостоятельном положении можно ведь вести речь только там, где субъект деепричастного оборота не выступает в последующем предложении даже в качестве логического субъекта, что, однако, наблюдается в большинстве примеров. В примере из Тургеневского «Гамлета Щигровского уезда» субъект деепричастия *проезжая* выявляется если и не грамматически, то логически в последующем предложении, начинающемся с *у меня голова закружилась,* — так же, как если бы продолжение читалось: я *почувствовал*

головокружение и биение сердца. Писатель мог бы так выразиться и в авторской речи. Совершенно самостоятельно деепричастие стоит там, где его субъект вообще лишь додумывается в соответствии с французским *on*, немецким *man.* Примером такого абсолютного оборота может служить предложение с *спустя*: *дней пять спустя*; сравните также выражения зря, *благодаря* и т.п.

Только что сформулированная мною точка зрения вызывает желательность анализа глаголов в таких выражениях, как: *хоть не ловится, но хорошо*, или *крупное сено не бралось сразу на вилы*, или *ему не спалось* и подобных. Она же пробуждает интерес к инфинитивным построениям типа *ни дать ни взять* и т.д.

В заключение я могу лишь выразить пожелание, чтобы рецензируемая книга по возможности скорее появилась в новом, расширенном издании.

И.В. Ягич

ЯЗЫК И СТИЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ И ЕГО «РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА»

«Российская грамматика» Ломоносова — одно из важнейших произведений русской научно-творческой мысли в области языковедения. Это труд классический, образцовый и долговечный, до сих пор поучительный и увлекающий.

Недостаточно сказать, что грамматика Ломоносова «есть первая и при всем том весьма отчетливая разработка русского языка, — первая попытка захватить в общие правила разнообразные формы его, до тех пор развивавшиеся свободно; что она есть верный снимок с современного ей русского языка»[23]. Понять и оценить «Российскую грамматику» возможно только в связи со всей литературно-научной деятельностью Ломоносова, характером и направлением его научного творчества, с историей развития нашего автора, с состоянием и потребностями эпохи, в которой он жил и действовал. При учете этих условий «Российская грамматика» представится нам трудом исторически естественным, необходимым и замечательным. В большинстве случаев литературные и научные труды Ломоносова, большие и мелкие, являются учебными, научными и служебными «заказами», но никто не поручал ему писать «Российскую грамматику» или рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке» — этих важнейших его лингвистических сочинений. Они вызваны потребностями времени, наклонностями созидающего ума автора, характером его образования, первоначально чисто филологического.

Сын достаточного крестьянина, судовладельца и рыбопромышленника, родившийся в 1711 г. в северной деревне Денисовке, близ города Холмогор, Михаил Ломоносов научился церковной грамоте у соседнего крестьянина, вместо женитьбы увлекся

[23] Носков М. О самостоятельном и цельном труде Ломоносова при составлении русской грамматики. СПб., 1855. С. 4.

чтением церковных книг, достал у одного грамотея-крестьянина и две научные книги: «Славянскую грамматику» Смотрицкого и «Арифметику» Магницкого. Он не расставался с ними и, усердно читая, вытвердил их наизусть.

Эти книги Ломоносов впоследствии называет «вратами своей учености». Сохранилась его расписка на одном документе 1726 г., которая замечательна орфографическою правильностью, редкой для того времени.

Не менее замечательно и увлечение деревенского юноши такими книгами, как «Грамматика» Смотрицкого, в которой, например, читаем:

«— Что есть ударяние гласа? — Есть речений просодиею верхнею знаменование.

— Что есть словес препинание? — Есть речи, начертанием различных в строце знамен, разделение...

Действенный залог есть, иже действо знаменует, и слога, ся, приложением, страдательный из себя творит; яко бию, творю, и прочая».

Мы не передаем здесь сложную церковнославянскую орфографию, но сохраняем пунктуацию подлинника, которая в последней цитате окончательно затемняет и без того довольно неясное изложение.

Затем Михаил Ломоносов уходит из родного дома в Москву — учиться. Преодолевая великие трудности и тяжелую нужду, он поступает в начале 1731 г. в Славяно-греко-латинскую академию, где учится до начала 1736 г. Занимаясь с большим прилежанием и редкими успехами, Ломоносов в течение 5 лет проходит основной курс этой старой схоластической школы, именно 6 классов, называвшихся: фара (или аналогия), инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика. Здесь Ломоносов первоначально учится читать, писать и говорить по-латыни (это главный предмет учения), славянской грамматике, географии, истории, арифметике, катехизису, теории и практике сочинения стихов и красноречия. Здесь шутя, чтобы избавиться от школьного наказания, он пишет первые свои стихи:

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Его стали ясти,
Попали в напасти;
Увязли бо ноги.
Ах, плачут убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

Овладев латынью, Ломоносов начинает учиться греческому языку и усердно читает книги в богатой для того времени монастырской библиотеке.

Таким образом, первая школа дает М.В. Ломоносову основательное филологическое образование, вводит его в область классических языков и литератур.

По счастливому случаю и по признанию больших дарований, после Славяно-греко-латинской академии Ломоносова — до окончания полного курса учения, в котором ему предстояло изучение философии и богословия, — отправляют для специального обучения в Германию, первоначально в Марбург, куда Ломоносов с своими товарищами прибыл 3 ноября 1736 г. В 1741 г., 8 июня, Ломоносов возвращается в Петербург, окончив свое учение в Германии.

Мы мало знаем о том, как учился Ломоносов в Москве, но о его успехах в Германии мы имеем высокоавторитетные отзывы. Его учитель профессор Христиан Вольф, пользовавшийся великой славой в Европе, пишет 17 августа 1728 г. президенту Академии наук барону Корфу: «У г. Ломоносова, по-видимому, самая светлая голова между ними (русскими студентами): при хорошем прилежании он мог бы и научиться многому, выказывая большую охоту и желание учиться». В письме от 24 марта 1739 г. Вольф опять говорит: «Более всего я полагаюсь на успехи г. Ломоносова...» По окончании курса учения у Вольфа по-

следний свидетельствовал, что Ломоносов «прилежно посещал мои лекции математики и философии, а преимущественно физики, и с особенною любовью старался приобретать основательные познания. Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, то со временем, по возвращении в отечество, может принести пользу государству, чего от души и желаю».

Ломоносов возвращается из-за границы как большая научная сила, вооруженный и тем старым, домашним, средневековым знанием, которое давала схоластическая школа, и той новой, европейской наукой, которая создавалась на Западе и которой не было у нас в России. Этой последней науке можно было научиться по-школьному и можно было ею овладеть в качестве самостоятельного мастера, ставящего и разрешающего новые, выдвигаемые теоретической мыслью вопросы и задачи, создающего новые научные ценности. Ломоносов был именно таким ученым-мыслителем, пролагающим новые пути в науке, двигающим ее вперед. Знаменитейший математик Леонард Эйлер так отзывается в 1746 г. о первых научных работах Ломоносова: «Все сии диссертации не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо он (Ломоносов) пишет о материях физических и химических весьма нужных, которые поныне не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что он учинил с таким успехом, что я совершенно уверен о справедливости его изъяснений. При сем случае г. Ломоносову должен отдать справедливость, что имеет превосходное дарование для изъяснения физических и химических явлений. Желать должно, чтоб и другие Академии в состоянии были произвести такие откровения, какие показал г. Ломоносов».

По поводу речи Ломоносова «Слово о явлениях воздушных, от електрической силы происходящих» Эйлер писал 29 декабря 1753 г.: «Сочинение г. Ломоносова об этом предмете я прочел с величайшим удовольствием. Объяснения, данные им относительно столь внезапного возникновения стужи и происхождения последней от верхних слоев воздуха в атмосфере, я считаю со-

вершенно основательными. Недавно я сделал подобные же выводы из учения о равновесии атмосферы. Прочие догадки столь же остроумны, сколько и вероподобны и высказывают в г. авторе счастливое дарование к распространению истинного познания естествоведения, чему образцы, впрочем, и прежде он представил в своих сочинениях. Ныне таковы умы весьма редки, так как большая часть остаются только при опытах, почему и не желают пускаться в рассуждения, другие же впадают в такие нелепые толки, что они в противоречии всем началам здравого естествоведения».

Биограф Ломоносова академик П.П. Пекарский, ссылаясь на эти отзывы, сожалеет, что наш ученый не отдался в своей деятельности исключительно естественным наукам, занятия которыми сделали бы его «европейскою знаменитостью». Он замечает с неодобрением, что покровительство Шувалова, придворные отношения привлекли Ломоносова к занятиям по русской истории, «науке, к которой он не был подготовлен». Этот упрек нельзя признать основательным. Ломоносов жил и действовал в весьма сложной исторической и общественной обстановке. И здесь характерной чертой его деятельности была задача служить нуждам времени, потребностям общества, народа, новой, просвещающейся России. Его умственные наклонности были слишком разносторонни. Возбужденная с ранних лет страсть к наукам филологическим, к литературной деятельности не могла погаснуть и самоограничиться одним кругом естественных наук.

Работами, касающимися русского языка, Ломоносов начинает заниматься тотчас же по возвращении из Германии, еще до поступления на академическую службу. В 1741 г. Ломоносов переводит статьи академика Крафта по физике, механике и другие, которые печатаются в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям». Эти переводы Ломоносова отличаются точностью передачи оригинала и ясностью и правильностью языка.

По получении им должности адъюнкта Академии (1 января 1742 г.) было объявлено: «Михайла Ломоносов, адъюнкт Ака-

демии, руководство в физическую географию, через г. Крафта сочиненное, публично толковать будет, а приватно охотникам наставление давать намерен в химии и истории натуральной о рудах, также обучать в стихотворстве и штиле российского языка». В дальнейшей академической деятельности Ломоносов постоянно получает поручения или берет на себя труды и по естественным наукам, и по работам, касающимся языка. В том же, 1742 г., Ломоносов переводит «Пролог» к опере Метастазио «Милосердие Титово» (М., 1742), который был написан Яковом Штелином на итальянском языке ("La Russia aflita e riconsolata") и сообщен Ломоносову во французском переводе[24]. В 1744 г. Ломоносов просматривает перевод с немецкого языка арифметики, исполненный В. Лебедевым, и сам переводит сочинение Гейнзиуса о комете 1744 г., а также представляет Академии для издания рукописный экземпляр своей «Риторики». В 1745 г. появляется в печати перевод «Сокращенной экспериментальной физики» Вольфа, исполненный Ломоносовым. В этом же году он указывает, что он в бытность при Академии довольно трудился в переводах физических, механических и пиитических с латинского, немецкого и французского языков на российский.

В переводе физики Вольфа находится замечательное посвящение, в котором Ломоносов говорит об успехах науки в XVII и начале XVIII в. В то время как схоластическая школа в своей философии не шла дальше Аристотеля, ею по-своему истолкованного, Ломоносов указывает, что «славный и первый из новых философов Картезий осмелился Аристотелеву фило-

[24] См.: Пекарский П. История Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. II. С. 323—324. Пекарский не разобрал здесь дело об участии Ломоносова в работе его над названной оперой и заявил, что перевод ее сделан не Ломоносовым, потому что в тексте оперы сказано: «Речи переводил с италианских виршей переводчик И. Меркурьев». Но эта помета дана после «Пролога», который притом не имеет никаких речей. Текст оперы Меркурьев перевел силлабическими стихами, а три четверостишия и одно двустишие «Пролога» переведены хорошими тоническими стихами. Язык прозаического перевода «Пролога» так замечателен, что этот перевод едва ли кто мог в то время исполнить, кроме Ломоносова.

софию опровергнуть... Он тем ученых людей ободрил против Аристотеля, против самого себя и против прочих философов в правде спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению... В новейшие времена науки столько возросли, что не токмо за тысячу, но и за сто лет жившие едва могли того надеяться. Сие больше оттого происходит, что ныне ученые люди, а особливо испытатели натуральных вещей, мало взирают на родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи, но больше утверждаются на достоверном искусстве. Главнейшая часть натуральной науки, физика ныне уже только на одном оном свое основание имеет. Мысленные рассуждения произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов».

В 1746 г. Ломоносов рассматривает перевод немецкого «Введения в геометрию», написанного академиком Г. Крафтом, и делает в нем многочисленные исправления. Вот пример первоначального перевода: «Геометрия есть наука, которая показывает нам состояние и свойство всякого распространения, по колику оно пределы свои имеет, и притом подает известный способ к вымериванию всего того, что при телесных вещах распространенного случиться может».

Вот как исправил это место Ломоносов: «Геометрия есть наука, которая показывает состояние и свойства всякого протяжения, пределы имеющего, и притом подает способ к точному измерению всех протяжений, которые в тех телах быть могут».

В 1748 г. Ломоносов составляет «Краткое руководство к красноречию», где он дает высокую оценку русского языка, который в то время был еще очень мало обработан: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ее могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сумнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся».

Академик Пекарский явно снижает значение «Риторики» Ломоносова, говоря, что «со стороны своего содержания (она) не представляет ничего такого, что отличалось бы самостоятельностью».

Риторическое учение складывалось веками, начиналось от классической древности, прошло через схоластическую средневековую школу, вложившую в него безжизненный формализм; риторика преподавалась обычно на латинском языке, исходила из древних образцов и, опираясь на них, давала непреложные правила сочинения, пренебрегая потребностями новой жизни и национальных языков. Со стороны Ломоносова было проявлено очень много самостоятельности, учености, литературного таланта, чтобы ввести риторику в современную жизнь, приспособить ее к потребностям времени, нуждам современной школы и родного языка. Ломоносов дает риторику в прекрасной литературной и научной обработке. От старой риторики, как говорится, пахло смертью. Ломоносов дал ей жизнь, снял с нее схоластические оковы, показал возможности ее развития. Он, конечно, пользовался старыми источниками, но с острой критикой, великим литературным вкусом, с ясным, здравым, строгим и практическим умом исследователя.

«Риторика» Ломоносова в свое время была замечательною и интересною книгою, давая ясные правила, приводя прекрасные литературные примеры, взятые из поэтических трудов Ломоносова или из классических авторов, приведенных в его собственных превосходных переводах. И, конечно, не из старых риторик, а из новых понятий о свободе и естественности авторской мысли и слова происходят те замечания, которые нередко дает Ломоносов в своем «Кратком руководстве к красноречию». Например: «В составлении периодов некоторые учат полагаться много на союзы, которыми члены их соединены бывают, рассуждая, что по ним предлагаемые разумы (значения) яснее изображены и украшены быть могут. Но сие от искусных почитается за самую тщету, ибо что может то пособить, ежели и

расположить союзы, например: *хотя, однако, не токмо, но и*, ежели идеи в них невместны или еще и не приисканы? А когда их довольно изобретено, то уже союзы сами собою найдутся. К тому же по предписанным союзам идеи располагать весьма опасно, ибо часто от того происходят принужденные и ложные рассуждения» (§ 45). «Умножительное распространение пополняет слово, а не надувает или растягивает. В сем погрешают многие из новых сочинителей, когда, отложив меру, принуждают себя, чтобы распространить слово. Никакого погрешения больше нет в красноречии, как непристойное и детское, пустым шумом, а не делом наполненное многословие» (§ 51). «Ни в чем красноречие не утверждается на примерах и на чтении и подражании славных авторов, как в витиеватом роде слова, и нигде больше не служит остроумие, как в сем случае, ибо не токмо сие требуется, чтобы замыслы были нечаянны и приятны, но сверх того весьма остерегаться должно, чтобы, за ними излишне гоняючись, не завраться, которой погрешности часто себя подвергают нынешние писатели» (§ 146). «Аллегоричным штилем многие излишне услаждаются и чрез меру часто сей троп употребляют, а особливо те, которые не знают подлинной красоты слова, но прельщаются притворным его видом. Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово внесенная оное помрачает и обезображает» (§ 193).

В 1749 г. Ломоносов рассматривает русско-латино-французско-итальянский лексикон Г. Дандоло, в котором указывает промахи против правил русской грамматики, искажения русских слов, неправильности в переводе многих русских слов и пропуски их, отсутствие грамматических показаний при словах, отличающихся в своих изменениях, слова «нововымышленные, в российском языке неупотребительные». Кроме того, Ломоносов замечает: «Фразесов и идиоматизмов нет, которые в лексиконах быть должны». Так, из года в год Ломоносов, кроме многих других научных работ, кроме писания од, торжественных речей, о которых мы здесь не упоминаем, ведет работу редактора пере-

водов, рецензента научных и литературных работ, сам делает переводы, вообще обращается в круге научных вопросов, тесно связанных с разработкой русского языка, с практикой его употребления, с русской грамматикой. К ней неизбежно ведут его разные пути его многосторонней деятельности — литературной, научной и служебной. Часть вопросов по теории языка и литературы уже была разрешена им в «Риторике». Приходила очередь и для другой части: русской грамматики.

Сведения о начале работы Ломоносова по русской грамматике мы имеем с 1751 г., в котором он, по его отчету, «собранные прежде материи к сочинению Грамматики начал приводить в порядок». В 1753 г. Ломоносов «для Российской грамматики привел глаголы в порядок». В 1755 г. Ломоносов заявлял, что, «сочинив большую часть Грамматики, привел к концу, которая в нынешнем году печатью к концу приходит». Однако печатание «Грамматики» было окончено лишь в январе 1757 г.

Сохранились рукописные заметки Ломоносова, назначенные для предисловия к «Грамматике»: «Сию Грамматику не выдаю я за полную, но только опыт: ибо еще никакой нет, кроме славенской и маленькой в Лексиконе[25], весьма несовершенной и во многих местах неисправной. Особливо для того выдаю на свет, что уже Риторика есть, и без Грамматики разуметь трудно»[26].

С какими данными подходил Ломоносов к составлению «Российской грамматики»? И в его время и в наше невозможно указать научного деятеля, который был бы так многосторонне одарен, так учен и так широко образован для выполнения подобной задачи. Во-первых, Ломоносов был первоклассный специалист в области точных наук, прекрасно владевший методами исследования, в редкой степени соединявший в себе дар

[25] Грамматический очерк русского языка, приложенный к немецко-латино-русскому словарю Вейсмана 1731 г., приписываемый студенту Академии наук В.Е. Ададурову.

[26] Сочинения М.В. Ломоносова / под ред. М.И. Сухомлинова. СПб.: Изд. АН, 1898. Т. IV. Примечания. С. 27.

наблюдения, критики и научного творчества. Во-вторых, Ломоносов превосходил всех своих русских современников как лингвист и филолог. Он легко читал, писал и говорил по-латыни и по-немецки, хорошо переводил с греческого и французского языков; имел некоторое понятие и о других языках, западных и восточных.

В области русского языка и славянских имеем в конце его жизни собственное свидетельство Ломоносова, что он «с малолетства спознал общей Российской и Славенской языки, а достигши совершенного возраста с прилежанием прочел почти все древним Славено-Моравским языком сочиненные и в церкви употребительные книги. Сверх сего довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи, также слова, употребляемые при дворе, между духовенством и между простым народом, разумея при том Польской и другие с Российским сродные языки».

Прибавим, что по отношению к русскому языку Ломоносов был признанный поэт, замечательный прозаик, автор превосходных переводов.

В Академии смотрели на Ломоносова как на незаменимого оратора, который во всех нужных случаях может не только читать публичные речи, но и говорить их наизусть. Фонвизин вспоминает, как Ломоносов говорил ему и другим московским студентам при случайной встрече у Шувалова о пользе латинского языка «с великим красноречием». Другой современник сообщает о Ломоносове: «Нрав имел веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки». Действительно, в известных нам письмах Ломоносова, особенно написанных в состоянии волнения, мы постоянно встречаем меткие и образные слова и выражения, колкие насмешки, острые народные пословицы и поговорки. Приведу примеры: «Сила и важность вся в том состоит, чтоб без ведома профессорского никакие ученые дела не отправлялись... Ибо, кроме сего, на что профессорские собрания? На что их голосы, когда Шумахер все смыслит, когда ему все поверить можно? Все

смыслит?[27] Боже мой! но он и в главной своей охоте, в рисовании толку не знает. Посмотрите на изображение ее императорского величества, что на петербургском плане. Ему все поверить можно? Правда, козлу — капусту, овец — волку» (письмо И.И. Шувалову 1 ноября 1753 г.). «Российским Расином Александр Петрович (Сумароков) по справедливости назван, за тем, что он его не токмо половину перевел в своих трагедиях порусски, но и сам себя Расином называть не гнушается. Что не ложь, то правда. Однако и Перфильевич (Елагин), называя его защитником истины, дает ему титул больше, нежели короля английского: он пишется защитником веры, но право или нет, о том сомневаться позволено» (ему же, 16 октября 1753 г.).

Если мы вспомним при этом торжественный церковнокнижный стиль од Ломоносова и строгий тон его академических речей, то увидим, какой широкий стилистический размах употребления русского языка находился в его обладании. Наконец, Ломоносов был ученый, много думавший и имевший основательные и глубокие сведения о близких к грамматике лексических вопросах языка и вопросах о стилях речи. Необходимо еще отметить, что вопросы семантики и этимологии русских слов должны были очень интересовать Ломоносова в связи с вопросами переводов, установлением и объяснением старых рукописных текстов, критикой поэтических и прозаических произведений. Для всех этих случаев имеются многие замечания в печатных и рукописных статьях Ломоносова, в его письмах и отзывах. В программе его невыполненных исследований, служащих к дополнению грамматики, стоят задачи: «о простонародных словах, о синонимах, о новых российских речениях, о речениях Нестеровских, новогородских и протчих, лексиконам незнакомых, о лексиконе». Это, в сущности, чрезвычайно осно-

[27] Иоганн-Даниил Шумахер, академический советник, заведовавший делами Академии наук, которому были по тогдашнему положению Академии наук фактически подчинены все академики, в том числе и Ломоносов. Последний с ним энергично боролся как с врагом науки и доказанным, но ненаказанным казнокрадом.

вательная и замечательная программа дальнейшей обработки русского языка, которая и в наше время не выполнена окончательно и безупречно. Небольшой и весьма любопытный словарик синонимов известен по рукописям Ломоносова[28]. Стиль языка в значении употребления слов и оборотов речи был постоянно в центре внимания Ломоносова при выполнении поэтических и прозаических работ, переводов, при оценке чужих сочинений со стороны пригодности их для печатания, публичного произношения и т.п.

Разрешение основных вопросов о стиле (у Ломоносова постоянно форма *штиль*) он дал в знаменитой статье «О пользе книг церковных в российском языке». В этой статье Ломоносов охватил всеупотребляемые тогда элементы книжного и живого языка и с силой величайшего мыслителя дал им точную классификацию, которой определил характер и дальнейшее развитие русской литературной речи.

Для выяснения этого вопроса нам необходимо сказать несколько слов о состоянии русского языка во время деятельности Ломоносова и до начала этой деятельности.

Известные до Петра I книги, рукописные и печатные, были написаны в огромном большинстве случаев на церковнославянском языке. Из них книги, употребляемые в церковном ритуале, и библия, являвшиеся переводами с греческого языка, сохраняли строго установленные тексты. По этим книгам обучались и грамоте. Книг было немного, и любители чтения занимались многократным перечитыванием одних и тех же. По старым понятиям и обычаям, знание богослужебных книг состояло в изучении их наизусть. Поэтому способные грамотеи старого времени хорошо знали церковнославянский язык с важнейшими особенностями его лексики и морфологии, хотя знали лишь практически, потому что грамматике этого языка можно было научиться только в школах, бывших в немногих больших городах. Таким образом, церковнославянский язык имел место и в светской лите-

[28] Сочинения М.В. Ломоносова / под ред. М.И. Сухомлинова. СПб.: Изд. АН, 1898. Примечания. Т. IV. С. 255—256.

ратуре: летописях, рассказах о путешествиях (хождениях) и т.п. Однако в литературных памятниках нецерковного содержания нередко в тексты входили и элементы живых русских говоров. Особенно это обнаруживалось в актах бытового и юридического значения: грамотах, договорах, завещаниях и под. Однако русский язык постепенно отвоевывал себе все большее и большее применение в русской литературе, и в ней начинают появляться произведения, в которых он уже преобладает («Домострой» и др.). Отличный русский язык утверждается в русском законодательстве и вообще официальных актах Московской Руси («Стоглав», «Уложение» царя Алексея Михайловича). Превосходным русским языком, с небольшой примесью церковного, написана автобиография известного расколоучителя протопопа Аввакума. Однако признание и оценка достоинств языка названных произведений пришли к нам только в самое недавнее время. К тому времени, когда начиналась литературная деятельность Ломоносова, они стояли вне признанной литературы. Ему приходилось исходить из старой церковной книжности и литературы петровского времени. Это была литература европейской реформы, от которой нельзя было идти назад. Но эта передовая литература представляла пеструю смесь из неискусных переводов на церковнославянский язык, текстов, представляющих смесь дурного русского языка с плохим славянским, новых сочинений, изобилующих, кроме того, тяжкими варваризмами. В литературе этого времени недоставало ни выработанной орфографии, ни рациональной пунктуации. Для примера приведем перевод басни Эзопа 1700 г.: «Волку егда кость увязе в горле, обеща мзду жоравию, аще вложивши главу, кость изыимет, он же, яко долгошии есть, изтя кость, и нача мзды просити, онпосмеваяся, и остря зубы, рече, годе тебе есть, та едина мзда, яко от уст Волковых здраву главу изял еси».

Вот как, например, писал в 1717 г. приближенный Петра I барон Шафиров о войне со шведами: «Хотя при зачатии сея войны меж империем российским и короною шведкою со обоих стран многие декларации, манифесты и универзалы письменные вы-

даваны суть, однакож понеже оные токмо по каждой страны интересу и по состоянию времяни и по потребности всегда конъюнктур, а особливо со стороны его царского величества, токмо в кратких определениях были сочинены...». Подобным языком говорится в «Морском уставе» 1720 г. о власти адмиральской: «Генерал-адмирал, или аншеф командующий есть репрезентация своего государя, которому должны быть все послушны во всех тех делах, которые к пользе государя и государства касаются с достойным респектом его персоны. Ему подобает быть храбру и доброго кондуита, сиречь всякия годности» и т.д.

Позднее, уже во времена Ломоносова, язык русских авторов все еще был мало обработан. Вот как записал о смерти профессора Рихмана современник Ломоносова: «Июля 26 убило громом в Санкт-Петербурге профессора Рихмана, который машиною старался о удержании и грома, и молнии, дабы от идущего грома людей спасти; но с ним прежде всех случилось при самой сделанной машине. И что о нем, Рихмане, через газеты тогда издано, при сем прилагается: любопытный да чтет. С ним, Рихманом, о мудровании сходно произошло, как в древности пишется о Афинейском стихотворце Евсхилии, что и оной через астрономию познал убиение себя вержением сверху, и для того изыде из града и в пусте месте седяше на ясне; орел же в воздухе носяй желвь, иска камение, да с высоты разбиет, а у Евсхилия глава была лыса; по случаю орел опусти желвь и паде на главу. И так нечаянной конец вымыслу и оного Рихмана, как и Евсхилий, получи. А о Евсхилии пишется в книге Ифике и Иерополитике, на листе 183».

Этот отрывок приводим из «Записок» генерала В.А. Нащокина (1707—1771). Как видим, автор не удовольствовался своим сообщением, но хотел украсить свою запись необыкновенного события витиеватым повествованием из современной газеты («Санкт-Петербургские ведомости», 3 августа 1753 г.), а это повествование, в свою очередь, было украшено преданием, извлеченным из классической литературы по переводу петровского времени, 1712 г. При такой литературе многим грамот-

ным людям легче было читать церковнославянскую книгу с ее обработанным языком, последовательной орфографией, вразумительной пунктуацией: «Послушайте, дети, наказания отча, и внемлите разумети помышление. Дар бо благий дарую вам: моего закона не оставляйте. Сын бо бых и аз отцу послушливый и любимый перед лицем матере, иже глаголаша и учиша мя. Да утверждается наше слово в твоем сердце: храни заповеди, не забывай, стяжи премудрость, стяжи разум, незабуди, ниже презри речения моих уст...» («Притчи Соломона», гл. IV). В этих книгах прежде всего не было непонятной иностранщины, а требование времени состояло в том, чтобы «вычистить язык», и эта задача была выполнена Ломоносовым.

В статье «О пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов принимает в качестве основного положения наличие в русском литературном обороте двух языков: книжного церковнославянского и разговорного русского. Основные элементы этих языков группируются им следующим образом.

В известной части обоих языков слова совпадают, например: *бог, слава, рука.*

В других случаях славянский язык имеет слова, которые не употребляются в русской разговорной речи, но часто встречаются в книгах и понятны всем грамотным людям, например: *взываю, отверзаю, господень, насажденный.* Из них неупотребительные и весьма обветшалые слова, как *обаваю, рясны, овогда, свене*, Ломоносов совсем исключает из литературного оборота.

Часть слов входит только в русский язык и не встречается в церковных книгах; таковы *говорю, ручей, который, пока, лишь.*

От рассудительного и разборчивого употребления этих трех родов слов Ломоносов и производит три стиля литературного языка: высокий, средний и низкий.

Первый, высокий стиль получается из употребления слов «славянороссских», т.е. употребляемых в обоих языках, и из славянских вразумительных. Таким образом, в основе высокого стиля Ломоносов устанавливает тот же русский язык, но с при-

месью славянского, который (что не следует забывать) подчиняется разумному семантическому и эстетическому отбору. Этим стилем следует писать героические поэмы, оды, прозаические речи о предметах важного значения.

Средний стиль состоит из русских слов, к которым можно присоединять и слова чисто славянские, «однако с великой осторожностью, чтобы слог не казался надутым»; равным образом в нем можно употреблять и чисто русские («низкие») слова, однако следует остерегаться, чтобы не впасть в вульгарность. Здесь, в сущности, почти совсем исключаются слова славянские. Этим стилем, по указанию Ломоносова, должно писать театральные сочинения (трагедии и драмы), стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги, элегии. В прозе этим стилем нужно писать исторические и научные сочинения.

Низкий стиль составляет простую русскую речь, которой пишутся комедии, эпиграммы, песни, в прозе — дружеские письма, описания обыкновенных дел. Здесь, «по рассмотрению», могут иметь место и простонародные, «низкие» слова.

Более подробные стилистические указания Ломоносов предполагал дать в особой статье «О чистоте российского штиля», которую не успел написать.

Мы видим, что в учении о трех стилях — высоком, среднем и низком — Ломоносов искусно уложил элементы обоих языков, церковнославянского и русского, дав решительное предпочтение последнему. Русский язык не представлялся ему однообразной массой слов: в Нем он выделяет слова «низкие», или, по употребляемому им старому выражению, «подлые». Он не допускает в литературном языке никаких крайностей: с одной стороны, слов церковных «обветшалых», с другой стороны — простонародных вульгарных. Он рекомендует ровность стиля, его односоставность, которая нарушается, «когда речение славенское положено будет подле российского простонародного». Ломоносов указывает также на необходимость согласовать стиль с содержанием, писать «по пристойности материй». Самое деление на стили он

устанавливает на различии содержания и задач литературных произведений.

Учение о трех стилях речи идет из старых риторик, которые, однако, применяли их внутри одного литературного языка и различали прежде всего мерою риторических украшений. Ломоносов с гениальной находчивостью и жизненной практичностью дал этим терминам новое, строго определенное содержание и таким образом вывел русский язык из состояния, в котором хаотически смешивались книжная и живая стихия языка его времени.

Тема рассуждения Ломоносова «О пользе книг церковных», конечно, тесно связана с дальнейшим содержанием о стилях речи, но она, по-видимому, имеет также некоторое специальное значение. В его «Филологических исследованиях» даны темы: «О славенском церковном языке», «О простонародных словах». Они, без сомнения, противопоставляются. Но чему противопоставляется понятие «О пользе книг церковных»? Оно, очевидно, имеет в виду принадлежащие кому-то суждения о бесполезности, ненужности этих книг. Такие суждения высказывались литературными противниками Ломоносова — Тредиаковским, Сумароковым, они, вероятно, ходили при дворе, среди знати, где были сильны европейские влияния, особенно французские и немецкие. Против них, очевидно, и направлена была, в несколько смягченном тоне, вступительная часть статьи Ломоносова.

Отношения Тредиаковского к славянскому языку отчетливо выражены в его «Предисловии к читателю», предпосланном книге «Езда в остров любви» (перевод с французского, 1730), где он говорит: «На меня, вас покорно прошу, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской у нас есть язык церковной, а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши читая не разумеют, а сия книга есть сладкия любви,

того ради всем должна быть вразумительна. Третия: которая вам покажется, может быть, самая легкая,но которая у меня идет за самую важную, то есть что язык славенской ныне жесток ушам моим слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми; но за то у всех я прошу прощения, при которых я с глупословием моим славенским особым речеточцем хотел себя показывать».

Тредиаковский понимал трудность задачи писать по-русски и потому говорил: «Ежели вам, доброжелательный читателю, покажется, что я еще здесь в свойство нашего природного языка не уметил, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотение имел, дабы то учинить; а коли же не учинил, то бессилие меня к тому не допустило, и сего, видится мне, довольно к моему оправданию».

Через 5 лет, в 1735 г., Тредиаковский намечает уже в речи «О чистоте российского языка» пути и источники его литературного развития. В основе последних он указывает придворный круг, «в слове учтивейший и великолепнейший богатством и сиянием», далее, по его мнению, «научат нас искусно... говорить и писать благоразумнейшие... министры и премудрые священноначальники», потом «знатнейшее и искуснейшее благородных сословие» и, наконец, «собственное... рассуждение и восприятое употребление от всех разумных...».

Сумароков вообще был не связан с церковнославянской традицией языка и, допуская в своих стихах подражание французской литературе и обильные заимствования из нее, теоретически был противником влияния иностранных языков. Практически он насаждал в литературе язык дворянский в московском наречии.

В вопросе об установлении состава литературного языка крестьянин Ломоносов не пошел ни за неудачливым отступником поповичем Тредиаковским, ни за более счастливым русофилом дворянином Сумароковым. Причины здесь, несомненно, не личного порядка, хотя вражда между Ломоносовым и этими писателями была постоянная, непримиримая и с годами все увеличивающаяся. По уму и характеру Ломоносов был, однако, слиш-

ком высок, чтобы в решении такого капитального вопроса, как судьба литературного языка, исходить из личных антипатий или симпатий. Вопрос решался гораздо серьезнее. Его противники прежде всего не давали обоснованных теорий. Затем Тредиаковский недооценивал значение славянского языка, а Сумароков его совсем не знал. Ломоносов исходил из исторического и социального положения разных элементов современного языка и дал самое мудрое и практичное решение поставленного жизнью вопроса. Классовая оценка стихий языка не была ему чуждой. Ломоносов был воспитан на церковнославянском языке, прекрасно знал и любил его, но к духовенству, особенно черному, он не имел расположения. Вспомним его, по тому времени необыкновенно смелый, «Гимн бороде», вызвавший сильное негодование пастырей церкви и допрос Ломоносова членами святейшего синода, своего рода инквизицией, при котором он, по официальному документу, «начал оной пашквиль шпынски защищать, а потом, сверьх всякого чаяния, сам себя тому пашквильному сочинению автором оказал, ибо в глаза перед синодальными членами таковые ругательства и укоризны на всех духовных за бороды их произносил, каковых от доброго и сущего христианина надеяться отнюдь не можно». Вспомним еще его предложение в «Университетском регламенте» (1759) дать университету привилегию, чтобы «духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях».

Точка зрения Сумарокова на язык литературы была неприемлема для Ломоносова, как классово ограниченная. Ломоносов принимал на учет и язык церковников, составлявших более образованный в это время класс населения, но не в том ограниченном объеме, какой прислужнически рекомендовал Тредиаковский, именно «премудрые священноначальники», т.е. малая верхушка, эгоистически правящая своим классом и народом.

Система соединения элементов, составляющих литературный язык, слагается у Ломоносова так, чтобы объединить все культурные элементы русского общества: 1) придворную знать

и дворянство, в среду которых проникает европейская цивилизация и чужие языки, но которые в основе говорят городскими живыми диалектами, преимущественно московским; 2) духовенство и вышедшее из него чиновничество, прикасавшееся к классическому образованию и воспитанное на церковных книгах и особенно к ним близкое, употребляющее в своем речевом обороте тоже московский и другие городские говоры, также и крестьянские; 3) мещанство с выделившимся из него купечеством, крестьянство с отделившимися от него крепостными и дворовыми людьми и небольшое в то время свободное рабочее население из мещан и крестьян. Лица последней многочисленной категории обслуживались литературой на церковнославянском языке в той мере, в какой они были грамотны, т.е. в небольшой части, — неграмотная часть их, самая значительная, несколько знала церковнославянский язык устным путем как орудие церковной обрядности. В живой практике эти последние ветви русского населения пользовались городскими и крестьянскими диалектами, преимущественно последними.

Таким образом, предлагая в своей теории установления литературного языка соединение церковнославянского элемента с живыми русскими говорами, Ломоносов связал в одно стройное целое все культурные и некультурные части русского народа. Церковнославянский язык был в данном случае книжной реальной основой, существующей налицо в данное время; другой основой были живые говоры народа, среди которых ведущую роль он дал московскому говору. По счастливому выражению академика Тихонравова, деятельность Ломоносова дала литературе «ту централизацию, которую государство получило от Петра Великого». В отношении литературного языка ту же централизацию произвел Ломоносов исторической статьей «О пользе книг церковных в российском языке». Но здесь было два центра: 1) язык церковнославянский, 2) живые народные говоры с московским во главе [как это установлено в его «Российской

грамматике» (§ 115)]. По его великому авторитету теория о стилях временно утвердилась в русском языке и дала известную и необходимую прочность его положению. В этом великая заслуга Ломоносова. В его время центром явился церковнославянский язык. С дальнейшим ростом нашего литературного языка центры переместились: мертвый церковнославянский язык замирал, и на первый план постепенно выступал живой язык народа; со времен Пушкина он приобрел окончательно господство. Это произошло, между прочим, и потому, что теория Ломоносова не вела в тупик; она была достаточно гибкой и не закрывала возможностей развития языка в сторону живого национального оформления; как мы уже указывали, такое направление было не чуждо и самому великому писателю и ученому. Неоспоримые выгоды его теория трех стилей имела в том отношении, что давала возможность культурного развития значительной части русского населения, грамотному народу, учившемуся еще долго и после эпохи Ломоносова по церковным книгам. Самое учение Ломоносова о трех стилях и о церковнославянском языке как основе русской литературной речи с ходом развития нашего языка утратило практическое значение, но понятие о стилях речи, опирающихся на книжные и разговорные элементы языка, свойственно и нашей эпохе.

Практичность реформы Ломоносова оказалась и в том, что она давала всем возможность пользоваться относительно обильными старыми книжными запасами, печатными и рукописными. Основать реформу литературного языка в то время на живом говоре Москвы было бы преждевременно и нерасчетливо, потому что литературный язык такой формации был бы крайне скуден образцами и огромное большинство читателей все равно осталось бы вне пределов его воздействия и продолжало по необходимости пользоваться старыми церковными книгами. При этом положении реформа подобного рода не имела бы достаточной устойчивости и обеспеченного успеха. Затем северные русские говоры должны были вступить в столкновение с южным московским наречием, с ними несходным. Следовало

ожидать разрыва живых элементов русской речи при выработке литературного языка на основе одного живого московского наречия. Эти диалектные элементы объединялись при посредстве вековой традиции более или менее понятного, общего для всего русского населения церковнославянского языка. Ломоносов прекрасно показал это, когда говорил в статье «О пользе книг церковных...» о невыгодном для народов Европы употреблении в церковной традиции чужого латинского языка, задерживающего ход просвещения, выработку национальных языков и не препятствующего дроблению и отчуждению диалектов одного языка и отделению сродных языков, например польского от других славянских, вследствие употребления в его церковном обиходе латинского языка.

Переходя к «Российской грамматике» Ломоносова, остановимся главным образом на характеристике ее содержания.

Опубликованные в издании Сухомлинова черновые рукописи Ломоносова показывают, что он вел большую подготовительную работу для составления текста своей «Грамматики». В них немало интересных фактов.

Любопытны замечания для самого себя, побуждающие к выполнению своей работы: «Убавить у других трудов, и показать возможность, и чтобы то не потерялось, что я собрал и о том думал... Я хотя и не совершу, однако начну, то будет другим после меня легче делать» (с. 27).

Есть интересные замечания к обработке содержания «Грамматики»: «Смотреть, чтобы все термины были истолкованы» (с. 119). «Прочитать русских книг и из них взять правила правописания» (с. 126). В некоторых случаях видно, что предполагаемый план грамматики был шире выполненного. Ломоносов первоначально намеревался дать в своей грамматике больше места живому разговорному языку. Так, в черновом плане «Российской грамматики» есть заголовок «О произношении писмен российских в простых разговорах». Он хотел дать статьи: «О произношении писмен в штиле», «О некоторых свойственных российских пословиях» (т.е. идиоматических выра-

жениях[29], «О разборе речений и о чистоте российского языка» (с. 49, 50).

Ломоносов составил также большой план грамматических статей об ударении слов. Предполагалось писать: «1. О ударениях над простыми, первообразными. 2. О ударениях над производными. 3. О ударениях над сложенными. 4. О ударениях над производно-сложенными. 5. О ударениях по склонениям. 6. О ударениях по спряжениям» (с. 69).

У Ломоносова также приготовлялась глава «О произведении существительных», которая сохранилась в довольно обработанном виде, с точными определениями значения суффиксов (с. 160—161). Глава о наречии в рукописи была полнее, чем в печатном тексте (с. 201—202). Очень большой и довольно обработанный материал собран для склонения существительных, особенно для форм родительного на *-у* и *–а* (*-я*), предложного на *-у* и *-е* (*-ѣ*), где при материалах много любопытных наблюдений и замечаний, не всегда использованных в окончательном тексте (с. 147—155).

Ломоносов отличался необыкновенной любовью к русскому языку и несколько раз говорил о его великих достоинствах. Например, в отрывке «О нынешнем состоянии словесных наук в России» он говорит: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или быть могут». Но с особенной силой и красноречием он выразил эту мысль в «Посвящении» к «Российской грамматике»: «Карл пятый, Римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятельми, италиянским с женским полом говорить прилично. Но естьли бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость

[29] В рукописных заметках Ломоносова приводится несколько таких выражений с переводом на немецкий язык (с. 244).

французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверьх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого й латинского языка». Здесь же замечательно определено и значение грамматики: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».

«Российская грамматика» открывается разъяснением значения человеческой речи для развития человека и человечества. «Польза его (человеческого слова) толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые весьма бы тесно ограничены были, естьли бы каждой человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны» (§ 1). В истории развития человеческой речи мысль Ломоносова угадывала возникшую лишь в новое время теорию ее эволюционного развития. «Как все вещиот начала в малом количестве начинаются и потом присовокуплениями возрастают, так и слово человеческое, по мере известных человеку понятий, в начале было тесно ограничено и одними простыми речениями довольствовалось; но с приращением понятий и само помалу умножилось...» (§ 51). Причину колебаний в нашей речи Ломоносов видит в столкновении естественного порядка (логики) со свободою человеческой мысли. Так, говоря о нарушении обычного словорасположения в предложении, он замечает: «Сей порядок речений и их полность хотя с чином натуры сходствуют, однако вольность человеческих мыслей превращает порядок оных и выключает из речи то, чему бы по натуре быть должно было» (§ 84).

«Грамматика» Ломоносова построена на данных русского языка, извлеченных из наблюдения живой и частью письменной русской речи. Как естествовед Ломоносов опирался на объективные наблюдения и из них извлекал правила грамматики. Он не предписывал языку правил употребления, а из существующего употребления выводил правила грамматики русского языка. Из его черновых рукописей, которые дошли до нас, видно, что он собирал большой фактический материал по склонению слов,

словообразованию существительных, спряжению глаголов и т.п. Этот богатый материал мы находим и в его «Грамматике»; например, § 143 дает большие списки слов женского и мужского рода на *ь;* большие списки глаголов по типам спряжения даются в § 286—289, 310, 312; такие же списки наречий находим в § 455, предлогов — в § 460 и др. Любопытно замечание к § 310: «кроме сих, мало сыщется», из которого видно, что Ломоносов в подобных случаях стремился дать полный, исчерпывающий все случаи материал. Однако несомненно, что Ломоносов собирал обширные материалы лишь для слов, которые не подчиняются общим правилам, или же с целью сделать выводы из фактов, грамматически не обработанных, и проверять эти выводы. Там, где положение вопроса вполне ясно и правила грамматики не имеют никаких исключений, «Российская грамматика» ограничивается самым небольшим числом примеров, всего двумятремя.

Вообще же Ломоносов не ограничивался ролью наблюдателя и собирателя фактов языка. Его собирание всегда ведется в направлении исследования. Материал грамматики дается им в строгой, точной классификации. Он постоянно стремится объяснять факты и их взаимоотношения, указывать их значение или практическое применение.

Например, на московское аканье Тредиаковский указал раньше Ломоносова в своем «Разговоре об ортографии», но он не сумел сделать из своего наблюдения никаких выводов. Ломоносов поставил его грамматической нормой русского произношения, устранил его вторжение в правописание и, таким образом, сделал его фактом величайшего значения в русском литературном языке. Его «Российская грамматика» является поэтому научным и практическим руководством к познанию и употреблению русского литературного языка. Можно удивляться тому, как в «Российской грамматике» полно и всесторонне охвачен русский язык, как строго и точно определены его формы.

Кроме начальной вводной части, излагающей общие понятия о языках и русском языке, определяющей грамматический

строй русского языка, дающей терминологию предмета, почти вся «Российская грамматика» написана как научный трактат, состоящий из сжатых, точных замечаний и правил, без каких-либо уклонений в сторону от предмета исследования, без всякого многословия, без мелочных, незначительных фактов. В соответствии со строгостью и точностью в отборе и объяснении материала, она отличается такою же строгостью и точностью изложения, так же как и большою правильностью орфографии, в то время еще не вполне установленной.

В пример простоты, сжатости и точности формулировок Ломоносова можно указать его правило об употреблении двоеточия: «Две точки примеры, причины и речи вносные показывают» (§ 132).

Хотя при составлении «Российской грамматики» Ломоносов переработал «Славянскую грамматику» Смотрицкого, однако он, признавая некоторые исторические права церковнославянского языка, сумел при установлении форм русской грамматики охранить русский язык от включения в него славянщины и шел в этом случае даже впереди филологов дальнейшего времени; например, он устанавливал неударяемые окончания в прилагательных на *-ой*, *-ей* в простых стилях речи, чем так возмущался грамматически необразованный Сумароков. Сравнение грамматик Смотрицкого и Ломоносова показывает, что Ломоносов критически относился к «Славянской грамматике» Смотрицкого, своего ученого предшественника, строго разграничивал языки русский и славянский и отвергал все то, что у Смотрицкого являлось ненужным для русского языка. «Надстрочных знаков, — говорит он, например, — в церковных книгах есть немалое число; но большая часть их принята от греков без нужды» (§ 111).

Знакомство с европейскими языками дало Ломоносову возможность оценить особенности русского языка. Так, он указывает, что увеличительные имена существительные имеются в изобилии в языке русском и итальянском, но отсутствуют в немецком и французском, что русский язык и итальянский весьма богаты уменьшительными именами, а немецкий язык ими ску-

ден, французский еще скуднее (§ 59). Он отмечает, что составитель «Славянской грамматики» в учении о залогах ввел многие неисправности, «последуя греческому и латинскому свойству» (§ 73).

Благодаря знанию иностранных языков, замечательной наблюдательности в области звуков русской речи по слуху и работам органов произношения Ломоносов отчетливо разобрался в звуках нашей речи и в значении букв нашей азбуки. Он указал, что буква *щ* представляет сложный звук *шч* (диалектически *шш*), что буквы *е, ю, я* в начале слов являются двоегласными, составленными из *й* и гласных, а после согласных — чистыми гласными; он отметил, что *е* под ударением произносится как *ё*, однако указал случаи, когда это правило не соблюдается; он указал, что когда пишется буква *ъ* перед *и*, то это сочетание произносится как *ы* (*отыскать, в ызбе*)*;* он отчетливо формулировал закон ассимиляции согласных глухих и звонких; он точно указал случаи произношения в русском языке фрикативного *г* и обращение его в *х* в конце слова (§ 91, 92, 97, 98, 101, 102, 103) и т.д. Ломоносов дал также простые, точные и основательные правила слитного и раздельного написания слов (§ 125, 129).

Конечно, «Российская грамматика» Ломоносова устарела, но главным образом лишь в том смысле, что устарел язык его времени; частично устарела также терминология Ломоносова, хотя в свое время он был в ней счастливым нововводителем, и многое, что мы имеем в грамматических терминах нашего времени, идет от него.

Для истории русского языка следует отметить, что в эпоху Ломоносова существительные увеличительные на *-ище* употреблялись в среднем роде: *великое домище, дурное бабище* (§ 140); существительные собирательные могли употребляться в форме на *-ье* в среднем роде со значением множественного числа: *брусье, колье, листье,* и склонялись по типу единственного: *лоскутье, лоскутья, лоскутью* (§ 194, 198); числительное *сорок* имело в литературном языке его времени полное склонение (§ 261); допускались формы сравнительной степени на *-яе*: *бле-*

кляе, светляе (§ 218); употреблялись уменьшительные на *-енцо*: *дряхлое стариченцо, старое бабенцо* (§ 248); допускались при страдательном залоге обороты с предлогом *от*: *Дарий побежден от Александра*, *но убит от своих рабов* (§ 506); предлог *над* возможно было соединить с винительным падежом: *взлететь над лес* (§ 554); названия городов на *-ск-* склонялись как полные прилагательные: *у города Архангельского, к городу Архангельскому* (§ 575, 579).

Само собою разумеется, что у Ломоносова есть архаизмы и в подборе слов для грамматики, и в их формах. Таковы: написание *лебядь* (§ 245); глаголы *емлю, нял* (§ 210), *мышлю, мыслишь* (§ 366) и др.

В числе важнейших недочетов «Грамматики» Ломоносова указывают, что ее автор не выяснил себе учения о видах русского глагола и потому дал очень сложное учение о временах. По его грамматике в русском языке оказывалось 10 времен (§ 268). Однако напрасно упрекают Ломоносова в том, что ему было совершенно чуждо понятие о видах русского глагола, которое в зародыше имел уже Смотрицкий. В системе глаголов у Ломоносова уже отличалось прошедшее «однократное»: *тряхнул, плеснул*, будущее «однократное»: *тряхну, глотну* (§ 268); Ломоносов указывал разницу в глаголах *видать* и *видеть, летать* и *лететь* (§ 380); он указывал, что глаголы *отдернул, откинул* отличаются от глаголов *отдергал, откидал* тем, что «действие в первых в один раз, в других во многие совершается» (§ 406); он замечал, что глагол *приучать* имеет «совершенное» *приучить* (§ 407).

«Грамматика» Ломоносова должна была представить свод правил русского литературного языка его времени. По мысли автора, следовало дать грамматику практическую и нормативную. Это ясно выражено в его определении ее: «Российская грамматика есть знание, как говорить и писать чисто российским языком, по лутчему, рассудительному его употреблению» (§ 86).

Нормы языка Ломоносов определял существующим употреблением. Там, где грамматика не может по тем или иным

причинам показать формы слов, Ломоносов предлагает узнавать их по общему употреблению. Указывая, например, что названия жителей по именам городов (типа *Москва — москвич, Вологда — вологжанин, Холмогоры — холмогорец*) не подчиняются теоретическим правилам, Ломоносов говорит, что знание их должно предоставить «общему всех учителю, повседневному употреблению» (§ 238). Точно так же он указывает, что уменьшительные особого образования от имен собственных, подобные словам *Иван — Ванька, Авдотья — Дунька*, до́лжно узнавать не по правилам, но по употреблению (§ 256). Или сочетания прилагательных с разными падежами, которые «общим правилам не подвержены ради разных их знаменований, например: *силен словом, рукою* и *силен в слове, в споре*, должно знать из употребления» (§ 483). Если употребление дает варианты, которые одинаково приняты в языке, Ломоносов не допускает насильственного выравнивания языка отбором одних и уничтожением других. Его грамматика часто утверждает подобные колебания. Так, он дает для форм множественного числа существительных *бе́реги* и *берега́*, *о́стровы* и *острова́, сне́ги* и *снега́* и т.п., но с большой проницательностью выделяет с одним *а*: *рога, бока, глаза* (§ 195); Ломоносов также допускает двоякие формы для глаголов прошедшего времени: *гас* и *гаснул* (§ 302); для согласования слов: *любезные мои Цицерон и Виргилий* по множественному числу и по единственному: *мой отец и мать, брат и сестра мои* (§ 470); или: *четыре корабля военных, три человека сильных* и *четыре корабля военные, два человека сильные* (§ 487). Вспомним, что гораздо позднее Греч в «Практической русской грамматике» допускал только сочетание последнего типа, и мы увидим, как замечательно понимал и уважал Ломоносов факты русского языка, как остерегался всяких насилий над ними.

В большинстве случаев Ломоносов не был безучастным наблюдателем, утверждающим существующие факты языка.

Во-первых, он отличал хорошие, нормальные и худые употребления. В § 119 он говорит: «Ныне сверьх того пишут не-

правильно во множественном числе существительных среднего рода *и* вместо я: *учреждении* вместо *учреждения*. Но тому следовать не должно: худые примеры не закон». Дальше он дает убедительное обоснование неправильности принятой формы на *и.* Седьмого января 1758 г. Ломоносов подавал особое представление президенту Академии с подробной критикой недостатков этого учреждения; здесь, между прочим, он указывал что при Академии нет «российского собрания», «где б обще исправлять грубые погрешности тех, которые по своей упрямке худые употребления в языке вводят».

Во-вторых, Ломоносов дал большинству вариантов стилистическое обоснование и применение. Так, формы родительного на *а* и на *у* он различает по древности и важности слов; говорят: *человеческого долга, ангельского гласа*, но *прошлогоднего долгу, птичья голосу* (§ 173); формы предложного на *е* (*в горне, в доме, в поте*) он относит к высокому стилю, формы на *у* этих слов указывает в простом слоге или в обыкновенных разговорах (§ 190), отмечает, что «*ее* в просторечии, *ея* в штиле употреблять пристойнее» (§ 436).

В-третьих, Ломоносов не допускал некоторых вариантов по стилистическим соображениям. Например, он указывал употребление форм превосходной степени на *-ейший* и форм с приставкой *пре-* только в важном и высоком стиле: *светлейший, пресветлейший, высочайший, превысочайший*, но советует не употреблять подобных образований от слов низкого значения: *блеклый, прыткий* (§ 215). Ломоносов не советует употреблять причастий на *-щий* и *-емый* от слов низких и употребляемых в простых разговорах, «ибо причастия имеют в себе некоторую высокость, и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов», а в обыкновенной речи предлагает употреблять вместо них местоимение *который* с глаголом (§ 343). Деепричастия на *-ючи* он рекомендует употреблять от чисто русских глаголов и не допускать их от славянских: «лутче сказать *толкаючи*, нежели *толкая*, но следует употреблять *дерзая*, а не *дерзаючи*» (§ 356). Вообще допуская в именах прилагательных

и причастиях окончания *-ый* и *-ой*, Ломоносов первое окончание определяет для слов славянских, второе — для русских (§ 446).

Обирая нормальные словоупотребления по своему вкусу и чутью языка, Ломоносов нередко резко выражает неодобрение ненормативным формам, возникшим в худом употреблении: «Не должно в российский язык вводить несвойственных безобразий, каковые в истинный известии и во многих других не без отвращения чувствительны» (§ 119); «предлог о... кратко показывает число частей какого-нибудь животного: *О двух рогах, о четырех ногах. Об одном сыне* вместо *у него один сын* весьма развратно» (§ 557).

Устанавливая формы русского языка путем тщательного наблюдения, необыкновенного понимания, находчивости и привычки к строгому логическому мышлению, Ломоносов дал в своей «Грамматике» много чрезвычайно тонких и острых замечаний и объяснений относительно разных особенностей русского языка. Он указал неясность безударных гласных в литературном акающем говоре (§ 121). Притом Ломоносов еще раньше составления «Грамматики», во время споров с Тредиаковским в 1746 г. об окончании прилагательных множественного числа, указывал зависимость ясности и неясности неударяемых гласных от громких и тихих разговоров. Ломоносов, указав некоторые имена «общего рода» (*плакса*), хотя слишком решительно, но не без основания заметил, что они происходят от глаголов (§ 139); действительно, среди этих слов отглагольные образования значительно преобладают над всеми другими. Он с большой точностью определил в формах родительного падежа множественного числа существительных женского рода зависимость звуков *о* и *е* от предшествующих согласных (§ 163—166). Ломоносов с редкой наблюдательностью отметил, что существительные, сочетающиеся с числительными *два, три, четыре*, «родительного на *у* отнюдь не терпят» (§ 179). Он совершенно правильно указал, что существительные на ударяемое *-ец*, если перед окончанием находятся две согласные, сохраняют *е*, за немногими исключениями (§ 182, 183). Он заметил, что су-

ществительные на *ж*, *ш, щ* и *ч* родительный множественного имеют на *-ей* вместо *-ов* (§ 196). Он указал, что слова среднего рода на *о*, имеющие перед окончанием две согласные, в родительном множественного разделяются между согласными гласными *е* или *о*: *число, чисел, стекло, стекол* (§ 202). От его внимания не ускользнуло то обстоятельство, что «великая часть имен прилагательных не имеет увеличительных и уменьшительных» (§ 255). Он отметил также, что не все глаголы могут иметь деепричастия (§ 393). Ломоносов также указал, что глаголы непереходные, приняв предлоги, переменяются в переходные: *отлежать бока́, заспать глаза́, отстоять но́ги* (§ 403). Он заметил, что местоимение *они* и *оне* не отличаются по родам (§ 436). Он указал, что личные местоимения не обязательны при глаголах, имеющих личные окончания, но когда лица не показываются окончаниями, названные местоимения не опускаются (§ 537, 538).

Мы далеко не перечислили всех замечательных наблюдений нашей речи, которые дает «Российская грамматика», этот редкостный документ, определяющий свойства нашего языка, и если у нас находились ученые, которые сожалели, что Ломоносов не отдал своих гениальных дарований исключительно естественным наукам, то можно высказать и противоположное большое сожаление, что наш великий мыслитель далеко не исполнил всех своих планов и намерений в отношении исследования русского языка в «Российской грамматике» и в других своих лингвистических трудах.

Нужно иметь в виду, что употребление эпохи Ломоносова было совсем не такого характера, как употребление нашего времени. Мы имеем: 1) образцовый язык классической русской литературы, 2) живую речь грамматически и литературно образованных классов общества, основанную на этой литературе. Наши нелитературные диалекты не включаются в нормальный оборот литературного языка. Из сложения двух первых элементов — книжного и живого — и создается наше современное употребление. Во времена Ломоносова русский литературный

язык почти еще не существовал. Он главным образом был представлен только произведениями самого автора «Российской грамматики» Сатиры Кантемира во времена Ломоносова были известны только в переводах французском (1746 г.) и немецком (1752 г.). Русское издание появилось после выхода в свет «Грамматики» Ломоносова (1762). Тредиаковского и Сумарокова автор «Российской грамматики» ставил очень невысоко. О первом он писал: «Язы́ка нашего небесна красота || Не будет никогда попранна от скота». Сумарокова считал жалким, превозносящим себя стихоплетом. В переводной литературе Ломоносов видел «дикие и странные слова нелепости» (варваризмы). Церковный язык он довольно строго отличал от русского разговорного. Итак, в принятом употреблении, насколько оно является книжным, отражается главным образом литературный язык в представлении самого Ломоносова. Затем в нем остается разговорный русский язык, принимаемый в той мере, в какой Ломоносов включал его в литературный оборот. На этих основах и утверждается употребление языка в «Российской грамматике».

Вопрос об отношении диалектов к литературному языку Ломоносов разрешил признанием преимущества перед всеми за «московским наречием». «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты протчим справедливо предпочитается; а особливо выговор буквы *о* без ударения как я, много приятнее» (§ 115). Это признание было в свое время довольно смелым, так как затрагивало права новой столицы, Петербурга, и реформу Петра I, но оно имеет глубокое историческое основание. «Наречие центра народной жизни, — говорит академик Н.С. Тихонравов, — подкрепленное элементами литературного языка древней Руси, стало со времен Ломоносова литературным русским языком. Таким образом, Ломоносов, вводя в русскую литературу широкие общечеловеческие начала европейской образованности, оставался верен историческим преданиям русского языка». В наше время важность московского наречия как литературного центра сознается еще более: позднейшие исследования показали, что это наречие

соединяет в себе черты северных и южных русских говоров и, таким образом, является связующим звеном всех русских диалектов.

Ломоносов не забыл оговориться, что признание московского наречия как образца произношения ни в коем случае не должно изменять исторически сложившегося правописания: «Ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать, то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно».

Сумароков несколько раз заявлял в порицание «Российской грамматике», что «Ломоносов московского наречия не знает, ибо он родился в деревне такого уезда, где говорят не только крестьяне, но и дворяне очень дурно» (письмо к Шувалову, 13 ноября 1759 г.). В статье «О правописании» Сумароков говорил, что Ломоносов, «не будучи ни грамматиком, ни знающим чистоту московского произношения», составлял правила грамматические «на колмогорском наречии» и что он не знал «благородного московского наречия». Последнее заявление позволяет нам понять сущность нападок Сумарокова. Очевидно, он понимал московское наречие классово, как говор московского дворянства. Этот говор наш семинарист-крестьянин действительно едва ли имел случай хорошо изучить, живя в Москве и получая три денежки в сутки. Но нет никакого сомнения, что Ломоносов понимал термин «московское наречие» гораздо шире, чем Сумароков, именно как общий говор постоянных жителей Москвы, независимо от их классовых расслоений. У нас есть прямые указания, что еще в конце XVIII в. московский говор был более смешан, вмещал более диалектных черт, чем в наше время. Из учебной грамматики А.А. Барсова («Краткие правила российской грамматики», 1780) мы видим, что в Москве того времени наблюдались черты говоров, которые теперь слышатся только южнее, например: яканье (*яму, твояво*), *х* вместо *к* из *г* в окончании слов (*нох, мох*), *ф* на месте *хв* (*фалить, фатать*). На основании той же грамматики Барсова можно установить в Москве того времени и присутствие некоторых северных русских осо-

бенностей, потом исчезнувших, например произношение неударяемого *е* как *ё* (*сыплётся, вылёт, пишот*). Надо полагать, что во время пребывания Ломоносова в Москве, в начале тридцатых годов XVIII в., московский говор, особенно в низах общества и в средних его слоях, которые мог наблюдать Ломоносов, был еще более смешан, чем в конце XVIII в., но замечательная разборчивость Ломоносова помогла ему не включить в московское наречие те черты, которые показал в своей грамматике Барсов. Однако *яму,* как непростительная ошибка правописания, указывается в «Грамматике» Ломоносова (§ 116). Этот пример показывает, что если Ломоносов и отразил в своей «Грамматике» диалекты, то во всяком случае не вводил в нее «колмогорского» наречия, а припоминал данные языка из того московского говора, который он знал в молодости и который мог не знать или не признавал высокомерный барин Сумароков.

Мы приведем несколько примеров провинциализмов из «Российской грамматики» Ломоносова, которые мы знаем теперь в северных или в южных русских говорах, предупредив, что включение их в «Грамматику» могло произойти именно тем путем, какой мы предполагаем. Северные диалектизмы: *Володимер, Макарей* (§ 227); *баю, баял* (§ 291); *гребу, гренул* (§ 310); *обетшал, взмужал* (§ 312); *акибы* (§ 455). Южные диалектизмы: *чхаю, чхнул* (§ 310); *пнаю* (§ 318). Таких явных диалектизмов у Ломоносова, однако, немного. Большая часть провинциализмов в «Российской грамматике» такого рода, что они просто представляют широко распространенные формы народного языка, не вошедшие в литературную речь. Таковы: *ишпанец* (§ 237), *бежу* (§ 284), *зоблю, зобнул* (§ 310), *они живут собою* (§ 437), *далече, напоследи, вдругие* (в другой раз) (§ 455), *опричь товарища, перелезть через* (§ 461), *говорить было, писать было* (§ 529), *быть писать, быть умереть* (§ 530) и т.п.

Так как Ломоносов в определении норм языка опирается на живой говор народа — московское наречие — в его широких средних слоях, то ему почти не приходится бороться ни с резкими диалектизмами, которых можно было ожидать только

в очень некультурных слоях московского населения, ни с варваризмами, которыми могло быть заражено только дворянство и высшее духовенство, получившее европейское образование. Из варваризмов Ломоносов отмечает лишь взятые из польского языка превосходные степени с *наи-: наилучший, наичистейший*, которые он находил неприятными русскому слуху (§ 216), и галлицизм — предлог *через*, который употреблялся в его время, например, Тредиаковским: «Истинная Политика знатных и благородных особ, переведена с французского *чрез* Василья Тредиаковского», где Ломоносов предпочитал предлог *от* (§ 509). Но эти оба факта относятся к книжному языку, а не живому.

В современной Ломоносову критике неблагосклонные отзывы о «Российской грамматике» давал только его постоянный зоил Сумароков. Особенно резкая оценка получилась тогда, когда Ломоносов в качестве члена академической канцелярии подписал суровую бумагу с требованием выплаты денег, которые Сумароков был должен Академии наук за напечатанные ею книги и не выплачивал в течение 10 лет. Сумароков пришел в величайший гнев на Ломоносова и написал по этому случаю ответ, в котором осыпал Ломоносова грубыми оскорблениями и в заключение заявил: «А что он (Ломоносов) не в полном разуме, в том я свидетельствуюсь сочиненною им риторикою и грамматикою»[30]. Отзывы ученых специалистов новейшего времени о «Российской грамматике» содержат признание ее высокой ценности. Особенно замечательна оценка этого труда Ломоносова, данная академиком Буслаевым, соединявшим в себе редкие знания специалиста и по русской грамматике, и по истории русской литературы. Она дана в речи «Ломоносов как грамматик», произнесенной Буслаевым на торжественном собрании, устроенном Московским университетом по случаю столетия со дня смерти Ломоносова 11 апреля 1865 г. Приведем из нее следующий отрывок: «Из ученых трудов Ломоносова на мою долю предоставлено произнести слово о таком его произведении, в

[30] Пекарский П. История Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. II. С. 652.

котором этот гениальный деятель мог раскрыться свободнее и самостоятельнее, нежели в других областях науки, потому что он был первым мастером того дела, о котором, по требованиям преобразуемой тогда русской литературы, он должен был из материалов домашних, своеземных создать науку новую, небывалую дотоле, но всеми русскими тогда желанную, имевшую своею целью не только поучать и руководить на практике, но и воодушевлять национальное чувство... Находя неуместным входить в рассмотрение подробностей “Российской грамматики”, однако почитаю необходимым сказать, что эти подробности, впервые собранные из уст народа с необыкновенной проницательностью, ученою и артистической тонкостью художника и впервые искусно приведенные в стройную систему, составляют самое существенное достоинство книги».

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ БАСЕН И СКАЗОК В.И. МАЙКОВА

О писателях XVIII в., даже самых замечательных, сохранилось мало биографических известий. Несколько анекдотов, несколько случайных упоминаний, официальные данные о службе — этим часто и оканчиваются все сведения о том или другом литературном деятеле. Волей-неволей приходится многого искать в их произведениях. При этом уже давно и неоднократно выражалась мысль, что некоторые данные можно получить после изучения языка писателей. Например, всегда можно собрать несколько материалов для утверждения или отрицания принадлежности авторам произведений сомнительных. Можно также уяснить влияние одного писателя на другого; можно со значительной вероятностью определить область, откуда происходил писатель, и говор, который отразился в его произведениях. Кроме того, изучение языка писателей известной эпохи должно бы было дать представление о грамматическом строении языка в эту эпоху. Так как для таких целей необходимо исследование языка писателей во всем его объеме и полноте и притом с различиями, зависящими от разных периодов творчества писателя и рода словесных произведений, то не удивительно, что для таких сложных и кропотливых работ находилось слишком мало охотников[31].

[31] Можно указать на статьи Ф.Е. Корша о «Русалке» Пушкина (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1898. Кн. III; 1899. Кн. I, II), отличающиеся тщательностью анализа явлений языка и научным изяществом приемов исследования; на интересные статьи Е.Ф. Будде о языке Ломоносова и Пушкина (Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCXVI и CCCXXXIII) и на целый ряд работ В.А. Истомина (Русский филологический вестник. Педагогический отдел. Т. XXXV — о Ломоносове, XXXVI — о Карамзине и Дмитриеве, XXXVII — о Гоголе, XXXVIII — о Фонвизине и Озерове, XXXIX — о Хераскове и Сумарокове, XL— о Екатерине II и др.), преследующих только учебные цели (так, как их понимает автор): полноты, стройного изложения, объяснения происхождения и связи фактов в работах трудолюбивого автора «Главнейших особенностей языка и слога» почти всех замечательных писателей от Ломоносова до Пушкина — нет.

Кроме трудности таких работ, в которых приходится иметь дело с массой мелочных и разбросанных фактов, кроме недостатка пособий, облегчающих работу, например, словарей отдельных писателей, — большое препятствие для изучения языка наших писателей мы найдем в самих текстах их произведений. У нас упорно держится обычай «исправлять орфографию» издаваемых писателей: таким образом редакторы изданий лишают исследователя языка очень ценных фактов — именно тех, по которым он может познакомиться с живой речью писателя, со степенью его грамотности, которая должна явиться показателем образования и начитанности. Почему-то не обращается внимания на то обстоятельство, что орфография нашего времени является странной в трудах писателей того периода, когда была другая орфография и когда совсем иначе на нее смотрели. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков имели свою орфографию: было бы крайне неуместно делать в ней изменения, так как оказалось бы, что они не следуют тем правилам, которые сами указывают. Например, Сумароков пишет *рабенокъ*, потому что производит это слово от *рабъ*. Они пишут *етотъ, ета* и т.д.

Если в одних случаях приходится жалеть об исправлении орфографии писателя, то во многих других случаях приходится восставать против исправления как дурного приема, искажающего писателя. Дело в том, что издатели не держатся границ, дальше которых не должны идти «орфографические» поправки, и из тесной области замены одних букв другими — с чем бы еще кое-как можно помириться — заходят в область звуков, форм склонения и спряжения и даже словарь писателя, т.е. исправляют уже его язык, придавая ему такие черты, которых он не имел. *Робята, узолъ* переделывается на *ребята, узелъ*; вместо авторова *живяе, скоряй* является *живъе, скорѣй; правы, родя* заменяются *нравы, радя*; ставятся ударения там, где их не было у автора, и не сохраняются те, которые были поставлены, и т.п. Такие приемы издания есть грех против науки и литературы. Распространенность их — печальное явление в деле редактирования писателей, благодаря которому смыто немало свежих и

живых красок с тех картин, которые были когда-то для нас написаны.

Неудобство орфографических исправлений увеличивается еще тем, что не только редактор, но часто переписчик или наборщик дают свою орфографию тексту, так как более или менее общепринятая орфография Я.К. Грота явилась не слишком давно. Наконец, эти исправления и мало нужны, так как старые печатные издания писателей вовсе не имеют такой вопиющей безграмотности, которая резала бы глаза читателя, и в интересах именно орфографии от некоторых поправок нужно бы было воздерживаться.

Редакторы должны строго держаться или рукописного авторского текста, или текста последнего вышедшего при жизни автора издания его произведений. На точную передачу этого текста и должны направляться редакторские усилия: накладывать свою руку на произведения писателя редактор, конечно, не должен.

Старый обычай исправления коренится на непризнании прав живого языка, который отражался в буквах. Для знакомства с ним первоначальная орфография имеет большую важность, и поправки в ней, даже незначительные, делают невозможным изучение языка изданного сочинения, оставляя в совершенной неопределенности, что́ принадлежит в правописании текста автору и что́ издателю.

К таким мнениям пришлось мне прийти после изучения языка басен В.И. Майкова по изданию 1867 г., под редакцией П.А. Ефремова, и по 1-му изданию, вышедшему при жизни автора, в 1766—1767 гг. Особенностей в правописании 1-го издания немало, и некоторые из них очень любопытны.

Есть случаи аканья (*выскочила, зарасло*)*:* вероятно, это ошибки московского наборщика или переписчика. *Раждаетъ, равняться* (рядом: *разломать*) могут получить другое объяснение.

Майков пишет именительный падеж мужского рода по произношению: *смѣлой, цѣлой, всякой, прохожей, вешней, подьячей* и многие другие; также родительный: *ево, тово, ково, одно-*

во, жаренова, худова (но и: *хорошаго*), *нашева.* Известно, что такое правописание было нередко в XVIII в.; его употреблял и отстаивал Сумароков.

Любопытно правописание: *мѣлка, прилѣжно, нѣчемъ, пѣстъ, змей, спеси* (редактор везде исправил). Здесь во всех случаях, если не держаться школьных понятий об орфографии, буквы поставлены правильно. Два первых слова пишутся так еще по грамматике Востокова 1837 г. (4-е издание); правописание третьего слова отстаивалось Потебней; *е* в слове *спесь* требуют и Востоков, и Буслаев, и Грот.

Обыкновенно видим*: ето, ета, объетомъ,* но и: *этакихъ, эта.* Старое издание отличает *ё: лисiёнка, поросiёнка, всiё, смиріёнъ* (редактор не передает такого произношения).

Произношение сказывается и в написаниях: *заечьи, имянно* (может быть, и орфографическое сопоставление со словом *имя*), *вить* (ведь), *океянъ*. В случаях *мѣшечикъ, дружечикъ* трудно установить произношение, потому что находим также правописание: *мѣшочикъ, дружочикъ, праотцовъ, пришолъ* и *положенъ* (на *е* ударение); но *и* после *ч* несомненно фонетическое.

Живому же языку обязаны: *робята, узолъ*; *наши ребята, теперь* — вероятно, такие же новообразования, как областные *висилек, бисиком* под влиянием следующего мягкого слога.

В употреблении согласных букв также видим соответствие произношению: *берлокъ* (по-северному), *бѣдняшка, прозьбу, здѣлалъ, пріѣжживалъ, лутче, востали* (восстали), *щитаетъ, щастья, беспокоить.* Но по производству: *естьли* (если), *изпустить, разтвори.*

Если *невѣждею* не опечатка (в исправленном: *невѣжею*), то это след мягких звуков *ж$^{\partial}$ж* (произношение: *невѣжьжею*). Любопытно правописание *ѣжъ* (ешь) и *подьячей* (рядом: *подъячей*). В словах *раззоря, раззиня, по истиннѣ* согласная удвоена (ср. владимирские: *раззорить, роззинуть*); в заимствованном *миліонъ* она неповторяется, как и в некоторых северных говорах (владимирские). В *склизскія* видим ошибочно приставленный суффикс *-скій.*

Вероятно, диалекту самого Майкова обязаны написания: *сперьва* (три раза), *поверъхъ, веръшины*.

Он, может быть, произносил твердо *съѣсть, съѣстъ*, даже *отнюдъ*, но мягко *преръви, горьницы*.

Как мы, он говорил *позно* и, как говорят иногда крестьяне, *хлебопашенства*.

В склонении слов мы тоже видим народные формы: *дни* (род. п.: *азъ дни творила ночь; сево дни*), *дочерѣ* (дат. п.); *житы* (им. п. мн. ч.). Множественное число имен прилагательных оканчивается на *-ыя* независимо от рода: *лестныя друзья, зефиры сладкія, милыя утѣхи, нѣжныя рѣчи, рѣчей, которыя*, но *подовые* (пирожки). Предложный падеж: *въ кожѣ поросячей*, образованный по образцу прилагательных, как *синий*, конечно, тоже разговорная форма; также *они* (птицы).

Сравнительная степень на *-яе* и *-яй: живяе, скоряй* (рядом с формами на *-ѣе, -ѣй*), мне кажется, указывает ярославца. Несмотря на то что эти формы для XVIII столетия, на основании свидетельства Сумарокова, были московскими, трудно допустить, чтобы в московском народном языке такого недалекого от нас времени они были в большом употреблении. Эти формы существовали в живом языке образованного общества того времени и встречаются у многих писателей. Так, по указаниям Истомина и другим справкам, они есть у Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Екатерины II, Хераскова. Но это, вероятно, разговорные формы северных говоров, не московских. Их нет в современном литературном языке только благодаря влиянию живого московского наречия, при поддержке которого они должны были бы сохраниться, потому что допускались книжным языком и грамматиками. Подтверждение редкого употребления сравнительной степени на *-яе* в живом московском языке XVIII в. можно найти и в том, что формы сравнительной степени на *-яе* нет, если не ошибаюсь, в современных московских наречиях[32].

[32] Для села Липиц Каширского уезда Тульской губернии указывается произношение хитряй (Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. Вып. II. С. 83). Но это случай исключительный, если не ошибка.

Вместе с такими чисто народными формами видим славянизмы: *по земли, раби мои* (звat. п.).

Майков, по тогдашней орфографии, ставит ударения в тех случаях, когда они служат к различению значений или формы слов: *помóчь* (значит, он употреблял слово *пóмочь*), *потóмъ, дорóги, нóги, стóитъ, мѣстá, письмá* и др. в отличие от *пóтомъ, дóроги* и т.д. Точно так же, например, употреблял ударения и Сумароков в «Трудолюбивой пчеле». Редактор, не обозначая этих ударений, ставит ударение везде, где стихотворный размер указывает на произношение, для нас необычное: *éя, обоихъ, поиманъ, съ дубинóю, хóрошства* и др. Мы можем читать их как требует размер, но подчеркивать их, ставя ударение, излишне. Если бы у писателя оказались такие ударения слов, которые не оправдываются живым языком, то все-таки нельзя было бы навязывать поэту неестественные произношения. Он мог просто отступить от стихотворного размера, но сохранить правильное ударение. Например, кажется, что следующий пушкинский стих вполне возможно прочитать так:

И был глубокий эконом,
Тó есть умел судить о том,
Как государство богатеет...

— с нарушением размера, но с естественным ударением; также у Крылова энклитическое *еще*:

Но время ещé не уйдет («Огородник и философ»).

В издании Суворина 1895 г., с. 78, стоит ударение *éще*, кажется, без основания.

Прежде чем обратиться к тексту басен Майкова по изданию 1867 г., укажу еще все случаи разницы этого текста с изданием 1766—1767 гг., которые должны считаться или недосмотрами, или ошибками редакции, неправильно понимавшей дело исправления орфографии издаваемого писателя.

Издание 1766—1767 гг.

трясутся
окна
прытости
нейду
подьячіе
нгѣдра
хорошаго (коня) *купя поставили на стойло безссорно имѣвъ*
разспоровались
Окончанъ разговоръ,
Пошли окончить споръ
Пирожнова съ жаркимъ, и соусовъ даютъ

Издание 1867 г.

тресутся (22, 39)[33] *окны* (38) *прыткости* (38) *не йду* (2) *подъячіе* (5) *нѣдры* (6)

хорошаго коня поставили на стойло (8) *безспорно* (9) *имѣлъ* (10) *разспорилися* (16)

Окончивъ разговоръ,
Пошли окончить споръ (20)
Пирожнаго съ жаркимъ и соусомъ даютъ (22)[34]
отвѣдаемъ ея (известной пищи)
мыши
правы
родя
Тогда нигдѣ взялись
Амуръ со Гиминѣемъ Летали вкругъ...
отвѣдаемъ ее (22) *мышки* (22) *нравы* (25) *радя* (37)
Тогда — и гдѣ взялись? —
Амуръ со Гименеемъ, Летали вкругъ... (42)

---

[33] Здесь и далее цифра в скобках означает: в баснях Майкова номер басни по изданию П.А. Ефремова; при других цитатах — страницу того издания, из которого приводятся примеры.

[34] Здесь недосмотр оказался губительным и для смысла фразы; вышло: пирожное с соусом.

Исправление в расстановке знаков препинания также требует большой осторожности, потому что и здесь может быть ошибка в понимании мысли автора или течения его речи. Последнее особенно важно в стихах или изящной прозе, где расстановка знаков может обозначать ритм красивой речи и основываться, кроме синтаксического разбора, на логическом и на чувстве образованного слуха, определяющего лучшее произношение слов и фраз. В этом отношении гораздо лучше изучить произведения писателя со стороны их пунктуации, а не исправлять его работу, как сочинение школьника. Музыка речи, без сомнения, понимается поэтами лучше, чем учеными-библиографами. Расстановка знаков в их произведениях дает указание на выразительное и звучное течение речи в живом произношении. Здесь комментарий к поэту можно дать только в том случае, если изучать его стихи подобно тому, как изучаются они искусными артистами.

Приведу три случая исправления текста в этом отношении, которые вполне могли бы остаться без перемены:

Издание 1766—1767 гг.
На то въ отвѣтъ,
Мой свѣтъ:
Иль мнишь...
Ахти! пропалъ, я денежекъ лишился.
Как сами хочете, вы такъ ея толкуйте.

Издание 1867 г.
На то въ отвѣтъ:
Мой свѣтъ,
Иль мнишь... (2)
Ахти! пропалъя, денежекъ лишился (11). *Какъ сами хочете вы, такъ ее толкуйте* (22).

Рифмы писателя всего лучше могут сохраниться при переписке, печатании и перепечатке, хотя и в этом случае мы найдем в тексте П.А. Ефремова странное отступление: вместо *ночно* (рифмуется с *заочно*) — *нощно* (в издании 1766 г. — *ночно*).

Прежде всего, у Майкова нередки рифмы, несогласные с произношением, которые показывают, что он недостаточно владел техникой стиха. Так, он рифмует: *слезно — безполезно* (11, 12), *надѣженъ — нѣженъ* (17), *ледъ — бѣдъ* (17), *нѣтъ — ледъ* (17), *веревки — издѣвки* (20), (*сказалъ*) *всѣмъ* — (*въ ремеслѣ*) *моемъ* (27), *свое — сіе* (27), *оселъ — сѣлъ* (28), *сберетъ — вредъ* (31), *ѣмъ* — (*въ домѣ*) *всемъ* (34), *разорветъ — свѣтъ* (37), *нѣтъ — убьетъ* (38), *прижметъ — нѣтъ* (42), *вопіетъ — нѣтъ* (42). Что это не отражение особого произношения буквы *е* (как *ѣ*), видно из редких случаев подобных рифм у позднейших поэтов, произношение которых было, наверное, сходно с нашим. Такие рифмы у Пушкина указаны Ф.Е. Коршем («Известия Отделения русского языка и словесности», т. III, кн. 3, с. 652). Заметим также у Жуковского: *пес — чудес* («Две загадки»), у Тютчева: *нет — течет* (Сочинения, СПб., 1900. с. 113), *клянет — нет* (там же, с. 442); у А.К. Толстого: *плен — времен* («Князь Михайло Репнин»). У новых поэтов (А.М. Жемчужников, А.А. Голенищев-Кутузов) мы таких рифм не найдем.

Так же как поэтическую вольность, вероятно, нужно объяснять и рифмы: *пѣтухъ— слугъ* (7), *опровергъ — поверхъ* (24), *слугъ — духъ* (29)[35]. Обыкновенно: *прыгъ — мужикъ* (42), *берлогъ — легокъ* (42).

Далее в рифмах Майкова мы найдем указания на произношение окончания прилагательного мужского рода: *скудной* (предл. п. жен. р.) — *разсудной* (им. п. муж. р., 7), *прохожей* (им. п.) — *рожей* (твор. п., 7), *пищей — нищей* (им. п., 33), *въ кожѣ поросячей — подъячей* (им. п., 7). Из рифм увидим пропуски согласных в произношении: *несчастной — напрасной* (12), *поздно — розно* (32). Они же покажут особые ударения: *лисы́* (им. п. мн. ч.) — *усы́* (28), *они́ — кони́* (32, но есть и *ко́ни*, 38); ср. у Крылова в басне «Муха и дорожные»: *кони́ измучились.*

[35] Ср. у Корша, та же статья, страница 650, где указаны подобные рифмы у Пушкина и Державина.

Рифма *ворожей — чужей* (род. п. жен. р., 6) не понятна: может быть, это неудачное созвучие, может быть, отражение народного произношения.

Басни Майкова написаны хорошим литературным языком того времени, в котором славянский элемент соединяется с русским, и самые чистые славянизмы встречаются рядом с самыми простонародными областными выражениями.

Славянский элемент указывает влияние книжного языка на Майкова; русский открывает нам его живую речь, которая была более проникнута народными элементами, чем речь позднейших писателей. Развитие русского литературного языка от Ломоносова до Пушкина происходило при таких условиях, которые мало содействовали значительному усилению в нем народного элемента. Главным деятелем в литературе был дворянский класс, отделенный иностранным образованием и образом жизни от народа и пренебрегающий им. Язык народа был подлым языком, и мы до сих пор смеемся над многими простонародными выражениями по предвзятости и, если можно так выразиться, по принятому в наследство вкусу. Не только Пушкин, но даже лучшие из современных нам писателей не решаются вводить в простонародный диалог чистую крестьянскую речь. В 1860 г. Добролюбов осмеял одну из подобных попыток (Сочинения, т. III, СПб., 1871, с. 271).

Эстетическими соображениями этого объяснить нельзя. Свежесть и красота народной речи указывается теми писателями, которые ее не избегают (Л. Толстой в драмах; иногда В.Г. Короленко в речи крестьян, передаваемой в некоторых случаях, надо полагать, по точным записям; многие так называемые писатели-народники, особенно Г.И. Успенский). Вторым условием, не благоприятствующим народному элементу в русском литературном языке, было совершенное невежество народа, который в эпоху образования литературного языка был неграмотным. Бессловесная крепостная масса не могла оказать влияния на развитие языка. Теперь изменение литературного языка в направлении сближения с народным считается уже не-

возможным[36]. Но то, чего не могли бы сделать разные ревнители русского слова, может произойти само по себе вследствие начавшегося и распространяющегося образования народа[37]. При всем своем быстром и прекрасном развитии русский язык в современном нам состоянии не достиг полного совершенства[38]: например, строение фраз и соединение предложений в языке летописей, грамот, старых актов было и проще и естественнее, чем в нынешнем; в языке книг еще нередко можно найти теперь чуждый народной речи период. Здесь язык не выиграл, а проиграл. Древняя фраза легка, жива, проникнута разговорным началом; современная — тяжела, суха, мертва, длинна. Чрезвычайно простая по своей конструкции речь песен, записанных в 1619—1620 годах для Ричарда Джемса, может поспорить по своей силе и выразительности со стихами наших лучших поэтов, из которых народное строение речи можно указать только у Кольцова. Из современных писателей безыскусственностью, легкостью, живостью, выразительностью отличается фраза А.П. Чехова, который сделал шаг вперед в обработке самого литературного языка[39].

Определим сначала славянский элемент в баснях Майкова. Это прежде всего славянские слова: *вопіютъ* (4), *воззри* (4), *во-*

---

[36] Соболевский А.И. Опыт русской диалектологии. СПб., 1897. С. 2.

[37] Может отразиться на языке и появление новых центров образованности. Например, в Петербурге терпимы к местным северным формам: был уставши, одеть пальто.

[38] Что развитие русского литературного языка не закончилось, что он должен совершенствоваться, положительно высказывалось не очень давно передовыми деятелями литературы и науки в 1860-х годах: Н.А. Добролюбовым (Сочинения. СПб., 1871. Т. III. С. 353) и И.И. Срезневским («Чтение о языке Крылова»).

[39] Хотя и у него, в редких случаях, есть тяжеловатые по своей отвлеченности и сложности сочетания фраз, напоминающие Л.Н. Толстого. Например, в повести «Дуэль» по изданию 1899 г., страницы: 14 (с начала страницы до слов Лаевского), 20, 28—29, 62—63 (от слова длинные в конце 62-й страницы до точки), 150—151 (от слов в самом деле до точки), 203—204 (от слова он до точки), 206 (от слова истина до точки). Но и здесь большинство случаев — изображение «тягучих» мыслей Лаевского.

прошать, вопросить (4, 7), *возможетъ* (2), *внемлетъ* (4, 6, 18, 22, 41), *вѣтръ* (20, 37), *взоры* (28), *внимала* (25, 30), *виночерпій* (27), *дщерь* (12), *единый* (11, 35), *зрю* (2, 4, 24, 42), *узрѣли* (28), *испустить* (11), *колико* (2), *ліется* (6), *многажды* (14), *мнишь* (2, 12, 21, 24, 26, 29), *око* (2, 36, 37), *обрѣтаютъ* (15), *отверзлись* (12; во фразе есть оттенок важности: *отверзлись наконец судейские врата*), *одра* (41), *оный* (19, 38), *область* (в значении: власть, 10), *подъемлетъ* (4), *пріемлютъ* (6), *преставился* (12, 40), *предвозвѣщала* (39), *пря* (16), *рекъ* (39), *сотворилъ* (21), *содѣлала* (20), *соборъ судей* (12), *сокрыло* (9), *снѣди* (9), *сей* (2, 3, 10, 12, 16), *тако* (4, 12, 16, 21, 24), *тамо* (20), *толь* (= столь, 12), *таковой* (28).

Но, говоря о славянизмах, следует не упускать из виду двух обстоятельств: 1) то, что мы представляем славянской примесью в языке старых писателей, для них самих, согласно с утвердившимися в то время понятиями о языке и стиле, в известных случаях было законом языка; так, например, формы имен прилагательных родительного падежа женского рода с окончаниями *-ыя, -ія* для «важной речи» требуются всеми старыми грамматиками: Ломоносова, Барсова, Греча, Востокова; 2) точное разграничение славянского и русского иногда представляет большие трудности: а) например, слова *сей, око* кажутся славянскими, но *сей* есть в великорусских говорах[40], *очи* есть в малорусском наречии и белорусском (*око, воко*), в областных великорусских говорах есть: *воочью, заочью;* в русском языке нет *оный*, но есть *он, она, оно*; b) есть случаи, когда мы встречаем как будто славянские слова и образования там, где ожидали бы русских; это — собственные имена: *Десна, Шуя, Ярославль, Володимирь* (до сих пор сохранило свою форму в местном народном наречии), *Изборск* (по-русски употребляется префикс *вы-*); с) есть слова, не

[40] В Шенкурском уезде говорят: сéй-год; в Покровском уезде: *до сѣх пор*; все говорят: *ни то ни сё*, *сейчас*, *севодня*; ср. также данные в «Дополнениях к Опыту областного словаря» и в словарях Подвысоцкого и Куликовского; правда, что многие из этих случаев могут объясняться как остатки местоимений *сесь*, *ся*, *се* (ср.: *тот*, *та*, *то*), свойственных старому русскому языку.

принадлежащие ни тому, ни другому языку, например народное *преже*, составленное из русского *переже* и славянского *прежде.*

Даже не производя справок и разысканий, можно заметить, что славянские слова, взятые Майковым, были очень употребительны в книжном языке того времени. Писатели XVIII столетия заимствовали из славянского языка известный круг слов, которыми и пользовались всегда в языке стихов для размера и рифм. В поэтическом языке эти слова сделались ходячими, общепринятыми и перешли в следующее столетие. Многие из указанных славянизмов можно найти у Пушкина (в самых лучших общеизвестных стихотворениях: *мню, сокройся, единый, внемлет, зрит*). Они есть и у позднейших поэтов, например у А.Н. Майкова, Н.А. Некрасова. У последних находим славянские слова, усвоенные литературой частым употреблением лучших писателей. В некоторых случаях употребление славянских слов происходит от сложившегося мнения о их особом соответствии для изображения важных предметови мыслей. Хотя в известных случаях славянизмы не заменимы, например, когда русское и славянское слова отличаются по значению: *пастырь* и *пастух, нрав* и *норов, главный* и *головно́й*, но в других случаях мнение о том, что славянские слова придают величие и возвышенность языку, зависит в значительной мере от вкусов и понятий людей, воспитанных на старой, усвоившей немало славянских элементов литературе. Сильная славянская окраска даже таких произведений, в которых она всего более уместна — например «Из Апокалипсиса» А.Н. Майкова, «Новый Завет» в переводе Жуковского, — не отвечает понятиям и вкусам нашего времени. Даже церковные писатели, переводившие Библию, не имели такого преувеличенного понятия о достоинствах славянского языка и думали лучше о русском. Если старославянский язык в IX столетии мог передать все утонченные и возвышенные понятия священного писания, то неужели русский язык, который развивался после этого в течение тысячи лет, еще не в состоянии этого сделать? И можно ли считать хорошим перевод с одного

языка на другой, в котором многое старались оставить без перевода?

Но обратимся к В.И. Майкову. Он относился к языку непосредственно и, вероятно, мало думал о том, чтобы сообщить стихам тот или другой характер искусным употреблением двух равноправных в то время стихий. Славянизм был для него, повидимому, звуковой формой, которую он всегда брал, если она годилась, и за которой нисколько не гнался, если можно было обойтись без нее. У него был какой-то инстинкт к народному и разговорному языку, простой и верный вкус, который выразился и в «Оде о вкусе А.П. Сумарокову», где Майков порицает пышность и гром в стихах и требует от слога чистоты и ясности, — и в нападках на выспреннего В.П. Петрова. Славянский язык оказал большую услугу выработке русского стиха. С его помощью заговорила русская поэзия, получив в нем для себя обильный источник выражения, но в своем развитии она обогащалась уже насчет чисто русского языка, и славянизм должен был отпадать сам собою. Поэты становятся более и более виртуозами собственного языка и не нуждаются в чужой помощи. По чувству языка, по здравому отношению к славянскому элементу В.И. Майков приближался к позднейшим замечательным писателям: они также, только с большею умелостью и умеренностью, пользовались славянским языком, но не создавали для него теорий, которые все равно не сделали бы его более устойчивым.

В звуковом отношении для поэтического языка особенно полезны были неполногласные славянские формы. У Майкова находим: *блато* (4), *гласъ* (16, 19, 23), *злато* (2, 10, 12), *златилъ* (21), *златую* (34), *врата* (12), *драгой* (35), *древа* (4, 15, 36, 42), *престань* (11, 32), *премпна* (25), *сребро* (12).

Другую судьбу имели славянские формы склонений и спряжений: они исчезли из нашего языка, так как, за небольшими исключениями, давали мало выгод поэзии и прозе и мало поддерживались живым языком, который, заимствуя чужие слова, склоняет и спрягает их по-своему.

Но и теперь еще есть славянизмы в фонетических формах (*растение, друзья, рождение, священник*); во времена Майкова их было больше. Он употребляет) *змія* (31), *змій* (именительный падеж множественного числа), *третія, провождаетъ* (13, рифмуется с *побѣждаетъ*), *мещутъ* (26, 37). Случаев последнего рода много осталось в литературном языке (*ропщет, возвращу, трепещу* и пр.), но были попытки заменить и здесь славянизмы русскими формами. Так, у Тютчева (Сочинения, с. 319) находим:

Смиренную иль *ропчущую* братию Своей косой равняет всех она.

Так как в поэзии очень важно получить иногда лишний слог, то в стихотворениях XVIII в. предлоги часто являются в славянской форме. У нашего писателя: *возваніи* (27), *во вышніе предѣлы* (37), *ко украшенію, ко мужику* (42), *со Адамомъ* (22), *со добромъ* (26), *со выдрами* (26), *со человѣкомъ* (26), *со трепетомъ* (28), *со розой* (35), *изо всѣхъ* (6), *сожечь* (6).

Славянские формы склонений находим в дательном падеже женского рода на *-и* и в творительном на *-ьми*: *по земли* (*Не всякий по земли скитаться будет звѣрь*, 26). Ср. у Тютчева (с. 60):

А я здесь в поте и пыли,
Я, царь земли, прирос *к земли.*

Истомин отмечает такой случай у Ломоносова («Русский филологический вестник», т. XXXV, с. 29, приложения), также у Дмитриева, Крылова, но исключительно в слове *земля.* Это показывает, что наши писатели употребляли не известную форму, а только одно слово с данным окончанием. Основанием такого употребления могло служить, кроме примера Ломоносова, существование этой формы слова *земля* в народном языке: так, например, и теперь говорят в Новгородском уезде по Волхову.

Творительный на *-ьми* видим не только в словах *смертьми, мысльми* (*37*), *звѣрьми* (21), но даже в слове *чертъ ми*, где

оказал влияние на данную форму именительный падеж множественного числа *черти* (ср. *звери — зверьми*).

В склонении прилагательных славянизмов — действительных или кажущихся — найдется больше.

Таков родительный падеж членных и нечленных прилагательных (или местоимений и причастий): *бѣдныя, средь склизкія дороги* (16), *крестьянскія кобылы* (42), ***сея*** *духовной* (12);

холма высока (36), *толста древа* (36), *умерша льва* (28), (меня) *несущася* (37), *мужика трудящася* (42);

дательный падеж: *по цесарску указу* (14);

именительный и винительный падежи множественного числа:

робѣющиего (грома) *не выдутъ изъ хоромъ* (38); *инъ будь все мнящи такъ, старухамъ симъ подобны* (38); *сладчайши соки* (31); *лижа дымящи раны* (42).

Но больше всего встречаются подобные особенности в формах именительного падежа женского и среднего рода, винительного женского и именительного падежа множественного числа всех родов:

а) *бѣдна тварь* (4), *котора* (4), *вещь бездѣльна... собачка постельна* (6), *огненна рѣка* (6), *вселенна* (6), *навозна вонь* (8), *крута гора* (38), *безумна* (20; звят. п.), *имѣя серце нѣжно* (11), *мастерство приспѣшно* (7);

б) *тиху жизнь* (41), *тварь бѣдну погубя* (5), *вселенну* (6), *горбату спину* (22), *выпущенну крысу* (22), *вчерашню кость* (25), *едину* (22), *картину живу* (24), *рѣчь конску* (8), *баснь подобну* (11), *духовну* (12), *десяту долю* (12);

в) *прокляты ворожбы* (6), *которы* (21), *невинны души* (34), *пламенны стрѣлы* (37), *небесны высоты* (37), *гнѣвны зубы* (39).

Носимъ в выражении: «Корабль, свирѣпыми *носимъ* волнами въ морѣ, лишася всѣхъ снастей, ужъ мнитъ погибнуть вскорѣ» (29) — может быть понято и как определение, и как сказуемое с подразумеваемым глаголом *будучи.*

В глаголах славянизмами являются: неопределенное наклонение на *-ти: лишати* (6), *исполнити* (12), *услышати* (19),

рѣшити (24), *равнятися* (35), *гремѣти* (38), *сидѣти* (40), *искати* (40), и причастие на *-ъ: сошедъ* (25), *вошедъ* (28).

Близкими к славянизмам или совершенно славянскими являются также по форме или употреблению некоторые местоимения, наречия, предлоги: *кой* («господинъ, при *коемъ* много слугъ», 29), *коя* («*коя* прилетитъ къ находкѣ прежде, той будетъ серебро», 15), *оттоль* (26), *отколь* (26), *отсель* («подите вонъ *отсель*»), «чурбанъ *отъ* высоты упалъ» (4), «пришелъ *передъ* судей» (12), «вернули *предъ* судей» (12).

Почти все приведенные формы имен и глаголов мы называем славянизмами условно. Так, употребление предлогов *ко, со, во*, дательный-предложный *землѝ,* творительный вроде *костьми*, родительный падеж прилагательных женского рода на *-ыя*, нечленные склонения, неопределенное наклонение на *-ти* есть в великорусских говорах. Но надо думать, что для писателей эти формы все были славянизмами, почему они и исчезли из литературного языка.

В известный период движение против славянского элемента в языке усилилось настолько, что не терпелись и русские формы, совпадавшие со славянскими. Тем более что их в большинстве случаев не было в московском наречии. Впрочем, многие из этих русских форм, вероятно, не обращались в языке образованного общества. Даже внешнее совпадение некоторых русских форм со славянскими привело к тому, что первые имели одинаковую судьбу со вторыми: были изъяты из обращения в языке. Язык создавался не теоретиками, а практиками, не правилами, а употреблением, не анализом фактов и отношений, но чутьем и вкусом: вот почему в нем наблюдаются явления, непоследовательные с грамматической точки зрения. Люди, пишущие на основании грамматической теории, не смешали бы нечленных прилагательных русского и славянского языков с формами, подобными *котора, вселенна*, представляющими позднейшее стяжение, происшедшее в северно-великорусских говорах, или славянские *кій*, *кая* с русскими *кой*, *коя* (часто слышатся в московских говорах).

Сделаем несколько указаний на славянский элемент в языке поэтов позднейшего времени.

Пушкин, признавая все права народного языка, не избегал славянизмов и своим влиянием удержал их в поэзии до нашего времени. Едва ли кто из последующих писателей имел такой интерес и любовь к простонародному языку, к его особым словам, выражениям, песням, сказкам, и также едва ли кто усвоил так много из книжного языка предшествующей эпохи, как наш великий поэт. Чтобы убедиться, что проза его отражает язык минувшей эпохи, можно сравнить ее с языком его стихов или, еще лучше, писем. «Прозой пишу я гораздо неправильнее» (чем стихами), — говорит он в одной заметке (Сочинения, т. V, с. 135, по изд. П.О. Морозова). О Ломоносове Пушкин писал: «Слог его ровный, цветущий и живописный заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния его с языком простонародным» (там же, т. V, с. 28). В заметке о стихотворении Батюшкова «Тибуллова элегия III. Из III книги» Пушкин говорит: «Стихи замечательные по счастливым усечениям; мы слишком остерегаемся усечений, придающих много живости стихам» (Л.Н. Майков, Пушкин, СПб., 1899, с. 301). В другом случае Пушкин как будто сознается, что он недостаточно близок к народному языку: «Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую откровенность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе» (Сочинения, т. VII, с. 57). Некоторые слова пушкинского языка теперь уже не могут быть употреблены даже в книжном языке; таковы, например, *елень*, только что приведенное *заемлет, пиит, решит* в значении настоящего времени.

Живой язык пушкинского времени был, конечно, чище литературного. Для доказательства можно сослаться на «Горе от ума» Грибоедова. Оно написано идеально чистым разговорным языком. Небольшое число славянизмов, которые в нем

найдутся, оправдывается разговорным языком. Мы употребляем и слышим *излить желчь, воссылал желанья* (*обыкновенно: воссылал мольбы*), *возбудит* (*нервы*), *пресек сношения, пресечь зло, беспрерывно, мыслей здравых, с дражайшей половиной, сердца биенье*[41], *расточитель, пренье, света представленье, монаршим лицом.* Между славянизмами «Горя от ума» есть слова книжного происхождения, вытеснившие народные, есть искусственно образованные. Первые: *прах* («чтоб кроме вас ему мир целый казался *прах* и суета»; «боялся, *прах* его возьми!»); вторые: *невозвратно, необозримый, благонравный.* Мы, может быть, сказали бы: *ум, алчущий познаний*, или что-нибудь подобное, как говорим: *жажда знания*; но мы не скажем вместе с Чацким: «от матерей, отцов *отторженных* детей»; «вот меры *чрезвычайны,* чтоб в зашей прогнать и вас и ваши тайны», — или вместе с Фамусовым: «куда как *чуден* создан свет!». Сравнив с языком «Горя от ума» язык комедии «Молодые супруги», мы увидим, что Грибоедов сознательно стремился очистить свой язык от славянского элемента. В этой небольшой комедии славянизмов сравнительно немало: *сей, приемлет, обрестъ, пременять, вопиет, преклонить, переменчивость, внимать, отвращал, есмь* («я впрямь несправедлив, и был, и *есмь*, и буду»); нечленные прилагательные встречаются часто. В баснях Крылова немало найдется славянского, особенно в первых редакциях басен: *возъемля, возопил, стихийныя войны, Эолова владения бурлива, жизнь девическа, жизнь вести унылу, одиноку, умильны ямочки пропали на щеках, да продлит* и др.

Если мы обратимся к произведениям поэтов нашего времени, то и у них будем изредка встречать славянизмы. Это живые следы влияния Пушкина и его школы или иногда отголоски старых понятий о «важности» славянских слов и оборотов, говоря проще и прямее: употребление «высокого стиля».

---

[41] Ср. у А.А. Голенищева-Кутузова: бьенье сердца («Зимой», Сочинения, т. I, с. 128). Слово искусственное.

Например, у А.М. Жемчужникова найдем: *нисшедшую* (10)[42], *вежды* (16), *возлетев* (25), *глагол* (в значении: слово, 26, 54), *сокрыть* (39, 120), *внемлю* (48, 113, 218), *вотще* (53, 81, 89), *объят* (54, 121, 182, 199), *по всей долине злачной* (111), *юдоль* (120), *бдите* (139), *бденье* (140), *мнится* мне (148; т. II, 173), *стезя* («по жизненной *стезе* осмысленно он шел», 169; «и засоряется метеная *стезя*», 224), *сень* (190), *вослед* (107)[43], *вьющейся* (109), «поэмы *тихошественная* речь» (110), «противоречьем ни *единым* не оскорблялся чуткий слух» (119), «*влачил* усталые шаги» (125; обыкновенно говорят: *ноги*), «так начали *пещись о* детях горячо» (171), *зиждется* (199), «судя, читатель, *неумытно*, признай же...» (243).

Славянский элемент в произведениях старых поэтов в некоторой степени объясняется тем, что в невыработанном литературном языке находилось еще мало средств для выражения мысли и сложения стихов; кроме того, писатели находились под сильным влиянием старой славянской или полуславянской книжности. Поэты нашего времени употребляют славянизмы только потому, что не стремятся избегать их. Если исключить те случаи, в которых славянизм имеет особое назначение: сообщить речи известный библейский колорит, то во всех других славянские слова употребляются как усвоенные языком. Но такими можно считать только слова, вошедшие в живой язык народа, по крайней мере образованного класса. В говоре этого класса нет слов *внемлю, объят* и т.п. Эти слова отжили свое время, потому что язык нельзя считать неподвижным. С теоретической точки зрения приведенных славянизмов следовало бы избегать, как и неуместных вульгаризмов, которые мы найдем у того же поэта: «слез больше, нежели *чернила*», — говорит барон (II, 73); «Ардатов, *кушаньев* я этих не ем», — говорит княгиня (II, 32); «не мог я *совладать* с озлобленным умом» (II, 91).

---

[42] Цифра означает страницу первого тома по изданию стихотворений 1898 г.

[43] Здесь и далее цифра обозначает страницу второго тома.

Укажем славянизмы в небольшой книжечке стихотворений Владимира Соловьева по московскому изданию 1891 г. При этом мы не будем считать двух стихотворений: «В землю обетованную (рассказ из Библии)» и «Хвалы и моления пресвятой деве», где, по особым причинам, много весьма старых славянизмов (*се, лествица, да утолите* и др.). Здесь найдем: *безбрежный* (7), *низринуты* (23), *сей* (29), *исшедший* (35), «я иду как *агнец* кроткий, *обреченный* на *закланье*» (41), *пламень* (49), *единый* (56), *взор* (59), *вотще* (59).

В «изящном, ровном и пластичном» стихе А.А. Голенищева-Кутузова славянизмов особенно много: *дерзну* (1)[44], *забвенье* (7), *лобзанье* (8), *ложе* (8), «*внимая* твой напев» (8), *объят* (9, 10), *прервет* (10), *утлый* (10), *внимаю* (13), *нисходит тень* (14), «с *подъятой* гордо головою» (16), «и, *отвратясь*, тихонько плачу» (19), *дольний мир* (21), *поморие* (26), *враны* (48), «куда *текли* все русские дружины» (53), *согбенный* (59), *восклицать* (63), *песнь* (72), *глас* (98, 105), *благостыня* (101), *глагол* (в значении: слово, 102), *почиет*(103), «средь торжествующей хулы на *духа свята*» (102), *златит* (104), *глава* (104), *сей* (109), *длань смерти* (114), *очи* (115), *ниспадет покров* (116), *страж* (128), «*ограждены* дерев густых стенами» (138), бряцанье *злата* (144), *взор* (144), «я их *приял* из божьей длани» (174), «*да не коснется* власть земная» (174), *подвигнешь* (173), *алкает* (175), *подъемлю* (193), *цепию* (199), *во след* (206). «Подражание Исаии» (125) переполнено славянизмами. Правда, что наиболее устарелые славянизмы (*глас, златит, глава*) мы найдем только в стихотворениях, посвященных Пушкину и Майкову, где поэт, вероятно, хотел писать в их стиле. Но это один из редких случаев, где наши поэты задаются стилистическими целями. Вообще стремление писателей к усовершенствованию языка в стилистическом отношении со времен Карамзина, Пушкина, Гоголя значительно ослабело, хотя язык много улучшился в силу естественного прогресса. Но сравним язык первых, недавно от-

[44] Цифра означает страницу 1-го тома Сочинений (СПб., 1894).

крытых Ф.А. Витбергом басен Крылова[45] с его последующими баснями, также первые редакции басен с последними, или язык некоторых мест темной и романтической прозы в первых произведениях Гоголя с прозой «Мертвых душ», где ровный рассказ выработан настолько, что кажется безыскусственным, и где знаменитый писатель с одинаковым мастерством пишет в разных стилях: рассказчика-собеседника (например, таково начало поэмы), классического описателя (картины природы), драматурга (разговоры), лирика (отступления). Тогда убедимся, как много работали над своим слогом писатели того времени и какие они делали в этом отношении замечательные успехи.

Но обратимся к поэтическому языку А.А. Голенищева-Кутузова. В нем найдется еще несколько данных, показывающих, что поэт стоит ближе к старому книжному языку, чем к современному разговорному. Так, особенно для сравнения с Василием Ивановичем Майковым, обратим внимание на случаи употребления *-ся* после гласной буквы: *забывшися* (110), *явилася* (171), *сбиралося* (197), *забываюся* (205) и др. Так как поэт не обнаруживает пристрастия к народному языку, то, вероятно, он употребляет эти формы не как народные; тем более, что в народном языке мало употребительны деепричастия на *-вши,* и от него трудно воспользоваться формами, как *забывшися* или *прижавшися* (II, 5). Архаизмом же является и *заблудший* («*заблудший* в тьме и духом обнищалый» (народ), 98). У нашего поэта найдем даже пушкинское *музы́ка* («волнуется под гром веселья и *музы́ки*», II, 203).

Рассмотрим теперь формы языка басен В.И. Майкова, сгруппировав отметки, сделанные по изданию 1867 г. и сверенные с изданием 1766—1767 гг. У нас остался для рассмотрения русский язык писателя. Здесь особенности языка во многих случаях будут объясняться происхождением автора, внесшего в язык своих басен черты своего ярославского говора, который вообще не представляет больших отличий от современных нам се-

[45] Первые басни И.А. Крылова. СПб., 1900.

верных говоров. Русский язык Майкова является — как и язык других писателей его времени — имеющим более сильную народную окраску, чем современный, до некоторой степени искусственный и не свободный.

Он пишет, как мы: *ломаютъ* (18), *разломаю* (34), *рождаетъ* (42). Может быть, он так и говорил, как теперь говорятся эти слова в окающих наречиях. В литературном языке правописание *полагать, касаться* при *положить, коснуться*, должно быть, церковнославянское. Оно непоследовательно (*ломать*). У него по-северному: *кокушку* (23), *кокушечки кокуютъ* (22).

Замечательны: *поядимъ* (22), *ядятъ* (27). Первое находится в речи крестьянки, но второе в речи самого автора. Впрочем, можно все-таки заметить, что Майков пытался ввести в речь простолюдинов живые особенности их языка. Так, сам он употребляет слово *ночлегъ* (9), но в речи той же крестьянки видим *наслегъ* (22). В народном диалоге и Майков, и другие писатели XVIII в. были ближе к народному языку. Например, у Сумарокова старуха-простолюдинка в одной из его комедий цокает («Опекун». Сочинения, М., 1787, с. 45: *цесной*, с. 46: *яблоцко*); она также говорит: *поядает* (там же, с. 46). Писатели XIX в. сильно поддаются условным эстетическим теориям, по которым народное считается грубым и народная речь не принимается в диалоге народа. Она или сочиняется, или подправляется, как долгое время подправляются и памятники народного творчества. Дошедшие до нас живые и бойкие интерлюдии XVIII в. по своему чистому народному языку стоят гораздо ближе к приемам реалистической литературы, чем огромное большинство случаев современного нам народного диалога. Баснописец Крылов, затмивший всех своих предшественников, в письме к В.А. Олениной употребляет слово *пужать*[46], но крестьяне в его баснях никогда не скажут чего-либо подобного. Стих: «Которым все *опричь* себя постыло» — исправляется им на: «Которым все *кроме* себя постыло», причем, чтобы избежать слишком народного

[46] «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. VI, с. 287.

опричь, берется даже слово с малоупотребительным ударением (Кеневич, Библиографические и исторические примечания к басням Крылова, СПб., 1868, с. 124. Ср. А. Кирпичников, Очерки по истории новой русской литературы, СПб., 1896, с. 193, примечание 1).

Произношения вроде *ядим* известны и теперь в говорах Ярославской губернии («Диалектология» А.И. Соболевского, с. 38)[47].

По-северному Майков употребляет *вить:* «*Вить* мы еще ее глазами не *поѣли*»; «*Вить* баринъ заказалъ вскрывать намъ это блюдо» (22).

Также по-народному: *солнушко* (39, 42).

Областному просторечию обязаны, вероятно, почти все случаи пропусков гласных: *сшелся* (7), *взгордясь* (19), *по зву* (19)[48], *взнегодовали* (19, 24), *выкрабкался* (39), *сестръ* (15).

Но отпадение гласного в частицах *б, ж* необычно в северных говорах. Частые случаи их употребления нужно объяснить влиянием поэтического языка и московского наречия: *чтобъ* (9, 12, 20), *хотябъ* (10), *гдѣбъ* (11), *ходя бъ босикомъ* (27), *злата бъ множество* (10), *откуда жъ* (10), *волки жъ* (9), *на волю жъ* (42).

В словах *поймань, поймать* у Майкова гласный звук вместо нашего согласного («*поймань* воръ въ рабзоѣ», 10; «онъ (рыбак) можетъ *поймать* повсюду», 5)[49]; но рядом находим: *стойло* (8), *пойло* (8). По-северному иногда — *стоило, поило* (Владимирская губерния). В этом случае можно не забывать того очень верного мнения, что писатели, сохраняя некоторые особенности своего природного наречия, конечно, более других восприимчивы в особенностях общенародного языка и пишут всегда не на диалекте, но на общелитературном языке с небольшими диалектическими примесями.

---

[47] От уроженца Старицкого уезда я также слыхал произношение поядáя (при чтении евангелия).

[48] У Крылова в баснях «Пир», «Кукушка и горлинка».

[49] У Крылова в басне «Лев на ловле».

Согласные звуки литературного языка отличаются большой устойчивостью, как и в московском наречии. Поэтому мы найдем у Майкова очень мало отличий от современной образованной речи. Есть: *рынувшись* (42), свойственное северным говорам (архангельское, по выписке из «Новых ежемесячных сочинений» 1787 г., приведенной в «Живой старине» 1900 г., вып. III, с. 449) и южным (мещовское); также *подите* (9), *выдутъ* (38), обыкновенные в северных говорах.

В ударении мы найдем много особенностей. При невыработавшемся литературном языке поэзии XVIII в. было выгодно пользоваться для стиха словами или формами с разнообразными ударениями, благо грамматика не подошла сюда с своими правилами. Это было большое облегчение писать стихами: можно было употреблять слова с ударениями московского наречия, слова с ударениями того говора, который был природным для писателя, и, вероятно, еще слова с ударениями, которые предшественники или современники писателя усвоили поэтическому языку. Я приведу все слова с особенностями в ударении из басен Майкова, но сделаю очень немного объяснений к отдельным случаям, заметив вообще, что почти все ударения Майкова могут быть объяснены из народных наречий.

1. Ударение приближается к началу слова: *прямого хо́рошства* (24), *и́стца* (род. п., 12), *по спи́нѣ, къ зи́мѣ* (39; есть у Крылова в басне «Слон на воеводстве»), *на спи́ну* (42), *на хо́лмѣ* (36; ср. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»), *лягушечья язы́ка* (4), *сча́сливо* (25; есть у Крылова в басне «Откупщик и сапожник»), *отпу́скную* (29), *дне́вное светило* (39; у Пушкина: «Погасло *дне́вное* светило»), *мате́рый дубъ* (36), *знатнѣйшаго* (8), *па́русы* (20), *ро́ги, цвѣтущія лѣта* (9), *по лѣтамъ* (9), *со лѣтами* (9), *и́детъ* (7, 16, 15, 24; так у Державина в «Фелице», у Крылова в баснях «Свинья», «Трудолюбивый медведь», «Паук и пчела», «Рыбьи пляски»), *и́дучи* (26), *поху́лить* (24), *спу́стя рукъ сидѣти* (40), *бранили совушку и мерзкій е́я гласъ* (19; ср. современное северное *е́йный*).

2. Ударение отодвигается к концу слова: *съ того часа́* (5), *рѣку́* (2), *черезъ рѣку́* (есть у Крылова в басне «Лжец»), *шла шага́мъ* (13), *дубино́ю* (7, 8; *дубина́, дубино́ю* и теперь говорят в Ярославском уезде); в именительном множественного: *вдовы́, бѣды́, судьи́* (12), *сестры́* (15), *змiи́, игры́* (42); в других падежах: *судья́мъ* (12), *коза́мъ* (26), *воротáми* (2; предполагает им. п. *воротá*), *яви́тся* (24), *тронýться* (30; у Крылова: *тронýлися,* в басне «Муха и дорожные»), *разрушý* (12), *обои́хъ* (10, 15), *обои́мъ* (15), *дыши́тъ* (4; по типу: *решý — реши́т, бегý — бежи́т*), *положе́нъ* (2; есть у Пушкина: «Сцена из Фауста», Сочинения, т. III, с. 103), *сражена́* (12), *вложена́* (22), *истреблены́* (4), *насѣчены́* (2), *въ равéнствѣ* (8), *приговóръ* (12), *приговóромъ* (12), *музы́ка, музы́ки* [(4); с таким ударением у Сумарокова, Жуковского, Батюшкова, Крылова — см. Кеневич. с. 187), Пушкина, Тютчева («Ночные голоса»), В.И. Красова (Стихотворения, М., 1859, с. 121), Лермонтова («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1897, т. II, кн. 2, с. 467); здесь же объяснено и происхождение слова с таким ударением, причем к малорусскому *музы́ка* можно прибавить и белорусское (Словарь Носовича), даже великорусское Псковской губернии (П.В. Шейн, Великорус в своих песнях.., СПб., 1900, с. 106); также, по указанию Е.Ф. Будде[50], встречается у Ломоносова и Державина], *недалечкó* (38), *проти́въ* (24, «козелъ возсталъ *проти́въ* звѣрей...»), *подлѣ* («*подлѣ* котораго мужикъ берлогъ имѣлъ», 42), *или́* (19).

Из известных филологов XIX столетия, кроме Востокова и Грота, никто, если не ошибаюсь, не определял и не устанавливал ударений литературной речи[51]. Теперь, когда поэтический язык внес массу особенностей в ударения слов из областных говоров, однообразное ударение в русском языке едва ли возможно, потому что примером образцовых писателей можно

[50] «Журнал Министерства народного просвещения», ч. CCCXXXIII, с. 415 (1901, февраль).

[51] Ударений в словарях я не считаю, потому что изучать ударение по словарям чрезвычайно трудно.

оправдать множество отступлений от тех форм, которые более приняты и распространены. Сами писатели очень свободно употребляют формы с разными ударениями, и, например, басни Крылова по ударению, кажется, не совпадут ни с каким одним живым говором.

Живое московское наречие, как литературное, могло бы иметь влияние в этом отношении на другие, но, к сожалению, в отношении к словоударению оно почти вовсе не исследовано.

В склонении слов найдем у Майкова родительный и предложный падежи на *-у*: *роду* (8), *для примѣру* (24), *до дому* (38), *грому* (38), *безъ страху* (38), *съ размаху* (38); *въ семъ чину́* (8), *въ дому́* (39; рядом: *въ до́мѣ,* 38), *въ заду́* (42); предложный на *-ѣ* от имен на *ь*: *въ печалѣ* (рифмуется с *подалѣ*; вероятно, Майков произносил в обоих словах по диалектическому северному[52] *е*); именительный падеж множественного числа: *ро́ги* (24); правильно: *болота* (26), *пятна* (42), но по влиянию московского произношения или, может быть, по вине наборщика: *житы* (40).

Родительный падеж множественного числа: *без рогъ* (24), *римля́новъ* (39).

Все это народные формы, так же как и *время* в родительном падеже, *каменья* (27, собирательная форма).

В степенях сравнения находим народные: *постарѣ* (9), *заранѣ* (21), *болѣ* (22), *нужняе* (27), и книжные с приставкой *пре-*: *преширокомъ* (17), *преподлая* (18).

Между предложным наречием и местоимением видим отсутствие приставного *н: мимо ихъ, межъ ими* (28), *межъ ихъ* (41).

Один во множественном числе не различается по родам: *одни* (кости, 28).

Из особенностей в формах глагола в неопределенном наклонении осталось указать только *бреешь*.

---

[52] Предложный на *-ѣ* в таких случаях известен в разных северных говорах: сергачских, муромских, пошехонских (в последних: на *печѣ*; смотрите «Этнографический сборник», издаваемый императорским Русским географическим обществом, ч. II, вып. 4).

В изъявительном наклонении находим формы: *хочутъ* (15), *хочете* (40; ср.: Буслаев, Историческая грамматика, § 87); *ноги не бѣжатъ* (42), *прибѣгли* (6), *разбѣглись* (6), *набѣгли воры* (13). Формы прошедшего времени правильно произведены от глагола *бѣчь* (ср.: *лечь — легли*); наше «правильное» *бегут* взято от этого глагола (ср.: *лечь — лягут*); *бѣжатъ* произведено от *бѣжать* (ср.: *лежать — лежат*). *Настигу* («я побѣгу и господина *настигу*») — тоже правильное образование от *настичь* (ср.: *обстричь — обстригу*). Также правильны: *лажу* («*лажу* по горамъ»), *мучить* (31). По-среднерусски часто неправильно: *лазию, мучиит* (последнее встречается нередко у Чехова).

В повелительном наклонении вместо нашего *пожалуйста* — более старое *пожалуй* (очень часто в актах и в челобитных): «Скажи, *пожалуй,* мнѣ всю правду, молодецъ» (14); «*Пожалуй,* говоритъ, сей мысли не порочь» (24). У Крылова так в баснях «Дерево», «Квартет», «Бритвы». У Грибоедова: «Но объяснись, *пожалуй*...» (комедия «Молодые супруги»).

В возвратном залоге много случаев употребления *-ся* после согласных. Это отчасти диалектические формы (в северных говорах они употребительны, но звучит теперь чаще *-са*), отчасти славянизмы, которые принимались тем охотнее, что в стихах часто является нужда в лишнем слоге. Формы на *-ся* после гласного звука были еще настолько употребительны, что являлись и там, где без них можно было бы обойтись. Так, у нашего писателя находим рифмы: *напилися — разобралися,* которые свободно можно заменить рифмами: *напились — разобрались.* Приведем примеры: *спастися* (32), *умилосердиеся* (4), *осталося* (4), *осталися* (12), *спустилася* (15, 19), *подкралася* (23), *полюбилася* (24), *сошлася* (26), *раздулися* (7), *вскарабкалася* (36), *надвинулося* (38), *билися* (39), *валялися* (39), *шатаяся* (1), *лишаеся* (29), *страшася* (38), *оставшися* (40). Ср. у Крылова в баснях: *закралася* (Кеневич, с. 12), *крушуся* (там же, с. 137), *покажуся* (там же, с. 208), *привожуся* (там же, с. 208), *осталися* (там же, с. 224), *гналася* (там же, с. 227), *казалося, случася.* Замечательны случаи, когда *-ся* является там, где мы его не упо-

требляем: «*Упрекались* такъ другъ другу говоря» (16), или не находится там, где оно у нас есть («*оставшая* жена», 12; «поѣлъ *оставшихъ* крохъ», 33).

Замечательная причастная форма *смога* (4) давно уже указана в лекциях А.И. Соболевского и как пословичная форма в «Исторической грамматике» Буслаева (§ 54, примечание 3); в белорусских песнях *мога* указывает Е.Ф. Карский в «Обзоре звуков и форм белорусской речи» (М., 1886, с. 146). Удержавшись благодаря рифме (*смога́ — рога́:* «И кто кого *смога́*, так тот того в *рога́*), она стоит совершенно особняком от всех других подобных форм, но в таком примере, который показывает, что формы деепричастий на *-а* исчезли не в очень давний период. В древнем языке не было таких форм, как *рога́;* они появляются с XV, XVI вв. (А.И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, СПб., 1891, с. 197).

Есть деепричастие на *-ючи:* «и *сидючи* щекочутъ»[53] (15) от глаголов совершенного вида нередко образуются деепричастия с окончанием настоящего времени для обозначения прошедшего: «Уду червякомъ *прикроя,* поймаешь лучшаго изъ рыбъ героя» (5); «*поворотя* мѣшокъ, не тотъ услышалъ стукъ» (11); «*разиня* ротъ» (23); «не можно спорить вамъ, другъ друга не *обидя*» (27); «*покиня* звѣрь берлогъ» (42).

С личными окончаниями некоторые глаголы совершенного вида употребляются в значении настоящего времени. Таковы: «(У насъ) другъ дружку ненавидятъ; безсильныхъ сильные *обидятъ*» (4; поэтому и причастие на *-мый:* «*обидимыхъ* не защищаетъ», 4); «(Судьи) важныя дѣла *рѣшатъ* и разсуждаютъ» (12); «(Вашу братью) встрѣчаютъ лишь по платью: *проводятъ* по уму» (28). Подобным образом употребляется и неопределенное наклонение, т.е. в смысле несовершенного вида: «не станемъ для тебя *рѣшить* мы то стократно» (12). По особой заметке Пушкина видно, что такое употребление глагола *решить* он ошибочно считал правильным и сам употреблял такие фор-

[53] У Крылова деепричастия на *-учи*, *-ючи* нередки.

мы («Известия Отделения русского языка и словесности», 1898, т. III, кн. 3, с. 708, 709; 1899, т. IV, кн. 2, с. 583. Но у Пушкина есть и другие, не указанные здесь случаи: например, в лицейских стихотворениях, по новому академическому изданию с. 257). По свидетельству Буслаева, случаи такого употребления глаголов совершенного вида доходят почти до нашего времени. *Кончится* вместо *оканчивается*, которое он считает употребительным до самого последнего времени («Историческая грамматика», § 183), встречается, например, в филологических сочинениях П.А. Лавровского.

Майков, согласно с живым языком, свободнее употребляет виды, чем мы. У него: *станавливалась* (22), *пріѣзживалъ* (14), *окончали* (3).

Образования глаголов иногда народные: *владайте* (40), но иногда искусственные: *произрастала* [«(Ворожея) по зимамъ цвѣты *произрастала* и ворожбой своей блистала»], *завѣщаваетъ* (12; образовано по влиянию *завещать*).

Перейдя к синтаксической стороне языка, я прежде всего должен оговориться, что, приводя примеры различных особенностей языка Майкова, не буду различать в них славянских форм от русских.

Обращаясь к главным членам предложения, находим случай повторения подлежащего: «А *ты,* хотя тебя и вѣчно не замаютъ, *ты* жалишь всѣхъ» (8).

Сказуемое выражается глагольными междометиями: «Тутъ щука приплыла и уду *тряхъ*» (5); «Межъ тѣмъ медвѣдь на пашню *шасть*» (42); «(Зверь) изъ берлога *скокъ*» (42); «Хоть онъ (стогъ) поставленъ былъ высокъ, однако же медвѣдь съ разбѣгу *вскокъ*» (32).

Часто сказуемое является в сложной форме: «Вселенна *въ цѣлости осталась*» (6); «*Не нравенъ* приговоръ *казался* дѣвкѣ сей» (12); «Летѣть тебѣ *не кстати* въ небесны высоты» (37).

Особенности согласования слов можно видеть из следующих примеров: «*Оборотн,* ребята, лошадей... *держи* коней, *держи...*» (38); «Прохожихъ двое *шло* дорогою одною» (2); «И мяг-

ко старичокъ съ старушкой *почиваетъ*» (22); «Сорока съ галкою *нашли* кусокъ добра» (15); «А Неронъ всѣмъ *была* известная скотина» (14).

Родом слов отличаются: *пёрло жемчужное* (1), *берлогъ* (42; по-народному, так в Покровском уезде Владимирской губернии; ср. старославянское: *бръlогъ*). Единственное число вместо нашего множественного находим в примере: «Но гдѣ, о муза, гдѣ возьму такую краску, дабы живее могъ я зависть описать?» (25).

Единственное число в собирательном значении: «*Волкъ* съ *зайцемъ* будутъ въ полѣ, *баранъ, конь, быкъ* и *песъ* останутся въ неволѣ» (26); «Так должно *денежку* на нуждицу беречь» (32).

В употреблении падежей нужно обратить внимание на второй именительный, замененный у нас наречием: «хоть онъ (стогъ) поставленъ былъ *высокъ*» (32); «инъ будь всѣ мнящи такъ, старухамъ симъ *подобны*» (38; этот пример именительного допускает и другое толкование); «*каковъ* и самъ онъ славенъ» (= сколько). Есть у Крылова: «Посмотрим, на зубах *какое-то* будешь вкусен» («Кошка и соловей»).

Родительный падеж употребляется для означения времени: «Не выпущу ли я *сего* же *лѣта* душку» (23); при глаголе *ненавидеть:* «Кто мудрыхъ стариковъ *совѣта ненавидитъ*» (37); при глаголе *отставать:* «Но *мнѣнья* своего никто не *отставалъ*» (24); при глаголе *видеть* (может быть, родительный части?): «*Надписи* (единственное число) едва ль возможетъ *видѣть* око» (2).

Для второго винительного отмечен один случай: «Натура насъ съ тобой *подобныхъ* сотворила» (18).

Этот падеж употребляется при глаголах: *отомстить* («онъ скоро *воровство* сорокѣ *отомстилъ*», 42), *вредить* («своимъ совѣтомъ *тѣхъ вредятъ*», 34), *управлять, править* («царство управлялъ, как кормщикъ *правитъ судно*», 4), *толковать, потолковать* («Езопъ *толкуетъ духовную*», 12; «*потолковавъ писаніе* сіе», 12), *рассудить* («лишь *разсудить* ее [духовную] не всякій разумѣетъ», 12; «важные *дѣла* рѣшатъ и *разсуждаютъ*», 12).

Творительный падеж употребляется при глаголе *скучить* («ужъ *скучилъ* онъ той *пищей*», 11), *ругаться* («онъ *матерью* своей *ругался* и *отцомъ*», 14).

В предложном падеже замечательны случаи обозначения времени: «тому и умереть *вътомъ лѣтѣ*» (23), «когда бы не было портныхъ на бѣломъ свѣтѣ, такъ вы бы *въ осени, въ веснѣ* и *жаркомъ лѣтѣ*... ходили нагишомъ» (27). Может быть, они представляют старый местный падеж, означающий время, но снабженный предлогом.

Меж употребляется с родительным и винительным падежами: *межъ васъ* (16), *межъ вами* (15), *межъ* прочими *звѣрьми* (21), *промежъ тѣмъ* (22).

На с винительным падежом означает время, продолжительно или неограниченно: «У насъ *на всякій часъ* другъ дружку ненавидятъ» (4). (Ср.: *навѣчно:* «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. III, кн. 3. с. 711).

Майков часто сокращает придаточное дополнительное предложение посредством неопределенного наклонения *быть:* «Ледъ толстъ и зрился *быть* надеженъ» (17); «и так его (ледъ) я тверда *быти* мнилъ» (17); «иль въ томъ ты своему блаженству *быти* чаешь, что...» (41); «случился близко *быть* берлогъ на сторонѣ» (42); также посредством существительного: «И денежки въ мѣшечкѣ показалъ, при томъ все *бытіе* приятелю сказалъ» (7).

В употреблении союзов нужно указать следующие случаи: часто употребляется *подобно как* («панъ въ спѣси утопаетъ, *подобно какъ* пѣтухъ», 7; «панъ щедро наградилъ, *подобно какъ* отецъ», 7; «а зубы у волковъ *подобно какъ* иголки», 32); сохранение в главном предложении соответствующего союза: *то — что, так — как* («я чувствую *то* самъ, *что* улечу я къ небесамъ», 37; «благодаря свою злодѣйку *такъ, какъ* мать», 34); также: *этот — который* («у Федра басню я читалъ подобну *этой, которую* писать намѣренъ я теперь», 12; «должно серебро отъ *этихъ* птицъ беречь, *которыя* по всѣмъ домамъ теперь летаютъ», 15); *столько — как* («*столько* стро о, *какъ* стоикъ жилъ»,

11); *когда* вместо *если* («*когда* родитель твой жилъ очень небогато, откуда жъ у тебя сіе взялося злато», 10).

И соединяет деепричастие и изъявительное наклонение: «Опомнясь *и* въ тоскѣ у петли ужъ стоялъ» (11); «призвавъ ее къ себѣ, *и* тако ей вѣщаетъ...» (24); «взявъ ложку въ пазуху, *и* сталъ опять валиться» (33); «но сынъ, не слушаясь ея, *и* власть беретъ...» (37). В старом языке такие сочетания часты. Вот один из многих примеров, которые можно найти в «Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина» (М., 1897): «И он де Микитка тово крестьянина взяв с собою *и* повез в Куреск» (ч. III, с. 23). У Крылова: «Пленяся глупостью такой, *и* к делу приступил тотчас механик мой» («Механик»).

В словорасположении замечательны случаи постановки подлежащего среди придаточного предложения: «Летѣвши *облачко* небесный видѣть свѣтъ, пропало...» (37); «покиня *звѣрь* берлогъ, хотя и не легокъ, да изъ берлога скокъ» (42). Сравните у Крылова: «Созвав отвсюду *он* разумников, из них установил собранье» («Водолазы»); «не могши боле тут *лев* явной лжи стерпеть...» («Рыбьи пляски»). Такое словорасположение есть также у Жуковского («Война мышей и лягушек») и даже у Пушкина («Историческая грамматика» Буслаева, § 275). Отметим еще пример особого словосочетания: *лптъ со сто* (23).

С лексической стороны язык Майкова замечателен употреблением многих народных слов. Эта особенность не принадлежит ему лично, но всем писателям его времени. Разговорный язык XVIII в. содержал много народных слов, которых мы теперь не употребляем. У замечательных писателей того времени можно найти слова, теперь уже непонятные. Значение этих слов нужно разыскивать по областным словарям. Но очевидно, что такие слова тогда понимались еще в литературных центрах — Москве и Петербурге. Такие слова есть, например, у Ломоносова, Державина, Карамзина (в переводах последнего употребляется, например, слово *нахлучил* = нахлобучил). У Майкова мы находим: *рьяетъ* («портняжка прибѣжалъ, пыхтитъ и, какъ собака, *рьяетъ*»; «какъ собака *рьяетъ* и чуть зѣваетъ, лишася

бѣгомъ силъ», 7; у Даля: *зарьять* = загореться, задохнуться, надорваться с перегону), *перекóчкать* («не *перекочкавши* ни *и́*стца, ни судей, заплакавъ слезно, пошла и жалобы творила безполезно», 12; у Даля: *перекочкать кого* — нижегородское, переупрямить, поставить на своем), *хлехочетъ* (4) (по Далю: кричит, квакает). Непонятно слово *дорога* (с таким ударением в издании 1767 г.) в выражении: «Сей басни та *дорога,* что всяка власть отъ бога» (30).

Есть у Майкова некоторые слова со старым значением. Грабители и разбойники называются *ворами* (10, 13); *разбивать* значит — грабить, отнимать посредством разбоя (10; также у Крылова в басне «Сочинитель и разбойник»); *рóзно* (32) — в разные стороны; *проти́ву*(«*противу* сихъ рѣчей», 24) — согласно (с сими речами). Слова *лестный, любезный* по употреблению тогдашнего времени значат: льстивый, милый, любимый. Последнее значение в некоторых выражениях удерживается и теперь. Так, в обращениях говорят и пишут: *любезный, любезный друг.* Слова *невежда* и *невежа* обособились по значению в более позднее время; у Майкова: «*Невѣжею* (= невеждою) крота и глупымъ называли» (24); «которые меня (розу) съ *невѣжествомъ* ломаютъ» (17; = с невежливостью). Даже Крылов употреблял так первое слово («Огородник и философ»; Кеневич. с. 212). Можно указать несколько слов, исчезнувших теперь вследствие изменения быта. Таковы: *боярин, боярыня* (38; сравните у Крылова в басне «Муха и дорожные»: «Ползут из колымаги вон *боярин, барыня,* их девка, сын, учитель»), *раб* («Ей дьявольская сила покорна такъ была, какъ барынѣ *рабы*», 6), *приспешник* (7).

Из народных слов приведу только несколько таких, которые для нас уже кажутся вульгарными: *владайте* (40), *здорный* (35), *замать* («не лучше ли бы намъ вѣкъ чашки не *замать*», 22; «я птичекъ не замаю», 34), *испужал* (7), *обык* («быкъ, который завсегда дурачиться *обыкъ*», 21), *у пущает* (33).

В разговорах действующих лиц у Майкова употребляются такие же ласковые названия, к которым мы так привыкли в бас-

нях Крылова: *ребята* (38, 40), *брат* (7), *братцы* (28), *сестрица* (15), *кум* (26), *кумушка* (26), *свет* (2, 16, 26, 34), *голубчик* (39), *молодéц* (14), *государь* (6, 7), *батька старичок* (22).

По употреблению восклицательных выражений басня Майкова тоже имеет некоторое сходство с басней Крылова. Последний, при большой народности языка своей басни, не избежал некоторых восклицательных оборотов, мало свойственных чистому русскому языку. На язык басен в этом случае, вероятно, оказал влияние язык од, которые писались тогда в большом количестве. Все эти обороты, которые мы находим у Майкова, отличаются книжным характером: «О *небо*, страшно мнѣ подумать то и нынѣ» (17); «пристойно ли тебѣ, о *быкъ*, со львомъ сравниться» (21); «о *вы,* охотники дѣла другихъ судить» (22); «о *вы*, которые имѣете умъ здравый» (41); «*увы*, изъ мисы вдругъ вонъ выскочила крыса» (22); «*увы*, не знаешь, левъ, что барсу приключилось» (39).

В одной фразе мы находим, что Майков употребляет отрицание *не* один раз вместо двух, по-славянски: «Ворожея не только *внемлетъ* (вместо *не внемлетъ*) рѣчь, не дѣлаетъ и къ сожалѣнью знака»(24).

Из других частиц замечательны: *то* (*тогда-то,* 24; *во мнѣто*), *ко, тко* при глаголах (*вздѣнь-ко*, 27; *ѣшь-ко; поди-тко*; 25).

Можно указать также слова: *ан* (34, 42), *ин* (38).

Если мы обратим внимание на иностранные слова, то заметим, что число их у Майкова очень невелико. Это прежде всего значительно обрусевшие слова, заимствованные вместе с понятиями или предметами: *ад* («болото стало адомъ», 4), *сатана* (22), *солдат* (27), *мастеровой* (27), *монарх* (27), *ноты* (для пения, 19), *вокальная музы́ка* (4), *намалевать* (24), *камера* (судейская, 12). Некоторые слова заимствовались из переводов, в которых, при недостаточной выработанности русского языка, вероятно, еще и нельзя было заменить чужое слово своим: например, *натура* вместо нынешнего *природа*. Последнее, вероятно, искусственное слово позднейшего происхождения. Другие слова, как *понт,* употреблялись без всякой нужды: иногда по не-

доразумению, иногда потому, что́ казались лучшими в высоком слоге. Третьи передавали особые понятия, возникшие в другой жизни: *герой* (5, 39), *тиран* (14), *стоик* (11), *сатира* (18).

Иные слова только входили в литературный язык и до нашего времени дошли с другим значением, оставшись в просторечии со старым. *Критиковать* в нашем языке: *разбирать, рассматривать*; в современном просторечии и у Майкова: *хулить, осуждать* («и по привычкѣ злой меня *покритикуйте*», 22).

После окончания моей работы я имел возможность познакомиться с той частью собственных рукописей В.И. Майкова, которая поступила в Публичную библиотеку в 1867 г. Я напрасно искал в этих рукописях значительных диалектических особенностей: после изучения автографов Майкова я убедился, что он писал очень правильным литературным языком своего времени. Эта правильность относится как к стилю писателя, так и к его орфографии, которая содержит немного фонетических элементов. Вероятно, в разговорном языке самого Майкова не было такой сильной книжной и славянской окраски, которая замечается в его письме. Живой язык его содержал, надо думать, больше местных особенностей. Но вспомним, что и в наше время на писателей и поэтов язык книг имеет более сильное влияние, чем живой язык народа. Конечно, Майков делал грамматические ошибки; но кто тогда, при неустановившейся орфографии, писал без ошибок? Гораздо более замечательно, что он обыкновенно правильно ставит *ѣ* в корнях слов (что тогда представляло чрезвычайную трудность, так как списка таких слов еще не существовало), часто правильно ставит *ѣ* в окончаниях слов (дательный и предложный падежи существительных, степени сравнения, окончания глаголов, наречия). Он отличает в письме неопределенное наклонение от изъявительного. Он довольно правильно пишет слова слитно и отдельно и часто верно ставит большие буквы в собственных именах. В этом случае и в других, конечно, нужно обращать внимание на написания, несогласные с нынешними, но соответствующие тогдашним орфографическим правилам или обычаям. Но несо-

мненно, что при печатании сочинений Майкова кто-то исправлял его орфографию.

Сознательное отношение к правописанию видно у Майкова из тех случаев, где он производил поправки, переделывая одну букву на другую. Так, в словах *бѣгите, небрегите*, *пѣвецъ е* переделано из *ѣ; будетъ горе* — написанное сначала *ѣ* переделывалось и затем все спачкалось, так что неизвестно, на чем остановился Майков; в слове *вѣтчина* ему казалось правильнее поставить *ѣ*, и он сделал эту букву из *е*. Стремление Майкова к орфографической правильности видно еще из одного незначительного, но любопытного случая. Именно, он рифмует слова: *силу — сивиллу;* значит, он говорил: *сивилу,* но писать хотел покнижному: *сивиллу*. Эти наблюдения и все изучение сочинений Майкова приводят к заключению, что он не был таким необразованным человеком, как об этом принято думать. Он не знал языков, но, вероятно, еще в родительском доме познакомился с элементарными науками и, без сомнения, прочитал много книг. Без элементарного образования Майков не мог бы писать так много и так хорошо. Без достаточного начального образования даже такой высокий талант, как Кольцов, мог написать очень немного.

Несколько особенностей рукописного языка Майкова я приведу главным образом из не напечатанного в издании 1867 г. отрывка, озаглавленного в рукописи «Пѣснь пятая». Он написан в особой тетрадке на 13 листах в 1/4 листа, на одной стороне листов, как пишется для печати. В отрывке этом описана схватка между монахами, которые изображены грубыми, но живыми чертами, подобно действующим лицам в «Елисее». В отрывке, между прочим, хорошо изображено олицетворение ябеды. Главные действующие лица — канонарх и архиерей. Орудием драки служат книги. Называя множество авторов, Майков делает иногда их характеристику и обнаруживает замечательную начитанность.

Вот что я успел отметить для звуков гласных: *коснется, зоря, крашикомъ, поядалъ,* (братия) «*сидятъ* во трапезѣ яденьемъ ве-

селяся». Для согласных: *ево, устрптаетъ, іюдой, теятръ, океянъ, сонце, тетрать* и *тетратью, щахордой* (чехардой). Для частей речи: *для тебѣ* (возможно, что в то время так говорили в Москве), *блеющія стада* (интересно по правильности,) *спрятавшись* (единственный случай с твердым окончанием возвратного залога, который я нашел). В словаре: *обжирство, почетный* (случившийся в прошлую ночь), *херугви*, *херуговь*. В примере:

Сія ужасная громада, смертныхъ страхъ, стояла въ лавкѣ сей безъ дѣйствія два вѣка и кою *двигда* два, съ нуждою, человѣка — слово *двигда* внешним образом напоминало бы *смога*, но, говорят, это какое-то странное место, и этому слову трудно дать такое истолкование.

На этом я и кончу свои заметки. Число фактов, которые я приводил, не могло быть значительно, и мне трудно представить, насколько выяснились связывающие их мысли: 1) что по отношению к языку В.И. Майков является писателем такого времени, от которого мы не удалились настолько, чтобы не иметь с ним ничего общего; 2) что язык его сочинений находился под сильными влияниями языка книг и народного языка; 3) что несовершенства его литературной речи объясняются прогрессивным развитием русского языка, которое происходит еще и в наше время.

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА. ПРОИЗНОШЕНИЕ НЕКОТОРЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Язык Пушкина изучен более, чем язык других писателей. Разнообразные и важнейшие его особенности исследованы академиком Ф.Е. Коршем в статьях о «Русалке». Недавно появилось обширное сочинение о языке Пушкина профессора Е.Ф. Будде «Опыт грамматики языка А.С. Пушкина» (вышли 3 выпуска, содержащие исследование об изменении имен и глаголов в LXXVII томе «Сборника Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» и отдельно). Но предстоит сделать для изучения языка Пушкина, кажется, еще гораздо больше, чем сделано. Не собраны и не исследованы вполне данные синтаксические, лексикальные, стилистические. Почти не известно правописание Пушкина. Мало изучены самые тексты его сочинений со стороны их значения и происхождения.

Например, является затруднение, как понимать слово *влекся* в выражении:

> И путь по нем широкий шел,
> И конь скакал, и *влекся* вол... («Обвал»).

Значит ли это: волокся, тащился, медленно шел, или: был веден, был влечен при некотором сопротивлении? Также что значит слово *витийство* в стихотворении «Деревня»:

> Почто в груди моей горит бесплодный жар
> И не дан мне в удел *витийства* грозный дар?

Можно толковать это слово буквально. Можно объяснять, соображаясь с условиями русской жизни, что здесь *витийство* значит: поэзия. При этом можно сослаться на Некрасова («И по-

громче нас были *витии...*»). За неимением хорошего пушкинского словаря вопрос этот решить довольно трудно. Подобных недоумений и разногласий можно найти немало. Они возникают не только относительно отдельных слов, но и целых мест. Например, в сказке «Жених» не ясно, какой пир в ней описывается: свадебный или досвадебный? Находить объяснения на такие вопросы негде: их каждый должен решить сам для себя.

Если иметь в виду эту цель — разрешение отдельных вопросов, касающихся текстов Пушкина, то нельзя не признать крайне желательным изучение великого поэта с различных частных сторон и непременно так, чтобы исчерпать все данные, которые имеются в текстах Пушкина. Одною из настоятельных потребностей для изучения языка и поэзии Пушкина является абсолютно полный алфавитный список пушкинских рифм и исследование их. Мы предлагаем лишь малую часть этой работы: местоимения *они, оне, ея, ее, ней* и числительные *одни, одне* по рифмам Пушкина, которые просмотрены нами все.

Современная орфография учит употреблять формы *они, одни* для мужского и среднего рода, формы *оне, одне* для женского рода. Живой язык не знает этого условного различия. Некоторые привыкли употреблять формы *они, одни* для всех родов, некоторые чаще или всегда говорят *оне, одне* во всех родах. Поэты сообразуются то с письмом, то с произношением. Оттого у них являются часто совпадения с орфографическим правилом, иногда, может быть, совершенно случайные, основанные на том, что поэт именно говорит так, как требует в данном случае грамматика. Но часто у поэтов попадаются рифмы, которые показывают, что они, руководствуясь живым произношением, не считаются с условными правилами правописания.

Что касается до Пушкина, то он обыкновенно рифмовал формы *оне, они, одне, одни* почти везде согласно с правилами правописания. Но из этого никак нельзя заключать, что он руководствовался или стеснялся этими правилами. Мы уже заметили, что это совпадение могло быть случайным. Таких примеров

мы приведем лишь несколько, так как извлекать их все нет надобности.

Не пой, красавица, при *мне*
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне *оне*
Другую жизнь и берег дальный (т. II, с. 34)[54]

Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой *тишине;*
Под стражей бдительной и хладной,
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают *оне*... (т. II, с. 323).

Презрев оковы просвещенья,
Алеко волен, как *они* [цыганы];
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие *дни* (т. II, с. 353).

Стихи на случай сохранились,
Я их имею; вот *они:*
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые *дни?*..» (т. III, с. 348).

---

[54] Мы ссылаемся на издание: Сочинения А.С. Пушкина. Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.., СПб., 1887. В другом подобном случае Пушкин и употребляет рифму она:

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,
И, по обычаю народа,
О рождестве их навещать,
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас *они*...
Итак, дай бог им долги *дни*! (т. III, с. 310).

Только в трех случаях мы находим у Пушкина несовпадение с орфографическим правилом о письме местоимений *они, оне* и числительных *одни, одне:*

Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит,
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются *оне*
Незнакомой *стороне* (т. III, с. 447).

Здесь, при существительных мужского и женского рода, орфография требовала бы формы *они.*

Другие два случая касаются формы косвенного падежа числительных *одни, одне.* Именно, мы находим у Пушкина форму *одних* там, где орфография требует написания *однех:*

Пускай старик крылатый
Летит на *почтовых!*
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь *одних* (т. I, с. 76).

Красавицы, для вас *одних*
Времен минувших небылицы,
В часы досугов *золотых,*
Под шопот старины болтливой
Рукою верной я писал (т. II, с. 202).

В родительном падеже местоимения *она* в письме принято употреблять форму *ея.* Живой русский язык не знает этой формы; она чисто книжная. Произношение употребляет лишь форму *её*, не различая падежей винительного (пишется *ее*) и родительного (пишется *ея*). Пишем: «Я видел *ее* и *ея* брата»;

произносим: «Я видел *её* и *её* брата». Книжное произношение встречается только у тех лиц, которые в школе не были как следует посвящены в тайны грамматики живого русского языка и не понимают разницы между орфографией, правильным письмом, и орфоэпией, правильным произношением. Только у таких лиц мы изредка и услышим произношения *ея, у нея.*

Поэты обыкновенно употребляют в рифмах писанное слово *ея* в звуковой форме *её,* и это служит самым красноречивым и наглядным примером верности данного правила произношения.

Приведем на данные случаи примеры у Пушкина:

Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все *свое;*
А я сижу смиренно,
В мечтаньях углубленный,
Не слушая *ее...* (т. I, с. 50).

Здесь в нашем издании сочинений Пушкина даже и написано *ее,* согласно с произношением, которое указывается рифмой *своё.* По правилам правописания следовало бы написать *ея*, так как при управляющем деепричастии *слушая* стоит отрицание *не.* Но в рифмах Пушкин нередко допускал написания по произношению; это и удержал редактор данного издания его сочинений.

Еще пример, относящийся к данному правилу, мы встречаем только в «Полтаве» Пушкина:

Одно имела я в предмете —
Твою любовь. Я для *нее*
Сгубила счастие *мое* (т. III, с. 123).

Здесь опять в нашем издании видим написание по произношению, а не по орфографии, которая требует формы *нея.*

Затем у Пушкина, в «Евгении Онегине», мы встречаем замечательное отступление от данного правила, именно такую рифму, которая требует произношения *ея:*

К ней, лая, кинулись собаки;
На крик испуганный *ея*
Ребят дворовая *семья*
Сбежалась шумно... (т. III, с. 364).

Форма *ея* — книжная, церковнославянская. Для языка Пушкина она пережиток, остаток той старины, от него, впрочем, очень недалекой, в которой недостаточно различались живой русский язык и церковные или условные книжные формы. Грамматика и стилистика второй половины XVIII в. указывали для письменного языка формы родительного падежа прилагательных и местоимения *она* с окончанием *-я*: *добрыя сестры, ея дела.* Формы эти допускались вместе с формами: *доброй сестры, ее дела.* Первые полагались для высокого стиля, вторые — для низкого. Если сама грамматика не умела должным образом отличить этих форм, то естественно, что поэты смешивали их места. Книжные формы попадали в рифмы на место форм живой речи, которая тогда и не имела еще, если можно так сказать, прав гражданства.

Поэтому Державин, например, рифмует (для) *нея* и *моя:*

Не страшился б я ввергаться
В волны яры для *нея;*
Но навеки с ней расстаться,
Жизнь мне дорога *моя* (т. I, с. 41)[55].

В том же стихотворении («Препятствие к свиданию с супругою») находим рифмы *стихия — жены моей младыя.* По совре-

[55] Я пользуюсь изданием: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, 2-е академическое издание. СПб., 1868.

менным понятиям о языке эта рифма неудачна, но грамматические понятия того времени ее оправдывали.

Укротися же, *стихия!*
Подстелися, путь, стопам!
Для жены моей *младыя*
Должно быть послушным вам (т. I, с. 41)[56].

Разумеется, вместе с книжной Державин допускал в рифмах и звуковую форму *её* вместо письменной *ея:*

Как пальма клонит благовонну
Вершину и лицо *свое*;
Так тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши *ея* (т. I, с. 191).

Здесь *ея* необходимо читать *её.* То же видим и у другого предшественника Пушкина, Карамзина, который употребляет форму *ея* то как разговорную, то как условную, книжную, произносимую *её.*

Мы можем указать такой пример, где эти два случая находятся в одном стихотворении:

Смерть в младости страшна! Осталась мать *моя;*
Но строгий тяжкий плен был жребием *ея.*
(смирдинское издание: Сочинения Карамзина,
т. I, СПб., 1848, с. 92, «Гектор и Андромаха»).

---

[56] Пушкин хотя изредка и употреблял — чаще в молодые годы — формы родительного падежа на *-ыя, -ия*, но никогда не ставил их в рифмы.

Вот встречающиеся у него примеры:

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны *Эллинския* (т. I, с. 62).

Бывало прежних лет герой,
Окончив славну брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь *отческая* кущи (т. I, с. 106).

И солнце для *нее* [так и написано!]
Утратило на век сияние *свое.*
(там же, с. 96, то же стихотворение).

И Жуковский рифмует *ладья* и *ея*, так же как *от неё* и *шитье:*

Летит веселая *ладья;*
Покрыта палуба *ея*
Большим узорчатым ковром...
(«Суд в подземелье», строфа 1-я).

Часовня Тильды убрана
Была на славу от *нее:*
Сияло пышное *шитье*
Там на покрове гробовом.
(там же, строфа 3-я).

Им следуют в единичных примерах, конечно редких, Лермонтов, Тютчев, Огарев, Некрасов, Толстой:

Стан невысокий помню *я*
И азиатские движенья,
Уста пурпурные *ея*...
(Лермонтов, Из Байронова «Мазепы»).

Примите же из рук *ея*
То, что и вашим прежде было,
Что старочешская *семья* Такой ценой себе купила.
(Тютчев, Чехам в годовщину Гуса...).

И бледен был печальный лик *ея,*
И из-под шляпки вился локон темный...
Какое сходство, боже! Грудь *моя*
Стеснилась, холод обдал тайный...
(Огарев, Дилижанс).

Предчувствие явления *ея*
В атмосфере носилося заране.
Она теперь у всех на первом плане
И в жизни нашей главная *статья.*
(Некрасов, Новости. Газетный фельетон, 1845).

И вырвался из свежих уст *ея*
Веселый смех, как рокот *соловья*.
(А. Толстой, Портрет, строфа 80-я).

Узор есть истина. Господь же бог и *я* —
Мы обе стороны *ея;*
Мы выражаем тайну *бытия*...
(А. Толстой, Дон-Жуан. Полн. собр. соч., т. I,
СПб., 1902, с. 127).

Таким образом, этот пережиток, мертвая форма *ея* в роли живой, дошел и до нашего времени. Так, в «Стихотворениях» О.Н. Чюминой (Михайловой), изданных в Петербурге в 1889 г. и написанных в 1884—1888 гг., находим:

Потом узнала я,
Что вечер он провел за вистом у «*нея*».
(с. 62, «Reminiscences»).

С тобою умереть не стало у *нея*
Ни мужества, ни сил; но общество, *семья*
Узнают о *ея* паденьи и позоре!
(с. 252, «Две скорби»).

Едва ли найдется у какого-либо поэта XIX столетия так много подобных рифм, как у поэтессы нашего времени, рифмующей: *бытия — ея* (с. 204), *друзья — ея* (с. 270, 290), *для нея — моя* (с. 315).

В стихотворениях И. Бунина находим рифму *ея — бытия*:

Жизнь зарождается в мраке таинственном...
Радость и гибель *ея*
Служат нетленному и неизменному —
Вечной красе *бытия.*
(«Ветер осенний в лесах поднимается...» Листопад. Стихотворения, М., 1901, с. 160).

Приводим все эти примеры как чрезвычайно редкие явления нашего стихотворного языка.

Большинство русских поэтов или предпочитает рифмы, совпадающие с живым русским языком, или употребляет их исключительно.

К числу первых должно отнести и Лермонтова (рифмы: *сын* ***ея*** *— копье* в «Литвинке», строфа 5-я; *близ* ***нея*** *— все* в «Измаил-Бее», строфа 8-я; [душа] ***ея*** *— бытие* в «Боярине Орше»; *свое* — ***ея*** в «Покаянии»; *для* ***нея*** *— все* в «Госте» и т.п.), и Некрасова, рифмующего: *хоромы* ***ея*** *— свое* («Огородник»), *коснулся* ***ея*** *— на* ***нее*** («Мороз — Красный нос»), *для* ***нее*** *— свое* («Крещенские морозы»).

К числу вторых принадлежит Крылов в своих баснях (*от* ***нея*** *— свое* в басне «Пастух и море», *на* ***нее*** — (приятели) ***ея*** в басне «Ворона»).

У А. Майкова, Полонского, Фета нам известны только такие рифмы, которые оправдываются живым русским произношением.

Формы *у ней, от ней* не привлекали бы нашего особого внимания, если бы против них не существовало какого-то предубеждения у пишущих. Малонаучные школьные грамматика и практика стесняют в их употреблении, считают их неправильными. Пушкин вместе со многими другими писателями, предшественниками и последователями, свободно употребляет формы *у ней, от ней.* Поэтому признание данных форм неправильными нужно считать ошибкой плохих грамматик.

Когда же юность легким дымом
Умчит веселость юных *дней,*
Тогда у старости отымем
Все, что отымется *у ней* (т. I, с. 176).

Нет, не агат в глазах *у ней*:
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных *лучей*
Ея полуденного ока (т. II, с. 6).

Занятий мало ль есть *у ней*?
Грибы солить, кормить *гусей*... (т. III, с. 87).

Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный *чародей*?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам *от ней* (т. II, с. 49).

ИМЕНА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ В СКАЗКАХ А.С. ПУШКИНА О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ, О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ (*Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка*)

В сказках Пушкина мы встречаем мало собственных имен, и они необычны для русских народных сказок. Так, в первой названной в нашем оглавлении сказке действуют *Салтан* и *Гвидон*, его сын; во второй сказке царь носит имя *Дадона.* Откуда получились эти имена?

Все эти три имени мы находим в книге лубочного издания: «Сказка о славном и храбром богатыре Бове-королевиче и о прекрасной королевне Дружневне; и о смерти отца его Гвидона. Издание третье» (СПб., 1837, Библиотека импер. Академии наук, т. IV, 6/7951)[57]. *Гвидон,* как видим уже из заглавия, отец Бовы. Он был королем «в славном граде Антоне» (с. 3). *Салтан* — отец Лукапера-богатыря. Он называется в сказке то *Султан Султанович* (с. 26), то *Салтан Салтанович* (с. 31, 32, 34, 35, 36, 37 и др.). В пушкинской записи первой сказки со слов няни встречается это имя в первой форме: *Султан Султанович* (турецкий государь). Арина Родионовна смешивала в одном названии собственное и нарицательное имя. Может быть, избегая этого, Пушкин остановился на втором имени, *Салтан,* которое, впрочем, мы находим у него и раньше, в программе данной сказки, набросанной в 1822 г. в Кишиневе (см.: Сочинения А.С. Пушкина, издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, под редакцией и с объ-

[57] Ср. с этим полное заглавие сказки о Салтане: «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

яснит примечаниями П.О. Морозова, т. III, СПб., 1887, с. 449 и 450).

Царь *Дадон* в сказке о Бове — сосед короля *Гвидона,* овладевший впоследствии его женою и сыном, Бовой-королевичем.

Наконец, в сказке Пушкина о мертвой царевне есть имя *Чернавка* — сенная девушка злой красавицы царицы. И в «Бове-королевиче» мать Бовы, Милитриса Кирбитовна, посылает своему сыну отравленные хлебы «с *девкою Чернавкою*» (с. 13). Имя *Чернавка* — собственно нарицательное название, которое встречается и в сказках, и в былинах. Так, в «Сказке о Климке» (печатано с издания 1794 г. без исправления, М., 1833[58]) *девкой-чернавкой* называется прислуга госпожи, которая спит с барыней в одной комнате (с. 16: «В следующую ночь, пришед Климка тайно в господские покои, пришел прямо в спальню, и зная, что *девка-чернавка* была очень сонлива, лег на полу»). В значении горничной, прислуги слова *девка-чернавка* встречаются в сказках А.А. Эрленвейна («Народные сказки, собранные сельскими учителями», издание А.А. Эрленвейна, М., 1863, с. 28, 29, сказка «Про казака»; с. 92, сказка «Бур-храбер»).

В таком же значении *чернавка* у Полонского в «Правде и Кривде», написанной в народном стиле:

У хозяев в проезжих домах Словно *девка-чернавка* прислуживала... (гл. X).

У Кирши Данилова *чернавушка* в значении прислуги является в «Василье Буслаеве» (в обеих былинах) и в песне о старце Игримище, где *деушкой чернаушкой* называется «деушка поваренная».

В былинах Гильфердинга *Чернава* является в качестве невесты Садко, которая выводит его на белый свет. Так, в № 70 его былин старичок, подающий Садко советы, как держать себя в синем море и как жениться, когда водяной царь приведет ему невест, говорит:

---

[58] Библиотека Академии наук, IV.6/7822.

Перво триста девиц ты стадо пропусти,
А ты другое триста девиц ты стадо пропусти,
А в том стади на конци на остатнием,
А йдет как девица красавица,
А по фамилии[59] как *Чернава*-то:
Так ты эту *Чернаву*-то бери в замужество...
(«Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. 59, с. 557).

В № 2 былин Гильфердинга соответствующее лицо называется: «*девушка черная, черна девчонька* чиганочка» (там же, с. 10, 11).

Более древний и первоначальный текст, по-видимому, дает в этом случае былина под № 174, где о выборе невесты говорится так: «И выбирай себе которой хуже нет, и которой хуже нет, коéй *чернее* нет» («Сборник», т. 60, с. 630). Другие тексты *чернавку-замарашку* и простолюдинку уже обратили в красавицу и цыганочку. У Кирши Садко берет «деушку поваренную, а котора деушка похуже всех».

По значению слова *черная девушка, чернава,* очевидно, близки к словам *черный народ, чернь, чернорабочий*[60].

Когда точное значение слова *чернавка* затерялось, то его и стали брать как собственное название. Так мы видели в былине, так оно употреблено и у Пушкина. В «Трумфе» Крылова выступает «*Чернавка,* наперсница Подщипы», дочери царя Вакулы.

Так как и раньше Пушкин взял имя для героя своей поэмы-сказки «Руслан и Людмила» из тех же обнародившихся рыцарских повестей, так как он знал сказку о Бове из устных и

[59] В народном языке слово фамилия значит: имя, название.

[60] Ср. старинное: черные люди = крестьяне; черная сотня = простые посадские люди (Словарь Академии российской, 1794, ч. VI). Совсем другое дело чернавка в значении «брюнетка»: «Лизе было совестно показаться перед незнакомцами такою чернавкою» (Пушкин, т. IV, с. 87).

печатных источников, в юности подражал ей[61], а после, по его собственному указанию, делал из нее лексические заимствования (см.: Сочинения, т. V, с. 128), то пользование указанными именами из этой сказки мы можем считать достаточно вероятным.

---

[61] См. указания по этому вопросу у Л.Н. Майкова: Сочинения А.С. Пушкина. Издание императорской Академии наук. Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков, т. I, 2-е изд., СПб., 1900, с. 120 примечаний и дальше. При этом нельзя вполне согласиться с покойным академиком в том, то Пушкин для своего Бовы взял из повести о Бове-королевиче лишь несколько собственных имен, «но не заимствовал ни одной, даже мелкой черты сюжета» (с. 126 примечаний). У Пушкина Бова — сын царя, коварно убитого Додоном. Этот Додон женился на супруге убитого красавице Милитрисе, а Бову посадил в темницу. Додон беспокоится, видя в заключенном Бове претендента на престол и мстителя за отца. Из темницы Бову должна выручить служанка Милитрисы.

То же самое мы найдем и в нашей повести о Бове. По воле отца, прекрасная Милитриса вышла замуж за короля Гвидона, которого видела «во граде своем, но не полюбила, а устрашилась». Она прижила с ним Бову-королевича, но через три года предала мужа соседнему царю Дадону, за которого хотела раньше выйти замуж. Дадон убил Гвидона на охоте, овладел его царством и женой. Бова, «видя беспорядки своей матери», бежал с своим дядькой из царства. Погонщики поймали Бову и привезли к Дадону, который отдал его матери. Когда Дадону приснилось однажды, что Бова-королевич пронзил его копьем, то Бову засадили в темницу. Из темницы Бову выручает девка Чернавка.

Из этих сопоставлений можно видеть сходство пушкинского Бовы с повестью о Бове. К сожалению, покойный Л.Н. Майков не указал, какой печатный текст имеет он в виду, говоря о несходстве пушкинского и лубочного Бовы. Тот текст, который дает основание для этих наших заметок, вероятно, не привлек его внимания.

ЗАМЕТКИ О ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ У А.С. ПУШКИНА

Покойный профессор Новороссийского университета А.И. Маркевич в «Пушкинских» заметках позволяет себе сомневаться в том, «правильно ли размещаются обычно знаки препинания в известном рассказе Григория (“Борис Годунов”, Келья в Чудовом монастыре) о его сне». Хотя знаки здесь расставлены точно так же, как «и в том издании “Бориса Годунова”, которое вышло еще при жизни Пушкина», но смысл текста заставляет автора заметки находить ошибку у Пушкина, которую и предлагается исправить. Именно, теперь печатается:

Григорий.

...Мне снилося, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом, и т.д.

А.И. Маркевич предлагает иную расстановку знаков, при которой, по его мнению, «получается образ, гораздо более естественный»:

.....с высоты
Мне виделась Москва; что муравейник,
Внизу народ на площади кипел, и т.д.

(«Пушкин и его современники»,
вып. III, СПб., 1905,
с. 105—106).

Не можем признать в данном случае поправку общепринятого чтения удачной. Все читают: «виделась Москва, что муравейник». Москва — город, дома, постройки, которые многочисленны, часты, лепятся друг к другу. Они, будучи наполнены массой движущегося народа, сравниваются с муравейником, оживленным жилищем муравьев.

А.И. Маркевич предлагает читать: «что муравейник, внизу народ на площади кипел», где получается сравнение народа с муравейником. Такое сравнение будет грешить своею неестественностью. Народ, толпу можно сравнивать только с муравьями, но не с кучей, представляющей их город.

Из современных писателей подобное место мы находим у Мамина-Сибиряка: «Скоро весь *мысок* (леса) запестрел детьми, *как муравейник*». Оно говорит против предлагаемой поправки.

В «Московском вестнике» (1827, ч. I, с. 5) находим знак препинания (двоеточие), тоже не оправдывающий поправку:

> Мне виделась Москва, что муравейник:
> Внизу народ на площади кипел...

В вариантах данного места, напечатанных у П.А. Ефремова (Сочинения А.С. Пушкина, т. VIII, СПб., 1905, с. 407), мы видим после слова «муравейник» даже точку, поставленную, вероятно, не без фактических оснований:

> И видел я Москву, как муравейник.
> Народ, шумя, на площади кипел...

Но в замечаниях покойного профессора верно то, что сам поэт не всегда хорошо расставлял знаки препинания, и в современных ему печатных текстах его сочинений кое-где можно бы было предложить лучшее чтение.

Приведем несколько любопытных образцов того, как расставлены иногда знаки в «Борисе Годунове», по петербургскому изданию 1831 г.

«Старик сидит, да пишет» (с. 15).

«Велено всех задерживать, да осматривать» (с. 34).

«Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь» (с. 38).

«Во время чтения, Григорий стоит, потупя голову, с рукою за пазухой» (с. 43).

В современном Пушкину издании «Кавказского пленника» встречается, например, такое место, которое относительно поставленного знака вызывает некоторое недоумение:

> Но мощный конь его — стрелой
> На берег пенистый выносит.
>
> («Кавказский пленник», повесть.
> Сочинения А. Пушкина, СПб., 1822, с. 22).

Также необычна пунктуация и здесь: «Уста, без слов, роптали пени» («Кавказский пленник», с. 35)[62].

Впрочем, издатели сочинений Пушкина должны обвиняться не в том, что они не исправили кое-каких неудачных в отношении пунктуации мест пушкинского текста, но в том, что они производили сплошь и рядом исправления неосторожные и неудачные, обнаруживая собственную небрежность, непонима-

[62] Конечно, неудачность пушкинской пунктуации во многих случаях является лишь кажущеюся. Несомненно, что его знаки препинания часто обозначают не только разделение синтаксических частей, как это принято в нашем письме, но также паузы и интонацию живой речи. В этом отношении пунктуация Пушкина дает чрезвычайно важные показания особенностей русского произношения и приемов наиболее выразительного чтения данного текста. С этих точек зрения пунктуация Пушкина нуждается не в исправлении, а в самом внимательном изучении.

ние пушкинского текста, плохое знание правил современной и старой, времен Пушкина, пунктуации.

Так, в морозовском издании 1887 г. восклицательные и вопросительные фразы Пушкина переделаны вследствие перемены знаков на повествовательные в следующих примерах:

«...Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?

— Я? писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами...» (Современник, 1836, № 4, с. 98).

Здесь Морозов (т. IV, с. 212) пропустил знак вопроса после слова «Я»; может быть, счел его ошибкой?

«Я тебя, старого пса! пошлю пасти за утайку правды и потворство к молодому человеку» (та же страница).

У Морозова вместо восклицательного знака запятая (т. IV, с. 212).

«Не приведи бог видеть русский бунт бессмысленный и беспощадный!» (Современник, 1836, № 4, с. 196).

У Морозова на конце фразы просто точка (т. IV, с. 264).

В этих случаях испорчены и смысл, и выразительность пушкинского текста.

Во многих случаях издатели ставят неправильно свои запятые, когда их нет у Пушкина, или уничтожают поставленные им безусловно верные запятые. Например, в «Современнике» (1836, № 4, с. 115[63]):

«Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком...»

«Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло».

У Морозова почему-то уничтожены необходимые запятые после слов «человек» и «мне» (т. IV, с. 221). Это могло быть простым недосмотром. Гораздо хуже поправки вроде следующих:

[63] В тексте опечатка: вместо 115 стоит 151.

«Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели» (Современник, 1836, № 4, с. 137).

У Морозова тире стоит после «было».

«Я переплыл его (железосерный источник) два раза и вдруг, почувствовав головокружение и тошноту, едва имел силу выдти на каменный край источника» (Современник, 1836, № 1, с. 69).

В издании Морозова запятая поставлена перед «вдруг», причем изменились отношения слов и смысл фраз. Пушкин говорит, что он «вдруг» потерял силу, а по переделке издателя выходит, что Пушкин «вдруг» почувствовал головокружение. Или издателю лучше было известно, что именно «вдруг» почувствовал Пушкин: слабость или головокружение?

Пунктуация — дополнение языка, и знаками препинания автор выражает оттенки мысли, не выраженные словами. В этом отношении пушкинские тексты оказываются гораздо более правильными и содержательными, чем уверяют редакторы, кромсавшие их собственной произвольной расстановкой знаков препинания.

У нас есть пример, который довольно хорошо показывает, как легко иногда не понять и счесть ошибкой знаки препинания, поставленные с большим изяществом. Это — место «Капитанской дочки», где отец, благословляя Марью Ивановну и прощаясь с ней перед сражением, говорит небольшую речь, конец которой и фразу после него мы приведем в орфографии «Современника» (1836, № 4, с. 122):

«...“Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорее”. (Маша кинулась ему на шею, и зарыдала».)

На первый взгляд скобки здесь кажутся лишними. В издании Морозова они, действительно, выброшены; опущена и запятая после слова «шею» (т. IV, с. 225). Порядок, по-видимому, восстановлен; орфография стала проще и не заставляет задумываться над собою. Зато затемнился смысл данного места; у

него отнято то толкование, которое сообщил ему Пушкин своей пунктуацией.

По Морозову выходит, что Миронов договорил свою речь до конца; после последнего слова «Маша кинулась ему на шею». Но если бы это было так, то почему отец говорит Василисе Егоровне, чтобы она «увела» Машу? Очевидно, Маша бросилась на шею отцу раньше, чем были произнесены последние его слова, и это заставило его просить ее увести. Таким образом, предложение, поставленное в скобках, имеет, в самом деле, характер вводного. Оно не изложение последовательных событий, но замечание, объяснение того, чем вызвана предыдущая фраза.

Что касается до уничтоженной здесь запятой, то, мы думаем, она поставлена Пушкиным не по ошибке, но для разделения действий, из которых второе следовало не тотчас за первым, но с некоторым промежутком. «Кинулась на шею и (тотчас) зарыдала» — вульгарное толкование фразы, которое не допускается Пушкиным. Он ставит запятую, которая показывает внимательному читателю, что между двумя действиями был момент ожидания, не выраженный внешними проявлениями, но наполненный внутренней борьбой нежной и сдержанной Марьи Ивановны с теми чувствами, которые были не у места и могли встревожить более твердых по характеру родителей. «Она некоторое время сдерживалась, крепилась — и все-таки зарыдала». Вот как мы выразили бы тот смысл фразы, который придается ей пушкинской запятою. По принятой теперь пунктуации эту фразу нужно было бы напечатать с тире вместо запятой, но никак не ограничиваться уничтожением запятой.

П.А. Ефремов в своих изданиях Пушкина более осторожен и более внимателен к текстам, напечатанным при жизни поэта, но тоже нередко допускает неудачные поправки в знаках препинания.

Так, в «Истории Пугачевского бунта», которая печаталась под наблюдением самого Пушкина, усердно прочитавшего все

корректуры, мы можем указать несколько дурных поправок, допущенных в последнем издании Ефремова: «Произошел мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца» (с. 20 1-го издания). «...Комендантом Нижне-Озерной, Майором Харламовым» (с. 25). «Сверх сего, Рейнсдорп... приказал исправить городские укрепления...» (с. 29).

Здесь у Ефремова уничтожены во всех примерах запятые пушкинского текста, поставленные совершенно правильно. И подобных случаев можно указать немало.

Издатель рассматриваемого текста Пушкина также систематически уничтожает запятые в слитных предложениях перед союзом *и*, которые нередко встречаются у Пушкина и, при известных оттенках смысла и строения речи, вполне допускаются современным правописанием. Сюда относятся примеры, подобные следующим:

«Казаки связали его, и приняли Пугачева с колокольным звоном и с хлебом-солью» (с. 21 1-го издания).

«Пугачев поражен был ее красотою, и взял несчастную к себе в наложницы» (с. 27).

Подлинный пушкинский текст, печатный или письменный, — драгоценность искусства и науки. Издание его требует величайшего внимания и осторожности, но издатели, к сожалению, допускают в нем слишком много орфографической ломки или даже просто порчи. К чему исправлять то, что хорошо?

У Пушкина находим:

«Велено было собраться, как можно скорее, и в числе тысячи человек идти навстречу Наумову» («История Пугачевского бунта», с. 24).

У Ефремова: «...собраться как можно скорее и, в числе тысячи человек, идти навстречу Наумову» (с. 167).

Чем это лучше?

Это практика редактора. Теоретически П.А. Ефремов признает за собой весьма опасное для издаваемых авторов право устанавливать лучшие чтения, перемещая по-своему знаки пре-

пинания, не руководствуясь даже филологической критикой текста[64].

Укажем, в свою очередь, случай, где нужно бы исправить знак препинания в принятом во многих изданиях чтении пушкинского текста. Печатается:

---

[64] Это высказано им в примечании к стихотворению Пушкина «Блаженство» (Сочинения А.С. Пушкина, т. VIII, 1905, с. 13). Допуская в своем издании, вслед за В. Брюсовым, исправление пушкинского текста, печатавшегося при жизни поэта:

[Бог лесов]
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой —

на довольно неуклюжее по расположению слов:

[Бог лесов]
Слушал, песенки ночной
В лад качая головой, —

П.А. Ефремов упрекает академическое издание Пушкина за то, что оно не приняло произвольную поправку В. Брюсова, но дало филологическое объяснение установившемуся тексту. «Стоило только, — говорит он, — передвинуть запятую на два слова назад, и не пришлось бы оправдывать Державиным оборот никогда и нигде, у Пушкина не встречающийся...» Но ничего нет удивительного в том, что какой-либо редкий вообще оборот речи встречается у автора только один раз. Тем более что для данного сочетания слов можно найти пример не только у старика Державина, но и у тогдашнего любимца читающей публики — Жуковского — в прославленной «Светлане», которая незадолго перед тем была напечатана в «Вестнике Европы» (1813, январь, № 1 и 2):

Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко,
Слушай песни круговой,
Вынь себе колечко.

«Пушкин, — говорит Л.Н. Майков со слов его современника, — обладал удивительною способностью запоминать стихи любимого им Жуковского; так, автор “Светланы” прочел ему свою балладу “Ахилл” немедленно после создания ее, и знаменитый слушатель тотчас же вслед за ним повторил ее всю, почти без ошибок» («Библиографические записки», 1858, № 7).

Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом,
Конями, крытыми ковром;
В санях он стоя правит
И гонит всех и давит.

(Сочинения А.С. Пушкина,
издание Общества для пособия нуждающимся литераторам
и ученым..., т. III, СПб., 1887, с. 97).

В первом предложении получается неловкое по смыслу сочетание: «промчалась тройка... с... конями», а во втором — чувствуется недостаток дополнения при глаголе «правит».

При следующей расстановке знаков получается лучшее чтение:

Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом;
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит
И гонит всех, и давит.

Естественнее читать не «тройка с конями», но «тройка с молодцом, (который) правит конями»[65].

---

[65] В «Московском вестнике» 1827 г., № 13, это место, оказывается, напечатано так:

Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит,
И гонит всех и давит.

А.С. ПУШКИН И ЕГО ИЗДАТЕЛИ-РЕДАКТОРЫ

Прекрасное издание сочинений Пушкина, предпринятое Академией наук, выпустившей в 1906 г. II том этих сочинений, в котором помещены лирические стихотворения 1818—1820 гг., «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник», понемногу, но двигается вперед. В 1906—1908 гг. вышли еще два тома переписки Пушкина.

При том способе работы, который принят издателями (особая комиссия специалистов по Пушкину), издание сочинений великого поэта и не может быть сделано скоро. Редакция обращает самое тщательное внимание на все печатные и рукописные тексты Пушкина, не оставляет без указания ни одного самого мелкого разногласия в этих текстах и принимает к сведению все существующие данные для установления основного принимаемого ею печатного текста.

Пушкин написал много; много перерабатывал написанное и оставил после себя большинство произведений в нескольких рукописных и печатных редакциях. Кроме чисто литературных задач: выработки более стройной формы произведения, улучшения его стиля и языка, ему приходилось бороться и с внешними препятствиями: прежде всего с цензурой, вычеркивавшей у него страницы и строчки, где выражался его политический или просто свободный образ мыслей.

Число редакций некоторых произведений умножается еще современными с них списками, иногда исправленными рукою поэта, иногда имеющими по тем или другим причинам значительные права на внимание. Поэтому труд определения основного текста и вариантов, имеющих бóльшую или меньшую ценность, является делом очень сложным. Он требует больших сведений из жизни поэта и людей, к нему близких по делам литературным, а также большой критической разборчивости, проницательности и такта.

Мы желаем видеть в печати все то, что не появилось в ней в свое время благодаря грубой цензурной силе. Но из этого еще не следует, чтобы в основные тексты произведений поэта вводились все места, пропущенные в печати в его время. Пропуски и изменения в печатных текстах могли делаться и в целях чисто литературных: первые — для того, чтобы усилить впечатление, избавив то или другое место от растянутости, вторые — для того, чтобы улучшить стиль произведения. Это улучшение стиля нужно понимать в широком смысле: не только в виде выработки более литературного изложения, но и в виде сообщения произведению тех или других оттенков, например некоторой архаичности или простонародности[66] и т.п.

Особенно бережно нужно относиться к печатному тексту таких произведений, которые заслужили, в печатном виде, одобрение поэта или которые могли корректироваться им самим. Так, например, в письме к Гнедичу от 27 сентября 1822 г. Пушкин, указав несколько ошибок в первом издании «Кавказского пленника», говорит, что это «единственные ошибки», им замеченные; в письме к князю Вяземскому от 14 октября 1823 г. он говорит, что «Руслан напечатан исправно, ошибок нет, кроме *свежий сон* в самом конце...»; в письме к князю Одоевскому в

[66] Возьмем для примера один случай. В первом издании «Повестей Белкина» было такое место: «Наконец, решился я ложиться спать как можно ранее, а обедать как можно позже; таким образом укоротил и вечер и прибавил долготы дней, и обретох, яко се добро есть» (выписываю по изданию Морозова, 1887 г., т. IV, с. 41). Относительно этого места Ефремов замечает, что во втором издании «Повестей Белкина» сделано исключение фразы о прибавке долготы дней «цензурою или самим автором в цензурных видах» (Сочинения А.С. Пушкина. Редакция П.А. Ефремова, т. VIII, СПб., 1905, с. 533). Но в данном месте поправка вполне может быть объяснена и целями литературными. Шутливое применение библейского изречения мало подходит и к стилю и к взглядам «покойного Ивана Петровича Белкина», не лишенного некоторой свободы в мыслях, но далеко не дошедшего до настоящего «вольнодумства», при котором можно пародировать фразы священного писания. Поэтому вопрос о праве издателей включать без всяких оговорок это пропущенное место в сочинения Пушкина является еще спорным.

марте 1836 г. он просит прислать ему корректуру «Путешествия в Арзрум», потому что в рукописи много ошибок.

Даже лучшие современные издатели сочинений Пушкина П.О. Морозов и П.А. Ефремов, к сожалению, оказываются недостаточно внимательными к имеющим свою большую и неоспоримую ценность печатным текстам Пушкина, явившимся при его жизни.

Если академическое издание берет основным более исправный печатный текст Пушкина, если оно постоянно ставит свою работу под контроль читателя, то этого очень часто совсем нельзя сказать про двух названных издателей сочинений великого поэта.

Например, в издании Морозова 1887 г. ссылки на рукописи обыкновенно выражены глухо: «проверено по рукописи». Какая рукопись? где она находится? почему взята именно эта, а не другая рукопись? — об этом обыкновенно умалчивается. Не указывается часто и того, с какого текста издатели перепечатывают сочинения Пушкина[67]. Лишь во втором издании Морозов становится гораздо точнее и, так сказать, документальнее.

Не говорим уже о сохранении орфографии текстов. «До сих пор, — говорит предисловие академического издания, — все издания сочинений Пушкина, вышедшие после его кончины, не задавались ни малейшей заботой о сохранении особенности пушкинской орфографии; правописание этих изданий представляло всегда собственное правописание редакторов, причем со временем оно все больше и больше отдалялось от пушкинского написания, а иногда дело переходило в некоторое подновление языка» (Сочинения А.С. Пушкина, т. II, СПб., 1905, с. XIV). Такая переработка подлинной орфографии Пушкина являлась не только неправильным, ненаучным приемом издания, но и не

[67] Не только Морозов, но и более тщательный Ефремов не приводит, например, таких указаний относительно текстов «Руслана и Людмилы», «Братьев-разбойников», «Цыган», «Полтавы», «Повестей Белкина», «Капитанской дочки», «Путешествия в Арзрум» и др. (см. т. VIII, примечания к этим произведениям).

вызывалась существом дела, так как Пушкин относился к орфографии сознательно и, при небольших колебаниях в ней, в общем, вопреки мнению Морозова, высказанному в предисловии ко второму его изданию сочинений Пушкина, держался вполне определенной и стройной орфографической системы.

Относясь так деспотично, в частности, и к пунктуации Пушкина, издатели, может быть, сами того не замечая, накладывали свою тяжелую руку уже на самое содержание произведений великого поэта, так как с изменением знаков изменяются и оттенки смысла, и отношения фраз: выходит не издание, а переделка Пушкина.

Вот несколько примеров неудачной переделки пушкинской пунктуации.

У Пушкина в «Современнике»: «Справа снялъ снежный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора, за нею находилась крепость: кругомъ ея видны следы разореннаго аула...» (т. I, с. 25).

У Морозова после слова *крепость* вместо двоеточия находим точку с запятой (т. IV, с. 417)[68]. И словами, и знаками Пушкин наглядно рисует известную картину: снежный Кавказ, гора, следы разоренного аула, указывающие на когда-то бывшую крепость. Это отношение мыслей о крепости и ауле и выражено двоеточием. Точка с запятой совсем не устанавливает подобной связи фраз. Отличие морозовского текста не ограничивается знаками; в нем после *видны* находим еще слово *были.* Не знаем, откуда оно взято.

На с. 49 того же издания Пушкин, высказывая сожаление, что Грибоедов не оставил своих записок и что замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов, заканчивает свое замечание фразой: «Мы ленивы и нелюбопытны», после которой ставит много говорящее многоточие. Это многоточие у Морозова заменено просто точкою (т. IV, с. 432).

---

[68] Начиная с этого примера, все ссылки и цитаты приведены из морозовского издания 1887 г., но все сверено с изданием 1903—1906 гг., и все исправления оговорены в подстрочных примечаниях.

На с. 73 находим восточное приветствие, которое Пушкину сказал один паша: «...Поэтъ братъ Дервишу. Онъ не имеетъ ни отечества, ни благъ земныхъ: и между темъ, какъ мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищахъ, онъ стоитъ на ровне съ властелинами земли и ему поклоняются».

В издании Морозова двоеточие, поставленное Пушкиным между двумя членами периода, заменено запятой, которая вовсе не служит к наглядному сопоставлению мыслей о бедности и величии поэта. Кроме того, в этом издании совсем пропущено слово *о власти* (т. IV, с. 445).

В «Капитанской дочке» Пушкин последовательно пишет восклицание «Господи владыко» без запятой (Современник, т. IV, с. 163, 189). В издании Морозова эти слова последовательно разделяются запятою[69]. Неужели Пушкин не имел грамматического права находить в смысле и произношении этих слов столько близости, чтобы считать их не за два отдельных обращения, а за одно, и потому не разделять запятою? Кому больше верить: позднейшим издателям или самому Пушкину, если мы хотим правильно понять и прочитать то или другое место пушкинских сочинений? В данном случае несомненная правильность пушкинского письма подтверждается обыкновенным произношением восклицания «Господи владыко», в котором по ударению первое слово подчиняет себе второе и, таким образом, с ним объединяется.

Подобных случаев мы могли бы привести немало. Можем указать и такие, в которых отступление от пушкинской пунктуации является совершенно непонятным. Например, у Пушкина: «Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную» (Современник, т. IV, с. 182).

У Морозова нет запятой после *светлицы* (т. IV, с. 256)[70].

---

[69] В издании 1904 г. у Морозова эти слова то разделяются запятою (т. V, с. 61), то соединяются черточкой (т. V, с. 438).

[70] В издании 1904 г. запятая имеется (т. V, с. 453).

Но обратимся к недоразумениям другого рода и более важным. Эти недоразумения возбуждаются в нас сравнительным изучением печатных пушкинских текстов, вышедших при его жизни, и современных нам, которые считаются лучшими: морозовского и ефремовского.

Укажем прежде всего ряд фактов, утверждающих, что тексты названных редакторов не сходятся с печатными текстами времен Пушкина, даже с такими, которые изданы им самим, например «Путешествие в Арзрум», «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка».

II глава «Евгения Онегина» в издании 1826 г.:

> Но такъ какъ съ задняго крыльца
> Обыкновенно подавали
> Ему Донскаго жеребца,
> Лишь только въ доль большой дороги
> *Завидятъ* ихъ домашни дроги... (с. 11).

Издание Морозова 1887 г.:

> ...*Заслышатъ* ихъ домашни дроги... (т. III, с. 262)[71].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 38). (Оба вслед за изданием 1833 г., с. 42, и 1837 г., с. 44).

Здесь во всех изданиях, вышедших после первого, можно предполагать простой недосмотр письма или печати. *Завидят* гораздо больше подходит и к смыслу, и к другим словам фразы. В самом деле: успеют ли подать Онегину жеребца и успеет ли он уехать, когда уже будет слышен стук подъезжающего экипажа, т.е. когда он будет очень близко? Затем слова *вдоль*

[71] В издании 1904 г. при данном слове сноска, в которой *завидятъ* (издание 1830 г.), т. IV, с. 59.

дороги гораздо больше подходят к глаголу *завидят,* чем к *заслышат*.

Издание 1826 г.:

> И мира новый блескъ и шумъ
> Еще *пленили* юный умъ (с. 13).

Издание Морозова 1887 г.:

> ...Еще *пленяли* юный умъ (т. III, с. 262).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 39) (вслед за изданием 1833 г., с. 43, и 1837 г., с. 46).

Издание 1826, 1833 (с. 58), 1837 (с. 61) годов:

> Она *влюбилася* въ обманы
> И Ричардсона и Руссо (с. 32).

Издание Морозова 1887 г.:

> Она *влюблялася* въ обманы... (т. III, с. 275)[72].

То же у Ефремова, 1903 г. (т. IV, с. 57).

Издание 1826 г.:

> ...Звала *Палиной Парасковью*...(с. 35).

Издание Морозова 1887 г.:

> ...Звала *Паланою Прасковью*... (т. III, с. 277).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 59) (вслед за изданием 1833 г., с. 60, и 1837 г., с. 64).

---

[72] В издании 1904 г.: *влюбилася* (т. IV, с. 70).

Издание 1826, 1833 (с. 62), 1837 (с. 65) годов:

Они хранили въ жизни мирной
Привычки *милой* старины... (с. 37).

Издание Морозова 1887 г.:

Они хранили въ жизни мирной
Привычки *мирной* старины... (т. III, с. 277).

У Ефремова сходно с изданием 1826 г. (т. IV, с. 60). «Евгений Онегин». Глава третья. СПб., 1827:

Въ саду служанки, на грядахъ,
Сбирали *ягоду* въ кустахъ
И хоромъ по наказу пели... (строфа XXXIX, с. 48).

Издание Морозова 1887 г.:

Сбирали *ягоды* въ кустахъ...

То же и у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 91) (вслед за изданием 1833 г., с. 96, и 1837 г., с. 102).

«Цыганы», издание 1827 г.:

И *слышны* въ тишине степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье (с. 4).

Издание Морозова 1887 г.:

И *слышно* въ тишине степной... (т. II, с. 347).

То же у Ефремова 1903 г. (т. III, с. 30). (И тот и другой сходны с изданием 1835 г. «Поэмы и повести Александра Пушкина», ч. II, с. 16.)

«Братья-разбойники», издание 1827 г.:

Я *старший* былъ пятью годами,
И вынесть больше брата могъ (с. 9).

Во втором издании этот стих повторяется с буквальною точностью (на с. 8). То же в издании «Поэмы и повести Александра Пушкина», ч. II, 1835, с. 5.

В издании Морозова 1887 г.:

Я *старше* былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ (т. II, с. 304)[73].

У Ефремова 1903 г. (т. II, с. 542):

Я *старей* былъ пятью годами...

«Руслан и Людмила» в издании 1828 г.:

Нетерпеливый конь кипитъ
И снегъ копытомъ *мочнымъ* роетъ (с. 110).

Издание Морозова 1887 г.:

И снегъ копытомъ *мощнымъ* роетъ (т. II, с. 252).

То же у Ефремова 1903 г. (т. II, с. 469).

«Полтава», издание 1829 г.:

Не онъ ли наущеньямъ Хана
И *Цареградскаго Салтана*
Былъ глухъ (с. 24).

[73] В издании 1903 г. исправлено согласно с текстом 1827 г. (т. III, с. 156).

То же в издании 1835 г. «Поэмы и повести Александра Пушкина» (ч. II, с. 100).

Издание Морозова 1887 г.:

И *цареградскаго султана*... (т. III, с. 121).

То же у Ефремова 1903 г. (т. III, с. 220).

Издание 1829 г.: «Мазепа въ самомъ деле сваталъ свою крестницу, *но былъ отказанъ*» (с. 85).

Издание Морозова 1887 г.: «... *но ему отказали*» (т. III, с. 110). То же у Ефремова 1903 г. (т. III, с. 205). Источником их текста послужили «Поэмы и повести Александра Пушкина» (1835, ч. II, с. 157).

«Борис Годунов», издание 1831 г.:

...А въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю *едино* зримый,
Явился мужъ необычайно светелъ... (с. 20—21).

Издание Морозова 1887 г.:

Къ его одру, царю *едину* зримый... (т. III, с. 13).

То же у Ефремова 1903 г. (т. III, с. 75).

Издание 1831 г.: «И, *Царевна! девица* плачетъ, что роса падетъ...» (с. 53).

Издание Морозова 1887 г.: «И, царевна! Девица плачетъ, что роса *падаетъ*...» (т. III, с. 29)[74].

У Ефремова согласно с текстом 1831 г. (т. III, с. 100). Издание 1831 г.:

Царь, изъ Литвы пришла *намъ* весть... (с. 58).

[74] В издании 1903 г. исправлено: *падетъ* (т. III, с. 298).

Издание Морозова 1887 г.:

Царь, изъ Литвы пришла *къ намъ* весть... (т. III, с. 32).

У Ефремова, как в тексте 1831 г. (т. III, с. 104).

Издание 1831 г.: «*Разуздываетъ* и разседлываетъ коня. *Входитъ* несколько Ляховъ» (с. 119).

Издание Морозова 1887 г.: «*Разнуздываетъ* и разседлываетъ коня. *Входятъ* несколько ляховъ» (т. III, с. 65).

У Ефремова: «*Разнуздываетъ ... Входитъ...*» (т. III, с. 147).

«Повести Белкина», издание 1831 г. (сверено с изданием 1834 г.):

«Если понтёру случалось обсчитаться, то онъ тотчасъ или доплачивал *достальное,* или записывалъ лишнее» (с. 5).

То же в издании «Сочинений» 1838 г. (т. VIII, с. 19).

Издание Морозова 1887 г.: «...онъ тотчасъ или доплачивалъ *остальное,* или записывалъ лишнее» (т. IV, с. 36).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 317).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Встали изъ-за стола уже *поздо* вечеромъ» (с. 12)[75].

Издание Морозова 1887 г.: «Встали изъ-за стола уже *поздно* вечеромъ» (т. IV, с. 38).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 319) (и тот, и другой сходятся с изданием 1838 г., т. VIII, с. 23).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Мы остались вдвоемъ, сели другъ *противу* друга и молча закурили трубки» (с. 12). То же в издании 1838 г. (т. VIII, с. 23).

Издание Морозова 1887 г.: «Мы остались вдвоемъ, сели другъ *противъ* друга...» (т. IV, с. 38)[76].

У Ефремова согласно с изданием 1831 г. (т. IV, с. 319).

Издание 1831 г.[77]: «Наконецъ решился я ложиться спать какъ можно ранее, а обедать какъ можно позже; такимъ образомъ

[75] Страница здесь и далее относится к 1-му изданию.

[76] В издании 1904 г. исправлено: *противу* (т. V, с. 66).

[77] В тексте 1834 г. этого места нет.

укротилъ я вечеръ и прибавилъ долготы дней...» (с. 22). То же в издании 1838 г. (т. VIII, с. 30).

Издание Морозова 1887 г.: «...такимъ образомъ *укоротилъ* я вечеръ...» (т. IV, с. 41).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 324).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Мне все кажется, что у насъ не дуэль, а убийство: я не привыкъ целить въ *безоруженнаго*» *(с.* 32). То же в издании 1838 г. (т. VIII, с. 35).

Издание Морозова 1887 г.: «...я не привыкъ целить въ *безоружнаго*» (т. IV, с. 44).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 328).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Священникъ, отставной корнетъ, *усастый* землемеръ...» (с. 56).

Издание Морозова 1887 г.: «Священникъ, отставной корнетъ, *усатый* землемеръ...» (т. IV, с. 51)[78].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 337) (сходно с изданием 1838 г., т. VIII, с. 51).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Съ какимъ единодушиемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ государю! *А для него, катя была минута*» (с. 61).

Издание Морозова 1887 г.: «...*А для него — какая минута*» (т. IV, с. 52).

У Ефремова согласно с изданием 1831 г. (т. IV, с. 339).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Мы уже *сказывали*, что, несмотря на ея холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями» (с. 62).

Издание Морозова 1887 г.: «Мы уже *сказали*, что...» (т. IV, с. 53).

У Ефремова, как в издании 1831 г. (т. IV, с. 340).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Но все должны были отступить, когда явился въ ея замке раненый Гусарской Полковникъ Бурминъ, съ Георгиемъ въ петлице и “съ интересной бледностию”, какъ говорили *тамошния* барышни» (с. 62).

---

[78] В издании 1904 г. (т. V, с. 85) исправлено: *усастый*.

Издание Морозова 1887 г.: «...какъ говорили *тогдашния* барышни» (т. IV, с. 53).

У Ефремова сходно с текстом 1831 г. (т. IV, с. 340).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Она не могла не *сознаваться* въ томъ, что она очень ему понравилась» (с. 64).

Также у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 340—341).

Издание Морозова 1887 г.: «Она не могла не *сознаться* въ томъ...» (т. IV, с. 53).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Комната *полна была* мертвецами» (с. 90).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 351).

Издание Морозова 1887 г.: «Комната *была полна* мертвецами» (т. IV, с. 61).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Кто не проклиналъ станционныхъ смотрителей, кто съ ними не *бранивался?*» (с. 99).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 354).

Издание Морозова 1887 г.: «...кто съ ними не *бранился*?» (т. IV, с. 64)[79].

Издание 1831 г.: «Въ комнате *богатоубранной*, Минский сиделъ въ задумчивости» (с. 125).

То же в издании 1838 г. (т. VIII, с. 94).

Издание Морозова 1887 г.: «Въ комнате, *прекрасно убранной,* Минский сиделъ въ задумчивости» (т. IV, с. 72).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 365) (источник последнего текста — издание 1834 г.: «Повести, изданныя Александромъ Пушкинымъ», с. 110).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Соседы говорили согласно, что изъ него никогда не *выдетъ* путнаго столоначальника» (с. 140).

Издание Морозова 1887 г.: «...никогда не *выйдетъ* путнаго столоначальника» (т. IV, с. 76).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 371) (вслед за изданием 1838 г.; см. т. VIII, с. 104).

---

[79] В издании 1904 г. (т. V, с. 103) исправлено согласно с текстами 1831 и 1834 гг.

Издания 1831 и 1834 гг.: «...Прекрасное военное движение *Алексеево* пропало втуне» (с. 172).

То же в издании 1838 г. (т. VIII, с. 123).

Издание Морозова 1887 г.: «Прекрасное военное движение *Алексея* пропало втуне» (т. IV, с. 86).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 384).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Муромский нередко думалъ о томъ, что по смерти Ивана Петровича, все его имение перейдетъ въ руки Алексею Ивановичу; что въ такомъ случае, Алексей Ивановичъ будетъ *одинъ* изъ самыхъ богатыхъ помещиковъ той губернии...» (с. 179).

Издание Морозова 1887 г.: «...Алексей Ивановичъ будетъ *однимъ* изъ самыхъ богатыхъ помещиковъ той губернии...» (т. IV, с. 88).

У Ефремова сходно с изданием 1831 г. (т. IV, с. 387—388).

Издания 1831 и 1834 гг.: «Даю тебе три дня на размышление, а покаместъ не смей на глаза мне *показаться*» (с. 183).

Издание Морозова 1887 г.: «...а покаместъ не смей на глаза мне *показываться*» (т. IV, с. 89).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 389) (вслед за изданием 1838 г.; см. т. VIII, с. 130).

«Путешествие в Арзрум», по изданию 1836 г. (Современник, 1836, т. I, с. 17—84).

Текст 1836 г.: «въ *той* самой книге» (с. 18).

У Морозова: «въ *этой* самой книге» (т. IV, с. 412).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 207).

Текст 1836 г.: «Мне случалось *въ сутки* проехать...» (с. 21).

У Морозова: «случалось въ *целые* сутки...» (т. IV, с. 414).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 210).

Текст 1836 г.: «Я попросилъ чемъ нибудь *это* заесть» (с. 22).

У Морозова: «Я попросилъ чемъ нибудь заесть» (т. IV, с. 415).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 211).

Текст 1836 г.: «Здесь нашелъ я большую перемену» (с. 22).

У Морозова: «Здесь нашелъ большую перемену» (т. IV, с. 415).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 211).

Текст 1836 г.: «...мне было жаль *ихъ* прежняго, дикаго состояния...» (с. 23).

У Морозова: «...мне было жаль прежняго, дикаго состояния...» (т. IV, с. 416).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 212).

Текст 1836 г.: «...никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. *Здешняя сторона полна молвой о ихъ злодействахъ.* Почти нетъ никакого способа ихъ усмирить...» (с. 26).

У Морозова пропущена вся выделенная фраза (т. IV, с. 418).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 214).

Текст 1836 г.: «Тутъ я встретилъ Русскаго офицера, *провождающаго* Персидскаго Принца» (с. 36).

У Морозова: «...*провожающаго* персидского принца» (т. IV, с. 424).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 223).

Текст 1836 г.: «На мои вопросы отвечалъ онъ, что молва, будто бы Язиды покланяются сатане есть пустая *баснь*» (с. 60).

У Морозова: «...есть пустая *басня:*» (т. IV, с. 438).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 245).

Текст 1836 г.: «Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрелами, и вскоре *зачали* отступать» (с. 62).

У Морозова: «...и вскоре *начали* отступать» (т. IV, с. 439).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 246—247).

Текст 1836 г.: «...Г. А. былъ *неколебимъ*» (с. 80).

У Морозова: «... Г. А. былъ *непоколебимъ*» (т. IV, с. 449).

То же у Ефремова 1903 г. (т. V, с. 261).

«Скупой рыцарь», по изданию 1836 г. (Современник, т. I, с. 111—130).

И потекутъ сокровища мои Въ атласные, *диравые* карманы (с. 123).

Справка с великолепным фототипическим изданием facsimile одной из редакций собственноручной рукописи Пушкина показывает, что мы имеем здесь дело никак не с опиской или опечаткою. «Диравые», как особое прилагательное, произведенное от «дира», употреблено самим Пушкиным (см. «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина. Издание А. де Бионкур, М., 1901, лист 6)[80]. Заметим, что форма «дыра́вый» прежде считалась более литературною, чем «дыря́вый». В академическом Словаре 1867 г. мы найдем первую форму, а второй там вовсе нет.

Издание Морозова 1887 г.: «...Въ атласные, *дырявые* карманы» (т. III, с. 178).

То же у Ефремова 1903 г. (т. III, с. 311).

Издание 1836 г.: «Бросаетъ перчатку, сынъ поспешно ее *подымаетъ*» (с. 130).

Издание Морозова 1887 г.: «...сынъ поспешно ее *поднимаетъ*» (т. III, с. 183).

У Ефремова согласно с изданием 1836 г. (т. III, с. 318).

«Капитанская дочка» по изданию 1836 г. (Современник, 1836, т. IV, с. 42—215).

«Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную *помочь,* и велелъ Савельичу дать ему полтину на водку» (с. 64).

Издание Морозова 1887 г.: «...благодарилъ за оказанную *помощь*...» (т. IV, с. 194).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 540).

Издание 1836 г.: «Но миръ былъ прерванъ *незапнымъ* междоусобиемъ» (с. 80).

Издание Морозова 1887 г.: «Но миръ былъ прерванъ *внезапнымъ* междоусобиемъ» (т. IV, с. 202).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 551).

Издание 1836 г.: «Да за чемъ же мне тутъ быть свидетелемъ? *Къ* какой стати?» (с. 84).

---

[80] Морозов пользовался при издании «Скупого рыцаря» подлинником данной рукописи, но указываемое нами место не привлекло его внимания.

Издание Морозова 1887 г.: «...*Съ* какой стати?» (т. IV, с. 204)[81].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 554).

Издание 1836 г.: «Я скоро простился съ комендантомъ и съ его семействомъ; пришедъ домой, осмотрелъ свою шпагу, попробовалъ ея конецъ...» (с. 86).

Издание Морозова 1887 г.: «Я скоро простился съ комендантомъ и съ его семействомъ; *пришелъ* домой...» (т. IV, с. 206)[82].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 556).

Издание 1836 г.: «— Сватался! Онъ за васъ сватался? Когда же? «Въ прошломъ году. Месяца *два до вашего приезда*» (с. 90).

Издание Морозова 1887 г.: «Въ прошломъ году, месяца *за два до вашего приезда*» (т. IV, с. 208).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 558).

Издание 1836 г.: «Прежде, нежели приступлю къ описанию странныхъ происшествий, *коимъ* я былъ свидетель...» (с. 103).

Издание Морозова 1887 г.: «...происшествий, *коихъ* я былъ свидетель...» (т. IV, с. 215)[83].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 568).

Издание 1836 г.: «Въ 1772 году произошло возмущение въ ихъ главномъ *городке*» (с. 104).

Издание Морозова 1887 г.[84]: «...въ ихъ главномъ *городе*» (т. IV, с. 215).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 569).

Издание 1836 г.: «Это случилось несколько времени передъ прибытиемъ моимъ въ Белогорскую крепость» (с. 104).

Издание Морозова 1887 г.: «Это случилось *за* несколько времени...» (т. IV, с. 215).

---

[81] В издании 1904 г. (т. V, с. 375) исправлено: «къ какой стати».

[82] В издании 1904 г. (т. V, с. 377) после *семействомъ* видим запятую вместо точки с запятой. Так естественно иногда продолжается порча текста вместо исправления.

[83] В примечаниях при издании 1904 г. (т. V, с. 632) Морозов указывает, что в рукописи — *коимъ*. Откуда же наши издатели взяли *коихъ*, если его нет ни в подлинной рукописи, ни в печатном тексте?

[84] В издании 1904 г. (т. V, с. 391) исправлено: городке.

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 569).

Издание 1836 г.: «Иванъ Кузмичъ не былъ приготовленъ къ *таковому* вопросу» (с. 107).

Издание Морозова 1887, г.: «...не былъ приготовленъ къ *такому* вопросу...» (т. IV, с. 217).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 571).

Издание 1836 г.: «...никому не сказала ни одного слова, *кроме какъ попадье*»(с. 109).

Издание Морозова 1887 г.: «...никому не сказала ни одного слова, *кроме попадьи*» (т. IV, с. 218).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 572).

Издание 1836 г.: «Когда жъ одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и *положивъ* ихъ себе около шеи, поднялъ старика на свои плечи...» (с. 113).

Издание Морозова 1887 г.: «...взялъ его руки и *положилъ* ихъ себе около шеи...» (т. IV, с. 220)[85].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 576).

Издание 1836 г.: «Что́ это съ тобою сделалось?» — спросилъ изумленный комендантъ.

—*Батюшки*, беда! — отвечала Василиса Егоровна» (с. 114).

Издание Морозова 1887 г.: «— *Батюшка,* беда!..» (т. IV, с. 221).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 577).

Издание 1836 г.: «Нечего мне подъ старость летъ разставаться съ тобою, да искать одинокой могилы на чужой *сторонке*» (с. 116).

Издание Морозова 1887 г.: «...одинокой могилы на чужой *стороне*» (т. IV, с. 222).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 578).

Издание 1836 г.: «Завтра чемъ светъ ее и отправимъ, да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишнихъ у насъ *и* нетъ» (с. 116).

Издание Морозова 1887 г.: «...хоть людей лишнихъ у насъ нетъ» (т. IV, с. 222).

---

[85] В издании 1904 г. исправлено.

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 578).

Издание 1836 г.: «Мы отужинали молча, и встали *изо стола* скорее обыкновеннаго...» (с. 117).

Издание Морозова 1887 г,: «...встали *изъ-за стола*...» (т. IV, с. 222).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 578).

Издание 1836 г.: «Волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, *въ которомъ* еще недавно былъ я погруженъ» (с. 119).

Издание Морозова 1887 г.: «...уныние, *въ которое* еще недавно былъ я погруженъ» (т. IV, с. 223).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 579).

Издание 1836 г.: «...наши казаки ночью выступили изъ крепости, взявъ *насильно съ собою* Юлая...» (с. 119).

Издание Морозова 1887 г.: «...выступили изъ крепости, взявъ *съ собою насильно* Юлая...» (т. IV, с. 223).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 580).

Издание 1836 г.: «Мы въ нихъ узнали *своихъ* изменниковъ» (с. 121).

Издание Морозова 1887 г.: «Мы въ нихъ узнали *нашихъ* изменниковъ» (т. IV, с. 224—225)[86].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 581).

Издание 1836 г.: «Василиса Егоровна... *оборотилась*»[87] къ мужу и сказала ему...» (с. 122).

Издание Морозова 1887 г.: «...*обратилась* къ мужу...» (т. IV, с. 225).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 582).

Издание 1836 г.: «Комендантъ, Иванъ Игнатьичь и я мигомъ очутились за крепостнымъ валомъ; но *обробелый* гарнизонъ не тронулся» (с. 123).

Издание Морозова 1887 г.: «...но *оробелый* гарнизонъ не тронулся» (т. IV, с. 226).

---

[86] В издании 1904 г. исправлено.

[87] Твердое окончание возвратного залога, согласное с произношением, изредка встречается и в других местах у Пушкина.

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 583).

Издание 1836 г.: «Гости выпили еще по стакану, встали *изо стола*[88] и простились съ Пугачевымъ» (с. 136).

Издание Морозова 1887 г.: «...встали *изъ-за стола...*» (т. IV, с. 233).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 593).

Издание 1836 г.: «Состояние бедной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое бессилие *устрашали* меня» (с. 146).

Издание Морозова 1887 г.: «...*устрашили* меня» (т. IV, с. 238)[89].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 599).

Издание 1836 г.: «...Савельичь *последовалъ* моему примеру...» (с. 165).

Издание Морозова 1887 г.: «...Савельичь *следовалъ* моему примеру...» (т. IV, с. 248)[90].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 613).

Издание 1836 г.: «...Провидение, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мне случай *привести* въ действо мое намерение» (с. 167).

Издание Морозова 1887 г.: «...подавало мне случай *привесть* въ действо мое намерение» (т. IV, с. 249).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 614).

Издание 1836 г.: «...тутъ онъ сжалъ свой *костливый* кулакъ...» (с. 170).

Издание Морозова 1887 г.: «...тутъ оцъ сжалъ свой *костлявый* кулакъ...» (т. IV, с. 250).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 616).

Издание 1836 г.: «...она въ белой горячке, и третий день, бредитъ безъ умолку» (с. 180).

---

[88] Подобный случай встретился в наших примерах и раньше. Здесь простонародное употребление предлога изо, которое издатели считали, вероятно, простой ошибкой.

[89] В издании 1904 г. исправлено.

[90] В издании 1904 г. исправлено.

Издание Морозова 1887 г.: «...она въ белой горячке и третий день *какъ* бредитъ безъ умолку» (т. IV, с. 255).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 624).

Издание 1836 г.: «*Ничего ея бы* не спасло!» (с. 183).

Издание Морозова 1887 г.: «*Ничто бы ее* не спасло!» (т. IV, с. 257).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 625).

Издание 1836 г.: «Марья Ивановна рассказывала мне все, что съ *нею ни случилось* съ самаго взятия крепости...» (с. 185).

Издание Морозова 1887 г.: «...рассказала мне все, что съ *нею случилось*...» (т. IV, с. 258).

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 627).

Издание 1836 г.: «Онъ самъ вышелъ на улицу *извиняться* передъ Марьей Ивановной...» (с. 191).

Издание Морозова 1887 г.: «...*извиниться* передъ Марьей Ивановной...» (т. IV, с. 262)[91].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 632).

Издание 1836 г.: «Меня привезли въ крепость, уцелевшую *посереди* сгоревшаго города» (с. 200).

Издание Морозова 1887 г. «...уцелевшую *посреди* сгоревшаго города» (т. IV, с. 266)[92].

То же у Ефремова 1903 г. (т. IV, с. 638).

Мы, конечно, не исчерпали всего, что могло дать сравнение печатных текстов, изданных при жизни Пушкина, и тех, которые близки к нам. Мы не решились использовать даже всего того, что дали нам наши наблюдения над названными выше изданиями, из боязни слишком увеличить объем своей статейки. Но и приведенных фактов, кажется, вполне достаточно для

---

[91] В примечаниях к изданию 1904 г. опять видим ссылку на рукопись, в которой указано: «извиняться»! Это новое доказательство, что редактор не справился с первопечатным источником.

[92] До этого примера включительно все цитаты морозовского издания 1887 г. сверены с изданием 1903—1906 гг. Все различия второго с первым оговорены. Из приведенных примеров мы можем видеть, что если Морозов и внес многие поправки в последнее свое издание сочинений Пушкина, то далеко еще не исправил всего, что нужно исправить.

того, чтобы не признавать даже лучшие современные издания Пушкина совершенно безупречными, не оставляющими желать улучшений. Эти издания дают богатое собрание материалов для изучения пушкинского творчества и для наслаждения им; они отличаются полнотой, точностью и вообще ценностью объяснений к произведениям Пушкина; но они страдают в самой существенной своей части: передаче пушкинского текста. Не знаем подробностей, как передают издатели рукописный пушкинский текст[93], но печатный текст мы видим у них иногда с такими изменениями, которые нужно прямо назвать его порчей.

По разным соображениям трудно допустить, чтобы все отличия современных текстов находили оправдание в рукописях поэта, не известных публике, но изучавшихся издателями.

Самый характер различий старого и нового Пушкина такого рода, что указывает на неосторожные или неумелые подправки, которые сделаны на картине великого мастера неопытной рукою ученика, не понявшего ни замыслов, ни средств для их осуществления, ни других условий, при которых художник-артист производил свою работу.

В современных изданиях мы, кажется, видим накопленный годами, переходящий из одного издания в другое ряд подновлений языка и стиля, подновлений непозволительных и совершенно ни для кого из издателей непростительных.

Редакторы изданий Пушкина никак не хотели допустить, чтобы читатель находил у него такие простонародные слова, как: *разуздывает, достальное, выдет, монным, зачали, пóмочь, встали изо стола, обробелый, посереди*, — и эти слова исчезали из пушкинских текстов.

Издателям не нравились слова слишком архаичные или своенравно образованные, как: *укратилъ, провождающаго, баснь, незапнымъ* (одно из любимых пушкинских слов), *безоруженнаго, костливый, диравые*, — и эти слова постигла та же судьба.

---

[93] Сравнение текстов со снимками не говорит в пользу издателей.

При этом иногда совершенно не обращалось внимания на то, какое значение в каждом данном случае имеет та или другая особенность богатого и выразительного языка Пушкина. Если еще объяснима, хотя и нетерпима подмена слова *диравые* словом *дырявые* в устах рыцаря, человека высшего круга, с изящным воспитанием, то как можно было допустить обновление или очищение слога в простодушно-неискусных повестях-мемуарах Белкина или Гринева? Ведь здесь, очевидно, Пушкин намеренно отступал от принятых в литературном языке слов и выражений, чтобы сообщить своей речи характер записок, составленных людьми, не овладевшими всеми свойствами литературного изложения.

Своеобразные обороты речи, нередко встречавшиеся у Пушкина, тоже находили в позднейших редакторах слишком строгих судей и не переходили из старых печатных текстов в новые. Поэтому вместо:

Я старший былъ пятью годами,
И вынесть больше брата могъ

— видимъ:

Я старше былъ пятью годами...;

вместо: «*Къ* какой стати» — оказывается: «*Съ* какой стати»; вместо: «*месяца два до вашего* приезда» (сочетание, употреблявшееся Пушкиным и в других местах) — является: «*месяца за два до вашего* приезда»; вместо: «не сказала ни одного слова, *кроме какъ попадье*» — читаем: «не сказала ни одного слова, *кроме попадьи*», *и т.п.*

Кроме этих подправок пушкинских текстов в современных изданиях, мы имеем в них немалое число разнообразных недосмотров. Таковы, например, пропуски слов и в одном случае даже пропуск целой строчки, начинающейся после точки и оканчивающейся точкою; затем вставки слов; потом их переста-

новка; недостатки, на которые приведено впереди достаточное количество примеров.

Иногда по недосмотру является явное искажение текста, как *мирной старины* у Морозова вместо *милой старины*, *тогдашния барышни* вместо *тамошния барышни* у него же, восклицание *батюшка* вместо *батюшки* у Морозова и Ефремова.

Еще чаще встречаются замены слов, которые легко могут смешаться, например, при скорой переписке: *этой* вместо *той*, *пришелъ* вместо *пришедъ*, *городе* вместо *городке, стороне* вместо *сторонке*, *устрашили* вместо *устрашали* и т.д.

Не находим оправданий для новейших издателей и в том случае, когда они изменяют грамматические формы пушкинских текстов. И в отношении к форме язык Пушкина богат, смел, подчас капризно-своеобразен, не замыкается в рамки школьной грамматики; тем более не может подчиниться правилам, принятым теперь, когда прошло чуть не столетие от начала литературной деятельности нашего великого поэта.

Наши наблюдения над старыми и новыми пушкинскими текстами, к прискорбию, убедили нас, что изменение в них оригинальных грамматических форм является очень нередко.

Так, в тексте «Бориса Годунова» по изданию 1831 г., последнему печатному изданию при жизни Пушкина, на страницах 14, 86 находим: *безымянный,* у Морозова: *безыменный*; на с. 109: «*обвешенный* (от глагола *обвесить*) веригами», у Морозова: «*обвешанный* веригами» (от другого глагола — *обвешать*); в «Капитанской дочке», по изданию в «Современнике» 1836 г., т. IV, на с. 94: «не отрывала *ее*», у Морозова: «не отрывала *ея*»; на с. 99: *топаниемъ,* у Морозова: *топаньемъ*; на с. 121, 134, 142, 164: *между ими*, у Морозова: *между ними*[94]; на с. 121: *на копье воткнута*, у Морозова: *на копьѣ воткнута;* на с. 122: *на колѣни* (Пушкин любил употреблять в рифмах такую именно форму слова), у Морозова: *на колѣна;* на с. 112: *безо всякаго*, у Морозова: *безъ всякаго;* на с. 154: «табачнаго *дыму*», у Морозо-

[94] Ср. аналогичное: *около его* (с. 194), которое, однако, Морозов оставляет в покое.

ва: «табачнаго *дыма*»*;* на с. 166: *щедушный*, у Морозова: *тщедушный;* на с. 189: *съ каковой*, у Морозова: *съ каковою;* в «Путешествии в Арзрум», по изданию в «Современнике» 1836 г., т. I, на с. 19: «*однихъ* сутокъ», у Морозова: «*однѣхъ* сутокъ»; на с. 20: *ущелие*, у Морозова: *ущелье;* на с. 24: *двуколесныхъ*, у Морозова: *двухколесныхъ;* на той же странице и на 62: *татаре*, у Морозова: *татары;* на стр. 25: «два, три надгробныхъ памятника *стояло* на краю дороги», у Морозова: «... *стояли* на краю дороги», на с. 59: «*четырью* тысячами», у Морозова: «*четырьмя* тысячами»; на с. 54: «*меньший* братъ», у Морозова: «*меньшой* братъ».

Большинство этих различий можно объяснить только тем, что пушкинский текст был или худо понят, или без должного внимания передан. Ошибки у Пушкина в приведенных примерах не было ни одной, и исправление данных мест нужно счесть большим грехом того, кто это сделал. Своеобразные формы пушкинского языка уже вошли в русскую научную грамматику, а издатели уничтожают их совершенно. Так, пушкинское *четырью* указывается в «Исторической грамматике» Буслаева (изд. 1881 г., «Синтаксис», с. 224), а в позднейших изданиях его едва ли найдешь. В последнем издании Ефремова тоже оказывается: *четырьмя.*

Приведенные сравнительные наблюдения пушкинских текстов трех родов: 1) современного ему, 2) морозовского и 3) ефремовского — дают повод сделать еще несколько замечаний и соображений.

Самое первое, бросающееся в глаза, то, что тексты эти нетождественны. Мы имеем произведения поэта в трех разных видах: в одном он сам давал свои творения, или давали другие на его глазах и под его контролем, в другом и третьем дают Пушкина люди, специально его изучавшие: Морозов и Ефремов.

Как же объяснить разницу этих трех текстов?

В немногих случаях эта разница объясняется в пользу издателей: они руководствуются позднейшими, исправленными при жизни Пушкина изданиями и на основании этих изданий дают

нам лучший текст или, по крайней мере, текст, который считают лучшим.

В тех случаях, когда эти поправки делаются на основании авторитетных рукописей, это тоже может быть поставлено в заслугу издателям, особенно если это производится с необходимою осмотрительностью или касается произведений, не изданных при жизни Пушкина. Для последних собственная пушкинская рукопись — драгоценный и ничем не заменимый источник.

Впрочем, исправления, внесенные во вторые и третьи «прижизненные» издания произведений Пушкина, еще не дают никому права игнорировать варианты первоначальных печатных изданий, если нельзя доказать, что эти варианты — явные ошибки, например, опечатки или точная печатная передача описок. Ведь это все те строчки Пушкина, которыми образованная Россия дорожит уже много десятилетий.

Наконец, при изучении пушкинского языка и стиля варианты слов и фраз становятся особенно интересными. Они наглядно указывают, как далеко поэт мог уходить от более принятых форм литературного языка и где каким оборотам он отдавал предпочтение.

Нельзя не признать и того, что варианты первых печатных произведений могут давать в исключительных случаях лучший текст, так как в последующем издании может оказаться недосмотр.

Подобные случаи встречались в печатных текстах Пушкина. Например, в издании «Евгения Онегина» 1833 г. имеем:

Какъ грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое *томное* волненье
Въ моей душе, въ моей крови![95]

(Строфа, с. 192 этого издания)

[95] Выписываю эту цитату по Морозову 1887 г., потому что в моей записи только одна строчка.

В издании 1837 г. вместо *томное* найдем *темное* — явную ошибку (с. 204 этого издания).

Или вот другой случай, где преимущество позднейшего текста можно оспаривать:

> Но ныне... памятникъ унылый
> Забытъ. Къ нему привычный следъ
> Заглохъ. Венка на ветви нетъ;
> Одинъ *подъ нимъ*, седой и хилый,
> Пастухъ по прежнему поетъ...[96]
>
> («Евгений Онегин», гл. VII, строфа VII,
> с. 195, изд. 1833 г.)

В издании 1837 г. находим:

> Одинъ *надъ нимъ*... (с. 208).

Объяснение многих других несходств пушкинских текстов, изданных до его смерти, с текстами, данными двумя названными выше редакторами его произведений, будет невыгодно ни для труда этих редакторов, ни для оценки их изданий.

Если мы предположим, что разногласия их текстов с печатными текстами времен Пушкина объясняются тем, что они всегда руководствовались подлинными рукописями Пушкина, то нам будет трудно понять, почему есть случаи разногласий между двумя издателями Пушкина. Также непонятным кажется и то, почему так далеко отстоит рукописный пушкинский текст от первопечатного. Мы должны ожидать, что рукописи Пушкина дадут текст, весьма близкий к тому, который напечатан им или при нем.

Соображение всех данных о разнице сравненных текстов дает основание сделать заключение, что в основе изданий Мо-

[96] Выписываю по Морозову 1887 г.

розова и Ефремова не лежит письменный текст Пушкина, точно так же как и печатный его времени.

Множество случаев совпадений при отступлении от первопечатного пушкинского текста, совпадений в местах часто довольно неудачных, ясным образом указывает нам, что в основе исследуемых изданий лежит один текст. Иначе Морозов и Ефремов не могли бы пропустить, например, одну и ту же строчку пушкинского текста.

Конечно, этот текст печатный. Как показывают некоторые наши справки, этим текстом нельзя считать первое полное собрание сочинений Пушкина, вышедшее вскоре после его смерти, потому что и это издание иногда точнее (разумеется, в исследованных нами случаях) передает первый печатный текст поэта. Значит, оба редактора приняли в основу своих изданий одно из посмертных собраний сочинений Пушкина, которые, как известно, не славятся своею исправностью.

Затем Морозов принял на себя громадный и почтенный труд исправления неисправного издания на основании собственноручных рукописей Пушкина, но не провел этого дела от начала до конца даже и во втором своем, много улучшенном издании, в котором не раз прорывается первоначально взятый неисправный, или, лучше сказать, испорченный поправками или недосмотрами текст. Из такого способа работы и возникают случаи, подобные указанным выше, в которых к неправильно напечатанному месту правильный текст дается как вариант рукописи. Если бы Морозов попедантичнее сверил редактируемый им текст с печатным пушкинским, то он убедился бы, что он дает примечание не к варианту, а к ошибке, которую согласно обнаруживают и печатный и письменный пушкинские тексты.

Ефремов при исправлении пушкинского текста обратил бóльшее внимание на первые печатные произведения Пушкина, изданные при его жизни. Текст этих печатных произведений передается в его издании лучше, чем в морозовском. Но так как он

печатал Пушкина все-таки не с этого текста, а лишь исправлял по нему, то и у него встречается немало нежелательных отступлений от подлинного пушкинского текста.

Настоящего, не исправленного, т.е. не испорченного, Пушкина русская наука и русское общество еще только ждут, но не имеют. Мы его должны получить и уже начали получать от Академии наук[97].

[97] Мы ничего не говорим здесь о великолепном и вполне удовлетворяющем научным требованиям издании сочинений Пушкина, выходящем под редакцией С.А. Венгерова. Издание это, начавшись сравнительно недавно, ведется так энергично, что успело уже перегнать академическое. Издание, редактируемое С.А. Венгеровым, представляет из себя такой огромный и замечательный труд, что о нем очень нелегко говорить отдельными короткими заметками.

А.С. ПУШКИН СРЕДИ ТВОРЦОВ И НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПЕСНИ

I. Говоря об отношении Пушкина к русской песне, исследователи обыкновенно понимают песню в узком смысле народной, безыскусственной. Такое ограничение предмета исследования не оправдывается ни общим положением русской песни, которая издавна жила в известном общении и взаимодействии стихий народной и литературной, ни историей развития Пушкина. Первоначальная основа этого развития была чисто литературная, но поэт, незаметно и постепенно овладевая сокровищами народной словесности, стройно соединил в своем знании достижения двух высоких культур, книжной и народной, не обнаруживая никакой односторонности или крайнего увлечения в своих изучениях, взглядах и творчестве. Всегда распоряжаясь словесными богатствами, как мастер и господин, Пушкин никогда не был слугою тех или других литературных направлений. Во всей полноте и многосторонности следует вести и изучение его художественного наследия.

Нет никакого сомнения, что песня литературная, которую Пушкин знал и культивировал с отроческого возраста, подготовила его к восприятию и изучению чисто народной песни. Шествуя с одного и того же отправного пункта, Дельвиг пришел к художественному, несколько искусственному, подражанию русской народной песне; Пушкин дошел до создания оригинальных произведений в духе народной песни и до признания последней как безусловно ценного и самодовлеющего литературного образца. Эта оценка была очень значительным литературно-критическим достижением, до которого никак не могли дойти представители старой литературной школы. Державин, Дмитриев, Карамзин, Батюшков, Жуковский — все видели в народной песне и вообще в народной словесности лишь материал, который может иметь литературное значение и бы-

тие только при известной подчистке, перекраске и переформировке.

II. Определить отношение Пушкина к песне нетрудно: нужно только открыть первую страницу его сочинений. Его литературное творчество начинается песней «О Делия драгая». Некоторая часть того, что дошло до нас из лицейских его стихотворений, была и долго оставалась песней. Для лицеистов пушкинского времени «песня» была именно тот литературный род, который привлекал их внимание. А.А. Дельвиг в известной мере прославился песнями. Песни писал А.Д. Илличевский. Над сочинением песен корпел, под общие насмешки, и малоодаренный В.К. Кюхельбекер, о неудачном творчестве которого Пушкин — уже в юношестве чуткий и проницательный критик — оставил несколько метких насмешек, имеющих в виду именно песни. Напомним «Несчастие Клита», 1814 г. (т. I, с. 90)[98], эпиграмму:

Вот Виля, — он любовью дышит,
Он песни пишет зло (т. I, с. 197).

И после лицея Пушкин все еще тяготеет к песне. Так, его дружеское послание Ф.Ф. Юрьеву, 1819 г. (т. I, с. 239), первоначально написано было в виде песни, с повторением первого куплета после каждого из следующих как припева.

То, что мы знаем о лицейской жизни времен Пушкина, показывает нам, что сочиняемые лицеистами песни не были простым стихотворным упражнением: они полагались товарищами на музыку и распевались ими. О расположении последних к пению и музыке нередко свидетельствуют стихи Пушкина. Таковы, например: «Послание к Батюшкову» и «Пирующие студенты», 1814 г., «Послание к Галичу», 1815 г. (т. I, с. 62, 64, 117, 400).

---

[98] Все ссылки обычно даются по изданию: Пушкин А.С. Сочинения: в 8 т. / под ред. П.О. Морозова. СПб., 1903—1906.

Среди лицейских товарищей Пушкина, кроме поэтов, были и певцы, и музыканты, и даже композиторы (Н.А. Корсаков и М.Л. Яковлев). Музыкальные дарования М.Л. Яковлева признавал сам М.И. Глинка, отзывавшийся о нем как о композиторе известных русских романсов, хорошо певшем баритоном[99].

Любимым текстом для пения в лицее были «национальные песни». Так назывались шутливые куплеты о товарищах и воспитателях, сочиненные лицеистами.

Связь этих песен с традиционными популярными русскими песнями (не народными) не подлежит сомнению. Песня «В лицейской зале тишина», по указанию М.А. Корфа, «певалась хором на голос «Певца во стане русских воинов» (начало «На поле бранном тишина»)[100]; песня «Пусть кто хочет отличайся» первыми словами и складом напоминает песню кн. Хованского «Пусть кто хочет пишет оды»; песня «Блажен, кто диалог не учит», вероятно, соответствует «Переложению псалма I» Ломоносова «Блажен, кто к злым в совет не ходит» (известна, как песнь по старым песенникам); песенка о Кюхельбекере «Ах! тошно мне на чужой скамье» есть близкое подражание песне Нелединского-Мелецкого «Ах! тошно мне на чужой стороне». «Отрывки из лицейских записок» Пушкина указывают нам куплеты, которые пели на голос «Бери себе повесу» (т. VI, с. 417). Эти слова, кажется, пародируют начало известной песни Дмитриева «Карикатура» («Сними с себя завесу, седая старина», 1792 г.).

III. Лицейский однокашник Пушкина А.Д. Илличевский писал своему товарищу П.Н. Фуссу 2 сентября 1815 г.: «У нас есть вечерние гулянья, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли, — ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие» (Грот, Пушкинский

[99] Записки М.И. Глинки. СПб., 1887. С. 48.

[100] Грот К.Я. Пушкинский лицей. СПб., 1911. С. 217. Здесь же тексты «национальных песен». См. с. 219, 220, 222.

лицей, 1911, с. 50). На этих спектаклях, несомненно, Пушкин знакомился и с песнями театральными. Значительная часть этих песен была переводная и менялась со временем. Для памятной Пушкину эпохи возвращения русских войск из Франции, после победы над Наполеоном, переменился и состав театральных песен. Когда народ бежал навстречу войскам, «музыка играла завоеванные песни: Vive Henri Quatre, тирольские вальсы и арии из "Жоконда"» (Метель, т. V, с. 86—87)[101]. Некоторые песни из этой оперы перешли в русские песенники. Так, «Новый полный всеобщий песенник» 1820 г. дает из нее две арии Жоконда и две арии Анеты:

1. В нежном страстном упоеньи
Пастушок младой взывал... (№ 779, с. 719).

2. Любовник оскорбленной
Бежит от глаз неверной... (№ 782, с. 721).

3. Бабушка мне говорила не раз... (№ 780, с. 720).

4. Между красот деревни сей
Невинность скромну избирают... (№ 781, с. 720).

Популярна была ария «Любовник оскорбленный», которую, по словам П. А. Каратыгина, распевали даже на улицах Петербурга.

В годы петербургской жизни, после окончания лицея, Пушкин любил посещать театр и оставил воспоминание об этом в

[101] По замечанию П.О. Морозова, комическая опера французского композитора Николо Изуара (1777—1818) «Жоконд, или Искатель приключений» имела огромный успех в 1814 г. в Париже. Она переведена на русский язык П.А. Корсаковым (издателем «Северного наблюдателя») и представлена в первый раз в Петербурге 26 января 1815 г. с В.М. Самойловым в роли Жоконда (Сочинения Пушкина, т. V, с. 615).

XVIII строфе главы I «Евгения Онегина», законченной двустишием:

Там, там, под сению кулис,
Младые дни мои неслись...

В следующей, XIX строфе он прямо говорит о театральной песне: «Услышу ль вновь я ваши хоры?». Его Дуня, провинциальная барышня, поет именно одну из этих модных театральных песен, из первой части «Днепровской русалки»:

И запищит она (бог мой!):
«Приди в чертог ко мне златой!»
(Евгений Онегин, гл. II, строфа XII).

Эту песню, как и другие арии из названной оперы, мы можем указать в песенниках 1808, 1810, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1825, 1827, 1847 гг. Данная справка ясно убеждает нас, что шутка Пушкина вывела названную песню из моды. То же говорит и отзыв современника Маркевича, приводимый П.О. Морозовым (т. IV, с. 306). Из других арий этой оперы особенной известностью пользовались:

1. Мущины на свете,
Как мухи к нам льнут.

2. Я цыганка молодая.

Последняя перешла в народ и держалась в общем обращении до самого последнего времени.

Театр времен Пушкина не чуждался и русской народной песни. В статье «Мои замечания о русском театре» (1819) поэт рассказывает, как актриса Колосова «показалась в конце довольно скучного водевиля в малиновом сарафане, в золотой повяз-

ке и пошла плясать по-русски с большой приятностью на голос “Во саду ли в огороде”» (т. VI, с. 249). Это известная плясовая песня. Она находится уже в старых песенниках (Новикова, ч. IV, № 104, с. 95; Прача, изд. 1790 г. и 1815 г., и др. Варианты см. в собрании А.И. Соболевского, т. IV, № 764—770). Пушкин потом упомянул эту песню в «Сказке о царе Салтане» (т. II, с. 272).

IV. По поводу 2-го издания «Вечеров на хуторе» Гоголя Пушкин писал в «Современнике» (1836, кн. 1): «Все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой» (т. VI, с. 89). Слова о поющем и пляшущем народе вполне приложимы и к великорусам времен Пушкина. Мы имеем множество свидетельств о необыкновенной привычке и наклонности русских к пению в конце XVIII в. и начале XIX в. Путешественник англичанин Уильям Кокс в 1778 г. писал о России: «Ямщики поют не переставая, от начала станции до конца; солдаты поют, выступая в поход; крестьяне поют чуть ли не за всяким делом; кабаки оглашаются песнями; не раз, среди вечерней тишины, слышал я, как неслись песни из окрестных деревень»[102]. Пушкин мог знакомиться с этим поющим народом еще очень рано, может быть до лицея. Песни няни, песни дворовых он, вероятно, слыхал еще в детстве. Тогда же могли долетать до его слуха и крестьянские песни. По указанию П.В. Анненкова, «зажиточные крестьяне Захарова не боялись веселиться; песни, хороводы и пляски» были их обычным развлечением[103].

Лицейский монастырь более или менее удалил поэта от народной песни, и серьезный интерес к ней обнаружился у него уже по выходе из лицея. Поющий народ опять стихийно окру-

---

[102] Трубицын Н.Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. СПб., 1912. С. 12. Там же многие указания на песни и музыку как обычное увеселение в столичных народных гуляньях и празднествах данного времени.

[103] П.В. Анненков. Материалы для биографии А.С. Пушкина, с. 5.

жил его, особенно после высылки из Петербурга. Тогда и начинают проявляться в его поэзии указания на живую русскую народную песню и ее деятельных носителей.

В «Черкесской песне» («В реке бежит гремучий вал»), приведенной в «Кавказском пленнике», замечательна строчка:

Веселый пляшет хоровод.

Она удостоверяет, что Пушкин видал и знал русский хоровод не только в мерном круговом хождении, какое дошло до нашего времени, а также в веселой общей пляске в конце хороводного действия, что некоторое время держалось и после него[104]. Поющий народ мы нередко видим и в стихах Пушкина. Вечером, когда Татьяна шла в усадьбу Онегина, поэт определяет время ее поздней прогулки тем, что «уж расходились хороводы» («Евгений Онегин», гл. VII, строфа XV). Домашняя работа крестьянки, по его поэзии, сопровождается песней. Осенью

В избушке распевая, дева
Прядет
(Евгений Онегин, гл. IV, строфа XLI).

У памятника Ленского:

Пастух, плетя свой пестрый лапоть,
Поет про волжских рыбарей
(Евгений Онегин, гл. VI, строфа XLI).

Не знаем, какую песню и каких рыбарей имел здесь в виду Пушкин. Волжские промыслы были особого рода: портные там шили дубовой иглой (разбойничали), а волжские рыболовы рекомендуют себя так:

---

[104] П.В. Шейн. Великорус.., с. 54.

Ах, мы ли не воры, ах мы да рыболовы,
Ах, мы да рыболовы, государевы ловцы.
Ай, мы рыбочку ловили по хлевам, по клетям,
По клетям, да по хлевам, по новым по дворам.

(Соболевский, VI, № 449,
из песенника 1780 г.).

Среди этого народа, поющего и во время отдыха, и за работой, выделяются особенно замечательные носители русской песни: ямщики, бурлаки, дворовые девушки и женщины. Их пением в стихах Пушкина оживлены картины родной природы и жизни.

Один вариант главы IV «Евгения Онегина» упоминает:

Кибитки, песни удалые (т. IV, с. 335).

В «Путешествии Онегина» читаем:

Мелькают версты; ямщики
Поют и свищут, и бранятся (т. IV).

Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывным голосом поют
Про тот разбойничий приют... (т. VII).

Особенно показательным для отношения нашего поэта к русской народной песне является отрывок 1833 г. (т. II, с. 189) «В поле чистом серебрится», с обращением к ямщику:

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге столбовой,
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.
Пой, ямщик! Я молча, жадно

Буду слушать голос твой...
Знаешь песню ты — лучина (т. II, с. 189).

«Лучина» — заунывная народная русская песня:

Лучина, лучинушка березовая!
Ах! что ж ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь? и т.д.
(Новейший и отборнейший
российский всеобщий песенник. СПб., 1808. № 328. с. 411.
Старший известный нам текст в песеннике 1805 г.
Более поздние варианты у А.И. Соболевского,
II, № 557—559).

Юноши и девицы дворянского сословия во времена Пушкина еще и сами веселились народными песнями и хороводами. В стихотворении «Гроб юноши» (1821) мы находим на это ясное указание:

Любил он игры наших дев,
Когда весной, в тени дерев,
Они кружились на свободе, —
Но нынче в резвом хороводе
Неслышен уж его припев (т. I, с. 293).

Деревенские помещики времен Пушкина жили, как супруги Ларины: справляли масленицу, развлекались святочными играми и гаданиями. Они

Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод.
(Евгений Онегин, гл. II, строфа XXXV).

Описанию святочных гаданий в их доме посвящено несколько чудных строф главы V «Евгения Онегина» (IV—XXIV). Глав-

ное из них — гадание посредством колец и поблюдных песен — поэтично и точно описано в VIII строфе.

Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то все богаты;
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.

К последним стихам дано краткое примечание Пушкина: «Зовет кот кошурку в печурку спать» — предвещание свадьбы; первая песня предрекает смерть». Приведем полные тексты обеих песен по «Новейшему всеобщему и полному песеннику» (СПб., тип. И. Глазунова, 1819).

1. У Спаса в Чигасах за Яузою
Живут мужики богатые,
Гребут золото лопатами,
Чисто серебро лукошками (ч. IV, с. 63).

2. Уж как кличет кот кошурку в печурку спать:
Ты поди, моя кошурка, в печурку спать;
У меня, у кота, есть скляница вина,
Есть скляница вина и конец пирога;
У меня, у кота, и постеля мягка (там же, с. 65).

Припев ко всем подблюдным песням:

Да кому мы спели, тому добро;
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется (там же, с. 61).

Слово *слава* припевается к каждому стиху подблюдных песен: У Спаса, в Чигасах за Яузою, *слава!*[105] и т.д.

Значение первой песни по песеннику 1819 г.: «Пожилым к смерти, а незамужним к браку» (с. 63). Значение второй — то, которое указано Пушкиным (с. 65).

Песнями сопровождались у Лариных и хозяйственные работы, как это видно из строфы XXXVIII главы III:

> В саду служанки, на грядах,
> Сбирали ягоды в кустах
> И хором по наказу пели
> (Наказ, основанный на том,
> Чтоб барской ягоды тайком
> Уста лукавые не ели
> И пеньем были заняты:
> Затея сельской остроты!)[106].

Слушание песен было одним из привычных развлечений старинного дворянина времен Пушкина. Иван Петрович Белкин, описывая свои занятия в свободные зимние вечера, говорит: «Песни баб наводили на меня тоску» (т. V, с. 69). В Михайловском сам поэт пользуется этим обычаем, как всегда соединяя развлечение с плодотворным наблюдением и изуче-

---

[105] См.: Прач. Русские народные песни, 1896, с. 134.

[106] Кажется, Пушкин был не совсем прав, считая пение затеей экономных хозяев. Собирание плодов издавна было веселым народным праздником. В крепостной Франции собирание винограда тоже считалось общественным празднеством, и к торжественному его устройству французские помещики принимали все необходимые меры. Сбор винограда еще в недавнее время в разных местах Европы был не что иное, как общенародный праздник: и в Болгарии, где он сопровождается народными песнями, и в Швейцарии, где существует особый праздник виноградарей в Веве, и в областях Рейна в Германии, где, между прочим, есть надсмотрщики, которые наблюдают, «чтобы сборщики немного ели винограда». Но, очевидно, экономические расчеты здесь дело привходящее, а не основное (Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов. СПб., 1881. Т. I. С. 103, 329—330; 1883. Т. III. С. 101—102).

нием. В феврале 1825 г. он пишет П.А. Вяземскому: «Покамест я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да п е с н и» (т. VIII, с. 92). О слушании песен в Михайловском свидетельствует и стихотворение «Зимний вечер» (Пушкин, Буря мглою небо кроет, 1825, т. II, с. 24). Обращаясь к доброй подруге своей бедной юности няне Арине Родионовне, поэт говорит:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой по утру шла.

Первая из упомянутых здесь песен — старинная народная: «За морем синичка не пышно жила». Она известна во многих печатных текстах начиная с 1769 г.[107]. П.В. Шейн недоумевал, почему у Пушкина стоит слово *тихо*, которого нет в текстах данной песни[108]. Но Пушкин не цитировал начало песни, первой и второй, а только указал на это начало в своей стихотворной передаче, вследствие чего и во второй песне у него оказалось слово *по утру*, которого тоже нет в вариантах этой песни. Вторая — относительно новая плясовая песня, более распространенная среди дворовых и мещан, чем среди крестьян. Старейший ее вариант дает «Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник» (СПб., 1808, № 324, с. 406,):

По улице мостовой,
По широкой столбовой, (2)
Шла девушка за водой,
За холодной ключевой, (2)

[107] Курганов Н. Российская универсальная грамматика или всеобщее письмословие. СПб., 1769. С. 305. Другие варианты у А.И. Соболевского, т. III, № 291—296.

[108] Журнал «Ежемесячные сочинения», 1900, июнь, с. 107.

За ней парень молодой
Кричит: «Девица, постой», (2) и т.д.
(см. варианты у Соболевского, IV, № 740—743).

Первая песня поется важным, торжественным голосом («голос огромный», по указанию старых песенников), вторая имеет веселый затейливый напев, с резкими переходами тонов и изменениями темпа, интонаций и ударений. Если няня Пушкина могла хорошо исполнять подобные разнообразные по напеву песни, то, очевидно, она была искусная певица, до старости владела голосом и знала не только старый, но и новейший песенный репертуар.

V. Без сомнения, наблюдения Пушкина захватили очень широкий и разнообразный круг носителей русской песни, и ему приходилось слышать в деревне также песни не народные. Старая русская песня на глазах поэта начинала уже упадать. У дворовых и сельских грамотеев его времени обнаруживался вкус к новой литературной песне, которая в городах давно перемешалась с народной и частью вытеснила ее. И в деревенской глуши зарождалась новая рифмованная песня, незатейливая, близкая к жизни и литературно довольно невыработанная. Это явление поэт с добродушным юмором зарисовал в «Истории села Горюхина», обыватели которого во времена благоденствия воспевали «песни Архипа Лысого» (т. V, с. 160), а во времена притеснений забывали об этих песнях (т. V, с. 168). В конце «Истории...» приводится одна из этих песен, которую Пушкин называет «сатирическим стихотворением»:

Ко боярскому двору Аким староста идет,
Бирки в пазухе несет... и т.д. (т. V, с. 168).

Любопытно указание Пушкина на происхождение этой новой народной поэзии, образец которой он дал в песне Архипа Лысого: «Сии песни заимствованы большею частью из русских, сочиненных солдатами-писателями и боярскими слугами, но

приноровленных очень искусно к нравам горюхинским и к различным обстоятельствам» (т. V, с. 168).

Одну из таких песен, солдатскую, Пушкин привел в «Капитанской дочке» в качестве эпиграфа к главе III:

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем... и т.д. (т. V, с. 363).

VI. И в дворянской среде пение песен было в те времена, несомненно, живым бытовым явлением. Но народная песня там была, разумеется, на заднем плане. Даже более отсталое от дворян мещанство уже покидало эти песни. Это хорошо видно по данным «Домика в Коломне», 1830 г. Героиня его, Параша, в своих вкусах отражает положение русской песни в ее социальном круге и возрасте, в 20—30-х годах прошлого века. Мещаночка Коломны

Играть умела также на гитаре,
И пела: «Стонет сизый голубок»,
И «Выду ль я», и то, что уж постаре.
Все, что у печки в зимний вечерок,
Иль скучной осенью, при самоваре,
Или весною, обходя лесок,
Поет уныло русская девица,
Как музы наши, грустная певица (т. III, с. 460).

Мещанский круг, знавший песню по старому преданию и по старым источникам, во времена Пушкина держался еще искусственных песен конца XVIII в. «Стонет сизый голубочек» И.И. Дмитриева (1792), «Выду ль я на реченьку» Ю.А. Нелединского-Мелецкого (1796) — чрезвычайно популярные песни, державшиеся в народном обращении более столетия. Для верхнего образованного класса общества они тогда были уже устарелыми.

Песня, как обычное и живое явление помещичьего быта времен Пушкина или, точнее, провинциального общества, в кото-

ром он иногда обращался, одушевляет чудную картину, нарисованную в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?» (1829 г., т. II, с. 106):

Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль в возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом...

Вряд ли, однако, эти девицы пели народные песни. Более культурное сельское дворянство времен Пушкина знало музыку и пение как предмет серьезного изучения. У героини «Метели», Марьи Гавриловны были «ноты», писанные для нее ее Владимиром (т. V, с. 86). Героиня «Дубровского» учится французской музыке и пению (т. V, с. 283). В письме к А.Н. Вульф от 21 июля 1825 г. Пушкин сообщает: «Tout Trigorsky chante: Не мила ей прелесть ночи...» (т. VIII, с. 116).

Не мила ей прелесть ночи,
Не манит сребристый ток... —

стихи из «Венецианской ночи» И.И. Козлова («Ночь весенняя дышала...»).

Новейшую художественную песню, чужую и свою, Пушкин знал и в превосходном исполнении даровитых и хорошо выученных певиц-красавиц, как А.П. Керн, слышал и с чудной музыкой Глинки и других, слыхал и в песни неумелых и бездарных любительниц, о которых писал в 1827 г.: «Примечайте,

как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму» (т. VI, с. 16). Знал Пушкин и модные песни литературного происхождения, со скудным содержанием, легким складом и приятным напевом. Он вспомнил о них в прекрасном сравнении:

За то зимы порой холодной
Езда приятна и легка:
Как стих без мысли в песне модной,
Дорога зимняя гладка.
(«Евгений Онегин», гл. VII, строфа XXXV).

VII. Из поэтов-современников, литературно и лично близких к Пушкину, трудно указать такое лицо, которое не было бы автором более или менее известных русских песен. Кроме поэтов-лицеистов, о которых мы уже упоминали, наиболее крупные и ценные вклады в сокровищницу русской песни внесли Карамзин, Жуковский, Батюшков, которых Пушкин особенно почитал и изучал. В подробности эти отношения к творцам текста и музыки русской песни мы предлагаем рассмотреть в другое время и в другом месте. Точно так же в настоящем небольшом очерке мы не касаемся особого сложного вопроса о записывании Пушкиным песен от певцов из народа.

ЯЗЫК И СТИЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ Е.А. БАРАТЫНСКОГО[109]

Вступление

Для исследователя истории и теории литературы не представляется сомнений в необходимости изучать наряду с авторами, имеющими большое литературное значение, авторов второстепенных, в наше время полузабытых. Литературоведение рассматривает содержание памятников слова и процесс их развития во всей совокупности существующих материалов и стремится дать полную, всестороннюю и правильную характеристику и оценку всех явлений, охватывающих предмет его изучения.

Историку языка могут задать вопрос: необходимо ли и важно ли изучать язык писателей, не являвшихся ведущими в свое время и мало интересующими общество нашего времени? Этот вопрос, конечно, следует решать прежде всего со стороны данных и положений языковедения. Оно также требует изучения языка различных исторических эпох во всем его содержании и с полным изложением многостороннего процесса его развития. Это содержание чрезвычайно богато, и процесс развития крайне сложен, так что обе стороны языка: содержание, в которое включаются и неотделимые от него формы живой и письменной речи, и изменение словесного материала во времени — не отражаются вполне текстами одних только знаменитых писателей. Поэтому, ограничивая круг своего исследования небольшим числом писателей-классиков, историк языка не может дать полного представления о литературном языке их времени. Например, исчерпывающий словарь текстов Пушкина, самая полная

[109] Все ссылки на тексты произведений Е.А. Баратынского даются в этой работе по изданию «Библиотеки поэта» (Большая серия): Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений / ред., коммент., биогр. ст. Е. Куприяновой и И. Медведевой. М., 1936. Т. 1, 2. (Прим. сост.)

грамматика и стилистика, на них основанная, не изобразят нам языка эпохи Пушкина. Без сопоставления с текстами современников, а также и предшественников нашего поэта мы в некоторых случаях даже не сумеем понять факты языка Пушкина и дать им верное историческое освещение.

Язык эпохи Пушкина мы будем знать только тогда, когда изучим язык современных ему поэтов и прозаиков. Вот почему, между прочим, мы должны признать необходимым и важным изучение языка Е.А. Баратынского. Его смерть в Неаполе, 29 июня (11 июля) 1844 г., и признательное воспоминание о его литературной деятельности по случаю столетия со дня его неожиданной и ранней кончины — не единственное основание для того, чтобы обратить внимание на изящный и оригинальный язык этого автора 1820—1840-х годов прошлого века. Мы в отношении нашего языка еще не потеряли интереса к эпохе Баратынского, частично даже живых связей с нею, и поэт был прав, когда с большой скромностью и великой проницательностью так говорил в «Северных цветах» в 1829 г. о себе и своих видах на будущее:

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах: как знать? душа моя,
Окажется душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я (163)[110].

Е.А. Баратынский — поэт пушкинской эпохи

У Баратынского мы нередко находим те же своеобразные слова, формы и значения, которые отличают язык Пушкина, на-

[110] Число в скобках означает здесь и дальше страницу I тома; во II томе указываются и том и страница.

пример: *диравый, други, тысячью, содроглась, вается, страждем, покорствуя, стогны*, *безумство, похмелье* в значении: опьянение. Метафоры Баратынского *вечер года, сыны любимые надежды* соответствуют метафорам Пушкина *утро года, сыны любимые победы*.

Вообще в формах слов, в своеобразной лексике и семантике, в поэтических выражениях, в ударении мы нередко встречаем факты языка совпадающие: Баратынский как бы повторяет Пушкина. Однако такое совпадение было бы неосторожно объяснять как прямое заимствование со стороны Баратынского. Оба поэта черпали средства выражения из одного источника — языка своей эпохи, а также литературно ей предшествующей; отсюда произошло и сходство. Приведу несколько примеров из стихотворений Баратынского с чертами языка Пушкина:

Поверхность шаткого стола...
В большие праздники была
Прикрыта скатертью *диравой* (II, 167).

Пируйте, *други...* (II, 29).

Пылает *тысячью* огней Обширный зал (II, 30).

Содроглась ветреная младость (231).

Седая мгла *вается* вкруг холмов (II, 136).

От лишних прихотей своих
Почти всегда мы *страждем,* други! (II, 164).

Печаль бесплодную рассудком усмири,
Как я, безропотно *покорствуя* судьбине (II, 117).

Стояла ночь уже давно.
Градские *стогны* опустели (II, 219).

Или, созрев умом своим,
Уже теперь постигла им
Она *безумство* увлеченья? (II, 221).

Когда для шумного похмелья
Вы соберетесь в праздный час,
Приду я с вами Вакха славить... (32).

И между тем сынам веселья
В стекло простое бог *похмелья*
Лил через край, друзья мои,
Свое любимое Аи (II, 27).

И вот сентябрь!
И *вечер года* к нам
Подходит... (II, 137).

Мы соберемся! — но не те,
По легковерной простоте
Сыны любимые надежды,
Которым в полной красоте...
Являлась жизнь (II, 170).

Подобные стихи объясняют и оправдывают нам Пушкина как представителя состояния и развития языка своего времени, и от первоначального понятия о языке Пушкина мы переходим частично к знанию и пониманию языка его литературно-исторической эпохи. Например, слово *похмелье* в значении «опьянение», которое многие из нас знают в таком употреблении только у Пушкина и поэтому склонны приписать ему лично, оказывается не только пушкинским, но встречается также у Баратынского.

Если бы мы поставили вопрос о прямых заимствованиях Баратынского у Пушкина, то нам пришлось бы взять на себя нелегкий труд доказать в каждом отдельном случае, что текст

Пушкина с данным словоупотреблением явился раньше, чем текст Баратынского. Впрочем, и такое доказательство не давало бы окончательного решения вопроса. Надо было бы еще знать, что интересующих нас при сравнении форм или слов с их значениями совсем не было до Пушкина — Баратынского. Иначе могло произойти совершенно независимое использование старых фактов поэтического языка и Пушкиным, и Баратынским у одного из предшествующих авторов, например у Державина, Батюшкова, Жуковского. Наконец, сходство может возникнуть вследствие истолкования тем и другим поэтом одинаковых галлицизмов, германизмов.

Язык всякого писателя есть прежде всего язык его эпохи. Мы встречаем, например, у Баратынского стихи:

Прощай, спешу я в *клоб* к обеду (II, 42).

Сегодня бал у *князь-Петра* (там же).

Это не дает никаких оснований предполагать, что Баратынский заимствовал данные употребления слов у Грибоедова, который употребляет в «Горе от ума» и форму *клоб,* и склонение без изменения слова *князь* при имени *Петр.* О заимствовании здесь не может быть речи потому, что так вообще говорили тогда «светские люди». Это мы ясно видим из литературных текстов того времени.

Само собою разумеется, что вопрос о заимствованиях одним автором у другого не устраняется совершенно, но он должен быть поставлен в условия точных наблюдений и доказательств. Например, при учете хронологических данных можно утверждать, что стих Пушкина из «Руслана и Людмилы» о чашах с вином: *Они веселье в сердце лили* — повторен Баратынским в подобном контексте: *Они веселье в сердце льют* (II, 166).

Сравнение ударений в стихах Баратынского и Пушкина мы даем далее (см. «Ударение»).

Критика текста

Орфография

Научное исследование языка какого-либо писателя немыслимо при пользовании неудовлетворительным, прежде всего неточным, текстом данного писателя. Тексты, изданные при жизни автора, наиболее обеспечены в этом отношении. Позднейшие, вышедшие после смерти литературных деятелей издания их сочинений в большинстве случаев страдают от подновлений орфографии, пунктуации, а часто и языка автора слишком смелыми и неосторожными редакторами и корректорами. Такие «поправки», которые часто являются прямым искажением первоначального текста, отнимают у него значение исторического документа, по которому можно изучать язык автора и его эпохи. Когда-то, довольно давно, я изучал «академическое издание» сочинений Баратынского (ред. М. Гофмана), сравнивал его с текстами, вышедшими при жизни автора, и знаю, что в нем допускались неуместные «исправления» текста некоторых сочинений Баратынского. В настоящее время, изучая стихотворения Баратынского в издании 1936 г. («Библиотека поэта»), я попытаюсь только указать недоумения, которые у меня возникают и могут явиться у всякого исследователя текста, знакомого с языком и орфографией эпохи Баратынского, с одной стороны; с другой стороны, некоторые несогласия и недочеты издания можно указать и внутри текста 1936 г., не прибегая ни к какому сравнению его с предшествующими. Буду указывать смущающие меня факты сначала в отношении правописания, пунктуации, а частично также касающиеся языка, в том порядке, в каком они находятся в издании «Библиотека поэта»: «Что в дружбе *ветренной,* в любви *однообразной?..*» (116); «Надежды *ветренной* полна...» (II, 48). Рядом: «*ветреных* гостей» (II, 44), «доверясь *ветреной* надежде» (II, 55). «Дарует между нас и славу и позор Торговой логики *смышленный* приговор» (108). Правописания прилагательных *ветреный, смышленый* с удвоенным *н* совсем не было во времена Баратынского. Наши словари, начиная с Академиче-

ского 1847 г. и кончая Толковым словарем 1935—1940 гг. (ред. Д.Н. Ушакова), такой орфографии не показывают. Она проводится только некоторыми новейшими не совсем грамотными орфографическими справочниками и идет из той малокультурной среды, которая говорит: *юнный, румянный.* По-видимому, в приведенных цитатах мы имеем текст очень недавно исправленный.

Не сомневаюсь, что орфографические формы *скрыжали* (224, 316), *скрыпящих* (230), с твердостью *р*, передают правописание Баратынского.

«Все *дышит* радостью» (279). Правописание слова *дышать* по 2-му спряжению возникло только с начала 80-х годов прошлого века (плохая услуга Я.К. Грота).

У Баратынского его не могло быть. Ср. форму *дышет* в рифме *пишет* (86).

«Наперснице души твоей Дай *диадиму* и порфиру» (131); «Ты сам себя... *Ипитимьей* затейливой казнишь» (180). Здесь имеем дело не с орфографией, а с особым чтением греческих слов. Формы с *и* более архаичны. Ср. старые *ирой, ироический, Омир* и позднейшие и современные *герой, героический, Гомер.* У нашего автора иногда по-старому: *Омира — мира* (97, 201).

«И вяну я: лучи дневные Вседневно *тягче* для очей» (26); «И чадам роскоши, обремененным скукой, Довольство бедности *тягчайшей* было мукой» (118). Здесь мы имеем дело с замечательным явлением живого языка, которое принял уже Баратынский, засвидетельствовал в своих текстах и дал вновь созданным словам орфографическое оформление. В самом деле, мы имеем прилагательное *тяжкий,* но не можем образовать от него ни сравнительной, ни превосходной степени. Живое литературное употребление более ста двадцати лет тому назад (оба стихотворения Баратынского, из которых взяты данные формы, опубликованы в 1823 г.) создало нужные степени сравнения, воспользовавшись основой слов *тягость, тягота.* Форма сравнительной степени *тягче* найдена нами пока только у Баратынского; форма превосходной степени *тягчайший* уже внесена в Толковый словарь (ред. Д.Н. Ушакова). Вот какие любопытные

показания дает нам изучение языка авторов старых эпох даже в тех случаях, когда этих авторов мы уже почти забыли и считаем более или менее нам ненужными.

В сочинениях Кантемира, по изданию 1867 г., мы находим не употребляемую теперь превосходную степень данного слова в форме *тяжчайшей,* с основой *тяж-:*

> Обильны чаши кого не чинят
> речистым?
> Кого не избавили скудости
> *тяжчайшей*? (I, 424; «Письма Квинта Горация Флакка», письмо V).

В «Русской грамматике» Ал. Востокова данные степени сравнения даны в формах *тягчае* и *тягчайший* (изд. 1856 г., с. 45).

> Сошел я в дол заветный...
> Приют хозяйственный в нем *улья*
> обрели (142).

Откуда эта странная форма *улья,* на *-я*? Все слова данного типа дают именительный падеж множественного числа на *-и: ручей — ручьи, чирей — чирьи* и т.п. Кого же винить в неуменье склонять подобные слова? Баратынского или его издателей?

«Ты был *вожатый* мой в столице нашей древней» (250). Во времена Баратынского была принята форма *вожатай* в виде существительного, подобно слову *ходатай*; теперь мы употребляем: *пионер-вожатый.* Нет ли здесь смешения очень старого с очень новым? Ср. «*Глашатаи* чудес и славы древних лет» (274); «И вырывается у Леды И *детства* крик и неги стон» (292). Мифическая Леда была не ребенок, а ее поклонник, легендарный лебедь Зевес, не нападал на детей. Очевидно, у Баратынского было другое слово.

Во втором томе находим тоже некоторые орфографические недоразумения, например: вместо *сыплют — сыплят* (64), «бой *неровный*» вместо *неравный* (69), «из глубины *сердечные*» вместо *сердечныя* (139). Если первые ошибки и можно оправдать орфографической неисправностью старого текста, то последняя, видимо, принадлежит изданию 1936 г.

Прописные буквы в этом издании ставятся то по старому правописанию: *Пиит, Аквилон,* то по новому: *пиит, аквилон*. Это прямо орфографическая неурядица. Не говорю о досадных опечатках: *ущелин* вместо *ущелий* (II, 16), *страна* вместо *странна* (II, 83).

О других случаях искаженной орфографии текста 1936 г. я говорю дальше попутно, при разных замечательных формах языка в стихотворениях Баратынского.

Пунктуация

Комментатор издания 1936 г. Д. Мирский, касаясь вопроса о темных частях в текстах Баратынского, отмечает, «что даже такой квалифицированный читатель, как Брюсов, не мог добраться до настоящего смысла некоторых мест, а гораздо менее квалифицированного Модеста Гофмана это приводило к целому ряду ошибок в пунктуации таких непонятных мест» (т. I, с. XXX).

Увы! Пунктуация текста в издании 1936 г. также нередко оказывается неудовлетворительной в отношении правильности применения знаков препинания. Она является или недостаточной, или перегруженной знаками, или, наконец, текст прямо искажается вследствие то произвольного, то неверного его понимания, как это очевидно из его пунктуации. Несомненно, что если Модест Гофман устанавливал собственную пунктуацию в редактированных им текстах Баратынского, и устанавливал неудовлетворительно, то он шел по ложному пути, и подражать ему никто не должен. Редактор не есть неограниченный хозяин чужого литературного текста. С точки зрения научных и лите-

ратурных требований он должен только открывать лицо автора, а не подменять его своим собственным. Кто же, в самом деле, может дать лучшее пунктуационное истолкование текста, как не сам его создатель? И если мы не всегда понимаем текст Баратынского, значит ли это, что он и сам не понимал его?

Затем, есть разница между литературным языком нашего времени и литературным языком и его оформлением у Баратынского и у его эпохи.

Редакция текста стихотворений Баратынского 1936 г. указывает, что в стихотворении «Осень» (229) «Модест Гофман превзошел себя в непонимании и перевирании текста посредством бессмысленной пунктуации». Она также заявляет, что «синтаксическое строение длинного периода, заключающего стихи 111—140 (точнее, строфы 11—13), настолько затемнено, что ни в одном издании оно не пунктировано правильно» (Вступительная статья. с. XXX, сноска). Но почему же было не довериться авторской пунктуации? То, что дает редакция 1936 г., отнюдь не является превосходным разрешением вопроса. Чего стоит уже один случай: «Ум, бесполезный сердца трепет угомонит» (232), где стоит совершенно недопустимая запятая, отделяющая подлежащее от сказуемого! Я понял бы такую запятую, если бы она имела место в тексте самого поэта, потому что в его времена допускались знаки препинания не только синтаксические, но и фонетические и даже смысловые. Строение сложного предложения после слова *ум* требует паузы, которую можно было показать з а п я т о ю, но как понять эту запятую в издании нашего времени, которое имеет претензию считать себя современным и совершеннейшим из всех бывших до этого времени изданий?

Данный случай далеко не единственный в строфах 11-й и 12-й стихотворения «Осень», где видим и непонятные для читателей нашего времени фонетические запятые, и отсутствие необходимых синтаксических запятых. Текст данного стихотворения действительно перегружен синтаксически зависящими

членами предложения, так что вся строфа 12-я не имеет управляющего ею слова, которое мы находим только в строфе 13-й, в предложении «ты ниц падешь», но здесь не поможет никакая пунктуация (кроме авторской!) и очень мало вносит ясности в текст пунктуации 1936 г.

Редакция издания 1936 г. как будто бы проявляет достаточную осторожность в установлении пунктуации текста. Эта пунктуация «по возможности воспроизводит пунктуацию изданий, вышедших при жизни Баратынского. Отступления от системы этой пунктуации объясняются главным образом изменением значения знаков препинания со времени Баратынского. Другой причиной отступления является недостаточная и непоследовательная расстановка знаков препинания у самого Баратынского. Поэтому нет уверенности, что пунктуация изданий не принадлежит корректорам и соответствует намерениям автора» (I, 340).

При таких разнообразных и широких оговорках у читателя не остается почти никакой надежды, что в данном издании пунктуация более или менее отражает систему знаков препинания, которой следовал автор и которой держались тексты его стихотворений, напечатанные при его жизни. Понимание их, без сомнения, было обеспечено достаточно правильной и выразительной системой знаков препинания того времени.

Истолковывая текст Баратынского по современному пониманию и снабжая его знаками препинания нашего времени, мы сбиваемся с исторического пути изучения, основного и единственно правильного. Тексты старых авторов нужно уметь читать и понимать в условиях их создания, а не перекраивать, меряя на свой аршин. Конечно, изменения авторской пунктуации — самый неуловимый для критиков вид редакторских исправлений, и потому при редактировании старых текстов нужно быть особенно деликатным в этом пункте, тем более что здесь возможны уклонения весьма опасные по своим последствиям. Обращусь к примерам:

Между тем от прихоти судьбины,
Меж тем от медленной отравы
бытия,
В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе
со гневом их.
Она отраднее гордыне человека! (I, 17).

Здесь непонятна запятая в конце 2-й строчки. Пятая строчка с точкою после слова *их* изолируется от соседних, но она при такой пунктуации не имеет ни синтаксической, ни смысловой самостоятельности. Если так было в первопечатном тексте, то его следовало выверить по автографам и современным изданиям, вышедшим при жизни поэта. Если эта пунктуация принадлежит редакторам, то они оказали поистине медвежью услугу тексту Баратынского.

Огонь любви, огонь живительный!
Все говорят: но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им! (I, 90).

Здесь пунктуация 1-й и 2-й строчки совершенно не соответствует смыслу текста. Если бы мы продиктовали данные стихи хорошо грамотному студенту, он, конечно, написал бы:

Огонь любви — огонь живительный!
Все говорят. Но что мы зрим? и т.д.

Совершенно ясно, что 1-я строчка представляет вносное предложение при включающем его главном: *Все говорят.* Это последнее совсем не имеет при себе авторских слов *но что мы зрим*, которые объединены с ним нелепым двоеточием. В 1-й строчке первые два слова: *огонь любви*, очевидно, логи-

ческое подлежащее, конец: *огонь живительный* — логическое сказуемое; их естественно соединить посредством тире. Опять, кому принадлежит в тексте 1936 г. эта наивная и неуклюжая постановка запятой в 1-й строчке и двоеточия во 2-й?

У Баратынского запятая в 1-й строчке еще могла быть, так как запятыми в те времена означались ясные паузы речи. Предложение, включающее вносное, по тогдашней пунктуации, как это мы знаем в текстах эпохи Карамзина и как видим в настоящем издании на с. 8, должно было заключаться в скобки:

> Светильник мой укажет путь ко счастью!
> (Вещала) захочу...

Не эта ли старая пунктуация, при неумелой перестройке на современную, так исказила текст Баратынского?

> О прорицанье роковое
> Твой страшный голос помню я (I, 26).

Странно, что в 1-й строчке нет никакого знака препинания!

Примеров подобной неудачной пунктуации в текстах стихотворений Баратынского издания 1936 г. я мог бы привести немало.

В общем редакторы-издатели 1936 г. не оценили достоинств орфографии и пунктуации первопечатных текстов стихотворений Баратынского, а *в* своих исправлениях показали довольно слабое знание той специальности, которая в этих случаях безусловно необходима.

Грамматические особенности языка Е.А. Баратынского

Фонетика и произношение

Фонетические явления и особенности произношения в наших текстах отражены недостаточно широко. И в большинстве случаев неярко. В этом случае приходится опираться на автор-

ское правописание, с одной стороны; но мы не имеем оснований надеяться, что оно точно передается в издании 1936 г., слишком позднем. С другой стороны, указания на произношение поэта, как всегда, мы находим в рифмах его стихов, но Баратынский был очень строг в своих рифмах и редко уклонялся от орфографической формы слов.

Однако мы ясно видим, по рифмам Баратынского, тамбовского помещика по происхождению.

Его обнаруживает южный, акающий говор, в котором не отличаются орфографические гласные *о* и *ы, а* и *ы, е* и *я*: «святынею *могильной* череп *пыльной*», т.е. *пыльный* (10), «кровлею *родимой*» — «край *любимой*», т.е. *любимый* (13), «товарищ *любимый*» — «судьбы *непримиримой*» (19), «источник *мутной*», т.е. *мутный* — «в роще *бесприютной*» (26), «улыбкою *коварной*» — «ты, *неблагодарной*», т.е. *неблагодарный* (29), *приметы — леты,* т.е. *лета* (38), *София — другие* (98) и т.п.

Другая ясно выраженная в рифмах черта южного произношения Баратынского — длительное *г*, близкое к *х*: *миг — других* (158), *других— миг* (275), *благ — отцах* (166) и т.п. Здесь звуковая сторона произношения вполне выражена. В ряде других случаев она устанавливается путем анализа и сопоставления данных языка: *убог — бог* (88), *ног — бог* (155), *мог — бог* (235), *бог — мог* (282). То, что может здесь показаться с точки зрения нашего произношения только графической рифмой, в действительности является рифмой чисто звуковой, так как на основе живой южной речи Баратынский произносил в конце всех данных слов звук *х: бох, мох, нох, убох* и т.д. Такими же звуковыми рифмами являлись для него и следующие, в которых звук *г* в слогах *ги, га* произносился им одинаково **с** южным длительным (фрикативным) *г*: *боги — чертоги* (12), *боги — полдороги* (81), *боги — строги* (112), *боги — убоги* (117), *тревога—бога* (248), *полубоги — тревоги* (252).

В немногих случаях мы находим в рифмах Баратынского указания на литературное (московское) произношение окончаний слов, звуковых и морфологических: *душно — скучно*, т.е. *скушно* (II, 66), *слова — болънова*, орфографически —

больного (21), *плачут — дурачут*, орфографически — *дурачат* (24).

Из мелких явлений в области старого литературного произношения, показанных текстами Баратынского, я могу привести только два случая: *бутошников* (II, 195; переход звонкого в глухой в положении между гласными), *напрасной — страстной* (261; немое *т* во втором слове).

Книжное слово *бытие́* Баратынский произносил с *ё,* на русский лад: *бытиё*; это мы видим по рифмам: *бытие — моё* (115), *моё — бытие* (163), *своё — бытие* (166).

Как старые поэты предшествующего и своего времени, Баратынский допускал несозвучные рифмы на *е* (старое *ѣ*) и на *ё: воссев — рев* (13), *рев — гнев* (16), *оледенев — рев* (69), *деву — клеву* вместо *клюву* (292), *ожесточенный — низменной* (264), также допуская такие рифмы в чисто книжных причастиях на *-енный* и обрусевших на *-ённый*: *вдохновенный — униженный* (155), *уязвленный — покровенный* (250). В некоторых случаях имеем в рифмах слова на *е* и *ѣ,* которые произносятся с *е*: *рек — навек* (8), *ярем — нем* (274—275).

Во многих случаях рифмы Баратынского показывают живое произношение окончаний сравнительной степени на *-ей* вместо *-ее*, с *и* неслоговым: *скорей — твоей* (131), *своенравней — давней*, прилаг. (165), *преисподней*, сущ. — *благородней* (216), *верней — бедней* (264), *бедней — речей* (281) и т.п.

Заимствованные слова в стихах Баратынского в звуковом отношении иногда оформляются по народному произношению: *паясы* (II, 186), иногда по старому книжному: *брахманов*, т.е. браманов (II, 191).

Колебания по числу слогов

В русском языке довольно много слов и форм, имеющих колебания по числу гласных звуков и количеству слогов: *ездит*[111] *— иезуит, Ерусалим — Иерусалим, терпение — терпе-*

[111] Здесь, видимо, пропущены два слова. — *Прим. сост.*

нье, счастие — счастье, промысел — промысл, домысел — домысл, водою — водой, сестрою — сестрой, честию — честью, жизнию — жизнью, пóл-ночи — полу́ночи, пóлгода — полугóда, восемью — восьмью, нейдет — нейдет, исподоволь — исподволь и т.п. Как правило, более полные формы отличают книжную речь, более короткие свойственны нашему разговорному языку, однако эти различия во многих случаях слабо ощущаются и мало учитываются в нашем практическом употреблении языка. Для поэтов эти вариантные формы чрезвычайно важны, так как дают широкие возможности к построению стихов в нужных им размерах. Именно постоянное пользование такими парами слов в поэзии и создало для них особую устойчивость в литературном языке, в котором вообще книжная стихия постепенно отступает на задний план под напором живого языка. Баратынский часто пользуется формами данных параллельных рядов и в тех случаях, когда они не близки живой русской речи. Впрочем, он, во-первых, дает им правильное стилистическое значение, во-вторых, в данном отношении ничем не отличается от лучших поэтов своей эпохи, а частью и последующей. Укажу некоторый фактический материал, относящийся к данному вопросу: *ко счастью* (8), *отческих* (14), *ветр* (60) и *ветер* (61), *подел* (*подл!*) (180) (неправильно), *жавронок* (102, 223), *ладия* (199), *таин* (вместо *тайн*) (215), *революцьонных* (251), *событьями* (251), *полн — волн* (203), *ко смертному одру* (276), *ото света* (316) и *от слез* (II, 218) и т.п.

Ударение

В ударении слов и форм стихотворения Баратынского обнаруживают некоторые колебания и особенности, отличающие язык его времени.

Укажу прежде всего особые ударения слов: *ледя́ного* (5), *обетова́нного* (6), *о́тзывом* (7), *о́тзыв* (136), *или́* (8, 42), *призывный* (5), *жа́ждал* (17, II, 204), *сча́стлив* (21, 41, 131, 176),

сча́стлива (128), *презрела* (34), *счастли́вый* (43, 87), *ла́вровый* (68), *осоко́й* (76), *издали́ — земли́* (81), *филосо́фа* (89), *филосо́ф* (108, 141), *русла́ — возросла* (128), *почтовы́е — роковые* (133), *суровой — почто́вой* (200), *ле́пты незаконний* (136), *гробо́вый* (138, 144), *гробовы́м — живым* (172, 235), *Рафа́эль* (146), *ледяно́й — корой* (178), *звезды — нужды́* (180), *симво́л — нашел* (184, 248), *догово́ра — опора* (186), *догово́ра — надзо́ра* (250), *прозою почто́вой* (200), *старой — ка́рой* (217), *призра́к* (222), *че́стный мир* (почтенные люди) (231), вместо *честно́й, отзы́ва* (233, 175, 235), *поры́вом — отзы́вом* (236), *ну́жды нет* (249), *кое-что* (250), *менто́ра* (250), *честны́е люди* (270), *что нужды́* (280), *торговцо́м — глупцом* (287), *представь лицо честно́го человека* (297), *дура — кану́ра* (306), *уподобли́* (311), *тра́пезой* (II, 28), *волше́бством* (II, 33), *жемчу́г* (II, 43), *дне́вного* (53), *продолжи́те* (II, 73), *вздрогну́ла* (II, 86, 208), *холо́дности* (II, 87), *звезд — пое́зд* (II, 100), *волше́бство* (II, 106), *призна́ков* (II, 139), *ро́скошный* (II, 169), *де́вица* (II, 149, 161, 162), *деви́це* (II, 187, 191).

Если не иметь в виду немногих и незначительных отклонений, то вполне можно утверждать, что система ударений у Баратынского почти вполне совпадает с системой ударений Пушкина, так что к большей части акцентных форм Баратынского мы можем подыскать примеры у Пушкина и обратно. Приведу несколько более показательных сравнений.

«И шумной пеной орошал *Ледя́ный* свод» (Пушкин, Обвал, 1829), «Граниты финские, граниты вековые, Земли *ледя́ного* венца Богатыри сторожевые» («Финляндия», 1820).

Там, где море вечно плещет
На пустынные *скалы́*...

(Пушкин, Талисман, 1827).

Вы ль, на *скалы́* ее вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках...?

(Баратынский, Финляндия, 1820).

«*Или́* уже они увяли, Как сей неведомый цветок?» (Пушкин, Цветок, 1828). «*Ил́и* во век его не обрету я В пустыне бытия?» (Баратыский, Истина, 1824).

«Поэт, придворный *филосо́ф*, Вельможе знатному с поклоном Подносит оду в двести строф» (Пушкин, кн. А.М. Горчакову, 1814). «Всех чередом поглотит Лета: И *филосо́фа* болтуна, и длинноусого корнета...» (Баратынский, Добрый совет, 1821).

Такой нам *положен* предел,
Его ж никто не преступает
(Пушкин, Сцена из Фауста, 1825).

Бродячий ветер неволен, и закон
Его летучему дыханью *положен*
(Баратынский, К чему невольнику мечтания свободы? До 1833 г.).

На долгих иль на *почтовы́й*
Тянитесь из застав градских
(Пушкин, Евгений Онегин, гл. 3, XXVI).

Нас быстро годы *почтовы́м*
С корчмы довозят до корчмы
(Баратынский, Дорога жизни, 1826).

Гробо́вый мастер взоры клонит
(Пушкин, На выздоровление Лукулла, 1835).

Гробо́вый остов ей [смерти] даруя,
Не ополчу ее косой
(Баратынский, Смерть, 1829).

Богатыря *призра́к* огромный
Пугал пустынных рыбаков
(Пушкин, Руслан и Людмила, II).

Ощупай возмущенный мрак:
Исчезнет, с пустотой сольется
Тебя пугающий *призра́к*
(Баратынский, Толпе тревожный день приветен, 1839).

Тебе же нет *отзы́ва* (Пушкин, Эхо, 1831).

И в звучных, глубоких *отзы́вах,* сполна
Все дольное долу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит
(Баратынский, На смерть Гёте, 1833).

Даже пушкинское ударение *музы́ка* найдем и у Баратынского:

И, мнится, сердцем разумею
Музы́ку важную твою («Водопад», 1826, II, 107).

Впрочем, обычно Баратынский дает новое ударение: *му́зыка* (II, 203 и др.).

Как свободно Баратынский пользовался вариантами ударения, показывает следующий пример:

Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный *о́тзыв* в ней находит,
Но не найдет *отзы́ва* тот глагол,
Что страстное земное перешел («Осень», XIV (I, 233)).

Формы существительных единственного числа имеют в стихотворениях Баратынского немного особенностей в ударении слов: *путем — гошпиталём* (241), *семью́ — свою* (250), *на ба́ле* (II, 44), *моста́* (II, 183). Больше особенностей в формах множественного числа во всех трех родах.

В мужском: *бо́и — герои* (6), *свои — бои́* (290), *года́ — холода́* (66), *непогоды — го́ды* (217), *природы — го́ды* (312), *зимы — холмы́* (178), (146), *холмо́в — дубов* (229), *хо́лмов* (230), *в ка́мнях* (146), *ветра́* (166), *в языка́х* (184), *пе́рсты — полуотверсты* (202), я *из племени духо́в* (209), *римля́н — плебея́н* (274), *о щеголя́х — о бала́х* (286), *к дядя́м* (II, 66) (необычное!), *хо́лмы* (II, 155).

В женском: *ска́лы* (5), *скалы́* (6, 164), *струи́ — мои* (14, 158), *бо́род — го́род* (251), *Москвы — главы́* (II, 25), *людей — связе́й* (II, 31).

В среднем: *ле́та — согрета* (29), *света — ле́та* (257), *ле́та — диэта* (312), *ле́ты — обеты* (36), *ле́ты — банкеты* (171).

Есть некоторые особенности в ударении прилагательных: *пра́ва* (36, II, 116, 204), *пра́ва — слова* (II, 81), *во́лны — по́лны* (291), *вели́ка — владыка* (II, 36), *вня́тней — приятней* (260).

В причастиях: *закон — положе́н* (128), *сны — преданы́* (201), *цветы — приняты́* (291), *долг заплачо́н* (II, 24), *пропуще́н* (II, 43), *окружен — опуще́н* (II, 47). Причастные формы *положе́н, заплаче́н, пропуще́н, опуще́н* взяты Баратынским из народного употребления если не прямо, то из речи дворянских кругов, близких к народу.

В глаголах встречаются особые по ударению формы, которые в то время были довольно распространены, но теперь почти утрачены, например: *измени́т* (112, 218), *обре́ло* (171), *ми́нет* (200), *замени́т* (233), *отерла́* (II, 18), *ре́звится* (II, 128), *и́дут* (II, 69, 187).

Есть вочень редких случаях диалектные формы: *ра́злил* (16) (северное), *переда́л* (II, 205) (южное).

Исторически новая форма *ви́лся — дымился* (167), заменившая старую *вился́*, уже и тогда широко применялась в литературном языке: «Как *взви́лся*, как понес меня...» (Пушкин, Гусар). По грамматике Востокова, глаголы *вить, лить, пить, родить* и их производные при сложении с *-ся* имеют ударение на окончании: *вился́, лился́, напился́, родился́*. Нельзя не заметить, что в отно-

шении этих и подобных глаголов на *-ся* ударяемое грамматика Востокова несколько отстала от поэтического языка, так как еще до ее появления и около времени ее выхода формы с ударением на основе данных и подобных глаголов уже не представлялись редкостью.

«И льву в крестец всем жалом *впи́лся*» (Крылов); «Недолго *ли́лся* мрак ночной» (Тютчев); «Поди: дай бог, чтоб ты с моей руки *разжи́лся*» (Крылов).

Необычные переносы ударения на предлог у Баратынского редки: *да́ поту лица* (96).

Морфологические формы слов

Имена существительные

В формах слов стихотворения Баратынского отличаются особою правильностью и почти всегда представляют язык чрезвычайно близкий к нашему времени.

Как и в наше время, поэт безразлично употребляет разновидности слова *дубрава: забавы — дубравы* (100—101), *дубравы — правы* (275) и *дуброва: дуброва — крова* (158), *дуброва — другова* (189), *дубров* (193) (не в рифме).

Творческая находчивость Баратынского прекрасно выразилась в маленьком стихотворении, озаглавленном: «Девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю». «*Не знаю,* милая! *Не знаю!* Краса пленительна твоя: *Незнаю* я предпочитаю Всем тем, которых знаю я» (73).

В первоначальном тексте (1820 г.) вновь созданное существительное в виде личного имени *Незнаю* имело определение по среднему роду: *милое незнаю.* В исправленной редакции определение поставлено в женском роде, согласно с значением слова, которое при этом, как собственное имя, написано с прописной буквы вместо строчной (II, 119). Это исправление первоначального текста служит доказательством того, как превосходно Баратынский мог решать затрудняющие его вопросы языка и

грамматики. Ясным показателем строгой чистоты литературного языка в стихотворениях Баратынского является крайне редкое употребление им форм родительного падежа мужского рода с окончанием *-у*: *трудится до́ поту лица* (96), *по-пустому — до дому* (II, 51).

Для сравнения следует отметить, что Пушкин очень часто пользуется такими формами — по происхождению народными, просторечными — и в стихах, и в прозе. У Баратынского, можно думать, текст издания 1936 г. несколько исправлен.

Также крайне редки у Баратынского сколько-нибудь необычные формы предложного на *-у*, вроде: *в людском шуму* (216).

Редкостью является и народная форма родительного падежа *дни* от слова *день: два-три дни — они* (II, 35); также народное *Любови*, родительный падеж единственного числа (38).

Чаще встречаем книжные несобирательные формы слова *сын*, обычные для того времени: *сыны* (5), *сынов* (12), *сынам* (243).

При обычной форме множественного числа книжного слова *вежды* встречаем и *вежд и* (272) (*и* из старого *ѣ* в форме двойственного числа). Из особых форм среднего рода можно указать: *Одена — **колена*** винительный падеж множественного числа (103), *своей — **плечей*** (214), в ***забытье*** *— на скамье* (II, 70) и *в невольном **забытьи*** (II, 206).

Слово *рояль* Баратынский употребляет в форме мужского рода: *на рояле — зале* (II, 208), *роялем* (II, 221), по женскому роду: *памятной каскады — преграды* (142).

В склонении существительных укажу еще устарелые формы и слова: *крыла́ми* (16), *леты* (мн. ч.; 37, 38; в рифмах с *обеты, приметы*), *очес* (83; в рифме с *небес*), *амфоров звон* (96; очевидно, от формы муж. р. — *амфор*), *криле́* (дв. ч.; 126), *гроздьем,* собирательная форма (131), *урочищей* (159), *на земли́* (163), *крил* (166), *солдатов* (251), *песней* (род. п. мн. ч. от *песнь*; 276), *други* (мн. ч.; 280).

У Баратынского нередко встречаются в формах множественного числа существительные, которые обычно имеют только

единственное: *упованья* (174), *упоенья* (215), *откровенья* (215), *властей* (носителей власти; 222), *попеченья* (224), *презренья* (231), *легковерий* (род. п., 231; в рифме с *лицемерии*), «*возмездий* край» (232), *честей* (почестей род. п.; 273), *блаженства* (275), «славить ты в *правах*» (312; в рифме с *грехах*), *мраками* (II, 155) и т.п.

Имена прилагательные

Из форм имен прилагательных укажем, во-первых, замечательные по образованию: *двоякой* — ***одинакой*** (одинаковый, просторечное), *венчальной* — ***дальной*** (II, 89—90; твердое окончание, обычное для того времени; по происхождению народное), ***спальной*** (в знач. сущ.) — *печальной* (II, 44).

Как пример свободного употребления слов можно указать относительные прилагательные, взятые в сравнительной степени: «Но я бы *пламеннее* пел» (135).

И твой закат пышней, чем день!
Ты сладострастей, ты телесней
Живых блистательных теней! (207).

Среди форм превосходной степени следует указать слово *сладчайший* с значением сравнительной степени, как это было нередко во времена Баратынского: «Я с детства полюбил *сладчайшие* труды...» (13).

Субстантивированное прилагательное *внутренняя* (в старом книжном значении: душа) находим в следующем тексте:

«Знай, *внутренней* своей во веки ты Не передашь земному звуку И легких чад житейской суеты Не посвятишь в свою науку» (232—233).

Усеченные формы прилагательных, а также и причастий, общепринятые у поэтов того времени, часто встречающиеся и у Пушкина в начале его литературной деятельности, Баратынский

допускал очень редко; в этом случае, как и в некоторых других, наш поэт шел не за веком, а впереди своего времени.

Большею частью Баратынский допускает усеченные прилагательные, а также и причастия в формах множественного числа и редко в единственном числе: «*скорбящи* очи» (6), «сыны *трудолюбивы*» (14), «уста *полуоткрыты*» (46; в рифме с *ланиты*), «младость *шаловливу*» (75; в рифме с *разживу*), «финну *нищу*» (181; в рифме с *пищу*), «очи *зорки*» (181; в рифме с *поговорки*), «*строги* (суровые) дни» (230), «мгновенья *легкокрылы*» (271; в рифме с *милы*), «леса *благовонны*» (317; в рифме с *колонны*).

Надежда, наслажденья
Меня с улыбкою манили в *темну* даль (264).

Чуть *дышуща,* бледна Гусара слушала она (II, 12).

Укажу еще устарелое прилагательное притяжательное: *дружний:* «исчез отбывший *дружний* челн» (281).

В членных именах прилагательных устарелые падежные формы еще более редки: «*гордые* главы не преклонил» (202; вместо *гордыя;* с такой ошибкой в данном издании!), «из глубины *сердечныя*» (231), «пищи *многой*» (105).

Отмечу нечленные прилагательные-причастия:

Под камнем гробовым *незнаем* тлел герой (273).

Незамечаем и *неведом*
За милою бродил он следом... (II, 70).

В числе особых слов, идущих из народной, не книжной речи, у Баратынского следует указать отглагольные прилагательные на -*чий*, собственно старые причастия: «елию *скрипучей*» (7), «непогодою *ревучей*», «молвой *гремучей*» (28), «музою

летучей» (28), «*прыгучих* вод» (142), «роем *летучим*» (пчел, мошек, 157; в рифме с «зерном *падучим*», 157), «огонь *трескучий*» (178), «в час *гнетучий*» (217).

Мы употребляем подобные слова как прилагательные обычно в устойчивых сочетаниях: «*бродячие* племена», «*висячий* замок», «*дремучий* лес», «*колючая* проволока» и т.п. В употреблении Баратынского такие слова гораздо более свободны в своих сочетаниях с существительными и гораздо ближе к настоящим причастиям, так как имеют ясные оттенки глагольности. Это любопытный факт языка его времени и свидетельство большой чуткости поэта к выразительным средствам живой народной речи.

Укажу также: *ярчей* (83; народная форма сравнительной степени).

Глаголы и причастия

В глаголах обратим внимание на видовые образования: «*Рассеивает* грусть пиров веселый шум» (22; в тексте неправильно: *рассеевает;* несовершенный вид); «Вполне *упоевает* Нас только первая любовь» (36; несовершенный вид к *упоить*; старое книжное). Форма глагола *мерит* (*мерит — верит*, 308), не отличая вида, указывает иной тип спряжения: *мерю, меришь* (II спряжение); в I спряжении: *мерять, меряю, меряешь*. Виды ясно различаются префиксами и ударениями: *изме́рить* (совершенный вид), *измеря́ть* (несовершенный вид).

В глаголах повелительного наклонения замечательна старая форма *почий* (172).

В изъявительном наклонении любопытна форма *ластюсь* (209; от *ластиться.* В Академическом словаре 1847 г.: *лащусь,* также у Д.Н. Ушакова. У Баратынского — народное, южное).

Встречаются старые формы: *вистся* (229), *слиял* (II, 34). Ср. далее подобные формы в причастиях и деепричастиях.

Формы будущего времени у Баратынского, по-видимому, иногда имеют значение настоящего:

Я *возвращуся* к вам,
Поля моих отцов...! (13).

Все гибнет, все *падет,* —
И грады, и державы... (274).

Находим также старые формы причастий и деепричастий: «персты *падшие* на струны» (II, 142), «листок *упадший*» (II, 223), *лия* (в рифме с *бытия*; 138), *вияся* (II, 183), даже в усеченной форме: *виющиясь* (II, 203) и *вьющиясь* (80). Формы эти у Баратынского относились к слову *четы* и соответствовали старой орфографии; при переиздании они не переведены на новую, которая требует окончания *-ие: виющиесь* и *вьющиесь.*

Имеем также устарелые формы деепричастий: *не пив, не ев* (II, 214) вместо *не пивши, не евши.*

В глаголах на *-ся* у Баратынского замечательны нередкие формы таких глаголов с полным *-ся* при наших сокращенных на *-съ.* Они понятны прежде всего как средства, облегчающие технику сложения стиха; но, кроме того, они оправдываются старой книжной и живой народной южной речью. Притом данное словоупотребление совсем не является отличительной чертой языка Баратынского: оно вообще допускается поэтами не только его времени, но и позднейшего. Примеры: *пеняся* (16), *поссорилися* (52), *лишитеся* (58), *оправдалися* (92), *дышалося* (105), *оделося* (127), *закралося*(127), *разгневалася* (30), *сердяся* (131), *сбылися* (279), *смеюся* (319) и под.

Народные и разговорные формы глагола отмечу в следующих случаях: *приобресть* (22), *произвесть — приобресть* (96), *подымет* (104), *подыму — обниму* (144), *подымала — занимала* (160), *осажен — нужен* (185).

Особенно отличается стихотворный язык Баратынского нестрогостью в пользовании неправильными деепричастными образованиями на *-я* от глаголов совершенного вида: *у разумея* (226), *моя — утая* (316), *почуя* (II, 4), *оживясь — князь* (II, 42),

оскорбясь (II, 48), *по лелея, по лаская* (II, 258), *остановись* (II, 198).

Впрочем, подобные формы широко применялись в литературном языке того времени, и только теперь круг их для общего пользования значительно ограничен.

Синтаксис

Согласование слов

Из особых случаев, касающихся нарушения согласования слов, следует указать у Баратынского любопытный пример повелительного наклонения с значением долженствования, т.е. обязательно выполняемого действия:

Цыганка
Вам не подруга, а служанка!
Она пляши и распевай,
А сердцу воли не давай (II, 78).

Здесь несогласование необходимо: только оно выявляет данную особенность словосочетания и раскрывает его смысловое содержание. Укажу согласование по смыслу:

Дитя, *взлелеянный* природою пустынной,
Ее одну лишь *зрел* (275).

В отношении употребления падежей привлекает внимание следующий текст Баратынского:

Люблю я вас, богиня пенья!
Но вам чарующий находе
Ей сладкий трепет вдохновенья —
Предтечей жизненных невзгод (244).

По-видимому, форма *предтечей* в данном случае является творительным падежом единственного числа при опущенной связке *есть:* подобная форма сказуемого изредка встречалась в то время; она, например, есть у Пушкина: «Однако же и это горе, как оно ни велико, не есть *крайним* еще для них (поэтов)» («Египетские ночи» (вариант). (Пример взят из «Синтаксиса русского языка» А.А. Шахматова, изд. 2, § 454.) Не знаю, принадлежит ли автору пунктуация текста, но тире у Баратынского, во всяком случае, показывает опущение связки *есть*. Кажется, это один из редких полонизмов в русском литературном языке того времени.

Управление слов

Касательно управления укажу обороты:

«Не *презрю в душе моей судьбою* мирного лентяя» (т.е. буду подражать ему; 110), «говорить *иностранным языком*» (II, 217). Первый из них — старый, последний — народный.

Укажу некоторые особенности в управлении слов при посредстве предлогов *в*, *на*, *по:*

> Тут с каменной горы к нему дремучий
> бор...
> Сошел — и смотрится в *зерцале* гладких
> вод! (5).

> Он, не в *меди глядясь,* а в грядущем,
> Думал: к лицу ли ему будет лавровый
> венок? (211).

Оборот с предложным падежом в данных примерах — редкий, но вполне нормативный.

> Куда вы скрылися, полночные герои?
> Ваш след исчез в родной стране.

Вы ль, *на* скалы ее *вперив* скорбящи очи,
Плывете в облаках туманною толпой? (16).

Оборот *вперить на что* вместо *вперить во что* осуждался в стихах Пушкина, как неправильный. Ср. у Грибоедова: «В *науки* он *вперит* ум, алчущий познаний».

Примеры Пушкина и Баратынского, однако, показывают, что употребление предложного глагола *вперить* с *на* было уже распространено в поэтическом языке того времени.

В вместо *для* в значении цели.

На скалы финские без мрака ночь нисходит
И только что себе *в убор*
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит! (5).

Предлог *в* в значении *с* (старое):

Жеманная девчонка Со сладкой глупостью в глазах,
В кудрях мохнатых, как болонка,
С улыбкой сонной на устах! (II, 38).

Ср.:

Меж ними зрится и беглец
С брегов воинственного Дона,
И *в черных локонах еврей*...
(Пушкин, Братья-разбойники).

Вот так-то ты свой век проводишь,
Хоть *от ума,* да не умно
(II, 45; т.е. вследствие ума, обдуманно; народное).

Мы будем пить вино *по гроб*
(т.е. до гроба, до смерти; 268; народное).

По грозной буре тишина
Влилась отрадно в сердце Сары
(т.е. после грозной бури; II, 219; старое).

Подруге ветреной своей Он ежедневно был милей;
Но к ней хладел *по той же мере* (II, 202).

В современном языке: «*в* той же мере».

Сары он не знает (*т.е. не хочет знать*);
Любовью в ней не почитает
По нем расчетливой любви (II, 90; вместо *к нему*).

Оборот неправильный!

Предлоги *между, меж* употребляются у Баратынского с родительным и творительным падежом: *между буянов* (II, 60), *между нас* (II, 88), *меж тем* (II, 68).

Необычные сочетания в употреблении падежей имен существительных

У Баратынского нередко встречаются обороты речи, неясные по значению вследствие необычного управления слов падежами имен существительных, или вообще сочетания синтаксически не стройные.

Услышьте голос мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи..! (6).

Собственно: взывающий, обращающийся к вам голос.

И я люблю, *тебя внимая,*
Жужжанье пуль и звук мечей (110).

Она [толпа] *ругалась чудной девы* [Камены]
Ей непонятным *божеством* (131).

То есть презирала божество, надругалась, издевалась над божеством Камены.

Душой задумчивый, медлительно
я шел... (142).

Больному духу *здравьем свиснет* [бесенок] (169).

Ветру наш *парус раздулся* не даром (248).

Спасибо, *молодость* вторую...
Досель безвестную *пирую*
Я в *зависть* Флакку, в *славу* вам! (243).

Любила толстяка она
Совсем иного с *нею* свойства (II, 48).

Слово *иной* не требует после себя творительного падежа с предлогом *с:* поэтому словосочетание *с нею* стоит вне синтаксиса данного предложения.

Между красавиц городских Искал он *девы дум своих* (II, 70).

Это, конечно, значит, что он искал девушку, которую можно было бы полюбить, которой возможно увлечься, о которой хотелось бы мечтать, думать, но это не выражено как следует в данных стихах. Формальная связь сочетания *девы дум своих* не утверждена внутренним содержанием. Выражение *дева дум,* собственно, ничего не значит.

Привык ты к беззаботной доле,
Разгульной жизни, вольной воле,
Стошнить порядочным житьем (II, 95).

Стошнить — безличный глагол, во 2-м лице он не употребляется.

Выражение, составляющее третью строку данного текста, бессодержательное и странно в отношении образов языка.

Иногда текст Баратынского затемняется нечетким использованием падежных сочетаний:

> Зачем, о Делия! сердца младые ты
> Игрой любви и сладострастья
> Исполнить силишься мучительной мечты
> Недосягаемого счастья? (33).

Здесь для понимания текста необходимо иметь в виду, что в третьей строке взято менее обычное управление глагола родительным падежом вместо творительного, т.е. *исполнить* (наполнить) *мучительною мечтою.* Текст прояснится вполне, если и четвертую строчку подчинить общепринятому управлению: [мечтою] *о недосягаемом счастье.*

Далее мы будем говорить о том, что в отношении заимствования «чужих» слов (французских и др.) язык стихотворений Баратынского следует признать на редкость чистым в своей лексике. Нерусских слов в его стихах чрезвычайно мало, несмотря на то что в детстве, в школе, обществе и литературе он прошел основательную французскую школу и своим дядькой имел итальянца Жьячинто. Нерусские элементы, нередкие, стихи Баратынского дают только в синтаксических оборотах речи.

В дополнение мы можем указать среди особенностей синтаксического управления ряды ясных, прочно усвоенных галлицизмов[112]. Таковы сочетания переходного или непереходного глагола с винительным падежом и др.: *пить, выпить здоровье*

---

[112] Настоящие замечания о галлицизмах в стихотворениях Е.А. Баратынского, также и примечания по данному вопросу в других местах текста этой статьи составлены с помощью специалистки по французскому языку, сотрудницы Института языка и мышления АН СССР Людмилы Варламовны Павленко. — *Прим. В.И. Чернышева.*

чье-либо (II, 216) — *boire la santé de quelqu'un; пирую вторую молодость* (243) — *je fête ma seconde jeunesse; нам судьба велит разлуку — le sort nous ordonne une separation; не раз Гимена клеветали — souvent on calomniait Hymen. Прощает* с дательным падежом вместо винительного: *прощает он безумию забав — il pardonne á la folie des amusements*; ср.: *pardonnez á ma franchise. Покинув город, возвратилась она лишь два года потом* (II, 220—221) — *ayant quitté la ville elle n'y etait revenue que deux ans apres*; вместо *через два года. Ему отказан дар певца* (II, 127) — *le don du chanter lui est refusé*; вместо *ему отказано в даре певца* (т.е. он бездарный поэт). *Он другом был меня самой* (288) — *il était ami de moi* (*même*). (Ср. чисто русское у Грибоедова: «Вот-с — Чацкого, *мне друга*, Андрея Ильича покойного сынок».) *Сон бежал очей* (24) — *le sommeil fuyait mes yeux*; вместо *от моих очей.*

С другой стороны, имеем глагольное управление посредством предлогов, не соответствующее обычному русскому: «Ему потом уже *стали в бремя* Затеи девы удалой» (II, 201) — ср. фр. *etre á charge*, *devenir á charge* (быть, стать в тягость).

Вались, вались, поблекший лист!..
Твой легкий шорох к *чуткой сени...*
Да возвестит ее [милой] приход! (26—27)

— ср. фр. *annoncer á quelqu'un.*

О смерть! твое именованье
Нам в суеверную боязнь...(II, 133)

— *O mort! ton nom nous est horreur.*

«Пирую *в зависть Флакку,* в славу вам!» (243) — *je festine á l'envie de Flaccus*, *en votre gloire.* «Усталый труженик... *Забытый от людей* блажит уединенье» (272) — *le travailleur fatigué... oublié par les hommes*, [*des hommes*] ср. *oublié de tous* — всеми забытый.

Отличается беспредложное управление имен прилагательных:

Увидел роскоши Италии твоей:...
И Цицеронов дом, и злачную пещеру,
Священную поднесь Камены *суеверу* (252)

— ср. фр. *Le nom de la patrie lui est sacre.*

Я мечусь в полях небесных
Надо мной и подо мной
Беспредельных — *скорби тесных!* (210)

— *dans les champs celestes sans hommes*, *mais trop etroits au chagrin.*

Но случай: человек всегда *корысти* жадный,
Берется ли за труд наверно безнаградный? (94)

— *l'homme toujours avide de profit*... (у Баратынского при *жадный* обычно род. п.).

Встречаем нерусский оборот с инфинитивом при именах прилагательных и причастиях:

Ель величавая стоит, где возросла,
Невластная сойти (128)

— ср. фр. *incapable de bouger*, *incapable de mentir.*

Суровая [судьба] двух добрых полюбила
И, *слабая* от бедствий их *спасти*,
Опорою друг другу быть судила (II, 130)

— ср. фр. *impuissante á saucer.*

Сомкнул уста *вещать* полуотверсты (202)

— ср. фр. *la bouche demi-ouverte pour prononcer des paroles sacrées.*

В общем нередкие у Баратынского необычные сочетания в области управления слов, по-видимому, в большинстве случаев объясняются как галлицизмы. Однако для точного выяснения этого вопроса требуются более широкие и углубленные исследования как вообще, так и в разных отдельных случаях. Мы указали галлицизмы более очевидные, так сказать, бросающиеся в глаза.

Необычные сочетания предложений

Изредка у Баратынского встречаются совсем не связанные словосочетания, не составляющие обычных предложений с стройным синтаксическим построением.

Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастия, *но счастье нужно мне* (13).

Здесь редкий пример крайне свободного синтаксиса, нетерпимого в русском литературном языке. Первые три строки данного текста грамматически не связаны с четвертой, завершающей словосочетание. Обособленное прилагательное *свободный* и деепричастие *испив* ни к чему не относятся. В целом, не получается ни подчинения, ни сочинения синтаксических элементов в единое предложение. Здесь, по-видимому, галлицизм: самостоятельное прилагательное и деепричастие при безличном предложении.

Пора покинуть, милый друг,
Знамена ветреной Киприды
И неизбежные обиды
Предупредить, *пока досуг* (41).

Пока досуг — предложение недоразвитое внутри и не увязанное с предыдущим.

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами *обнаживший* (234).

Здесь причастие *обнаживший* ни к какому слову из всех приведенных не относится.

Интересен разговорно-риторический оборот с распространенным независимым обращением, т.е. не включенным в следующее за ним предложение:

Но вы, *любимцы Феба*,
Вы вместе с жизнию принявшие от неба
И дум возвышенных и сладких песней дар!
Враждующей судьбы не страшен вам удар (276).

Местоимение *вы* в значении подлежащего заставляет ожидать при себе какое-то сказуемое, но его нет: сочетание оканчивается новым предложением, которое имеет с обращением смысловую связь, но не грамматическую.

Впрочем, промахи в поэтическом языке Баратынского редки, и они вполне искупаются многими достоинствами его художественной речи.

Разговорная основа синтаксиса в стихотворениях Е.А. Баратынского. Речь отрывистая

Вместе с Пушкиным и другими Баратынский вырабатывает и утверждает в русской поэзии разнообразные типы предложе-

ний и их сочетаний. Обработка прозы по образцам разговорного языка, начатая Карамзиным, в поэзии проводится Жуковским, Пушкиным и, в числе первых литературных деятелей, к ним близких, Баратынским. Он вводит в поэтический оборот предложения короткие, до одного слова включительно, например:

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите: крылья вам даны...(15).

Верь, жалок я один (36).

Так, лучшим подвигом людское развращенье
Придумать силится дурное побужденье;
Так, исключительно посредственность любя,
Спешит высокое унизить до себя... (94—95).

Наслаждайтесь: все проходит!..
Не ропщите: все проходит... (126).

Нет, обманула вас молва... (137).

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое (174).

Мчимся. Колеса могучей машины
Роют волнистое лоно пучины (248).

Любовь Камен с враждой Фортуны —
Одно. *Молчу.* Боюсь я... (244).

Особенно часто слово-предложение или очень краткое предложение видим в восклицаниях и вопросах:

Так! достоин ты укора... (21).

Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя? (21).

Сбылось! Увы! Судьбины гнева
Покорством бедный не смягчил... (27).

Счастливец! дни свои ты Музам посвятил... (115).

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живым без привета... (174).

Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон! (182).

Предрассудок! он обломок давней правды (204).

Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней...
Вотще!.. (142).

Вскочив, к окну приникнет ухом:
Они! Неправда!.. (II, 195).

Образцы сжатых предложений:

Глухая полночь.
Строем длинным,
Осеребренные луной,
Стоят кареты на Тверской... (II, 30).

В движеньи все (II, 30).

Глухая ночь (II, 44).

Пришла зима. Свистя, крутится
Метель на Пресненских прудах (II, 71).

Летели дни. Свои свиданья
Елецкий с Верой продолжал... (II, 85).

Дальше укажу несколько примеров четкой, выразительной синтаксической выкладки речи из коротких, равномерных предложений соответственно мысли и стилю изложения:

Умолк призывный щит,не слышен
Скальда глас,
Воспламененный дуб угас... (5).

Я все имел, лишился вдруг всего:
Лишь начал сон... исчезло сновиденье! (18).

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой (9).

С тоской на радость я гляжу,
Не для меня ее сиянье... (21).

Туман полуночный на холмы возлегал;
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна — и пенистый бокал
С весельем буйным осушали (22).

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою (36).

Сочетанием довольно кратких и несколько распространенных предложений дается великолепное, классическое описание Финляндии в поэме «Эда»:

Суровый край: его красам,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады,
Там холм очей не веселит;
Он лавой каменной облит, и т.д. (II, 145).

Сложное предложение

Образцом стройности синтаксического расположения частей в целом произведении может служить стихотворение «Приметы» (206).

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой;
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.
Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь перед судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.
На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъемля щетину,

Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала:
В пустыне безлюдной он не был одним,
Нечуждая жизнь в ней дышала.
Но, чувство презрев, он доверил уму,
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

Нельзя не признать, что философская сущность этого стихотворения довольно наивна, но эта именно наивность, — не авторская, а литературно-народная, — и выражена здесь в прелестной поэтической форме. Народные поверья о встречах как предвещания передаются в «Приметах» художественно и точно. Им придается осмысление с точки зрения древнего «детского» неопытного мышления. В стихотворении замечательна не только поэтическая сторона: картинность изложения, глубокая любовь к природе, понимание первобытной идеологии, но также удивительное мастерство в плане изложения, в связи синтаксиса с мыслью. Пять строф стихотворения ясно расчленены по содержанию и картинам. Первые две (вступление), близкие по мысли, не далеки также по синтаксису и пунктуации. Строфы 3—5 (изложение) дают картины отдельных предвещаний. Они раздельны по синтаксису и соответственным знакам препинания. Последняя, 6-я строфа (заключение) самостоятельна по содержанию и синтаксическому выражению. Каждая строфа содержит самостоятельную мысль или картину: каждая представляет единое сложное предложение, выделенное синтаксически и пунктуационно.

Образец мастерского синтаксического развития в изложении мыслей и обрисовке образов дает также стихотворение «Сначала мысль воплощена» (220).

Сначала мысль воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже, увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем,
Она, подъемля крик нахальной,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

Во всем стихотворении видим постепенный подъем тона изложения: переход действующего лица от скромности к развязности, от развязности к полной бесцеремонности. Литературно мысль поэта ярко выражается путем мастерски подобранных художественных сравнений. Первоначально мысль начинающего поэта темна, как юная дева: это выражено в сложном предложении из четырех строк. Осмелившийся автор с опытом становится увертливым, речистым, мысль его сравнивается со свободной женщиной популярного романа. Это основная картина стихотворения, и она изложена несколько пространнее в пяти строках одного сложного предложения. Последние четыре строки, тоже одно сложное предложение, представляют творческую мысль на закате ее деятельности, в виде старой нахальной болтуньи. Все стихотворение представляет одно синтаксическое целое из соединения трех сложных предложений, последовательных по времени и связанных союзными словами, означающими время: *потом, затем.*

Это прекрасная яркая характеристика и история деятельности любого бездарного писателя-ремесленника. Баратынский сумел дать выразительную картину не момента, а трех основных этапов развития ограниченного, но самоуверенного и деятельно-

го писателя, и притом только в одном сложном синтаксическом целом: сочиненном предложении.

Комментатор данного стихотворения (в издании 1936 г.) отмечает, что эта «эпиграмма не имеет в виду определенного лица» (II, 273), но, насколько она представляет типическое явление, она и не должна иметь биографического приурочения.

Вполне вероятно его предположение, что Н.А. Полевой принял это стихотворение на свой счет и заявлял, что данные стихи «не воплощают никакой мысли»; но странно, как эту содержательную, ясную и художественную эпиграмму не оценил Белинский, который заметил, что «лучше совсем не писать поэту, чем писать такие... стихотворения» (II, 273).

Период

Прекрасно владел Баратынский и старой литературной формой периода:

Когда б вы менее прекрасной
Случайно слыли у молвы;
Когда бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы...
Когда б еще сей голос нежный
И томный пламень сих очей
Любовью менее мятежной
Могли грозить душе моей;
Когда бы больше мне на долю
Даров послал Цитерский бог:
Тогда я дал бы сердцу волю,
Тогда любить я вас бы мог (282).

Здесь условный период с повышением из десяти строк и с понижением из двух строк, дающий целую и законченную картину и вполне развитую мысль.

Словорасположение

До Пушкина, особенно в XVIII в., русские поэты легко мирились с разнообразными неправильностями в расположении слов в предложении. Ко временам Пушкина эта сторона поэтического языка значительно выправилась. Резкие нарушения норм правильной речи уже не встречаются вовсе. Небольшие уклонения в сторону старой свободы еще встречаются, но редко. Некоторые из них можно указать и у Баратынского:

Сыны не ведают о подвигах отцов,
И в дольном прахе их богов
Лежат низверженные лики! (5).

Зачем же в ней [душе] слепое сожаленье
Живет о старине? (8).

Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревне повелевший (10).

И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу (21).

Еще ли нужно размышленье! (58).

Еще, как патриарх, не древен я... (221).

Живого чувства полный взгляд,
Уста цветущие, румяные ланиты
Влюбленных песенок сильнее говорят
С душой догадливой Хариты (43).

Дитя Британии, влачивший столько лет
По знойным берегам груди своей отравы,

У миртов, у олив, у моря и у лавы
Молил рассеянья от думы роковой (253).

Не смела времени разрушить их рука (274).

У Баратынского, конечно, мы очень часто видим второстепенный член предложения в начале речи:

О счастии с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я.

Это словорасположение — по законам поэтики и риторики, когда слово, имеющее в речи наиболее важное значение, выдвигается к началу предложения. Эти случаи не относятся к обычному грамматическому расположению и представляют общее явление всего русского языка: поэтического, разговорного и книжного.

Словарные особенности языка Е.А. Баратынского

Слова церковнокнижные

Сюда относятся прежде всего, бесспорно, ясные по своему происхождению неполногласные слова и др., определяемые по фонетическим признакам.

Баратынский иногда, и не так часто, пользуется неполногласными церковнокнижными формами слов, но в этом отношении его поэтический язык довольно разборчив и захватывает только ходячую лексику данного ряда, принятую в стихотворениях его времени. Это широко применяемые слова, которые постоянно встречаем и у Пушкина: *глас* (5, 109, 273), *чреда* (6), *хлад* (9, 50), *младые* (8), *глава* (10, 42), *златые* (13), *бразды* (13), *брег* (14, 249), *брега́* (46), *осребренный* (14), *древо* (27), *длань* (34, 104, 212), *злато* (56), *хладно* (100), *хладный* (107), *вран* (115, 206), *здравый* (*разумный*) (65), *здравье* (169), *врата* (222), *сребрит* (245), *праг* (245), *драгими* (II, 30) и т.п.

Рядом с ними автор, конечно, свободно употребляет и русские полногласные формы: *молодых* (10), *молодой* (13, 14), *деревьев* (14), *холодною* (58), *чередóм* (муж. р., 89), *чередой* (жен. р., 157), *борозда* (230), *берегá* (253) и т.д. Те и другие были узаконены в поэтическом языке эпохи. Они облегчали трудности стихосложения, почему часто и встречаются в рифмах: *душою — главою* (179), *глас — час* (200), *град — хат* (230), *бразды — плоды* (230), *клад — хлад* (232), *сребрит — пиит* (245), *брега — нега* (249), *власы — красы* (292) и т.п.

Необходимо иметь в виду, что славянизмы подобного ряда тесно вошли в русское словообразование, поэтому являются необходимыми в русском языке. У нас не употребляются слова: *глас, чреда, хлад, младые, брег, древо, врата, драгие* и т.п., но широко употребительны производные от них: *гласный, огласить, учредить, охладить, прохлада, младший, прибрежный, древесный, привратник, драгоценный* и т.п.

В отношении стилистическом неполногласные церковнокнижные слова были важны тем, что они придавали стихотворной речи значение торжественности. «Голос мой» (6) и «*глас* лиры» (109), «зимний *холод*» и «я оболью суровым *хладом* душу» (9), «*младые* сны от сердца улетели» (8) и «мой правнук *молодой*» (14) и т.п. имеют ясные оттенки в значении. Недаром же некоторые неполногласные формы, как более широкие и более отвлеченные по значению, утвердились в русском языке и вытеснили чисто русские полногласные формы. Таковы *благо, вред, влечь, мрак, враг, облако, плен, владеть* и др.

С подобными правами держались во времена Баратынского, но не дошли до нашего времени слова *брань* (борьба, война; 17), *длань* (рука, вместо *долонь, ладонь*; 34, 104, 292).

Нельзя думать, что все поэты того времени и всегда удачно использовали данные ряды слов для различения поэтических стилей речи. Нередко вариантные формы применялись как удобные для построения стиха по разнице в числе слогов. Однако у лучших представителей поэзии того времени стилистический тон изложения обычно явно учитывается. Так, Бара-

тынский в стихотворении «Приметы» (206) пользуется народным поверьем: «Ворон каркает к несчастью». На первый взгляд кажется, что здесь следовало бы взять народную форму слова *ворон*. Автор, однако, берет книжную форму: *вран*. «Почуя беду над его [человека] головой, *вран* каркал ему в опасенье...» И это понятно: все стихотворение написано в строго книжном, высоком слоге, как мы видим и в следующих стихах: «На путь ему выбежав из лесу волк, Крутясь и *подъемля* щетину, Победу пророчил... *Чета* голубиная, вея над ним, Блаженство любви *прорицала*...»

В некоторых словах фонетический признак церковнославянского языка давно уже не ощущается говорящими: *трепещу* (7), *вожделенье* (131), *вожделенный* (135), *зиждитель* (189), *юдоль* (192), *юдольных* (223) и т.п. Однако сами по себе эти слова сохраняют в себе характер книжности. В просторечии, в чисто народных выражениях, они не употребляются.

Слова книжно-поэтические

С такой же разборчивостью и мастерством Баратынский пользуется и старыми книжными словами. Их немало встречается в стихах нашего поэта, но они также устарели только для нашего времени; в период деятельности Баратынского они представляли общий для всех поэтов лексический запас, которым пользовались для «стильной» художественной речи.

Такие слова по характеру их употребления с начала XIX в. мы могли бы назвать книжно-поэтическими, равно как и церковные слова с ясными фонетическими признаками старославянского языка. С начала прошлого века и в первую его половину такие слова представляли в известных условиях утвердившийся и часто применяемый материал, завоевавший себе прочное место в языке поэтических произведений. Поэтому мы можем рассматривать в одном ряду все подобные слова, не различая их по фонетическим приметам или истории их включения в поэтическую речь данного периода жизни русского языка. Для нас,

как для читателя-современника Баратынского, это необходимый лексический запас века, с тою только разницею, что для нашего времени он несколько устарел: в одних частях больше, именно до состояния полных архаизмов, в других частях меньше, т.е. не затрудняя нашего понимания и не противореча нашим представлениям и ощущениям литературного языка.

Приводимые дальше примеры слов данного вида сами собою могут указать нам различные стороны и степени их литературной жизненности и ценности. Таковы: *зерцало вод* (*5*), *лики* (лица; 5, 253), *клики* (5), *ветр* (5), *вперив очи* (6), *мнится* (6), *безглагольный* (7), *рек* (8), *узрел* (8), *дольный* (8), *вещала* (8), *зрел* (10), *чертоги* (12), *обета* (13), *тщетен* (14), *пажитей* (14), *утучнять* (14), *пестун* (14), *цевница* (14), *тщета* (15), *скрежетом зубов* (15), *хлябь* (16), *ополчил* (16), *сей* (19, 39), *нещадный* (20), *не зря глядел* (не видя; 21), *пиит* (23, 63), *обретая* (34), *близ* (39), *стогны* (45), *ланиты* (46), *искус* (62), *вотще* (74), *ярмо* (112), *прям* (распрям, спорам; 138), *неопасенье* (140), *помавая* (142), *стези* (мн. ч., 142, 233), *столпы* (*столбы,* собственно: башни, колонны; 143), *вежды* (146, 245), *осклабленным лицом* (152), *весь* (селение; 165), *сторицей* (168), *зане* (174), *смежил* (174), *упованье* (174), *прозябанье* (174), *да* (чтобы; 184), *обретала* (206), *перстами* (212), *ниц* (232), *вспять* (233), *глагол* (слово; 233), *чело* (231), *ковчег* (230), *дольный* (245; ср. с. 8), *днесь* (249), *емлет* (249), *злачный* (252), *огнь* (271), *сень* (272), *вежди* (дв. ч., 272; ср. с. 146 и 245), *кошница* (II, 59) и т.п.

Данный список, конечно, далеко не представляет всего богатства старых слов, которые имеются в текстах Баратынского: это только выборки из некоторых мест его стихотворений.

Приведенные примеры живо напоминают нам тексты Жуковского, Крылова, Пушкина с такими же словами. Очевидно, все черпалось из одного традиционного фонда, нами уже мало читаемого, но в то время основного и всем авторам хорошо известного. Известен был этот своеобразный лексикон и читающей публике, которую произведения Баратынского нисколько не

затрудняли в отношении его литературного языка, тем более что слова данного ряда издавна употреблялись в точных значениях и в определенной стилистической окраске текста.

Нам дальше придется говорить о некоторых неясностях в языке Баратынского, но здесь мы должны обратить внимание на то, что эти неясности не относятся к тесному кругу слов книжно-поэтического языка. Лексикой этого отдела Баратынский владел превосходно, употребляя слова точно и уместно.

Заметим, что в некоторой части подобных слов архаичным является не самое слово, а его значение. Об этом я говорю далее. Повторяю, что в списке данных слов я не отделяю от основного запаса устарелых церковнославянизмов, некоторых слов древнерусских, как *пестун*, *нещадный, кошница, неопасенье,* и даже старых заимствованных, как *пиит.*

Словообразование в отделе книжных слов

В части старых книжных слов, отличающих язык Баратынского, многие замечательны в отношении их формального образования. Это опять-таки архаизмы для нашей эпохи, а не для языка того времени. Таковы, например, слова особого образования: *усопший* (10), *приявшие* (15), *судьбина* (15), *гордыня* (17), *петел* (21), *матерь* (27), *уповает* (36), *оспоривать* (43, 94; так и у Пушкина; современное *оспаривать*), *отторженного* (45), *дарует* (48), *дарован* (116), *стрясает* (50), *указую* (68), *прияли* (77, 273), *приближит* (193), *бедством* (твор. п.; 120), *удушая* (144), *отыдет* (144), *казали* (указывали; 211), *пустоцветный* (215), *немотствующий* (217), *подлунный* (земной; 218), *подъемля* (220), *пламень* (226), *набрежное* (находящееся на берегу; 248), *покровенный* (покрытый; 250), *подземельный сон* (могильный сон; 253), *странствие* (275), *буйственный* (275), *присутственны* (присутствуете, в форме страдательного причастия: «Всегда *присутственны* вы в памяти моей», 275), *бременюсь* (отягощаюсь; 281), *пустынничий* (II, 29), *ответствовали* (II, 49), *председают* (II, 50), *баснь* (II, 196) и т.п.

Одно из отличительных словоупотреблений у Баратынского: *веровать, верую* вместо *верить, верю.*

Уж я не верю увереньям,
Уж я не *верую* в любовь (25).

В чье неизменное участье Беспечно *веровал* бы я (41).

Славянизмы в префиксах

Значительная часть книжных слов, именно церковнославянских, отличается приставками *воз-* (*вос-*), *низ-* (*нис-*), *со-, пре-, по-* и др. при глаголах и производных от них словах: *нисходит* (5), *низверженный* (5), *воспламененный* (5), *сокрылися* (6), *вострепещу* (6), *презрев* (9), *пренебрег* (106), *воссев* (13), *воздадим* (14), *сокроет* (14), *восторгом* (21), *воззрением* (43), *воскликновеньями* (48), *воздвигалась* (50), *пре́зрел* (77), *познай* (89), *пре́зренный* (92), *возникнул* (138), *восстань* (155), *восскорбил* (158; вместо: *воскорбел*), *возлетит* (175), *воспомню* (189), *воззовешь* (190), *восстонет* (240), *вопрошаю* (273, 292), *сокрытый* (245), *воздыхает* (292), *воздела руки* (И, 160) и т.п.

Отмечу русское *вспрянул* (161) вместо церковнокнижного *воспрянул.*

Здесь заметим, что приставка *низ-* (*нис-*) в чисто русских словообразованиях совсем не встречается; в соответствии с церковнославянскими словами, образованными с префиксами *воз-* (*вос-*), *со-*, русские имеют приставку без гласного *о: вз-, вс-, в-, с-*: *вскрикнуть, вспомнить, взлететь, скрыть* и т.п., причем слова, сложенные с *воз-* (*вос-*), обычно представляют и в отношении корневой части глаголы чисто славянские или книжные: *вострепетать, возвратить, возбранить, вознаграждать, возмнить, возразить, воззреть, воспарить, воспламенить, воспрещать, восхищать* и т.п.

При сложении со словами чисто русскими приставки *воз-* (*вос-*) придают им оттенки книжной, отвлеченной, торжественной речи: *воссесть, воздать, воззвать, восстонать* и т.п.

Так они употребляются и у Баратынского, который и в этом отделе лексики строго держится круга словоупотреблений, широко принятых в его время. Умело отбирая и выбирая для своих стихов слова данного ряда, Баратынский дает то, что мы постоянно встречаем у Батюшкова, Жуковского, Пушкина.

Точно так же язык Баратынского не представляет ничего выходящего из норм современной ему литературной речи в отношении слов, образованных с приставкою *из-* (*ис-*)*: испив* (13), *испить* (II, 213), *излили* (239), *излиться* (II, 214), «что слез я *источила*» (И, 217).

Слова народные и просторечные

Факты языка Баратынского несомненно удостоверяют, что он знал, ценил, смело и уместно пользовался словами и выражениями живой русской народной речи.

В родной семье, в кругу друзей и знакомых Баратынский жил как дворянин своего века и едва ли имел близкое общение с народом, но дворянский разговорный язык его времени в тех случаях, когда им пользовались вместо французского, был насыщен элементами живой русской речи. Баратынский, изысканный стилист в поэтической речи, нисколько не избегал в ней народного языка.

Русский народный язык неоднороден: он известен нам как элемент книжного литературного языка в поэзии и прозе, им в значительной степени насыщена живая разговорная речь представителей культурного общества. По близости литературного лексического материала к крестьянским говорам мы называем те или другие слова «народными». Если мы видим в лексике литературного языка приближение к живой речи менее литературных слоев городского общества, то называем элементы такой лексики «просторечными». Сколько-нибудь точной границы

между этими главными слоями народных слов провести невозможно, однако из литературных текстов, между прочим также из произведений Баратынского, достаточно ясно, что слова просторечные и народные дают ту или другую стилистическую окраску речи, когда автор переходит от чистой лирики к повествовательным и разговорным стилям речи или, наконец, к эпиграммам, к альбомным стихам, к личным обращениям.

На подобные тексты и падает большая часть слов приведенных типов, — в большем или меньшем количестве, с качественным отбором слов в зависимости от характера изложения всего данного стихотворения.

В качестве примера «народных» слов мы можем указать: *непогода* (дурная погода), *недосужно* (нет времени), *досужий* (знающий, способный), *прижимка, тароватый, беседа* (сборище), *содом* (шум), *немочь, кручина, хоромы, уходишь* (замучишь), *завсегда, никак* (кажется), *натура, пуще* и т.п.

В числе «просторечных» можем привести: *бренчу, пускай* (пусть), *побреду, земляк, нéхотя, ненарочно, шататься* (ходить без цели), *сгоряча, давным-давно, нет складу* и т.п.

Наконец, мы можем наметить еще третью группу слов живого языка, очень широкую в своем объеме и мало определенную в своих очертаниях. Это слова «разговорные», более удаленные, чем «народные» и «просторечные», от живых диалектов, общеупотребительные, но недопустимые в высокой поэзии, в изысканно-литературной прозе, в очень учтивых беседах и письмах. Таковы, например, некоторые междометия: *ай да! то-то! эй! ну! эх! ух! ой-ой! бух! бац! хлоп! шмыг!*

Таковы же некоторые своеобразные по форме наречия: *вчерась, давеча, нынче, авось, нагишом, порожняком, кишмя кишит, ливмя льет, втроем, вчетвером, многонько, недалечко* и т.п.; таковы многие уменьшительные прилагательные: *крепéнек, мелкéнек, высéконький, сýхонький, бедновáт, простовáт* и т.п. Однако неопределенность границ между намеченными стилистическими группами так велика, что, например, последнюю, «разговорную» лексическую разновид-

ность почти всю можно включить в «просторечную» и даже в «народную».

Это, однако, не может служить основанием для отрицания необходимости и возможности деления слов некнижного языка на определенные стилистические отделы. Если признаки групп нашего деления не очевидны во всех отдельных словах, то они становятся достаточно ясными в литературных контекстах при сопоставлении частей различным образом стилизованного изложения.

Кроме таких текстов, некоторые лингвистические пособия, например словари, произведения фольклора, наконец, личный опыт исследователя дадут средства более или менее точно определить большую часть слов, подлежащих нашему стилистическому разбору и классификации.

В дальнейшем приведу из стихотворений Баратынского достаточное число образцов на слова и выражения данных разделов в общем списке, дающем представление о том, что наш поэт вообще хорошо знал «народную» речь, умело и нередко пользовался ею в разнообразных своих произведениях: *что нужды* (6), *бренчу* (6), *непогодою* (7), *пускай* (пусть; 8), *кое-как побреду* (9), *домосед* (13), *доля* (участь; 13), *ро́злил* (16), *земляк* (19), *складу нет* (19), *небо обложило* (26), *кручиной* (27), *не́хотя* (28), *в размолвке* (28), *наперекор* (28), *разгульной юности* (31), *мне все равно* (31), *навещать* (32), *приманить* (привлечь; 33), *сгоряча* (34), *поверять* (проверять; 34), *кто знает* (36), *воли не дадим* (37), *давным-давно* (38), *вёдро иль ненастье* (41), *рука с рукой* (рядом, вместе; 45), *твердили* (45), *баловень* (46), *цветом* (цветком; 48), *розно* (52), *плохая шутка* (плохо, худо; 53), *впопад* (55), *с лица* (лицом; 55), *навыворот* (55), *бестолково* (55), *любой* (56), *дурачить* (58), *по поднебесью* (60), *дума* (60), *горемыка* (60), *тошно жить* (60), *на что?* (зачем?; 61), *побрел по слякоти* (65), *маранье* (70), *блажил довольно* (вольничал; 74), *шатаясь* (74; любопытный каламбур!), *на разживу* (75), *обернуть* (82), *морочит* (82), *добрых людей* (т.е. всех; 82), *горюн* (88), *в озяблом сердце* (88), [сатирик] «смиряет *па́пыхи* надутого глупца» (93; теперь толь-

ко в наречном выражении *впопыхах*), *волен* [в чем] (99), *покуда* (102), *поклон да вон* (107), *досужный час* (107), *толковит* (108), *наизусть-грусть!* (108), *никак* (кажется; 110), *непокупное* (125), *знать* (вероятно; 129), *разделка* (расправа; 129), *монастырка* (смолянка, 140), *ра́знит* (140), *управа* (власть; 146), *приветили* (148), *пустомеля* (149), *не кручинься* (160), *воротиться* (168), *прижимка* (притеснение; 169), *ежели* (174), *пакостить* (180), «*хоть* ты *малой,* молодой» (185), «в беседе самой *распашной*» (185), *вертушка* (бойкая, кокетливая женщина; 185), *не осу́жен-нужен* (185), «не предадимся снам *улыбчивым*» (202), *положишь на голос* (на музыку; 217), *малолетную* (223), *тароватый* (231), *намеднишним* (240), *извел* (истратил, провел; 245), *ну́жды нет* (не важно; 249), *немочь морская* (морская болезнь; 249), *погребальный вой* (собственно: обрядовый плач в голос; 280), *давным-давно* (281), *а́плыв* (круг движения плавающего), *клёвом* (вместо *клювом;* 293), *ни сват ни брат* (не близкий, чужой человек; 295), *оглашенный* (неразумный, не имеющий смысла; 306), *на свой аршин мерит* (308), *лихой* (312), *содом* (шумное собрание; 318), *беседа* (собрание; II, 9), *мочь* (II, 22), *напослед* (II, 41), *крчины* (II, 41), *пашут* (дуют; II, 42), *хоромам* (II, 46), *уходишь* (замучишь, погубишь; II, 45), *завсегда* (II, 47, 49, 197), *доброхотен* (II, 49), *шататься* (II, 49), *по утру встанет молодцом* (здоровым, бодрым; II, 48), *никак* (кажется; II, 50), *находкой из находок* (II, 52), *жил-был* (II, 52), *ругательски ругалась* (II, 61), *натуга* (II, 72), *пуще* (II, 91), *ненарочно* (II, 107), «в *последние* взглянуть» (в последний раз; II, 193), *перемогло* (214) и т.п.

Введение подобных слов в русский поэтический язык началось несколько раньше: сначала Державиным, затем Жуковским, Крыловым, и продолжалось всеми поэтами века, с Пушкиным во главе. Мы намеренно привели значительное собрание «народных», «просторечных» и «разговорных» слов и выражений, чтобы показать, как широко и самостоятельно пользовался ими Баратынский, обогащая литературную речь живой народной стихией, с одной стороны, а с другой стороны, приближая поэзию к массовому потребителю произведений поэтического

творчества. Вникая в тексты нашего поэта, мы видим, что он допускал элементы народной речи и в произведениях «высокого стиля», довольно отвлеченных.

Влияние местных народных говоров мы также находим в некоторых текстах Баратынского.

Чем холостой словесной перестрелкой
Морочить свет и множить пустяки,
Порадуйте нас дельною разделкой:
Благословись схватитесь за *виски!* (129).

Виски в южных русских говорах: *волосы.*
Но высшего понятия глагол
Дол носится, не отзываясь *дол* (II, 140).

По Словарю Даля, слово *дол* в воронежских говорах значит: долой, прочь, сойди вок, очищай место сверху. Сопоставляя это с выражениями: *с глаз долой, с ног долой, с хлеба долой*, мы можем придать данному тексту значение: прочь уносится, не отзываясь внизу, на земле. Такое толкование будет согласно и с вариантом:

Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел (233).

Место это, впрочем, довольно темное, но ясно одно, что церковнославянский язык его не объясняет, и у нас очень мало оснований считать Е.А. Баратынского особым знатоком и потребителем этого языка, составлявшим свои стихотворения для церковников. Данное место лучше объясняет язык народный.

Фольклорные влияния в языке Е.А. Баратынского

Отношение всякого писателя к народному языку определяется, между прочим, его вниманием к фольклору. Одно из стихо-

творений Баратынского, именно «Бесенок» (169), показывает, что поэт был хорошо знаком с чудесами русских сказок. Вероятно, из рассказов домашней прислуги в детстве он знал о том, о чем говорит в этом стихотворении: о сером волке, о сивке-бурке, о живой и мертвой воде, о шапке-невидимке, о коврике-самолете, о жар-птице и о царь-девице.

В некоторых стихотворениях находим указания на русские народные обычаи, на поговорки и пословицы. Так, в том же стихотворении выражение *Бобами думу разведет* значит: успокоит тяжелые думы (собственно: предскажет хорошее будущее, гадая на бобах).

Стихотворение «Здесь погребен армейский капитан» (269) развивает народную шуточную поговорку «Родился мал, умер пьян: ничего не помню». Стихотворение «Старательно мы наблюдаем свет» (181) имеет в своем заключении тот вывод, что из наблюдений и опытов жизни мы узнаем только «точный смысл народной поговорки». Какой? Очевидно, «Век живи, век учись, дураком помрешь». Стихотворение «Когда твой голос, о поэт» заключается заявлением, что поэта не вспомнит никто,

> Но сложится певцу
> Канон намеднишним Зоилом,
> Уже кадящим мертвецу,
> Чтобы живых задеть кадилом (240).

Две последние строки этого текста — не только картинное, образное выражение нашего поэта. Они напоминают шуточную народную поговорку: «Потише кади, в рыло не попади».

Легендарные поверья отражают следующие стихи «Бала»:

> Страшись прелестницы опасной,
> Не подходи: обведена
> Волшебным очерком она;
> Кругом ее заразы страстной
> Исполнен воздух... (II, 32).

Здесь нужно иметь в виду волшебную черту, которою при соответствующих заклинаниях определяется граница действия сверхъестественных сил. См. об этом у Гоголя в повести «Вий».

Слова «книжно-народные»

Есть немало случаев, когда архаичные слова и их формы присущи и церковнокнижному и живому народному языку, так что мы затрудняемся определить, откуда произошла та или другая окраска авторского текста. Мы с уверенностью можем говорить в подобных примерах, что они не являются образцами чистого литературного языка. Дальнейшие уточнения требуют сложных разысканий, для которых необходим большой и точный материал, определяющий историю развития автора под влиянием людей и книг, для чего не всегда найдутся нужные факты. Приведу несколько данных языка Баратынского именно по этому отделу, совпадающих по форме и значению слов разного происхождения, так сказать «книжно-народных». Таковы, например, *не ведают* (5), *година* (время вообще или час; 5), *свирель* (14), *оратай* (14), *боле* (81), *далече* (158), *отселе* (II, 214), *доселе* (II, 215).

Это явление, т.е. неразличение старых книжных и живых народных слов, впрочем, легко объясняется тем, что подобные слова оказываются архаизмами, засвидетельствованными в древних памятниках русского языка и сохранившимися до настоящего времени в наших народных говорах.

Семантические особенности в языке Е.А. Баратынского

А. У Баратынского немало словоупотреблений, замечательных по значению. Укажу на ряд его слов, утративших для нашего времени свое первоначальное или более широкое значение.

Таковы слова: *сладострастие* (наслаждение жизнью), *высокопарность* (с положительным значением: возвышенность), *куща* (хижина, палатка), *откровенный* (в буквальном значении: открытый), *позор, позорище* (зрелище), *муж* (мужчина, мужественный человек), *поселенец* (житель, обыватель), *жена* (женщина), *бездарно* (не передает ожидаемого дара), *благочинный* (степенный, разумный), *развратный* (испорченный, соблазнительный), *провидение* (способность видеть до глубины), *судить* (дать, определить судьбу), *собор* (сборище), *блажит* (восхваляет), *певец* (автор, писатель), *вина* (причина), *ласкатель* (льстец).

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам,
Не испытав его, нельзя понять и счастья:
Живой источник *сладострастья*
Дарован в нем его сынам (116).

Она спешит на юг прекрасный,
Под Авзонийский небосклон,
Одушевленный, *страдострасный,*
Где в *кущах*, в портиках палат
Октавы Тассовы звучат (146).

Но право смысла нет во слове: благодарность,
Хоть нам и нравится его *высокопарность* (94).

Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не *откровенный* (165).

И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был *позор*
Пустынных вод, лесов, долин и гор (167).

Где сильные твои? о родина *мужей!* (12, О Риме).

С тех пор я вышел из пеленок,
Между *мужами* возмужал (169).

Смутно слышу я порой...
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного *поселенца!* (210).

Виновен я: я славил *жен* других (34).

Потом осмелившись, она
Уже увертлива, речиста...
Как искушенная *жена*
В свободной прозе романиста (220).

Еще, как патриарх, не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвященных рук *бездарно* возложенье! (221).

Когда от бурных увлечений
Желанным отдыхом дыша,
Для *благочинных* размышлений
Созрела томная душа (312).

Не угодит тебе сладчайший из певцов
Развратной прелестью изнеженных стихов (II, 122).

Весел я небес красой,
Но слепец я. В разуменье
Мне завистливой судьбой
Не дано их *провиденье* (II, 136).

Природа Веру сотворила
С живою, нежною душой;
Она ей чувствовать *судила*
С опасной в жизни полнотой (II, 206).

Ты ль на распутии времен
Стоишь в *позорище* племен,
Как пышный саркофаг погибших поколений? (12).

Поодаль Музы между тем...
Глядят, незримые никем,
На их невинные забавы,
Но их *собор* в то время нем (48).

Забытый от людей *блажит* уединенье,
Где от забот мирских нашел отдохновенье (272).

Между *певцами* верно он [Макар],
Которыми изображен
Он столь искусно и прелестно (II, 50).

Какая же была *вина,*
Что изменилась так она? (II, 53).

Исчезнет легкий рой веселий и забав,
Толпа *ласкателей* изменит (II, 114).

Рядом с этой старой семантикой имеем значения слов, отражающих разговорный и народный язык.

В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате
Какой-то младости своей (207),

т.е. так называемой, о какой любят говорить другие.

Злодей твой на скале пустынной опочил (252).

Б. Иногда встречаются у Баратынского слова с необычным или неточным значением: *борозда* (вместо *поле, нива*), *строгие*

дни (в значении: суровые), *не явствует* (вместо *невидим*), *поздно* (вместо *потом*, *в будущем*), *знатоки* (вместо *мудрецы*), *сытый* (вместо *сытный*), *скрытный* (вместо *скрытый*), *вран сердца грызть ему летал* (вместо *клевать*), *брюзгливый* (в значении: недовольный).

На сжатых *бороздах*
Снопы стоят в копнах блестящих (230).

Иди, зима! на *строги дни* себе
Припас оратай много блага (230).

И, помня сладкий юг,
Дух предал *строгому дыханью* наших вьюг (253).

Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая:
Не *явствует* в земле ущерб одной (233).

Но друга верного и были прежних дней
Да *поздно* милая вспомянет... (288).

Хотите ли, чтоб ум, воображенье
Привел обед в счастливое броженье,
Чтоб дух играл с играющим вином,
Как *знатоки* Эллады завещали? (218).

Его пустынничий обед
Не будет лакомый, но *сытый* (II, 28, в рифме с *укрытый*).

На ближний столик, в думе *скрытной*
Облокотись, Арсений наш
Меж тем по карточке визитной
Водил небрежный карандаш (II, 37).

Жестокий, мстительный Зевес
К вершине дикого Кавказа Его цепями приковал;
Вран сердце *грызть* ему летал (II, 131).

Но завсегда ее смущал
В то время взор его *брюзгливый* (II, 202).

В следующем примере слово *хрящь* темное по значению, можно понимать в переносном смысле: почва, основа.

Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.
Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да *хрящь* другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен
(«На посев леса», 245—246).

Чужие слова[113]

Образование Баратынского, его литературная школа и направление были чисто французские. Современники называли нашего поэта «маркизом», как лицеисты-товарищи называли Пушкина «французом».

У Баратынского, как и у Пушкина, найдется немало галлицизмов в оборотах речи, но Баратынский, как и все поэты его круга, был крайне сдержан в перенесении французских слов в русский литературный язык. За исключением слова *пироскаф* (пароход), встречающегося в заглавии одного стихотворения, но не повторяющегося в его тексте (248—249), мы не можем указать в поэзии Баратынского ни одного французского слова, которое мы могли бы вести от него лично или поэтов его эпохи. У Пушкина слово *пироскаф* встречается только в одном его

[113] «Чужие» здесь в значении: иностранные, заимствованные. — *Прим. сост.*

письме[114]. Очевидно, оно было принято в светском обществе. От дядьки-итальянца наш поэт усвоил, кажется, только одно слово: *железы*, которое встречается в его воспоминаниях об этом воспитателе (252). По-видимому, это пахучее растение мелисса (лимонная мята). В остальном мы видим в стихотворениях Баратынского небольшое число общепринятых издавна греческих слов или несколько раньше его времени и в его время слов французских. Немногие из них в эпоху поэта еще могли производить впечатление действительно чужих, несродных нашему языку, но к нашему времени они прочно укрепились в литературном языке и стали необходимыми и незаменимыми. Это следует объяснить не только длительностью срока обращения данных слов в нашем языке, но также, и прежде всего, их осторожным, рациональным отбором, который проводился нашими писателями.

Что касается текстов Баратынского, то заимствованные слова встречаются в них изредка, так сказать «крупинками», в массе русских, или «пучками» в поэтических картинах классической или западноевропейской природы и жизни. Так, в стихотворении «Рим» (12) встречаем слова *гений, саркофаг.* В стихотворении «Мадона» (160—161) находим: *полмили, по руинам, пиастров, синьор, гений, Мадона.* Понятно, что черты итальянско-латинской лексики здесь являются необходимыми и художественно оправданными.

Дальше скопление варваризмов находим в стихотворении «Дядьке-итальянцу» (250—254). Здесь имеем: *наций — спекуляций, генерал, макаронщиков, ментора, траура, корнета, грот, принцев, прелатов — солдатов, классический, кондотьери, гигантские, революцьонных фраз, контрибуции, систему, картечи, эпиграмм, пурпуровых, амфитеатр, лазоревых, стихов, волканов* (французская форма с *о*), *эфирных, виллы — Силлы, каскады* (им. п. мн. ч.), *мелезы, зефира, миртов, лавы, аквилон* и др. Мы видим, что здесь заимствованные слова, почти все необходимые и в большинстве случаев незаменимые, вызваны со-

[114] Здесь неточность: как указывает «Словарь языка Пушкина» в текстах А.С. Пушкина это слово встречается шесть раз. — *Прим. сост.*

держанием и стилем литературного произведения. Они дают картине поэта колорит места и времени.

Сгущение иностранных слов, конечно, встречается также у Баратынского в некоторых частях сложных текстов в силу особенностей их содержания. Например, отрывки из поэмы «Воспоминания» дают их в тех местах, где поэт представляет в своем воображении картины древней истории (272—276). Здесь находим: *гений, рыцарей*, *триумфов, оракулы, когорты, плебеян, портиков, скипетром, Фортуне, фимиам*. Если включить в эти собрания заимствованных слов небольшое их число, связанное с танцами: *попури, котильон* (II, 80), *кадрили* (II, 191), с маскарадами: *шаманов, арлекинов, брахманов, весталок, мистификаций* (II, 191), то мы исчерпаем почти весь основной запас варваризмов, которым пользовался Баратынский.

Немецких слов в этом запасе очень мало: в *штиблетах* (100), *унтер* (285), *вахт-парад* (II, 129), *унтерский* (II, 130).

Служебное, несущественное значение иностранных слов, которыми пользовался Баратынский, определяется, между прочим, тем, что они очень часто употребляются в рифмах нашего поэта: *ролю*[115] *— волю* (87), *каскады* (род. п. жен. р.) *— преграды* (142), *раздувал — идеал* (188), *свободы — моды* (199), *плеяды — взгляды* (200), *груз — муз* (201), *Аи — мои* (215, 319), *моей — елей* (221), *мире — клире* (224), *ураган — океан* (233), *мира — эфира* (233, 253), *олимпийских — мусикийских* (*235*), *метром* (размером) *— ветром* (235), *амвон — он* (205), *трибуну — фортуну* (235), *фору́ма — дума* (235), *Аонидой — панихидой* (240), *законы — салоны* (241), *мира — лира* (245), *капитан — океан* (248), *наций — спекуляций* (250), *дал — генерал*, *света — корнета* (251), *эпопею — Энею* (252), *прелатов-солдатов* (251), *кондотьёри — потери*(251), *вас — фраз* (250), *виллы — Силлы* (252), *красот — грот* (252), *мира — зефира* (253), *отравы — лавы* (253), *фимиам — богам* (276), *благодатной — ароматной* (291), *света — Моэта* (319), *педанта — негоцианта* (320),

[115] Ро́ля — роль (старый полонизм!).

перо — бюро (320) и т.п. Но относительно таких слов необходимо сказать: 1) здесь едва ли можно указать хотя одно из них, которого не было бы раньше и во времена Баратынского в русском литературном обороте, 2) большинство приведенных нами слов из рифмы поэта падает опять-таки на те стихотворения и части стихотворений, в которых изображается природа и быт европейских государств и народов.

Другая основа применения заимствованных слов — отвлеченные, философские рассуждения.

Как! нетерпящая смешенья
В слепых *стихиях* вещества
На *хаос* нравственный воззренья
Не бросит мудрость божества! (191).

По поводу издания первой книги стихотворений Баратынского в 1827 г. критика указывала «и отчетливость в создании, и чистоту языка, и прелестную гармонию стихов». Так писал Сомов в «Сыне отечества» (1827 г., ч. 116, с. 78). Шевырев в «Московском вестнике» (1828, № 1, с. 70—71) признавал в стихах Баратынского «щеголеватость выражения» и большое мастерство в отделке стихов. «Часто, — говорил он, — весьма обыкновенную мысль он [Баратынский] оправляет в отборные слова и старательно шлифует стихи, чтобы придать глянцу своей оправе». В противоречие заявлению Сомова, Шевырев писал, что слог Баратынского «не всегда правилен, обличая нередкими галлицизмами заметное влияние французской школы» (т. I, с. 349).

Слова мифологические

Классическая мифология входила в быт и воспитание того высшего дворянского класса, к которому принадлежал Баратынский. Основной источник литературного образования — французские авторы — давал в своих произведениях образы греческо-римских богов или рассказы об их похождениях. С ми-

фологическими сюжетами были связаны лучшие произведения живописи и скульптуры. Идейная французская литература ценилась немногими и в своей реформаторской, революционной части преследовалась и не терпелась правительством. Интересны воспоминания современника, рисующие обстановку Пажеского корпуса, в который Баратынский поступил в 1812 г.[116]: «Бывший Мальтийский дворец, дом бывшего государственным канцлером при императрице Елизавете Петровне графа Воронцова, занимаемый Пажеским корпусом, не был еще приспособлен к помещению учебного заведения и носил все признаки роскоши богатого вельможи XVIII столетия. Все дортуары и классы имели великолепные плафоны. Картины этих плафонов изображали сцены из Овидиевых превращений с обнаженными богинями и полубогинями. В комнате четвертого отделения, где стояла моя кровать, на плафоне было изображение освобождения Персеем Андромеды. Без всяких покровов прелестная Андромеда стояла, прикованная к скале, а перед нею Персей, поражающий дракона».

Ясно, почему стихи Баратынского так часто дают мифологические имена в виде богов и образов: *Аквилон* (7), *Фортуна* (14), *Элизей* (20), *Вакх* (22), *Стигийские воды* (27), *Купидон* (29), *Хлоя* (29), *Киприда* (31), *Аид* (31), *Музы* (31), *Зевес* (32), *Орковы поля* (32), *Цирцея* (33), *Харита* (43), *Геликон* (44), *Феб* (46), *Эрот* (48), *Фавны* (48), *Наяда* (50), *Аполлон* (62), *Амур* (67), *Камена* (68), *Пегас* (68), *Венера* (75), *Прометей* (77), *Тантал* (78), *Лета* (89), *Парнас* (96), *Грация* и т.п.

В связи с творчеством, касающимся Финляндии, у Баратынского оказываются некоторые отголоски скандинавской мифологии: «*Скальда* глас» (5), «*сын Фрегеи*» (278), «в отчизне бранного *Одена*» (в рифме с *колена*; 103), «сыны *Оденовы*» (II, 106). В тексте на с. 5: *Одиновых детей* — буква *и* филологически не ясна. Впрочем, Баратынский мог пользоваться и русской фор-

[116] П. Дараган в «Русской старине» (1875, апрель, с. 775).

мой *Один*, и французской *Odin*, произносимой с *е*: *Одéн.* Русская мифология дает немного: *Лель* (149), *серый волк* (169), *сивка-бурка* (169).

При частом применении мифологических имен Баратынский, конечно, мог пользоваться ими и в рифмах: *Аполлон — небосклон* (292), *Фаона — Аполлона* (203), *Пииту — Хариту* (223), *Фортуны — струны* (244), *сон — аквилон* (253), *Феба — неба* (276), *знакома — Мома* (277), *Авроры — взоры* (293), *Лета — света* (316).

Искусственные слова в поэзии Е.А. Баратынского

Совершенно исключительное явление представляет язык Баратынского в одном отделе лексики: наш поэт дает довольно много новых, им самим составленных слов. Вот примеры их употребления:

Я, *беззаботливый* душою,
Вострепещу ль перед судьбою? (6).

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель,
Ты был ли, о свободный Рим?
К немым развалинам твоим
Подходит с грустию их чуждый *навеститель* (12).

Судьбы ли всех держав ты [Рим] грозный *возвеститель?* (12).

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве *разновещающей*
С судьбой насмешливой знаком (15).

И в шуме дня и в тишине ночной
Я чувствую его [поцелуя] *напечатленье* (30).

К чему прибегнешь ты,
К чему, *бесчарная* Цирцея? (33).

Но тщетно взор во взорах их [красавиц].
Искал ответа и *узнанья*
(в значении: понимания; 79. Ср. с. 184.)

Окогченная летунья,
Эпиграмма-хохотунья... (80).

Мы пьем в любви отраву сладкую...
И платим мы за радость краткую
Ей *безвесельем* долгих дней (90).

Но случай: человек, всегда корысти жадный,
Берется ли за труд наверно *безнаградный*? (94).

И стал передавать, забывши божий страх,
Жизнехуленья их [германских поэтов] в пленительных стихах
(107, О Жуковском).

Живитель сердца труд... (118).

Постигнул таинства страданья
Душемутительный поэт (136).

Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством *староверца* (137).

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешний вполне *отдышавший*...
К предвечному легкой душой возлетит (175).

Как пажити Эол *бурнопогодный,*
Плодотворят они [поэты] сердца людей (202).

Гонит в нем [предрассудке] наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правде современной
Дряхлолетнего отца (204).

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее *вихревращенье*... (232).

В наш краткий летний жар тобою был любим
Овраг под сению дубов *прохладновейных* (251).

Где б скрылся, не на час, как эти полубоги,
Здесь Лету пившие, чтоб крепнуть для тревоги,
Но чтоб незримо слить в *безмыслии* златом
Сон неги сладостной с последним, вечным сном (252).

Лелей по-своему твой подземельный сон,
Наш *бур подышущий*, полночный аквилон,
Не хуже веющий забвеньем и покоем,
Чем вздохи южные с душистым их *упоем* (253).

О спи! *Безгрезно* спи в пределах наших льдистых (253).

Сошел я в дол заветный,
Дол, первых дум моих *лелеятель* приветный! (142).

И погналась [Москва] за модой *новосветской* (241).

Когда придется как-нибудь
В досужный час воспомянуть

Вам о Финляндии суровой,
О финских чудных щеголях,
О их *безужинных* балах... (286).

Страшися вкрадчивых речей
Одуревающей приманки... (II, 33).

Он добродушен, доброхотен,
Веселонравен, беззаботен... (II, 49).

В земле, о коей справедливо
Нам чудеса вещает *старь* (II, 52).

Развратных, своевольных правил
Несчастный кодекс он составил;
Всегда ссылалось на него
Его блажное *болтовство* (II, 66).

Средь града новый град возник —
Столица легкого безделья
И *бесчиновного* веселья (II, 67).

Едва пора *самопонятья*
Пришла ему... (II, 159).

Кое-что, очень немногое, мы можем отнести здесь на счет влияния французской лексики, т.е. вольного перевода соответствующих французских слов: *visiteur — навеститель; proclamateur, annonciateur — возвеститель, animateur — живитель, tourbillonnement — вихревращенье* и т.п.

В приведенном довольно большом словаре искусственных слов можно установить принципы их составления и выделить типичные словообразования. Эта работа покажет нам, что в попытках словотворчества Баратынский не действовал слепо, но держался некоторых теоретических оснований и приемов.

Не считаясь с общепринятой традицией живого и книжного языка, Баратынский создает неизвестные раньше слова следующими способами.

1. Образование имен существительных по аналогии от живых форм неопределенного наклонения: *навестить — навеститель*, *возвестить — возвеститель, напечатлеть — напечатленье, узнать — узнанье, упоить — упой, болтать — болтовство* и т.п.

Эти новые слова в некоторой части близки к распространенным образованиям. *Навестить — навеститель* укладываются в ряд: *заместить — заместитель, искоренить — искоренитель, обольстить — обольститель* и т.п. Для *напечатленье* имеем сходное образование *впечатление, истление, сожаление.* Пара *узнать — узнание* имеет некоторую близость по образованию к словам *сознание, познание, признание,* но вообще глаголы вида совершенного, образованные путем приставки *у-*, не всегда имеют при себе отглагольные существительные на *-ние: убрать, увидеть, уговорить, ударить*[117], *уколоть, унять, уронить* и т.п., хотя при некоторых глаголах совершенного вида такие образования вполне возможны: *удаление, уединение, уничтожение, упрощение, усвоение* и т.п.

При малоупотребительном глаголе *упоить* в литературном языке имеется отвлеченное существительное *упоение* — восторг, восхищение; слово *упой* известно только в народном языке: *в упой напоил* (Даль). Существительное *болтовство* можно сравнить с отглагольными: *балагурство, баловство, воровство, знакомство, колдовство,* но форма слова *болтовство* такова, что ее можно получить только от несуществующего глагола *болтовать*; существующий глагол *болтать* не имеет суффикса *-ов-*, который оказался в существительном.

2. Образование новых прилагательных и наречий путем присоединения приставки *без-* к словам новым и таким, которые сложились раньше: *беззаботливый, бесчарная, безнаградный,*

[117] Ср. искусственно созданный грамматический термин ударение.

безгрезно, безужинный, бесчиновный. Первое из них является вариантом к общеупотребительному *беззаботный* с тем же значением; оно только дает лишний слог и помогло, таким образом, построению данного стиха. Все остальные прилагательные передают обороты из предлога *без-* и существительного: *без чар, без награды, без грез* (без сновидений), *без ужина, без чинов* (без церемоний, по-товарищески просто). Они имеют много аналогий, часто довольно близких, в литературном языке, который допускает рядом и оборот с предлогом, и соответствующее прилагательное или наречие: *без болезни — безболезненный, безболезненно; без вреда — безвредный, безвредно; без денег — безденежный, безденежно; без наказания — безнаказанный, безнаказанно; без платы — бесплатный, бесплатно; без порядка — беспорядочный, беспорядочно; без сна — бессонный* и т.д.

Подобным образом Баратынский составляет и некоторые новые существительные: *безвеселье, безмыслие;* образцом для них могли служить такие слова, как *бездействие, безверие, бездушие, безмолвие, безначалие* и т.п., употребляемые и без приставки или обычно только с нею. При этом более распространенные существительные такого образования имеют при себе соответствующие имена прилагательные: *безволие — безвольный, беззаконие — беззаконный, безземелье — безземельный* и т.п.

3. В образовании форм, связанных с глаголами, Баратынский производит причастие от искусственно составленных глаголов: *окогченная* от *окогтить* (т.е. снабдить, вооружить когтями). Подобные искусственные причастия в виде исключения мы встречаем у некоторых авторов: «О дева! арфы над струнами, *Обестелесен, обездушен,* Я будто истукан стою» (Державин, Дева за арфою); «Край наш был весь *обезмышен*» (Жуковский, Война мышей и лягушек). Точно так же искусственно образовано причастие *отдышавший со* значением: скончавшийся, умерший. Образование это, однако, очень счастливое и хорошо выражающее в данном случае мысль поэта.

Более тяжелым является причастие *одуревающей* вместо *одуряющей* (род. п.). По-русски говорят только *оду-*

ряющий, т.е. ослабляющий сознание, чувство: *одуряющий запах.* Причастие Баратынского составлено по образцам: *ослабевать — ослабевающий, заболевать — заболевающий, созревать — созревающий, оскудевать — оскудевающий, затвердевать — затвердевающий, претерпевать — претерпевающий, оцепеневать — оцепеневающий, ошалеть — ошалевающий.* Вполне употребительны немногие из них: *ослабевающий, созревающий.* Остальные малоупотребительны, тяжки. Однако образованное Баратынским причастие не может войти в данный ряд, так как в нем исключительно стоят глаголы средние, непереходные, между тем как глаголы *одуревать — одурять* имеют грамматическое значение переходных.

4. Особенно много новых слов создает Баратынский путем сложения: *разновещающий, жизнехудение, душемучительный, староверец, бурнопогодный, дряхлолетний, вихревращенье, прохладновейный, бурнодышущий, новосветский, веселонравный, самопонятье.*

Здесь видим довольно разнообразные способы сложения. Во-первых, соединение в одном слове двух из оборота с родительным дополнительным: *жизнехуленье — хуление жизни, вихревращенье — вращение вихря* или *вихрей*; сюда же следует отнести новообразование *самопонятье*, т.е. понимание самого себя, как нынешнее самосознание; во-вторых, присоединение краткого прилагательного со значением наречия к причастию или прилагательному: *разновещающей, бурнодышущий, прохладновейный*; в-третьих, новые сложные прилагательные, передающие описательные обороты: *дряхлых лет — дряхлолетний, нового света — новосветский, веселого нрава — веселонравный, возмущающий душу — душемутительный, производящий бурную погоду — бурнопогодный.*

Может быть, после долгих справок и поисков мы найдем некоторые из этих слов у современников или предшественников Баратынского (*веселонравный*, например, есть у Державина, в оде «Решемыслу»).

Пока, при отсутствии таких показаний, мы должны признать — в мере своего знания и опыта в области русского языка эпохи Баратынского, что почти все эти слова лично созданы нашим поэтом в условиях выработки новых материалов поэтического языка, служащего для выражения художественной мысли, облекаемой в мерную стихотворную речь.

Практически Баратынский первый из авторов пушкинского круга так определенно выразил стремление к составлению авторских неологизмов, так широко и последовательно применял опыты составления новых слов в поэтическом языке, что должен считаться главным представителем этого нового течения в создании нашей стихотворной речи в 20—40-х годах прошлого века.

Раньше небольшие попытки в направлении создания новых данных литературного языка делал Державин, но его опыты были очень скромны по количеству и характеру новообразований: их не наберется и доброго десятка. Между прочим, Державин был сторонником создания новых слов для перевода заимствованных терминов; так, вместо слова *гармония* он употреблял слово *доброгласие.*

Баратынский не интересовался вопросами перевода и составлял искусственные слова в процессе создания оригинального стихотворного текста[118].

Малоупотребительные слова в поэзии Е.А. Баратынского

Рядом с неологизмами у Баратынского находим слова, хотя и употребляемые до него и в его время, но очень редкие, малоизвестные, встречающиеся только в книжной речи, точнее в поэзии, притом не часто. Приведу примеры:

Но для чего души *разуверенье*
Свершилось не вполне? (8).

[118] Раздел «Замечания об истории искусственных слов» опущен, так как в нем не анализируется стиль Баратынского. — *Прим. сост.*

Гоните прочь их [надежд] рой *прельстительный*... (15).

Куда бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивые досады (33).

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соплеменница зари! (54).

Державный сон ее открой,
Да изумит своей красой,
Да величавый взор смущает
Ее *злословного* судью... (131).

О дочь верховного Эфира!
О *светозарная* краса! (138).

Любуясь ясными очами,
Обворожительным лицом
Блестящей Грации, пред всеми
Живописуемой услужливым стеклом... (148).

Везде дворцы, театры, *водометы*,
Везде народ... (165).

Не хочу, чтоб *суесловью*
Было ведомо оно [прозвание] (184).

Полный влагой *искрометной*,
Зашипел ты, мой бокал! (215).

Ты так же ли, как *земледел*, богат? (231).

Прощай, прощай, сияние небес!..
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды! (229).

Свой *ратоборный* дух, на битвы не усталой,
В картечи эпиграмм Суворов испустил (252).

Люблю я вас, богини пенья!
Но ваш чарующий *находе*,
Сей сладкий трепет вдохновенья —
Предтечей жизненных невзгод (249).

Раз *обычайною* порою
У вод любимого ручья
Они сидели молчаливо (II, 158).

Сатиры, Фавны козлоноги
Сбегутся слушать голос твой,
Певца внимательно *обстанут*... (II, 169).

Чтоб обмануть ему верней
Глаза *ожиданных* гостей,
Давно нигде нет света (II, 195).

И в город сквозь ночную тень
Уж, *голубея*, крался день (II, 220).

Некоторые из приведенных малоупотребительных слов мы знаем у Пушкина: *живописал, земледел, искрометный, обычайный;* некоторые встречаем у поэтов той же эпохи: *водомет* (у Тютчева), *ожиданный* (у Лермонтова).

Особенности поэтического стиля Е.А. Баратынского

Метафоры

Поэтический язык Баратынского богат свежими, живописными и выразительными метафорами. Замечательна их отвлеченность.

Поэт берет свои метафоры из жизни человека, его деятельности и общественных отношений, например:

Или вовек его [счастия] не обрету я
В *пустыне бытия* (8).

Для всех один закон, закон *уничтоженья*,
Во всем мне слышится таинственный *привет*
Обетованного *забвенья*! (6).

Пусть радости живущим *жизнь дарит*,
А *смерть* сама их умереть *научит* (11).

Нужды непреклонной слепые *рабы*,
Рабы самовластного *рока!*
Земным ощущеньям насильственно нас
Случайная *жизнь покоряет* (77).

Священный долг за ними вслед
Тебя зовет, *любовник* брани (104).

Под бурею судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной *неволей бытия*,
Нести ярмо мое *утрачивая силу,*
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую ее, покой ее люблю
И *цепи отряхнуть* я сам себя молю («Из А. Шенье», 153).

Братайтеся, к взаимной *обороне*
Ничтожностей своих вы рождены;
Но дар прямой *не брат* у вас в притоне,
Бездарные писцы хлопотуны (242).

Не раз волшебною *взлелеянный мечтой*
Я в ночь безмолвную беседовал с тобой... (271).

Потомок рыцарей, *взлелеянный войной,*
Сверкающим мечом махнет над головой (273).

Поэзия Баратынского берет также свои метафоры из жизни природы.

О, все своей чредой исчезнет в *бездне лет!* (6).

...И спеет жатва дорогая,
И в *зернах дум* ее сбираешь ты... (230).

Хладеет в сердце *жизнь,* и *юности* моей
Поблекли утренние розы!
Благоуханный
Май воскреснул на лугах...
Вотще! не для меня долины и леса
Одушевились красотою...
Я вяну, вянет все со мною! (279).

Особенно замечательны у нашего поэта метафорические применения названий времени, времен года и частей дня к возрастным состояниям человека.

Взгляните: свежестью младой
И в *осень лет* она пленяет (64).

И вот сентябрь! и *вечер года* к ним
Подходит (229).

Твой *день* взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий (231).

Но я дитя в то время был,
Ты в *утро дней* едва вступала (260).

Мечты волшебные, вы скрылись от очей!
Сбылися *времени угрозы!..* (279).

Более или менее очевидно, что эти последние метафоры взяты из французской поэзии, но они естественны, понятны и хорошо служат целям художественного выражения. В русской литературной речи они не утвердились, хотя и встречаются у наших классиков: *утро года* (Пушкин), *вечер жизни* (Тургенев, Муму). Поэтические словоупотребления Баратынского — образец счастливого заимствования, достоинство которого не теряется от времени.

Также все еще живы и поэтичны, хотя и мало соответствуют реалистическому воззрению нашего времени, метафоры и образы классической мифологии, усвоенные Баратынским, как и другими поэтами его эпохи, из французской литературы.

Я слышу: свищет *Аквилон,*
Качает елию скрыпучей... (7).

С тяжелым заступом являюся в огороде...
О подвиг благостный! не тщетен будешь ты...
Богиня пажитей признательней *Фортуны!..* (14).

Ты не спасешь меня, *Киприда!*
Пробьют урочные часы,
И низойдет к брегам *Аида*
Певец веселья и красы (31).

Давно румяный *Феб* прогнал ночную тень,
Давно проснулися заботы... (48).

Иногда мифологический образ поэт заменяет отвлеченным, но этот образ все же остается мифологическим.

Предаться нежному участию
Мне тайный голос не велит...
И удивление, по счастью,
От *стрел любви* меня хранит (282).

Такие образы поддерживаются в поэзии не только богатым литературным преданием, но и античной скульптурой, классической живописью.

Эпитеты

А. Замечательны у Баратынского характеризующие эпитеты при мифологических и исторических именах: «*свободный* Рим» (12), «*державный* Рим» (12), «*рок злобный*» (22), «*темных* Орковых полей» (32), «*необъемлемый* Аид» (32), «*всевидящей* судьбе» (37), «*ветреной* Киприды» (41), «*досадливой* Хариты» (43), «*румяный* Феб» (46), «*ветреный* Эрот» (48), «Аполлон, бог *беспристрастный* Геликона» (62), «*алчный* Тантал» (т.е. алчущий; 78), «*бранного* Одена» (103), «*счастливой* Леты» (107), «*ласковую* Фею» (125), «боги *праведные*» (126), «*мила*, как Грация, *скромна*, как Сандрильона» (132), «Урании *холодной*» (202), «*благодатных* Фей» (222), «*ненастливый* Эол» (229), «*гордый* Рим» (272), «*блестящие* Афины» (273), «*святая* Греция» (274), «*божественной* Эллады» (274), «*пламенной* Авроры» (293), «Музою *прелестной*» (295), «*блестящий* Феб» (303), «*правдивый* Аполлон» (303).

В ряду обычных эпитетов можно указать, во-первых, традиционные, привычные, как: «*дремучий* бор» (5), «*буйный* ветр» (5), «в *родной* стране» (6), «на лицах *сумрачных*» (6), «наше *ветреное* племя» (6), «*незвонкими* струнами» (6), «*крутой* вершины» (7), «поток *седой*» (7), «елию *скрыпучей*» (7), «во *звездной* вышине» (9), «*усопший* брат» (10), «твой череп *желтый, пыльный*» (10), «*беспокойных* снов» (13), «*усталый* труженик» (13), «бури *грозный* свист» (13), «*спокойный* домосед в моей *безвестной* хате» (13), «*кровавых* битв любовник *молодой*» (13),

«*прилежный, мирный* плуг» (13), «*дряхлого* отца» (14), «сады свои *густые*» (14), «с *тяжелым* заступом» (14), «плодами *сочными*» (14), «по *бархатному* лугу» (14), «*ясный* день» (14), «на *яростных* волнах» (17), «за чашей *круговою*» (22), «источник *мутный*» (26), «*голосистый* соловей» (26), «осени *ненастной*» и т.д.

Не менее замечательны у нашего поэта эпитеты оригинальные, недавнего или личного творчества, особенно в выражениях отвлеченных: «в *глубокой* тишине» (6), «*таинственный* привет *обетованного* забвенья» (6), «и с непогодою *ревучей* Твой рев *мятежный* соглашен» (7; о водопаде), «с *безумным* ожиданьем» (7), «трепещет грудь моя каким-то *вещим* трепетаньем» (7), «как *очарованный* стою Над *дымной* бездною твоею И, мнится, сердцем разумею речь *безглагольную* твою» (7; о водопаде), «*младые* сны от сердца отлетели» (8), «*слепое* сожаленье» (8), «*дольний* жребий свой» (8), «*отрадному* бесстрастью» (8), «я оболью *суровым* хладом душу» (9), «могилы мир *печальный*» (9), «кто пренебрег святынею *могильной*» (10), «усопших *важный* сон» (10), «*немым* развалинам» [Рима] (12), «град *пышный*» (12; о Риме), «победы *мощный* гений» (12), «*ревнивый* суд невежд» (13), «*суетных* надежд» (13), «в стихах *задумчивых*, *взыскательных* судей» (13), «часы *златые*» (13), «о подвиг *благостный*» (14), «верь надежде *обольщающей*» (15), «для вас и замыслы *блестящие* и сердца *пламенные* сны» (15), «судьбой *насмешливой*» (15), «и берегите хлад *спасительный* своей *бездейственной* души» (16), «на *краткий* миг» (18), «*унылое* смущенье» (18), «судьбы *ласкающей* улыбкой» (21), «в *больной* душе» (20), «*слепой* тоски» (25), «я жажду ночи *гробовой*» и т.п.

Примеры показывают, с одной стороны, отчетливое знание и применение Баратынским общеизвестных устойчивых художественных эпитетов, с другой стороны — его замечательное мастерство в творческом создании новых поэтических эпитетов. В этом последнем отношении поэт показывает замечательные образцы смелости, изобретательности и авторского дарования.

Встречающиеся у него эпитеты свежи, выразительны, естественны и обогащают наш поэтический язык ценностями, которые имеют все права на долгую жизнь и дальнейшее использование, прямое и подражательное.

Б. Однако мастерство в употреблении эпитетов далось поэту нелегко и недаром. У Баратынского иногда наблюдается темнота, нечеткость текста, созданные нестрогим подбором эпитетов, которые в стильной поэтической речи должны быть точны, незаменимы. Приведу примеры таких не вполне удачных, нечетких или слишком смелых и новых эпитетов и определений:

А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво *пустынные* струи... (14).

И голосистый соловей
Умолкнул в роще *бесприютной* (26).

Когда на дев цветущих и *приветных*...
Глядишь порой... (71).

На *бренную* землю беспечно оно [небо]
Торжественный свод опирает (78).

Познай же цену *срочных* дней,
Лови пролетное мгновенье! (89).

Избыток породил *бездейственную* лень (118).

Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую *несрочную* весну (143).

Но поражен бывает мельком свет
Ее лица *необщим* выраженьем,
Ее речей спокойной простотой (156).

Я вижу вас, родные степи,
Моя *печальная* любовь (158).

В дни необузданных страстей
Со мною жил *превратный* гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов *несогласных*
Во мне питал и раздувал... (188).

Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая (210).

Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей,
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей! (216).

Но перед тобой, как перед *нагим* мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная (325).

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную *влажного* бога [бога вод] (248).

Царь небес! успокой
Дух болезненный мой!
И на *строгий* твой рай
Силы сердцу подай! (254).

Когда, едва вздохнув для жизни *неизвестной,*
Я с тихой радостью взглянул на мир прелестный... (275).

Так перешедши жизнь *незнаемой* тропою,
Свой подвиг совершив, усталою главою
Склонюсь я наконец ко смертному одру (276).

Когда и *тошный* опыт света
Меня наставил кой-чему... (312).

Но что с *бессонною* душой,
С душою чуткою поэта,
Ужели вовсе чужд я света? (316).

Здесь мы видим несоответствие эпитетов с именами предметов, к которым они прилагаются: *струи* — части водного потока — не могут быть *пустынными; рощу,* дающую приют живым существам, нельзя назвать *бесприютной*: *бесприютны* могут быть только одушевленные предметы; *меч* не может быть *нагой*, а только *обнаженный*, вынутый из ножен; *бог вод, влаги* сам по себе не является *влажным*, т.е. мокрым; *голос скорби*, тихого чувства, вызывает не *страх*, а *сожаление* и т.д. Выражения *бренная земля, бездейственная лень* — тавтология. Сочетания *срочные дни, строгий рай* необычны, неясны и слишком реалистичны по своим эпитетам.

Сравнения

Большим мастером был Баратынский и в области художественного сравнения. Укажу несколько образцов наиболее оригинальных, кратких или развитых его сравнений.

Как Магдалина, плачешь ты,
И, *как русалка,* ты хохочешь! (49).

А ваша Муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
С чужим ребенком на руках (136).

Что за звуки? Мимоходом
Ты поешь перед народом,
Старец нищий и слепой!
И, *как псов враждебных стая,*
Чернь тебя обстала злая,
Издеваясь над тобой (224).

Двойною прелестью опасна,
Лицом задумчива, речами весела,
Как одалиска, ты прекрасна,
И, *как пастушка,* ты мила (315).

В особом ряду стоят, конечно, сравнения мифологические.

Живительным дыханьем развита,
Фантазия подъемлется от них [страстей],
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских (202).

Следующее сравнение показывает в Баратынском военного человека:

Среди пороков,
Кипевших роем вкруг него,
И ядовитых их уроков,
И омраченья своего
В душе сберег он чувства пламя.
Елецкий битву проиграл,
Но побежденный спас он знамя.
И пред самим собой не пал (II, 188).

Образные выражения

Образные выражения в стихах Баратынского также естественны, выразительны и красивы.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!
Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос:
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос (245).

Вот старик седой, изнеможенный,
На ветхих костылях под ношей лет согбенный,
Он с жизнью сопряжен страданием одним;
Уже могилы дверь отверста перед ним... (271).

Живи для радости, для дружбы, для любви.
Цветок нашел — скорей сорви!
Цветы прелестны лишь весною! (264).

Други! радость изменила,
Предо мною мрачен путь,
И болезнь мне положила
Руку хладную на грудь (280).

Кружатся дамы молодые,
Не чувствуют себя самих:
Драгими камнями у них
Горят уборы головные;
По их плечам полунагим
Златые локоны летают... (II, 30).

Еще на крыльях торопливых
Промчалось несколько недель... (II, 41).

Царица тишины и сна,
Высоко поднялась луна (II, 189).

Конечно, рядом с авторскими образами мы находим у Баратынского кое-что заимствованное: мифологическое, библейское и т.п.

Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца (137).

Преданья свет блеснул, — и камни глас прияли,
Века минувшие из тьмы своей восстали (273).

Своим пенатам воззращенный,
Всему решительным венцом
Цыганку взял себе он в дом (II, 67).

Намеки

Намеки, недосказанность в поэтическом языке Баратынского имеют свою основу в обращении его поэзии к литературно развитому читателю. О некоторых из них мы говорили раньше, где намеки относятся к области фольклора. В самом деле, если поэт свободно и широко пользуется данными классической мифологии, предполагая обязательное их понимание читателем его произведений, то вполне естественно с его стороны можно было полагаться на догадливость читателя и в области исторических или литературных знаний, распространенных в его время.

Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек! (234).

Что это значит? Несомненно, здесь идет речь о том, что, по известному преданию, Ньютон, наблюдая, что спелое яблоко падает на землю, пришел к мысли и вывел законы всемирного тяготения.

Спасибо вам, я не в утрате!
Как богоизбранный еврей,
Остановили на закате
Вы солнце юности моей! (243).

Объяснение этого намека дает библейский рассказ о том, как Иисус Навин остановил солнце, чтобы докончить при свете дня начатое сражение.

Не чужда нашему поэту и тонкая ирония.

Чем холостой словесной перестрелкой
Морочить свет и множить пустяки,
Порадуйте нас дельною разделкой:
Благословясь, схватитесь за виски! (129).

Сжатость выражения

Вместе с намеками укажем примеры сжатости, недоговоренности в выражении мысли. Они происходят по большей части от невключения в предложение какого-либо главного члена или члена предложения, поясняющего то или другое слово. Это так называемые эллипсисы: опущение того, что не представляется необходимым для ясного выражения мысли. Например, в следующих предложениях видим опущение сказуемого (*находится, пребывает*), подлежащего (*ты*), дополнения (*тебе*).

И все вокруг меня в глубокой тишине! (6).

Давно я, Эда, не видал
Родного счастливого края,
Сестры моей не целовал!
Лицом она, будь сердцем ею (II, 3).

О, провиденье,
Благодаренье!.. (179)

Хвала, маститый наш Зоил! (150).

Иногда выражение мысли сжато не синтаксически, а стилистически, т.е. мысль выражена так, что в ней недостает некоторых поясняющих ее условий, о необходимости которых развитый читатель может без труда догадаться. Вот это требование понимания от читателя, этот расчет на его сообразительность, проницательность и позволяет автору прибегать к сжатости выражения.

Слегка седеющий мой волос
Любил за право на покой (243),

т.е. седеющий волос — свидетельство старости, а старость дает право на покой.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь (247).

Здесь дается образ: ласка в обращении к милой. Он не раскрывается, но должен пониматься в том смысле, что она, эта милая, внушает поэту веру в себя и веру вообще, уверенность в счастливом будущем.

Повторение слов

Русская стилистика издавна требует того, чтобы в одном предложении и двух соседних не допускалось одних и тех же или образованных от одного корня слов.

Правило это вообще всеми соблюдается в литературном изложении. Менее строгие стилисты, как Гоголь, Л.Н. Толстой, не считают его обязательным для своей авторской речи, ничем не отличая ее от свободной разговорной. Другие ав-

торы допускают иногда повторение слов в разных формах, умело пользуясь одинаковыми словами как выразительным средством речи. Баратынский применял такие обороты постоянно и с большим литературным мастерством. В следующих примерах мы увидим разнообразные случаи повторения слов с той же или измененной формой в условиях выразительного противоположения, сопоставления, усиления или в устойчивых сочетаниях.

Не *вечный* для времен, я *вечен* для себя...
Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу *мгновенью!* (6).

О *счастии* с младенчества тоскуя,
Все *счастьем* беден я... (8).

Дитя крылатое захочешь как-нибудь
Вновь *приманить*... но не *приманишь*!..
Немирного душой на *мирном* ложе *сна*
Так убегает *усыпленье* (33).

Пусть мнимым *счастием* для света мы убоги,
Счастливцы нас бедней, и праведные боги
Им дали *чувственность,* а *чувство* дали нам (117).

Почил безмятежно, зане совершил
В пределе *земном* все *земное*...
На все отозвался он *сердцем* своим,
Что просит у *сердца* ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном *беспредельном* нашел ей *предел* (174).

Давным-давно простился я со счастьем (281).

Отца *простого* дочь *простая*
Красой лица, *красой* души
Блистала Эда молодая (II, 4).

Подсел он *скромно* к деве *скромной* (II, 4).

В *руке* гусара моего
Давно *рука* ее лежала (II, 5).

Всегда была Твоим *весельем весела;*
С тобою *грустным* я *грустила* (II, 5).

Кладбище есть. Теснятся там
К *холмам холмы, кресты* к *крестам*... (II, 20).

Она, возвыся бойкий глас,
Совсем *ругательски ругалась* (II, 61).

Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздор болтаю я (II, 162).

Безумна сих певцов новейшая орда,
Свой *стыд* поющая без всякого *стыда!* (II, 122).

В душе мятущейся твоей
Я *чудным чудом* оживаю (II, 218).

Ср. в народных сказках: *чудо чудное, диво дивное.*

К данным стилистическим приемам также относится и повторение слов без изменения их формы.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой! (7).

Последний лист упал со древа,
Последний час его [умирающего] пробил (27).

Люблю я бранные шатры,
Люблю беспечность полковую,
Люблю красивые смотры,
Люблю тревогу боевую,
Люблю я храбрых, воин мой,
Люблю их видеть в битве шумной... (104).

Надежд своих лишен я прежней *цели,*
А новой *цели* нет...
Светильник твой — *светильник* погребальный
Всех радостей земных!
Твой *мир,* увы! могилы *мир* печальный... (8—9).

И часто, пасмурный душой,
За то я вами *не доволен,*
Что *не доволен* сам собой (99).

Сестру я добрую имею,
Сестру чудесной красоты:
Я *нежно, нежно* дружен с нею
И на нее похожа ты (II, 3).

На *горы каменные* там
Поверглись *каменные горы* (II, 4).

Взор укоризны, даже *гнева*
Тогда поднять хотела дева,
Но *гнева взор* не выражал (II, 5).

Говорят,
Что вероломны, злобны все вы,
Что вас бежать должны бы девы,
Что как-то губите вы нас,
Что пропадешь, когда полюбишь... (II, 5).

Прими мой труд непринужденный!..
Он твой достаток справедливой:
Он первый плод мечты игривой,
Он новой жизни *первый плод* (II, 62).

Замечательно повторение слов и предложений в стихотворении «Я был любим, твердила ты Мне часто нежные обеты» (296).

Повторение связано именно с тем, что она твердила, говорила одни и те же нежные обеты. Поэтому повторением заканчивается каждая строфа данного стихотворения:

Я был любим, я был любим!..
Но тот же я, все тот же я!..
Свиданье с ней, свиданье с ней...
Хитра любовь, хитра любовь!

Заключение

Источники творчества Е.А. Баратынского

Касаясь вопроса об источниках поэтического творчества, о литературных влияниях, отложившихся в языке Баратынского, мы должны отметить, что их слишком немного. Наш поэт мало говорит о себе в этом отношении. Но есть исключения. В стихотворении «Дядьке-итальянцу» (с. 250—253) раскрывается богатая картина живых рассказов этого воспитателя об Италии, об исторических событиях, которые этот дядька знал как очевидец и о которых он сообщал своему питомцу по живым преданиям.

В отрывках из поэмы «Воспоминание» (с. 271—276) поэт уже прямо говорит о своем классическом воспитании:

С каким волнением внимал я с юных дней
Бессмертным повестям Плутарха, Фукидида!

Я персов поражал с дружиной Леонида;
С отцом Виргинии отмщением пылал,
Казалось, грудь мою пронзил его кинжал;
И, подданный царя, защитник верный трона,
В восторге трепетал при имени Катона (273).

В стихотворениях Баратынского мы видим кое-какие намеки на Библию, но не знаем, славянский или французский текст Библии читал Баратынский. Замечу, что гораздо позднее Л.Н. Толстой, дававший педагогу Д.И. Тихомирову указание на отрывки библейских текстов, которые полезно читать вшколе, брал рекомендуемые места из французской библии!

За единичным исключением, о котором я говорил выше, мне не удалось отметить у Баратынского прямых заимствований в виде цитат или хотя бы сколько-нибудь сложных выражений из других авторов. Кое-какие отражения русского фольклора отмечены мною раньше.

Ссылки на других авторов у Баратынского, более или менее случайные и невольные, находим в посланиях и в немногих стихотворениях. Характерно одно, в котором наш поэт говорит о подражании с явным осуждением: «Не подражай: своеобразен гений» (с. 155). И это можно отнести не к одному Мицкевичу, а ко всякому одаренному поэту, в том числе и к самому автору.

Это ясно из слов:

С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!

Поэтому у Баратынского мало подражаний и переводов, притом они являются главным образом в начале его литературной деятельности. Всего в отделе лирики с точными указаниями самого поэта имеем: *Лета* (подраж. Мильвуа; 20), *Падение листьев* (то же; 26), *Утешение* (подраж. Лафару; 29), *Ожидание* (подраж. Парни; 39), *Возвращение* (подраж. Мильвуа; 40), *Наяда* (подраж. Шенье; 76), *Под бурею судеб* (153; перевод из А. Ше-

нье). Случаи перевода, переделки без указания автора редки: *Леда* (291).

Отрицательное отношение поэта к подражанию высказывается и в стихотворении «Подражателям» (с. 136). Из поэм имеем переводную: «Телема и Макар» (т. II, с. 48—51; сказка Вольтера). Черты заимствования, неясные, есть и в поэме «Переселение душ» (т. II, с. 52—62).

Такую самостоятельность творчества Баратынского следует отметить особенно потому, что он, как видели, очень рано интересуется литературой Франции и других народов.

Если мы составим список авторов по упоминаниям Баратынского в I томе его стихотворений, то он окажется очень небольшим. Именно в нем находятся имена: Дельвиг (31, 45, 77, 87, 100, 112, 177, 298), Катулл (31), Парни (31, 97, 295), Пушкин (63, 109, 150, 205), Гнедич (92, 118), Анакреон (96), Батюшков (97, 109), Тибулл (97), Омир (Гомер; 97, 201), Гораций (100), Давыдов (102), Кюхельбекер (103), Богданович (107), Жуковский (107, 109, 150), Назон (109, 277), Языков (131, 312), Тасс (146, 317), Дмитриев (150), Шекспир (155), Дорат (155), Мицкевич (155), Байрон (155), Гёте (174), Вяземский (199), Сафо (203), Флакк (243), Цицерон (252), Плутарх (273), Фукидид (273), Фадей (Булгарин; 297), Василий (Львович Пушкин; 301).

Не учитываю всех авторов, которые называются описательно, например Державин в «Послании Гнедичу» (94), или определяются именем героя, как Виргилий по названию Энея (252).

Приведенный список имен авторов, упоминаемых Баратынским, дает нам некоторые небезынтересные показания о литературных интересах Баратынского.

1. Е.А. Баратынский — поэт, воспитавшийся на произведениях классической литературы, на великих писателях древнего и нового времени. Несомненно, он хорошо знал Гомера, Овидия Назона, Виргилия, Тасса, Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера (о нем, в связи с детским чтением, он упоминал раньше в письме к В.А. Жуковскому), Вольтера (его переводит). Мицке-

вича он ставит высоко, но не считает вполне самостоятельным. Хорошо известны ему и знаменитые исторические писатели древности, не поэты: Фукидид, Плутарх, знает он и оратора Цицерона.

2. Основной широкий круг привлекавших Баратынского авторов — поэты-лирики греческие, латинские, французские, русские: Анакреон, Сафо, Катулл, Тибулл, Гораций (он же: Флакк), Парни и другие французские поэты, о которых мы говорили при исчислении переводов Баратынского.

Из русских лириков несколько старшей эпохи наш поэт ценит Батюшкова и Жуковского. Интересно, что Державина он характеризует более в качестве человека и гражданина, чем поэта; о Карамзине не упоминает вовсе, о Дмитриеве упоминает случайно, о В.Л. Пушкине как лирике говорит с пренебрежением, придавая значение только его поэме «Опасный сосед». Все эти авторы не были предметом его увлечения, не являлись для него образцами, у которых он учился. О Крылове он совсем не говорит, очевидно потому, что басня не лежала в кругу художественных увлечений и задач нашего поэта. Его внимание к Богдановичу понятно: оно объясняется расположением и вкусом к эротической мифологии; припомним «Леду» самого Баратынского. Зато лирики пушкинского круга представлены в большой полноте. Тут отразились и близость литературного направления, и тесно связанная с ним личная дружба. Здесь никто не забыт; тут и сам Пушкин, и его товарищи и знакомые: Дельвиг, Давыдов, Кюхельбекер, Языков, Вяземский. С Дельвигом наш Баратынский был в большой дружбе, вероятно, как постоянный сотрудник «Северных цветов». Н.И. Гнедич является теоретическим руководителем Баратынского. Между прочим, он советует последнему писать сатиры. Наш автор стойко отстаивает свою поэзию лирического поэта (с. 119—120). Насколько Баратынский был серьезным, образованным и остроумным литературным критиком, можно видеть из его прозаического предисловия к поэме «Цыганка» (т. II, с. 172—180).

Недостатки языка в произведениях Е.А. Баратынского

Баратынский писал в такое время, когда наш поэтический язык находился еще в процессе своего окончательного создания. Это условие определяет и справедливую, высокую оценку его литературного языка, и необходимость признания за поэтом заслуг в выработке этого языка. Несомненно, что Баратынский, как и Пушкин, вкладывал много труда в обработку своих стихотворений. Борьба с языком часто оканчивалась полной победой, преодолением трудностей художественного выражения литературной мысли ясным, точным, правильным языком. Иногда наш поэт не справлялся с трудностями выражения, и следы этого, как мы указали, имеются в некоторых местах его текстов.

Не могу отнести к недостаткам языка Баратынского его попытки к созданию новых слов, также применения им довольно необычных архаизмов.

Один из комментаторов сочинений Баратынского в издании 1936 г., касаясь отрицательных особенностей его языка, объясняет с особой точки зрения происхождение в текстах поэта некоторых неясных мест. Впрочем, маловероятно это его объяснение, именно что Баратынский намеренно затемнял свой текст, чтобы «отгородиться от толпы».

Еще менее правдоподобно утверждение, что невразумительность текста Баратынского происходила от его стремления к сжатости выражения (с. XXIX—XXX). Ведь темны именно не сжатые, а распространенные места в текстах нашего автора. Вообще нельзя отрицать, что у Баратынского встречаются примеры неудачного, неточного употребления слов. Таковы, например:

> Услышьте *голос* мой,
> *Зовущий к вам* среди молчанья ночи..! (6).

Впрочем, это можно объяснить как метафору, но не общепринятую.

В огне волшебных ваших взоров
Я занял сердца бытие (115).

Всегда я счастлива с тобой
И каждый *миг* равно *ласкаю* (189).

Пью счастливо *воздух* тонкой (209).

...Веселье, муку,
Все жажду я делить с тобой:
Не уходи, *оставь мне руку!* (II, 3).

Прекрасней [Эды] не было в горах:
Румянец нежный на щеках,
Летучий стан, власы златые
В небрежных кольцах по плечам... (II, 4).
(Ср. фр. *taille éiancée.*)

В пределах самых отдаленных
Носилася *ее хвала*
И женихами привела
К ней полк царей иноплеменных (II, 53).

К своим высоким женихам
Вниманье вовсе *прекратила...* (II, 53).

Цветок, *роскошно усыпленный* (II, 53).

Где сосен вечный шум
И моря рев, и все питает
Безумье мрачных дум (28).

Наш тягостный жребий: положенный срок...
Любить и лелеять *недуг бытия...* (77).

Исчезнет *жизни сновиденье* (89)

(Ср. фр. *Lerêvedela vie.*)

Кто создан для войны и любит *стук мечей* (120).

Или в *мгновение зеницы*
Чудесный коврик-самолет
Он подо мною развернет (170).

В окно слежу я *Метели лёт* (178).

Забыл природы
Гробовый лик
И *непогоды*
Мятежный *крик* (179).

Ты ли долею своей
Равен с ним [Ахиллом], боец духовной,
Сын купели новых дней? (219).

Здесь мы видим ряд явно неточных выражений: *ласкаю миг, оставь мне руку, летучий стан, прекратила вниманье, сновиденье жизни* (вместо *сон*), *стук мечей* (вместо *звук, звон*), *в мгновенье зеницы* (вместо *в мгновение ока*), *метели лет* (в метель снег не летит, а переносится ветром по верхнему слою снега), *непогоды крик* (вместо *вой, шум;* ср., впрочем, народное южное *крик* в значении: плач в голос).

Затем находим не совсем удачные, нечеткие метафоры: *занял сердца бытие, безумье мрачных дум, недуг бытия, сын купели новых дней* (купель не родит, а только обмывает). *Пью воздух* — какая-то старая метафора. Мы знаем уже у Державина: *Черпать воздух* (дышать воздухом). Иногда неясность происходит от неточного употребления падежей: *ее хвала* вместо *хвала о ней* или *ее слава*.

В некоторых случаях слова не подходят по значению: *роскошью усыпленный*.

С другой стороны, мы можем указать у Баратынского много свежих и красивых словосочетаний в тех же грамматических и стилисти́ческих рядах слов и словоупотреблений. И те неудачные пробы поэта, которые мы сейчас указали ради объективности исследования, свидетельствуют о его стремлении к поискам и созданию оригинальных и художественных средств поэтического выражения.

Оценка поэтического языка и стиля Е.А. Баратынского

Поэзия Баратынского дает нам много лирических произведений, замечательных не только по содержательности, но также по изяществу, ясности и художественности изложения.

Мы последовательно и всесторонне рассмотрели все поэтические произведения Баратынского в отношении их языка и стиля и указали в предыдущем изложении то, что давал в этом отношении наш автор русской художественной литературе.

Поэт, близкий к Пушкину, он выступал в одно с ним время, но его литературное значение нельзя свести к роли ученика или подражателя. Е.А. Баратынский был поэт оригинальный и самостоятельный в тех отделах его поэтического труда, которые определились его дарованием. Этим отчасти объясняется и то, что он написал относительно немного, держась в сфере поэта-лирика, певца любви, красот природы, выразителя отвлеченных мыслей. В отличие от Пушкина, Баратынский являлся представителем некоторых особых литературных течений, например сторонником создания «новых слов» поэтического языка и применения малоупотребительных, или создателем особых приемов использования слов литературной речи, например в случаях повторения одного и того же слова в предложении. В условиях воспитания и жизни Е.А. Баратынского лежали все основания, при которых он еще с детства мог овладеть образцовым русским литературным языком: культурная дворянская семья, раннее литературное образование, жизнь в Петербурге и Москве, обращение в обра-

зованном обществе, сближение с выдающимися поэтами своего времени. При этих условиях и при значительной литературной одаренности Баратынский является незаурядным и типичным представителем языка своей эпохи. При немногих грамматических и лексических особенностях, которые являются отражением личной речи нашего поэта и объясняются воздействием на него особых книжных и диалектных влияний, его язык до сих пор может служить образцом русской литературной речи, довольно близким к нашей современности в отношении фонетического, морфологического и синтаксического ее выражения.

В особенности следует обратить внимание на достижения, которые дает поэзия Баратынского в обработке синтаксического строения русской литературной речи.

Словарные особенности языка Баратынского показывают его богатое знакомство с разновидностями русской лексики в ее исторических, социально-диалектных и литературных отложениях, с одной стороны; с другой стороны, мы видим в использовании этих богатств мастерское владение характерными массивами русской лексики для создания литературных произведений в соответствующих им стилях поэтической речи. Особенности поэтического стиля Баратынского также показывают в нем большого мастера русского литературного слова, обнаруживающего и превосходное знание литературных традиций, и таланты личной находчивости и авторской изобретательности.

Некоторые естественные и понятные в условиях времени недочеты в языке Баратынского или же неизбежные при условиях литературного образования того времени чужие, главным образом французские, влияния не могут сколько-нибудь значительно снижать достоинства языка Баратынского.

Он все же является одним из лучших представителей поэзии пушкинской эпохи, и, как этот наш величайший поэт, Баратынский в языке своих произведений является пока еще образцом, мало удаленным от нашего времени.

В языке, как и в поэзии Баратынского, мы не можем не оценить его значительной одаренности, основательного образова-

ния и большой самостоятельности. Значение последнего качества поэта, как мы уже упоминали раньше, прекрасно выражено в замечательном обращении Баратынского к Мицкевичу:

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратов ли, Шекспиров ли двойник,
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
И думаю, поклонник униженный!
Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог (155).

ЯЗЫК И СТИЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ А.В. КОЛЬЦОВА

Орфография и пунктуация

Правописание текстов Кольцова[119] если и можно назвать сколько-нибудь упорядоченным, то упорядоченным по совершенно необычному принципу: принципу соглашения письма весьма слабого в орфографии автора с орфографическими правилами его времени. Кольцов, например, окончание прилагательных мужского рода в родительном падеже писал по произношению, на *-ова.* Издатели оставляли неприкосновенным это правописание, и поэтому в текстах его стихов мы видим множество случаев с такой орфографией, которая вообще никогда не допускалась в литературном письме: «воску *Ярова*» (21), «друга *милова*» (21), «память *милова*» (22), «коня *быстрова*» (22), «из *большова* леса» (23), «чашу *горькова*» (29), «света *белова*» (30), «друга *вернова*» (39), «угла *теплова*» (39), «*прожитова* счастья» (45), *первова* (жаль), *последнева* (люблю; 50), «*одново* меня» (60), «делать *нечево*» (74) и т.д., с включением числительных и местоимений с большой последовательностью. Однако встречается и орфографическое письмо с *-аго* (по старому, общепринятому тогда правописанию): «*удалаго* молодца» (19), «гостя *новгородскаго*» (55); рядом в том же стихотворении: «суда *страшнова*» (56), «солнца *яснаго*» (66), но это вообще очень редко, в виде исключения.

Правописание времен Кольцова допускало окончание *-ова* только в рифмах с существительными, ради наглядности рифмы подобных: *слова — земнова, снова — злова* и т.п. Дальше этого оно не шло. У Кольцова мы видим нечто другое: более или менее последовательное применение, почти узаконение, живого окончания прилагательных *-ова* вне потребности зрительной

[119] В.И. Чернышев рассматривает тексты А.В. Кольцова по изданию А.Ф. Маркса, 1892. — *Прим. сост.*

рифмы. Очевидно, здесь этой необычной орфографии первоиздатели стихотворений нашего поэта придали стилистическое значение. Народное, не литературное окончание *-ова* хорошо шло к народной поэзии Кольцова, к его песням и бытовым стихотворениям из крестьянской жизни.

Действительно, когда мы обратимся в этом отношении к правописанию «Дум» (с. 88—103 нашего издания), то найдем некоторое подтверждение высказанному нами положению. Там окончание *-ова* отнюдь не преобладает. С *-ова* имеем три случая: «вопроси *другова*» (88), «*земнова* духа» (96), «*земнова* праха» (96); при них четыре случая с *-аго,-яго:* «*каждаго* века» (88), «*горняго* мира» (93), «*безмолвнаго* кладбища» (100), «*недвижимаго* камня». Еще более показательны факты ранних стихотворений Кольцова, его «опытов» (145— 150), не введенных редактором издания Арс. И. Введенским в основной текст издания. Здесь во всех случаях, без исключения, мы находим орфографически правильное окончание *-аго:* «*прямаго* счастья» (147), «храма *святаго*» (148), «слова *даннаго*» (148), «забудь *презреннаго*» (150). Если данное издание точно передает рукопись автора, то очевидно, что с самого начала писания стихов Кольцов уже настолько владел орфографическим письмом, что в подобных случаях мог писать правильно и потом, когда он стал печататься. Несомненно, что стихи, которые писал наш поэт, были для него не писанным словом, а словом живым, создаваемым и воспринимаемым на слух. При этих условиях родительный падеж прилагательных на *-ова* был для поэта слишком веским элементом, чтобы подменять его книжной, мертвой формой на *-аго*. Поэт усвоил и в писании стихов давать эту живую форму языка. Вероятно, при печатании он нашел поддержку и у других поэтов, всегда чутких к звукам родной речи. Белинский, никогда не смотревший на традиционную орфографию как на незыблемый закон языка, мог только поддержать данное новшество в правописании Кольцова, и оно в большинстве случаев твердо проводилось в печатании его текстов.

Таким образом, мы не можем в данном случае смотреть на орфографию Кольцова как на ошибочную: это не есть непреодолимая неграмотность, а вполне оправданный литературно-стилистический прием выразительного оформления поэтического слова. Исправление такой орфографии доказало бы грубо формалистическое понимание дела. Напротив, было бы желательно провести более тщательную сверку текстов Кольцова с сохранившимися рукописями и первопечатными изданиями, чтобы более приблизиться к автору и к его эпохе.

В данном издании А.Ф. Маркса (1892) тексты в отношении орфографии не вполне последовательны, например одно и то же слово печатается различно: «житье-бытье *горемычное*» (50) и «*горемышной* доле» (59). Нам непонятно написание *советывать* (68) с *ы*. Это могло быть и народной особенностью спряжения: *советывать — советываю,* и простой опечаткой.

Некоторые места заставляют подозревать ошибки издания. Так, на с. 46 читаем: «*Сверкает* степь, горит заря». Вероятно, здесь: «*Смеркает* степь» (по-южному). На с. 149: «Всеми *брезговал* — бовал». Стих получается только при народной форме слова *брезгал.* Ее, по-видимому, «исправили». На с. 101 читаем: «*Перед* тобою, мой бог, я свечу погасил...» Ритм стихотворения требует чтения «Пред тобою». Вероятно, опечатка.

Кольцов, несомненно, не владел во всех тонкостях пунктуацией своего времени. В некоторых местах он не смог установить пунктуацию, определяющую смысловые и синтаксические особенности текста. Не сделали этого и первоиздатели текста, т.е. не провели в нем последовательной, строго определенной расстановки знаков препинания. Они только исправляли на разные манеры, по личным вкусам и соображениям, тексты Кольцова, когда их приходилось печатать. Поэтому пунктуация текстов нашего поэта оказывается весьма непоследовательной и вызывающей нередкие недоумения. Она представляет ряд наслоений, идущих от разных лиц и литературных эпох, таких наслоений, в которых трудно установить основные руководящие

принципы пунктуации, дающие правильное истолкование текста автора и понятные с точки зрения обычаев общепринятого письма. Например, у Кольцова часто применяемым знаком деления речи было тире. Он ставил его в тех случаях, когда поэтическая речь требовала заметной паузы. Поэт не учитывал того, совпадает ли эта пауза с синтаксическим делением речи и необходимым знаком препинания, или совсем противоречит этому делению и обычно не обозначается никакими знаками препинания. При печатании текстов Кольцова издатели старались сохранить его своеобразную пунктуацию (правильно сознавая, что она имеет смысл и ценность), с одной стороны; с другой стороны, они хотели дать место и своим, общепринятым знакам препинания. Таким образом, где, например, у Кольцова стояло тире вместо запятой, они сохраняли тире поэта и прибавляли к нему свою запятую; или же не исправляли авторского текста там, где у него без нужды сталкивались эти два знака препинания. Поэтому в текстах Кольцова очень часто видим вместе оба эти знака препинания, затемняющие текст, вместо одного, уясняющего поэтическую речь.

Уже в первой печатной песне нашего издания: «Если встречусь с тобой» (19) — мы находим в пяти строках пять случаев применения этого двойного знака вместо одного, общепринятой запятой: «Если встречусь с тобой, Иль увижу тебя, — Что за трепет-огонь Разольется в душе!». При этом в одном случае запятая и тире стоят там, где не нужно ставить никакого знака: «А лобзаньям твоим, А восторгам твоим, — На земле, у людей Выраженья им нет!» Здесь совершенно ясно, что Кольцов поставил тире — знак ритмический, фонетический, а при печатании текста к нему подставили чисто механически запятую, подражая пунктуации трех предыдущих строк.

На следующей странице находим: «Прости, прощай, Любезный друг — И недруг мой!..» Тире, очевидно, авторское, риторическое, означающее паузу, для выделения следующего словосочетания. В общепринятой пунктуации такая постановка тире не применяется.

Дальше, на с. 19: «Увижу ль я девушку, Увижу ль я красную, Забьется неволею Сердечко удалое — Любовию чистою». Здесь опять тире не орфографическое, а чисто условное, риторическое, т.е. недопускаемое, ненужное.

Еще пример, на с. 24: «Живет в доме с давних пор, Караулит царский бор — Линой староста с женою С третьей дочкой молодою». Здесь тире между подлежащим и сказуемым, запрещаемое общепринятой пунктуацией; после *женою* следовало бы поставить запятую, но ее нет.

Мы не будем указывать случаи неполадки текстов Кольцова с разными знаками препинания. Скажем два слова о запятых. Они ставятся постоянно, когда автор желает подчеркнуть второстепенный член предложения. Вот текст одного из самых известных стихотворений — «Лес». В нем необычные запятые: «Только, в непогодь, Воешь жалобу На безвременье...» Это опять знаки условные, риторические. Так, ставятся запятые обычно: «В ночь, под бурей, я коня седлал» («Измена суженой»). Есть также запятые, совсем недопустимые: «Пойдешь за ней на улицу, Затеешь речь сторонкою, — Так, нет, куда! — сидит, молчит...» (46). Запятая после *так* обессмысливает текст. Она могла бы стоять тогда, когда *так* означает *да*, согласие. Здесь же *так* в неделимом устойчивом выражении. Трудно допустить, чтобы эту запятую поставил сам А.В. Кольцов, столь чуткий к живому членению речи. Видимо, тексты его обрабатывали не сильные в пунктуации люди[120].

В некоторых случаях, благодаря знакам препинания, нет никакой возможности установить значение слов и их синтаксические отношения: «Что, Бова-силач, Заколдованный, С непокрытою Головой в бою — Ты стоишь — поник, И не ратуешь С мимолетною Тучей-бурею?» («Лес»). Здесь почти все знаки пунктуации — загадочные иероглифы, не разъясняющие, а за-

[120] В последующих изданиях стихотворений А.В. Кольцова пунктуация уточнялась, приводилась в соответствие с авторским текстом. В частности, в издании «Библиотеки поэта» (Л.: Советский писатель, 1958) упоминаемая здесь запятая после так отсутствует. — *Прим. сост.*

маскировывающие текст. Так же темна пунктуация и дальше: «Так-то, темный лес, Богатырь-Бова! Ты всю жизнь свою Маял битвами».

Книжные элементы

В песнях и бытовых стихотворениях Кольцова с самого начала их создания изредка встречаются книжные формы слов, например в существительных: «*любовию* чистою», «*любовию* верною», «ласкаться *любовию*» (19), *любовию* (112, 114), *други* (21, 66), *крылами* (59; обычно у Кольцова: *крылья*, 60, 67), *скиптром* (108; вместо *скипетром*), «*страстию* пылать» (111), *песнию* (119; при *песнь* 127), *в несчастий* (112), *в счастии* (120), *по раздолию* (87), *из облак* (109, 113); в прилагательных: род. п. жен. р. «враги *басурманския*» (75), «Украйны *вольныя* сынов» (108), «силы *вражие*» (им. п. мн. ч., 42); в глаголах: *внемлю* (125), *внемлет* (129), *мрут* (79).

Особо укажу немногие книжные, усеченные формы имен прилагательных, в отличие от нечленных народных: «*широку* степь» (28), «*любовны* думы» (113), «леса *молчаливы*» (119), отличаемые лишь стилистически, как не свойственные народной поэзии. О народных членных формах прилагательных-определений (постоянных эпитетов) я буду говорить далее, в описании народных особенностей языка Кольцова.

Книжное нечленное окончание при известном подборе слов имеем в формах составного сказуемого: «Если взглянешь, душа, — Я горю и дрожу, И *бесчувствен* и *нем* Пред тобою стою!» (17); «Где много слов про наслажденье, Там для него душа *мертва*» (108; «Ночлег чумаков», вариант).

В стихотворениях Кольцова встречаем, хотя редко, в виде исключения, книжные местоимения: *сей* («в *сем* бокале», 112; «Ровеснику», вариант), «*сей* мир» (121; «Элегия»), «в *сей* стране» (там же[121]), «*сей* блеск таланта» (138; «Дюканж! ты чародей»);

[121] Но это Баратынский?!

всяк («*всяк* провиденью доверяй», 124; «Утешение»), «вперед *всяк* дерзостно глядел» (143; «На новый 1842 год»).

Итак, с местоимением *сей* мы имеем только один твердо установленный факт употребления; из этого мы видим, как разборчив был Кольцов в употреблении книжных слов своего времени. Любопытные показания дают формы причастий на *-щий, -вший.* Эти книжные формы у Кольцова редки: в песнях их почти нет; в отвлеченных стихотворениях они малочисленны наперечет: «Горюшко... Загубило в нем сердце Жизнь *цветущую*» (66; «Песня русская»); «Что́ ж совершится В *будущем* с природой?» (88; «Великая тайна»); «Страшна ли *будущего* даль?» (111; «Ровеснику», вариант); «Ни звезд *блестящих,* ни луны На небе нет» (107; «Ночлег чумаков»); «Не сплю, но *спящим* притворился» (116; «Мщение»); «И вновь любви приветный глас Я внемлю *страждущей* душою» (125; «Первая любовь»); «На берегу морском, под *дремлющей* сосною... Сижу один» (126; «Наяда»); «Идем мы в воздухе до *дремлющей* скалы» (127; «Наяда»); «Не верь *пророчащему* миру» (129; «К другу»); «Не для крылатых ли друзей, *Поющих* в воздухе степей?» (131; «Цветок»); «Ты, демон *гибнущей* души, Оставь меня» (135; «Примирение»); «Но я в укор моей судьбе, Судьбе, *враждующей* со мною ... Не отравлен еще тоскою» (137; «Я дома»); «Отвесть удар *карающей* судьбы» (140; «Вопль страдания»); «Что́ слух мой заменит? *Потухшие* очи? Глубокое чувство *Остывшего* сердца?» (95; «Молитва»); «Но кто вдали... *Уснувшую* волну Подъемлет и колеблет?» (126; «Наяда»).

Мы видим, что у Кольцова берутся большею частию такие причастия, которые не имеют прямого глагольного значения, но или заменяют имена прилагательные: «*враждующая* судьба» (враждебная), «*страждущая душа*» (больная), или имеют значение существительных: *будущее,* или в большинстве случаев употреблены в переносном значении: «*цветущая* жизнь», «*карающая* судьба», «*дремлющая* скала», «*потухшие* очи», «*уснувшая* волна» и т.д. С прямым значением даны только четыре прича-

стия: «*блестящие* звезды», «притворился *спящим*», «*гибнущая* душа», «*поющих* друзей» (о птицах).

Наконец, мы имеем в поэзии Кольцова ряд чисто книжных синтаксических оборотов: «*Вперял на деву* страстны очи» (106; «Путник»). Для того времени это был новый книжный синтаксический оборот. «Счастлив, *счастлив тобою* я!» (128; «Мой друг, мой ангел милый», вариант). «*Унылый путник запоздалый,* Один среди глухих степей, Плетусь к ночлегу» (106; «Путник»); «То тихо *отклонив она меня руками* Невидима была» (127; «Наяда»). В данном тексте запятых, выделяющих деепричастный оборот, нет, так как границы словосочетаний здесь нарушены: подлежащее стоит внутри деепричастного оборота. «Вспоминает ли порою, *Чья* любовь к нему до гроба?» (19; «Люди добрые, скажите»).

Такие обороты показывают в Кольцове автора, свободно владеющего литературной речью. И слова книжные в поэзии Кольцова очень нередки, так как он хорошо овладел литературным языком своего времени, а в его эпоху книжный язык был гораздо архаичнее и стоял дальше от народного, чем к концу XIX в. В поэзии Жуковского, Пушкина еще широко применялись церковные неполно-гласные формы слов: *град, брег, глас, глава,* также церковнославянские по фонетическим признакам или по образованию слова: *мощь, страждут, воспомню* и т.п. Впрочем, у Кольцова слова данного ряда относительно редки и обычно встречаются в стихотворениях, которые не входят в цикл его песен. Вне этого цикла подобных славянизмов у Кольцова не так мало, и влияние книжного языка в его поэзии оказывается довольно заметным, как показывают следующие примеры: *со плеч* (35), *прохлаждаются* (41; по-народному: *проклажаются*), *сокрылась* (42), *сокроют* (56), *сокроемся* (119), *сокрыться* (121), *сокрылася* (121), *сокрывайтеся* (136), *главам* (48), *главою* (121), *главу* (127), *ветр* (60, 107, 140), *глас* (108, 115, 118, 125), *огнь* (83, 115, 121), *хладным* (105), *хладеет* (109), *хладную* (122), «шумит *страна*» (109), *младую* (110), *младая* (113, 136), *младой* (134), *младые* (140), *непрестанный* (107),

пребудет (110), *озлащает* (113), *вежды* (122), *брегов* (122), *брега* (123, 131), *подъемлет* (126), *объемлю* (127), *объемлет* (129), *предо мной* (139).

Иное дело славянизмы, которые все употребляют и теперь в свободных сочетаниях или в выражениях: *среди дня* (26), *средь волн* (122), *омрачитесь* (33), *омрачает* (106), *племенем* (112), *страна* (121, 123), *влачусь* (121), *пленюсь* (124), *обратилось* (135), *развеял в прах* (40) и т.п.

Замечательно, что Кольцов избегал подобных слов. Так, в рукописи стихотворения «Размолвка» было: «Что *огнь* любви»; в печати оказалось: «Любви *огонь*» (18). Больше, конечно, старых книжных слов в лексике Кольцова. Таковы, например: *лобзанья* (17), *лобзал* (128), *объятья* (19), *благовонный* (20), *пленил* (20), *пленило* (125), *они* (20, 28), *наслаждаться* (21), *увы!* (22), *трепет* (31), *забвенье* (36, 111, 128), *ратовать* (40), *доблесть* (40), *уста* (52, 110), *всюду* (84), *взор, взоры* (86, 115), *вкушать* (104), *вкусить* (112), *кров* (105), *ланиты* (110, 141), *стенанья* (111, 123), *внимай* (112), *съединиться* (112), *съединят* (139), *упованье* (112, 123), *година* (114, 137), *сладострастно* (119; с наслаждением, со страстью), *пастырь* (120; священник), *ужли* (122), *песнь* (127), *упоителен* (128), *тлень* (130), *твердь* (131), *безвестен* (131), *обаянье* (131), *исступленье* (134, 139), *чело* (134), *ополчился* (135), *ниц* (135), *дуновенье* (138), *снидет* (139), *благоговейно* (142), *благодатный* (143) и т.п.

Затем имеем ряд литературно-книжных оборотов. Таковы сочетания с глаголами: *любить не намерена* (19), *пой без лести* (105; о поэте), *пребудет памятна всегда* (110), «Я с уст прелестной *Счастливое забвенье пил*» (111), «И юным пламенем *вся кровь Зажглась без упованья*» (112), *Кипя душою, Горишь и гаснешь в тишине* (112), *Забудь любовь и плен сетей, И огненные страсти...* (112), *Ядух изящностью питал* (118), *На прежнем небе ликовать* (140), *Не насладившись днем Прекрасной жизни, досыта не упившись Очаровательным дыханием весны* (140), «Порою он *приводит в умиленье*, Порой *в восторг и исступленье*» (143).

Также сочетания существительных: *праздник юности* (21), *по лицу земли* (30), *с горы небес* (31), *искры любви* (33), *день забвенья* (36), *на заре туманной юности* (70), *в цвете юности* (75), *любви огонь* (70), *страсти огонь* (76), *ядом слез* (75), *под белой дымкой покрывала* (110), *невольник горести* (112), *алкатель сладострастий* (112), *из глубины души* (134), *во цвете лет под тяжестью лишений* (140) и т.п.

Почти во всех приведенных примерах мы видим поэтические метафоры, частью традиционные, частью авторские, что, конечно, весьма трудно разграничить по обширности материала и недостатку необходимых словарных пособий.

Значительное число книжных оборотов у Кольцова найдем в сочетаниях определения или эпитета (не народного) с существительным: *на земную грудь* (31), *юность золотую* (110), *в сердечном упоеньи* (111), *лживой радостью мирскою* (113; обманчивой, непостоянной). Иногда соединяются оба способа изображения, т.е. и сочетания существительных, и определения-эпитеты при них: *земных страстей безумное волненье* (140).

В языке Кольцова оказываются также чисто литературные словоупотребления и со стороны семантики: «Ах, обнял он Так *холодно*; Так *сухо* речь повел со мной» (49; «Два прощания»); «Друзья-счастливцы На бедность *холодно* глядят» (134; «Бедный призрак»).

Здесь видим явные галлицизмы, которые наш поэт мог усвоить только из литературного языка.

Не буду указывать книжных слов и выражений в «Думах» Кольцова, где они вполне естественны и более или менее необходимы. Нам важно их присутствие в песнях и бытовых стихотворениях Кольцова, где он употребляет их не как простолюдин, а как автор, усвоивший их с литературным языком своего времени (с. 88—104).

К литературной лексике Кольцова нужно отнести и разнообразные встречающиеся у него устойчивые выражения, которых нет в народном языке и которые автор мог усвоить только из литературных текстов и языка образованных людей, напри-

мер: *что виной* (18; какая причина), *со мною прошу без чинов* (62), *понять не могу* (85), *кто дал право ему* (85) и т.п.

К книжной стороне языка Кольцова необходимо отнести и некоторые случаи искусственного, неправильного словорасположения, необходимые в условиях построения стиха. Таких случаев у нашего поэта не так много, как, например, у Державина, очень свободного в этом отношении, но они у него есть, как есть изредка у современников Кольцова: Крылова, Жуковского, Пушкина и др. Укажем: «*День забвенья ли придет,* Душа чувство изживет» (36; нормально *ли* должно стоять при глаголе *придет*)*;* «Резвись; *друзей в кругу простом* Вновь вкусишь наслажденье» (112; «Ровеснику», вариант; вместо *в простом кругу друзей*).

Только усвоением книжно-литературного языка можно объяснить встречающиеся в стихотворениях Кольцова иностранные слова. Они у него вообще редки. Кольцов почти не пользуется ими в своих песнях и стихотворениях, связанных с народной жизнью. Они сосредоточены в «Думах» поэта: *лампада* (88), *стихии мира* (89), *эдем* (91), *в хаосе* (92), *вакханка* (93; в сравнении), *формы* (96), *идеи* (97, 99), *стихия* (100), *художник* (102), *драма* (102), *история* (102). Затем иностранные слова встречаются почти исключительно в стихотворениях литературного стиля: *модный* (19), *браво* (44), *бал* (85), *танцевал* (85), *мастер* (47, 62), *дьявольский* (85), *скиптром* (108), *каморы* (109), *зефир* (110, 113), *луна* (113), *сцена света* (105), *слепой фортуны* (105; ср. выше: *слепое счастье*), *филомелы глас* (115), *ад* (116), *ангел* (118), *Парнас* (118), *поэт* (94, 118, 119, 122), *элегия* (121), *бокалы* (123), *серьезно* (124), *Наяда* (126), *гений* (126), *поэзия* (127), *кристалл* (128; вариант), *муки ада* (128), *кумир* (129), *демон* (131, 135), *гармония* (135), *гигант* (135; вариант), *гармонический* (136), *булат* (137), *лава* (137), *артист* (138), *мины* (выражения лица; 138), *ехидность* (138), *адамант* (138).

Почти все это слова, которые были известны и в то время всем грамотным людям, и не Кольцов ввел их в русский литературный язык. Конечно, в приведенном нами списке слов этого ряда, исчерпывающе полном, значительная часть слов издавна

принадлежит всему русскому языку и совсем не ощущается как нечто чужое, например слова церковного происхождения: *лампада, дьявол, ад, ангел, кумир, демон*, также общеизвестные слова из научной и бытовой терминологии: *история*, *мастер*, *мода*, *бал*, *танцевать*, слова, которые были знакомы и малокультурной мещанской среде, в которой вращался наш поэт; среди них украинские слова: *атаман* (108), *камора* (109), *хлопцы* (108, польское). За такими исключениями все же остаются слова, которые показывают, что Кольцов вполне сознательно усвоил некоторые недоступные его общественному окружению слова и понятия высшей литературной и философской культуры...

...Некогда академик А.И. Соболевский в искусно обоснованной и прекрасно изложенной статье о поэзии Кольцова доказывал, что эта поэзия идет от старой русской народной песни. Это положение, в частностях верное, в общем односторонне; оно не показывает нам всего Кольцова. С «песнями» Кольцова такой взгляд легко согласовать, но другая и значительная часть его творчества никак не объясняется народной песней со стороны содержания, стиля и языка. Безусловно, оригинальны бытовые стихотворения Кольцова: «Песня пахаря», «Размышление поселянина», «Крестьянская пирушка», «Урожай», «Женитьба Павла», «Косарь», «Хуторок», «Ночлег чумаков». Здесь Кольцов никому и ничему не подражал, да и нечему было в то время подражать! Многое и в лирике Кольцова, даже в его «песнях», было слишком ново, выразительно, художественно сильно и потому не могло возникнуть путем подражания. Напомню стихотворения и песни: «Не шуми ты, рожь», «Молодая жница», «Лес», «Горькая доля», «Песни Лихача-Кудрявича», «Пора любви», «Измена суженой», «В поле ветер веет», «Бегство», «Путь», «В непогоду ветер», «Тоска по воле», «Говорил мне друг, прощаючись», «Дума сокола», «Так и рвется душа», «Разлука» («На заре туманной юности»), «Не скажу никому», «Перепутье», «Расчет с жизнью», «Я был у ней», «Приди ко мне», «К ней», «Наяда», «Цветок», «На новый 1842 год». Здесь поэзия Кольцова превышает народную песню по глубине мысли, по силе и нежности

чувства, по яркости художественных образов, по оригинальной литературной композиции. Здесь, наконец, не те люди, которых знает народная лирическая песня. Среди «добрых молодцев» своего времени Кольцов прозорливыми очами поэта увидел и понял не только терпеливых страдальцев, но и непримиримых борцов со старым тяжелым укладом жизни, который угнетал и его самого. Кольцов осознал, что жизнь творится не счастьем или, по его выражению, «таланом», а усилиями воли и мысли, действием сознательного и свободного человека. Такого человека и показывают нам в той или другой мере его стихотворения. Страдающие (как и счастливые) изображаются нашим автором не как образцы и примеры для подражания, а как произведения тяжелой общественной жизни, вызывающие сочувствие и размышление. Его герой иного духа. Он хочет «жизнью тешиться, с злою долей переведаться»; его не страшат ни бури природы, ни бури жизни; он чувствует себя сильнее лешего и русалки; он не просит о счастье свою долю, а упрекает ее и приказывает ей; он требует службы и от «силы пододонной» (духов ада, чертей); его душа рвется из молодой груди, хочет воли и другой жизни. Несомненно, с глубоким сочувствием поэта изображен разудалый молодец, которому тяжка крестьянская жизнь, и он готов переменить ее на разбойничью («Удалец»). В первоначальном варианте «Косаря» молодец говорит: «Не плачь, милая; Твоего отца Не зарежу я...» Значит, возможность кровавой мести допускалась поэтом, и если бы автор хотел снять в изложении все следы личного гнева, то он не оставил бы будущего тестя с названием «старый хрен». С редким литературным мастерством и необыкновенным сочувствием к пострадавшему отстранено все криминальное и выявлено все личное в истории поджигателя, мстителя богачу и представителю власти (старосте) за отнятую любимую и любящую девушку в стихотворении «Деревенская беда». Заманчивыми чертами нарисована личность и жизнь похитителя боярской дочери («Бегство»), который прямо не называется, но по всем признакам оказывается атаманом разбойничьей шайки. Господами положения, по Кольцову, оказываются

не купцы, не рыболовы и подобные им люди, действующие на сцене жизни, а какие-то неведомые молодцы, скрывающиеся за ее кулисами («Хуторок»). Эти молодцы в состоянии (без божьей помощи) разбить ту жизнь, которая им не нравится (ср. «Расчет с жизнью»). У них не связаны крылья, им не заказаны никакие пути, прежде всего путь борьбы (ср. «Дума сокола»).

Героиня народной песни бесправна и покорна. Как рабыня, она осуществляет свою волю хитростью, обманом: Я *украдуся,* нагуляюся». Она говорит: «А я матушки не боюся; я от батюшки *отолгуся*». Это шаловливое дитя.

Героиня стихотворений Кольцова, живущая под гнетом того же векового деспотизма и бесправия, лично несколько свободнее; она может отдаваться своему чувству, может любить и не любить. Она может выбирать себе поклонника. Ее отношения к молодому человеку не стихийны, а произвольны. Если можно так выразиться, удельный вес девушки в песне Кольцова выше, чем в народной песне. Здесь наш поэт заметил и художественно выразил нечто новое, нарождающееся: явление, которое должно было иметь большое значение в будущем. Не забудем, что герои песен Кольцова — неграмотные, забитые крепостные крестьяне 30-х годов прошлого века, считавшиеся образцом кротости и терпения, надежнейшей опорой царского и чиновничьего самодержавия. А.В. Кольцов заметил и показал в них большую оппозиционную силу и прямо революционные настроения.

Из всего, что мы говорили, совершенно ясно, что поэзия Кольцова не могла вырасти на одной только, хотя изящной, но скудной почве народной песни. Эта песня заключена в узкие рамки народной идеологии, стилистики и языка, а Кольцову нужен был весь русский язык, и прежде всего язык литературный. Это он понимал с самого начала, когда только брался за перо автора. Сохранившиеся в рукописях и никогда не печатавшиеся при жизни поэта его первоначальные стихотворческие опыты[122] (литературно довольно слабые) показывают стремление

[122] В данном издании: Приложение, с. 145—150. Здесь, как и далее, В.И. Чернышев имеет в виду издание А.Ф. Маркса 1892 г. — *Прим. сост.*

овладеть русским стихом со стороны содержания и формы. Он пишет литературным языком, хотя иногда старомодным и неуклюжим, но все же не народным. Он дает своим опытам чисто литературные заглавия: «Песнь утру», «Ирисе», «Семинаристу, писавшему эпиграмму», «Акростих», «Рыцарь (Баллада)», «Эпитафия». Из 22 стихотворений этого времени 19 написаны с рифмами. Это весьма замечательно для начала, потому что в дальнейших путях своего литературного развития Кольцов или совсем освобождается от рифмы, или очень ограничивает ее применение. Конечно, в опытах Кольцова есть нелепые рифмы, как: *с восток — поток* (145), *среда природ — восход* (145), *назвать — владать* (145), есть несколько рифм слабых: *обет — сметь* (145), *глаза — краса* (146), *дар — алтарь* (146), *страшен — опасен* (148). Остальные почти все вполне удовлетворительны.

И язык опытов довольно литературный, если не считать немногих сугубо книжных слов и выражений: *вкушать любви сладострастья* (145), *коль* (145), *пламень* (любовный; 145), *докончал* (146), *сокрылась* (146), *мнилась* (146), *собеседует* (146), *тяжче* (146), *пременно* (147), *нынь* (149). Здесь не раз Кольцов употребляет местоимение *сей* (147), *сих* (147), от которого, как мы указывали выше, он почти совсем освобождается, за единственным исключением. В этих первых литературных опытах мы найдем не меньше славянских неполногласных форм, чем во всех последующих стихотворениях нашего поэта: *озлатило* (145), *младые* (146), *брега* (146), *драгой* (146), *влекут* (147; тащат, уводят силою), *злато* (147), *не престаешь* (147), *хладная* (148). Здесь у Кольцова встречаются иностранные слова, которых он потом вообще избегает: *гений* (146), *муза* (146), *пурпуры* (147), *лазурь* (147), *рыцарь* (147), *кумир* (147), *капризы* (148), *шарлатанство* (в мещанском понимании: лживость, наклонность к обманам; 148), *роман* (148). За исключением первого слова и слова *кумир*, ни одно из приведенных здесь у Кольцова потом не встречается.

Все данные этих опытов показывают, что наш поэт начал писать с очень малой общеобразовательной и литературной подготовкой. Судя по этим опытам, нельзя было даже сказать, есть ли у Кольцова действительно поэтический талант. Но нужно иметь в виду, что данные первоначальные опыты представляют собою отбор особенно слабых стихотворений Кольцова, написанных в 1826 г. от 10 октября до конца 1829 г. Мы знаем, что в эти годы созданы замечательные произведения Кольцова, которые вполне показали его несомненное поэтическое дарование: «Сирота» (1827), «Если встречусь с тобой» (1827), «Размолвка» (1828), «Путник» (1828), «Ночлег чумаков» (1828), «Люди добрые, скажите» (1829), «Терем» (1829), «Я был у ней» (1829), «Приди ко мне» (1829).

Несомненно, что русский литературный язык, особенно для Кольцова непокорный, поэт взял с бою: упорным трудом чтения, изучения и упражнений. Он умел учиться; он хорошо понимал задачи и методы своего литературного образования; он согласовал свое самообучение с нуждами и целями своего поэтического творчества. В этих работах, в этих планах народная песня не имела решающего значения. В песнях, пословицах живет далекая, отжившая старина, а Кольцов искал для своей поэзии современного, нового, до него не выраженного, и его «песня» не повторяет народную.

Народные элементы

Переходя к народным элементам в языке Кольцова, мы должны обратить внимание на то, что наш поэт довольно сдержанно пользовался хорошо известными ему материалами русского фольклора. Он, например, знал много народных пословиц, поговорок: в его записях известен целый их сборник, а следы этого знания сохранились только в немногих стихотворениях: *Пускай дом его — Чаша полная!* (с. 37; пословичное устойчивое выражение: *Дом — полная чаша* — о богатом человеке, у которого много всякого имущества), *Ходи, гляди да мучайся, Толкуй*

с башкой порожнею... (с. 47; *Толкуй с башкой порожнею* — пословичное выражение о бесполезности разговора с бестолковым человеком, более известно в выражении: *Толкуй Захар с пьяной бабой* — о разговоре лиц, которые не могут понимать друг друга). В заглавии стихотворения: *Всякому свой талан* (с. 74; выражение в виде пословицы); *Если нет* (радости, счастья) — *у моря Сядем да дождемся* (с. 59; пословица: *Сиди у моря да жди погоды* — означает слабую надежду); *На дворе, по траве — Хоть шаром покати* (с. 63; поговорка означает, что у хозяина пустой двор, дом); «Говорят родимые: *Поживется — слюбится*» (с. 68; пословица: *Стерпится — слюбится*, говорят о браке с немилым человеком); *В непогоду — не до плаванья, За большим в нужде не гонятся* (с. 72; трудно сказать, что это — народная пословица или меткое изречение самого автора?).

Русская песня обычно начинается со сравнения, которое развивается в дальнейшем изложении. У Кольцова мы имеем только один такой случай:

Вянет травка осенью
И желтеет;
Сохнет с грусти молодец
И страдает.

В стихотворении «Путь» Кольцов говорит: «Или доля моя Сиротой родилась! Иль со счастьем слепым Без ума разошлась!». Нигде, ни в какой песне, мы не найдем этого «слепого счастья» — Фортуны, божества древних римлян, изображаемого с повязкой на глазах.

Лексическое и стилистическое сходство «песен» Кольцова с народными песнями объясняется не только влиянием последних на творчество Кольцова, но также и, кажется больше, общим основным источником тех и других. «Песня» Кольцова, как и народная песня, идет от жизни народа и выражается ее языком.

Обращаясь к народным элементам в языке Кольцова, обращу внимание на постоянно употребляемые русские формы

существительных с *ч* вместо славянских с *щ: мочь* («доколь *мочь* и сила», 25; «Где ж теперь твоя *мочь* зеленая?», 41; «Сокрушили *мочь* железную», 55; особо в устойчивых сочетаниях: «что есть *мочи* трудись», 56; «нет *мочи* (силы) скинуть бремя», 98; в думе «Вопрос»; ср. народное *мочи нет* — болен, нездоровится); *по́мочь* («Я пошел к людям за *помочью*», 52; «Иль не хочут дать мне *помочи?*», 60); *не́мочь* («Так точно *немочь* старца скучна», 107). Книжные формы *мощь, помощь, не́мощь* в стихотворениях Кольцова не встречаются. При постоянном употреблении полногласных форм литературного языка выделяются чисто народные: *по́лымя* («Красным *полымем* Заря вспыхнула», 30; этимологически: *поломя*), *волочился* («Кой-где зиму *волочился*», 34; т.е. проводил в разъездах), *молоньёй* (молнией, 38; «*Молоньёй*, коса, Засверкай кругом»), *черед* («нельзя никак — жди *череду*», 46). Фонетическая приставка — тоже явление народной речи: «Косой *востроЮ* Не подрежу ль я» (38; «Косарь»); «Наточу ее (косу) *Востро-на-востро*» (*тш* же, вариант).

Укажу чисто народные формы в склонении существительных: *Я затеплю свечу воску ярова* (21), *без разбору* (44), *песку со дна не выкинет* (46), *жди череду* (46), *что есть духу* (54), *без просыпу* (64), *смыслу нету* (98), *в цве́ту* (46), *соколья́* (мн. ч., 60), *по соседам* (54), *до время* (59), *с время* (141), *выше темя гор* (30), *зо́рю красную* (36; ср. книжную форму: *зарю́*). Гораздо больше таких форм в словообразовании: *не́погодь* (41), *до́ земи* (32), *земь* (98), *за до́бычью* (55).

Многочисленны у Кольцова формы уменьшительно-ласкательных имен существительных. Они отражают обычную разговорную речь русского народа, в текстах ясно согласованы с содержанием и никогда не производят впечатления излишней слащавости.

Такие ласкательные имена прежде всего имеют места в ласковых личных обращениях: *Полюбишь ли, девушка* (19), *Не плачь, Грунюшка* (38), *Ах, душа ль моя ты душенька!* (55), *Забушуй же, непогодушка, разгуляйся, Волга-матушка!* (56), *Ми-*

лый купчик-душа! (61), *Что ты спишь, мужичок?* (63), *Дай мне вестку, моя пташечка* (81), *Ах вы душеньки-подруженьки* (82), *Где ты, зорька моя?* (83) и т.п. Затем они представляют предметы, о которых говорят с любовью, сочувствием, сожалением, особенно в отношениях любовных, семейных, трудовых: *сироточка* (19), *детинка* (20), *пашенка* (23), *зернышко* (23), *дочка* (24), *кормилица ржица* (26), *хлебец* (26), *горенка* (29), *старинушка* (старина; 30), *думушка* (31), *ветерок* (32), *малинушка* (34), *детинушка* (46), *бедняжечка* (48), *головушка* (46, 48), *зорюшка* (55, 83), *кручинушка* (56), *по бережку* (56), *головка* (62), *волюшка* (65), *весточка* (65), *дружочек* (65), *горюшко* (66), *пташечки* (69), *касаточки* (69), *цветочки* (69), *времячко* (71), *ручка белая* (71), *вестка* (81), *волоска не тронем* (82), *лесок* (86), *ветерок* (86) и т.п. Несомненно, что Кольцов пользуется существительными этого ряда из литературного языка и народного, улавливая весьма тонкие оттенки в обращении словообразовательных форм языка и закрепляя их в своей поэзии. У Кольцова, например, только в «Опытах» встречаются формы: *личико, глазки* (149); затем лишь один раз, в стихотворении 1840 г., он допускает слово *ручкой* (71); он много раз говорит *о глазах, руках*, но мы нигде не найдем их в уменьшительно-ласкательных образованиях: *глазки, ручки;* у него есть *щеки* (37), не *щечки*; есть *плеча* и *плечи* (45), не *плечики; головка* встречается, в виде исключения, в речи купца (62). Старые русские одежды не открывали женских ног в том быту, который окружал Кольцова и который он изображал в своей поэзии, да и говорить о ногах женщины в мещанском обществе было, конечно, неприлично.

Таким образом, здесь у Кольцова отражается народное употребление данных слов русского языка. В литературном языке, живом и книжном, мы постоянно наблюдаем: *глазки, ручки, ножки, губки, щечки, личико, плечико, головка.* Здесь запрещения Кольцова совпадают с текстами народных песен. В них не встречаются: *ручки, ножки, глазки, головка*; скорее найдем *рученьки, ноженьки, глазоньки, головушка.* Кольцов понимал и

чувствовал, что к стилю его поэзии, изображающей деревню и провинцию, не идет литературный закон столичных городов.

Затем у Кольцова, в силу провинциального происхождения его стихотворений, встречаются изредка народные словоупотребления, неизвестные в литературном языке: *ржица, вестка.* Также заметно преобладают народные уменьшительные с суффиксами *-ушка, -юшка*: *детинушка, думушка, зорюшка* и т.п. Отмечу еще *ковыль* по женскому роду: *ковыль белую* (87).

В склонении прилагательных замечательны своеобразные падежные окончания: *лаской девичей* (29), *слезой девичей* (77), *по щучью веленью* (43). Ср.: «И грудь *лебяжая* вздыхала» (111; «Красавица»). Такая форма в родительном падеже дает: *груди лебяжей.*

Кольцов широко применяет в своих стихах нечленные формы прилагательных-определений, именно эти старые формы, а не искусственно усеченные, которые употреблялись в литературном языке его времени, особенно это следует признать при «постоянных» эпитетах: *белясен день* (79), *сыр-дремучий бор* (80), *среди бела дня* (66), *добра молодца* (66), *ясна сокола* (70, 77), *светлу горенку* (29), *добру молодцу* (55, 75), *молодецка удаль* (43), *зла беда* (44), *бела грудь* (65), *зелена трава* (77), *дальню сторону* (22), *зимню ночь* (69), *темны леса* (27), *черны глаза* (33), *ясны очи* (60), *горючи слезы* (121).

Согласно с народным словоупотреблением, Кольцов в ряде случаев дает имена прилагательные вместо и в значении существительных: «Но не грех ли мне Будет от бога Обижать людей за и*х доброе?*» (28; имущество); «Молодая жена... Разносила гостям Чашу *горьнова*» (29; зеленого, хлебного вина, водки); «И щемит, и ноет, Болит *ретивое*» (45; сердце); «Смочил платок *Горючими*» (49; слезами); «Я поеду к отцу, Поклонюся *родной*» (51; матери); «На заре туманной юности Всей душой любил я *милую*» (70; возлюбленную, предмет любви, страсти); «Люди добрые, не скройте: Где мой *милый?*» (19); «Разрывайся, грудь моя! Буду *суженым* не я» (20; мужем; из причастия).

Из народных форм сравнительной степени укажу: *горчее* (68), *тяжельше* (148; в «Опытах»), *простей* (148, там же).

В именах числительных укажу народные формы счета: *сам-друг* (23, 38, 43; т.е. сам другой, вместе со мною нас двое), *сам-третéй* (34; в народных говорах иногда: *сам-трёт*).

В местоимениях замечательны формы: *свомý* (83; своему; стяжение гласных), *сам-собою* (67, в значении наречия: самостоятельно, один на один), *шла-себе* (34), *пошел-себе* (54; *себе* неударяемое, плеонастическое).

«И пришла она, незваная... К бусурману-хану лютому, К *своему* недругу заклятому» («Старая песня»); «Иль боится он В чужих людях быть, С судьбой-мачихой *Сам-собою* жить?» («Дума сокола»); «Лесом шла-*себе* По малинушку» («Молодая жница»). По-народному употребляется *оно* в значении *это*: «Хоть не так *оно* — не выгодно, Но, положим, — делать нечего» (72).

В глаголах также обнаруживается чисто народная основа в языке стихотворений нашего поэта. Только народным языком можно объяснить неопределенную форму *найтить* (121), которая встречается даже в рифме: *найтить — полюбить* (125); также *владать* — владеть (в рифме: *назвать — владать*, 145); совершенно недопустимо для литературного языка *хочут* (60) вместо *хотят;* также: *перебег* (148), т.е. перебежал; только южные русские говоры допускают личные формы глаголов с основой на губные согласные без смягчающего *л; дремит* (32; дремлет), *сыпится* (51; сыплется); более народному, чем литературному языку, свойственно условное повелительное наклонение: «*Сгори* он в пожаре Презренных страстей, Она [толпа], как вакханка, Его зацелует» (93); чисто народное словоупотребление: *пущай* вместо *пусть* (51), *вишь* вместо *видишь*, вводное слово: «Я еду — *вишь* — Не нáдолго» (49); *давай, пошел* в значении вспомогательного глагола: «И *давай* пахать Землю плугами» (92); «Петь мы песни *давай* (62); «И *пошел* с рыбаком Купец песни играть» (62); народная форма спряжения: *мучайся* (47, 74) вместо *мучься*, при литературной *мучьте* (33), *не мучь* (124): «Ходи, гляди, да *мучайся*» («Пора любви»); «Наказал господь,

так *мучайся*» («Всякому свой талан»); «*Мучьте* жаждой любви» («Глаза»).

По южнорусскому происхождению Кольцов, вероятно, не вполне освободился от народного произношения 3-го лица глаголов с мягким окончанием *-ть*: *идéть, идýть.* Ясный след такого произношения сохранился в некоторых рифмах стихотворений нашего поэта: *стоит — ходить* (20), *говорит — жить* (20), *отдохнуть — дадут* (57—58), *лежит — ходить* (58), *любить — спит* (105), *встретить — светит* (106), *навестить — усладить* (120), *возвратить — слетит* (120—121), *разгадать — хотят* (124). Здесь созвучие получается только при чтении третьих лиц глагола с мягкими окончаниями:

Там, где терем тот *стоит*,
Я люблю всегда *ходить* («Терем»).
Вещун-сердце *говорит*:
Жить тебе, детинке, *жить*
Не с женою молодою... (там же).
Я с ним хотел здесь счастье *встретить*,
Но он мне на земле *не светит*
(«Путник», вариант, 106).

Здесь, как и в других случаях, факты, обнаруживающие родной говор поэта, слишком очевидны, чтобы придавать им иное объяснение, например относить к простой неисправности в рифмах, которые, действительно, встречаются у Кольцова, рифмующего, например, слова: *жить — зарыт* («Послание молодой вдове»), *нет — поглядеть* («Путь»); но такие случаи у Кольцова мы находим гораздо реже; я могу указать еще только *жить — стыд* (в «Опытах», 149), но там же: *улетит — жить* (146).

Любопытны у Кольцова при глаголах непереходных *сидеть, стоять, лежать, жить* и под. глаголы прошедшего или того же времени с оттенком качественного значения: «*Стоит* она, *задумалась*» (46); «Ветерок по ней *Плывет-лоснится*» (32); «И *стоит, глядит* Как-то жалобно» (35); «Ты *стоишь-поник* — И не

ратуешь» (40); «И долго так *Лежал, молчал*» (49); «Моя милая Здесь *сидит* со мной, Слезы льет рекой» (67); «От меня *летит*, Песню мне *поет*» (68); «И *живем* с ней — только *ссоримся*» (75), «Что он *ходит* за мной, Всюду *ищет* меня?» (84). Второй глагол в этих примерах имеет значение деепричастия: стоит *задумавшись*; плывет *лоснясь*; стоит *глядя жалобно*; лежал *молча*; живем с ней только *ссорясь* и т.д. Это особенность живого русского языка вообще; поэтому она так заметна и у Кольцова.

Окончание *-ся* в глаголах и деепричастиях вместо *-сь* соответствует живому народному говору поэта: *затоскуюся, растоскуюся* (21), *тащися* (22), *ополчилася* (31), *пролилася* (31), *помолилися* (32), *полюбуюся* (32), *принялися* (32), *хотелося* (38), *встрепенувшися* (41), *рвалася* (100), *смирися* (105), *качался* (110), *целися, веселися* (112), *силюся* (125), *погружуся* (136) и под.

По-народному у Кольцова нередко употребляются образования многократного вида: «Ничего не знал — не *ведывал...* В хороводе песни игрывал» (53; *играть* песни (не петь) — южнорусское!); «Как одно я только *думывал*» (71); «*Живал* в больших я городах, *Бывал* на ваших хуторах» (108, «Ночлег чумаков», вариант).

Для характеристики языка Кольцова особенно поучительны его отношения к нашим деепричастиям и причастиям.

У Кольцова, как и в народных песнях и в живом народном языке, нередко встречаются старые русские деепричастия на *-чи: не смóтрючи* (49), *сидючи* (54), *прощаючись* (64), *улыбаючись* (80), *припеваючи* (81) (в выражении: «И начну с ней жить *Припеваючи*»). Литературные деепричастные формы у Кольцова: *наморщась* (21), «*разгóрившись* казной» (34), *полюбивши* (71), «*те смотря* в лицо» (78), *улыбаясь* (78), *прощаясь* (85), «*трясясь* на кляче» (106), «*поджавшись* на ногах» (107), «*простершись* на траве» (108), *шутя* (109), *встречая, благословляя* (114), *пошевеля* (116; вместо *пошевелив*) и под. — редки в песнях и встречаются главным образом в стихотворениях литературного стиля. Так, в стихотворении «Ночь» имеем: *не смотря,*

улыбаясь (в изложении от лица автора). Деепричастие *не смотрючи* дается в рассказе девушки («Два прощания»); *улыбаючись* находим в лирическом изложении «доли бедняка» от лица самого такого бедняка.

Для страдательных причастий на *-нный, -тый*, одинаково принятых и в народном и в литературном языке, у Кольцова, конечно, нет никаких ограничений в употреблении: *незваный гость* (18; в значении прилагательного), *связан клятвой* (19), *и калитка заперта* (24), *столы набраные* (29; в значении прилагательного), *кур, гусей много жареных* (29; в значении прилагательного), *медом сыченым* (29; в значении прилагательного), *колос срезанный* (35), *трава подкошоная* (39), *окном растворенным* (55), *чумак раздетый* (107) и под.

Страдательные причастия на *-мый* очень редки: «Но я *любим, любим* тобою!» (125).

Есть у Кольцова и старые русские причастия на *-чий,* сохранившиеся в народном языке лучше, чем в литературном, где они приобрели значение прилагательных: *дремучий лес* (40), [степь] *птичками летучими, певучими полным полна* (45), *кровь горячую* (72), *рать могучая* (75), *падучей звездой* (119), *жгучий поцелуй* (128), *могучая сила* (140) и т.п.

Среди неизменяемых частей речи отметим народные наречия: *кроме* (74; без управляемого слова: «Было *кроме* много девушек...»); *гужом* (31; «Из села *гужом* В пору выехать», т.е. один за другим, составляя непрерывную линию); *чем-свет* (32; при рассвете, очень рано); *о́даль* («*Одаль* молодцы стоят», 34; в стороне, в некотором отдалении); *горма* (35; усилительно, при глаголе с той же основой: «Горит-*горма* все Лицо белое»); *тихомолком* (45; по муж. р.); *по́лно* (довольно: «Нет, *уж полно* мне Дома век сидеть!»; 68); *Негасимо* горит (101; непрерывно); *куда* (в значении: никак, нисколько не согласен, не идет навстречу; «Затеешь речь сторонкою, — Так, нет, *куда!* — сидит молчит...»; 46).

Народное употребление предлогов видим в следующих случаях: *с* вместо *от:* «Любовь — огонь; *с* огня — пожар» (46);

«*с* природы так лукав» (148); *по-над*: «*По-над* Доном сад цветет» (117); *промеж себя* (47; «Пора любви»).

Народные союзы и союзные сочетания у Кольцова находим в следующих примерах: *али* — или: «*Али* речь моя не по сердцу? *Али* батюшка спесивится?» (55); *а́льни* — так что, даже (54, 60); *как* — когда: «*Кик* здоров да молод, — Без веселья весел» (82); *лиха беда* — лишь бы, нужно только: «*Лиха беда* в землю Кормилицу ржицу Мужичку закинуть, — А там бог уро́дит...» (26); *что* — как будто: «Понахмурилась, *что* задумалась» (30); *что* — как: «*Что* взгляну, То вздохну» (21); «Грудь белая волнуется, *Что* реченька глубокая» (46); *что* — то есть, именно: «Заиграл я свадьбу новую, *Что* беседу небывалую» (54); *что* — которые: «И тех нет уже дней, *Что́* летели стрелой» (71).

В синтаксисе стихотворений Кольцова замечательны особые общенародные или местные случаи управления глаголов падежами: «И те ж люди-враги... *Назовутся в друзья*» (56; будут вызывать на дружеские отношения, лично предлагать их); «*Воешь жалобу* На безвременье...» (41); «Как *недруга*, пренебрегай» (124; видимо, по-мещански, с вин. п.); «Ты всю жизнь свою *Маял битвами*» (42; т.е. утруждал свою жизнь битвами, борьбою); «*Полюбил* я эту девушку: Что *душою* — больше *разумом*, Больше *поступью* павлиною, Да что *речью* соловьиною» (53; т.е. по смыслу всего текста, полюбил за душу, за разум, за павлиную поступь, за соловьиную речь; знаки двоеточие и тире нелепы и препятствуют пониманию текста); «Во-время да в пору *Медом* речи льются» (44); «Вмиг *огнем* лицо все вспыхнуло» (70; *медом, огнем* — творительные падежи сравнения, означающие качество); «Забьется *неволею* Сердечко удалое» (19; т.е. невольно, по неволе; творительный падеж образа действия).

Довольно замечательны также — характерные для народного языка — примеры употребления единственного числа вместо множественного и обратно — множественного вместо единственного: «Ветер точит зерно, *Птица* клюет его» (64); «И куда еще — спит зорюшка, А уж бьется *Русь* с *Татарином*» (83; т.е. русские люди бьются с татарами); «Румяной *ягодой*, цветами

И обаяньем для души Вы, травы, зреете в тиши» (131); «*Поклонись*, цветы, Головой земле» (39); «*Проходи*, поп, барин, Волоска не тронем!» (82; *не тронем* во множественном числе означает важность, силу говорящего).

Укажу некоторые (народные) типы безличных предложений: «Только мне на свете Перемены нету» (25); «нету сена, овса» (61); «Пришлось и мне Сказать с слезой: Прости, прощай, Любезный друг...» (18); «Посмотришь: один я Батрак и хозяин; А живу чем хуже Людей семьянистых?» (25); «А нынче — грех И вымолвить, — Как ты со мной Суха, дика!...» (18; с нарушением границ предложения?); «Жить тебе, детинке, жить Не с женою молодою — С чужой дальней стороною...» (20); «Мне не для чего Собирать добро, Мне не для чего Богатеть теперь!» (28); «Не родись в сорочке, Не родись таланлив: Родись терпеливым И на все готовым» (44); «От её [беды] напасти Не уйти на лыжах» (45); «То скосило градом, То сняло пожаром...» (45); «К старикам на сходку Выйти приневолят,— Старые лаптишки Без онуч обуешь; Кафтанишко рваный на плеча натянешь; Бороду вскосматишь, Шапку нахлобучишь... Тихомолком станешь За чужие плечи...» (45); «Взгрустнулось как-то мне В степи однообразной» (126).

Особые формы подлежащего: «Прочил *молодец*, Прочил доброе Не своей душе — Душе девице» («Не шуми ты, рожь»; *молодец* в значении местоимения *я*).

Укажу народный неправильный оборот: *никого* вместо *никто*: «И с тех пор в хуторке *Никого* не живет» (63). Особые формы сказуемого: «*Под замком* те ворота» («Домик лесника»); «Незваный гость, *Долой* с двора!» («Размолвка»).

Слово-предложение: «Все мы ходим за тобою, Чьей-то будешь ты женою»; «*Говорите*, Сам-третей Запряг Павел лошадей...» («Женитьба Павла»); «Да будет — и было, — И видим — И будет...» («Великое слово. Библейское»); «Я слег Под стог И, дремля в скуке праздной, *Уснул* — и вижу сон...» («Наяда», 1831); «С темной полночью глухою К дому барско-

му приду; *Свистну...* в тереме высоком Вмиг растворится окно» («Бегство»).

Бессоюзные сочетания предложений, свойственные вообще живому русскому языку, у Кольцова нередки: «Сбыть с двора невесток, Пустить сирот в люди — Старики на сходке Про Кузьму что скажут?» (25); «Плясать в улицу пойдет, Распотешит весь народ» (34); «Я пошел к людям за помочью, — Люди с смехом отвернулися; На могилу к отцу, матери, — Не встают они на голос мой» (52); «Крикну лесу, топну в берег, — Леший за горы уйдет; С тихим трепетом русалка В берегах своих уснет» (57).

У Кольцова много областных, местных слов, иногда таких, которые в литературном языке совсем неизвестны, например: *молвишь* (17), *нынче* (18), *светлица* (20), «*затеплю* свечу» (21), «*лажу* борону» (23), *скирды* (23, 32), «старою *погудкой*» (25; напевом), «мой *згад*» (25; мое мнение, этимологически: *сгад*); *подсóбит* (26; поможет), «*семью пробавить*» (26; пропитать, собственно: удовлетворить), *чекмень* (27), *гýторит* (28; говорит), *гýторят* (29, 131), *закрома* (31), *касандрика* (34; искаженное *александрит* — красная бумажная ткань), *черевики* (34), *китаечки конец* (34; отрезок *китайки*), *разгоравшись казной* (34; добывши денег), «большой *выкуп* дал отцу» (34; по общему старому народному обычаю деньги за невесту), *озвалáсь* (35; отозвалась, нашла сочувствие), «*бесталáнный* час» (36; несчастный), *талан* (39, 55; счастье, доля; у Кольцова постоянно, когда говорит народ или о народе), *напасть* (45; нападение беды!), *онучи* (45), *присýшивать* (47; о ворожбе), *присýха* (47; возбуждение любви к кому-либо волшебными средствами), *небóсь* (50; вероятно), *обойми* (51; обними), *приголýбить* (51; показать любовь, нежность), *убор* (51; наряд), *нарядить себя* (51; одеться в лучшее платье), *спесивится* (55), «а *душой* тебе я *кланяюсь*» (60; отдаю с поклоном), *курень* (61; шалаш), *опознился* (61; запоздал в пути), *закурúлась* изба (62; в избе затопилась печь), *подымись* (63), *наговóры* (65; волшебные заговоры), *глядéть* (67; смотреть), *слюбилися* (71; полюбили друг друга), *перемóлвиться*

(71; поговорить взаимно), *бо́теть* (12; полнеть, жиреть), *талан-ливых* (74; счастливых), *порода* (75), *именитая* (75,) *знобил́ хо-лод* (75), «брага не *разымчива*» (79; не опьяняет), *завихри́ться* (81; далеко уйти, уехать), *пила́тить* (84; мучить), «заря *занима-ется*» (86), *сторожит* (89), *месяц* (89; луна), *наобу́м* (90), *хохлы* (108; старое русское народное название украинцев), *чай* (118; вероятно) и т.п.

Немало в поэзии Кольцова и таких слов, которые по звуко-вому составу не отличаются от литературных, но имеют иное, народное содержание. Таковы: «*грех* и вымолвить» (18; неловко, неучтиво), «плясать *в улицу* пойдет» (34; на место, где собирает-ся для игр молодежь), «песни *заво́дит*» (34; запевает); «свахой тетку *наряжает*» (34; избирает, поручает ей сватовство), «Иван Кузьмич *не грешен* тут» (47; не причастен, остается в стороне), «словно *зельями* обводит» (34; очаровывает; *зелье* — волшеб-ное средство), «Убью встречного Мужика-*глупца* За железный грош» (27; простака, неосторожного), «Беда *глупа* — взведет на счастье» (124; непоследовательна, так сказать нелогична), «по-целуями *помо́лвились*» (54; поцеловались в значении помолв-ки — первого обрядового соглашения о браке), «с *похвальбою* поклонился мне» (54; с хвастовством), *злодей* (54; в букваль-ном значении: лицо, сделавшее зло кому-либо; мой, твой, его злодей); «Одну *басню* твержу я всем добрым людям...» (62; из-ложение какого-либо взгляда, правило, наставление), «*воевод-ская* дверь» (86; старое и народное; дверь, т.е. дом *воеводы* — начальника города и области) и т.п.

Затем у Кольцова имеется много народных устойчивых сочетаний с включением в них особой лексики и семантики, подобные следующим: *лямку тяну* (25), «*За́дной головою* Ничего не знают» (25; за одной головою, за хозяином, не знают забот о хо-зяйстве), *сбить с двора невесток* (25; ср. у Кантемира: *сбить с двора* — выгнать, удалить силою), *не спроста ума* (35; наше *не спроста* произошло, очевидно, из этого выражения), *нет охоты* (36; не хочется), *не возьму я в толк* (36; не пойму), *из земли ро-дится* (43; является вдруг, неожиданно), *Не под шапку горе Го-*

лове кудрявой (44; не подходит, непригодно), *любит их забота* (44; не оставляет, отягощает), «Придет, сядет рядом, *Об руку* с тобою Пойдет и поедет» (45; взявшись за руку), *из рук вон плохо* (45), «*Отбили хлеб* у мельника» (47; лишили заработка), *горе мыкать* (52), «Мы *пойдем* с ней *рука-об-руку*» (53), *что есть духу* (54), *что есть мочи* (56), *на край света* (55; очень далеко), *то-ли дело* (57; хорошо, приятно), *птицы волы ные* (56; свободные люди), *как глазом моргнуть* (63; мгновенно), *без талона таланится* (65; без счастья удается), *сиднем жить* (67; неподвижно, недеятельно), *обвенчавшись — не разженишься* (74), *слова нет* (85; нет возражения, правда), *города нипочем* (86; крепости не страшны), *сломлю прыть* (87; преодолею храбрость), *за кем поле?* (98; кто победил?), *В моем толке Смыслу нету...* (98; в моем уме нет способности...) и т.п. Между прочим, слово *купец* (61—62) у Кольцова имеет народное значение: торговец вообще, особенно скупающий у крестьян сырье для промышленников и оптовой торговли; *бояре, бояр* (76, 86) — название помещиков, по-старому.

В противоположение латинско-греческим божествам, заполняющим стихи его эпохи, у Кольцова выдвигается русская мифология, которую представляют давние создания первобытной веры и фантазии: «рогатый *леший*, страшный и косматый» (24; которого боится лесник, поселившийся на территории этого лешего); *упырь* (24; которого не знают ни русский центр, ни север, но, очевидно, знали на юге — родине Кольцова); *леший* и *ведьма* завывают во время бури (41); *леший* шумит в лесу, любезничает с русалкой (57); *домовой* наводит чистоту в клетях опустившегося мужика и не хранит его лошадей (63); *лукавый* (черт) в ночной темноте сбивает путника с дороги (85); *русалки* не только играют в своем кругу (119), но и топят человека (147). Все эти давно покинутые боги древней Руси не любят человека, вредят ему всеми возможными способами. Они составляют страшное царство, пребывающее где-то под землею, *пододонную* силу (60). Кольцов, человек нового времени, как мы уже указывали, представляет в своей поэзии людей, которые уже не боятся этой

когда-то грозной силы. Но есть, осталась еще одна великая, непреодолимая сила, управляющая жизнью каждого в условиях крепостного быта в деревне, господства богатых и имеющих власть в городе. Это *доля, судьба, время*, дающие *талан*, успех, удачу, благополучие или обрекающие на несчастье, *безвременье*. *Доля* дается случаем, определяется при рождении, и кто родился *в несчастный день, в бесталанный час* (36), тому трудно жить на свете; от нападок злой беды «Не уйти на лыжах: В чистом поле найдет, В темном лесе сыщет» (45). Иная картина при благоволящей судьбе: «Вспомни *время* свое: Как катилось *оно* По полям и лугам Золотою рекою... И как двери *ему* Растворяли везде, И в почетном углу Было место твое» (63—64). Здесь ясно олицетворенное *время* (счастье), божество, покровительствующее человеку. *Ему* отворяют двери, а тому, кому оно покровительствует, дают почетное место. Кольцов еще, как когда-то певец «Слова о полку Игореве» мог обратиться с мольбою к явлениям природы: «*Молил* я *солнце*, чтоб оно Свои лучи на грудь неверной, Как лаву жгучую, лило И выжгло б сердце лицемерной. *Молил* я *ночь*, чтобы она К ее очам не допускала Отрады сладостного сна — И горьких слез с них не стирала. Неслись ли *тучи,* их *молил*, Чтоб мраком жизнь ее покрыли; Гремели ль *громы*, их *просил*, Чтобы изменницу сразили» (137).

Так сильно жили в нашем поэте отголоски древних народных чувств и верований!

С другой стороны, он прекрасно знает быт современного, окружающего его крестьянина и мещанина с его понятиями и верованиями в области искания личного счастья. Тут многое определяется народными приметами, которые несколько признает и сам поэт, как признавал и великий Пушкин. Кольцова смущал и заяц, перебежавший дорогу, и конь, спотыкающийся на пути, как предвестие несчастия. Возвратившись домой, юный поэт не находит «бесценного друга», любимой девушки и по этому поводу говорит: «*Не даром же конь* мой *Споткнулся* не раз, *Не даром же сердце Вещало печаль!*» («На отъезд Д.А. Кашкина в Одессу»).

Если судьба неумолима и неотвратима для личности, то есть люди, которые могут изменить ее жестокие приговоры. Это колдуны, знахари, которые волшебством, заклинаниями могут создать счастье. Колдун-злодей наговорами может нагнать ненасытную тоску (65); мастер по заговорам может привлечь к молодцу сердце любимой девушки («Пора любви»). В данном стихотворении Кольцов умно и реалистично устраняет необходимость посредника и его «присухи нашептанной»: девушка сама оценила преданного поклонника; весеннее пробуждение природы вызвало ее чувство и сломило детскую сдержанность и упорство. По чудным картинам природы, по художественности и верности изображения переживаний молодца и девушки «Пора любви» — одно из лучших произведений Кольцова. Это мастерская, изящно написанная миниатюрная повесть, показывающая всю прелесть поэзии Кольцова, между прочим, и в отношении языка. Он вполне народный и вместе с тем безукоризненно укладывается в образцовую литературную речь. Здесь нет ничего стилистически негармоничного. Напротив, все народные слова, эпитеты, обороты служат только для яркого, картинного изображения предметов и явлений природы и жизни. Они дают все средства для осуществления прекрасно задуманного плана маленького романа из мещанской жизни, с вступлением, повествованием и заключением. Девушка представлена очаровательной в ее внутренней жизни. Повествование о молодце дается в несколько сниженном литературном стиле. Построение и изображение везде, во всем плане стихотворения выражены отборным, различаемым по стилю языком: более упрощенным в бытовой части рассказа и более строгим в местах чисто литературных.

Стилистика

Сравнения

«Ты скажи, как без ней Сохну, вяну я, Что трава на степи Перед осенью» (26); «Туча черная Понахмурилась, Пона-

хмурилась, Что задумалась, Словно вспомнила свою родину» («Урожай»); «На гумнах везде, Как князья, скирды Широко сидят, Подняв головы» (там же); «Она стала щеголиха, Как богатая купчиха» («Женитьба Павла»); «Наряду с травой Вы [цветы] засохнете, Как по Груне я Сохну, молодец» («Косарь»); «Как былинку, ветер Молодца шатает» («Горькая доля»); «Кручину, что́ тучу, — Не уносит ветром» («Вторая песня Лихача Кудрявича»); «Грудь белая волнуется, Что реченька глубокая — Песку со дна не выкинет» («Пора любви»); «Блеснула мысль, как молния, Зажгла любовь сердечушко» (там же, вариант); «Пусть пылает лицо, Как поутру заря» («Последний поцелуй»); «Как весна, хороша Ты, невеста моя!» (там же); «Вот он к нам идет, Словно дуб большой... И тот призрак был Ее муж лихой...» («Ночь»); «Что ж ты, милая, Вся как лист дрожишь?..» (там же); «Речи вольные — Все как связаны» («Доля бедняка»); «Ночи темные, Ночи бурные Шли как облачки Мимо солнышка» (80); «И без них [поцелуев] при тебе Жжет румянец лицо, И волнуется грудь, И блистают глаза, Словно в небе звезда» (83); «Словно птица быстролетная Пролетела море синее, Перешла так сила русская Степь пустую, непроходную» («Старая песня»); «Смирися с детской простотою И с сердца грусть слетит, как дым» («Маленькому брату»); «Держу я путь к тому огню, Ему я рад, как счастья дню» («Путник»); «В душе человека Возникают мысли — Как в дали туманной Небесные звезды» («Поэт»); «Где роскошь, золото, безделье, Где много слов про наслажденье, Там для него душа мертва, Как на сухой степи трава» («Ночлег чумаков», вариант); «Но с той поры, как весть пришла, Что на земле ее [изменницы] не стало, — Как дуновенье от стекла, От сердца жажда мстить отстала» (138); «Их очи, как звезды По небу блестят; Их думы — как тучи, Их речи горят» («Поминки»); «Но вот к ним приходит Неведомый гость, — И молча садится, Как темная ночь. Лицо его мрачно, И взгляды, что яд...» (там же); «Прозрачно как мрамор Застыло лицо — Уснул он надолго, Уснул глубоко!..» (там же); «Но год

прошел: одним — звездою ясной, Другим — он молнией мелькнул; Меня ж год, встреченный прекрасно, Как друг, как демон, обманул!..» («На новый 1842 год»).

Отметим сравнения авторские, творимые в народном духе: «У меня ль плечо Шире дедова; Грудь высокая — Моей матушки; На лице моем Кровь отцовская В молоке зажгла Зорю красную...» («Косарь»).

Отрицательные сравнения

«Не булатный нож Режет грудь мою, Не змея грызет Ретивое в ней: Забралась туда Лиходейка-грусть...» (65); «Не весна тогда Жизнью веяла, Не трава в полях Зеленелася; Не заря с небес Красовалася, Не луна на нас Любовалася. Нет! под холодом Под туманами, Ты в объятьях жгла Поцелуями!» (80); «Из лесов дремучих северных Поднялась не тучка темная, А рать сильная-могучая Царя грознова, московскова» («Старая песня»).

Метафоры

Кольцов превосходно владеет языком метафор. В этом отношении он богат, находчив и смел. Его метафоры просты и красивы.

«Настала осень; непогоды Несутся в тучах от морей, Угрюмеет лицо природы, Невесел вид нагих полей, Леса оделись синей тьмою, Туман гуляет над землею И омрачает свет очей. Все умирает, охладело; Пространство дали почернело; Нахмурил брови белый день; Дожди бессменные полились; К людям в соседки поселились Тоска и сон, хандра и лень» («Осень», 1828); «Побывали, унеслися Дни моей златой весны; В сердце опытном слилися Лишь отзывы старины. Ах, на что же оживали Предо мной мои мечты, Сердцу сладостные были Ласки юной красоты» («Песня», 1828); «Во сне испуг его [младенца] не будит, Нужда до солнца встать не нудит, Печаль у ложа не стоит: Священным сном невинность спит...» («Спящему мла-

денцу», 1828); «Как жаль, что счастия звезда На небе вашем закатилась! Но разве горесть навсегда С судьбою вашей породнилась? Пройдет зима — настанет май; Беда глупа — взведет на счастье...» («Утешение», 1830); «Опять в глуши, опять досуг Страдать и телом и душою, И одиночества недуг Кормить привязчивой тоскою, Ох, этот корм! Как горек он! С него душа не пополнеет, Не вспыхнет кровь, и смертный сон Скорей крылом на жизнь повеет!.. Но я, в укор моей судьбе, Судьбе, враждующей со мною, Томясь с злосчастием в борьбе, Не отравлен еще тоскою. Еще я верю, что минет Година горьких испытаний, И снова солнышко взойдет И сгонит с сердца мглу страданий» («Я дома», 1839); «Ужель во цвете лет под тяжестью лишений, Я должен пасть, не насладившись днем Прекрасной жизни, досыта не упившись Очаровательным дыханием весны?» («Вопль страдания», 1840); «Так, верно, верно: Ты несчастна; Твоей души супруг прекрасный Так скоро отказался жить...» («Послание молодой вдове», 1828).

Среди метафорических значений особенно выделяются в поэзии Кольцова олицетворения. Они оригинальны, реалистичны и живописны. Таковы приведенные выше, в составе больших художественных картин: *Нахмурил брови белый день; Печаль у ложа не стоит.* Таковы: «Ведь уж лето прошло, Ведь уж осень на двор Через прясло глядит. Вслед за нею зима В теплой шубе идет...» («Что ты спишь, мужичок?»); «Видит солнышко — Жатва кончена: Холодней оно Пошло к осени» («Урожай»); «Где б ни был я — всегда, До утренней зари, Алмазная звезда Против меня стоит И в очи мне язвительно глядит...» («Звезда»).

Эпитеты

Незваный гость (18), *любезный друг* (18), *люда добрые* (18), *сердечко удалое* (19), *девушку красную* (19), *любовию верною* (19), *палат раззолоченных* (20), *ночью тихой, ночью ясной* (20), *раскрашенное окно* (20), *разубранная светлица* (20), *душа-*

девица (20), *вещун-сердце* (20), *женою молодою* (20), *чужой дальней стороною* (20), *мурава бархатная* (21), *свеча воску ярого* (21), *друга милого* (21), *чисто золото* (21), *коня быстрого* (22), *мать-земля сырая* (23), *водой ключевою* (23), *в темном лесе* (24), *светлыми окнами* (24), *каменны палаты* (24), *добрый конь* (27), *булатный нож* (27), *удалой башкой* (27), *ясные очи* (28), *ворота тесовы* (29), *дубовы столы* (29), *брагой хмельною* (29), *ковшей вырезных* (29), *медом сыченым* (29), *туча черная* (30), *ветры буйные* (30), *света белова* (30), *дугой-радугой* (31), *проливным дождем* (31), *черны глаза* (33), *лицо белое* (35), *добрый молодец* (35), *перстень золотой* (36), *глаза темные* (37), *село родное* (38), *золотой казной* (39) и т.п. Это все устойчивые поэтические эпитеты, отличающие старинные русские песни, пословицы и несколько стилизованную живую речь русского народа. С другой стороны, подобные эпитеты — их у Кольцова много — в известной мере отделяют язык нашего поэта от обычного поэтического языка, который не включает в свои лексические запасы таких сочетаний, как: *удалое сердце, красная девица, свеча воску ярого, мать-земля сырая*, а иногда переосмысливает их: «наш *любезный* друг» значит — учтивый, народное — милый, любимый. Рядом с народными эпитетами у Кольцова видим и чисто книжные, или авторские, творческие: «без *модной* учтивости» (19), «стыдливость *детскую*» (20), «зернышку сготовим Колыбель *святую*» (в речи пахаря!; 23), «Станет [колос] спеть, рядиться В *золотые* ткани» (23), «огонь *неземной*» (33), «*светлой* памятью любви» (36), «тучи *мрачные*» (66), «*туманной* юности» (70), «*пылкой* юности» (75), «в *бесплодной* тоске» (76), «взоры *пылкие*» и т.п. Отметим эпитеты из сложных слов: «*Сладострастными* руками Кругом шеи обовьюсь» (24), «*Сладострастных* снов Была ночь полна» (78), «И не ратуешь С *мимолетною* Тучей-бурею» (40), «*Густолиственный* твой зеленый шлем Буйный вихрь сорвал» (40), «Много есть у меня... *Драгоценных* одежд, *Разноцветных* ковров» (76).

Образы

Стихотворения Кольцова богаты образными выражениями. Образное мышление, образная речь свойственны всем поэтам и всякой поэзии. Собственно, все говорящие на каком-либо языке мыслят и говорят образно. Большая разница только в количестве (бедность и богатство мысли и речи образами), качестве (выразительность, красота, жизненность образов), в их применении (меткость, уместность образных выражений). Читая только письма Кольцова, его единственную прозу, мы видим, как богато был одарен наш поэт способностью образного мышления и выражения, с одной стороны, знанием и счастливым использованием живущих в русском языке и установившихся в литературной речи образов, с другой стороны. В стихотворениях Кольцова эти дарования и способности отражаются в еще большей степени. Замечательны и оригинальны его литературные приемы обращения к неодушевленным и отвлеченным предметам в тексте лирических стихотворений: «Ну, тащися, сивка, Пашней-десятиной!..» (22); «Ты не пой, соловей, Под моим окном!..» (26); «Не шуми ты, рожь, Спелым колосом!» (28); «До чего ты, моя молодость, Довела меня, домыкала, — Что уж шагу ступить некуда, В свете белом стало тесно мне!» (72); «Жизнь! зачем ты собой Обольщаешь меня?» (76); «Расступитесь, леса темные; Разойдитесь, реки быстрые; Запылись ты, путь-дороженька; Дай мне вестку, моя пташечка!» (81).

Мы видим, что такое поэтическое обращение — довольно обычный прием в начале лирических стихотворений Кольцова; это, так сказать, принятый им зачин стихотворения, обычно песни. Но такое поэтическое обращение мы найдем у него и в конце стихотворений: «Ах, степь, ты степь Зеленая, Вы пташечки певучие! Разнежили вы девицу, Отбили хлеб у мельника! У вас весной присуха есть Сильней присух нашептанных...» (47); «Забушуй же, непогодушка, Разгуляйся, Волга-матушка! Ты возьми мою кручинушку, Размечи волной по бережку...» (56); «Гой ты, сила пододонная! От тебя я службу требую! Дай мне волю, волю прежнюю, А душой тебе я кланяюсь...» (60).

Еще более оригинальны концовки стихотворений Кольцова, представляющие маленькие заключительные картинки, данные без всякой синтаксической связи с текстом, иногда даже как будто без связи плановой, логической, но только со связью поэтического образа со всем содержанием стихотворения: «Тяжелей горы, Темней полночи Легла на сердце Дума черная!» (28—29); «На крутой горе Рос зеленый дуб; Под горой теперь Он лежит-гниет...» (43); «Куда глянешь — всюду наша степь; На горах — леса, сады, дома; На дне моря — груды золота; Облака идут — наряд несут!..» (75).

Фигуры восклицания и обращения

«Разрывайся, грудь моя! Буду суженым не я. Тот богатый, я без хаты — Целый мир мои палаты!» («Терем»); «Духи леса! дайте мне Крылья сокола скорей! Я в полночной тишине Полечу в объятья к ней» («Домик лесника», вариант); «Ты не пой, соловей, Под моим окном, Улети ты в леса Моей родины!..» (26); «Не шуми ты, рожь, Спелым колосом! Ты не пой, косарь, Про широку степь!» (28); «Молодец удалый Соловьем засвищет — Без пути, без света Свою долю сыщет. Что ему дорога, Тучи громовые, Как придут по сердцу Очи голубые! Что ему на свете Доля нелюдская, Когда его любит Она молодая» (53); «Забушуй же, непогодушка, Разгуляйся, Волга-матушка! Ты возьми мою кручинушку, Размечи волной по бережку...» («Песня разбойника»); «Поднимайся, туча-буря, С полуночною грозой! Зашатайся, лес дремучий, Страшным голосом завой, — Чтоб погони злой боярин Вслед за нами не послал; Чтоб я с милою до света На Украйну прискакал» («Бегство»).

Риторическое восклицание

«До чего ты, моя молодость, Довела меня, домыкала, — Что уж шагу ступить некуда, В свете белом стало тесно мне!» («Перепутье»); «Как ты можешь кликнуть солнцу: Слушай, солнце!

стань, ни с места! Чтоб ты в небе не ходило, Чтоб на землю не светило!» («Человеческая мудрость»).

Риторический вопрос. Фигуры вопрошения

«Мне ли, молодцу Разудалому, Зиму-зимскую Жить за печкою? Мне ль поля пахать, Мне ль траву косить, Затоплять овин, Молотить овес?» («Удалец»); «Неудачи, беда? — С грустью дома сиди; А с зарею опять К новым нуждам иди» («Товарищу»); «Долго ль буду я Сиднем дома жить, Мою молодость Ни на что губить? Долго ль буду я Под окном сидеть, По дороге вдаль День и ночь глядеть? Иль у сокола Крылья связаны? Иль пути ему Все заказаны?...» («Дума сокола»); «Где вы, дни мои, Дни весенние, Ночи летние Благодатные? Где ты, жизнь моя, Радость милая, Пылкой юности Заря красная?» (75); «Выдь на берег, глянь на море: Что ты можешь сделать морю, Чтоб вода в нем охладела, Чтобы камнем затвердела? Чем, какою тайной силой Шар вселенной остановишь, Чтоб не шел он, не кружился?..» («Человеческая мудрость»); «О чем шумит сосновый лес? Какие в нем сокрыты думы? Ужель в его холодном царстве Затаена живая мысль?..» («Лес»).

Сцепление и сращение

«*Загорись, разгорись* Роковой огонь, *Распали, растопи* чисто золото!» («Кольцо»); «Оседлаю коня, Коня быстрова, Я *помчусь, полечу* Легче сокола» («Песня старика»); «Я *сам-друг* с тобою, Слуга и хозяин» («Песня пахаря»); «Его зернышко *вспоит, вскормит Мать-земля* сырая» (там же); «Лицо белое — Заря алая, Щеки полные, Глаза темные Свели молодца *с ума*[123] *разума*» («Косарь»); «От *кручины-думы* В сердце кровь застыла» («Горькая доля»); «С *радости-веселья* Хмелем кудри вьются» («Первая песня Лихача Кудрявича»);

[123] В тексте здесь нет никакого знака препинания.

«*Вовремя да в пору* Медом речи льются» (там же); «В золотое время Хмелем кудри вьются, С *горести-печали* Русые секутся» («Вторая песня Лихача Кудрявича»); «Запала в грудь *любовь-тоска*, Нейдет с души тяжелый вздох» («Пора любви»); «Небось весело Глядеть батюшке На *житье-бытье* горемычное!» (50); «Обойми, поцелуй, *Приголубь, приласкай*...» («Последний поцелуй»); *Не тоскуй, не горюй*, Из очей слез не лей» (там же); «Пала *грусть-тоска* тяжелая На кручинную головушку» («Измена суженой»); «В поле ветер веет, Траву колыхает, *Путь*, мою *дорогу* Пылью покрывает» (52—53); «На селе своем жил молодец, Ничего не *знал — неведывал*, Со друзьями *гулял-бражничал*» («Деревенская беда»); «Вместе с *девицей-красавицей* Пляски новые выдумывал» (там же); «*Тошно, грустно* было на сердце — Как он с нею вдоль по улице Что есть духу поскакал, злодей» (там же); «С той поры я с *горем-нуждою* По чужим углам скитаюся» (там же); «Не страшна мне, добру молодцу, *Волга-матушка* широкая...» («Песня разбойника»); «*Загрустила-запечалилась* Моя буйная головушка» («Тоска по воле»); «Где ж *друзья* мои — *товарищи*? Куда делись? разлетелися? Как бывало, в полночь мертвую, *Крикну-свистну* им из-за леса...» (там же); «В эту *ночь-полуночь* Удалой молодец Хотел *быть-навестить* Молодую вдову» («Хуторок»); «С *судьбой-мачехой* Сам собою жить» (67); «*Без ума, без разума* Меня замуж выдали...» (68); «Что пред ней ты, утро майское, Ты, *дуброва-мать* зеленая, *Степь-трава* — парча шелковая, *Заря-вечер*, ночь-волшебница!» («Разлука»); «Только тешилась мной Злая *ведьма-судьба...*» («Расчет с жизнию»); «Иль обрызган ты [серп] В *скуке-горести* По милом дружке Слезой девичей?» («Грусть девушки»); «Одному с тобой [бором, лесом] Надоело жить, *Путь-дорогою* До зари ходить!» (81); «Я найду его, где бы ни был он, Я скажу ему: *стыдно-совестно* Бросить дом свой, отца старова...» (81); «В *непогоду-ветер* Шапка на макушке...» (82); «Только дум-заботы У *царя-головки*: Погулять по свету, Пожить нараспашку, Свою *удаль-силку* Попытать на людях...»

(82); «Когда вы всем по *силе-мочи* С любовью, помогали им» («Благодетелю моей родины»).

В этом сцеплении слов мы отличаем, во-первых, синонимы, из которых один дополняет другой, чтобы полнее, так сказать, двусторонне, представить предмет или действие: 1) свели *с ума, разума; с радости-веселья* кудри вьются, с *горести-печали* секутся; пала (напала) *грусть, тоска; путь, дорогу* покрывает пылью; где мои *друзья, товарищи*; живу в *скуке, горести* по милом дружке; *в непогоду, ветер* шапка на макушке; помогали по *силе, мочи*; 2) *помчусь, полечу* легче сокола; *приголубь, приласкай; не тоскуй, не горюй*; ничего *не знал, не ведал*; со друзьями *гулял, бражничал; загрустила, запечалилась* моя буйная головушка; хотел *быть, навестить* молодую вдову; 3) *стыдно, совестно; тошно, грустно* (сцепление прилагательных — относительно более редкое явление). Во-вторых, в подобном сцеплении мы имеем слова не синонимичные, объединенные на основе приложения к имени: от *кручины-думы* в сердце кровь застыла; запала в грудь *любовь-тоска; с девицей-красавицей* пляски новые выдумывал; *Волга-матушка* широкая; в эту *ночь-полуночь; дуброва-мать* зеленая; злая *ведьма-судьба* и т.п. Мы их переводили бы, как *кручинная* (горькая) дума, *любовная* тоска, *красивая* девица или, при затруднении в переводе, понимали бы как указание качественных признаков *матери, ведьмы* и т.п. к названиям *Волга, судьба* и т.п.

Только точно анализируя семантические и грамматические отношения слов, мы можем внести достаточную ясность в значение текстов Кольцова и установить некоторые принципы в пунктуации этих текстов, которые при текущем положении представляют довольно много противоречий, при которых одни и те же явления языка разделяются различными знаками препинания. Так: *Тошно, грустно было на сердце* дано с разделением запятою (54); *стыдно-совестно бросить дом свой* имеет соединение черточкой, дефисом (81); синонимы *с ума, разума* не разделены никаким знаком препинания (37), синонимы *с радости-веселья* соединены дефисом (43), синонимы *помчусь, полечу*

разделены запятою (22), а синонимы *гулял-бражничал* даны с дефисом. На с. 40 один и тот же текст дается с различной пунктуацией:

Ты стоишь-поник,
И не ратуешь...
Ты стоишь-поник —
И не ратуешь.

При такой непоследовательной пунктуации, конечно, мы не всегда можем понимать как следует тексты Кольцова. Теперь нам необходимо заметить, что, к сожалению, и в наше время пунктуация слов в случаях их сцепления и сращения недостаточно выяснена и не вполне упорядочена. Поэтому на основании сделанного нами анализа мы желаем установить некоторые основы пунктуации, которые в наше время более или менее осознаны, но не применяются с полной последовательностью, что препятствует правильному пониманию текстов наших авторов вообще, не только одного А.В. Кольцова. В самом деле, нелегко понимать следующие тексты при данной пунктуации:

Красавица зорька
В небе загорелась (23).

Лиха-беда в землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть... (26).

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю-матушку (34).

Пала *грусть-тоска* тяжелая
На кручинную головушку (52).

С той поры я с *горем-нуждою*
По чужим углам скитаюся (55).

Как бывало, в полночь мертвую,
Крикну-свистну им из-за леса (60).

Мучит душу мою
Твой печальный убор:
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись-уберись
В свой наряд голубой... (51).

В первых трех примерах синтаксические отношения имен существительных одинаковы; небольшая разница только в том, что в первом и втором примерах эти отношения более свободны, в третьем они закреплены в употреблении. Допустим, что с данной пунктуацией можно примириться, если она имеет давнюю традицию. В четвертом примере синонимы *грусть* и *тоска* не находятся в положении определения и определяемого, поэтому соединять их дефисом, как соединяем сочетания *душа-девица*, *земля-матушка*, нет основания. Точно так же нельзя соединять дефисом совсем несинонимичные существительные *горе* и *нужда* и глаголы *крикну* и *свистну*; пунктуация здесь насильственно стягивает слова, несоединимые по значению, и препятствует правильному их пониманию.

В последнем примере соединение дефисом принуждает нас понимать соединенные слова как синонимы с значением: нарядись, оденься, как можно лучше. Но такое понимание не очень хорошо согласуется с контекстом. Ведь девушка не одевается, она уже одета, наряжена; поэтому естественнее попросить ее *снять* этот печальный наряд и заменить его другим, более приятным; это и значат слова: *разрядись* — разденься, *уберись* — снова оденься. При таком понимании (а я считаю его более правильным) следует снять дефис, устранить таким образом

значение синонимов для слов *разрядись-уберись* и отделить их тире или, лучше, запятою.

Итак, дефис следует применять в случаях определения-приложения с словами несинонимичными: *душа-девица, ведьма-судьба* (не тире: ведь — судьба, как видим на с. 77) и т.п. Неправильно в нашем издании: «Нет у молодца... *Бороны-сохи*, *Коня-пахаря* (39). *Борона* и *соха* — разные, назависимые слова, которые не могут быть соединены в пунктуации посредством дефиса; их следует разделить запятою: *бороны, сохи.*

Синонимы-глаголы *помчусь, полечу* следует последовательно разделять запятою, что обычно и делается, но, как мы видели, не всегда.

То же следует применять и в отношении к синонимам в виде имен прилагательных: *тошно, грустно.*

Ради единообразия письма следовало бы проводить разделение запятою и в отношении синонимов из имен существительных, как мы и приводили выше, хотя в практике здесь широко применяется правописание с дефисом. Хотя это последнее правописание и оправдывается слиянием данных слов в произношении и нередким согласованием их с определением и сказуемым в единственном числе, но зато не дает возможности отличить их от существительных нашей первой группы, именно приложений, и отделяет их в письме от глагольных синонимов, в которых разделение запятыми прочно утвердилось.

Синонимы

Четкое различение синонимов видим в примере: «В ночь под бурей я коня седлал; Без дороги в путь отправился» («Измена суженой»).

Повторы

«Ах, *рад не рад*, — Пришлось и мне...» («Размолвка»); «Что взгляну, то вздохну, Затоскуюся, И зальются глаза *горьким го-*

рем слез» («Кольцо»); «Как одну я *песню, Песню* молодую *Пою, запеваю* Старою погудкой» («Размышление поселянина»); «У них детей кучи — Все *мал-мала* меньше» (там же); «Всю сожгло ее поле жаркое, *Горит-горма*[124] все Лицо белое» («Молодая жница»); «Не с проста ума Жница *жнет-не жнет*, Глядит в сторону, Забывается» (там же); «Куплю косу я, Отобью ее, Наточу ее *Востро-навостро*, — И *прости-прощай,* Село родное» («Косарь», вариант); «До поры — до время *Всем* я *весь* изжился» («Горькая доля»); «*Мучит* душу *мука* смертная, Вон из тела душа просится» («Измена суженой»); «Вся [степь] птичками летучими, Певучими *полным-полна*» («Пора любви»); «По летам и кудрям Не старик еще я; *Много* дум в голове, *Много* в сердце огня! *Много* слуг, казны Под замками лежит...» («Путь»); «В непогоду ветер *Воет завывает*» (59); «Не в пору *завыл Ветер* по бору: Петь бы, петь теперь Соловью в лесу!» («Песня русская»); «Знать, на *горе горемычное* Так сжились мы, так слюбились» (71); «Где ты, *время*, где ты, *времячко,* Как одно я только думывал: Где бы как с тобой увидеться..?» (71); «По людям ходить, за море плыть — *Надо* кровь опять горячую, *Надо* силу — силу прежнюю, *Надо* волю безотменную...» («Перепутье»); «Уж когда мне, добру молодцу, Присудил бог сложить голову, — Не на землю ж я сложу ее! А *сложить-сложу* — на груду тел...» («Военная песня»); «*Много есть у меня* Теремов и садов» и т.д.: 4 строфы с этим началом (76); «Сердце молодецкое присмирело, — Все, все в добром молодце Устарело» (86); «Я *был у ней;* она сказала: Люблю тебя, мой милый друг!» и далее. Все стихотворение состоит из 4 строф, в начале каждой данные слова (111, 1829 г.); «Тобою любимым быть — *прекрасно; Прекрасней* же тебя любить. Что муки мне? Душою страстной О *милой мило* мне грустить, С тобою чувствами меняться И на приветливый твой взгляд *Ответным* взором *отвечать*...» («Послание к ***», 1831); «На *злобу — злобой* ополчился, И на *беду — с бедой* пошел» («Примирение», 1838); «Мне ли, молодцу Разудалому,

[124] В тексте странное ударение *го́рма*, которое не соответствует ни ритму стиха, ни обычному русскому произношению.

Зиму-зимскую Жить за печкою?» («Удалец»); «Стану в тех лесах *Вольной волей* жить...» (там же).

На основе повторов находим у Кольцова некоторые каламбуры: «Буйной *воле* даст ли [человек] *волю*, — Под ним море закипит» («Человек»); «В беседах — с злобою немою Со мною встречи убегай. Ах, ты неправдою такою Меня, быть может, охладишь И — к *счастью счастия* лишишь!..» («О, не кажи улыбки страстной!»).

СОЧЕТАНИЕ *АЛЬ НИ* В ТЕКСТАХ А.В. КОЛЬЦОВА

Сочетание *аль ни* может употребляться только в вопросительно-разделительных синтаксических оборотах, имеющих при сказуемом отрицание *не.* Таковы, например, следующие выражения: *Аль ни брата, ни сестры не было дома? Аль ни дыма, ни огня не видно? Аль ни в лес, ни в поле не ездил?* Других оборотов с *аль ни* русский язык не знает. Ввиду этого обращают на себя внимание печатные тексты Кольцова, которые дают нам несколько примеров совершенно своеобразного употребления этого сочетания. Приведем эти примеры.

1) Да как гляну, против зорюшки,
На ее глаза — бровь черную;
На ее лицо — грудь белую,
Всю монистами покрытую,
Аль ни пот с лица посыпится;
Аль ни в грудь душа застукает;
Месяц в облака закроется,
Звезды мелкие попрячутся...

2) В эту пору, для приятеля,
Заварил я брагу хмельную,
Заиграл я свадьбу новую,
Что беседу небывалую:
Аль ни дым пошел под облаки,
Аль ни пламя закрутилося;
По соседам — через улицу —
На мою избушку бросилось.

(Стихотворение «Деревенская беда».
Текст академического издания 1909 г., с. 101 и 102.)

3) Знать, забыли время прежнее,
Как бывало, в полночь мертвую,
Крикну, свистну им из-за леса:
Аль ни темный лес шелохнется...

(Стихотворение «Тоска по воле».
Текст из того же издания, с. 114.)

Первые два примера этого издания с буквальной точностью передают текст, напечатанный Белинским в посмертном издании стихотворений Кольцова (СПб., 1846, с. 41 и 43). В третьем примере допущены несущественные изменения, не касающиеся занимающего нас оборота: поставлена запятая после *знать*, которой нет в издании Белинского, и пропущено ударение на *á* в предлоге *из-за.* Известно, что рукописи обоих стихотворений прошли в печать через руки Белинского, который, конечно, и установил их орфографию. Первое написано Кольцовым в Москве, 14 мая 1838 г., и напечатано Белинским в «Московском наблюдателе» 1839 г. (ч. 1, с. 9—11). Текст данного журнала, в занимающем нас месте, отличается главным образом знаками препинания, но существенных отличий от позднейшего не имеет. Вот в каком виде он дает два первые примера:

1) Да как гляну, против зорюшки,
На ее глаза, бровь черную,
На ее лицо, грудь белую,
Всю монистами покрытую:
Аль ни пот с лица посыплется,
Аль ни в грудь душа застукает!
Месяц в облака закроется,
Звезды мелкие попрячутся!

Знаки препинания в этом первопечатном тексте, по нашему мнению, поставлены гораздо лучше, чем в позднейших редакциях: они проще, яснее по смыслу и выразительнее.

2) Во втором примере первое четырехстишие совершенно совпадает с приведенным выше текстом академического издания. В следующем есть небольшие отличия:

Аль ни дым пошел под облака,
Аль ни пламя закрутилося —
По соседям, через улицу,
На мою избушку бросилось.

Второе стихотворение написано 2 сентября 1839 г. и послано в распоряжение Белинского из Воронежа с письмом от 28 сентября. Оно переделывалось Кольцовым по указанию Белинского и напечатано только в 1841 г. в «Отечественных записках» (т. XIV, кн. 2, с. 272).

Для читателя сознательного, ищущего отчетливого понимания слов и предложений, места эти, в отношении к употреблению сочетания *аль ни*, являются довольно темными. Тут нет ни одного из трех необходимых элементов, обусловливающих уместность выражения с данным сочетанием: нет ни вопроса, ни синтаксического разделения, ни отрицания при сказуемом.

Если мы предположим, что в приведенном тексте просто по ошибке стоит *ни* вместо *не* (как это, по-видимому, допускает редактор академического издания сочинений Кольцова А.И. Лященко, который в «Заметке о языке Кольцова», приводя на с. 417 своего издания последний из трех указанных оборотов как замечательную особенность поэтической речи Кольцова, дает его в форме: «*аль не* пот с лица посыпится»), то и это предположение не выведет нас из затруднения и, пожалуй, осложнит еще больше решение неясного вопроса. Правда, что при последней орфографии будет меньше раздражаться зоркий глаз щепетильно грамотного человека, какого-нибудь преподавателя или корректора, но, во-первых, у нас нет твердых оснований для резкого отступления от установившегося издавна авторитетного текста, во-вторых, для сочетания *аль не* тоже не имеется в данном месте ясного отрицательного вопроса. Предположение, что здесь

у Кольцова употреблена затейливая риторическая фигура отрицательного вопрошения, не оправдывается ни смыслом речи во всех данных примерах, ни данными в них знаками препинания. Притом установитель печатных текстов Кольцова, Белинский, конечно, сумел бы понять и передать данную поэтическую фигуру, если бы она была налицо, в той орфографической форме, которая ей соответствует.

Не хочется, но нужно признаться, что мы не понимали данных текстов Кольцова и не могли понимать. Полагаем, что их не понял и сам Белинский, не объяснился с Кольцовым и напечатал данные места из стихотворений своего друга в орфографии, очень приличной на взгляд, но совершенно затемняющей лексическую и синтаксическую сторону простой, ясной, чисто народной речи Кольцова.

На эти темные места кольцовских печатных текстов проливает свет разъясняющий дело текст другого писателя из южновеликорусской языковой области, дающий много примеров такого же неправильного употребления сочетания *аль ни*, как и у Кольцова, но притом рядом с правильным употреблением провинциализма *альни* (в значении: даже, инда), из разложения которого и получилось это странное *аль ни* у Кольцова. Говорим о тексте исторического романа В. Маркова «Курские порубежники», напечатанного в «Русском вестнике» (1873, т. CV—CVI). (В дальнейших ссылках на этот текст мы будем указывать только том и страницу.)

Приведем прежде всего те немногие случаи, в которых *альни* напечатано в тексте романа Маркова правильно, как одно слово.

1) «О полночь слышу, душит; ну, думаю, *он*[125]. *Альни* жарко стало» (т. CV, с. 694).

2) «А она[126] не налюбуется, сердечная, на тебя, *альни* посветлело в комнате» (т. CVI, с. 7). Это примеры из речи старой няни.

[125] Домовой. Курсив автора.

[126] Явившаяся в виде привидения покойница мать к ребенку-дочери и ее няне.

У нее же встречается еще раз слово *альни* в том же рассказе о покойнице-привидении, напечатанное в двух строках со знаком переноса. Считая и это написание правильным, слитным, имеем третий пример с *альни.*

3) «Дрожу, *альни* окоченела со страстей» (т. CVI, с. 7). Еще раз мы видим *альни* в данном тексте в словах старого боярина (т. CV, с. 668), но с другим оттенком значения.

4) «Вспоминаешь молодецкую свою молодость, отче, ретивое твое *альни* вот-вот выскочит и в поле тебя, на врага, надвигает...» Здесь *альни* имеет значение: кажется.

Дальше имеем в тексте Маркова несколько примеров разделения слова *альни* на сочетание *аль ни.* Здесь, как и у Кольцова, кто-то (безразлично, кто: наборщик, корректор, редактор, — словом, правщик текста, не понимающий народного языка и стремящийся по-своему осмыслить непонятное слово), несомненно, переделывает авторскую речь, стараясь придать ей тот приличный на взгляд, а на самом деле темный орфографический вид, о котором мы уже говорили.

1) «Степь широка, сам ты говорил, что *аль ни* к морю синему понадвинулась» (т. CV, с. 341).

2) «Никак чернец-то мой познобился; ишь его, раздетый совсем, словно его трясовица трясет, *аль ни* зубами клацает, *аль ни* в кочергу согнуло, не выпрямится» (т. CV, с. 743).

3) «— Кони шагом идут, коней много, заметил он. — *Аль ни* гудком гудет земля» (т. CVI, с. 87). Все примеры — из слов разных действующих лиц. В последнем сочетание *аль ни* напечатано на двух строках, без знака переноса.

Интересно, что подобные места авторского текста настолько смущали его правщиков, что они, даже при известной корректорской самоуверенности, не могли провести единообразного правописания: то оставляли авторское слитное (*альни*), то, перемудрив, разделяли единое слово на неосмысленное сочетание *аль ни*, то, наконец, совершенно запутавшись и запутывая чита-

теля, вводили в текст еще новую форму *аль-ни*, с соединительной черточкой. Примеры.

1) «Понавешали станичников чуть не на каждом дубе, *аль-ни* черным лес стал...» (т. CV, с. 746).

2) «Как сдавал тебя, так-то тебя спокоил, *аль-ни* меня слеза прошибла...» (т. CVI, с. 58). Впрочем, может быть, такое правописание является уже шагом вперед, так как приближается к слитному, представляет объединение двух частиц в одно неделимое слово.

Сравнивая тексты Маркова и Кольцова, мы приходим к следующему заключению:

1) И тот и другой, обычно в речи простолюдинов, употребляют областное слово *альни* в одном и том же значении: даже, так что, инда. Особенно хорошо соответствует этому слову провинциализм *инда*, распространенный в северных великорусских говорах, известный и московскому просторечию. Напомним читателю пример из Островского: «Летел к вам скоропалительно, *инда* взопрел-с» (Собрание сочинений А.Н. Островского, СПб., 1874, т. II, с. 138. Комедия «В чужом пиру похмелье», д. I, явл. 4-е, слова Андрея Титыча Брускова). Это *инда* для того, кто привык к его употреблению, превосходно подставляется почти во все приведенные тексты Маркова и Кольцова.

2) При передаче текста Маркова мы все время видим борьбу между писателем и печатниками, исход которой был неодинаков. То торжествовал автор с своим единственно правильным слитным *альни*, то побеждали правщики, подставляя свое мнимограмотное, а в действительности портящее письменную речь сочетание *аль ни* или *аль-ни.* Эта непоследовательность в тексте Маркова дает возможность сведущему и наблюдательному читателю понять автора должным образом и заметить не принадлежащую ему ошибку. Для читателя текстов Кольцова эта возможность совершенно закрыта. Дело касается только трех примеров, притом всего в двух стихотворениях. Правописание печатного текста установилось сразу и твердо. Ошибка, сделанная один

раз, повторялась и упрочивалась; она защищена всеми признанным авторитетом знаменитого критика, ее допустившего. Позднейшие редакторы утверждали ошибку, повторяя ее. Сам автор, вероятно, и не заметил, что, собственно, дает печатная редакция его текста, и мог остаться вполне ею удовлетворенным. В других случаях он несколько сопротивлялся, инстинктивно защищал права народного языка, объяснял в своих письмах к Белинскому народные выражения, как например *сила пододонная.* Искусным употреблением, чутьем поэтических прелестей живого народного языка Кольцов, конечно, превосходил Белинского. С проницательностью и твердостью, обнаруживающею его здравый ум и разборчивый литературный вкус, он редко переходил на чисто литературный язык, которым писали любимые его друзья-авторы. Так писались его «думы» и другие идейные, отвлеченные стихотворения.

Но там, где поэтическое содержание взято Кольцовым из народной жизни, он в художественном изложении пользуется языком народа, местным просторечием. Необработанную руду простой, ясной, но нередко грубой и неизящной народной речи он умеет обратить в чистое золото живописного, звонкого литературного стиха. И употребление провинциализмов у Кольцова так уместно, что мы их почти и не замечаем, читая и заучивая с детства его стихотворения. Между тем в редком из них не окажется чего-нибудь областного в произношении, формах, ударении[127], словаре.

В доказательство правильности нашего истолкования данных примеров из стихотворений Кольцова приведем еще небольшое замечание одного из авторов, о нем писавших. Оно нам кажется особенно ценным потому, что принадлежит лицу, весьма основательно знающему то воронежское наречие, на котором, собственно, и складывались могучие по воле и чувству, ярко живописные по выражению песни Кольцова. Этот автор

[127] Ударение в стихотворениях Кольцова рассмотрено нами в настоящих «Известиях» (1898, т. III, кн. 2): «Материалы для изучения великорусских говоров», с. 72—78.

считает сочетание кольцовских текстов *аль ни* за одно слово, так как говорит: «К числу сильных, по нашему мнению, принадлежат стихи, в которых Кольцов употребляет народное речение *аль-ни*» (С.Н. Прядкин, Очерк поэзии А.В. Кольцова, «Филологические записки», 1905, вып. V—VI, с. 76). Цитируя далее пример из стихотворения «Деревенская беда», автор везде пишет *аль-ни*, с соединительной черточкой (с. 76—77). Так же везде написана у него и цитата с *аль-ни* из стихотворения «Тоска по воле» (с. 49, 63, 73). По-видимому, не желая отходить слишком далеко от издавна принятого текста, но вместе с тем стремясь лучше передать его лексический и грамматический смысл, автор останавливается на этом переходном, половинчатом правописании, которое все же исправляет текст, хотя недостаточно смело и не окончательно. Исходя из приведенных выше фактов и соображений, мы считаем необходимым во всех трех приведенных примерах из стихотворений Кольцова исправить явно неудачное сочетание *аль ни* на необходимое по смыслу, единственно правильное, однословное написание *альни.* Возникает еще вопрос: может быть, Кольцов и в рукописи допустил это злосчастное правописание, которое вошло в печать и дошло до нашего времени, сбивая с толку читателей? Вообще справка с рукописью Кольцова была бы очень любопытна, но она не может изменить того разрешения вопроса, которое мы предлагаем. Знаменитый поэт был слаб в правописании и необычайно силен в словоупотреблении. Словоупотребление и должно принять в основание для разъяснения занимающих нас темных мест в его поэзии.

Соответствующих рукописей Кольцова весной 1920 г., когда была написана эта заметка, невозможно было разыскать. Хотя и было известно, что они некогда находились в собрании Дашкова, поступившем в Пушкинский дом, но там их не оказалось, и не было известно, где они находятся, не знали даже, сохранились ли эти тетради стихотворений Кольцова, писанных его рукою. Поневоле приходилось в нашем разыскании остановиться на той точке, до которой можно было дойти.

Незабвенный А.А. Шахматов, которому я передал на словах сущность настоящей заметки, принимая мое толкование данных текстов, тотчас же вспомнил древнерусские *альни* и *ольни* и посоветовал мне повнимательнее пересмотреть для моей статейки примеры с этими словами в «Материалах» Срезневского. Действительно, данные этого словаря несколько иначе и, кажется, лучше объясняют один из примеров в текстах Маркова. Это: «Степь широка, сам ты говорил, что *аль ни* к морю синему понадвинулась». Здесь, как и в древнерусских подобных словоупотреблениях, лучше толковать данное слово, как: вплоть, близко.

Неожиданно, осенью 1920 г., в Пушкинский дом поступили и занимающие нас рукописи А.В. Кольцова, заботливо сохраненные в эпоху больших и невознаградимых потерь одним из петроградских ученых. Показания этих рукописей замечательны: во всех местах, где у автора написано слово *альни*, оно уверенною рукою Белинского, исправлявшего тексты Кольцова для печатания, разделено на два слова: *аль ни.* Очевидно, знаменитый учитель не понял своего замечательного ученика, очень неосторожно и неудачно «исправил» его текст и утвердил его в литературе в странной форме, которая держится более 80 лет, не встречая серьезного недоумения, а тем более критического осуждения.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

Автор настоящей статьи не имеет в виду разрешить всей сложной проблемы о литературном языке И.С. Тургенева. Это не более как заметки, в которых обращено внимание на некоторые более важные особенности этого языка, главным образом со стороны положительной, образцовой. К ним присоединено несколько наблюдений над немногими недочетами в языке нашего знаменитого писателя, этими «пятнами на солнце», любопытными, между прочим, потому, что они открывают источник его литературной речи и ту классовую основу, на которой она возникла и развивалась.

I

Десять лет пробивается И.С. Тургенев маленькими проселками на широкий литературный путь. Он пишет стихи, поэмы, комедии, небольшие рассказы, критические отзывы, везде проявляя несомненный литературный талант, но не обнаруживая всей силы этого таланта. Большим и выработавшимся художником он является лишь с первых очерков, которые составили знаменитый цикл — «Записки охотника».

Конечно, только литературная ревность заставляла утверждать И.А. Гончарова, что призвание Тургенева — небольшой рассказ, что романы, которые он пишет, — не его дело[128]. «Записки охотника»— первое большое полотно, которое дает Тургенев русской художественной литературе. Они не являются группой разных очерков. Это маленькая «Одиссея» в пределах бывшей Орловской губернии. Все рассказы в ней объединены личностью художника, направлением его интересов, материа-

[128] «Необыкновенная история». «Сборник Российской Публичной библиотеки», 1924, с. 12, 18, 21 и след.

лом наблюдения. Но для исследователя-лингвиста в этих рассказах самое главное — особенности изложения: стиль и язык. В этом отношении «Записки охотника» до настоящего времени производят впечатление большой свежести и оригинальности; тем более они должны были поразить этой стороной читателей своего времени. Самое характерное и замечательное в изложении «Записок охотника» — это устремление к читателю; автор не просто описывает или рассказывает — он как бы беседует с вами. Нередко в разных рассказах Тургенев прямо или косвенно обращается к читателям, например: «— До меня верст пять будет, — прибавил он [Полутыкин]: пешком идти далеко; зайдемте сперва к Хорю. (*Читатель* позволит мне не передавать его заиканья.)» («Хорь и Калиныч»); «— Может быть, не все мои *читатели* знают, что такое тяга. Слушайте же, *господа!*» («Ермолай и мельничиха»); «— Представьте себе, любезные *читатели*, человека полного, высокого, лет семидесяти...» («Однодворец Овсяников»); «— Я уже имел честь представить вам, благосклонные *читатели*, некоторых моих господ соседей» («Два помещика»); «— Одна из главных выгод охоты, любезные мои *читатели*, состоит в том, что она заставляет вас беспрестанно переезжать с места на место...» («Лебедянь»); «— Дайте мне руку, любезный *читатель*, и поедемте вместе со мной» («Татьяна Борисовна и ее племянник»); «— Вероятно, немногие из моих *читателей* имели случай заглядывать в деревенские кабаки» («Певцы»). Такие обращения начинаются уже с первого рассказа «Записок охотника», таким обращением они и заканчиваются: «*Читателю*, может быть, уже наскучили мои записки...» («Лес и степь»).

С этим направлением изложения из него выпадает все условное, искусственно-книжное; рассказ приобретает форму и стиль разговора; упор делается на простую, домашнюю, интимную речь автора.

Та же простота и интимность речи обусловлена другой важной особенностью изложения «Записок охотника»: рассказом от первого лица. Это преобладающая здесь форма повествования.

Некоторые рассказы так и начинаются с фраз: «Я возвращался с охоты»; «*Мы* отправились на охоту»; «Я сидел в березовой роще» и т.п. Там, где рассказ начинается в третьем лице, автор постоянно по ходу повествования переходит на первое лицо, на рассказ о себе. Этой формой также снижается и упрощается характер изложения. Повествование драматизируется, переходит в монолог. Этот монолог, однако, не абстрактная литературная форма речи — он опять обращен к читателю, рассчитан на него. Здесь тот же литературный прием живой беседы. Некоторые рассказы в «Записках охотника» заключают обширные монологи героев повествования. Вспомним «Уездный лекарь», «Однодворец Овсяников», «Петр Петрович Каратаев», «Гамлет Щигровского уезда», «Живые мощи». Другие представляют в более или менее значительной степени драматические разговоры. Таковы «Льгов», «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи», «Контора», «Стучит». Этот драматический характер изложения значительной части «Записок охотника» определяет тот же уклон их языка от книжной речи; на первый план выдвигается разговорный язык и вместе с ним богатое лексическими и морфологическими запасами живое просторечие города, помещичьей усадьбы и русской деревни. Мастерское использование разновидностей этого разговорного русского языка придает особую выразительность и силу «Запискам охотника» и делает их одним из самых замечательных памятников и образцов русского слова.

«Записки охотника» отличаются, впрочем, не только отбором словесного и морфологического материала, они замечательны также и по синтаксическому строю речи, простому и легкому, подобно естественному разговору. Фраза Тургенева обычно кратка и ясна; сцепление фраз и предложений часто совершенно безыскусственно. Так, уже в первом рассказе «Хорь и Калиныч» на 15 с лишним страницах текста книжные сочетания предложений редки: местоимение *который* в значении относительного встречается только 8 раз, *что* в значении союза — 7 раз, причастий во всем рассказе только 7. Книжные сочетания предложений типа *кому — того* (первое сложное предложе-

ние), *не только — но* единичны. Обычные сочетания фраз почти исключительно производятся через союзы *и*, *а, но*, притом последние довольно редки. Преобладающий тип в сочетании предложений — смысловое объединение без местоимений, союзов, причастий и деепричастий, например: «Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов...»

II

Если мы пересмотрим только три первых рассказа из «Записок охотника» и ограничимся исключительно речью автора, то в составе этой речи мы в изобилии найдем те элементы живого разговорного языка, в которых автор отступает от традиционной, строгой, холодной книжной речи. Приведем прежде всего более яркие примеры просторечия, т.е. того живого языка, который лежит между чистой книжной речью и обособленной провинциальной.

«Орловский мужик невелик ростом, *сутуловат*, угрюм, *глядит исподлобья*, живет *в дрянных* осиновых избенках, *...ест* плохо, носит лапти» (1852, I, с. 5)[129]; «Они оба весьма любезно друг над другом подтрунивали» (17); «Хорь... *обстроился*, *накопил деньжонку*» (20); «Русский человек... *не прочь и поломать себя*» (24); «Калиныч пел довольно приятно и *поигрывал* на балалайке» (27); «[Степушка] вечно над чем-нибудь *копается:*» (27); «Ермолай... шмыгая и переваливаясь, *улепетывал* верст шестьдесят в сутки» (36); «Ермолай любил *покалякать* с хоро-

[129] В ссылках на «Записки охотника» или Сочинения указывается год издания, часть или том и страница. В цитатах, взятых из журналов, дается название журнала, год его издания, номер книги и страница. Издание Маркса называется без указания года (1898). В текстах с измененной редакцией указывается текст первопечатный и один из позднейших, обычно издание 1883 г.

шим человеком, особенно за чаркой» (37); «А мужичок Софрон его, *пожалуй*, к себе на двор не пустит, да еще, *чего доброго*, *шею ему намнетъ* (37); «Рыбы в Исте́ *бездна*» (39); «Мы... желаем до восхода солнца опять *попытать* нашего *счастья*, решились перекочевать к ближайшей мельнице» (40); «Кое-как *дотащился* я до речки Исты» (56); «Разве какая *добрая душа*, проходя мимо, уделит бедняге недоеденный кусок пирога» (60); «Его привыкли видеть, иногда даже *давали* ему *пинка*» (61); «Он сам, кажется, отроду и *рта не разинул*» (61); «Вечно хлопотал и *возился втихомолку*, словно муравей» (61).

Замечательны и эти обороты разговорной речи: «Кроме немногих ракит... да двух, трех тощих берез, деревца на версту кругом *не увидишь*» (6); «И точно, *не заботься* он с утра до вечера о своем пропитании, умер бы мой Степушка с голоду» (61); «И все это он делает молча, словно из-за угла; *глядь*, уж и спрятался» (62). Характерны для Тургенева эти живые обороты речи и в последующих произведениях: «Да и кто, *скажите на милость*, кто бывает когда-нибудь и в чем-нибудь виноват — один?» (1884, VI, с. 101).

III

Рядом с просторечием мы постоянно встречаем у Тургенева и разнообразные провинциализмы. Приведем несколько примеров.

«В Орловской губернии последние леса и *площадя* исчезнут лет через пять...; в Калужской, напротив, *засеки* тянутся на сотни, болота на десятки верст» (6); «Сторож, кривой старик, прибежал с *задворья*» (10); «За несколько медных грошей баба отдает “*орлу*”... часто даже мужнину рубаху и собственную *паневу*» (22); «В последнее время бабы нашли выгодным... сбывать таким образом пеньку, в особенности “*замашки*”» (22); «Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не “*живалый*”» (как у нас в Орле говорится), наслушался вдоволь» (23); «От него отказались, как от человека ни на какую работу не годного —

“*лядащего*”, как говорится у нас в Орле» (36); «Спустился с *кручи*[130] и пошел по желтому и сырому песку» (56); «Другой [был] худенький и маленький, в мухояровом *заплатанном* сюртучке и без шапки» (57); «Кроме Митрофана с его семьей да старого глухого *ктитора* (в “Современнике”: *титора*) Герасима... ни одного дворового человека не осталось в Шумихине» (59); «После пожара этот заброшенный человек приютился или, как говорят орловцы, “*притулился*” у садовника Митрофана» (61).

Подобные провинциализмы, конечно, нередки у Тургенева и дальше, например: «Золотые тучки расстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная *волна*» (Льгов, 1852, I, с. 170. *Волна*, южное, — шерсть); «Она [жена покойника] *голосила*» (216); «Телега *накренилась*, чуть не завалилась» (217); «Кучер... медленно достал из-под полы *тавлинку*, понюхал с расстановкой...» (220); «[Касьян] ходил необыкновенно проворно... беспрестанно *нагинался...*» (230).

Употребляя провинциализмы, автор никогда не упускает из виду необходимого требования — смысловой ясности речи. Слова непонятные он объясняет в подстрочных примечаниях или в тексте, слова, которые понятны, но необычны в литературном языке, он сопровождает оговорками, образцы которых мы видели выше. Значение необъясненных провинциализмов, хотя бы и совсем необыкновенных, можно понять из полного контекста: «— Работник-то я плохой... где мне? Здоровья нет и *руки глупы*» (Касьян с Красивой Мечи, 1852, I, с. 237). Провинциализм редкий, но известный в русских говорах.

Автора «Записок охотника» не устрашала мысль удаления от литературного языка и в сторону живых социальных арго, например относящихся к охоте в самом широком ее понимании. Вот для образца несколько случаев употребления настоящей охотничьей терминологии.

«В качестве охотника посещая Жиздринский уезд, сошелся я *в поле* и познакомился с одним калужским мелким помещиком»

---

[130] От именительного *кручь*.

(7); «Зато никто не мог сравниться с Ермолаем в искусстве... *вынашивать* ястребов, добывать соловьев с “*лешевой дудкой*”, с “*кукушкиным перелетом*”» (37—38); «В это время, от двенадцати до трех часов... самая преданная собака начинает “*чистить охотнику шпоры*”, т.е. идет за ним шагом, болезненно прищуривая глаза и преувеличенно высунув язык» (55); «Наконец из широкого дубового куста... полетел коростель. Я *ударил*; он перевернулся на воздухе и упал» (233); «*Беляк* прокрадывался вдоль опушки, осторожно “*костыляя*”» (II, с. 98); «Борзые “*приспели*”... Гончие тотчас *подвалились. Турманом* слетел Чертопханов с коня, выхватил кинжал, погрузил ему [зайцу] в горло кинжал по самую рукоятку... погрузил и загоготал» (266); «Он *отпазончил*, *второчил* зайца и роздал собакам лапки» (267).

А вот несколько специальных терминов коневодства: «Одна [лошадь], чнаконец, серый *в яблоках* жеребец *воейковской* породы, мне понравилась... — А что он, *едет* хорошо? — спросил я. (О рысаке не говорят: *бежит*.)... Хорошо бежит лошадь, не *сбивается*, задом не *подбрасывает*, ногу *выносит* свободно, хвост *отделяет* и “держит” *редкомах*» (II, с. 58); «Вася *дал вожжи* лошади» (10), т.е. перестал удерживать вожжами рвавшегося в бег жеребца». Ср.: «Мужик... *ударил вожжой* по лошади и съехал с двора» — о небойкой лошади (II, с. 109).

IV

В какой же мере, по какому принципу производится это использование живой областной речи в «Записках охотника»? Ответ на это мы найдем здесь же, в первом разделе этого цикла. Объясняя слово *площадя*, Тургенев замечает: «Орловское наречие отличается вообще множеством своебытных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов» (1852, I, с. 6). Вполне ясно, что такая оценка местной речи предполагает не безразличное пользование диалектизмами, а отбор их, выбор метких слов, художественно ценных. Многочисленные примеры просторечия в текстах И. С. Тургенева точно так же

ясно обнаруживают, что слова и обороты, из него заимствованные, взяты по тому же принципу художественной выразительности.

Уже составители Словаря Академии Российской (т. I—VI, 1789—1794), не внося в него областных слов, делали исключение для тех, «которые своею ясностью, силою и краткостию могут служить к обогащению языка, или означают тех (т.е. областных) стран произведения, или, наконец, могут послужить к замене слов иностранных» (т. I, Предисловие. с. IX).

В «Трудах Общества любителей российской словесности», начиная с 1822 г., появляются ценные собрания русских провинциализмов из разных северных, южных и центральных губерний и уездов. Однако целью этих указаний и собраний являлось лишь научное использование областных слов. В эпоху создания «Записок охотника» мы не имели еще ни сколько-нибудь полных областных словарей (первый «Опыт» областного словаря издан Академией наук в 1852 г.), ни ясно сознанной цели и удовлетворительного опыта использования местной речи в литературе, в языке писателя. Пример введения провинциализмов, представленный «Записками охотника», был нов, смел и имел великое значение для последующих произведений нашей литературы. Тургенев проложил путь, по которому пошли все русские писатели, особенно народники и драматурги. Если для использования в литературе просторечия Тургенев имел предшественников в лице Гоголя, Крылова, то внимание к провинциализму, проведение его в широких размерах в повествовательную художественную литературу принадлежит лично автору «Записок охотника».

V

«Деревня» Д.В. Григоровича, явившаяся несколько раньше (1846), давала вообще слабо обработанный язык с провинциализмами малоизученными и не указывала ясных и правильных путей использования последних.

Самый вопрос об определенном диалекте как источнике использования никогда не был поставлен Д.В. Григоровичем вполне ясно. Словарный материал в речи его героев не дает возможности приурочить их язык к определенной местности. Крестьяне повести Григоровича нередко говорят языком деланным и неточным, например: «Вот в соседнем-то селе — Посыпкино... так ему *кличка*...»; «— Барин-де не *смекает* ничего в крестьянском деле, и... легко будет *обмишурить*, надуть такого барина»; «— Девка совсем негодная, кормилец; на всей деревне *просвету* нам с нею не дадут, кажинный чураться нас станет...»; «Весь свет *осуду* на нас положит за такую *ахаверницу*»; «— Нетто *разве* не знала замужнего житья?»; «— Левон Трифоныч! А ты что *прикорнул?*».

Автор, схватывавший народные слова на лету, и сам иногда не усваивал их точного значения и употребления. В народной речи *кличка* бывает только у людей и собак, а никак не у сел и деревень; слово *смекать* не имеет широкого значения: знать, понимать; слово *ахаверница* совсем не идет к кроткой Акулине; слова *нетто* и *разве* уничтожают одно другое; слово *прикорнул* значит: прилег, а не: притих, присмирел, и т.д. Другие диалектизмы, которые встречаются у Д.В. Григоровича, частью непонятны, частью бульварны и разноместны (*нетути*, *инда*, *буркнула*, *обиждать*); они могли скорее смущать и отталкивать читатаеля, чем вызывать у него сознание их уместности и необходимости.

И в собственной речи Д.В. Григоровича встречается немало выражений, не укладывающихся ни в чистый областной язык, ни в хороший литературный. Например: «*Сором* таким *лается* на нас, что хоть вон из избы беги» (Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1896. с. 87); «Под такою *непокойною* звездою родились почтенные члены» (семейства Силантия; 136); «Молодцам *приглянулся* такой случай *истинною находкою*» (138); «Родила такую дочку... что сам батюшка на крестинах *не мало нахвалился*» (140); «Василиса и Дарья не упускали случая раззадоривать Григория разными *побытами*» (142); «*Перекорять теткам* было дело му-

дреное» (143); «[Конюшни] с высокими кровлями, *осененными* круглыми окнами» (144) и т.п.

Тут и странные значения (*сором лается*, *осененные окнами*), и переделка окаменелого выражения (*родились под непокойною звездою* вместо *несчастною звездой*), и неуклюжий синтаксис (*приглянулся истинною находкою*) и т.п.

В наблюдениях местного словаря у Григоровича не хватало остроты, точности и направленности, а употребление диалектизмов было у него неразборчивое и неискусное.

В отношении к бытовой обстановке мы встречаем также в повести Д.В. Григоровича разные странности. Автор, например, рассказывает, что муж умершей Акулины, отправляясь с ее гробом, «*взнуздал* свою клячу» (147), чего с клячами никогда не делается в действительности. Самое начало повести: рассказ о ссоре при дележе наследства между «однокашницами» только что умершей Акулины, чужими женщинами, и разрешение вопроса о том, кому взять оставшегося ребенка, после того, как разделено имущество матери, — чистая авторская фантазия, не имеющая никакого оправдания в русских народных обычаях, на этот счет вполне ясных и строгих, определяющих права и обязанности наследования по родству и не отделяющих имущества от наследников. На с. 104 говорится, что «одна только Акулина-сиротинка утирала слезу да спешила *запереть* за собою дверь тесной, душной лачуги». Но крестьянская изба обычно никогда не запирается изнутри во время дня, когда в ней есть кто-либо. В фольклорных рассказах и замечаниях Д.В. Григоровича тоже находим некоторые неожиданности. Так, для похищения ребенка, отданного рассерженной матерью нечистой силе, ночью является из подполья «большущая женщина, вся в белом закутана» (97). Это образ «полудницы» или мифической «белой бабы», явившейся не на своем месте, не в свое время и в чужой роли. Как один из предметов рассказа крестьянок называется леший *одноглазый* (100), но леший с таким признаком неизвестен в русской мифологии: в

сказках есть лихо одноглазое, но это не леший. И.С. Тургенев, в противоположность Д.В. Григоровичу, настолько осведомлен и точен в фольклорных рассказах («Бежин луг»), что его показания могут быть приняты и принимаются как свидетельства местного наблюдателя-специалиста.

VI

У Тургенева использование в литературном изложении словаря живого языка выразилось в «Записках охотника» особенно ярко. Оно, однако, отличает литературный язык И.С. Тургенева всегда и вообще было присуще ему в некоторой степени и раньше, характеризует его и во всех последующих произведениях. Для доказательства этого приведем еще несколько примеров из небольших рассказов и повестей, вошедших в VI том его сочинений издания 1884 г. В примерах просторечия обратим внимание на несколько слов, которые и в наше время кажутся вульгарными, но И.С. Тургенев употребляет их в таком контексте, так уместно, что они нисколько не портят того эстетического впечатления, которое производит вообще все им написанное.

«Вошел старичок низенький и толстенький, из породы людей, называемых *коротыками* или *карандашами*» (1884, VI, с. 15); «Целый день до обеда он провел в поле, покушал с большим аппетитом, *соснул* и, проснувшись, взялся за счеты земского» (1884, 36); «Он был высокого роста, худ, *долговяз* и довольно неуклюж» (142); «Но *толковать* об этом не для чего» (252); «Я только что вышел из университета и... *шлялся* пока без дела» (384).

Особенно живы и выразительны в языке И.С. Тургенева наречные сочетания, взятые из разговорного слога: «Существовал *давным-давно*» (1884, VI, с. 2); «всего было *вволю*» (56); «*порядком-таки* поскучал» (80); «*поделом* наказан» (98); «*мочи нет* как скучно» (99); «ложь ходила *рука-об-руку* с нами» (104);

«вспомнили... обо мне *от нечего делать*» (123); «любовь овладевает человеком *без спроса*, внезапно, против его воли — *ни дать*, *ни взять* холера или лихорадка» (127); «*скрепя сердце* я должен сознаться» (131); «Около трех лет провел я с Пасынковым, как говорится, *душа в душу*» (143); «барышни *знай-себе* хохотали» (147); «стиснула руки *крепко-крепко*» (359); «днем еще *и так и сяк*» (368) и многое другое.

Вот еще несколько примеров просторечия и провинциализмов из тех же рассказов VI тома.

«Слуга... вернулся с стаканом чаю, связкой городских *котелок* и сливочником на железном подносе» (2); «На полдороге между его имением и Ипатовкой, над самой *кручью* широкого оврага, находился небольшой березовый "*заказ*"» (47); «[Владимир Сергеич Астахов] очень возмужал с тех пор, как мы расстались с ним, *обложился* бакенбардами и пополнел во всем корпусе» (86); «он никак не хочет *угомониться*» (161); «я *прикорнул* на дне лодки» (210); «Мы кричали, *кликали* его, он не отзывался» (241); «На дне ее [долины] бежал ручей и шумно *прядал* через камни» (263); «[Я видел] радушные лица поселян, их синие камзолы и серые чулки, скрипучие, медлительные *возы*, запряженные жирными лошадьми...» (274; о местности на левом берегу Рейна; *воз* в значении: телега); «Пока я волновался и строил различные планы, судьба уже *порадела* обо мне» (316).

Только на основе русского живого народного языка можно правильно понять некоторые словоупотребления И. С. Тургенева. Например, в романе «Дворянское гнездо»: «Но Дмитрий Пестов умер; вдова его, барыня, жалея память покойника, не хотела поступить с своей соперницей *нечестно*... однако выдала ее за скотника и сослала с глаз долой» (Современник, 1859, I, с. 110). Здесь *нечестно* не от литературного *честь* в смысле *честность*, но от народного *честь* в значении: почтение, приличие. Поступить *нечестно* — поступить *неучтиво*, *оскорбительно*, *обидеть*. Или в романе «Отцы и дети» Базаров говорит Аркадию Кирсанову: «— Ты, брат, *глуп* еще, я вижу. Ситнико-

вы нам необходимы...» Здесь *глуп,* по народному словоупотреблению, значит: молод, неопытен, «зелен», как у Пушкина: «Ты, хлопец, может быть, не трус, да *глуп*...».

VII

Исходя из принципов художественности и общепонятности, И.С. Тургенев извлекает из родного диалекта лишь то, что хорошо вкладывается в литературную речь, что ей сродно и близко. Поэтому он не передает особенностей фонетики, морфологии, синтаксиса орловских говоров. Его не привлекают, например, такие важные для диалектологии произношения, как *чяво́*, *бра́нится*, *мужуки*, *крышить, удава́, усё, Ахванасий, хунт*, *чайкю, хазяйкя*, *ишшо́, пушша́ть, на большаку, у вдаве́, лашадём, с тэй стороны, ён*, *табе́, сабе́*, *иде́ть, бягуть*, *магим*, *пеке́шъ*, *худа́я вино*, *парна́я молоко* и под. Мы не найдем у него и таких характерных местных, постоянно слышимых наречий, как *оттэль*, *оттэда*, *увизде́*, *чича́с, кады*, *тады* и под. Ясно, почему: они не обогащают словаря русского языка[131]. Из богатого местного лексикона автор берет лишь то, что отличает не отсталую часть населения, а, как ходячая монета, вошло в общий местный оборот, держится не только в слоях некультурного крестьянства, но и в среде дворовых, мещан, частию и деревенских помещиков. Эта часть местного словаря уже отсеяна употреблением, признана жизненной и необходимой на практике. Вот почему мы найдем у Тургенева *площадя*, *зеленя* — перевод на литера-

[131] Лишь в рассказе «Стучит», вошедшем в собрание «Записок охотника» гораздо позднее (закончен и напечатан в 1874 г.), Тургенев несколько смелее передает особенности крестьянского говора. Здесь находим: «ён с горы *спущать могит*» (изд. 1929 г., с. 328), *надоть* (330), *послухайте* (332), *господи блослови* (335), *во-как*, *этта-ась* (337). Причиной усиления местного элемента является, конечно, прежде всего то, что в данном случае носители диалектизмов, Филофей и его братья, представляют малокультурный слой крестьянства. Кроме того, диалектизмы, по почину Тургенева, уже широкой волной влились в литературные произведения и теперь не представлялись дикими и непонятными.

турную форму — *пло́щади*, *зе́лени* — разрушает определенное представление о значении. Он отметит форму *мочно*, чувствуя, что это не совсем то, что *можно*, или произношение *чапля*, как характерное отличие местной речи от литературной; он укажет слово *одначе*, как неуместное в речи помещика, приведет слово *откентелева* в комическом вопросе деревенского мальчика, но не будет уснащать свою речь провинциализмами или словами областного просторечия, как это делал В.И. Даль в своих рассказах[132]. Молодому писателю он посоветует «поуменьшить число местных слов» (письмо Н.А. Основскому 30 декабря 1858 г., замечание о статье И.В. Павлова). Да у Тургенева и нет наиболее темного, «серого» слоя крестьянства, носителей старых диалектизмов. Одна из немногих крестьянок, девушка в «Свидании», в своих речах не имеет ничего специфически крестьянского. И это понятно. Она тянется к дворовым, к более культурному классу; она стыдится деревенского неведения. Вот почему Тургенев вносит изменение и в ее костюм: по тексту «Современника» (1850, XI, с. 115), на ней крестьянская *панева*, но уже в издании 1852 г. (II, с. 193) этот костюм заменяется *юбкою*[133]. А костюм и язык — это первые дары цивилизации.

Настоящих, бедных, барщинных крестьян вряд ли и знал хорошо и близко И.С. Тургенев. Из «Записок охотника», во всяком случае, не видно, чтобы он много наблюдал эту часть русского населения. Главный, основной слой героев в его записках — помещики, их дворовые и слуги. И главным образом та их часть, которая выдается развитием, дарованиями, характерами. Положение именно этих более интеллигентных людей в условиях крепостного состояния было особенно тяжело и нелепо. И ясно,

---

[132] В отзыве о книге «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» (СПб., 1846, 4 части) И.С. Тургенев упрекает В.И. Даля, что он «балагурит немного, щеголяет “словечками”, обнаруживает “гораздо более памяти, чем воображения”». Рецензент желает найти в авторе «больше вкуса» (Сочинения, изд. Маркса, т. XII, с. 287—288).

[133] Впрочем, *панева* неуместна здесь еще и потому, что эта одежда женская, а не девичья.

что язык этой наиболее культурной прослойки не может быть ярко диалектическим. А там, где диалектизмы стирает жизнь, нет оснований вводить их в литературу[134].

Но общее орловское наречие было родным языком И.С. Тургенева. Он знал его превосходно, тонко и глубоко; владел им как художник разборчиво и отчетливо. Лишь в немногих случаях оно стихийно владело нашим писателем, и ему не раз приходилось оправдывать необычные словоупотребления объяснением «орловское словечко», как об этом заявил он относительно формы *черепья* в «Стихотворениях в прозе». Это и не могло быть иначе. И собственная речь И.С. Тургенева, как и язык его семьи и окружающего его общества родной губернии, была в значительной степени насыщена провинциализмами. Несомненно, что некоторые случаи их употребления в литературных произведениях следует объяснить не намеренным авторским приемом, а простою силою привычки. Таковы, например, слова: *перхал* — «кашлял», *обтерханные* — «оборванные», *нагинаясь* — «нагибаясь», или образования *грозился* вместо *грозилу полегчило* — «стало легче».

«Один Гедеоновский оживлял беседу своими рассказами, хотя то и дело трусливо посматривал на Марфу Тимофеевну и *перхал*: *перхота* нападала на него всякий раз, когда он в ее присутствии собирался лгать» (Современник, 1859, I, с. 128); «Как нарочно, мужички встречались все *обтерханные*, на плохих клячонках» (Отцы и дети, 1862, с. 20); «Старушка высморкалась и, *нагиная* голову то направо, то налево, тщательно утерла один глаз после другого» (169); «А тут опекунский совет *грозится* и требует немедленной и безнедоимочной уплаты процентов»

---

[134] На основании высказанных здесь соображений мы находим несправедливым заявление Ю.М. Соколова, что «мужицкая речь ему (Тургеневу) не удавалась» (Творчество Тургенева: сб. ст. / под ред. И.Н. Розанова и Ю.М. Соколова. М., 1920; «Мужики в изображении Тургенева», с. 231). Крестьянский язык и народ изучались и представлялись Тургеневым в плане литературном, а не этнографическом, и это едва ли можно ставить в вину нашему писателю.

(209); «Павлу Петровичу скоро *полегчило*» (240); «К вечеру ему [Базарову] *полегчило*» (289).

VIII

Но связь с литературными традициями употребления русского языка была у И.С. Тургенева все же очень крепка. Основа его языка литературная, несмотря на расположение к просторечию и провинциализмам. Систематически и широко образованный и начитанный, как немногие русские писатели, книжною речью И.С. Тургенев владеет еще более мастерски, чем разговорным языком интеллигенции и народа. В нашу задачу не входит сколько-нибудь основательное изучение художественной стороны литературного языка нашего автора, и мы в этом отношении ограничимся лишь несколькими замечаниями, относящимися к «Запискам охотника».

Веселый, иногда шутливый, иногда иронический тон оживляет повествование Тургенева. «[Г-н Полутыкин] завел у себя в доме французскую кухню, тайна которой, по понятиям его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья... Мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба — грибами, макароны — горохом; зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции» (1852, I, с. 7); «[Мужики] продают пеньку приезжим торгашам, которые за неимением безмена считают пуд в сорок горстей; а вы знаете, что за горсть и что за ладонь у русского человека, особенно когда он “усердствует”» (23); «“На что мне сапоги? я мужик...” — “Да вот и я мужик, а вишь”,— при этом слове Хорь поднимал свою ногу и показывал Калинычу сапог, скроенный, вероятно, из мамонтовой кожи» (26); «Особенной чистоты он [Хорь], однако, не придерживался, и на мои замечания отвечал мне однажды, что надо-де избе жильем пахнуть» (27). Шутливой иронией проникнуты описания сотоварища по охоте Ермолая, даже его собаки Валетки. Этот тон является более или менее постоянным по отношению к рассказам с участием Ермолая, лица комического.

Таким же комическим лицом является кучер Ерофей («Касьян с Красивой Мечи»), поставленный в явной противоположности с возвышенным проповедником Касьяном. Но там, где нет комических лиц и положений, тон речи ровный, сдержанный от шуток, довольно явно отражающий эстетические отношения автора к природе и гуманные к людям.

Для изучения движения настроений и стиля речи возьмем рассказ «Малиновая вода». Вначале — утомленное настроение охотника и собаки. Дальше — радость отдыха в чудном уголке природы у ручья. Речь, синтаксически вначале несколько замедленная, потом выравнивается. На сцене являются старый дворовый и несчастный Степушка, которого «нельзя было считать ни за человека вообще, ни за дворового в особенности» (1852, I, с. 57). Характеристика этого потерявшего человеческий образ горемыки предваряется историей сгоревшей, разоренной усадьбы. Здесь речь создается из больших, громоздких предложений, вызывающих расстроенное, тревожное настроение; оно несколько смягчается шутливыми фразами, но, как суровая увертюра, подготовляет читателя к чему-то страшному. Затем идет история и характеристика Степушки, одна из самых жутких, хотя автор не употребляет ни одного слова, чтобы раскрасить картину, вызвать у читателя чувство сострадания или возмущения. Строгий, выдержанный художник совершенно заслонил собою публициста. Дальше читатель может несколько успокоиться, хотя и не сразу. Картина разоренного гнезда богатого и непутного вельможи старого века сменяется картиной пышной, веселой жизни этого разоренного графа, о которой со вкусом, толком и достоинством повествует старый дворецкий. Его речь замедленная, спокойная, упорядоченная, церемонно-вежливая, со множеством присловий, оговорок и вставочных замечаний. В заключение автор как будто еще более хочет избавить себя и читателя от волнения картиной зноя, тишины, спокойствия. Некоторую тревогу вносит появление и рассказ злополучного крестьянина Власа. Разоренный совершенно, находясь в безвыходном положении, он успокаивает себя и слу-

шателей заявлением: «Да мне с полугоря; взять-то с меня нечего; уж, брат, как ты там ни хитри — шалишь! Бесприютная моя голова!» (Мужик рассмеялся) (71). Вполне естественно рассказ окончился молчанием и грустью, вызванной принесенной издалека унылой песней.

Так, в связи с характером картин природы, с типами выводимых людей, с настроениями автора, зависящими от событий, чувствуются, хотя и с трудом определяются, перемены стиля. Но стилистическое мастерство И. С. Тургенева особенно обнаруживается в рассказах от лица героев. «Уездный лекарь», например, является замечательнейшим произведением русской литературы по простоте, естественности и выдержанности языка лекаря — и вместе с тем по глубокодраматическому, волнующему своей жизненной правдивостью и искренностью содержанию. И надо удивляться, как В.Г. Белинский не мог понять и оценить в этом рассказе ни артистической стилизации, ни замечательной силы и значительности содержания.

IX

Метафоры, образные выражения, сравнения, рассыпанные как перлы в разных местах сочинений И.С. Тургенева, метки, точны, изящны и оригинальны. «Плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу, *не зовет в гости всякую прохожую свинью*» (1852, I, с. 6); «Кругом телеги стояло человек шесть молодых *великанов,* очень похожих друг на друга и на Федю» (9); «Мы заснули под однообразное жужжание пчел и *болтливый лепет* листьев» (13); «Я долго любовался его [Калиныча] лицом, кротким и ясным, *как вечернее небо*» (13); «Хорь говорил со мною о многом, чего из другого *рычагом не выворотишь*, как выражаются мужики, *жерновом не вымелешь*» (24); «[В лесу] воздух чист и прозрачен; птицы *болтливо лепечут*; молодая трава блестит *веселым блеском изумруда...* Алый свет вечерней зари медленно *скользит* по корням и стволам деревьев, поднимается все выше и выше... к неподвижным *засыпающим верхушкам*...;

румяное небо синеет... Влетевший вечер около вас *замирает*... В лесу все темней да темней... На синем небе *робко* выступают первые звездочки» (31—32). Такие поэтические красоты встречаются в прозе Тургенева постоянно, но никогда не утомляют читателя, потому что в них нет никакой натянутости: они живы, натуральны и всегда свежи, разнообразны.

Великим мастером является И.С. Тургенев и по части употребления эпитетов. В них сказывается столько же тонкий и точный наблюдатель мертвой и живой природы, свойств и состояний человека, сколько искусный, изобретательный художник. Тургенев, признанный пейзажист и портретист, при помощи превосходных то отборных, то оригинальных эпитетов изображает лица и картины, как живописец посредством красок. Напомню эти портреты. «На пороге избы встретил меня старик — *лысый*, *низкого* роста, *плечистый* и *плотный* — сам Хорь... Склад его лица напоминал Сократа: такой же *высокий*, *шишковатый* лоб, такие же *маленькие* глазки, такой же *курносый* нос... Хорь присел на скамью и, преспокойно поглаживая свою *курчавую* бороду, вступил со мной в разговор. Он... говорил и двигался медленно, изредка посмеивался из-под *длинных* своих усов» (1929, I, с. 11); «Вообразите себе человека лет сорока пяти, *высокого*, *худого*, *с длинным и тонким* носом, *узким* лбом, *серыми* глазами, *взъерошенными* волосами и *широкими, насмешливыми* губами» (20); «Появился мельник, человек *высокого* роста, с *жирным* лицом, *бычачьим* затылком, *круглым и большим* животом» (23); «Ей [мельничихе] было на вид лет тридцать; *худое и бледное* лицо еще хранило следы красоты *замечательной*; особенно понравились мне глаза, *большие и грустные*» (24)[135].

Присоединю к ним две-три картинки. «Ключ этот бьет из расселины берега, превратившейся мало-помалу в *небольшой*, но *глубокий* овраг, и в двадцати шагах оттуда с *веселым и болтливым* шумом впадает в реку. Дубовые кусты разрослись по скатам оврага; около родника зеленеет *короткая*, *бархатная*

[135] Эпитет усиливается положением в конце фразы.

травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его *холодной, серебристой* влаги» (30); «*Тяжелый*, *знойный* воздух совсем замер; *горячее* лицо с тоской искало ветра, да ветра-то не было. Солнце так и било с *синего*, *потемневшего неба...*» (36); «*Прекрасное* дерево — такая *старая* липа... Ее щадит даже *безжалостный* топор русского мужика. Лист на ней *мелкий*, *могучие* сучья *широко* раскинулись во все стороны, *вечная* тень под ними» (48); «Мы вошли в огород. Между *старыми* яблонями и *разросшимися* кустами крыжовника пестрели *круглые бледно-зеленые* кочаны капусты; хмель винтами обвивал *высокие* тычинки; тесно торчали на грядах *бурые* прутья, перепутанные *засохшим* горохом; *большие*, *плоские* тыквы словно валялись на земле; огурцы желтели из-под *запыленных*, *угловатых* листьев; вдоль плетня качалась *высокая* крапива... Дорожка повернула в сторону; из-за *толстых* ракит и берез глянул на нас *старенький*, *серый* домик с *тесовой* крышей и *кривым* окошечком» (49).

Красочность текста достигается не только прямыми эпитетами, но и подбором глаголов, образованных от прилагательных: «около родника *зеленеет* травка», «*пестрели* кочаны капусты», «огурцы *желтели* из-под листьев» и т.п.

Большую картинность тексту придают также наречия, происходящие от прилагательных. «Горихвостки, маленькие дятлы одни еще *сонливо* посвистывают... Где-то *печально* прокричала иволга... Вальдшнеп, *красиво* наклонив свой длинный нос, *плавно* вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу» (19); «Утки *хлопотливо* плескались и ковыляли в этих лужицах... пегая корова тут же *лениво* щипала траву...» (49); «Летучие мыши уже носились над его [осинника] заснувшими верхушками, *таинственно* кружась и дрожа на смутно-ясном небе; *резво* и *прямо* пролетел в вышине запоздалый ястреб» (84); «Небольшая ночная птица, *неслышно* и *низко* мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и *пугливо* нырнула в сторону... Какой-то зверек *слабо* и *жалобно* пискнул между камней» (85).

Сила изложения, не всегда раскрываемая анализом, лежащая, между прочим, в ритмах тургеневской речи, является одной из основных причин, объясняющих значение языка И.С. Тургенева в литературе его времени и последующего. Только при великих художественных достоинствах своей речи Тургенев встал, как писатель, на высокое место в литературе и получил ведущую роль в обработке русского литературного языка.

X

Нет, конечно, нужды ни показывать, ни доказывать литературность языка И.С. Тургенева, его книжные основы. Это значило бы ломиться в открытую дверь. Необходимо, однако, указать специфические книжные элементы этого языка. Мы увидим, с одной стороны, силу книжной традиции, с другой стороны — мастерство пользования средствами этого традиционного стареющего или устарелого литературного языка, современного эпохе творчества И.С. Тургенева. Само собою разумеется, что это искусство употребления очевидно лишь в сложных контекстах и не показывается достаточно в приводимых далее цитатах.

«Калужский оброчный мужик *обитает* в просторных сосновых избах» (Записки охотника, 1852, I, с. 5); «[Ермолай] почти всегда находился в *изрядном* расположении духа» (37); «Долго *противился* я *искушению* прилечь где-нибудь в тени» (55); «Удушливый зной принудил меня наконец подумать о *сбережении* последних наших сил и способностей» (56); «Обширное пепелище превратилось в огород, кое-где *загроможденный* грудами кирпичей, остатками прежних фундаментов» (58); «Степушка и не жил у садовника; он *обитал*, *витал* на огороде» (61); «Владимир Сергеевич *осклабился* ему в ответ» (Повести, 1884, VI, с. 13); «— Позвольте, матушка, представить вам нашего соседа, господина Астахова, Владимира Сергеича. — Очень рада, — *возразила* старуха» (27); «Так ветреный ученик *лобызает* руку своего снисходительного наставника» (49); «Иван Ильич *ринулся* вниз по лестнице» (82); «Но все их усилия, их

старания остались *тщетными*» (84); «Этот г. Помпонский... ни разу, с самой ранней юности, не *усомнился* в себе» (90); «Не возвращайте мне моих писем, *ради всего святого!*» (97); «В это мгновение из саду пронесся шум листьев, внезапно *поколебленных* налетевшим ветром» (202); «[В Полесье] вся душа его [человека] *никнет* и замирает» (231); «Едешь, едешь, не перестает эта вечная лесная *молвь*» (234); «Душа жаждала счастья... — и ни одна капля не смочила *алкавших*[136] губ» (240); «[Огонь] *воздымался* длинными, волнующими косицами» (249).

Приведенные примеры заключают частью обычные книжные слова, частью уже довольно устарелые, редкие, но оживающие под пером нашего автора. Любопытно старое *возразила* в значении: ответила, сказала. Замечательны: *никнет*, *молвь*, *алкавший*, *воздымался,* взятые в местах сильных, картинных, в приподнятом настроении автора. В таком настроении находим и старую форму превосходной степени в значении сравнительной. «Я возмужал — и легкомысленно разбил сосуд, в тысячу раз *драгоценнейший*» (1884, VI, с. 228). Слово *лобызает* употреблено с оттенком иронии. Подобные стилистические значения книжных, частью архаичных слов довольно явно обнаруживаются иногда и в романе «Отцы и дети». Вот, например, ироническое употребление. «Слуга, в котором все... *изобличало* человека новейшего, *усовершенствованного* поколения, посмотрел снисходительно вдоль дороги и *ответствовал*: «никак нет-с, не видать» (1862, с. 7); «Эта последняя фраза, видимо, не понравилась Базарову: от нее веяло философией, то есть романтизмом, *ибо* Базаров и философию называл романтизмом» (76); «Аркадий *недоумевал* и наблюдал за нею [Анной Сергеевной], как молодые люди наблюдают, то есть постоянно *вопрошал* самого себя: что́, мол, это значит?» (158); «Окруженная свежестью и тенью, она [Катя] читала, работала или предавалась тому ощущению полной тишины, которое, вероятно, знакомо

[136] *Алкать* вместо *жаждать* — неправильное словоупотребление.

каждому и прелесть которого состоит в едва сознательном, *немотствующем* подкарауливании широкой, жизненной волны, непрерывно катящейся и кругом нас, и в нас самих» (264); «Когда же, наконец, он [Базаров] *испустил последний вздох* и в доме поднялось всеобщее *стенание*, Василием Ивановичем *обуяло* внезапное *исступление*» (296).

Во многих случаях для слов этого рода, встречающихся у И.С. Тургенева, возможно установить старую, иногда очень долгую литературную преемственность. Иногда же Тургенев обнаруживает расположение к старому слову, для которого мы затрудняемся установить сколько-нибудь продолжительную литературную традицию. Таково, например, слово *немотствующий,* которое встречаем и в повести «Пунин и Бабурин»: «С каким трепетом, с каким волнением *немотствующего* ожидания гляжу я в лицо, в губы Пунина» (гл. I; 1930, X, с. 61).

Необходимо, впрочем, заметить, что у Тургенева нет особенно прочных связей ни со старой литературой (XVIII в.), ни тем более с церковной книжностью. Он принадлежал к тому классу богатых помещиков, которых даже молиться учили по-французски. Книжные архаичные элементы усвоены им главным образом из литературы XIX в., начиная с эпохи Пушкина и его современников. Авторов и вообще книги XVIII в. Тургенев знал, конечно, как образованный человек, но большого пристрастия к этой эпохе не обнаруживал. К книгам церковным он имел гораздо меньше влечения, чем Пушкин, Салтыков, Толстой и Достоевский. Для некоторых редких словоупотреблений, например для глагола *зевать* в значении «зиять», мы можем указать непрерывную традицию от Пушкина: «Могилы склизкие, *зевающие* тут. Которые жильцов к себе на утро ждут» (Пушкин); «И вся *зевает* да живет. И всех нас гроб, *зевая,* ждет» (Пушкин, Фауст); «*Зевота* видна была на строениях, крыши также *зевали*» (Гоголь, Мертвые души, т. II); «Внизу дверь на балкон широко *зевала*, раскрытая настежь» (Тургенев, Дворянское гнездо, 1859, с. 211).

XI

В заключение наших замечаний о языке И.С. Тургенева обратимся к немногим недочетам в области его словоупотреблений, касающимся формальной и лексической стороны речи. Несмотря на заявление нашего писателя, что никто не обвинял его в ошибочных употреблениях русского языка, возможно указать у него некоторые погрешности против норм этого языка, правда, в случаях очень редких. Что касается до отсутствия критики подобного рода, то ее во времена расцвета литературной деятельности И.С. Тургенева почти совсем и не было. Ею занимались раньше, во времена Пушкина. Некоторую дань отдавали ей и Белинский, Добролюбов, Писарев и другие позднейшие критики, писавшие о романах и повестях Тургенева; правильностью языка автора интересовались слишком мало.

Уже корректорские поправки в языке И.С. Тургенева, как мы знаем, часто весьма неудачные, а иногда совсем нелепые, вызывают предположение, что при издании текстов нашего писателя иногда возникли сомнения в правильности его речи. Некоторые исправления первоначальных текстов следует признать необходимыми или, по крайней мере, обоснованными, независимо от того, кем произведена поправка: автором, редактором или корректором. Важен тот факт, что ошибка имелась налицо.

Говоря об ошибках И.С. Тургенева, мы исключаем из их числа недочеты литературного порядка, которые изредка встречаются в его текстах. Так, в романе «Дворянское гнездо», глава XIV, совсем неуместно стоит слово *вчерашний*: «Лаврецкий навел речь на театр, на *вчерашнее* представление» (Современник, 1859, I, с. 46; изд. Маркса, III, с. 234). Лаврецкий, согласно главе XII, «целых пять дней боролся... с своей робостью» и лишь «на шестой день» отправился к Коробьиным. Вероятно, это замедление знакомства — следствие позднейшей редакции. Первоначально оно, очевидно, предполагалось на другой день после посещения театра, откуда и возникло слово *вчерашний*, не исправленное при последующем изменении текста. Ошибки

в формах слов у И.С. Тургенева очень редки; это почти всегда необычные, архаичные или народные образования. Так, например, изредка в речи автора встречаются областные фонетические формы слов, не принятые в литературном языке:

«Не весело по неделям питаться *лицами*, молоком и *аржаным* хлебом» (Современник, 1848, II, с. 174; изд. Маркса, I, с. 191: «питаться яйцами, молоком и хваленым *ржаным* хлебом»; 1883, II, с. 216; 1852, I, с. 44: «яицами... *ржаным* хлебом»); «Его привыкли видеть, иногда даже давали ему *пинька...*» (Современник, 1848, II, с. 151; 1852, I, с. 61; изд. Маркса, I, с. 31: *пинка*; 1883. с. 44, 35). Ср.: «Из дому меня *пинъком,* как пса» (Степной король Лир, гл. XXIII; 1883, VIII, с. 354).

В склонении слов находим изредка тоже уклонения в сторону областного языка.

«Покуривать трубочку в кружку “добрых товарищей”» (1884, V, с. 23); «Все его семейство состоит из одного сынишка» (Современник, 1858, XI, с. 106; изд. Маркса, I, с. 243: *сынишки*; 1852, II, с. 140; 1883, II, с. 273); «Ерофей... *отвязал ведерку*, пошел к пруду» (1852, I, с. 250; 1883, II, с. 153. Обычно: *ведерко*; у Тургенева форма орловского акающего говора); «Солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую в *полверсте* от сада» (Русский вестник, 1862, II, с. 524; 1883, IV, с. 258; изд. Маркса, II, с. 59 — правильная форма: *в полуверсте*).

В спряжении неправильно: *опротивят* вместо *опротивеют.*

«Любимые занятия, любимые книги ей *опротивят*» (1884, VI, с. 108).

Неловкие синтаксические обороты относительно нередко встречаются у И.С. Тургенева.

«Варя умерла бы скорее, чем *выдать* свою тайну» (Яков Пасынков, гл. III; 1884, VI, с. 172). Следовало бы: «чем *выдала*». «*Ложась спать*, *он бы*, вероятно, *скоро заснул*, если бы не помешал ему сосед, Егор Капитоныч» (Затишье, гл. II; 1884, VI, с. 33—34), довольно неловко употреблено деепричастие. «[Отшельники] разрушали капища, истребляли *идолы*» (Журнал Ми-

нистерства народного просвещения, 1836, VIII, с. 393). Обычно: *истребляли идолов.*

«Пойти *самому* туда я не решался» (1883, VIII, с. 229). Обычно: *пойти сам не решался*, или *пойти самому* (не удалось и под.). Смешаны две различные синтаксические конструкции. «*Ему* на сердце стало легче» (Затишье, гл. V; 1884, VI, с. 71). Обычно: «У *него* на сердце стало легче». «Мне казалось, что он избегал *этот разговор*» (1883, VIII, с. 210). Глагол *избегать* требует после себя родительного падежа. «Место нам не позволяет следить *рассказ*» (Журнал Министерства народного просвещения, 1836, VIII, с. 407). Обычно: *следить за рассказом.* «Я ему рассказал свое *посещение* у Ратча» (1883, VIII, с. 242). Следовало: *о своем посещении* Ратча. «... Я уже заранее думаю, как я приведу вас *перед* Милосскую Венеру» (Затишье, гл. IV; 1884, VI, с. 51). Смешение значений и оборотов: *приведу к кому* и *поставлю перед кем. Приведу перед кого*, *что* — оборот тяжелый. «Ася потупилась и засмеялась тихим и легким смехом; я не знал *за ней* такого смеха» (Ася, гл. IX; 1884, VI, с. 285). Говорят лишь в значении: не знал *за ней*, *за ним* такого-то порока, недостатка и под. «И долго еще продолжал Егор Капитоныч *наставлять* слугу своего *уму-разуму*» (1884, VI, с. 35). Обычно говорят: *наставлять на ум*, или *учить уму-разуму.* «У него [Мити] появилась нянюшка *с глазетовым кокошником*» (Русский вестник, 1862, II, с. 659; *в глазетовом кокошнике*, 1862, с. 298). Исправление синтаксиса делает выражение более точным. «В первый и в последний раз я влюбился, лет шести, в свою няню; — но *этому* очень давно» (Первая любовь, введение; 1884, VI, с. 311). Оборот необычный. Говорят лишь: *давно тому назад.* «Я забыл вам сказать, что *месяца три* после моего последнего посещения встретился я со старым плутом, Иваном Семенычем» (1884, V, с. 36). Обычно: *месяца через три.* Оборот без предлогов означает продолжение времени, а не момент действия. «Я приехал домой *четверть часа* после него» (Первая любовь, гл. XXI; 1884, VI, с. 383). Обычно: «*через четверть часа* после него».

В следующем месте, взятом из романа «Отцы и дети», находим смешение прямой и косвенной речи. Василий Иванович проводил Аркадия в его комнату и пожелал ему «такого благодатного отдохновения, какое и я вкушал *в ваши* счастливые лета» (Русский вестник, 1862, II, с. 584; 1862, 179; «...и я вкушал *в наши* счастливые лета», 1883, IV, с. 336; изд. Маркса, II, с. 126. Поправка неудачная: речь все равно остается смешанною; значение ее изменяется неизвестно почему).

Некоторые шероховатости языка мы находим иногда и в письмах И.С. Тургенева. Например: «В главном и существенном и намеренья наши, и вкусы *совпадаются*» (Первое собрание писем И.С. Тургенева, СПб., 1885; Письмо А.В. Дружинину, 20 июля 1856 г. Обычно: *совпадают*). «Я познакомился здесь со многими русскими и французами; но *симпатических* натур нашел весьма мало» (Письмо Л.Н. Толстому, 8 декабря 1856 г. Тургенев и в других случаях употребляет слово *симпатический* вместо *симпатичный*).

«Авось, *выехав* из Парижа, лучше будет» (Письмо Е.Я. Колбасину 8 марта 1857 г. По-русски: *Когда выеду*, или: «Выехав из Парижа, *буду чувствовать себя лучше*»). «Жду от тебя *ответ*» (Письмо Я.П. Полонскому, 30 января 1869 г. Обычно: *жду ответа*). «Я писал тебе в *ялтовском* письме...» (Ему же. 25 сентября 1869 г. Следовательно, *ялтинском*, т.е. направленном в Ялту). «Все равно — буду ли я писать, нет ли, *свою обедню я отзвонил*...» (Письмо М.А. Милютиной, 2 апреля 1871 г. По-русски: *обедню поют*, а не *звонят*. Ср. пословицу: «Пришел к обедне — *отпели*, к обеду — отъели, пришел в кабак — как раз так». Звонят *к обедне*, а не *обедню*). «Кажется, я поступил на *вакацию*, оставленную покойным В.П. Боткиным» (Письмо Я.П. Полонскому, 28 сентября 1872 г. Следовало: *вакансию*). «И любовник ее, Прошка, *отличен*» (*ему же.* 11 января 1878 г. Прилагательное *отличный* в значении «превосходный» не имеет краткой формы). «У меня точно сделался припадок — да разом в трех местах: в обеих *плюснях* и в колене!» (Ему же. 21 апреля 1882 г. Обычно: *плюснах*, *приплюсна*). Понятно, что в письмах, особенно друже-

ских, недочеты языка более естественны, так как письма не назначались для печати, и язык их домашний, не отделанный.

XII

Из неудачных лексических употреблений в сочинениях И.С. Тургенева укажем прежде всего те, которые исправлялись в последующих изданиях.

«*Лампа* в углу перед образом горит» (Уездный лекарь, 1852, I, с. 87; 1883, II: *лампада*). В средине прошлого века слова *лампа* и *лампада* не различались еще так строго, как ныне. «Паншин... пододвинул *коленком* стул» (Современник, 1859, I, с. 14). Устарелая форма по среднему роду. Просторечие. Встречается у Гоголя в разговорной речи (изд. Маркса, III, с. 199: *коленом*; 1883, III, с. 175). «Розовая *крыша* гроба... стояла в углу, прислоненная к стене» (1883, VIII, с. 237); «В одном углу возвышалась кроватка под кисейным пологом, рядом с кованым сундуком с круглою *крышей*» (Русский вестник, 1862, с. 504; изд. Маркса, II, с. 37: «с круглою *крышкой*»; 1883, IV, с. 233). «Катя подняла *крышу* фортепьяно» (Русский вестник, 1862, II, с. 551; «подняла *крышку*», 1862, с. 128). Тургенев своеобразно, но весьма последовательно употреблял: *крыша* гроба, сундука, рояля. Такое употребление встречается и у Некрасова («крыша гроба»). Вероятно, областное.

«Лаврецкий... велел снять цепь с *дворной* собаки...» (Современник, 1859, I, с. 63; «...с *дворовой* собаки», изд. 1883 г., III, с. 238). «— Вы разве умеете в пикет? — спросила она [Марья Дмитриевна] его [Лаврецкого] с какою-то *скрытной* досадой» (Современник, 1859, I, с. 94; «*Скрытой* досадой», 1883, III, с. 281).

Тургенев вообще употреблял прилагательное *скрытный* вместо причастия *скрытый*. «Между ее теткою и ею [Марианною] кипела постоянная, хотя *скрытная* борьба» (Новь, гл. VI; изд. 1930 г., IX, с. 195). Согласно с рукописью. В первопечатном тексте и в последующих с поправкой: «*скрытая* борьба». «Лаврец-

кий объявил, что *проведет* гостей до полдороги» (Современник, 1859, I, с. 83; «...*проводит* гостей...», изд. 1883 г., III, с. 267).

Но есть несколько примеров, в которых исправления представляются нам ненужными, спорными или прямо неудачными. По всей вероятности, в этих случаях постарались показать свое уверенное, но недостаточное знание русского языка разные корректоры и редакторы, которым приходилось следить за правильным изданием авторских текстов.

Не следовало бы, например, заменять слова областные, взятые из просторечия, чисто литературными в следующих случаях: «Наше ветхое судно *накренилось,* зачерпнулось — и торжественно пошло ко дну» (Современник, 1847, V, с. 174; изд. Маркса, I, с. 88: *наклонилось.* Так уже с изд. 1852 г., I, с. 165). О судах, лодках первое — довольно обычное словоупотребление. Ср. еще примеры на это слово: «Вдруг нашу телегу сильно толкнуло: она *накренилась*, чуть не завалилась» (Касьян с Красивой Мечи, 1852, I, с. 217; 1883, II, с. 131). «Плетень... давно пришел в ветхость и во многих местах *накренился* и приникал к земле» (Конец Чертопханова, гл. VII; 1883, II, с. 390). «Напоминает мне ваше теперешнее ложе, государи мои, начал он [Василий Иванович], мою военную, *бивачную* жизнь...» (Русский вестник, 1862, с. 596; 1862. с. 198; изд. Маркса, II, с. 140: «*бивуачную* жизнь»; 1883, II, с. 351).

Трудно согласиться с тем, что текст улучшился от исправления следующих примеров: «Известное дело: *простой* народ на прозвища мастер» (Современник, 1850, XI, с. 105; изд. Маркса, I, с. 242: «*русский* народ»; 1852, II, с. 138; 1883, II, с. 272). Поправка, может быть, принадлежит Кетчеру. Первая редакция лучше: прозвища обычны не во всем русском народе, а именно в *простом*, у крестьян, у мещан маленьких городов. «— Правду говорят, — начала она [Лиза], — что *женщины* исполнены противоречий. Ваш пример должен был испугать меня, сделать меня недоверчивой к бракам по любви, а я...» (Современник, 1859, I, с. 95. «...Что *сердце людское исполнено* противоречий», 1883, III, с. 283). Непонятно, чем вызвана вторая, более общая редакция;

первоначальный текст проще и ближе к делу. «В одно утро Арина явилась к нему в кабинет и, по обыкновению, низко поклонившись, спросила его, не может ли он помочь ее дочке, которой искра из печки *прыгнула* в глаз» (Русский вестник, 1862, II, с. 507; «искра из печки *попала* в глаз», 1862, с. 59). Довольно счастливая метафора заменена общим, невыразительным словом. По-русски в таких случаях употребляется слово *стрекнула.*

Следующие исправления нужно отнести к числу совсем неудачных: «Пока Ермолай *пек* в золе картофель, я успел задремать» (Современник, 1847, V, с. 135; изд. Маркса, I, 21: «*жарил* в золе картофель» (совсем не по-русски!). Поправка с изд. 1852 г., I, с. 42). Ср. дальше, на с. 44, мельничиха говорит: «Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петрович! Видите, картофель *испекся*». По-видимому, поправка сделана Н.Х. Кетчером.

XIII

Мы не можем упрекать И.С. Тургенева, замечательного знатока западноевропейских языков и литератур, в пристрастии к варваризмам. Он, видимо, избегал их. Например, в романе «Дворянское гнездо» слово *куверты*, находившееся в первоначальном тексте, он заменил словом *обложки.*

«[Лаврецкий] принялся равнодушно рвать *куверты* и пробегать столбцы газет...» (Современник, 1859, I, с. 85; «...рвать *обложки*», 1883, III, с. 269).

Тургенев не смущался употреблять и несколько архаичное слово *убранный* вместо вполне употребительного *меблированный*, которое встречается и у нашего автора в других контекстах. «Там у ней был великолепный, отлично *убранный* дом, прекрасный сад с оранжереями» (Русский вестник, 1862, II, с. 543; изд. Маркса, II, с. 81). Ср.: «Молодой слуга в ливрее ввел обоих приятелей в большую комнату, *меблированную* дурно, как все комнаты русских гостиниц» (там же, с. 542; изд. Маркса, III, с. 79).

Однако некоторые варваризмы вторгались в его речь, может быть, помимо его воли, по привычному употреблению французс-

ского и немецкого языков и по усвоенным из них оборотам в русском дворянском языке его времени.

«Ерофей... подойдя к Касьяновой клячонке, презрительно ткнул ее *третьим пальцем* правой руки в шею» (Касьян с Красивой Мечи, 1852, I, с. 227; 1883, II, с. 138). «Василий Иванович потыкал *третьим пальцем* в трубку, где еще оставалось немного горячей золы» (Русский вестник, 1862, II, с. 581; изд. Маркса, II, с. 123. По-русски: «*средним* пальцем»)[137].

«[Анна Сергеевна] сама перевела разговор на другую *дорогу*» (Русский вестник, 1862, II, с. 636; изд. Маркса, II, с. 186. По-русски: *переменила разговор*).

«На нем [герое "Свидания"] был *коротенький пальто* бронзового цвета» (1852, II, с. 195; *коротенькое пальто*, 1883, II, с. 308).

«[Варвара Павловна] приобрела восхитительную карету, *прелестный пианино*» (Современник, 1859, I, с. 49; изд. Маркса, III, с. 237).

«[Анна Сергеевна] оставалась неподвижною, лишь изредка проводя пальцами по своим рукам, которые слегка *покусывал* ночной холод» (Русский вестник, 1862, II, с. 565; изд. Маркса, II, с. 105. По-русски: холод, мороз *щиплет* или *жжет*, смотря по силе).

«Но ей [богине Молчания] в тот же день дворовые мальчишки отбили нос; ...Одинцов велел ее *принять*, и она очутилась в углу молотильного сарая» (Русский вестник, 1862, II, с. 637; изд. Маркса, II, с. 187).

«Хозяин позвонил и велел *принять* остатки ужина» (1884, VI, с. 310. По-русски: *убрать*).

XIV

В очень немногих случаях можно указать неудачные употребления в текстах И.С. Тургенева и по отношению к русским словам.

---

[137] Происхождение этого словоупотребления неясно; может быть, музыкальный термин.

«Священники... появились вместе с *причтом* на крыльце» (1883, VIII, с. 245). Здесь священники выделяются, как не принадлежащие к *причту*, между тем они такие же чины причта, как и дьячки, причетники.

Неловко также употребление слова *цена* по отношению к ставке в картежной игре, хотя такое употребление и существует в просторечии: «[Гаврила Степаныч] принимал гостей радушно и в карты играл по какой угодно *цене*» (Затишье, гл. V; 1884, VI, с. 55).

Совсем необычно употребление слова *дряхлый* в приложении к вещи и предмету неодушевленному: «Когда старички остались одни в своем, тоже как будто внезапно съежившемся и *подряхлевшем* доме...» (Русский вестник, 1862, II, с. 600; изд. Маркса, II, с. 145).

Малоупотребительно слово *птичный*; обычно говорят *птичий*: «[Жена Н. П. Кирсанова] сажала цветы и наблюдала за *птичным* двором» (Русский вестник, 1862, II, с. 475; 1883, IV, с. 195; изд. Маркса, II, с. 5).

«Помощник квартального надзирателя... усадил священство за почетный конец, на котором преимущественно *столпились* кушанья постные» (1883, VIII, с. 250). Метафора, несоответственная употреблению слова *толпа*, которое обычно обозначает только собрание людей.

В следующем примере слишком свободно употреблен глагол *придтись*: «Я [при падении] *пришелся* о землю ногами, но толчок был так силен, что я не мог удержаться» (Первая любовь, гл. XII; 1884, VI, с. 353).

Не совсем хорошо слово *благодаря* в следующем тексте, особенно для средины прошлого века: «Кругом, *благодаря* нашей черноземной почве и продолжительному дождю, грязь была страшная» (1852, I, с. 288; 1883, II, с. 175). Старые стилисты требовали, чтобы это слово употреблялось при последствиях, благоприятных кому или чему-либо.

«Колосов ходил к нему [поручику Ивану Семенычу], — разумеется, *не на его счет*, а на счет *его дочки*» (1884, V, с. 15). Обычно: *не ради его*, *а ради его дочки.*

Совсем не по-русски употребление окрика *брысь* в обращении к собаке. По-русски с этим словом обращаются только к кошкам: «— Опять эта собака здесь, — проворчала в ответ старуха, — и, заметив, что Фифи сделала два нерешительных шага в ее направлении, воскликнула: — *Брысь*, *брысь!*» (Русский вестник, 1862, II, с. 550; 1862, II, с. 126; 1883, IV, с. 292).

XV

Но что составляло камень преткновения для И.С. Тургенева — это русские названия родства по браку. Русская терминология родства — одна из самых богатых. Это следствие развитого, долго державшегося родового быта, в котором отчетливо различались все члены родства по крови, по браку, по второй линии. Этот богатый словарь дошел до нашего времени далеко не полным. Часть слов этого ряда известна только по памятникам древнего русского языка: *стрый* (дядя по отцу), *уй* (дядя по матери), *нетий* (племянник). Значительная часть сохранилась в диалектах. Русский язык в крестьянском и мещанском употреблении до сих пор еще хорошо сохраняет употребление терминов родства по браку. У женщины, вошедшей в дом в качестве жены сына, вместо отца, матери, брата, сестры ее мужа есть *свекор*, *свекровь*, *деверь*, *золовка.* В свою очередь, для ее мужа, вместо соответствующих названий ее родства, являются термины: *тесть*, *теща*, *шурин*, *свояченица*, *свояк* (муж свояченицы). Сама она по отношению к отцу и матери мужа называется *сноха* и *невестка*, по отношению к сестрам и братьям только *невестка*; мужчина по отношению к членам жениной семьи называется *зять.* Эта общерусская терминология уже давно является упадочной для русской интелли́генции, особенно в столицах. Писатели, по большей части дворянского класса, ее не преодолевают вполне и избегают ее употребления, заменяя описательными выражениями (*брат жены*, *муж сестры* и под.), а в светском дореволюционном обществе и просто французскими терминами родства. Попытки применения

русских терминов родства нашей интеллигенцией, в том числе и авторами, иногда сопровождаются невозможными промахами. Например, слово *невестка* неправильно употребляется в русской литературе уже с начала XVIII в.: у Кантемира находим *невестка* вместо *свояченица.* Писемский употребляет слово *невестка* вместо *золовка* (см.: Словарь русского языка, т. VIII, вып. 1, 1932, с. 133). Приведем еще несколько примеров неправильного употребления терминов родства в русской литературе.

«Дьячок Киприанов заявил, что он неволею повенчан в Петров пост на свояченице второго сосницкого попа Григория — Анне, которая прежде того жила блудно с своим *шурином*, названным попом» (Из акта Черниговской губ. 1719 г. Труды Черниговской губ. арх. комиссии 1899—1900, вып. III, с. 68). Если Анна была попу Григорию *свояченицей,* то он приходился ей *зятем*, а не *шурином.* Пример любопытен тем, что ошибка находится в передаче речи дьячка. Духовенство вообще всегда было хорошо осведомлено в отношениях и терминах родства.

«Но если Щербатов, вообще снисходительный к Анне Ивановне, не решался оправдывать ее связи [с гофмейстером П.М. Бестужевым], то эта связь делалась преступлением в глазах матери. Прасковью прежде всего поражало в этом деле своеволие дочернего выбора, и она преследовала ее упреками, а венценосного *свояка* постоянными просьбами удалить Бестужева» (Семевский, Царица Прасковья, СПб., 1861, с. 27—28). Венценосный *свояк*, Петр I, на самом деле доводился царице Прасковье, жене его брата, *деверем*, а не *свояком.*

В издании «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым», ч. IV, СПб., 1867, на с. 185 находим заглавие: «Повесть о царе, царице, оклеветанной *мачехою*, и двух сыновьях ее». Здесь слово *мачеха* употреблено неправильно, вместо *свекровь.*

Ошибки этого рода и еще большие продолжаются и в литературе новейшего времени.

«— Санька — *племяш* мой. Дочки Матрены сын» (Баранкевич, Новые люди деревни. II. Дед Архип). Если Санька — сын

дочери, то, очевидно, он приходится ее отцу *внуком*, а не племянником.

Конечно, ошибки в употреблении терминов родства встречаются далеко не у всех писателей: у Карамзина, у Пушкина, у Л.Н. Толстого мы не знаем случаев неправильного употребления данных терминов. И.С. Тургенев, кажется, единственный из числа классических авторов не вполне владел употреблением этого разряда слов. Он совершенно несоответственно действительному значению употреблял слова: *золовка*, *тесть*, *зять*.

«Через две недели [я] узнал, что он [Радилов] внезапно исчез, бросил мать, уехал куда-то с своей *золовкой* мой сосед Радилов» (Современник, 1847, V, с. 148; изд. Маркса, I, с. 58). Сестра жены приходилась Радилову *свояченицей*, а никак не *золовкой. Золовкой* была бы сестра Радилова его жене. Это термин исключительно женского родства. Непонятно, почему это словоупотребление осталось неисправленным. В одном из позднейших текстов автора встречается слово *свояченица* вполне правильно, даже с пояснением значения. «Со мной... *свояченица* живет, женина сестра» (Затишье, гл. II; 1884, VI, с. 12).

«Тяжело и неловко было сперва бедной женщине; но потом она [Маланья Сергеевна] обтерпелась и привыкла к своему *тестю*» (Дворянское гнездо, гл. IX; Современник, 1859, I, с. 34; 1883, 111, 201; изд. Маркса, III, с. 221). Старик Лаврецкий, Петр Андреевич, в качестве отца мужа Маланьи Сергеевны приходился ей *свекором*, а не *тестем. Тестем* был только отец Маланьи Сергеевны по отношению к ее мужу, Ивану Петровичу.

«Сипягин оставил своего *зятя* в покое; Валентина Михайловна также не заговаривала с *ним*[138], — видно было, что они оба, и муж и жена, привыкли считать Маркелова за чудака, которого лучше не задирать» (Новь, гл. IX; изд. Маркса, IV, с. 65). «— Брат вашей супруги... г-н Маркелов, схвачен мужиками, которых вздумал возмущать... — Что? что вы сказали? — заметил

[138] Следовало сказать с братом; иначе выходит, что Маркелов и ей, сестре, приходится зятем!

он [Сипягин]...— Я сказал, что ваш *зять* схвачен...— Да, сударь, мой *зять* — есть преступник» (там же, гл. XXXIV, IV, с. 255—256). «Жандармского начальника нет в городе: твой *зять* и застрял» (из слов губернатора Сипягину; там же, гл. XXXV; IV, с. 265). Во всех приведенных цитатах вместо *зять* следовало употреблять слово *шурин.* Зятем приходился Сипягин Маркелову, и в этих случаях словоупотребление Тургенева правильно. «— Бывшие мужики вашего *зятя...* не бедствуют, — заметил Нежданов. — *Зять* мой хитрец; глаза отводить мастер» (там же, гл. X; IV, с. 68).

Здесь как нельзя лучше обнаруживается отрицательная сторона классового воздействия на язык И.С. Тургенева. В полном смысле слова русский образцовый писатель, из классиков классик, он оказывается помещиком-европейцем, несколько отдаленным от народа, коренного носителя и хранителя русского языка, который кое на каких участках не был вполне усвоен И.С. Тургеневым. Напомним, что за правильностью языка нашего писателя постоянно следили и редакторы журналов, в которых печатались его произведения, и также его друзья, особенно Я.П. Полонский и П.В. Анненков. Если и они не замечали ошибок данного рода, то очевидно, что они также не отличались точным знанием употребления подобных слов.

ЗАМЕТКИ О ТЕКСТАХ И ЯЗЫКЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Данная статья — плод несколько раз начинавшихся и частью незаконченных, частью законченных, но не напечатанных, частью погибших исследований о текстах И.С. Тургенева, изученных по разным изданиям и некоторым рукописям. Все эти заметки хотелось свести в одно целое и опубликовать по поводу наступления столетия со времени выхода в печати, в 1836 г., первой статьи И.С. Тургенева.

В настоящей работе представляется свод сохранившихся наблюдений и исходящих из них замечаний по изучению главным образом следующих произведений:

«Записки охотника» по изданию «Современника» 1847—1851 гг. и изданию 1852 г. в двух частях.

«Дворянское гнездо» по изданию «Современника» 1859 г., кн. 2, т. LXXIII (5—160).

«Отцы и дети» по изданию «Русского вестника» 1862 г., кн. 2 (473—663) и отдельному изданию 1862 г.

Те же произведения по изданию Глазунова 1883 г., посмертному, в 10 томах, и по изданию А.Ф. Маркса в 12 томах, выходивших в виде приложения к журналу «Нива» в 1898 г.

«Стихотворения в прозе» и роман «Новь», автографы, с которых эти произведения печатались в «Вестнике Европы» в 1882 г., кн. 12, и 1877 г., кн. 1 и 2[139].

---

[139] В цитатах, находящихся в данной статье, название произведения обыкновенно пропускается; указывается лишь журнал, год, книга и страница, если выписка взята из журнала; если выписка сделана из полного собрания, изданного фирмою Глазунова или Государственным издательством, то указывается год издания, том, страница; издание А.Ф. Маркса обозначается: Маркса, том и страница. По этим указаниям всегда возможно и проверить выписку, и найти полный контекст.

В наше время, когда вопросы литературного языка привлекают большое внимание писателей и читателей, когда решение их углубляется и уточняется, не лишне обратиться к истории этого языка и присмотреться к фактам его состояния и развития, представленным в произведениях одного из наиболее замечательных русских авторов, закончившего свой славный литературный путь на памяти живых представителей современного старшего поколения и потому особенно к нам близкого.

I

Представление о языке всякого писателя мы получаем из известных нам его текстов. Точность этого представления зависит от рода и состояния текстов. Рукописи всякого автора лучше всего знакомят нас с его языком, тем более рукописи, приготовленные к печати, в которых текст установлен, язык и орфография проверены. Однако в фактической истории языка, в следах тех влияний, которые оказал какой-либо автор на литературный язык, его рукописи почти никогда не могли иметь первенствующего значения, так как читателям они вообще были неизвестны или, лучше сказать, они доходили до читателей лишь в том виде, в каком они передавались в печати редакторами и корректорами данного литературного произведения. Поэтому для истории языка автора главное значение получают наиболее близкие к авторским рукописям первопечатные тексты, особенно когда их печатание производилось под контролем автора. Точность первого издания обеспечивалась также выбором издателя, редактора и главным образом чтением авторской корректуры, причем могли происходить исправления и изменения уже обработанного рукописного текста. Последующие издания точно так же могут просматриваться автором и получать изменения и усовершенствования как в содержании, так и в языке и стиле. Смотря на дело с обывательской доверчивостью, мы обычно предполагаем, что всякое последующее издание выше предыдущего по точности передачи языка автора. Для этого,

конечно, необходимо, чтобы типографские и вообще издательские и редакторские работы стояли на значительной высоте, что не всегда бывает.

Мы знаем, что бóльшая часть произведений И.С. Тургенева первоначально печаталась в «Современнике» под редакцией Н.А. Некрасова, в «Русском вестнике» под редакцией М.Н. Каткова, в «Вестнике Европы» под редакцией М.М. Стасюлевича. Эти издания и редакторы достаточно гарантируют исправность первых печатных текстов нашего автора. Мы надеемся на эту исправность и высокое качество первопечатных текстов, особенно в тех случаях, когда мы знаем, что автор читал корректуры печатаемых в журналах произведений, как это было с изданиями «Вестника Европы». Несколько невыгодной стороной дела при печатании в журналах было то, что все произведения И.С. Тургенева в этом случае издавались спешно. При быстроте работы и скором чтении корректур (в «Вестнике Европы», например, было установлено «молниебыстрое» движение корректур) трудно было дать издание безукоризненно точное. Наборщики могли неверно читать рукопись, корректоры могли делать неосмотрительные поправки, автор мог не заметить промахов в присланной ему корректуре с обязательством скорого исправления и возвращения. Еще хуже бывало, когда работники типографии бессознательно или намеренно отступали от текста, предполагая, — по ограниченному знанию русского языка, — что автор в данном случае «ошибся», и произвольно исправляли его «ошибку».

При всех таких неблагоприятных возможностях мы в состоянии все-таки утверждать, что первопечатные журнальные тексты И.С. Тургенева — наилучшие в отношении исправности, хотя и не лишены некоторых недочетов. Автор, например, жаловался на многочисленные опечатки в романе «Отцы и дети» в издании «Русского вестника»: их оказалось там «около 50, из которых штук 15 жестоких».

Две грубые опечатки в «Записках охотника», не замеченные автором, исправлены по автографу лишь в издании 1929 г.

В рассказе «Бурмистр» фраза «оба в *замашных* заплатанных рубахах» (I, 129) печаталась: «в *домашних...* рубахах». В рассказе «Два помещика», в словах «тут же направо буфет с *прусаками* и утиральниками» (162) вместо *прусаками* печаталось: *трубками.* Все же в «Записках охотника» еще остаются некоторые подозрительные слова. Например, в рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» возбуждает недоумение следующее место:

«Женщина круглый год живет в деревне, в глуши — и не сплетничает, не пищит, не приседает, не волнуется, *не давится*, не дрожит от любопытства...» (Современник, 1848, кн. 2, 187; 1852, II, 71; 1883, II, 232—233; изд. Маркса, II, 205—206; 1929, I, 180). Это *не давится* решительно не имеет смысла. Возможно, что здесь тоже незамеченная опечатка, например вместо *не дивится:* не выражает удивления, слыша или видя что-нибудь необыкновенное, что считается признаком необразованности, невыдержанности, обнаруживает «дурной тон».

II

Изучение рукописи «Стихотворений в прозе» обнаруживает несколько ошибок в первопечатном их тексте, ошибок, не замеченных автором, хотя он читал и исправлял их корректуру. Понятно, что эти ошибки вошли в последующие издания сочинений И. С. Тургенева, так как первопечатный текст их считался утвержденным самим писателем. Укажу более важные из них.

В пьесе «Старуха» напечатано: «что *эта* старушка не идет» (Вестник Европы, 1882, кн. 12, 478); в рукописи было: «*что* старушка не идет». Не вполне разборчивое авторское *что* в корректуре передали словом *эта;* читавший корректуру автор должен был поставить перед *эта — что;* таким образом, слово *эта* явилось в тексте вследствие недоразумения.

В пьесе «Два четверостишия» печатный текст дает совершенно неуместное: *вообрази* («*вообрази* только одно, несчастный!» — с. 490) вместо авторского *сообрази,* в котором заглавное *С* рукописи прочитано как строчное *в.* Эта ошибка

повторена во всех изданиях, даже и в издании «Academia», 38. Верный текст лишь в издании 1930 г., X, 303.

Популярнейшее стихотворение в прозе «Воробей» было напечатано в «Вестнике Европы» с грубой ошибкой, вошедшей в последующие издания Глазунова и Маркса: «он *кинулся* спасать» (с. 491); в авторской рукописи: «он *ринулся* спасать», что гораздо точнее и живописнее. Это место исправлено по рукописи лишь в издании 1930 г., X, 304, и «Academia», 39.

В пьесе «Повесить его!» первоначально было напечатано: «Это случилось в 1803 году... незадолго до Аустерлица» (Вестник Европы, 1882, кн. 12, 513). Эта несообразная с историей дата повторялась и в последующих изданиях. У автора недостаточно четко была написана цифра 5, ее прочитали как 3, и никто, даже историк М.М. Стасюлевич, не заметил этой хронологической ошибки. Аустерлицкое сражение, как известно, происходило 20 ноября 1805 г. (по старому стилю). Исправный текст дан лишь в издании 1930 г., X, 326, и «Academia», 80.

В пьесе «Морское плавание» рукопись дает: «На все мои *запросы* он отвечал отрывистым ворчанием». В «Вестнике Европы» вместо *запросы* напечатано *вопросы.* Так же передается и в изданиях Глазунова и Маркса.

Итак, мы можем относиться с доверием к точной передаче текста И.С. Тургенева лишь в изданиях новейшего времени, сверенных с рукописью автора. Однако и эти издания не лишены некоторых недостатков. В новом деле переиздания текстов по авторским рукописям нет еще достаточной выдержанности. Иногда прорывается старый прием — «исправить» автора, дать лучшее чтение от себя. Например, мы не без удивления читаем в издании 1931 г. в заглавии и тексте пьесы: *черепья*, имеющей формы множественного числа: *черепьев, черепья, — Черепа, черепов* (40—41). Редакция заявляет, что форма *черепья* — диалектизм, признанный самим автором, не исправленный «неизвестно почему». Тем менее следовало вносить исправление в издание 1931 г., исправление, не оправдываемое ни рукописью, ни первопечатным текстом. Во-первых, форма

черепья имеет значение собирательно-массовое, не передаваемое обычным множественным числом. Во-вторых, она не только диалектизм, но и литературная, хотя несколько устарелая форма. Ее встречаем, например, в стихотворении Державина «Памятник герою»: «Развалины, могилы, пепл, *Черепья,* кости им подобных Не суть ли их [завоевателей] венец и слава?»

В «Русской грамматике» Востокова находим: «Существительные... *зуб, луб, струп, череп, ком, клин*... во множественном числе склоняются на *-ья, -ьев, -ьям*...» (изд. 9, 1856, 33).

Издатели первопечатного текста несомненно обнаружили верное чутье и знание языка, сохранив у Тургенева местное и устарелое словоупотребление, хорошо идущее к содержанию текста.

В пьесе «Эгоист» то же издание 1931 г. «исправляет» форму *искренне,* находящуюся в рукописи, известную и в других печатных текстах, на *искренно* (65).

В пьесах «Дурак», «Два четверостишия» редакция того же издания опирается на рукопись автора, игнорируя поправки сохранившейся последней авторской корректуры. Но несомненно, например, что следующий первопечатный текст, основанный на авторской корректуре, лучше первоначального рукописного: «Высоко над толпою, *подпертый* ее плечами, стоял на золотом плоском щите... молодой поэт Юлий». В издании 1931 г., по рукописи: «Высоко над толпою, *над* ее плечами» (36). Одно только слово изменил Тургенев, и как уяснился и уточнился образ! Впрочем, дело не в том, как понимаем мы, авторы, не в том, как истолковывает его тот или другой редактор-комментатор. Необходимо самым строгим образом отделять текст от комментария, автора от редактора. Текст автора должен оставаться неприкосновенным, и комментарии (т.е. их результаты) не должны вноситься в текст. Иначе мы никогда не будем в состоянии знать и изучать подлинного автора.

Нельзя забывать и того, что живой автор значит несколько больше, чем его рукопись. Повесть Тургенева «Клара Милич» была напечатана в 1883 г., при жизни автора, с данным загла-

вием. Тургенев сам так называет ее в письме к А.В. Топорову 21 января 1883 г. Она почти полвека была всем известна с таким именем. Поэтому очень странно видеть ее в изд. Гиза с заглавием: «После смерти».

Приведем еще несколько наших наблюдений над текстом романа «Новь» по рукописи и печатным изданиям; из последних берем издание Глазунова, СПб., 1884, в Полном собрании сочинений, т. IV (1—336), и Гиза, в Сочинениях, т. IX, 1930 (163—416).

«— Машурина? — переспросил *новоприбывший*» (1884, 3. Рукопись, 1: *новопришедший*, 1930, 165).

«Машурина достала другую *папироску*» (1884, 4. Рукопись, 2: *папиросу,* 1930, 166).

«*Это* было ему тем чувствительнее, что он страстно любил женщин» (1884, 9. Рукопись, 5: «*Оно* было ему...», 1930, 169).

«— Бывало, смотришь: *идет ко* мне» (1884, 13. Рукопись, 9: «*летит* ко мне», 1930, 172).

«— Если он не хочет остаться в одной комнате с аристократом,— продолжал, возвысив *тон*, Нежданов...» (1884, 29. Рукопись, 22: *голос,* 1930, 184).

«Он... увидал *лежащую* на столе десятирублевую бумажку Паклина» (1884, 32; 1930, 187. Рукопись, 25: *лежавшую*).

«Она свободно и грациозно двигалась по гостиной, то наклоняя к цветам свой тонкий, *едва* перетянутый стан...» (1884, 36; 1930, 189. Рукопись, 27: «*слегка* перетянутый стан»).

«Она рвалась на волю всеми силами *неподатливой* души» (1884, 43; 1930, 195. Рукопись, 23: *неподдатливой*).

«Все общество, продолжая меняться приветами и *рукопожатиями...* двинулось вверх по лестнице» (1884, 48; 1930, 198. Рукопись, 38: *рукожатиями*).

Ср. еще рукопись рассказа «Контора» (Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, с изд. 1883 г.). с. 171 печ. изд.: *низкий шалаш* (рук.: *низкий соломенный шалаш*); *потемневшие, маленькие глаза* (рук.: *пожелтевшие*); с. 172: *прошамшил он* (рук.: *прошамкал*); с. 174: *глазами на выкате* (рук.: *на выкат*)*;* с. 175: *оклеен-*

ных зелеными обоями (рук.: *заклеенных*); *с приподнятым ухом* (рук.: *поднятым*); *женщина в лежачем положении en raccourci с красными коленями и очень толстыми пятками* (рук.: *женщина в лежащем положении в raccourci, с косыми грудями, красными коленями и очень толстыми пятками, что, как известно, в глазах русского человека достоинство не последнее*).

III

Несколько хуже происходило дело с переизданиями текстов писателя в собраниях его сочинений при его жизни. Можно утверждать, что ни одно из них не представляет вполне авторитетного текста, хотя автор и принимал с своей стороны необходимые меры для исправности издания. Второе издание Салаева (М., 1868—1871) ужасало И.С. Тургенева количеством опечаток; в одних только «Записках охотника» их оказалось несколько сот, во всем собрании более 2000. Неисправность печатания издавна была больным местом в текстах Тургенева. Автор постоянно просил, умолял редакторов о точности издания. «Только, ради бога, чтобы не было опечаток», — писал он Краевскому 7/19 января 1849 г. «Вполне сочувствую мучениям, возбужденным в тебе опечатками: это своего рода сочинительский ад», — читаем мы в письме Полонскому 18 декабря 1871 г. Непременным условием последнего издания, предполагаемого при жизни автора, он ставит, «чтобы корректура была поручена знающему человеку — литератору, дабы не повторились ужасы прежнего издания» (Письмо А.В. Топорову, 17 мая 1882 г.). То же подтверждается в письме П.В. Анненкову (1 мая 1882 г.): «Настоятельно прошу упомянуть в будущем документе о предоставлении корректуры издания литератору трудолюбивому и добросовестному во избежание безобразий корректурных, отличающих прошлые издания мои, особенно последнее!»[140]. Но что мог сделать и литератор, если ошибки издания текстов

[140] Издание наследников братьев Салаевых. М., 1880.

нашего автора накоплялись, увеличиваясь в последующих изданиях, как снежный ком, и если даже сам автор не всегда их замечал, читая корректуры и подготовляя к новому изданию напечатанные раньше тексты. Вполне удовлетворительного состояния текстов можно было достигнуть, только применяя к печатанию научные приемы издания. Коммерческие издания Сочинений И.С. Тургенева, каковыми они всегда были при его жизни и после смерти до пролетарской революции, оказываются весьма и весьма небезупречными. Издания богатой фирмы Глазунова были напечатаны на хорошей бумаге, четким шрифтом, но в отношении исправности текста не могли дать многого по малой культурности этой фирмы. Издание Маркса, явившееся в виде приложения к журналу «Нива», выходившему в громадном количестве экземпляров, печаталось наскоро, и правильность издания текстов в данном случае, кажется, никем и ничем не была обеспечена. Наши дальнейшие заметки убедят читателя, как далеко отстоят от необходимой точности тексты этого, марксовского, издания, а частью и предшествовавших ему, даже посмертного издания 1883 г., выпущенного фирмой Глазунова, которое вообще считается более авторитетным. Издание Сочинений И.С. Тургенева, в значительной степени удовлетворяющее научным требованиям, мы получили лишь в последние годы. 12 томов, выпущенных Гизом, под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума (1929—1933) являются большим достижением в области передачи тургеневского текста. Никогда еще Сочинения И.С. Тургенева не являлись изданными с такой полнотой, вниманием к источникам и точностью. Однако безупречное научное издание требует таких длительных работ по проверке и установлению текста, по разысканию и критике источников, что оно не может быть исполнено сразу и в короткое время. Редакторам последнего издания поневоле приходилось опираться на текст автора, представленный Полным собранием сочинений 1883 г. Зависимость от этого не всегда удовлетворительного текста, понятно, должна была привести к некоторым недочетам названного последнего и во всяком случае лучшего

издания. Некоторые из этих недочетов будут видны из предлагаемых далее справок, где тексты гизовского издания указаны под годами появления соответствующих томов. Заметим при этом, что наша настоящая работа, начатая задолго до появления последнего издания, опирается главным образом на тексты издания Маркса и ему предшествующие, и все замечания и указания на слабые стороны в печатных текстах Тургенева относятся преимущественно́ к названным старым изданиям, а не к изданию Гиза.

Заметим еще, что последнее издание могло бы получить некоторые новые и интересные дополнения и поправки из неиспользованных редакцией источников. Кое-что из автографов найдется в Орле, в Тургеневском музее. Есть печатный экземпляр «Дворянского гнезда», подаренный некогда Тургеневым П.В. Анненкову с авторскими приписками. В нем, например, в главе VIII после слов: «Петр Андреич, узнав о свадьбе сына» — прибавлено рукою автора: *перепорол всю дворню.* Слов этих нет ни в одном из изученных нами изданий названного романа.

IV

В изданиях Сочинений И.С. Тургенева, главным образом дореволюционных, наше внимание привлекают прежде всего нередкие случаи подмены одних слов другими по графическому сходству. Очевидно, это следствие неточного набора и корректуры, читаемой спешно, без сверки с оригиналом. Только корректура, сличающая набор с оригиналом буква в букву и знак в знак, может дать вполне исправный текст. Следов такой строгой, добросовестной корректуры мы не находим ни в одном известном нам издании и переиздании Сочинений И.С. Тургенева, начиная с первого появления их в печати и кончая изданиями Глазунова и Маркса. При безупречной корректуре мы не имели бы разнообразных ошибок и искажений текста, подобных следующим:

«[Калиныч] заговаривал кровь, испуг, бешенство, выгонял *чертей*» (Современник, 1847, I, 61; изд. Маркса, I, 10: «выгонял *червей*»*;* 1852, I, 20; 1883, II, 11; 1929, I, 14).

«[Речка Иста] в ином месте, с высоты крутого холма, видна верст на десять со своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными ракитником и *гусиными стадами*» (Современник, 1847, V, 134; 1852, I, 39; изд. Маркса, I, 20: «ракитником и *густыми садами*»; 1883, II, 22; 1929, I, 23). Дальнейший текст говорит, несомненно, за правильность чтения «Современника».

«Бирюк взял, молча, лошадь за *холку* левой рукой» (Современник, 1848, II, 171; 1852, II, 15; изд. Маркса, I, 176: «взял лошадь за *чёлку*»*;* 1883, II, 199; 1929, I, 155). Ср. любопытное замечание в Словаре Даля: «*Чёлка*... неправильно путают с *хóлкою*».

«Я с любопытством посмотрел на него из своей *засады*» (Современник, 1850, XI, 117; 1883, II, 308; изд. Маркса, I, 117: *осады*).

«Петр Андреич... узнав о рожденьи внука, смягчился, приказал под рукой осведомиться о здоровья *родильницы* и послал ей... немного денег» (Современник, 1859, I, 33; изд. Маркса, III, 220: «осведомиться о здоровье *родительницы*»; 1883, III, 199).

«Милый ангел *Бетти!..* Приходи завтра *в* половине второго на нашу квартирку» (Современник, 1859, I, 50; изд. Маркса, III, 239: «Милый ангел *Бетси!..* Приходи завтра *к* половине второго...»; 1883, III, 222; 1930, V, 170). Ласкательное имя Лаврецкой, конечно, могло быть изменено автором, но для изменения предлога, кажется, не было никакой необходимости.

«Было... что-то веселое и чудное в гремящем крике *перепелов*» (Современник, 1859, I, 84; изд. Маркса, III, 277: *перепелок;* 1883, III, 268). Ошибка значительна, потому что у птиц поют обычно самцы, а не самки. У Тургенева речь идет о замечательном крике, так называемом «бое» перепелов. Ср. о том же: С.Т. Аксаков. Записки ружейного охотника. Перепелка.

«— Дуньте на умирающую *лампу* и пусть она погаснет» (Русский вестник, 1862, 658; изд. Маркса, II, 210: «умирающую *лампаду*»; 1883, IV, 433).

«Ермолай... обходился с ней [женой] *жестко* и грубо» (Современник, 1847, V, 133; 1852, I, 38; изд. Маркса, I, 19: «*жестоко* и грубо»; 1883, II, 21).

«Остальная часть ее лица едва загорела тем *золотистым* загаром, который принимает одна тонкая кожа» (Современник, 1850, XI, 116; 1852, II, 193; изд. Маркса, I, 271: «*золотым* загаром»; 1883, II, 307).

«— А ведь это Федя! — раздался вдруг в соседней комнате за *полураскрытой* дверью голос Марфы Тимофеевны» (Современник, 1859, I, 24; 1883, III, 188; изд. Маркса, III, 210: *полузакрытой*).

«[Петр Андреич] представил ее своим *почетнейшим* гостям, кривому бригадиру Скурехину и жене его» (Современник, 1859, I, 34; изд. Маркса, III, 221: «*почтеннейшим* гостям»; 1883, III, 201; 1930, V, 154).

«Каждое утро он [Лаврецкий] проводил за работой ... а по вечерам вступал в *очарованный,* пахучий, светлый мир, весь населенный молодыми веселыми лицами» (Современник, 1859, I, 48; изд. Маркса, III, 237: «в *очаровательный,* пахучий светлый мир»; 1883, III, 220; 1930, V, 168). Заметим, что этот *очарованный,* волшебный мир именно не был *очарователен* для Лаврецкого, не пленял его.

«Маленькая, *бедная* комнатка казалась святилищем» (Современник, 1859, I, 108; 1883, III, 299; изд. Маркса, III, 303: «*бледная* комнатка»).

«В это мгновение вошел в гостиную человек среднего роста, одетый в темный английский “сьют”, модный низенький галстук и *лаковые* полусапожки» (Русский вестник, 1862, 484; изд. Маркса, II, 15: «и *лайковые* полусапожки»; 1883, IV, 207).

«— Мне *неловко* говорить с тобой об этом» (Русский вестник, 1862, 489; изд. Маркса, II, 21: *нелегко;* 1883, IV, 214).

«— Именно ничего не доказывает, — повторил Аркадий с уверенностию опытного шахматного игрока, который предвидел *опасный,* по-видимому, ход противника...» (Русский вестник, 1862, 518; 1883, IV, 254; изд. Маркса, II, 53: «*опытный,* повидимому, ход противника»).

«И, шмыгая и переваливаясь [Ермолай], улепетывал верст *шестьдесят* в сутки» (Современник, 1847, V, 133; 1852, I, 36; изд. Маркса: «верст *пятьдесят*», I, 18; 1883, II, 20; 1929, I, 21).

Ср.: «Мать... велела сказать Ивану Петровичу через посланного сухопарого мужичка, умевшего уходить в сутки по *шестидесяти* верст, чтоб он не очень огорчался» (Современник, 1859, I, 31; 1883, III, 197; 1929, V, 152).

«Стадо потянулось из деревни к *вам* навстречу» (Современник, 1849, II, 130; 1852, II, 301; изд. Маркса, I, 398: «к *нам* на встречу»; 1883, II, 452).

«И средоточием этого мира была *таже*[141] рачительная хозяйка, его жена» (Современник, 1859, I, 48; изд. Маркса, III, 237: «*также* рачительная хозяйка...»; 1883, III, 220).

«— Что за притча? Старое вымерло, а молодое не *нарождается*?» (Современник, 1847, V, 157; 1883, II, 78; изд. Маркса, I, 69: «не *рождается*»).

«— [Лодка] расклеилась; да из дырьев клепки повывалились. — Велика беда!—подхватил Ермолай: — паклей *заткнуть* можно» (Современник, 1847, V, 169; 1883, II, 93; изд. Маркса, I, 83; «паклей *затянуть* можно»).

«— Живу я тоже словно подражание разным мною *изученным* сочинителям» (Современник, 1849, II, 280; 1883, II, 330; изд. Маркса, I, 292: «*измученным* сочинителям»).

«— Я об одном только мечтаю теперь: *зарыться* навсегда в глуши; я буду вечно *помнить* ваши благодеяния...» (Современник, 1859, I, 149; изд. Маркса, III, 347: «*закрыться*... в глуши; ...*поминать*... благодеяния»).

---

[141] В «Современнике» напечатано слитно, что, вероятно, и помогло порче текста.

«— В нынешнем году его [лес] *сводить* будут» (Русский вестник, 1862, 481; 1883, IV, 203; изд. Маркса, II, 12: *свозить*).

«— *Послушайтесь* меня, Павел Петрович, дайте себе денька два сроку» (Русский вестник, 1862, 552; изд. Маркса, II, 57: «*Послушайте* меня...»; 1883, IV, 256; 1930, VI, 234).

«Ситников *выскочил* вслед за ними» (Русский вестник, 1862, 537; изд. Маркса, II, 73: *вскочил;* 1883, IV, 275).

«Анна Сергеевна... ни перед чем не *отступала* и никуда не шла» (Русский вестник, 1862, 553; изд. Маркса, II, 92: «ни перед чем не *уступала*» (неграмотный синтаксис); 1883, IV, 296).

«— Я люблю то, что́ вы называете комфортом, и в то же время я мало желаю жить. *Примирите* это противоречие как знаете» (Русский вестник, 1862, 563; 1883, IV, 308; изд. Маркса, II, 102—103: «*Примите* это противоречие как знаете»).

«Василий Иванович вытащил из кармана новый желтый футляр... и продолжал, *помавая* им по воздуху...» (Русский вестник, 1862, 580—581; изд. Маркса, II, 122: «*помахивая* им по воздуху»; 1883, IV, 331; 1930, VI, 289).

«Как вольно дышит грудь, как *бодро* движутся члены...» (Современник, 1849, II, 310; 1852, II, 302; изд. Маркса, I, 398: «*быстро* движутся члены»; 1883, II, 452).

«Большое стадо голубей *резво принеслось* с гумна» (Современник, 1850, XI, 122; 1883, II, 315; изд. Маркса, I, 279: «*резко пронеслось*»).

«Потом она [Лиза] прибавила, что... не знает, имеет ли она право заставлять Паншина *долее* ждать ее решения» (Современник, 1859, I, 97; 1883, III, 285; изд. Маркса, III, 291: *далее*).

«Солнце... мирно всплывает *из-под узкой и длинной тучки*» (Современник, 1851, II, 319; 1852, I, 173; изд. Маркса, I, 92: «всплывает *под узкой и длинной тучкой*»*;* 1883, II, 103).

Число подобных примеров извращения текста Сочинений И.С. Тургенева мы могли бы значительно увеличить, но и приведенных, кажется, вполне достаточно, чтобы признать, что указываемые нами издания Сочинений нашего знаменитого писателя, особенно издание А.Ф. Маркса, засорены большим числом оши-

бок и чем дальше, тем более являются ненадежными для изучения его языка и стиля. Небрежность этих изданий так велика, что даже отрицательные слова и сочетания заменяются положительными, или, например, отрицание *не* заменяется союзом *но.*

«Сквозь *невеселую,* хотя свежую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страх недалекой зимы» (Современник, 1850, XI, 122; 1852, II, 206; изд. Маркса, I, 279: «*веселую*... улыбку»; 1883, II, 315).

«— Значительное, хоть и ложно бывает, да сладко, но и с *незначительным* помириться можно» (Русский вестник, 1862, 591; 1883, IV, 345; изд. Маркса, II, 134: «но и с *значительным* помириться можно»).

«— Рыба не чувствует; в ней и кровь не живая... Кровь, — продолжал он [Касьян], помолчав: — *не святое* дело кровь. Кровь солнышка божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь...» (1852, I, 236; в Современнике, 1851, III, 132, этого текста нет; изд. Маркса, I, 127: «Кровь, — продолжал он, помолчав: — *святое* дело кровь!»; 1883, II, 144; 1929, I, 113). Напомним, что, по народным понятиям, кровь — источник страсти; кровь «путает», приводит к соблазну, преступлению. Отрицание уничтожено, вероятно, по каким-нибудь домыслам корректоров.

«— Человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскис и опустился... эдакой человек — не мущина, *не* самец» (Русский вестник, 1862, 501; 1883, IV, 229; изд. Маркса, II, 34: «этакой человек — не мужчина, *но* самец»). Очень своеобразное «понимание» и «исправление» авторского текста.

V

Точно так же и в следующих «исправлениях», как, впрочем, и в некоторых предыдущих, мы видим более чем недосмотры. Корректоры или редакторы смело переделывают лексику автора ради воображаемого ими улучшения его стиля.

«И пойдет Ермолай с своим Балеткой в темную ночь, через кусты да *водомоины*» (Современник, 1847, V, 133; 1852, I, 37; изд. Маркса, I, 18: «*водомойни*»; 1883, II, 21; 1929, I, 22). Здесь обычное словоупотребление заменено необычным. *Водомóина* образовано так же, как *водорóина,* с слоговым *и.*

«Кроме Митрофана с его семьей да старого глухого *титора* Герасима... ни одного дворового человека не осталось в Шумихине» (Современник, 1848, II, 150; изд. Маркса, I, 30: *ктитора;* 1852, I, 59; 1883, II, 34; 1929, I, 31). Переделано на литературный лад слово диалектическое, южновеликорусское *титор*, очевидно, тождественно с украинским *титарь.*

«— Дело было... в великий пост, в самую *ростепель*» (Современник, 1848, II, 158; 1852, I, 76—77; изд. Маркса, I, 40: *ростопель;* 1883, II, 46; 1929, I, 39). Обе формы употребительны в русском языке. У автора первая находится в речи уездного врача и, кажется, более уместна, чем вторая, более старая и простонародная.

Мы могли бы привести много примеров перестановки слов или пропуска целых фраз и слов, часто затемняющих значение речи, но у нас и без того было и будет еще указано слишком много примеров разнообразных искажений текста И.С. Тургенева. Укажем только один любопытный случай произвольной вставки слова.

«— Положим, положим; я [Михалевич] был тут орудием судьбы, — впрочем, что это я вру — судьбы нету» (Современник, 1859, I, 75; изд. Маркса, III, 267: «судьбы *тут* нету»; 1883, III, 255; 1930, V, 194).

В одном из предыдущих изданий (именно в том, которое вышло в Карлсруэ в 1865 г.) механически из верхней строчки внесено лишнее слово *тут,* которое удержалось во всех последующих изданиях.

VI

К следующей группе неисправностей мы относим довольно частые замены уменьшительно-ласкательных существительных

первоначальными и обратно, а также изменения видовых форм глагола. Причины отступлений от авторского текста здесь — те же случаи графической близости; результаты изменений — искажения оттенков значения и особенностей стиля. Примеры на существительные в «Записках охотника».

«— Покажь, *Стена*» (Современник, 1848, II, 152; изд. Маркса, I, 83: *Степка;* 1883, II, 38). В других случаях всегда говорится ласкательно: *Стена!* — речь старого дворового Тумана.

«— Где бы, *братец,* тут напиться? — спрашиваете вы косаря» (Современник, 1849, II, 311; изд. Маркса, I, 398: *брат;* 1852, II, 303; 1883, II, 452; 1929, I, 341).

«Грибы стоят отдельно под своими широкими *шляпами*» (Современник, 1849, II, 312; очевидно, с оттенком образности; изд. Маркса, I, 400: «под своими *шляпками*»*;* 1852, II, 306, 1883, II, 454; 1929, I, 342).

В романе «Дворянское гнездо» по изданию «Современника» находим: *рощицами* (6; изд. Маркса: *рощами,* 190), *уголок* (10; изд. Маркса: *угол,* 195), *хлыстом* (11; изд. Маркса: *хлыстиком,* 196), *свеча* (38; изд. Маркса: *свечка,* 226), *комнатку* (95; изд. Маркса: *комнату,* 289), «пошли ко мне *Палашку*» (121; изд. Маркса: *Палашу,* 317), *столом* (150; изд. Маркса: *столиком,* 348). Не считаем необходимым увеличивать количество подобных примеров; заметим только, что полный текст и весь характер его исправлений не оставляют сомнения в том, что изменения явились следствием небрежного набора и слабой корректуры. Издатели совершенно не учитывали большого значения употребления подобных форм для тона рассказа. Если в недавние времена горничную девушку называли ласкательным именем *Палаша,* то для помещицы 40-х годов, Марьи Дмитриевны Калитиной, это совсем лишняя нежность и никак не соответствует той эпохе, когда помещицы постарше и дворянских дочерей называли просто «девками», как это мы находим в речи старушки Пестовой, обращенной к Лизе Калитиной: «Что это вы все, молодые *девки,* за непоседы за такие?» (Современник, 1859, I, 95).

Грубым искажением отличается следующий текст:

«Лаврецкий глядел... на длинные межи, заросшие чернобыльником, полынью и полевой *рябинкой*» (Современник, 1859, I, 58; изд. Маркса, III, 248; «полевой *рябиной*»; 1883, III, 232; 1930, V, 177). *Рябинка* — травянистое растение заменено *рябиной* — деревом.

Из неточностей в передаче видовых и других глагольных образований отметим в «Записках охотника»:

«— Жена моя к ней [девочке] просто *пристращается...*» (Современник, 1847, V, 139; изд. Маркса, I, 24: «просто к ней *пристращивается*»; 1852, I, 48; 1883, II, 28).

«Он меня не *расслышал*» (Современник, 1847, X, 210; изд. Маркса, I, 152: «не *расслушал*»; 1852, I, 282; 1883, II, 172; 1929, I, 134). Поправка оправдывается рукописью, но текст «Современника» все-таки лучше. См. замечание об этих формах в Словаре Даля.

В романе «Дворянское гнездо», по тексту «Современника» (1859, I), находим: «[отец Паншина] *позаботился о* его [сына] воспитании» (12; изд. Маркса: *заботился,* 196), «[Маланья] *привязалась* к Ивану Петровичу всей силою души, как только русские девушки умеют *привязываться*» (29—30; изд. Маркса: «умеют *привязаться*», 216; так же в изд. 1883 г., III, 195), «Сам Петр Андреич желал *увидеть* своего сына» (35; изд. Маркса: *видеть,* 222), «Никогда еще оно [сердце] так сильно не *билось*» (42; изд. Маркса: *забилось,* 230), «Голос ее [Лизы] *начинал* прерываться» (72; изд. Маркса: «*начал* прерываться», 264), «[Михалевич] *сравнил* себя с птицей небесной» (78; изд. Маркса: *сравнивал,* 270), «Он *вспоминал,* как, возвращаясь домой и думая о ней, в *тишине ночи,* он говорил самому себе» (93; изд. Маркса: «*вспомнил*... в *тиши* ночи», 287), «Когда же ей случалось *остаться* с ним наедине» (98; изд. Маркса: *оставаться,* 292), «Марья Дмитриевна ... хвасталась перед Лаврецким, что она одна *воспитала* детей своих» (109; изд. Маркса: *воспитывала,* 304), «Не *заслуживала* она [Лиза] такого униженья» (122;

изд. Маркса: не *заслужила,* 318), «Марья Дмитриевна *выигрывала* и была в духе» (129; изд. Маркса: *выиграла,* 326), «Варвара Павловна *показала* себя большой философкой» (132; изд. Маркса: *показывала*, 328).

Подобным образом подменяются причастия прошедшего времени причастиями настоящего.

«А ухо его уже ловило стук *приближавшихся* колес» (Русский вестник, 1862, 476; 1862, II; изд. Маркса, II, 6: *приближающихся*; 1883, IV, 196).

«Из *проезжавших* мимо дрожек выскочил человек небольшого роста» (Русский вестник, 1862, 530; изд. Маркса, II, 66: «из *проезжающих* мимо дрожек...»; 1862, 94; 1883, IV, 266).

«За церковью тянулось в два ряда длинное село с кое-где *мелькавшими* трубами над соломенными крышами» (Русский вестник, 1862, II, 546; 1862, 119; изд. Маркса, И, 83: «*мелькающими* трубами»; 1883, IV, 286; 1930, VI, 256).

VII

Дальше обращаем внимание уже на более или менее сознательные отступления издателей от авторского текста вследствие иной оценки представленных у автора форм фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразования и лексических словоупотреблений. В большей части случаев эти переоценки форм богатого и свободного языка И.С. Тургенева и их исправление являются не чем иным, как возложением авторского языка на прокрустово ложе школьной грамматики, а иногда и простым произволом, который нельзя даже оправдать никакой грамматикой.

В отношении к фонетике язык И.С. Тургенева отличается относительно правильными чередованиями предлогов на старое орфографическое ъ (*въ, изъ, надъ, подъ, съ*) с теми же предлогами на *о* (*во, изо, надо, подо, со*). Согласно с историей языка и живым словоупотреблением формы на *о* находятся у нашего

писателя обычно перед слогом с так называемым беглым *о*[142], когда оно выпало; это употребление по типу: *в сон — во сне*. Позднейшие тексты Тургенева не сохраняют авторских словоупотреблений этого типа. Корректоры или не понимали условий происхождения и употребления данных двух рядов предлогов, или руководствовались ложным правилом, что предлоги на *о* употребляются перед всякими группами согласных, независимо от их происхождения. Таким образом, правильные авторские употребления на *о* заменялись неправильными на ъ, т.е. с уничтожением ъ на согласные, ему некогда предшествовавшие.

«*Во* ста шагах от мельницы...» (Современник, 1847, V, 135; 1852, I, 41; изд. Маркса, I, 21: «*в* ста шагах»; 1883, II, 23).

«Ходил он и двигался *безо* всякого шуму» (Современник, 1848, II, 151; 1852, I, 61; изд. Маркса, I, 31: «*без* всякого»; 1883, II, 36).

«Волосы [Лемма] приподнялись *надо* лбом» (Современник, 1859, I, 67; изд. Маркса, III, 258: «*над* лбом»; 1883, III, 244).

С другой стороны, формы на *о* устанавливались без достаточных оснований там, где их у автора не было.

«Половой, длинный и сухопарый малый лет двадцати, *с* сладким носовым тенором...» (Современник, 1848, II, 174; изд. Маркса, I, 191: «*со* сладким носовым тенором»; 1852, II, 45; 1883, II, 216).

«Лиза готовилась *к* встрече с его женою» (Современник, 1859, I, 125; изд. Маркса, III, 322: «*ко* встрече»; 1883, III, 322).

«— Да ты посмотри на себя, что ты сделала *с* своим лицом?..» (Современник, 1859, I, 151; 1883, III, 355; изд. Маркса, III, 349: «*со* своим»).

«Василий Иванович живо вскочил *с* скамейки» (Русский вестник, 1862, II, 589; 1862, 186; 1883, IV, 342; изд. Маркса, II, 132: «со скамейки»).

Отметим также, что форма *вочию* как разговорная совершенно уместно стояла в следующем тексте, — исправлять ее на книжную *воочию* не было необходимости.

---

[142] Точнее — перед выпавшими древними глухими ъ и ь.

«— Горничным ее девушкам не житье, просто рай *вочию* совершается» (Современник, 1847, V, 138; 1852, I, 47; изд. Маркса, I, 24: «рай *воóчию*»*;* 1883, II, 27).

VIII

В числе фактов, определяющих сильное влияние живой речи на литературный язык И.С. Тургенева, особенного внимания заслуживают многочисленные формы существительных на *-ье*, при немногих книжных на *-ие.* Тургенев, подобно В.И. Далю, отдавал явное предпочтение формам на *-ье*, что несомненно обнаруживается в первопечатных его изданиях, но более или менее последовательно уничтожается в дальнейших. Вот примеры не сохранившихся форм на *-ье* из первых 20 глав романа «Дворянское гнездо» в издании 1859 г.: *к несчастью* (10), *выраженьем* (15), *позволенья* (31), *о рожденьи* (33), *в теченье* (34), *недоуменье* (35), *именья* (36), *воображенье* (38), на своем... *наречьи* (39), *отчаянье* (40), *нетерпеньем* (41), *мгновенье* (46), *счастьем* (47), *оцепененья* (51), *объясненья* (52), *подобострастья* (55).

Замена разговорных форм данного рода на *-ье* книжными формами на *-ие* далеко не является особенностью текста, изданного Марксом. Явное господство книжных образований на *-ие* отличает уже и последнее посмертное издание, подготовлявшееся, но не вполне подготовленное к печати самим автором. Многочисленные примеры подобных переделок из других произведений не считаем нужным здесь приводить. Но не можем оставить без внимания некоторые примеры обратных переделок: замены полых форм на *-ие* и *-ию* сокращенными на *-ье* и *-ью*: *жужжание* мух (Современник, 1859, I, 63; в изд. 1883 г., III, 239: *жужжанье*; то же в изд. Маркса, III, 253), *дерзостию* (Русский вестник, 1862, II, 520; в издании 1883 г., IV, 253: *дерзостью*; то же в изд. Маркса, II, 55), *грустию* (Русский вестник, 1862, II, 526; изд. 1883 г., IV, 261; изд. Маркса: *грустью*, II, 61), *обязанностию* (Русский вестник, 1862, II, 526; изд. 1883 г., IV, 262; изд. Маркса: *обязанностью*, II, 62), *шлепание* туфель (Рус-

ский вестник, 1862, II, 580; изд. 1883 г., IV, 330; изд. Маркса: *шлепанье*, II, 122), *неподвижностию* (Русский вестник, 1862, II, 580; изд. 1883 г., IV, 331; изд. Маркса: *неподвижностью*, II, 122).

Такие изменения текста явно доказывают, что при издании Сочинений И.С. Тургенева мало сохранялся подлинный язык и орфография автора и установленный им текст подвергался довольно беспринципной переделке. Лично И.С. Тургенев до конца своей жизни сохранил расположение к формам на *-ье*, что доказывает, например, рукописный текст «Стихотворений в прозе», где находим: *негодованьем* (Услышишь суд глупца; в изд. 1883 г., IX, 544: *негодованием*), *свиданье* (Довольный человек; в изд. 1883 г., 545: *свидание*), *выраженьем* (Роза; в изд. 1883 г., 562: *выражением*), *нетерпенье* (Necessitas — Vis — Libertas; в изд. 1883 г., 566: *нетерпение*), *движеньем* (Щи; в изд. 1883 г., 569: *движением*), *в теченьи* (Эгоист; в изд. 1883 г., 575: *в течение*) и т.п.

Обратим, между прочим, внимание на формы творительного падежа имен существительных и прилагательных женского рода на *-ою* и на *-ой*, которые ни теория, ни практика нисколько не регламентируют и которые, кажется, И.С. Тургенев мог бы употреблять совершенно свободно, по своему чутью и вкусу. Нет! Если его первоначальный текст дает форму на *-ой*, то она в последующих изданиях принимает окончание *-ою,* и наоборот. Вот ряд примеров из издания Маркса, которые представляют такие переделки сравнительно с первым изданием: *знакомою* (III, 217), *ненавистною* (218), *женою* (218), *жестокою* (220), *какою* (221), *обычною своею* (244), *птицею* (II, 74), *прежней* (115), *собой* (144), *собою* (145) и под. Два последних примера прекрасно показывают произвольность подобных поправок, в которых все делается наперекор автору!

Также совершенно невинно употребление автором разговорных форм сравнительной степени на *-ей*, но тяжелая рука корректоров исправляет их на книжный лад. Отметим в романе «Дворянское гнездо» по изданию Маркса: *поскорее* (222) вместо

поскорей (Современник, 1859, I, 35), *потяжелее* (224) вместо *потяжелей* (37); также в романе «Отцы и дети» по тому же изданию: *значительнее* (76) вместо *значительней* (Русский вестник, 1862, II, 539).

Немало искажений имеет текст Маркса и предыдущие также в передаче категории числа в именах и глаголах.

Например, в «Записках охотника»:

«— Ведь я тебя спрашиваю, любезный мой, — спокойно продолжал Аркадий Павлыч, не спуская с него *гла́за*» (Современник, 1847, X, 199; изд. Маркса, I, 138: «Ведь я тебя спрашиваю, любезный мой? — спокойно продолжал Аркадий Павлыч, не спуская с него *глаз*» (1852, I, 257; 1883, II, 157; 1929, I, 123). Поставленный здесь знак вопроса не имеет смысла. У автора единственное число вместо множественного в утвердившемся метонимическом обороте.

«Аркадий Павлыч нахмурился, закусил *губу* и подошел к просителям» (Современник, 1847, X, 206; 1883, II, 166; изд. Маркса, I, 147: «закусил *губы*». Действие фактически невозможное!).

«Кучера [Леночкина]... не только вытирают хомуты и армяки чистят, но и самим себе *лица* моют» (Современник, 1847, X, 198; изд. Маркса, I, 137; «*лицо* моют», 1852, I, 255; 1883, II, 155).

«— *Беспорядков* в доме терпеть, однако же, нельзя» (Современник, 1847, V, 140; изд. Маркса, I, 26: *беспорядок*, 1852, I, 50; 1883, II, 29; 1929, I, 28).

В тексте «Дворянского гнезда» по «Современнику» имеем: «Судя по выражению его потупленного лица и *движениям* плечей...» (15; изд. Маркса: *движению*, 200). «Лаврецкий не отводил *взора* от поразившей его девушки» (43; изд. Маркса: *взоры*, 231). «К ранней обедне не *пошли*[143], а к поздней пойдете» (56; изд. Маркса: «не *пошла*», 246). «Лаврецкий не мог оторваться от *созерцания* этой уходящей... жизни» (64; изд. Маркса: «от *созерцаний*», 254). «И сама Лиза не такого рода *чувства* воз-

[143] Множественное вежливости.

буждала» (101; изд. Маркса: *чувство,* 295). «Марья Дмитриевна «*почивали*»[144], — так доложил лакей» (113; изд. Маркса: «*почивала*», 309) и т.п.

IX

Подобным образом имеем подмену одних синтаксических оборотов другими, чаще всего по простому непониманию текста, иногда по небрежной его передаче.

«— Вы были тогда *ребенком*» (Современник, 1859, I, 22; изд. Маркса, III, 208: «Вы были тогда *ребенок*»; 1883, III, 185; 1930, V, 143).

«Система» сбила с толку мальчика, поселила путаницу в его *голову*, притиснула ее» (Современник, 1859, I, 39; изд. Маркса, III, 227: «в его *голове*»; 1883, III, 208; 1930, V, 159).

«— К ногам *графу* большой серебряный таз поставят с водой» (Современник, 1847, V, 153; изд. Маркса, I, 65: «к ногам *графа*»; 1852, I, 123; 1883, II, 73; 1929, I, 60).

«Феничка вскочила со стула, на котором она уселась со своим ребенком, и, передав его на руки *девушке...* торопливо поправила свою косынку» (Русский вестник, 1862, 503; изд. Маркса, II, 36: «передав его на руки *девушки*»; 1883, IV, 231; 1930, VI, 216).

«— Да вспомни его воспитание, время, в *которое* он жил» (Русский вестник, 1862, 501; изд. Маркса, II, 35: «время, в *котором* он жил»; 1883, IV, 230; 1930, VI, 215).

«Вошла Феничка с Митей на руках. Она надела на него красную рубашечку с галуном на вороте, причесала *ему* волосики и утерла лицо» (Русский вестник, 1862, 505; изд. Маркса, II, 38: «причесала *его* волосики»; 1883, IV, 234; 1930, VI, 218).

«— Вот, вот чем увлекается молодежь, вот *чем* покоряются неопытные сердца мальчишек!» (Русский вестник, 1862, 521; 1883, IV, 255; изд. Маркса, II, 56: «*чему* покоряются»).

---

[144] Множественное вежливости.

«Базаров поместился в *тарантас* (Русский вестник, 1862, 574; изд. Маркса, II, 115: «Базаров поместился в *тарантасе*»*;* 1883, IV, 323; 1930, VI, 283). Разные оттенки значения: 1) влез, сел, 2) уселся, расположился.

«Катя по-прежнему не поворачивала *голову*» (Русский вестник, 1862, 639; изд. Маркса, II, 189: «не поворачивала *головы*»*;* 1883, IV, 408; 1930, VI, 345).

«Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже *залитого* мраком» (Современник, 1848, II, 166; изд. Маркса, I, 171: «уже *залитыми* мраком»; 1852, II, 6; 1883, II, 193; 1929, I, 150).

«— Народу *сбежалось* тьма-тьмущая!» (Современник, 1847, V, 154; 1883, II, 74; изд. Маркса, I, 65: *сбежалась*).

«У залива... *сидело* ко мне спиной два старика» (Современник, 1848, II, 149; изд. Маркса, I, 29: «*сидели,* ко мне спиной, два старика»; 1852, I, 56; 1883, II, 33).

«Два больших горшка *стояло* возле печки» (Современник, 1848, II, 167; изд. Маркса, I, 173: *стояли*; 1852, II, 8; 1883, IV, 195; 1929, I, 151).

«Калитка заскрипела, несколько щенков дружно *залаяло*» (Современник, 1848, II, 167; 1883, II, 194; изд. Маркса, I, 172: *залаяли*; 1852, II, 7; 1929, I, 151).

«Ее самолюбие было глубоко уязвлено тем, что ни тот ни другой не *обратили* на нее внимания» (Русский вестник, 1862, 541; изд. Маркса, II, 78: «не *обратил*»; 1883, IV, 281).

Почти все эти исправления основаны на непонимании синтаксических оборотов, употребленных автором, и замене их другими, более шаблонными. Есть «исправления» и прямо неграмотные, как следующее:

«— Я могу тебе теперь повторить, — говорил, лежа в *постели,* Аркадий Павлыч Базарову, который тоже разделся, — то, что ты мне сказал однажды...» (Русский вестник, 1862, II, 572; 1862,159; 1883, IV, 319—320; изд. Маркса, II, 112: «лежа *на постели*»).

X

Кроме указанных выше (в отделах VI и VIII нашей статьи), довольно многочисленны и другие переделки первоначального текста в области словообразования.

«Еще свежо, но уже чувствуется близость *жара*» (Современник, 1849, II, 311; 1852, II, 302; изд. Маркса, I, 398: «близость *жары*»*;* 1883, II, 452).

«Появились *новые мебели* из Москвы; завелись *плевальницы*, колокольчики, умывальные столики» (Современник, 1859, I, 37; изд. Маркса, III, 224: *новая мебель... плевательницы;* 1883, III, 204; 1930, V, 157).

«В Колотовке, как и во многих других степных деревнях, мужики, за неимением ключей и *колодезей*, пьют воду из стоячего пруда» (Современник, 1859, XI, 99; изд. Маркса, I, 235: *колодцев;* 1852, II, 126; 1883, II, 264). *Колодезь* — чисто русское слово, широко распространенное в живом русском языке, нередкое и в литературе, особенно в середине прошлого столетия. По-видимому, поправка в издании 1852 г. сделана чужою рукою. Тургенев несомненно форму *колодезь* считал вполне литературной. Ср.: «Возле небольшой сажелки... виднелся *колодезь*, окруженный лужицами» (1852, I, 98; 1883, II, 59; изд. Маркса, I, 51: *колодец*). «Хромой старик... оторвал недопоенную лошадь от *колодезя*» (1852, I, 262; 1883, II, 160; изд. Маркса, I, 141: *от колодца*).

«А *Порьку* Переходова забыл? кто за него хлопотал?» (Современник, 1847, V, 162; очевидно от имени *Порфирий*; изд. Маркса, I, 74: «*Борьку* Переходова»; 1852, I, 139; 1883, II, 83). Здесь, конечно, возможно, что сам автор заменил малоупотребительное имя другим, более известным, а может быть, корректор издания 1852 г. (Кетчер) исправил от себя, думая, что это описка или опечатка вместо *Борька.*

«Вечерний холод еще сильнее стискивал *недвижный* воздух» (Русский вестник, 1862, 659; 1862, 297; изд. Маркса, II, 211: «*недвижимый* воздух»; 1883, IV, 434; 1930, VI, 364).

«Таскался по *кофейным*, читал журналы» (Современник, 1849, II, 284; 1852, II, 239; 1883, II, 335; изд. Маркса, I, 207: «таскался по *кофейням*»).

«В спальне возвышалась узкая кровать под пологом... Рядом с *спальней* находилась образная...» (Современник, 1859, I, 60—61; изд. Маркса, III, 251: «Рядом с *спальной*»; 1883, III, 236; 1930, V, 180).

«Ямщик в низкой шляпе, обвитой *павлиным* пером... искал коренника» (Современник, 1848, II, 176; изд. Маркса, I, 192: «*павлиньим* пером»; 1852, II, 47; 1883, II, 218; 1929, I, 169). Ср.: «Лошадьми правил... молодой щеголь-ямщик в синей поддевке без рукавов и желтой канаусовой рубахе, в низкой поярковой шляпе с *павлиным* пером вокруг тульи» (Лунин и Бабурин, гл. II; 1883, IX, 265; 1930, X, 91).

«Я, медленно передвигая ноги ... *подымался* вдоль Колотовского оврага» (Современник, 1850, XI, 99; 1852, II, 125; изд. Маркса, I, 234: *поднимался*; 1883, II, 263—264).

«— Чего? — *прошамкал* он сиплым голосом» (Современник, 1847, X, 210; изд. Маркса, I, 152: *прошамшил;* 1852, I, 282; 1883, II, 172; 1929, I, 134).

«Федор Михеич... пустился в пляс, напевая песенку и *пилюкая* по струнам» (Современник, 1847, V, 143; изд. Маркса, I, 53: «*пиликая* по струнам»; 1852, I, 100; 1883, II, 60; 1929, I, 50).

«Легко *подраненные* [утки] ныряли» (Современник, 1847, V, 173; изд. Маркса, I, 87: *пораненные*; 1852, I, 164; 1883, И, 99; 1929, I, 79).

«— От *подрубки* лес гуще не вырастает» (Современник, 1847, X, 206; 1852, Л, 271; 1883, II, 166; изд. Маркса, I, 146: *от порубки*). Разные значения: 1) хозяйственное удаление части леса, 2) воровское.

«Он слегка *оперся* руками в бока и остановился предо мною» (Современник, 1848, II, 168; изд. Маркса, I, 173: «*уперся* руками в бока»; 1852, II, 9; 1883, II, 196; 1929, I, 152).

«[Арина Власьевна] не ела ни телятины, ни голубей... ни арбузов, потому что *взрезанный* арбуз напоминает голову Ио-

анна Предтечи» (Русский вестник, 1862, 585; 1883, IV, 337; изд. Маркса, II, 127: «*изрезанный* арбуз»; 1930, VI, 293).

«Арина Власьевна до того переполошилась и *взбегалась* по дому, что Василий Иванович сравнил ее с “куропатицей”» (Русский вестник, 1862, 645; 1883, IV, 416; изд. Маркса, II, 195: «*избегалась* по дому»).

«Жаворонки звонко поют, *передрассветный* ветер подул...» (Современник, 1849, II, 310; 1852, II, 301; изд. Маркса, I, 397: «*предрассветный* ветер»; 1883, II, 451).

«Голос старика *перервался*» (Русский вестник, 1862, 655; 1883, IV, 429; изд. Маркса, II, 206: *прервался*).

В «исправлениях» текстов этого отдела следует обратить особое внимание на имена прилагательные, означающие отчества. Нужно признать совершенно недопустимой переделку отчественных имен, которые у Тургенева часто имеют сокращенные формы на *-ыч*, *-вна* (*Иваныч, Николавна*), на книжные: *Иванович, Николаевна.* Эта переделка в широких размерах проводилась в последующих изданиях текстов И.С. Тургенева, вопреки истории языка и быта, вопреки первопечатным текстам, вопреки рукописям, из которых рукопись самого позднего романа «Новь», изображающего относительно близкую к нам эпоху, нередко дает сокращенные формы отчественных имен. Ср. в «Современнике», 1859, I: «Я показала Владимиру *Николаичу* вашу кантату» (22; изд. Маркса: *Николаевичу*, 207); «Федор *Иваныч* Лаврецкий... происходил от старинного дворянского племени» (26; изд. Маркса: *Иванович*, 212). Или в «Русском вестнике», 1862, II: «Федосья *Николавна*» (490; изд. Маркса: *Николаевна*, 22), «Евгений *Васильичъ*» (559; изд. Маркса: *Васильевич*, 98), «Василий *Иванычъ*» (578; изд. Маркса: *Иванович*, 120), «Катерина *Сергевна*» (629; изд. Маркса: *Сергеевна*, 177), «Анну *Сергевну*» (629; изд. Маркса: *Сергеевну*, 177).

Такое беспринципное выравнивание вариантов, имеющих стилистическое значение, портит оттенки словоупотреблений и вместе со многими аналогичными поправками обращает живо-

писную авторскую картину в схематический, неотделанный карандашный рисунок.

Корректоры, исправлявшие текст Тургенева, не заметили того, что полные и сокращенные отчества употребляются согласно с существующими обычаями, в зависимости от общественного положения и взаимных отношений лиц. Важная светская дама Одинцова и автором и всеми другими обычно называется полным отчеством. Даже Базаров, мало церемонный в обращении, почти всегда говорит ей: «Анна *Сергеевна*» (Русский вестник, 561, 566, 567, 568, 570, 635 и др.), и лишь изредка решается сказать: «Анна *Сергевна*» (564, 636, 642, 657; последнее в предсмертной беседе). Одинцова называет обыкновенно Базарова: «Евгений *Васильичъ*» (548, 561, 567, 570 и др.), изредка: «Евгений *Васильевичъ*» (560; кажется, в виде особой любезности). Слуга Петр говорит совсем по-лакейски: «Евгений *Василичъ*» (617; изд. Маркса: *Васильевич*, 163). Павел Петрович Кирсанов ни разу не удостоил Базарова названием по имени и отчеству; он говорил ему только: *вы*, а в случаях особенного раздражения: *милостивый государь* (516, 520). Аркадий Кирсанов, установивший интимные отношения с Катей Одинцовой, называет ее *Катерина Сергевна* (629, 632, 638, 641). Приведением данных форм в «правильный» однообразный вид стираются все указанные и подобные оттенки значений и отношений.

XI

Более естественны, но тем не менее спорны и мало желательны в «научном» издании исправления некоторых орфографических форм, характеризующих язык и правописание середины прошлого века, но вышедших из обращения в последующее время.

Таковы, например, в романе «Дворянское гнездо» по изданию Маркса (III); *скрипу* (192), *скрипнула* (299) вместо *скрипу, скрипнула* (Современник, 1859, I, 8, 105), *поцеловав* (192) вмес-

то *поцаловав* (8), *табакерка* (246) вместо *табатерка* (57), *амбарик* (249), *амбара* (253) вместо *анбарчик* (59), *анбара* (63), *восемьдесят* (255) вместо *восемьдесятъ* (65), *Бетховен* (258) вместо *Бетговен* (67), *гриб* (268) вместо *грыб* (76), *кряхтя* (278) вместо *крехтя* (85), *выйдет* (279) вместо *выдет* (86), *фамильярной* (29) вместо *фамилиарной* (97), *мимо него* (309) вместо *мимо его* (113). Также в тексте «Отцов и детей», по изданию Маркса (II, 3—216) и по изданию «Русского вестника» (1862, II, 473—663), оказываются подобные подновления правописания: *серьезные* (5) вместо *сериозные* (475), *двухместная* (8) вместо *двуместная* (477), *пожалуйста* (8, 9 и далее постоянно) вместо *пожалуста* (477, 478), *этакие* (17), *этак* (28) вместо *эдакие* (486), *эдак* (496; в разговорной речи у автора последовательно с *д*, по произношению), *латинского* (23) вместо *латинского* (491; в речи Павла Петровича Кирсанова), *в течение* (25) вместо *в течении* (493; у Тургенева обычно в этой форме), *материалисты* (27) вместо *материялисты* (495), *Людовика-Филиппа* (34) вместо *Лудовика-Филиппа* (501), *галстук* (65) вместо *галстух* (529), *гениальный* (70) вместо *генияльный* (534), *покамест* (84) вместо *покаместь* (546), *наизусть* (85) вместо *наизуст* (547), *пойти* (89) вместо *пойдти* (551), *фортепиано* (90, 104, 105) вместо *фортепьяно* и *фортепияно* (551, 564, 565), *запряг* (115) вместо *запрег* (574), *корельской березы* (121) вместо *карельской березы* (579), *прощелыг* (171) вместо *прощалыг* (623) и т.п.

Еще менее осторожно исправление форм: *отсталой* (Русский вестник, 1862, II, 496) на *отсталый* (изд. Маркса, II, 28; 1883, IV, 222), *толожон...* придел» — в речи крестьянина (там же, 646) на *положен* (изд. Маркса, II, 197; 1883, IV, 418), так как первоначальные формы показывают ударение на окончании. Но, вероятно, сам автор когда-то исправил *раздал* (Современник, 1859, I, 98) на *роздал* (изд. Маркса, III, 292; 1883, III, 289).

Весьма показательны для характеристики неумелой корректорской работы над текстами И.С. Тургенева случаи замены безукоризненно правильной орфографии первоначального текста сомнительными подновлениями позднейшего времени,

а иногда и простой безграмотностью. Например, в «Записках охотника»:

«— Да ведь вы знаете, Гаврила Антоныч, осень *всклочит*, а как весна захочет» (Современник, 1847, X, 217; 1852, I, 295; изд. Маркса, I, 159: *всклочет;* 1883, II, 180; 1929, I, 141).

«Воробьи... серыми тучами носились над зелеными *конопляниками*» (Современник, 1850, XI, 99; изд. Маркса, I, 235: *конопляниками* 1852, II, 126; 1883, II, 264; 1929, I, 203).

Вот еще несколько подобных примеров из «Дворянского гнезда»: «Мне хочется... *посоветоваться* с вами» (Современник, 1859, I, 16; 1883, III, 177, и Маркса, III, 201: *посоветываться*); «Он... *одеревенел*, как пальцы его *одеревенели*» (18; 1883, III, 179; в изд. Маркса, III, 203: *одеревянел, одеревянели*)*; анненской лентой* (45; 1883, III, 215; в изд. Маркса, III, 233: *аннинской лентой*); *подышете* (72; 1883, III, 252); *дышет* (109; 1883, III, 301; изд. Маркса: *подышите*, III, 264; *дышит*, III, 304); не «спится в чужой *постели*» (73; 1883, III, 253; в изд. Маркса, III, 264: «в чужой *постеле*»). То же в романе «Отцы и дети» по тексту «Русского вестника» (1862, кн. II): «Помогала отцу в его *шулерских* проделках» (543; 1883, IV, 283; в изд. Маркса, II, 8: *шуллерских*); «коли брюха не *отростил*» (575; 1883, IV, 324; в изд. Маркса, II, 116: *отрастил*).

XII

Понятны, конечно, особенно с школьной или обывательской точки зрения, и те поправки первоначального текста, в которых устраняются устаревшие морфологические, синтаксические и лексические словоупотребления[145]. Так, например, в «Записках охотника» исправлены формы: «ходил... в желтоватом нанковом кафтане немецкого *покрою*» (1852, I, 33; в изд. Маркса, I, 16: *покроя;* то же в изд. 1883 г., II, 18); «один [старик], довольно плотный и высокого *росту*» (1852, I, 57; в изд. Маркса, I, 29: *роста*;

[145] В издании строго научном, конечно, такие поправки недозволительны.

1883, II, 33); «толковали о посеве, об урожае, о крестьянском *быту*» (Современник, 1847, I, 58; в изд. 1852 г., I, 15 и в следующих: «о крестьянском *быте*»*;* «полочку для хлебца *устроивает*» (1852, I, 61; 1883, II, 36; в изд. Маркса, I, 32: *устраивает*). Ср. подобные исправления в тексте романа «Дворянское гнездо» по «Современнику» (VI, 1859): «постучав по нем для *страху* клюкою» (33; в изд. Маркса, III, 219: *для страха*; 1883, III, 199); «для смертного *часу* его матери... возвращает ему свое благословение» (34; в изд. Маркса, III, 221: *смертного часа;* 1883, III, 201); «домик... был выстроен... из прочного соснового *лесу*» (60; в изд. Маркса, III, 250: *леса;* 1883, III, 235); «табачного *цвету* фрак» (79; в изд. Маркса, III, 271: *цвета*; 1883, III, 261); «он сидел *в уголку*» (26; в изд. Маркса, III, 212: *в уголке;* 1883, III, 190); *заработывать* (16; в изд. Маркса, III, 201: *зарабатывать*; 1883, III, 177); *расстроивает* (28; в изд. Маркса, III, 215: *расстраивает*; 1883, III, 193); «брал уроки в *латинском языке*» (42; в изд. Маркса, III, 230: «уроки *латинского языка*»*;* 1883, III, 212); «выгоды *сахароварства*» (24; в изд. Маркса, III, 210: *сахароварения*; 1883, III, 188); «отец *преложит* гнев на милость» (31; в изд. Маркса, III, 218: *переложит*; 1883, III, 197); «он блаженствовал, *упоевался счастьем*» (47; в изд. Маркса, III, 235: *упивался счастьем;* 1883, III, 218); «Глафира Петровна... сама *припечатала* в газетах об уничтожении доверенности[146]» (52; в изд. Маркса, III, 242: *напечатала*; 1883, III, 225); «Лаврецкий не мог понять, чем он [голос] звучал: укоризной, или *самодовольствием*» (94; в изд. Маркса, III, 288: *самодовольством*; 1883, III, 281).

То же в романе «Отцы и дети», по тексту «Русского вестника» (1862, кн. 2): «вышел *из дому*» (487; в изд. Маркса, II, 19: *из дома;* 1883, IV, 211); «такие *плеча*» (541; в изд. Маркса, II, 78: «такие *плечи*»*;* 1883, IV, 280); «постучался в дверь *нумера*» (542; в изд. Маркса, II, 79: *номера;* 1883, IV, 281); *восьмнадцати* (548; в изд. Маркса, II, 85: *восемнадцати*, 1883, IV, 289); *стору*

[146] Старое словоупотребление, которое встречается и в письмах Тургенева, например в письме к И.И. Маслову, 30 апреля 1867 г.

(561; 1883, IV, 306; в изд. Маркса, II, 101: *штору); замужство* (563; в изд. Маркса, II, 103: *замужество;* 1883, IV, 308); *те развереди* ногу» (627; 1883, IV, 392; в изд. Маркса, II, 175: *не разбереди*).

Нельзя спорить против подобных поправок, если они сделаны самим автором. Но нам хорошо известно, что И.С. Тургенев нередко предоставлял обширные, прямо хозяйские права издателям его текстов, которые иногда передавали их корректорам типографий; но и первые, и последние не всегда стояли на высоте своей задачи. Доказательство этого мы уже видели в большом числе ошибок, искажающих текст знаменитого писателя иногда до полной нелепости. Присматриваясь к поправкам текста в рассматриваемой части, мы находим также случаи подведения изящной морфологии автора под узкий механический шаблон. Для нас несомненно, например, что Тургенев правильно отличал формы родительного падежа на *-а* от форм на *-у*, когда первые являлись определением к существительному: «тарелку холодного *супа*» (Современник, 1859, I, 40); «[в комнате Базарова] уже успел установиться какой-то медицинско-хирургический запах, смешанный с запахом дешевого *табака*» (Русский вестник, 1862, 502). В издании 1883 г. (III, 209): «тарелку холодного *супу*»*;* «запахом дешевого *табаку*» (IV, 230). Так и в издании 1930 г. (V, 160; VI, 215).

XIII

В числе недопустимых и, конечно, не авторских исправлений текстов Тургенева мы должны указать нередкие случаи переделки форм местной фонетики, морфологии и лексики. Здесь исправляется не только речь самого автора, но и те областные формы русского языка, которые Тургенев вкладывает в уста героев своего повествования.

Уже с XVIII в. мы знаем попытки авторов передавать в говоре представителей «народа» из крестьян и дворовых местную речь, тот или другой диалект (см., например, «Российский фе-

атр», комедии). Неисторично и нелитературно устранять провинциализмы из речи крестьян и дворовых у автора середины XIX в., что видим весьма нередко в текстах И.С. Тургенева, пользовавшегося иногда выразительными провинциализмами даже и в своей собственной речи. Вот несколько примеров неуместного корректорского усердия, основанных, конечно, на незнании и непонимании и русского областного языка, и прав литературного языка на использование в известных условиях провинциализмов.

«— Я его [мертвеца] тотчас на чужой-то клин и приказал стащить, пока *мóчно* было» (Современник, 1847, X, 204; 1852, I, 268; изд. Маркса, I, 144: *можно;* 1883, II, 163; 1929, I, 128).

«— Двух сыновей, батюшка, без очереди в некруты отдал, а *топеря* и третьего отнимает» (Современник, 1847, X, 207; изд. Маркса, I, 147: *теперя;* 1852, I, 274; 1883, II, 167; 1929, I, 130).

«— И живет-то купец по простоте, по *русському*[147], по нашинскому» (Современник, 1847, X, 216; 1852, I, 293; изд. Маркса, I, 158: *по-русскому*; 1883, II, 178).

«— Дай мне *пачпорт* — я оброк хороший взнесу» (Современник, 1847, X, 221; изд. Маркса, I, 164: *пашпорт*; 1883, II, 185). В издании 1852 г. (I, 303) *пашпорт* в речи Купри, московского портного, но *пачпорт* в словах местного дворового. Позднее это различие сглажено (см. изд. 1883 г., II, 185—186). Обратно, в издании 1929 г. (I, 144): у Купри — *пачпорт*, у дворового — *пашпорт*. Сохранившаяся рукопись в обоих случаях дает *пачпорт*.

«— Вот вам и француз, и на *фортопьянах* играет. — Ну, мусье, продолжал он, указывая на дрянные *фортепьянишки*» (Современник, 1847, V, 165; 1852, I, 145; изд. Маркса, I, 77: *фортепианах, фортепианишки*). Ср. издание 1883 г. (II, 88), где

[147] В настоящее время в области акающих говоров мы, кажется, уже не имеем таких произношений, но во времена Тургенева они, очевидно, были; в окающих они наблюдаются и теперь довольно часто.

стилистическое различие речи автора и деревенского помещика уничтожено. То же в издании 1929 г. (I, 71).

«— К нему, бывало, первые, можно сказать, особы *из Петербурха* заезжали» (Современник, 1848, II, 154; изд. Маркса, I, 34: *из Петербурга*; 1852, I, 66; 1883, II, 39; 1929, I, 35).

«— Белые волки по земле побегут... *хичная* птица полетит» (Современник, 1851, XI, 333; 1852, II, 200; изд. Маркса, I, 107: *хищная;* 1883, II, 121).

«— [Управляющий] приходил к нему жаловаться, что работник Фома "*либоширничает*" и от рук отбился» (Русский вестник, 1862, 493; изд. Маркса, II, 25: «*дибоширничает*»; 1883, IV, 219; 1930, VI, 207).

«— Восемь *рублев*, проговорил с расстановкой толстяк» (Современник, 1847, X, 216; изд. Маркса, I, 159: «восемь *рублей*»; 1852, I, 294; 1883, II, 180; 1929, I, 140).

«— *Ничего* меня так не оскорбляет, смею сказать... как неблагодарность» (Современник, V, 139; изд. Маркса, I, 25: «*ничто* меня так не оскорбляет»; 1852, I, 49; 1883, II, 29; 1929, I, 27).

«— Кому теперь есть, говорит, наступило *светопрестановление*» (Современник, 1851, II, 333; изд. Маркса, I, 107: *светопреставление;* 1852, I, 200; 1883, II, 120).

«— Самовар бы я [говорил Бирюк] вам *наставил,* да чаю у меня нету» (Современник, 1848, II, 169; изд. Маркса, I, 175: «Самовар бы я вам *поставил...*» 1852, I, 11; 1883, II, 197; 1929, I, 153). Ср. в речи автора: «Работник на траве подле реки *наставил* самовар» (1852, I, 41; 1883, II, 24; изд. Маркса, I, 21).

Если такое нелитературное словоупотребление сохранилось во всех изданиях в речи автора, то вряд ли он сам исправил его в речи крестьянина. По современному состоянию текстов выходит, что крестьяне в «Записках охотника» говорят более литературно, чем автор.

Изучая редакцию «Записок охотника» в первом отдельном издании (М., 1852, в двух частях), приходим к заключению, что в этом издании встречается немало неудачных исправлений того

текста, который был напечатан в «Современнике». Язык первопечатного текста свободен, смел, размашист: это живая речь. Язык исправленного текста связан, робок, так сказать, «закован»; это язык книги, отзывающийся школьной, семинарской чистотой и правильностью. Мы видим, что эту правильность редактор издания 1852 г. вносит даже в речь героев Тургенева (Бирюк говорит: «*поставил* самовар» вместо первоначального *наставил*; крестьянин, жалующийся Пеночкину, говорит *теперя* вместо *топеря*; дворовый Туман говорит *из Петербурга* вместо *из Петербурха;* конторщик: *восемь рублей* вместо *рублев* и т.п.). Автор и в своей речи не боялся живых словоупотреблений, и едва ли стал бы переделывать *прошамкал* на *прошамшил, пилюкал* на *пиликал, судно накренилось* на *судно наклонилось, павлиным пером* на *павлиньим пером, слегка оперся руками в бока* на *уперся* (что совсем нехорошо при слове *слегка*), *несколько щенков дружно залаяло* на *залаяли* и т.п. Так как некоторые поправки решительно невозможно приписать самому автору, то нужно предположить, что над текстом «Записок охотника» в издании 1852 г. поработала какая-то другая, смелая, но не очень умелая рука, вероятно дружеская. Издание выходило в отсутствие автора, высланного в село Спасское без права въезда в столицы. Уполномоченным по изданию «Записок охотника» 1852 г. был Н.Х. Кетчер. Он, конечно, следил и за корректурами; он, вероятно, и приложил свою довольно тяжелую руку к тексту этого издания. Н.Х. Кетчер мог, пожалуй, изменить: «Ермолай *пек* в золе картофель» на: «*жарил* в золе картофель» («Ермолай и мельничиха»), но сам И.С. Тургенев, конечно, не допустил бы такой поправки.

Особенности произношения, морфологии, синтаксиса, словообразования и лексики, характерные для местного говора, — живые художественные краски авторских картин. Уничтожение их свидетельствует о малой образованности тех лиц, которым поручалось орфографическое оформление текстов И.С. Тургенева.

XIV

Автор был так внимателен и к живому местному и к литературному языку, обнаруживал столько тонкой наблюдательности в отличии его особенностей, что существовавшие в его время слишком элементарные средства печатной техники не всегда могли передавать его рукописный текст, например в области ударения. Так, в первопечатном тексте «Записок охотника» мы находим, например, иногда случаи постановки ударения слов, что совершенно почти изглаживается в последующих изданиях. Это не то ударение, которое в XVIII в. ставилось для отличения слов и форм: *по́том* и *пото́м, ру́ки* и *руки́* и т.п.; у Тургенева гораздо более необходимое ударение, указывающее, например, правильное произношение маленьких местных речек:

«...На болотистой речке *Росоте́* (Современник, 1847, V, 166; изд. Маркса, I, 79: без ударения; так уже с изд. 1852 г., I, 149).

«Кое-как дотащился я до речки *Исты́*» (Современник, 1848, II, 148; в изд. Маркса, I, 28: без ударения; так с изд. 1852 г., I, 56).

Также любопытны архаизмы ударения, сохранявшиеся в старшем поколении дворян и дворовых конца первой половины XIX в., показанные в первопечатных текстах «Записок охотника».

«— К старшему [сыну] ездят адмиралы, ко второму генералы, а к младшему все *а́гличане*» (Современник, 1847, V, 152; ср. народное *а́глицкий; изд. Маркс*а, I, 63: *агличане,* без ударения; 1852, I, 121; так и в следующих изданиях).

«— И ты все время был кофишенком? — Нет, не все время: был и *а́ктером*» (Современник, 1847, V, 171; изд. Маркса, I, 85: *ахтером;* 1883, II, 96; без ударения с издания 1852 г., I, 160).

«— Все к лучшему в здешнем мире, как сказал, кажется, *Во́лтер*, — поспешно прибавил он» [Радилов] (Современник, V, 147; 1883, II, 65; изд. Маркса, I, 57: *Вольте́р*). Поправка, замечательная по своей наивности.

Привычку ставить в некоторых случаях ударение для указания нужного произношения И.С. Тургенев сохранил, можно сказать, до конца своих дней. Любопытны ударения в рукописи «Стихотворений в прозе». Здесь указывается перенесение ударения на предлог в наречных выражениях: *со́ слепу, по́ слуху* (л. 3), *сверху до́ низу* (л. 33), *и́зжелта серый* (л. 33), в обороте: *горько ему было на́ сердце* (л. 23).

Южновеликорус по рождению, И.С. Тургенев отлично усвоил московское литературное произношение и в отношении к ударению слов. Иногда он считает необходимым показать и читателю и чтецу то литературное ударение, от которого так часто отступают представители южных русских говоров. Так, на листе 23 «Стихотворений в прозе» Тургенев дает с ударением слово *ро́здал* (на юге говорят: *раздал́*), на листе 47 мы видим с ударением форму *на́ небе* (на юге произносят: *на не́бе*). Следует вообще заметить, что указания ударений в рукописях Тургенева нередкое явление, однако никак нельзя признать правильным приемом постановку ударений слова в печатном тексте там, где они не показаны в рукописях, что иногда делалось произвольно и без особой нужды.

Отметим и другую особенность в произношении И.С. Тургенева: удлинение *н* в окончании прилагательных. Рукопись «Стихотворений в прозе» дает форму *бешенный* в пьесе «Голуби»; она оказывается и в издании 1883 г. (IX, 584); в первопечатном тексте имеем обычное *бешеный*; так и в издании 1930 г. (IX, 324). См. также: «Достал себе слугу француза, ловкого и *смышленного* малого» (1883, VI, 111).

XV

Вопрос о знаках препинания в текстах И.С. Тургенева требует особенного внимания, но о нем мы будем говорить не очень много. Издатели, редакторы и корректоры считали И.С. Тургенева более или менее слабым в пунктуации и в большинстве случаев ставили знаки по собственному соображению и вкусу,

не считаясь ни с его рукописями, ни с примерами первопечатного текста. В этой части издания сам автор давал редакторам журналов, в которых печатались его сочинения, очень большие полномочия. «За знаки, особенно за тире, не отвечаю», — писал он Стасюлевичу (М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке, III, 92). Происшедшее от этого хозяйничанье в пунктуации корректоров разных типографий сообщило текстам И.С. Тургенева немало грубых ошибок, нередко совсем искажающих смысл текста. Вот несколько примеров.

«Ночуем здесь», сказал я, «на дворе. Ночь тепла»...» (Современник, 1847, V, 135; 1852, I, 41; изд. Маркса, I, 20: «Ночуем здесь», сказал я: «на дворе ночь теплая» ...»; (1883, II, 23; 1929, I, 23).

«Приехавши в Лаврики в самый разгар лета, она нашла дом грязным и темным» (Современник, 1859, I, 47; изд. Маркса, III, 235: «Приехавши в Лаврики, в самый разгар лета...»; 1883, III, 218; 1930, V, 166). Запятая после слова *Лаврики* поставлена чисто механически, без внимания к синтаксической связи слов.

Неискусной пунктуацией авторское наречие *да* превращается в союз: «*Да,* ведь она на все руки» (Современник, 1859, I, 139; изд. Маркса, III, 336: «*Да* ведь она на все руки»; 1883, III, 339; 1930, V, 254).

Обратно, союз делается наречием: «Вы... не предполагаете во мне художественного смысла, — *да* во мне действительно его нет». (Русский вестник, 1862, II, 549; 1883, IV, 290; изд. Маркса, II, 87: «да, во мне действительно его нет»).

Особенно несчастливы отступления от авторского текста в области обозначения интонаций. Приведу несколько примеров.

«Как Анна Павловна на смертном одре поцаловала руку Петра Андреича, так и она приложилась к Глафириной руке, поручая ей, Глафире! — своего единственного сына» (Современник, 1859, I, 35; изд. Маркса, III, 222: «поручая ей, Глафире, своего единственного сына»; 1883, III, 202; 1930, V, 155).

«— Помещик! — дворянин! и не знает, что́ делать!» (Современник, 1859, I, 77; изд. Маркса, III, 268: «— Помещик, дворя-

нин — и не знает, что́ делать!»; 1883, III, 258). В двух последних примерах И.С. Тургенев был совсем не понят и искажен. Такое же непонимание очевидно и в предыдущих случаях изменения знаков препинания. Даже необычное тире (—), за которое извинялся И.С. Тургенев перед М.М. Стасюлевичем, дает иногда большую отчетливость и выразительность тексту, и приходится пожалеть о его неразборчивом уничтожении, например, в следующем случае: «Воображение ее уносилось даже за пределы того, что́ по законам обыкновенной морали считается дозволенным; но и тогда кровь ее по-прежнему тихо катилась в ее обаятельно-стройном — и спокойном теле» (Русский вестник, 1862, II, 553—554; 1862, 131). Уничтожение тире (см. изд. 1883 г., IV, 296) лишает текст весьма выразительного штриха, данного замечательным художником речи. Здесь *и* значит *но* и показывает противоположение, неожиданность, что́ могло бы быть выражено также многоточием перед *и* или после *и*, а никак не уничтожением знака препинания.

Наша аккуратная синтаксическая расстановка знаков препинания иногда не помогает, а мешает пониманию текста, и во времена Тургенева еще заботились больше о выражении смысла текста, чем о механическом соблюдении правил пунктуации. Вот еще пример: «Громче всех заливался один мальчишка лет пятнадцати, вероятно сын аристократа между дворней» (1852, I, 305). Здесь отсутствующая после вводного слова запятая дает более ясное понимание текста.

Личная пунктуация И.С. Тургенева, насколько мы ее знаем по рукописи «Стихотворений в прозе», может казаться неудовлетворительной только по отношению к формальным требованиям привычных шаблонов. Она достаточно последовательна и в большинстве случаев гораздо лучше раскрывает значение текста, чем заменившая ее «правильная» пунктуация корректоров. При некотором внимании к рукописному тексту И.С. Тургенева становятся очевидными своеобразные достоинства его пунктуации и является понятным стремление автора выйти из прочных, но невыразительных рамок ее обычного употребления

и приспособить знаки препинания к более точному выражению мысли и более естественному делению речи. Особенно удачно выработалась у Тургенева система употребления многоточий. Он употребляет в рукописи «Стихотворений в прозе» три вида многоточия: 1) две рядом стоящие точки (..), 2) три точки (...) и 3) четыре точки (....). Это употребление многоточий является, так сказать, параллелью к употребляемым нами для разных степеней раздельности речи знакам: запятая, точка с запятой и точка. К сожалению, эта борьба с общепринятой нечеткой пунктуацией, эти попытки, не подчиняясь ей, подчинить ее себе, усовершенствовать знакоположение для выражения утонченных оттенков языка, эти приемы проницательного и чуткого писателя, отражающего с особой полнотой, точностью и сознательностью и те явления литературной речи, которые в пишущих массах уже уложились в механические категории, — все эти попытки рациональной творческой пунктуации автора были не поняты и отвергнуты редакцией «Вестника Европы», которая приравняла их к простому отступлению от обычных норм письма и оценила их как неполную грамотность.

Корректоры «Вестника Европы», не считаясь с рукописью автора, везде ставили многоточие в виде трех точек. В позднейших изданиях, прежде всего выходивших из типографии Глазуновых, эти многоточия из трех точек были заменены многоточиями из четырех точек, которые оказались совершенно нелепыми во многих местах тургеневского текста, например в середине фраз, при кратких перерывах речи. Ср., например, текст «Маши».

В рукописи: «Вот однажды нанял я такого извощика.. Парень лет двадцати» и т.д. В издании 1883 г.: «Вот однажды нанял я такого извозчика.... Парень лет двадцати» и т.д. (IX, 548).

В рукописи: «Ты ее любил., жену-то свою?» В издании 1883 г.: «Ты ее любил.... Жену-то свою?» (IX, 549).

В подобных случаях лучше бы помириться с своеобразием авторской пунктуации, чем с такими грубыми отступлениями от пунктуации рукописей Тургенева.

В одном только случае графический знак, стоящий не на своем месте, обнаруживает неудачное правописание Тургенева (а, может быть, и неправильное произношение автора, что, впрочем, мало вероятно). Именно, обозначая всегда *е* как *ё* в слове *еще*, автор не отличает тех случаев, когда это слово произносится без ударения, например в сочетаниях *еще не*, *еще ни* и под. с значением: пока, до сих пор, даже.

Приведу несколько примеров: «А и теперь *ещё* видать (Деревня); «*ещё* ни разу» (Разговор); «в молодых летах *ещё* будучи» (Соперник); «пока *ещё* могла держаться на ногах» (Памяти Ю.П. Вревской) и т.п.

Само собой разумеется, что пунктуация И.С. Тургенева и не может быть современной нам. Она, как и вся его орфография, необходимо должна отражать прежде всего нормы письменной речи 30-х и 40-х годов прошлого столетия. Некоторая архаичность письма в рукописях И.С. Тургенева, даже таких поздних, как «Стихотворения в прозе», — факт совершенно очевидный. Автор, например, не ставит запятой после междометия *о* при обращении: «О довольство, покой, избыток русской, вольной деревни! О тишь и благодать!» (Деревня); «Поведай мне, о мой согражданин!» (Два четверостишия); «О лазурное царство!» (Лазурное царство); «О великий, могучий, правдивый и свободный Русский язык!» (Русский язык). Объяснение этого найдем в «Практической русской грамматике» Н. Греча (СПб., 1834, 523): «Междометие *о* не отделяется от звательного слова; например: *О судии мои! люблю вас и почитаю.*». Много позднее это же правило повторяется Буслаевым в «Исторической грамматике русского языка. Синтаксис» (М., 1881, 105): «Междометия *о*, *эй,* усиливающие восклицание, от звательного падежа не отделяются; напр.: *о ты*!, *эй приятель!*»

Старое правило[148] оправдывается в данных случаях произношением: междометие тесно примыкает к звательной форме, пауза отсутствует. Существующий ныне обычай ставить после

[148] Это правило соблюдается и в настоящее время.

междометия *о* запятую противоречит произношению, опирается на чисто формальный признак и введен не учеными, не писателями, а школьными учителями и корректорами.

Чувство, ощущение языка живого, произносимого выражается у Тургенева и в постановке соединительной черты перед неударяемыми словами, примыкающими к предшествующему ударяемому слову: *кушай-мол* («Деревня»), *хотел-было* («Конец света»), *начал-было* («Два четверостишия»), *только-что* («Камень»), *опять-таки* («Повесить его!»). Обычная пунктуация или не учитывает эти живые связи слов (пишем: *хотел было*), или вместо существующего соединения указывает разделение слов (*кушай, мол, на здоровье*). Вполне правильно издание 1930 г. в указанных выше случаях отсутствия запятой и наличия соединительной черты следует авторской пунктуации, хотя и не с полной последовательностью.

XVI

В заключение сделаем главные выводы из наших наблюдений и замечаний.

1. Тексты сочинений И.С. Тургенева в проверенных нами изданиях Глазунова и Маркса содержат значительное число недочетов всякого рода: неверную передачу слов и фраз, вставки и пропуски их, неосторожные поправки, искажающие смысл авторской речи, модернизацию форм грамматики и лексики, очищение языка автора от намеренно употребленных им провинциализмов и архаизмов, установление шаблонной орфографии и пунктуации, нередко с невыгодными для текста отступлениями от рукописей и первопечатных изданий. Ошибки посмертного издания 1883 г. частично перешли и в издание Гиза.

2. На подобные издания, в особенности на издания Салаева-Думнова, которые сам автор называет «безобразными» в отношении передачи его текста, а также на издание Маркса 1898 г. никак нельзя опираться с полным доверием к тексту при изучении и научном использовании языка нашего писателя, например

при извлечении примеров из Тургенева для лингвистических исследований, словарей и т.п. Если бы автор подобного исследования брал примеры из названных изданий сочинений Тургенева для решения, положим, таких вопросов: когда употребляется в русском языке родительный падеж единственного числа слов мужского рода с окончаниями *-у*, *-а*; или: когда слова женского рода имеют творительный падеж на *-ою* и *-ой*; или: в какой форме ставится сказуемое прошедшего времени при подлежащих, выраженных числительными с существительными родительного падежа, и т.п., то он пользовался бы весьма недостоверным материалом, во многих случаях приписывал бы Тургеневу то, что ему никогда не принадлежало, и из пестрой смеси данных самого разнообразного происхождения: небрежного типографского набора, своевольных корректорских поправок и подновлений, вместе с непоследовательно сохранившимися авторскими употреблениями, сделал бы выводы, не определяющие ни язык Тургенева, ни русский язык данной эпохи вообще.

3. Однако все же более или менее достоверные тексты произведений Тургенева мы имеем в первопечатных изданиях, в посмертном издании 1883 г. и в последнем издании Гиза, вышедшем под редакцией Халабаева и Эйхенбаума, но и эти издания не вполне безупречны.

4. Чтобы создать, так сказать, «канонический» текст произведений И.С. Тургенева, необходимо, кроме новой проверки его по рукописям и первопечатным изданиям, произвести сверку окончательного текста с теми изданиями, которые корректировал сам автор, выяснить, какие изменения текста принадлежат ему самому и какие получились в процессе печатания, независимо от воли автора. После этого все авторское следует сохранить; все чужое, ему не принадлежащее, должно быть устранено. Никакие поправки новейших комментаторов, не оправдываемые рукописями и корректурами автора или его первопечатными текстами, не должны вноситься в авторский текст. Все авторские исправления и варианты текста, почему-либо не вошедшие в напечатанное издание, должны быть показаны в этом услов-

но «каноническом» издании сочинений И.С. Тургенева в особых примечаниях.

5. Орфография и пунктуация в текстах И.С. Тургенева должна ближайшим образом отражать его рукописи и первопечатные издания, а не быть результатом нескладной смеси разнообразных корректорских наслоений, истолковывающих тексты автора не всегда верно и заменяющих его вдумчивую и оригинальную графику невыразительной и шаблонной.

6. Пока нет канонического текста сочинений И.С. Тургенева, для изучения его языка и стиля необходимо пользоваться первопечатными изданиями, изданием Глазунова 1883 г., изданием Гиза, сверяя их одно с другими и с промежуточными изданиями, выходившими под наблюдением автора с его корректурой. Проверка по сохранившимся рукописям и корректурам, выправленным автором, является также необходимым обеспечением точности текста, служащего для научного «лингвистического» исследования и использования.

Н.А. НЕКРАСОВ ПРИ ЖИЗНИ И ПО СМЕРТИ
(27 декабря 1877 года — 27 декабря 1907 года)

Повторные издания русских писателей нередко отличаются невнимательностью издателей к печатным текстам, установленным при жизни писателя. Иногда дело доходит даже до подправок и подновлений старого текста редакторами, не вникающими в образ мыслей и выражений автора и воображающими ошибки там, где они просто не поняли текста. С большой самоуверенностью и смелостью такие редакторы исправляют авторов, а читатели и не подозревают, что у них в руках вместо перепечатки подлинника — реставрация, произведенная весьма неискусною рукою. Подобной участи, к сожалению, не избегнул и популярнейший наш поэт Николай Алексеевич Некрасов, со дня смерти которого в нынешнем году, 27 декабря, исполнилось 30 лет.

К мнению, которое мы сейчас высказали, привело нас сравнительное изучение стихотворений Некрасова, изданных при его жизни (Стихотворения Н. Некрасова. 4-е изд. СПб., 1864. Ч. I, II, III; СПб., 1869. Ч. IV), и предпоследнего посмертного издания его стихотворений (Полное[149] собрание стихотворений Н.А. Некрасова: в 2 т. 8-е изд. СПб., 1902)[150].

Результаты этого сравнения мы и будем излагать в настоящих заметках.

---

[149] О том, что это «полное» собрание стихотворений, издателям никак не следовало говорить.

[150] К этому сравнению мы привлекли и другие издания стихотворений поэта, особенно: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856; Стихотворения Н. Некрасова. 2-е изд. СПб., 1861. Ч. I и II; 3-е изд. СПб., 1863; СПб., 1873. Знакомство с этими изданиями показало нам значительную устойчивость некрасовского текста, который во многих случаях удерживается в последующих изданиях с буквальною точностью. Более свободное отношение к печатному тексту начинается уже после смерти поэта.

Прежде всего, наше внимание обратили на себя многие различия между текстом, изданным при жизни поэта, и тем, который явился так недавно.

Что представляют из себя эти многочисленные разночтения старого и нового текста, остается нередко вопросом.

Ошибки этого небрежного набора и несведущей и невнимательной корректуры или поправки, на основании рукописей, погрешностей, вкравшихся в печать при жизни поэта? Неисправность нашего издания, самый характер отличий, доходящий порой до бессмыслицы, позволяют нам склоняться во многих случаях к решению этого вопроса в смысле невыгодном для позднейших издателей.

Хотя сверенные нами тексты изданий Некрасова заключают не более половины его стихотворений, собранный нами список разночтений окажется немалым.

Конечно, мы не внесем в него вариантов, к которым прибегал сам поэт ради цензуры.

Не внесем и тех, которые можно считать малозначительными отклонениями и недосмотрами, не изменяющими смысла или формы некрасовского стиха.

Не отнесем пока сюда и тех вариантов, которые обязаны своим происхождением особенным грамматическим и стилистическим взглядам редакции посмертных изданий.

В этих выписках вариант посмертного издания 1902 г. будем ставить в скобках, рядом с соответствующим словом изучавшегося нами издания, вышедшего при жизни поэта.

Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь *руки* (*руку,* 4[151]) подлецу (т. I, с. 14).

Черноброва, статна, *словно* (*точно,* 12) сахар бела (т. I, с. 17).

[151] Цифра здесь и дальше означает страницу I тома.

Не из камня душа! Невтерпеж!
Расходилась, *что* (*как,* 37) буря, она (т. I, с. 60).

Кипим (*кипит,* 45) сильней, последней *жаждой* (*жаждды,* 45) полны (т. I, с. 66).

— Стыдливо краснея
И нагибаясь, свой длинный платок
Ты на него *потянула* (*натянула,* 97)... (т. I, с. 124).

Я рано встал, *не долги* (*но долги,* 68) были сборы (т. I, с. 127).

И снова шел, собрав *остаток* (*остатки,* 69) сил (т. I, с. 127).

И сижу *неподвижен* (*неподвижно,* 55), как статуя,
И судьбу потихонько корю (т. I, с. 132).

Я *там*[152] (*сам,* 179) не свой: хандрю, немею... (т. I, с. 155).

Он[153] *бодр* (*добр,* 184), он за сохой шагает (т. I, с. 163).

Ну (*но,* 187) кому же расставишь ты сети? (т. I, с. 167).

И не кинул никто негодуя,
Комом (*комок,* 189) грязи в бесстыдную мать! (т. I, с. 170).

Либо *своей* (*твоей,* 215) голове пропадать! (т. I, с. 177).

Да как *рогожу* (*рогожку,* 237) открыли... (т. I, с. 184).

Я устал,
В *себя* (*в себе,* 219) я веру потерял... (т. I, с. 192—193).

[152] За дальним Средиземным морем.
[153] Пахарь, которого скребет горе.

С болезненным *припевом* (*приветом*, 226): «ой!» (т. I, с. 203).

Ай (*а*), важная штука! (т. II, с. 174).

Отведает свежего *хлебца* (*хлеба,* 247) ребенок
И в поле охотней бежит за отцом (т. II, с. 181).

И погас он словно свеченька
Восковая, *пред-иконная* (*пред иконою*[154])... (т. III, с. 51).

В широкой *рубахе* (*рубашке* 307) холщевой (т. III, с. 79).

Слеза
Глубокую *ямку* (*яму,* 317) прожжет (т. III, с. 94).

И, полная *мыслью* (*мысли,* 318) о муже,
Зовет его, с ним говорит... (т. III, с. 95).

Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; *сурово-пышна* (*сурова-пышна,* 354) обстановка
(т. IV, с. 15).

В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанны (*беспрестанно,* 360)... (т. IV, с. 24).

Исключу я три буквы: «радушно»
Выйдет... что же? три буквы *не счет* (*на счет*)*! (т.* IV, с. 61).

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня *нанять* (*понять*, 380)? (т. IV, с. 80).

Другие варианты некоторых стихотворений так значительны, что мы должны предположить их зависимость от рукописей или

[154] Посмертное издание нарушает рифму со словом: бездонная.

вообще поправок самого поэта, послуживших основанием для изменений, внесенных в первое посмертное издание стихотворений Некрасова (см. любопытные примечания в IV томе этого издания. СПб., 1879). Мы отметили целые строчки разночтений в стихотворениях: «Когда из мрака заблужденья», «Плач детей» (конец), «На Волге», «Рыцарь на час».

В популярном «Власе» новое издание пропускает две строфы:

Сочтены дела безумные.
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умные,
Могут лучше рассказать[155].

Словом истины евангельской
Собирая богу дань,
Побывает и в Архангельской,
Проберется и в Рязань...

По школьным хрестоматиям последняя строфа известна тысячам грамотных людей.

Большой переработке подвергнулось стихотворение «Что ни год — уменьшаются силы», в котором вместо 16 стихов старого издания в новом оказалось 12.

В стихотворении «Убогая и нарядная» (т. I, с. 167) сглажено очень сильное место:

Что, развратница, нагло глядишь,
Чем кичишься? Гнусна твоя повесть...

Это место переделано в первый раз в издании 1873 г.

[155] За эту строфу упрекнул поэта Достоевский («Дневник писателя» за 1873 г., V, «Влас»), потому, вероятно, она и вычеркнута Некрасовым.

Незначительные варианты есть еще в стихотворениях: «Тишина» (т. I, с. 161, 162), «На Волге» (т. I, с. 201, 203), «Псовая охота» (т. II с. 14), «Что ты, сердце мое, расходилося?», «Рыцарь на час» (т. III, с. 38), «Зеленый шум», «Мороз, Красный нос» (VIII, XXV, XXX), «Надрывается сердце от муки».

Эти, более значительные варианты, должны объясниться позднейшими изданиями, вышедшими при жизни поэта, или первым посмертным, издатели которого имели в руках экземпляр стихотворений (издания 1873 г.) с заметками и поправками самого Некрасова.

Не относим к вариантам разночтения, подобные следующим, где видна явная небрежность редакции посмертного издания 1902 г.

Как на барщину шла — *становилось*
Инда жалко подчас... (т. I, с. 9).

Издание 1902 г.: *становилась.*

Все, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.

Издание 1902 г.: *переполнено.*

Утешения в собственном сыне не имею (т. IV, с. 61).

Издание 1902 г.: *утешение.*

Казалось бы, издателю нужно было исправить несомненные опечатки; можно бы было слегка подправить устаревшую орфографию, поскольку она не связана с грамматическими формами и со смыслом написанного, тщательно сохраняя все, что носит на себе отпечаток мысли поэта.

Например, у Некрасова очень часто прилагательные в именительном падеже оканчиваются на *-ой* вместо нынешнего *-ый,* а в родительном всегда на *-аго; спесь, хмель, болен* пишутся с *ѣ, лекарь* с *е; меч, туч* и подобные слова оканчиваются на *ь*; *целовал, поцалуй* обыкновенно пишутся с *а* вместо *ѣ;* в префиксе *роз-* иногда встречается *о* без ударения (*роспить*, т. I, с. 62); *меж, уж, ж* пишутся с *ь* на конце, *сумею* пишется с *ъ*. Такие написания могут быть исправлены на современный лад. Некрасов издается не для науки, а для большой публики, и в этом случае издание может считаться с орфографическими привычками читающих. Но и здесь можно бы соблюдать известную осторожность. Например, родительный падеж под ударением в печати и теперь нередко встречается с *-аго;* значит, такие написания можно бы и сохранить.

Редакция посмертного издания исправляла Некрасова усерднее, чем нужно. Она произвела коренную ломку в его орфографии, во многих случаях достойной внимания и признания. К сожалению, и собственную орфографию она провела небезукоризненно и много испортила текст значительным числом новых ошибок, опечаток, недосмотров, пестрой и произвольной пунктуацией. На беду, эти опечатки, недосмотры, неудачно поставленные знаки препинания часто нелегко заметить, имея под руками один текст издателей, и многие их печатные грехи сваливаются на голову покойного поэта.

Очень прискорбно, что посмертная редакция вместе с орфографией исправляет и грамматические формы языка Некрасова, которые несомненно ему принадлежат и допускаются другими образцовыми писателями. Только имеющий весьма ограниченные сведения в русском языке корректор может так ошколяривать язык поэта, якобы исправляя его ошибки, а на самом деле стирая с его изложения краски, наложенные временем, взглядом поэта на известные формы языка, желанием его придать изложению тот или другой оттенок.

Правда, некоторые из поправок и подновлений сделаны еще в изданиях, вышедших при жизни поэта, очевидно им самим

(например, в издании 1873 г.: *в дырявом* вместо *в дирявом*). Но редакция никак не имела права идти дальше по направлению модернизации. Если некоторые места в стихах остались не подправленными, то, конечно, это имело свое основание.

Так, в стихотворении «Когда из мрака заблужденья» 28-й стих в издании 1864 г. напечатан:

Не пригревай *змею* в груди,

а в издании 1873 г. (т. I, с. 22) видим, согласно школьному синтаксису, исправленное, очевидно самим Некрасовым, чтение:

Не пригревай *змеи* в груди.

Поэт, может быть, не знал, что первое выражение имеет все права стоять в данном месте; оно является более сильным, указывает на более прочное положение змеи в груди. Еще Ломоносов заметил эту различную выразительность сочетаний глагола с винительным и родительным падежом и указал на нее в своей «Грамматике» (§ 503).

Некрасов любил разговорные формы родительного падежа на *-у*: *из дому, до свету, спóсобу, ни шáгу* и др.:

Из дому крепостных любовниц и псарей (т. I, с. 36).

До свету надо покрепче уснуть (т. I, с. 85).

Способу ты не находишь
Сладить с упрямой душой? (т. I, с. 122).

Смерть иль победа — *ни шагу* назад! (т. II, с. 14).

Издание 1902 г. дает везде родительный на *-а: из дома, до света, способа, ни шага.* Подобные поправки едва ли всегда

оправдываются текстами, напечатанными при жизни поэта, хотя в издании 1873 г. мы и находим *способа* вместо *способу.*

Не понимая, что в уступительных предложениях в сочетаниях *как ни, куда ни* и т.п. неграмотно ставить *не* на месте *ни,* наш корректор исправлял правильную некрасовскую орфографию на ошибочную. Сюда относятся примеры, подобные следующим:

Что *ни* предскажет кому: разоренье,
Убыль в семействе, глядишь — исполненье! (т. I, с. 177).

Какой бы ценой *ни* досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? (т. III, с. 121).

Корректор нашего издания, поставивший в приведенных стихах *не* вместо *ни*, не понимает также правильности употребления усиленного отрицания *ни* в стихе:

Колесо не слышит, *ни* щадит (т. I, с. 187),

где *ни* соответствует *и не.* Во всяком случае, он переделывает его на *не*, имеющее другой оттенок значения.

Подобно этому в стихах:

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них *ни* единой (т. I, с. 12) —

опять второе правильное *ни* переделано на малограмотное *не.*

Даже рифмы поэта не пощажены редактором нашего издания Сочинений Некрасова. В погоне за школьническою «правильностью» в посмертном издании сделаны поправки, явно искажающие стих, где своеобразные формы речи, употребленные поэтом, закреплены рифмою. Таким образом, испорчены

рифмы в стихах, печатавшихся при Некрасове в следующем виде:

Месяц полный плывет над *дубровой*,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатой, *лиловой* (т. III, с. 32).

В предместиях *дальних*,
Где как черные змеи летят
Клубы дыма из труб *колоссальных* (т. IV, с. 17).

Но недостало *силы*,
Вдруг руки разошлись,
И красные *чернилы*
Потоком полились (т. IV, с. 71).

И был подвижен я, как челн (Зачем на пробке *плесень*?..)
И как у моря звучных волн,
У лиры было *песень* (т. IV, с. 77).

Позднейшая корректура предпочитает некрасовским рифмам свои: *дубравой — лиловой*, *дальних — колоссальных*, *силы — чернила*, *плесень — песен.*

Странно, что в других случаях, где сам поэт отступал от звуковой или графической рифмы ради смысла, который хотел сообщить словам, или ради орфографии, издатели опять переделывают его стихи теперь уже ради рифмы. У Некрасова находим:

Душа мрачна, мечты мои *унылы*,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милые, *постыли*... (т. I, с. 126).

Тихо по церкви ходили *монашины*,
В черные рясы *наряжены* (т. III, с. 109).

Наш издатель из глагола *постыли* делает прилагательное *постылы*, а слово *монашины* ставит в неудовлетворительной орфографической форме: *монашены.*

Известно ли также правщику Некрасова, что переделанные им написания: *сгараешь* (т. I, с. 13), *копейке* (т. I, с. 30), *ростут* (т. I, с. 39), *ладан* (т. I, с. 42), *о счастьи* (т. I, с. 77), *жосткая* (т. I, с. 131), *доканала*[156] (т. I, с. 133), *косячек* (т. I, с. 143), *не достало* (т. I, с. 192), *прикащик* (т. I, с. 197), *зорям* (т. I, с. 198), *сертуках* (т. II, с. 10), *рёвма-ревет*[157] (т. II, с. 16; здесь издатель исправил уже не правописание, а язык поэта), *поглядитко* (т. II, с. 201), *чорные* (т. III, с. 19), *январьские* (т. III, с. 85), *курячий* (т. III, с. 86), *косатка* (т. III, с. 110), *скрыпя* (т. III, с. 117), *дышет* (т. III, с. 122), *уравняло* (т. IV, с. 30) и многие другие — ничем не хуже тех, которыми они заменены?

Опечатки и другие погрешности были, конечно, и в издании самого Некрасова, но их было очень немного. Редакторы посмертного издания дают гораздо больше чтений неверных, неосмысленных или неправильно осмысленных. Текст последнего издания, вместо того чтобы быть лучше, оказывается хуже изданного при жизни поэта.

Скучно было бы перечислять все замеченные нами искажения текста, и потому укажем лишь несколько характерных случаев.

Мы уже говорили, что Некрасов писал: *покой благословенной*, *сон непробудной* и т.д. Переделывая окончание *-ой* на *-ый*, неосторожный издатель дает стих:

> Ее *бессмысленный* и вредной доброты
> На память мне пришли немногие черты (27).

---

[156] В стихотворении «Похороны» подобное написание: доканало — оставлено.

[157] В стихотворении «Кумушки» то же написание оставлено нетронутым.

На с. 89 находим:

Так *эта* шутка? Милая моя...

Видно, что механически работающий наборщик осмыслил по-своему фразу, а корректор недосмотрел грубую ошибку.

Подобного рода небрежность и в стихах:

Я думал, — нет в душе беспечной
Сочувствия *души* моей (43).

Там *уже* поприще широко (134).

Усердные исправщики посмертного издания Некрасова, не ограничиваясь изменением особенностей орфографических и грамматических, наложили свою тяжелую руку и на словарные особенности поэта. У Некрасова нередко встречаются слова простые, народные, кое-где есть архаизмы. Последние указывают, что язык поэта выработался более чем полстолетия тому назад, и вполне оправдываются примером писателей того времени. Первые являются последствием того, что поэт, ценя и признавая достоинство народного языка, вводил его слова в литературную речь и сделал их ее достоянием. Иногда эти слова употреблены как необходимая передача говора лиц из народа, выведенных в стихотворениях.

Подобные соображения не останавливали редактора посмертного издания, и он смело ставил на месте слов, которые находил нужными сам поэт (конечно, разборчивый и сознательный в употреблении слов), т.е. которые более нравились ему, издателю, не умевшему выйти из предубеждений ограниченных школьнических взглядов на литературный язык и едва ли понимающему, что в деле употребления слов Некрасов, как и всякий другой талантливый писатель, гораздо более авторитетен, чем люди, не делающие ни одной ошибки против «Русского правописания» Грота.

Некрасов при своей жизни печатал:

Ваньки сонные глядели,
Оступя кругом (т. I, с. 32).

Помню: с *прошибенной* в-кровь головой
К нам привели среди ночи
Старого вора (т. I, с. 108).

Под тяжестью сумы своей *дирявой* (т. I, с. 128).

К ним приковав *досужее* вниманье (т. I, с. 128).

Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни *ревижских* душ (т. I, с. 163).

Весь *околодок* колдунье дивился (т. I, с. 177).

Не понапрасну продлил
Эдак-то жизнь человека (т. I, с. 181).

То, как играющий *зверок*,
С высокой кручи на песок
Скачусь (т. I, с. 198).

Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха! (т. II, с. 197).

Борода густая *склочена* (т. II, с. 214).

Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, *щекотшп*, жужжит! (т. III, с. 55).

Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную (т. III, с. 59).

Вижу — меня *оступает*
Сила — несметная рать (т. III, с. 99).

Кони, ухабины, ели бессменные (т. III, с. 126).

В стихах этих, точно так же и во многих других случаях, которые мы отметили, но не перечисляем, подчеркнутые слова в нашем посмертном издании подправлены на литературный лад: вместо *оступя — обступя*, вместо *прошибенной — прошибленной*, вместо *досужее — досужное* и т.д.

Говорим о «литературности» этих поправок, конечно, условно, стараясь приблизиться к точке зрения исправителя. Мы же никогда не решимся признать богатый выразительными оттенками, основанный на прекрасном знании простонародного наречия, язык самого Некрасова менее «литературным», чем язык редактора его посмертных изданий, обнаруживающего крайне узкие взгляды на язык и весьма плохое понимание того, что он должен делать и как ему следует производить свою редакторскую работу.

Даже в эпиграфе III главы «Коробейников» в словах *старинной былины*

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, так не пей до дна

редакция посмертных изданий «исправила» народное *хошь* на *хочешь*, нарушающее и стиль, и размер стиха.

Впрочем, издатели претендовали на хорошее понимание размеров и стиха «Псовой охоты».

Здесь он не струсит, здесь не уступит

— благодаря замечанию С.И. Пономарева переделали на

Здесь он не струсит, *он* здесь не уступит.

Но если редакция современного Некрасова «выправляет его слог», то, может быть, она все же дорожит мыслью поэта, не допускает в ней никаких изменений? На это нужно сказать, что едва ли, при слишком усердном исправлении стиля, сохраняются неприкосновенными мысли поэта, особенно в оттенках своего выражения.

Внимание к мысли автора высказывается еще в отношении к его пунктуации. Возьмем какой-нибудь отрывок из художественной литературы, хоть кусочек «Записок охотника», написанный совсем без знаков препинания. Как трудно его читать и понимать! Попробуем расставить знаки препинания сообразно с нашим пониманием данного отрывка. Можем ли мы быть уверены, что мы поймем все так, как понимал автор, что не перетолкуем по-своему некоторых мест и своей пунктуацией не переиначим авторских мыслей? Затруднения и ошибки подобного рода хорошо известны издателям старых текстов, писанных без знаков препинания, но печатаемых с ними. Ни долгое изучение, ни особое знакомство с памятниками данного рода, ни специальная подготовка редакторов не избавляют от некоторых ошибок в пунктуации издаваемых текстов.

Но что делают иногда современные редакторы посмертных изданий писателей? Их странная работа вызывает недоумение и удивление. Они берут напечатанный при жизни поэта и просмотренный им текст его произведений, совершенно забывают, что имеют дело с трудом, находящимся в одной из последних стадий обработки, не думают того, что перед ними труд выдающегося знатока русского языка и форм выражения мысли, а просто берут для справки школьный учебник, вроде «Русского правописания» Грота, и начинают выправлять тонкую работу художника, как произведение недоучившегося гимназиста.

Редактор нашего посмертного издания Сочинений Некрасова оказался одним из самых усердных исправителей; он про-

изводил переделки в пунктуации поэта, не щадя ни печатного первоисточника, ни смысла и делая множество ошибок и явных небрежностей, изменяющих или искажающих содержание некрасовского текста.

Некрасов писал в такое время, когда очень умеренно пользовались знаками препинания. Лучший стилист той эпохи, С.Т. Аксаков, разбирая «Юрия Милославского» Загоскина, ставит в вину автору то, что он употребляет слишком много знаков препинания[158].

В пунктуации не руководствовались тогда исключительно грамматическим разбором текста, как в наше время, но обращали внимание также на смысл и произношение фраз; знаками указывали, как читать.

Поэтому текст печатного издания Некрасова со знаками, расставленными самим поэтом, имевшим притом огромную опытность в качестве писателя и издателя, должен считаться очень важным первоисточником для чтения и понимания его произведений. Этот текст должен вообще строго сохраняться при переизданиях. Подправлять его следует только при крайней нужде и очень осторожно. Успешно сделать поправки в пунктуации поэта может только тот, кто, превосходно изучивши его, вошел вполне в его настроения, его образ мыслей, его стиль. Тот, кто немного знаком с рисованием, едва ли хорошо подкрасит полинявшую Фрину. Нашего художника-поэта подкрашивал не весьма искусный рисовальщик. Одно можно сказать: он не жалел краски. Стихи поэта редактор усыпал запятыми, многоточиями, восклицаниями, вопросами, которых не было в издании самого Некрасова. Трудно найти страницу в этом последнем тексте, на которой сохранились бы знаки самого поэта.

---

[158] «Бесчисленное множество знаков восклицаний, двоеточий и тире, часто неверно поставленных, досаждают читателю» (Аксаков С.Т. Полное собрание сочинений. СПб., 1886. Т. III. с. 317).

Ни одно вводное слово, ни одно деепричастие не оставляются не заключенными в запятые, последнее вопреки даже и современному правописанию (гротовскому). Сам Некрасов не то чтобы совсем не ставил запятых для выделения вводных слов и небольших придаточных предложений, но часто, не отделяя их знаками, надо думать, руководствовался в этом случае разною степенью выразительности и связи слов, так сказать, весом слов и фраз: отделял то, что было значительно по содержанию, что следовало выделить при чтении. Например:

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу день за днем бесполезно губя;
Что я, силы своей не пытав ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом (т. I, с. 49).

Здесь во втором стихе пропущена запятая, думаем, по близкой связи слов, между которыми ее можно поставить, а в третьем поставлена по бóльшей раздельности фраз.

Также:

Знать любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь! (т. I, с. 20).

Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг (т. I, с. 26).

Во втором примере после *знать* запятая, которой нет в первом. Действительно, здесь чувствуется большая раздельность слова *знать* от следующей фразы.

Отделяя запятыми все слова вводные, редакция не обращает внимания на то, что между ними встречаются такие, которые и по произношению и по смыслу мало выделяются в составе речи и которые никогда не отделялись знаками в тексте самого Некрасова. Словечки *ведь, вишь, благо* нередко приближаются к

частицам и выделять их знаками можно только при механическом взгляде на пунктуацию.

Редакция посмертного издания не только ставит в запятых все подобные слова, но нередко относит к их разряду и обыкновенные наречия и союзы: *вот, наконец, однако*, *что ли* и т.п., которые можно выделять запятыми только при плохой грамотности и худых орфографических привычках.

Относительно запятых при междометиях наша грамматика содержит правило, которое соблюдалось в текстах Некрасова: «междометия о, *эй,* усиливающие восклицание, от звательного падежа не отделяются; например «о *ты!*», «*эй приятель*» (Буслаев. Историческая грамматика. Синтаксис. М., 1881, с. 105).

Не знакомый с этим правилом издатель Некрасова исправляет везде его правописание без запятой после *о* и *эй*, как ошибочное[159].

Наша грамматика требует отделять запятою два рядом стоящих определения лишь в случае их однородности: редакция посмертного издания Некрасова обнаруживает незнакомство и с этим правилом пунктуации, соблюдавшимся поэтом, и дает ряд неграмотных поправок, ставя запятые там, где их не было:

Раз, я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди (т. III, с. 12).

И по́ сердцу эта картина
Всем любящим русский народ! (т. III, с. 73).

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин (т. III, с. 102).

И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет... (т. III, с. 119).

[159] См. примеры без запятой на страницах издания самого Некрасова: т. I, с. 168; т. I, с. 201; т. III, с. 37.

Здесь и в других подобных примерах посмертная редакция не пропустила случая сделать неудачные поправки, наставив запятых между неоднородными определениями.

Обидно то, что издатели, ставя по-своему запятые, искажают иногда самый смысл некрасовского текста. Так, при жизни Некрасова напечатано:

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес,
Полных муки, тревог сожаленья
И раскаянья позднего слез... (т. I, с. 45).

В издании, вышедшем после его смерти, находим, что пропущена запятая после *принес*, конечно по небрежности, а после слова *тревог* поставлена запятая, которой у поэта не было. Очевидно, редактор не понял, что здесь говорится о «тревогах сожаленья», и своей запятой заставил говорить Некрасова о «тревогах и сожалении».

Некрасов печатал:

Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе (т. I, с. 195).

В издании 1902 г. читаем:

Так любопытствуя, давил...

Поэт говорит, что он «так давил» страхи, а издатель заставляет читать, что он «так “любопытствовал”».

У Некрасова:

Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких (т. I, с. 197).

У позднейшего издателя опять нечто совсем другое:

Да, в подрумяненных губах...

Также почему-то искажен смысл стиха:

Не жалок ей нищий убогой —
Вольно ж без работы гулять! (т. III, с. 72),

где вместо одного «убогого нищего» редакция, отделившая запятою определение от определяемого (запятая после *нищий*), заставляет видеть двух человек: убогого и нищего.

Такая же невнимательность, непонимание текста, недостаточное знание русского правописания видны и в расстановке других знаков препинания: точек, многоточий, восклицаний. Редакция нисколько не стесняется изменять выраженную поэтом при помощи знаков большую или меньшую раздельность предложений. То и дело на месте некрасовской точки — запятая, на месте его запятой — точка. Мысли, которые поэт считает только близкими, сопоставленными и отделяет запятой или точкой с запятой, редакция ставит в зависимость друг от друга и отделяет двоеточием. Обилие новых многоточий и восклицаний придает некрасовскому стиху то недоговоренность, которой поэт сам не находил, то крикливость, нарушающую художественную меру.

Число подобных случаев слишком велико, чтобы приводить их все и долго на них останавливаться. Но вот два-три примера:

Отраднее всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усилием мечты
Из мрака вызывать знакомые черты (т. I, с. 57).

Двоеточие заменено в издании 1902 г. запятою.

Всем известная строфа:

Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей! (т. I, с. 100)

дана с пунктуацией, совершенно изменяющей выражение третьей строки этого текста:

Не говори: близка моя могила... (т. I, с. 147).

У Некрасова:

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода... (т. II, с. 54).

Современное нам издание отнимает у второй фразы чувство и выражение, ставя почему-то на месте восклицания точку с запятой.

Спросим также, почему переделаны знаки в стихе:

Вот то-то! мы смолоду дурочки (т. III, с. 57)

— таким образом:

Вот, то-то мы смолоду дурочки (с. 285).

Но мало ли грубых и нелепых ошибок может сделать человек, посредственно знающий русскую грамматику и начавший «исправлять» поэта, одаренного большим талантом, обладающего замечательным знанием живого и книжного русского языка, прибегающего в своей поэзии к таким утонченным приемам выражения, которые могут быть поняты и оценены не всяким лицом, привыкшим исправлять наобум корректуры.

Следующее издание стихотворений Некрасова (последнее, 1905 г. — повторение рассмотренного нами), при значительном

сроке, протекшем после его смерти, при изменившихся цензурных условиях, при опубликованных новых данных, должно явиться более полным[160]. Желательно, чтобы оно было и вполне свободным как от указанных нами неудачных в неуместных подправок, так и от множества грубых опечаток и других типографских недосмотров.

[160] Не знаем, почему редакция выбросила объяснения, которые давал поэт к техническим и народным выражениям («Псовая охота», «Коробейники», «Кому на Руси жить хорошо»). Разве эти слова стали теперь понятны? Или читателю вместе с стихами Некрасова нужно покупать еще областные словари? Но даже у Даля (третье печатающееся издание) мы не находим, например, слова *отпазончил* (есть: *пазанчить* под словом *пазальщик*), а объяснения других слов, например *Ухалица, Любчик*, по-видимому, взяты у того же Некрасова и едва ли найдутся в первом издании далевского словаря.

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ И ОРФОГРАФИИ Г.И. УСПЕНСКОГО

I

Настоящие заметки о языке и орфографии Г.И. Успенского основаны на изучении некоторых первопечатных и рукописных текстов писателя и далеко не представляют затронутых вопросов во всей их полноте. Главные стороны орфографии писателя, я надеюсь, будут все-таки выяснены и по тем немногим материалам, которые мною обследованы. Что касается вопроса о языке Г.И. Успенского, то он не мог быть обойден по двум основаниям: 1) некоторые факты языка так тесно связаны с правописанием слов, что вопросы орфографического порядка по необходимости соединяются с вопросами лексических словоупотреблений писателя; 2) лексика всякого писателя, поскольку она охраняется или изменяется при издании его текстов, является лучшим показателем исправности издания, точности напечатанных текстов. Мы можем принять как общее положение, что те редакции текстов, в которых не был хорошо передан подлинный язык писателя, не могут быть положены в основу критического издания его сочинений, притом если редакторы-издатели были способны не понять и частью исказить, частью обесцветить язык автора, то от них всего меньше мы можем ожидать и точной передачи орфографии писателя в ее ценных индивидуальных и стилистических оттенках.

Наша обычная общая орфография есть система единообразного письма слов и их сочетаний определенной, недолгой эпохи, отражающая нормы литературного языка этой эпохи. Всякие отступления от этой «современной» системы письма представляются и оцениваются вполне овладевшими принятой орфографией как «неграмотность», «неправильность». Условность, шаблонность, нередкие случаи научной неправильно-

сти принятых написаний не сознаются пишущими массами. Во многих случаях существующая орфография подчиняется чисто формальному закону: «так принято», «так пишут». Господином письма и печати является памятливый, вышколенный «спец»-грамотей: канцелярист, преподаватель, корректор. Корректоры обычно устанавливают и орфографию авторских текстов. В этом обычае есть свои выгодные стороны: орфография *является* единой, современной; тексты, по ней писанные, оказываются вполне удобочитаемыми. Отрицательной ее стороной является утрата красочности, тех эстетических и стилистических элементов, которые присущи живому слову в его географических и социальных диалектах и которые постоянно стремится отразить письмо литературное. В подлинных произведениях почти всякого писателя, и особенно у Г.И. Успенского, мы найдем многие примеры неисправностей по первой линии письма — единой, общей орфографии, и многочисленные случаи отступления от шаблонного письма в сторону письма художественного и стильного. Эта последняя сторона, более или менее ярко отразившаяся в некоторых первопечатных и рукописных текстах Г.И. Успенского, не была достаточно понята и оценена позднейшими издателями его сочинений. Можно сказать вообще, что в течение всей литературной деятельности Г.И. Успенского издатели его текстов ведут постоянную борьбу с его языком и орфографией. Когда издателями являлись такие большие мастера литературного слова, как Некрасов, Салтыков, корректурная правка текстов Успенского обычно не выходила из рамок бытовой орфографии, применяемой осторожно и умело. Лексика писателя отнюдь не страдала. Стилистические оттенки речи более или менее сохранялись. Это совершенно очевидно при сличении текстов, напечатанных в «Современнике» и «Отечественных записках», с позднейшими их перепечатками в собраниях сочинений. Каждое последующее из этих собраний сравнительно с предыдущим представляет более последовательную и «строгую» орфографию текстов Г.И. Успенского.

Язык все более и более является очищенным от провинциализмов и признаков стильной речи. Во всех текстах сочинений видна механическая, нечуткая к языку и литературным стилям работа «опытных» корректоров, уверенных и смелых как в силу большой практики, так и вследствие немалого невежества в тонких и сложных вопросах литературного письма. В этой обработке писатель перед лицом корректоров является слабым и жалким подсудимым. Его орфография и язык признаются неудовлетворительными, требующими исправления и не заслуживающими внимания и снисхождения. Автор в этом суде и осуждении играет роль кроткого страдальца, побежденного человека, сбитого с той позиции, на которую его ставило литературное дарование, авторское знание и чутье языка, во многих случаях замечательные по точности наблюдения характерных особенностей живой русской речи, по глубине и тонкости ее понимания, по искусству литературного выражения.

Поражение Г.И. Успенского корректурными правщиками так велико и несомненно, что после 25 лет славной литературной деятельности он признает себя неисправимо неграмотным. Удостоверяющим этот факт документом является письмо к В.А. Гольцеву: «Виктор Александрович! Посылаю наконец ответ Общ. Л. Р. с. Ошибок орфографических множество — привычка написать ту букву, которую легче написать при спешной работе»[161]. Мы не знаем, к сожалению, подлинного текста данного ответа, но решаемся утверждать, что заявление о «множестве» орфографических ошибок — скорее выражение большого авторского смирения, чем факт действительности. В не очень большом письме Глеба Ивановича, притом по его заявлению, «тщательно обдуманном», он не мог сделать «множества» ошибок. Тексты известных рукописей писателя совсем не дают оснований к такому решительному осуждению его личной ор-

[161] «Архив В.А. Гольцева», т. I, с. 37. Речь идет об ответе на юбилейный адрес, написанном с датою: 6 февраля 1887 г.

фографии, если не расценивать ее с точки зрения и по мерке орфографического педантизма и пуризма.

Г.И. Успенский вырос в достаточно образованной семье, с детства много читал, прошел успешно курс гимназии, на школьной скамье был редактором рукописного ученического журнала, учился, хотя и недолго, в двух университетах, рано познакомился и с авторской и корректорской работой; с молодых лет вращался в кругу писателей; с 23 лет печатается в «Современнике». Итак, по воспитанию, жизни, обществу, дарованиям и влечениям это человек книжный, писатель, обладающий всеми данными для успешной литературной деятельности. О его «неграмотности», собственно, не может быть речи. Как автор оригинальный он имеет «своеобразную» орфографию; как человек внутренних переживаний и ощущений он был мало внимателен ко всем тем фактам действительности, которые лежали вне его авторского миросозерцания, вне его литературных настроений. Отсюда объясняется его равнодушие к господствующей орфографии, утверждающейся в его время в печатных текстах. В этом отношении он малоподвижен, невосприимчив. Он инстинктивно держится на линии своих орфографических привычек, в то время когда в обществе усиленно дебатируются орфографические вопросы, когда выражается потребность объединить правописание, установить в нем закон и порядок. Академия наук поручает виднейшему своему представителю, академику Я.К. Гроту, составить руководство к правописанию, удовлетворяющее требованиям своего времени. Это руководство выходит в 1885 г., вызывает ожесточенные, во многих отношениях справедливые нападки ученых и педагогов. Затем все успокаивается, руководство Грота, при поддержке правительственных органов, вводится в жизнь как обязательное для школы, постепенно проникает и в общую печать. Вероятно, страх несоблюдения этой «академической», гротовской, орфографии и заставил Г.И. Успенского объявить себя неграмотным в приведенном выше письме к В.А. Гольцеву. Последующие успехи в изучении русского языка

и практика письма со стороны разборчивых представителей науки и литературы убедили общество, что руководство к русскому правописанию академика Грота было далеко от совершенства, что писатели, его чуждавшиеся, сознательно или инстинктивно, как Г.И. Успенский, в известной мере были правы и являлись охранителями хороших традиций и здравых течений литературного письма.

В настоящее время издателям текстов Г.И. Успенского предстоит большая и сложная задача, не идя вслед за механически выправленными в отношении орфографии изданиями его сочинений — в значительной степени по Гроту (также во множестве случаев и от себя, на страх и риск смелых корректоров), — вновь пересмотреть и установить орфографию писателя, опираясь на сохранившиеся рукописи и важные первопечатные издания. Буквальное восстановление орфографии писателя, в известной степени шаткой и непоследовательной, следует признать нежелательным. Было бы также очень затруднительно определить орфографию Г.И. Успенского как особую самостоятельную систему, требующую проведения в практику издания. То и другое направление обработки текста противоречило бы современной цели издания. Но совершенно необходимо сохранить во вновь издаваемых текстах сочинений Г.И. Успенского все орфографически и лексически ценное, что́ нам дают первопечатные издания и рукописи и что́ сглажено, закрыто шаблонной и часто невежественной корректурной правкой. Осторожное, умелое введение важных особенностей орфографии и языка Г.И. Успенского в систему современного письма — вот в чем, по нашему мнению, внешняя, филологическая задача издания его сочинений.

II

Для уяснения и подтверждения высказанных положений рассмотрим тот фактический материал, который мы извлекли

при изучении первопечатных текстов и рукописей Г.И. Успенского.

Остановимся прежде всего на вопросах словарного порядка. Последователь реалистической школы, стремящийся представить действительную жизнь в ее настоящем, неприкрашенном виде, Г.И. Успенский один из первых старается представить в точности местный язык своих героев, именно язык тульского мещанства. Этот язык оказывается ему настолько родным и близким, что он частью проникает и в собственную литературную речь автора. До Глеба Ивановича Успенского в литературе были попытки представить народную, собственно крестьянскую, областную речь, но областную речь мещан, речь городского пролетариата, немногие передавали с такой полнотой, точностью и меткостью, с какой они переданы в его очерках, озаглавленных «Нравы Растеряевой улицы». Эта попытка точного воспроизведения живой местной речи не встретила противодействия в редакции «Современника», которая, по-видимому, точно и без изъятия сохраняла лексический материал автора в диалогах и в его собственной речи, но во всех последующих изданиях этих очерков язык его героев, а частью и язык самого автора очищается от провинциализмов. Средние и низшие писательские и читательские круги, несомненно, оказывают давление на автора, требуя более отборного литературного языка. Традиция еще господствовала в те времена в массах образованного общества. Автору, по необходимости печатавшему продолжение своих очерков в журнале «Женский вестник», приходилось позаботиться, как говорит он сам, чтобы его герои «вели себя в дамском обществе (и, конечно, говорили) поприличней». Он «их умыл и приодел, и они стали только хуже, а правды в них меньше» («От автора», предисловие к изданию 1883 г., т. I, с. 11). В этом коротком, как-то неохотно высказанном признании о невозможности писать свободно, по соображениям литературно-художественным, очевидно, заключается объяснение и о переделках языка. Они, конечно, были весьма тягостны для автора, так как исходили не от давящей полити-

ческой цензуры, а от самого общества, литературно малоразвитого. Приведем несколько примеров подлинного языка «Нравов Растеряевой улицы» по тексту «Современника», не сохранившемуся в последующих изданиях:

«Такое *бедующее* население в городе Т.» (1886, № 2, с. 465). Издание 1883 г., т. I, с. 1: *бедствующее.* Здесь уничтожено вполне естественное русское слово, встречающееся и у других писателей (например, у Достоевского).

«[Глафира] долго держала *брыкливого* барина в своих руках» (там же, 469). Издание 1883 г., т. I, с. 4: *прихотливого* (заменено словом другого значения).

«*Хучь* бы мало-маленько силишки в руки взять» (там же, 471). Издание 1883 г., т. I, с. 7: *хоть бы.*

«В ту пору ему *сустерпеть* нельзя» (там же, 472). Издание 1883 г., т. I, с. 8: *утерпеть.*

«Не мог я горести своей *судержать*» (там же, 476). Издание 1883 г., т. I, с. 13: *удержать.*

«Оенно было мне *творотительно* хозяйское полоумство» (там же, 483). Чисто русская форма, с полногласием и отпадением начального *а* в акающем говоре, собственно — *отворотительно.* Издание 1883 г., т. I, с. 21: *отвратительно* (чисто книжная форма, без полногласия).

«Начнет думать, — только *ужахается*» (там же, 484). Издание 1883 г., т. I, с. 23: *ужасается.*

«Глубоким шепотом присовокуплял о том, как жена его *лудила*» (Современник, 1866, № 3, с. 133). Прекрасное образное слово, широко распространенное, идущее из профессионального языка слесарей. Издание 1872 г., с. 66: «жена его *била и ругала*».

«Шампанская курица бурдастая, из сибе *кволая*» (там же, с. 154). Издание 1872 г., с. 103: «из сибе *король*».

Издание 1872 г., уже значительно очищенное от элементов тульского городского просторечия, содержит еще немало областных слов, которые уничтожаются в следующих изданиях:

«*Раскроенная*, ободранная и тощая фигура... совершенно не *сходилась*...» (с. 7). Издание 1883 г., т. I, с. 5: «*Растрепанная*... совершенно *не походила*».

«Чтобы одно слово — *не в проворот*» (с. 10). Издание 1883 г., т. I, с. 7: *в полное удовольствие.*

«Так и *ломонут*!..» (с. 12). Издание 1883 г., т. I, с. 8: «Так и *хлынут к нему*!».

«[Благородное происхождение] клало какую-то грань между ним и *чумарзым* мастеровым народом» (с. 15; ср. областное *чума́рза* — замараха, неумоя). Издание 1883 г., т. I, с. 10: *чумазым.*

«Хозяин, когда *твирезый,* от бога ждал, вот большая работа набежит» (с. 19). Издание 1883 г., т. I, с. 14: *трезвый.*

«Как есть у самых у ворот *слаудил*» (с. 44). В издании 1883 г. текст изменен и данное слово пропущено.

«Наровит забраться «под самый перемет» купальни и оттуда *чебурыхнуть* в воду» (с. 117). Издание 1883 г., т. I, с. 83: *нырнуть* (слово другого значения).

«Черти! Что у меня, бык, что ли, с позволения сказать, *телился*?» (с. 120). Издание 1883 г., т. I, с. 85: *отелился.*

«Все носят длинные [платья], говорила она [Олимпиада], а я одна в *калошках*» (с. 115; собственно: девичьи панталончики — образно, о коротком платье). В издании 1883 г. фраза эта выпущена.

«Когда вся семья *опузырилась* от слез...» (с. 209). Издание 1883 г., т. I, с. 153: «Когда *лица* всей семьи *распухли от слез*».

«Что ж тут *каляниться*-то?» (с. 307; от местного слова *каляный* — жесткий: проявлять упорство). Издание 1883 г., т. I, с. 210: *ломаться-то* (другой оттенок значения).

«Он перестал улыбаться, замолк, *прижукнулся* у кабацкого забора» (с. 316). Издание 1883 г., т. I, с. 217: *присел.*

«Страсть к *запивойству* столкнула его (учителя) с компанией таких же недужных из простонародья» (с. 316). Издание 1883 г., т. I, с. 217: «страсть *к водке*».

Наученный горьким опытом, вынужденный угождать вкусам широкой публики, в последующих произведениях Г.И. Успенский дает и диалоги мещан и крестьян, и свою авторскую речь в более очищенном от провинциализмов виде. Но и то немногое, что им вводится здесь первоначально, уничтожается в последующих редакциях текста. Приведу несколько примеров.

«К осени ужь *беспременно* и банку бы очистил да и лошаденка была б в дому» (Из деревенского дневника. Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 7). Издание 1889 г., т. II, с. 81: *непременно.*

«Один *кабачник* платит обществу 600 руб. сер. за право торговли» (там же, с. 8). Издание 1889 г., т. II, с. 82: *кабатчик.* Слово *кабачник* хотя и менее употребительно, но встречается и у других писателей, например у Салтыкова. Есть оно и в академических словарях.

«Но такова была сила прелести вечера, простора и *уюта* пчельника...» (там же, с. 25). Издание 1889 г., т. II, с. 94: *уюта.*

«Вдруг отец Иван подступил ко мне с *непоротком*»[162] (там же, с. 40). Издание 1889 г., т. II, с. 106: «подступил ко мне с *кулачьем*».

«Повадился наш молодец *побалываться*» (там же, кн. XI, с. 230). Издание 1889 г., т. II, с. 113: *побаловываться.*

«Покуда я яйца из *кошолки* вытаскивал» (Кой-про-что, V, рукопись, л. 25). В печатном: «из *корзинки*» (Северный вестник, 1886, кн. XI, с. 132).

Корректор «Северного вестника» при печатании последней статьи переделывает на литературный манер самые общеупотребительные областные слова рукописного текста, как, например, *анбар* (л. 21), *кажная* (л. 25); даже *калоши,* слово, постоянно употребляемое автором в этой именной форме, он везде переделывает на *галоши.* Вместе с тем корректор данной статьи оказался настолько невнимательным и неискусным в чтении авторского текста, что вместо слова *фасонов* в печати оказалось:

[162] Слово темное, вероятно, в связи с пародок — кислый, незрелый плод (Даль).

фазанов: «Целый лес разнообразнейших *фазанов* и размеров коровьих и воловьих рогов окружал наш фургон со всех сторон» (с. 126). В данном месте текст, очевидно, исправлен автором в корректуре (в рукописи, л. 14, иное изложение); ни наборщик, ни корректор не умели осмысленно прочитать авторскую поправку и дали совершенно нелепое чтение. Здесь же находим вместо авторского *вопиял* (л. 21) — *вопил*; вместо «*серьезного* человека» (л. 28) — «*религиозного* человека» (с. 136); вместо «заиграла в ней старая *струя*» (л. 32) — «заиграла в ней старая *струна*» (с. 138); вместо «освежил себя двумя огромными *глотками*» (л. 35) — «огромными *рюмками*» (с. 140).

Областное слово *чать* («*Чать* ему нечего делать-то» — рукопись, л. 22), по-видимому, было совсем неизвестно издателям текста, и они прочитали и напечатали вместо него слово *тут.*

III

Автор «Нравов Растеряевой улицы» не ограничивался использованием одного только словаря тульских мещан-ремесленников. Он старался представить их язык в целом, с особенностями его морфологии и словообразования; большое внимание он обращал на произношение слов, особенно на изменение их в условиях интонаций, вызванных разного рода эмоциями. Г.И. Успенский представляет речь своих героев с присущими ей признаками жизни и движения. Даже возглас уличной торговки передается автором со всеми возможными в письме оттенками живого произношения: «По *ябу-лу-кии*» (Современник, 1866, № 2, с. 468. В следующих изданиях этого текста нет).

Не вдаваясь в подробности, укажу некоторые формы тульского мещанского языка, широко распространенные в русских южных, а частью и северных говорах, которые имеются в первых изданиях «Нравов Растеряевой улицы» и уничтожены в последующих: *оттэда* (Современник, кн. II, с. 410), *покеда* (с. 471), *с эстим народом* (с. 471), *через эсту боль* (с. 477), *у во-*

просить (с. 483), *спомнил* (с. 485), *спыльчивы* (кн. III, с. 150), *де* — где («Современник» кн. III, с. 138), *тольки-сево и сказалто* (с. 150) и т.п.

Конечно, издателям его сочинений никак не следовало бы исправлять на книжный лад заимствованные слова, которые произносятся тульскими мещанами так, как произносились некогда почти везде, как частью произносятся иногда и теперь, например: *в полном комплекте* (Современник, кн. II, с. 478), *трахмалу* (с. 492), *блиатекарев* (библиотекарей, в значении: книгопродавцев; изд. 1872 г., с. 306), *сименарией* (там же, с. 308) и т.п.

Во многих случаях у Г.И. Успенского показан тульский сильно акающий говор, с изменением *о* на *а, а* на *ы* и *е* на *я*: *пять цалковых* (Современник, кн. II, с. 472), *поцаловал* (с. 748), *цаловальник* (с. 480); *вот я*, *мыл*, *тебе* (с. 486), *бозныть* (с. 486), *тык я так барину и передам-с* (с. 163); *уняго ума по брюхо навалено* (Современник, кн. III, с. 166); я *брат*, *домой... будя!* (с. 167).

С большой точностью отмечены особенности в произношении часто употребляемых слов, выговариваемых наскоро, с утратою и изменениями звукового состава: *побег я домой к маннъке* (Современник, кн. II, с. 476; вместо *к маменьке*); *Ефремов*, *ундерцер* (с. 482; вместо *унтер-офицер*)*; куште (с.* 495, 499; вместо *кушайте*); *бачука,* звательная форма (изд. 1872 г., с. 78, 89; вместо *батюшка — бачушка*).

Верно обозначено особое произношение союзов и наречий при условиях эмоциональных интонаций: *хозяин кэ-эк на него зарычит* (Современник, кн. II, с. 479). *Ддэс! то совсем другое дело! А ттто скажжите* (с. 490). В последнем примере видим удлинение согласных, произносимых усиленно, с возбуждением. То же явление отмечу по тексту 1872 г.: *Отец!..Ды разя... Ахх ттты боже мой!* (с. 72).

Долгое твердое *ш* живого областного говора указано в нескольких случаях: *такая смердюшшая!* (о вони; Современник, кн. III, с. 143); *вытасшили его?* (там же, с. 149). Переход его в простое *ш* видим в примере: *волоса топоршутся* (изд. 1872 г., с. 16). По этому же изданию укажем местную форму звательно-

го падежа: *ты*, *Прошъ*, *посматривай!* (с. 52). В издании 1883 г., т. I, с. 36: *Проша.* Областную форму предложного падежа находим в примере: *спали на мокроте*, *на дожжу* (Современник, кн. II, с. 477). В издании 1883 г., т. I, с. 14: *на дожде.*

IV

На почве непонимания издателями особенностей местного языка и произношения, показанного автором, при воспроизведении и правке его текстов происходили разные недоразумения, а иногда и полное искажение слов. Например, мало понятна фраза: «как бы кого линейкой *обесславить*» (Современник, кн. II, с. 474). Вероятно, в рукописном тексте стояло *обасловить*, т.е. «благословить» в значении: ударить.

Любопытна история следующего текста:

«— По этому случаю я ужь с вас, ангелы, — по полтинничку получу... — *Гряби!* Хучь бы мало-мало... Палтинник! *Гряби* смело» (Современник, 1866, кн. III, с. 164).

Гряби — очевидно, по акающему местному произношению, *греби*, т.е. загребай, забирай деньги, только устрой продажу. В издании 1872 г. на месте первого *гряби* стоит *грабь* (грубое изменение смысла), на месте второго *гряби* стоит *грябь*, т.е. слово, не имеющее никакого смысла. Этот нелепый текст сохранился и в издании 1883 г. (с. 86). В издании 1889 г. он «исправлен»: *грябь* заменено словом *грабь.*

Подобного рода недоразумения с областными словоупотреблениями в тексте Г.И. Успенского встречаются и позднее. Так, малоосмысленным является следующий текст: «Покуда сын-то подростал, ничего был человек, бился *по христиански*, один сам собой все хозяйство правил...» (Отечественные записки, 1878, кн. XI, с. 229; Из деревенского дневника, I; изд. 1884 г., V, с. 165; изд. 1889 г., II, с. 112). Здесь очевидная ошибка. Содержание не имеет религиозного оттенка в значении, и понятие о христианстве в данном случае совсем неуместно. Можно догадываться, что у автора было написано: «бился *по-хрестьянски*», согласно

с обычным народным произношением: *хресьянин, хресьянский*, вместо *крестьянин*, *крестьянский*. Вероятно, первые издатели текста Г.И. Успенского этого не поняли, но не решились передать точно и переделали на литературный лад, исказив настоящий смысл слова.

V

Переходя от лексики к отделу грамматики, остановимся на формах словообразования, морфологии и синтаксиса, отличающих главным образом собственно литературную речь Глеба Ивановича. Эти данные все еще относятся более к языку писателя, чем к его орфографии.

Ходячие старинные и простонародные отечественные имена на *-ыч* и *-ич* (*Иваныч*, *Павлыч*, *Андреич*), употребляемые в народных массах и ныне, совсем не следовало бы переделывать в текстах Г.И. Успенского на *Иванович*, *Андреевич* и подобные слова другого стиля, как это делал, например, тот корректор «Северного вестника», о довольно недоброкачественной правке которого мы говорили выше. Обращение к хозяину постоялого двора: Иван *Семеныч* — самое натуральное и не могло быть иным, но корректор все-таки заменил его словом *Семенович*.

Свойственная языку Г.И. Успенского диалектическая форма *камушек* («Привычный деревенский житель, знающий в своей деревне каждый *камушек* на улице...», Отечественные записки, 1878, кн. XI, с. 223) держалась в изданиях сочинений Г.И. Успенского 1884 и 1889 гг., но в издании Маркса заменена формой *камешек.* Областная форма *солнушко*, также сохранившаяся в тексте «Отеч. зап.» (1878, кн. XI, с. 226) и в тех же изданиях 1884 и 1889 гг., в издании Маркса уже совсем напрасно переделана на *солнышко*, так как она находится в речи крестьянина. Также вследствие непонимания русского языка не сохранилась в тексте сочинений Г.И. Успенского форма слова *судия*, употребленного в возвышенном смысле. «[Староста был] первый наш *судия*, хранитель мирской, божий человек...» (Отечественные записки,

1878, кн. XI, с. 226). Издание 1884 г.: *судья.* Так же и в издании 1889 г.

Как черту старого русского и областного языка отметим в речи Г.И. Успенского сохранение в неизменной форме имени лица, когда оно соединено с отчеством: «В окно он увидел *Прохор* Порфирыча» (Современник, т. II, с. 494). В издании 1883 г.: *Прохора.* Так же в издании 1889 г.

Замечательною особенностью личного языка Г.И. Успенского является чрезвычайно последовательное употребление форм творительного падежа на *-ию* от имен женского рода на *-ь*: *с скорбию произносил* (Современник, кн. II, с. 472), *с осторожностию коснулся* (там же, с. 482), *с такою же точно рассудительностию* (там же, с. 494), *с жадностию схватила* (там же, с. 498), *деревенские порядки далеко не отличаются прочностию и стройностию* (Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 22), *порешили было не бить*, *а полностию предоставить в волость* (там же, кн. XI, с. 226). Пристрастие автора к этой полной форме творительного падежа обнаруживается и в его рукописях. Так, в автографе статьи «Кой-про-что. V» мы отметили: *за продолжительностию... практики* (л. 9), *не старостию*, *а каким-то бессильным равнодушием...* (л. 17). Такие формы автор употребляет и в своей и в чужой речи (даже в словах мещан и крестьян). Никакие корректоры, постоянно заменяющие эти формы формами на *-ью,* не могли отучить его от привычки к употреблению данных форм. По-видимому, это одна из немногих прочных особенностей, вынесенная писателем из его семейного языка, — черта духовной школы, наследство от отца и дедов семинаристов. Оттуда же частью шли и некоторые книжные формы слов орфографического порядка, о которых мы будем говорить дальше.

Сочетание *в течении* («*в течении* целого года», Современник, кн. II, с. 466; «*в течении* последних двадцати пяти лет», Кой-про-что, рукопись, л. 1), которое обычно употребляет Г.И. Успенский, не есть словоупотребление ошибочное, так как предлог *в* может управлять и винительным падежом и предложным. Формы с последним мы знаем у Пушкина и Тургенева.

В некоторых случаях Г.И. Успенский для множественного числа существительных мужского рода предпочитал формы на *-а, -я,* идущие из областного просторечия: *токаря* (Современник, кн. II, с. 466), *волоса* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 16), *телячьи баса и баритоны* (Кой-про-что, рукопись, л. 15).

Несколько старомодно, но вполне правильно употребляет автор собирательное числительное *двои* при существительных, употребляемых только во множественном числе: «сутки *двои*» (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 142), «сутки через *двои*» (там же, с. 306).

Старая грамматическая школа, пройденная Г.И. Успенским, обнаруживается и в употреблении им формы *всклоченный* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 304: «Голова его была *всклочена*», «*всклоченная голова*», там же, с. 325; «Волоса... были *всклочены*», Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 5). Как любопытный пример корректорского своевольства следует указать, что эта классически правильная форма переделывалась на *всклокоченный* (см. изд. 1889 г., т. I, с. 133; т. II, с. 79).

В числе старых и замечательных фактов русского литературного языка мы должны указать встретившуюся у Г.И. Успенского деепричастную форму *жив*: «Лишившись земли... придется... пойти по миру, будучи хозяином общественных лесов, угодий, общественных сумм, *жив* в благодатной плодородной местности...» (Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 16). В издании 1884 г. (т. V, с. 126) и 1889 г. (т. II, с. 86): *живя*, но автор, очевидно, хотел употребить форму прошедшего, а не настоящего времени.

Из форм синтаксического порядка обращает на себя внимание редкий *оборот: старуху все боялись* (Современник, кн. II, с. 497; изд. 1883 г., кн. I, с. 39). Издание 1889 г., с. 27 дает этот текст в следующей самовольной переделке: «Поэтому *старухи* — все боялись». Новое издание сочинений Г.И. Успенского должно очень опасаться, чтобы в него не проникли подобные

неоправданные изменения синтаксиса и нелепые поправки пунктуации из предыдущих изданий.

В области согласования слов замечательны у Г.И. Успенского случаи с сказуемым множественного числа при местоимении *кто,* относящемся к нескольким лицам: «И вот умирает ребенок, оставляя в сознании тех, *кто любили* его, сознание непроходимой темноты и тяжести» (Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 13).

Любопытно по согласованию и вполне натурально также следующее синтаксическое сочетание; «А *ты* с женой только *смотрели* и *ахали?*» (Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 36). Обе эти конструкции напрасно «исправлены» в последующих изданиях, так же как и вполне нормальная следующая: «Так ударил бутылкой в грудь, что из нее *выплеснула струя* водки» (Кой-про-что, рукопись, л. 26). В тексте «Северного вестника» и следующих изданий, например, 1889 г. (кн. I, с. 1077): «из нее *выплеснуло струю* водки».

VI

Переходя к вопросам собственно орфографическим, остановимся главным образом на двух сторонах текстов Г.И. Успенского: 1) правописание слов, 2) пунктуация.

По первому отделу мы не имеем значительных материалов. Орфография Г.И. Успенского, как человека хорошо образованного, не выходила в общем из обычных норм его времени. Конечно, даже в печатных его текстах мы могли бы набрать немало ошибок в отношении употребления разных букв, например *а* и *о*: *горнизонных солдат* (Современник, кн. II, с. 465), *наровил* (там же, с. 466), *в кои-с то веки* (т. III, с. 146)[163], *такарному мастерству* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 16), *шаршавая* (там же, с. 229), *окамельком* (Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 28; от слова *комель*).

[163] Эта ошибка дала повод к неверной поправке кои-то (изд. 1883 г., с. 63).

Нередко встречаем неправильное правописание в окончаниях глаголов 3-го лица множественного числа на *-ут, -ют* вместо *-ат, -ят* (согласно живому южновеликорусскому произношению): *ежутся* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 115), *заклад держут* (там же, с. 308; в мещанской речи); иногда, же, наоборот, на *-ат, -ят* вместо *-ут, -ют: полощатся* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 118), *чуят* (Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 24).

Встречается неправильное употребление отрицания *не* вместо *ни*: «Как *не* бьется, как *не* бьется, а уж к ночи готов» (Современник, кн. III, с. 169); «сколько мы *не* разведывали» (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 178). «А рабенок ей *не* почем» (Северный вестник, 1886, кн. XI, с. 130). Это последнее — ошибка корректора; в авторской рукописи написано правильно: *ни по чом* (л. 20). Как ясно показывает последний пример, мы не всегда можем приписывать печатные ошибки автору.

Все эти ошибки следует расценивать с точки зрения своего времени. В годы учения Г.И. Успенского и начала его литературной деятельности орфография и в школе, и в печати вовсе не была такой строгой, какой явилась она позднее, в конце прошлого века и потом. Тогда требовалась лишь относительная, общая грамотность, и Г.И. Успенский был не единственный в числе пишущих и образованных людей, допускавший в своем писании ошибки в употреблении буквы «ять». Такие ошибки, по-старинному, в канцеляриях прощали за красивый почерк или хороший слог, а в литературных работах их не замечали при ценном содержании написанного. Вот почему они встречаются и в рукописях Г.И. Успенского. Эти рукописи не все одинаковы. Одни писались разборчиво, старательно, спокойно, — в них орфографических ошибок немного. Некоторые рукописи писаны спешно, можно сказать нервно, — в них ошибок больше. В спешном письме мы скорее найдем букву *ѣ* там, где она не нужна (*лотадѣй, имѣнно, лѣлѣять*), и *е* на месте *ѣ,* слабое различение букв *а к о,* отсутствие знаков препинания, слитное написание предлогов с именами и отрицания с глаголами. Если я

не ошибаюсь, то в рукописях конца литературной деятельности Г.И. Успенского ошибок встречается не меньше, а больше, чем в ранних. Замечу еще, что спешность, горячка в работе автора не была небрежностью. Следов последней, например описок, мы встречаем мало в работах спешного письма.

В общем необходимо признать, что ошибки в правописании, встречающиеся в печатных и рукописных текстах Г.И. Успенского, во многих случаях малохарактерны, непоказательны для его письменной речи. Как мы старались выяснить это и раньше, так и теперь мы остановимся лишь на тех особенностях его орфографии, которые имеют исторический, лингвистический или литературный смысл. Прежде всего, в ней сохранились следы старой орфографической школы времен Н.И. Греча и 40—50-х годов.

В разных случаях обращают на себя внимание такие старинные написания в текстах Г.И. Успенского, как: *стклянками* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 304; изд. 1883 г., с. 208), *ко храму* (Малые ребята, рукопись, л. 49), в печатном тексте: *к храму* (Отечественные записки, 1880, кн. V, с. 34), *покоряйся* (Современник, кн. II, с. 476), *грамотный* (Отечественные записки, 1878, кн. IX, с. 16). В особенности замечательно настойчивое правописание сложных с предлогами форм глагола *идти* с *д*: *войдти* (Современник, кн. II, с. 478), *найдти* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 173; Малые ребята, рукопись, л. 2), *обойдтись* (Кой-про-что, рукопись, л. 9) и под. Также: *прийдет* (там же, л. 5).

Г.И. Успенский писал по-старинному также производные от имен на *-мя: имянинница* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 177), даже *поимянно* (там же, с. 321), с особым старым произношением этого слова; допускал окончание *-инька* вместо *-енька: дядинька* (там же, с. 192), что нередко встречалось в текстах первой половины XIX в.; писал, как писали обычно до Грота, в окончаниях существительных на *-ик* букву *щ* вместо *зч: душеприкащики* (Современник, кн. II, с. 489); по очень старой орфографической традиции писал без *ь* после согласной такие

слова, как: *осмигранный* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 3), *будте* (Кой-про-что, рукопись, л. 6), *возми* (там же, л. 23); писал по старой орфографии *ь* после *ч* в окончаниях существительных именительного падежа единственного числа: *Павлычь* (Малые ребята, рукопись, л. 51), *Семенычь* (Кой-про-что, рукопись, л. 26), и в родительном падеже множественного числа: *плечь* (там же, л. 4) и под. При этом Г.И. не совсем законно распространял такое правописание и на случаи после буквы *ш: нашь* (Кой-про-что, рукопись, л. 14, несколько раз, видимо, по твердо усвоенной привычке), *калошь* (там же, л. 23). Также писал по-старому: *заваленка* (Современник, кн. II, с. 484), *свояченица* (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 35).

Г.И. Успенский, как видно, воспринимал и некоторые орфографические тенденции своего времени. В 60-х годах существовало течение избегать в письме удвоения согласных, часто сокращающихся в живом русском языке, особенно в словах иностранных. Защитником этого взгляда был В.И. Даль, проводивший принцип сокращения удвоенных согласных в своем Толковом словаре русского языка. Г.И. Успенский несомненно был сторонником такого взгляда. Это мы видим из правописания иностранных слов в его рукописях: *пасажирских* (Кой-прочто, рукопись, л. 2), *пасажирам* (там же, л. 5), *паралель* (там же, л. 11), *интелигент* (там же, л. 11), *апетит* (Больная совесть, рукопись).

С другой стороны, орфография Г.И. Успенского пропитана элементами живой речи. Поэтому он пишет по произношению: *буташники* (Современник, кн. II, с. 482); по той же причине в его письме мы находим чисто русские формы, как: *росши* (Нравы Растеряевой улицы, с. 102), *по́мочь* («чуточку мне *помочи-защиты*», Современник, кн. III, с. 142), *перерываемый* («чтение псалтыря, *перерываемое* понюшками табаку», Современник, кн. II, с. 492); ср. книжные: *расти, помощь, прерываемый.* В особенности же живое произношение сказалось в наклонности Глеба Ивановича писать ударяемые сочетания шипящих и *е* через *о: рассчот* (Нравы Растеряевой улицы, с. 12),

причом (там же, с. 142), *о чом* (Кой-про-что, рукопись, л. 2), *в чом* (там же, л. 21), *чортом* (там же, л. 23), *научон* (там же, л. 28), *в чорном теле* (там же, л. 26), *дешовых* (там же, л. 2), *вошол* (там же, л. 22) и т.п.

Говоря вообще об орфографии Г.И. Успенского, мы приходим к заключению, что несоблюдение принятых форм письма в его текстах встречается нередко. Наш писатель не был твердым хранителем и исполнителем книжных орфографических традиций. Его литературный язык в своем содержании и оформлении находился под сильнейшим влиянием живой народной речи, наблюдаемой им на обширных и разнообразных пространствах, в самых глубинах моря народных говоров, в разнообразных социальных группах города и деревни, Во всем предыдущем изложении мы видели многочисленные примеры этого влияния живой речи на письменные продукты его литературного творчества. Слово «влияние», можно сказать, недостаточно выражает дело: живой язык как отражение подлинной жизни и ее интересов питал и вдохновлял литературное творчество Г.И. Успенского. Живая речь сильнейшим образом отразилась и в приемах пунктуации автора, к которой мы теперь переходим.

VII

Пунктуация печатных и особенно рукописных текстов Г.И. Успенского представляет много своеобразного. Она, несомненно, давала наибольшие затруднения первым издателям его текстов. Это — больное место его орфографии, но к этому больному месту нужно подойти осторожно и деликатно, не допуская тех грубых приемов и той неумелости, которые обнаруживаются в издании некоторых (скорее, многих) его текстов. Существенные особенности пунктуации текстов Г.И. Успенского двух родов: 1) в скором, а иногда и неспешном письме он не дописывал знаки препинания, главным образом запятые, т.е. не ставил их там, где полагается; 2) в его рукописях, а частью и в печатных текстах очень нередко стоят знаки препинания в та-

ких местах, где они нами не ставятся. Имея это в виду, казалось бы, нетрудно разрешить вопросы издания текста автора: 1) недостающие знаки поставить на своем месте, 2) излишних не допускать в печать. Так это, по-видимому, и делали опытные и сведущие издатели его сочинений, когда, например, они печатались в «Современнике» и «Отечественных записках». Но не все издатели обладали таким большим литературным знанием и пониманием, чтобы найти и осуществить этот верный прием издания. Некоторые так были сбиты с толку странностями пунктуации Г.И. Успенского, что никак не могли понять сущности дела и встать на настоящий путь издания. Так, например, корректор «Северного вестника» в статье «Кой-про-что» соединил самым нестройным образом и недопустимые стороны пунктуации автора, и свои собственные весьма неудачные приемы обработки корректуры в отношении знаков препинания, так что во многих случаях получился текст весьма безграмотный.

Другой крайностью было бы признание автора совсем не умеющим ставить знаки препинания и как выход из положения принятие дела пунктуации в свои руки. При всем своеобразии пунктуации Г.И. Успенского в ней есть многие ценные свойства, и она все же должна лежать в о с н о в е издания текста, так что отнимать ее из рук автора, не лишенных литературного искусства, никак невозможно. Чтобы не слишком удаляться от авторского текста в отношении пунктуации, следует держаться двух принципов: 1) при постановке недописанных автором знаков препинания не следует проявлять слишком большого усердия, т.е. проводить последовательно пунктуацию самого последнего времени; 2) при уничтожении излишних знаков следует оказывать известную осторожность, оставляя их там, где соответствующая русскому языку система пунктуации позволяет их сохранить. Эти критические приемы, при допустимых отклонениях от ходячего орфографического кодекса, дадут именно ту пунктуацию, которая будет наиболее близка авторскому тексту.

Не рассматривая этого сложного вопроса во всех подробностях, я коротко остановлюсь на главных, существенных его сторонах, пользуясь своими наблюдениями над печатными и, главным образом, рукописными текстами автора.

Уже с первых страниц первого большого произведения Г.И. Успенского «Нравы Растеряевой улицы» мы видим главные особенности пунктуации автора. Он не ставит, например, запятых при словах вводных: «И надо всем этим по обыкновению тихая песня» (Современник, кн. II, с. 466). Пропускает запятую при слове *кроме* с управляемым им падежом: «Кроме того город славится...» (изд. 1872 г. т. I). Не ставит запятой перед союзом *и,* когда с него начинается другое предложение: «...отвечал другой и оба с серьезными лицами проходили мимо» (там же, т. 2). В подобных случаях пунктуацию Г.И. Успенского, конечно, следует «доделать», поставив нужные знаки на своем месте. Однако пропуски запятых у автора не всегда так ошибочны, как это может казаться. Он, например, пишет: «Чего чего только нету у него» (Нравы Растеряевой улицы, с. 181); «Много много, если хватит пороху» (Кой-про-что, рукопись, л. 3). По современной шаблонной пунктуации здесь обычно ставится запятая, хотя лучше подобные слова не разделять запятой, а соединять дефисом, так как они и в отношении значения, и в отношении произношения соединяются в одно сложное сочетание. Автор несомненно это чувствовал; очевидно, потому и не разделил данные слова запятою.

С другой стороны, у Г.И. Успенского видим неположенные знаки препинания, разделяющие связанные управлением или согласованием члены предложения. Вот несколько примеров: «В этом так упорно веющем отовсюду безмолвии и сне — нет минуты покойного сна» (Современник, кн. II, с. 466); «С целью достигнуть этой любви, Хрипушин прежде всего старался...» (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 140); «Во время севастопольской кампании, он производил в нашей стороне неописанный фурор» (там же, с. 140); «Когда веселый дом чиновника, уныло стоял с запертыми в нижнем этаже окнами...» (там же, с. 6).

Подобные примеры, число которых можно бы увеличить во много раз, показывают, что у Г.И. Успенского была «своя» пунктуация, не синтаксическая, которая у нас принята, а интонационная, показывающая членение речи в ее живом произношении. Писатель имел дело в процессе изложения не с мертвыми графическими знаками: он как бы слышал, он производил и изображал живую речь с ее естественными паузами. Правда, что его знакоположение противоречит нашей системе пунктуации, основанной на отвлеченном синтаксическом делении речи, но эта наша система, в известной части весьма механическая, все же допускает некоторые уступки в пользу интонационных расчленений речи. Конечно, запятая между подлежащим и сказуемым, которая стоит у Г.И. Успенского в последнем из приведенных примеров, совершенно не допускается нашим современным письмом, но с интонационными запятыми, отделяющими сложные члены предложения во втором и третьем примерах, можно бы примириться, как примирилась с ними редакция «Современника». Точно так же, по нашему мнению, следовало бы сохранить столь уместное и выразительное с точки зрения живого произношения тире в первом примере. Наша пунктуация все еще находится в процессе своего сложения. Кроме школьных учебников, мы не имеем ни одного основательного научного исследования о знаках препинания, в котором вопросы их употребления были бы изучены широко и свободно на основании их употребления у больших классических литераторов и ученых, в историческом и бытовом употреблении и освещении. Подчинить весь русский литературный язык ограниченному пониманию авторов школьных учебников и не всегда достаточно образованных корректоров-практиков — значит допустить в его обработке проведение линии шаблонного равнения, вопреки показаниям авторов как авторитетных специалистов в понимании и изображении русского слова и в ущерб точной художественной передаче живой речи.

Как верно и тонко Г.И. Успенский иногда оттенял знаками значение и произношение, показывает, например, следующий текст: «С каким удивительным искусством передавал он подви-

ги солдата Кошки, ускользнувшего из-под носа — целой французской армии!» (Нравы Растеряевой улицы, изд. 1872 г., с. 140). В издании 1883 г. тире уничтожено, нет его и в издании 1889 г. Но это тире — необходимый риторический знак, подчеркивающий, усиливающий значение следующих слов. Его можно бы, пожалуй, заменить многоточием, но уничтожение его — явное доказательство непонимания речи писателя.

Просмотр рукописей Г.И. Успенского значительно дополняет наши наблюдения и усиливает впечатление известной ценности его пунктуации и недостаточной ее охраны в печатных изданиях. Остановимся на нескольких примерах из статьи «Кой-про-что», сличая рукопись и печатный текст в «Северном вестнике» (1886, кн. XI, с. 117—142). Берем пример из самого начала рукописи: «Если есть в настоящее время у кого-нибудь на Руси, живые темы для живого жизненного разговора, о живых, жизненных делах и вопросах, — так это по истине единственно, кажется, только в народной среде, то есть у мужика» (л. 1). В печатном тексте сохраняются две первые запятые, излишние с точки зрения нашей пунктуации, и ставится, без особой нужды, в запятых сочетание «по истине» (с. 117). Еще два примера: «Густые рыжие с проседью волосы, неряшливо падали на низкий лоб» (рукопись, л. 17); «Бурное появление взбешонной Марьи, заставило хозяина сказать ей...» (л. 19). В обоих случаях излишние запятые между подлежащим и сказуемым сохранены в печатном тексте, а во втором примере поставлена еще ненужная запятая после слова *появление* (с. 128—129).

Механически относясь к тексту автора, корректор данной статьи снабжает его своими запятыми в таких местах, которые изменяют его значение. В рукописи читаем: «— Да и комнату бы, ночевать будем...» (л. 17). В печатном тексте: «— Да, и комнату бы...» (с. 128). Ясно, что авторское *да* имеет значение «также», почему и поставлено без запятой. Корректорская запятая изменяет смысл речи.

Особенно замечательна здесь по своей неграмотности корректорская постановка запятых перед словом *что* (независимо

от его употребления): «[Хозяина] нет, что-то нигде» (с. 132). Возможно было бы еще поставить сочетание *что-то* в запятых, но одна запятая не имеет никакого смысла. В рукописи правильно, без знаков: «нет что-то нигде» (л. 22). Еще безграмотнее следующий текст: «Ну, пока, что жил, терпел» (с. 136). В рукописи: «Ну, пока что жил, терпел» (л. 29).

Понятно, что при такой слабой орфографии и таком малом знании русского языка корректору данного издания совсем не следовало раскрашивать речь автора своими интонационными знаками. Однако он производил эту работу столько же с большим усердием, сколько с малым пониманием исправляемого текста, не сознавая, что в печатаемой рукописи представлена речь более или менее признанного художника, мастера литературного слова. Вот текст автора: «Друг любезный, сказал он подходя к фургонщику, — как бы хозяина позвать. Чайку надо...» (л. 15). Вот его печатная передача: «Друг любезный! сказал он подходя к фургонщику, как бы хозяина позвать? Чайку надо...» (с. 127). Авторскую пунктуацию здесь следовало бы доделать, т. е. поставить тире после *любезный,* чтобы отделить чужую речь от авторской, и запятую после *он.* Этого как раз корректор не сделал. Он решил «исправить» текст автора, снабдив его знаками восклицания и вопроса. Но кому же, собственно, принадлежит определение смысла и интонации литературной речи? Автору или корректору? Кто лучше знает, как здесь произнесено обращение: восклицательно, риторически или просто, разговорно? вопросительно, с недоумением произнесены слова о желании позвать хозяина, или это форма, в которой излагается просьба?.. Вот еще пример, один из многих: хозяин постоялого двора говорит взбешонной Марье: «Кажется можно потише, поакуратней, — чего уж так-то?» (рукопись, л. 19). В печатном тексте: «Кажется можно потише? поаккуратней? чего уж так-то?» (с. 192). Опять корректор не ставит пропущенную запятую после слова *кажется* и вставляет два своих вопросительных знака. К чему и почему? Если мы заглянем в рукопись, то увидим, что автор первоначально не предполагал ставить даже и

одного знака вопроса. Он поставил сначала в конце слов хозяина многоточие и лишь потом дополнительно — знак вопроса. Ясно, что Г.И. Успенский хотел показать мягкость речи хозяина, обращенной к раздраженной девице.

Подобных аляповатых приемов раскрашивания текста никак нельзя допускать в издании сочинений Г.И. Успенского. Нельзя забывать, что в своей литературной речи автор был не крикливый декламатор, а спокойный, трезвый наблюдатель и художник. Приведу еще пример авторской сдержанности в интонациях речи и корректорской неумеренности в ее передаче. В рукописи: «А это агент-то, анафема, немец...» (л. 32). Видно, что это речь, произнесенная в горьком, спокойном размышлении. Вот как шумно передается она в печати: «А это агент-то, анафема! немец!» (с. 138)

VIII

В конце моих заметок я должен коснуться еще одной важной стороны в издании сочинений Г.И. Успенского. Там, где автор дает чужие малограмотные тексты, совершенно недопустимо придавать этим текстам литературное оформление, подменять намеренно показываемую безграмотность полной грамотностью. Например, в статьях «Из деревенского дневника» (гл. IV, отд. 4) Г.И Успенский приводит прошение крестьян и другие малограмотные документы с оговоркой, что текст дается «в подлиннике». В «Отечественных записках» (1878, кн. IX) это прошение и документы еще сохраняют некоторые следы малограмотности, но в Сочинениях, особенно в издании 1889г. (т. II, с. 78—91), все ошибки старательно выправлены, и от малограмотности не осталось никакого следа. В статье «Малые ребята», напечатанной в «Отечественных записках» (1880, кн. V, с. 1—40), дается ряд детских сочинений. В этих сочинениях рукопись автора дает много диалектических произношений и форм областного языка, совершенно естественных и необходимых по характеру текста (сочинения писаны крестьянскими детьми), но

эти черты языка в большинстве случаев изглажены корректором журнала. Вот примеры: *свешники, свешникам* (рукопись, л. 51), напечатано: *свечники, свечникам; Федор* (л. 51), напечатано: *Феодор* (с. 36); *болей* (л. 51), напечатано: *более* (с. 36), *дивишник* (л. 51), напечатано *девишник* (с. 36); *делат, читат* (л. 51, 52; стяжение гласных в глаголах, характеризующее северные великорусские говоры), напечатано: *делает, читает; лошадми* (л. 52), напечатано: *лошадьми*. Не привожу дальнейших примеров этого неуместного исправления языка крестьянских детей, который автор представил с такой внимательностью, а корректор переделал с полным непониманием.

К. ПЕТРОВ, СЛОВАРЬ К СОЧИНЕНИЯМ И ПЕРЕВОДАМ Д.И. ФОНВИЗИНА

Издан при содействии императорской Академии паук. СПб., 1904. VI + 646 с. в $^1/_4$ листа в два столбца

В предисловии автор словаря указывает и его значение, и его главные недостатки. Действительно, в его труде мы имеем «первый опыт словаря к русскому писателю». Справедливо, что нужно считать недочетом в словаре все то, на что указывает К. Петров: «1. Выписываемые слова не всегда поставлены на своем месте вследствие нашего колебания относительно их орфографии. 2. Так как многие слова имеют несколько значений, которые и отмечены особыми цифрами, то в группировке примеров к ним встречаются нередко сбивчивость и неточность. 3. При многих примерах не указано, из какого сочинения Фон-Визина они взяты. 4. На некоторые слова приведено излишнее количество примеров и пр.».

К. Петров указал не все недостатки своего труда. Некоторых он не заметил или не счел возможным избежать. Обратим на них наше внимание.

В словаре есть пропуски. Отметим те, которые мы нашли: *Апробованный.* «Как примечания, так и резоны, для которых Академия решилась их принять и *опробованное* начертание переменить, не произвели во мне, признаюсь вам, никакого убеждения» (Письмо к О.П. Козодавлеву о плане российского словаря. Сочинения Д.И. Фонвизина / под ред. А.И. Введенского. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1893. с. 254. Дальнейшие ссылки относятся к тому же изданию).

Безнедоимочно. «Они платят подати и оброк *безнедоимочно*» (Поучение, говоренное в духов день иереем Василием, вс. П. Соч., с. 181).

Взмилить.

Тому уж года три, боярыня живет.
Все плачет да грустит, не *взмилил* ей и свет
(Корион. Соч., с. 125).

Завтрее. «Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до *завтрева*» (Недоросль, Соч., с. 57).

Изворовaться. «Посмотрим на всех тех крестьян, которые обедняли, или которые *изворовались*» (Поучение, говоренное в духов день... Соч., с. 180).

Приобретший. «Сему историческому известию надлежит ныне ограничиться... в изображении душевных его (гр. Н.И. Панина] свойств, *приобретших* ему всеобщее почтение» (Сокращенное описание жития графа Никиты Ивановича Панина. Соч., с. 184).

Шелливый. Пример находится при слове *дитя.*

Щечить.

Играй, хоть от игры и плакать ближний будет;
Щечи его казну — твоя казна прибудет.
(Послание к слугам моим... Соч., с. 152).

Так как подыскать несколько пропущенных слов стоило нам порядочного труда, то можно думать, что пропусков в словаре не очень много; но они есть.

Мы не искали случаев, где бы были пропущены значения слов. Но считаем себя вправе сказать, что есть и они. Например, сверив с словарем случайно попавшуюся нам фразу, в которой есть слово «квартира» в интересном переносном значении, мы убедились, что подобного примера в словаре нет. Вот эта фраза вместе с другими ее объясняющими: «Наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержит глаголы в неопределенном. Теперь (когда Академия решила ставить в словарь глаголы в первом лице настоящего

времени) надобно переводить их на новые квартиры: *быть* из литеры *Б* отправить в литеру *Е — есмь; слать* из литеры *С* в литеру *Ш — шлю*, и проч.» (Письмо к О.П. Козодавлеву... Соч., с. 258). Затем попадались нам и другие значения слов, не приведенные в словаре.

Словарь не обозначает также всех частиц, какие встречаются у Фонвизина. Так, мы не находим в нем частицы *от*, которая считается замечательным остатком члена в русском языке. В сочинениях Фонвизина такая частица употребляется. В «Недоросле» г-жа Простакова говорит: «Да *первоет* портной у кого же учился?» Здесь частица *от,* член мужского рода, скрыта неудачным правописанием (нужно бы написать: *первой-от*). Другой пример на *от* см. под словом *немецот.* Нет в словаре и частицы *тка,* которая есть у Фонвизина: «*Побегутка* теперь на голубятню...» (Недоросль. Соч., с. 59).

Другие частицы мы находим в словаре К. Петрова. Например, есть *ста, ка* (но разве в сочинениях Фонвизина нет частицы *ко,* которая должна бы быть более употребительной, как это доказано академиком Соболевским, разъяснявшим, что при глаголах имеет место *ко,* при других словах *ка?*).

Составляя словарь к писателю, необходимо собрать не только полный перечень употребляемых им слов во всех разнообразных их значениях, но нужно обращать внимание и на грамматические формы слов. Если в склонении, в спряжении, в управлении слов есть у данного автора какие-нибудь особенности, их очень желательно видеть в словаре. Для примеров всего лучше брать слова именно с такими особенностями. К. Петров поступал так во многих случаях, но не всегда. Например, мы не видим из словаря, что Фонвизин слово *дом* ставил в родительном падеже в форме *дому:* «отнял благодать от *дому* его» (Соч., с. 181); слово *коварство* ставил и во множественном числе: «с каким презрением [гр. Панин] сносил все *коварства* мелких душ» (Соч., с. 183); слово *рад* употреблял во множественном числе в древней и народной форме *ради* (пример при слове *толчок*); слово *сватать* употреблял с предлогом *на* (пример при

слове *девушка*); слово *сын* в родительном падеже множественного числа ставил в форме *сынов:* «окруженный тридцатью пятью человеками своих *сынов,* внучат и правнучат» (Соч., с. 181); от *невежа* родительный множественного у него был *невежей* (Соч., с. 127) и т.п.

Мы перечислили недостатки, так сказать, количественные, но в словаре К. Петрова есть и недостатки качественные. Самым крупным из них мы считаем тот, что в словаре обыкновенно нет значений слов. Это недостаток огромный, лишающий словарь и практического и научного значения. В самом деле: зачем простому читателю сочинений Фонвизина словарь, в котором он не найдет, что значит то или другое непонятное ему слово? Какую помощь в затруднительном случае окажет словарь историку литературы или историку языка, желающим навести справку о каком-либо слове? Ученые узнают, что это слово встречается у Фонвизина. В каком значении? Неизвестно. В каких формах? Не всегда известно. Чтобы уяснить значение и время употребления слова, можно бы навести справку в его сочинениях. Дело это нелегкое и кропотливое, но оказывается, что этого иногда прямо невозможно сделать, потому что в словаре не обозначается не только тома и страницы издания, но «при многих примерах не указано, из какого сочинения Фон-Визина они взяты» (Предисловие автора).

Конечно, нет нужды в словаре к какому-либо писателю давать объяснения всех слов, какие у него встречаются. Многие слова отличаются устойчивостью своих значений. Необходимо, однако, объяснить все те слова, которые отличают его сочинения.

Отличия эти могут быть трех родов: 1) сравнительно с языком предшествующих писателей, 2) сравнительно с языком современников, 3) сравнительно с языком последующих эпох и, в частности, нашего времени.

Соблюсти эти идеальные требования трудно. Чтобы упростить дело, можно ограничиться наименьшим: 1) объяснять слова, которые стали неупотребительны или малоупотребительны

в наше время, 2) объяснять также слова, значение которых впоследствии изменилось.

Отметим несколько подобных слов, найденных нами необъясненными в словаре К. Петрова (иногда он ставит объяснения значений слов в самом примере, печатая их в скобках курсивом): *благонамерение, благородный, буде, воровать, воровство, вор, дефиниция, дирекция, диссимуляция, должность, замешательство, камзол, капабельный, кафтан, конец, критик, критиковать, литера, низкий, в рассуждении, сентимент, содомно, содом, употреблять, шильник, шаль, шпынь, шпынять* и мн. другие тому подобные. При разнице языка нашего времени и времени Фонвизина собрание таких слов могло бы быть многочисленно. Удовлетворить же справедливым желаниям читающих и изучающих сочинения Фонвизина было бы в этом случае и не особенно трудно, так как у нас имеется прекрасное пособие для объяснения слов у писателей XVIII в. — Словарь Академии Российской 1789—1794 гг.

В данном случае автор словаря не только не исполнил нужной части своей работы, но еще и не использовал лучших результатов своего труда по изучению Фонвизина. При продолжительной и кропотливой работе над словарем Фонвизина ему, вероятно, приходилось не раз задумываться над значением разных слов и оборотов у изучаемого автора. Дальнейшее изучение текста, сравнение разных мест со сходными словами и оборотами, конечно, привели его к ясному пониманию подобных затруднительных мест. Жаль, что этими знаниями он не поделился с читателем. Последнему нужно понимать значение слова из одной, обыкновенно очень короткой фразы, тогда как нередко мы понимаем слова только в полном тексте, из совокупности фраз.

Словарь К. Петрова не обозначает ударений, хотя это иногда и возможно, так как Фонвизин кое-что написал стихами. В этих стихах мы находим интересные особенности в ударениях: *кроме́, деля́т, третья́го, кони́, до́мы, судьй, во́зьмут, ре́звятся, договор́* и др.

С сердитыми шутить я знаю каково.
Кроме меня с собой он не взял никого
(Корион. Соч., с. 125).

Тех временных друзей всегда превратны нравы:
Не грусть они *делят*, *делят* они забавы
(там же, с. 129).

За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду *третьяго* дня издох
(Лисица-кознодей. Соч., с. 149).

Малейшего ума пространная столица!
Во области твоей *кони* и колесница...
(Послание к слугам моим. Соч., с. 150).

Москва и Петербург довольно мне знакомы;
Я знаю в них почти все улицы и *домы*...
(там же, с. 151).

До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне
(там же, с. 151).

Что нужды, хоть потом и *возьмут* душу черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти!
(там же, с. 152).

Иные *резвятся,* хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут
(там же, с. 152).

Казалось бы, что сей взаимный *договор*
Французам доставлял такой же малый сбор
(К уму моему. Соч., с. 153).

Указания на подобные ударения для нас особенно любопытны потому, что те же формы по ударению мы находим и у других писателей времени Фонвизина и ближайшей эпохи. Например, у В.И. Майкова находим: *отпу́скную* (Сочинения / под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1867. с. 29), *судьи́* (с. 12), *приговóр* (с. 12).

Фонвизинский стихотворный текст дает также, кроме указанного: *судьи́ — отпу́скная* (Соч., с. 132), *приговóр* (Соч., с. 130).

У Крылова мы укажем из приведенных форм: *кромé, конú, судьи́, зарéзвился:*

На свете много мы таких людей найдем,
Которым все, *кроме* себя, постыло...
(Лягушка и Юпитер)

Кони измучились, и, кучер как ни бился,
Пришло хоть стать. Слезает с козел он...
(Муха и дорожные)

Судьи невдалеке сбирались:
На ближнем их лугу пасли...
(Щука)

Зарезвился мой мальчик, заигрался,
Всклокочил волосы копной.
(Гребень)

Там, где в словаре К. Петрова мы и найдем выписку из стихов, по которой могли бы определить ударение слова, эта выписка нередко сделана неудовлетворительно. Стихи часто выписываются неполными строчками и печатаются как проза. Читатель не видит, что это стих, и не может определить его размера.

Например, вместо:

> Что я не буду век терпеть слуги такова
> И что тебе давно отпускная готова.
>
> (Корион. Соч., с. 132)

выписано: *Тебе давно отпускная готова.*

Вместо:

> Слух есть, что сделан вновь в
> Приказе приговор,
> Чтоб чаще был такой во всем уезде сбор.
>
> (Корион. Соч., с. 130)

выписано: *Сделан вновь в приказе приговор.*

В последнем примере из двухсложных стоп выброшено три слога, т.е. стих совсем испорчен. Кроме того, он разделен на две строчки. Конечно, можно возразить на это, что составитель словаря берег место, экономил на сокращении примеров. Но мы говорим как раз о таких исключительных примерах, которых нашлось бы очень немного. Экономия тут ничтожная, а потеря для словаря очень большая.

Вместе с размером при составлении словаря нужно бы обратить внимание и на рифмы. Мы можем указать некоторые неиспользованные словарем любопытные грамматические данные, заключенные в рифмах Фонвизина. В «Корионе» у него есть такие места:

> Возможно-ль мне еще достойным быть ее?..
> Прерву, прерву несчастно бытие!

Это *ее* (вместо орфографического *ея*) в рифме с *бытие* дает некоторые основания предполагать, что в образованном обществе времен Фонвизина еще можно было слышать произношение *ее* (не *её*), которое теперь наблюдается только в народных

говорах. Наше предположение найдет подтверждение и в правописании Фонвизина, у которого форма *ее* пишется с буквою *ѣ* в конце[164] (см. слово *он* в разбираемом словаре).

Приведем далее:

> И, может быть, мой друг, на свете нет *ее!*
> Вот вся моя напасть, вот бедствие мое!
>
> (Корион. Соч., с. 140)

> Да если б с вами я и в том не думал розно,
> За этот взяться вздор и вам еще не поздно!..
>
> (Корион. Соч., с. 129)

Здесь первое рифмованное двустишие указывает произношение письменной формы *ея* (в нашем тексте написано не по орфографии, требующей *ея*, но по произношению) как *её.* Во втором видим, что письменное слово *поздно* в живом языке не имеет звука *д* (*по́зна* по литературному современному произношению).

Перейдем к замечаниям более мелким, преимущественно внешним.

Кажется, в словаре есть неточные выписки. Мы говорим так неуверенно потому, что основываем свое мнение на том плохом издании сочинений Фонвизина, на которое ссылаемся все время. Так, у К. Петрова: «Бормотанье твое», в нашем издании: «Твое бормотанье». У К. Петрова, под словом *привязка:* «Уязвить его *привязками*», у нас: «Уязвлять его привязками» (Соч., с. 183). У К. Петрова под словом *прилежность:* «Получивших за *прилежность* свою прейсы», у нас: «Получивших за прилежность свою призы» (Соч., с. 231). У К. Петрова под словом *смога:* «Кто кого *смога,* так тот в рога», у нас «Кто кого смога, так тот того в рога» (Соч., с. 149). Здесь уже ошибка в словаре несомнительна. У К. Петрова под словом *стяжать:* «Заслуги

[164] Хотя правописание можно объяснить преданием, а в стихе можно читать её, допуская в следующем *бытиё*.

его *стяжали* ему от Двора разные награды», у нас: «Заслуги его стяжали ему от Двора разные награждения» (Соч., с. 182—183). У К. Петрова под словом *устыжать*: «*Устыжаемы* были его кротким взором», у нас: «Устыжаемы были кротким и ласковым его взором» (Соч., с. 187).

В словаре К. Петрова много слов поставлено не на месте. Для словаря это очень большой недостаток. Если слово поставлено не на месте, то его трудно найти. Возможно и совсем не найти. Причина сбивчивости в размещении слов — колебания в орфографии. Но какой бы орфографии ни держался автор, нетрудно удовлетворить потребности читателей словаря — находить в нем каждое слово. Для этого, помещая примеры под какой угодно орфографической формой слова, составитель словаря должен был помещать в нем другую форму этого слова со ссылкой на первую. К. Петров иногда так и делал. Например, мы находим у него в разных местах: *арифметика и арихметика, что* и *што.* Впрочем, в последнем случае произошла путаница в размещении примеров: под формой *что* есть примеры на *што*. Обыкновенно же составитель словаря предпочитал ставить примеры с разными формами в одном месте, не делая соответствующих ссылок. Так, вместе помещены: *дпвушка* и *дпушка*, *мелкий* и *мѣлкой*, *мелочь* и *мѣлочь*, *помочь* и *помощь*, *судия* и *судья*, *тысяча* и *тысяща*, а *цаловальникъ* и *цѣловать* находятся совсем в разных местах. *Тысяча* и *тысяща*, *помочь* и *помощь*, *судия* и *судья* уж во всяком случае нужно было разделить как слова русские и славянские, подобно тому как в словаре отличены *ночь* и *нощь.* Для *цаловальника* следовало сделать ссылку под словом *цѣловальникъ.* Иначе этого слова не найдешь.

Причастия, деепричастия в словаре напечатаны как отдельные слова (жирным шрифтом), но поставлены иногда не по алфавиту.

Так, например, поставлены слова: *жить, живуча, живущий* — совершенно отдельно и одно вслед за другим. Также напечатаны как отдельные слова: *видѣть, виждь, вишь,* но по-

ставлены они одно вслед за другим и алфавитный порядок нарушен.

Еще более мы можем упрекнуть составителя словаря за те, правда немногие, случаи, в которых алфавитный порядок нарушен без всякой причины, по одному простому недосмотру. Нам попались следующие поставленные не на месте слова: *возгораться, эвтот,* и на с. 400—401 целый ряд слов, стоящих не по алфавиту.

В разных местах словаря приведены пословицы и поговорки, встречающиеся у Фонвизина. При слове *браться:* «Откуда што *берется*», при слове *рыло:* «Ни уха, ни *рыла* не знает», при слове *смога:* «Кто кого *смога,* так тот в рога», при слове *сын:* «Глупому *сыну* не в помощь богатство». При этом ни в одном случае не отмечено, что это народные пословицы. Пословицы эти, конечно, общеизвестные (за исключением третьей). Почти всякий их видит сразу. Дело все-таки в том, что пословица, подобно цитате из чужого сочинения, острому выражению другого какого-нибудь известного лица, не входит в текст сочинений того писателя, который ими пользуется. Те особенности, которые есть в языке пословицы, лексические и грамматические, нельзя относить к языку автора, их употребившего. Прекрасный пример этого дает третья из выписанных нами пословиц, в которой находится древняя причастная форма *смога,* окаменевшая в этой пословице, но давно-давно не употребляемая в языке. Поэтому пословицы в словарях писателей необходимо оговаривать. Еще лучше выбирать и помещать отдельно. Этим будет оказана помощь собиранию и исследованию пословиц; это даст наглядное указание того, как относился к пословицам данный автор.

К. Петров помещал в словарь и собственные имена. Сам Фонвизин был против их внесения в русский словарь; он рассуждал так: «Собственные имена отнюдь не составляют существа языка, а уменьшительные их еще меньше, и если *Ивану* нет места в лексиконе, тем менее *Ваньке* такая претензия прилична». Далее, он делал очень основательные возражения про-

тив доводов членов Российской Академии, настаивавших на праве собственных имен занимать место в словаре (Соч., с. 255 и далее). Главное дело, впрочем, не в том, помещать или не помещать эти имена, но как помещать.

Составитель словаря не выяснил себе этот вопрос. Некоторые имена он помещал в словарь, некоторые нет. Например, в словаре находятся: *Митрофанушка, Простаков, Стародум* (впрочем, лишь как название журнала, а не как лица), *Софьюшкин, Софьин, Милон, Скотинин, Цыфиркин, Кутейкин, Вральман, Тришка,* но в нем не помещены: *Митрофан* (Терентьевич), *Еремеевна, Правдин, Софья, Софьюшка.* Трудно понять, чем руководствовался К. Петров при таком выборе имен для словаря.

Скажем еще несколько слов по поводу частных случаев.

В словаре помещены отдельно *будень* и *будни*, последнее с заметкой: «см. будень». При первом слове дан пример: «В *будни* нет тут живого человека». Это вызывает несколько вопросов: Почему одно и то же слово приведено в словаре два раза: в единственном и множественном числе? Почему для данного слова помещена в словаре форма единственного числа, если этой формы не найдено у Фонвизина? Почему пример с формой *будни* поставлен при форме единственного числа, а не множественного, где бы ему следовало стоять?

К. Петров объяснил слово *дел* словом *дележ,* но усомнился и поставил при этом объяснении вопрос. Слово *дел* в значении «дележ», «раздел» довольно употребительно, часто встречается в былинах и песнях, объяснено в словаре В.И. Даля, не представляется непонятным и в тексте Фонвизина, если для определения его значения не довольствоваться очень короткой выпиской словаря, а посмотреть все это место. Там говорится, что в одном случае Фонвизин в детстве просил у тетушки, чтобы ему *на делу* доставались любимые им карты с красными задками. Тетушка сказала: «Я для тебя привозить буду всегда особливо игру с красными задками, кои *в дележ* входить не будут» (Соч., с. 229). Таким образом, слово *дел* прямо на месте

объяснено словом *дележ.* Откуда же взялось недоумение составителя словаря?

Слово *зацепа* с примером написано через *е*, а помещено в том месте, где следовало бы стоять *зацѣпа* с *ѣ.*

При слове *ниже* помещен следующий неподходящий пример: «Офицеры *ниже* (даже) понятия о должностях своих не имеют».

Палка и *палочье* поставлены в разных местах, как разные слова. Между ними такое же отношение, как между *сук* и *сучья*, *клок* и *клочья* и т.п.

Под речением *сослов* дан пример: «Удобнейший к сему способ составляют *сослова*». Составитель словаря ставит в конце при последней форме в скобках: *sic.* Этого примечания совсем не нужно было делать, а самый пример следовало перенести под речение *сослово,* так как форма *сослова* есть совершенно правильно образованное множественное число к этому последнему слову, подобно тому как из единственного числа *слово* получаем множественное *слова.*

Выражение «мирное целование» в скобках объясняется: «целование мира». Это объясняющее выражение так же мало понятно, как и объясняемое.

Пример с формою *чернил* находится под словом *чернило.* Но едва ли автор имел право давать в словаре эту форму единственного числа, если он не нашел ее у Фонвизина.

Сделаем заключение из всего, что мы высказали. Словарь к сочинениям и переводам Фонвизина, составленный К. Петровым, имеет немало разнообразных недостатков, крупных и мелких. Эти недостатки представились бы еще более значительными, если бы мы посмотрели на труд К. Петрова с более идеальной точки зрения. Мы не сравнивали его труд с тем отвлеченным представлением о словаре к писателю, которое можно составить теоретически и к которому должно стремиться на практике. Наши заметки не выходили из более тесного круга практических задач. Мы держались таких взглядов на дело, от которых не может отступить никакой составитель подобного

словаря. Вот почему мы не коснулись в высшей степени важного вопроса о выборе источников для словаря, об отношении к ним составителя, о правописании.

Какую оценку можно сделать труду К. Петрова? Мы были бы несправедливы, если бы сделали свою оценку на основании одних недостатков словаря. Наши заметки — следствие изучения словаря. Это изучение привело нас к убеждению, что составитель словаря взялся за труд большой, тяжелый, требующий много внимания и времени. Он довел свою работу до желанного конца. Если бы пишущий эти строки желал перечислять все любопытное и ценное, что есть в словаре, то он без сомнения написал бы гораздо больше, чем теперь.

PERSONALIA

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ШАХМАТОВЕ (1864—1920)

I. Отделение русского языка и словесности. П.К. Симони

Вскоре после моего приезда в Петербург, осенью 1898 г., в одно из первых свиданий А.А. Шахматов сказал мне, что он представит меня членам Отделения русского языка и словесности в одно из ближайших собраний, перед началом заседания. Это вызвало у меня смущение, в котором сказалась понятная робость и дикость провинциала, мало видевшего людей. Мне также казалось «неудобно» занимать собою лично такое высокое научное учреждение. Я не боялся встречи с этими большими людьми поодиночке, но увидеть их в полном собрании было несколько страшно.

На самом деле это, может быть, было обычаем: представлять всему Отделению лиц, о которых оно возбуждало особые ходатайства, потому что о таком представлении Отделению говорил мне П.К. Симони.

Я не печалился о том, что такое представление не состоялось. Во-первых, я сам об этом не постарался; во-вторых, я поспешил представиться двум академикам: председателю Отделения А.Ф. Бычкову и Л.Н. Майкову, через которого я начал письменные сношения с Алексеем Александровичем. Место и время приема у них мне указал П.К. Симони, делопроизводитель Отделения русского языка и словесности. Он же внушил мне уверенность в необходимости и безопасности такого поступка.

Афанасий Федорович Бычков принимал меня в Публичной библиотеке, в которой он состоял директором. Прием происходил в большом зале библиотеки. Афанасий Федорович был в парадной форме с лентой и с орденами. Он имел вид предста-

вительного приветливого вельможи старых времен, умевшего соединять достоинство с простотой и любезностью. Я поблагодарил его за все, что сделало для меня Отделение русского языка и словесности. Он со своей стороны выразил надежду, что я буду стараться работать по Словарю русского языка.

Академику Леониду Николаевичу Майкову я представился в его квартире, в академическом доме на 7-й линии, № 2. Во время моего представления у него находился заведовавший в то время книжным складом Академии наук Николай Иванович Позняков, известный мне раньше как детский писатель. Но я знал Н.И. Познякова как заведующего книжным складом Академии наук вот по какому случаю. В Мещовске, еще до начала моих сношений с Отделением русского языка и словесности и до знакомства с А.А. Шахматовым, мне очень хотелось иметь критический отзыв Н.С. Тихонравова об «Истории русской словесности» Галахова, но я не знал, в каком издании Академии наук он напечатан. Я послал в книжный склад Академии наук запрос с просьбой сообщить мне об этом, а также о цене книги. В очень скором времени вместо письменного ответа я получил 4 марта 1896 г. книгу «Отчет о девятнадцатом присуждении наград графа Уварова» (СПб., 1878) с интересующим меня сочинением вместе с письмом, в котором сообщалось, что мне, вследствие моего письма, высылается такая-то книга. Ни наложенного платежа, никаких денежных требований, соответствующих стоимости книги, в сообщении книжного склада не было. Такое доверие и внимательность со стороны одного из учреждений Академии наук меня приятно поразили: я не ожидал ничего подобного. Деньги за книгу я не счел возможным не посылать, но приятное впечатление от дорогой для меня посылки сохранилось в моей памяти до сих пор. Впоследствии П.К. Симони уверял меня, по этому поводу, что высылка стоимости книги с моей стороны была совсем излишним делом и что Отделение русского языка и словесности вообще старается бесплатно снабжать своими изданиями лиц, которые в них нуждаются. Потом я в этом очень хорошо убедился по своему собственному продол-

жительному опыту, в котором я очень широко пользовался щедростью Отделения, но тогда я не имел никакого отношения к Академии наук, никому не был известен, и все-таки это высокое учреждение пошло мне навстречу и оказало научную помощь при первом к нему обращении. Такие воспоминания вызывало у меня свидание с Н.И. Позняковым во время моего представления академику Л.Н. Майкову.

Получение через Н.И. Познякова нужной мне книги я могу считать началом моих счастливых сношений с Академией наук.

Л.Н. Майков приветливо со мной поговорил. Я его также поблагодарил за помощь в улучшении моего положения, которое произошло при содействии Отделения русского языка и словесности, и просил не отказать мне в научных советах, когда окажется в этом нужда. Он мне сказал, что теперь я уже обеспечен в подобных случаях со стороны А.А. Шахматова. Я с своей стороны заявил, что А.А. Шахматов относится ко мне с большим вниманием и что сношения с ним всегда чрезвычайно приятны.

Когда в 1900 г., 7 апреля, скончался академик Л.Н. Майков и председателем Отделения русского языка и словесности был избран академик М.И. Сухомлинов, я, вероятно по совету П.К. Симони, ходил к нему представляться. У него сидел какой-то его знакомый из ученых. Начался общий разговор. Вопрос коснулся как-то и меня в том отношении, что трудно заниматься научной работой человеку, не получившему высшего образования. Тогда М.И. Сухомлинов стал доказывать мне, что это и хорошо, что я не имею такого образования. Зато я не усвоил никаких чужих, готовых, заученных мнений, обо всем могу думать свободно, самостоятельно, идти своим научным путем. Конечно, я с этим не согласился и заявил, что высшего образования ничто заменить не может. Сам М.И. Сухомлинов принял меня этот раз очень любезно, и ничего отрицательного в этом моем представлении не было.

Когда, после смерти Сухомлинова (8 июля 1901 г.), председателем Отделения был избран А.Н. Веселовский (13 октября 1901 г.), я представлялся и ему. Это происходило в помещении

Академии наук в промежуток между какими-то заседаниями. Свидание было довольно короткое. Впечатление от него у меня сохранилось приятное, но того, что мне говорил А.Н. Веселовский, я совсем не помню.

С академиком А.Н. Пыпиным я имел одну только встречу и небольшую личную беседу. Когда я получил оттиски своей работы «Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда» (1900), я решил поднести свою книгу с соответствующей надписью А.Н. Пыпину. Я пошел к нему в его приемный день, в воскресенье, утром. А.Н. Пыпин занимался в своем рабочем кабинете. Меня пригласили в приемную, особую небольшую светлую комнату с мягкой мебелью. А.Н. Пыпин явился тотчас же. Он ходил, говорил и двигался очень живо, совсем не по-старчески. А.Н. Пыпин сказал мне, что книгу мою знает, и захотел сделать некоторые замечания, взял костяной нож для разрезывания книг, стал пересматривать словарь местных слов. Он сказал, что у меня очень много слов общеизвестных. «Вот, например, слово *дюжий.* К чему оно? Оно есть даже в басне Крылова». Я слушал, не возражая, но про себя думал иначе. Не то говорил мне и Шахматов, который всегда советовал мне собирать как можно больше словарных материалов из живой народной речи, тем более из московских народных говоров, основы нашего литературного языка. Я думал, что слово *дюжий* хотя и есть в басне Крылова «Огородник и философ», оно все-таки слово областное, а не литературное, и что необходимо проверить его распространение в разных русских наречиях. Я знал его в говорах северных, владимирских; в говорах южных, калужских, мне оно было известно в вариантной форме *дуже*, с твердым *д*, в значении наречия. Я не считал небесполезным засвидетельствовать это слово в данной форме и с определенным значением в московских говорах.

В этой же беседе А.Н. Пыпин высказал мне свое мнение об изучении народных элементов в языке писателей. Он говорил, что всякий автор, вполне владеющий литературным языком, не может иметь в своих произведениях местных слов или форм

речи. Я думал, что это несомненно общее, почти бесспорное положение, но оно должно быть принято с некоторыми необходимыми поправками в том смысле, что в литературном языке, особенно в русском, в необъятной, довольно монолитной массе слов и выражений живой и письменной литературной речи держатся в небольшом числе кое-какие народные слова, обороты и формы, нарушающие чистоту сплава и вносимые в литературный язык отдельными писателями. И это не только болезни живого организма, а, напротив, иногда начала, служащие к его оздоровлению. Язык не просто существует, но он живет, движется, частично отмирает и растет.

К большому моему сожалению, во время этой недолгой беседы с А.Н. Пыпиным я чувствовал, что он чем-то серьезно занят и с трудом отвлекается от своего дела для разговора со мною. Я не решился задавать ему других вопросов и при ближайшем перерыве его разговора встал, простился и ушел домой.

Я не сомневаюсь, что при Других условиях беседа с А.Н. Пыпиным могла бы быть для меня еще более поучительной и полезной, но больше с ним мне не пришлось встретиться. Судьба, жизнь и «невидимая» благожелательная рука А.А. Шахматова направляла меня на сближение не с литературоведами, а **с** лингвистами.

Добрым посредником между мною и Отделением русского языка и словесности был делопроизводитель Отделения Павел Константинович Симони. Сношения с ним в скором времени далеко вышли из пределов официальности. Павел Константинович вообще и всегда относился ко мне с дружескою доброжелательностью, с самого первого знакомства до последних дней своей жизни.

П.К. Симони лишь в меньшей степени был канцелярским работником, по официальному званию письмоводителем Отделения русского языка и словесности; в большей степени он был разносторонний ученый специалист, превосходно знакомый с приемами и методами научной работы по языку и литературе. П.К. Симони был учеником И.В. Ягича по Петербургскому уни-

верситету и сумел немало взять от своего учителя в отношении знания и методов научных исследований.

В должности письмоводителя Отделения русского языка и словесности, с конца прошлого века до прекращения деятельности этого учреждения П.К. Симони находился в таких счастливых условиях обогащения знанием, в каких, можно сказать, не находился никто. Он неизменно присутствовал на всех собраниях Отделения и, таким образом, находился в курсе всех научных вопросов своего времени, слышал их образцовое изложение и всестороннее обсуждение самыми авторитетными представителями русской науки. Это была исключительно богатая и глубокая школа знания. Возможности для такого многостороннего научного осведомления, для такого знакомства со строгой научной методологией не было нигде и ни для кого. Беседы с П.К. Симони были для меня своего рода университетом. П.К. Симони своими знаниями и научным направлением много содействовал моему образованию.

Я обычно приходил к нему по вечерам повидаться и побеседовать. Он принимал меня очень любезно, и у нас начинался разговор за чаем в маленькой комнате, заваленной книгами и рукописями. П.К. Симони сообщал мне важные события текущей научной жизни, говорил о научных предприятиях Отделения, о больших работах известных ученых, о новых книгах, которые только что вышли или скоро выйдут в свет, и.т.п. Он интересовался языком вообще, древнерусской литературой и в особенности фольклором. Его капитальные издания русских пословиц, песен из собрания Чулкова хорошо известны; замечательны по тщательности издания и памятники письменности.

П.К Симони был неутомимый и изысканный библиограф. У него была богатая, отборная библиотека, большое и ценное собрание старых рукописей и фольклорных записей. Он был большой мастер в чтении старых неразборчивых текстов и в их объяснении на основах старого и областного русского языка. Больше всего мы говорили с ним о фольклоре и языке. Относительно древних текстов любимой его мыслью было положение

о тщательном и исчерпывающем изучении всех списков древнего памятника для его научного издания и точных выводов о его происхождении, содержании и значении. Удовлетворительными П.К. Симони считал только те издания, которые передают текст с полной точностью: слово в слово, буква в букву, знак в знак. Каких-либо «поправок» текста он совершенно не допускал. Критическая стройность мысли и научных методов вообще его отличали. От него было чему научиться, и не только в области теоретического знания! Он имел несомненные научные дарования, бескорыстную любовь к науке и был большим мастером в решении научных вопросов и в выполнении научных предприятий. Я много обязан ему своими знаниями, особенно по языку и фольклору. Своей научной осведомленностью и опытом он дополнял мне то, чего я не успел узнать от Шахматова. Русский язык он всегда рассматривал в его истории и диалектах; произведения устной словесности он неизменно связывал с письменной и книжной литературой. Беседы с ним научно направляли меня в моих работах по языку и фольклору и укрепляли мои влечения к собиранию разных научных материалов из живого народного оборота или из книжных источников.

Если не по советам П.К. Симони, то отчасти по его влиянию, при его сочувственной поддержке я проводил большие работы по составлению указателя русских песен по песенникам XVIII—XX вв., по составлению словаря условных языков, где пользовался старательно собранными печатными библиографическими указаниями.

Но только по его внушениям я интересовался одной областью фольклора: народными толкованиями сновидений. В этом отношении я делал записи и производил некоторые исследования. В последние годы мне очень хотелось бы составить сводный толкователь сновидений по книжным источникам («сонники») и фольклорным записям. Такая книга дала бы средство к истолкованию многих литературных текстов, начиная с «Слова о полку Игореве» и кончая сном Татьяны в «Евгении Онегине» и сном городничего в «Ревизоре» («Две необыкновенные крысы...

пришли, понюхали и пошли прочь»)[165]. «Сонники» представили бы ценный материал для объяснения народных песен, поверий, примет, идиоматических выражений и т.п. Записывание народных толкований снов я в первый раз производил по совету П.К. Симони, значение их я уяснил себе в беседах с ним.

П.К. Симони жил очень просто и скромно. Он, кажется, любил больше всего науку и книги. Это не мешало ему быть прекрасным семьянином и общественным человеком, всегда готовым оказать научную услугу, дать добрый совет товарищам по научной работе. Трезвый в жизни, не пьющий, не курящий, он был трезв и в мысли: благоразумен, сдержан, не вдавался в крайности в суждениях, в оценке людей и научных положений. Маленький доказанный случай казался ему дороже большой гипотезы. В науке П.К. Симони был бескорыстный труженик, отдававший свое время, знания и силы таким трудам, которые были необходимы для специалистов, но которые не могли принести ему ни материальных благ, ни широкой известности. По образу жизни это был настоящий «кабинетный» ученый, но он знал людей и жизнь. По характеру П.К. Симони был чрезвычайно кроток, ровен, доброжелателен. В обращении отличался необыкновенною, чрезвычайно привлекательною учтивостью, не только внешней, но и внутренней, душевной.

Много лет прошло с тех пор, как началось наше знакомство и наши беседы с П.К. Симони. Его маленькие дочери на моих глазах выросли и стали матерями. В последние годы жизни П.К. Симони проживал уже не в академическом доме (7-я линия, № 2), а в квартире своей дочери Александры Павловны Владыкиной. Ее сын, внук П.К. Симони, маленький Коля, привык к моим посещениям и любил присутствовать за нашей тихой беседой. Когда ему было лет десять и он учился в соседней комнате у приходящей учительницы французскому языку, он один раз заявил своей преподавательнице: «Мы больше не будем заниматься: к дедушке пришел ученый; у них будет науч-

[165] Это предвещающий несчастье сон.

ный разговор, и я пойду их слушать!». Жаль, что эти потомки Павла Константиновича, и дочь и сын, уже подросток, погибли во время этой ужасной ленинградской блокады.

По указанию А.А. Шахматова и по личному расположению, П.К. Симони много заботился о снабжении меня изданиями Отделения, прилагал в этом деле и свои советы и указания по выбору книг. Жадность к книгам была у меня довольно неумеренная, но я стеснялся просить у Отделения его издания в большом количестве. П.К. Симони успокаивал мои сомнения и говорил, что, вероятно, Отделение даст распоряжение книжному складу выдать все, что мне нужно. Один раз, после такого объяснения с П.К. Симони и составленного вместе с ним списка книг, служитель книжного склада Академии наук должен был доставить мне так много книжного добра, что ему пришлось везти книги на санках. Благодаря расположению ко мне Отделения русского языка и словесности у меня составилась хорошая библиотека из его изданий, в которой я, с первых лет моего пребывания в Петербурге, имел уже такие руководящие книги, как «Опыт областного словаря», «Дополнения... к этому «Опыту», «Словарь церковнославянского языка» Востокова и др. По заботливости Шахматова и при содействии Симони я очень скоро, без моей даже просьбы, был включен в список лиц, получающих все вновь выходящие издания Отделения русского языка и словесности. Это очень помогло и до сих пор помогает моим занятиям. Это также положило основание моей библиотеке и укрепило мою давнюю любовь к книгам. От П.К. Симони я учился не только любить книги, но также знать их, ценить и уметь ими пользоваться.

II. Первые знакомства с молодыми учеными из круга А.А. Шахматова

А.А. Шахматов с самого начала моего приезда в Петербург старался ввести меня в круг своих петербургских знакомых, т.е. в круг научных работников. Работа по редактированию «Изве-

стий Отделения русского языка и словесности» велась у него, организованно. Для составления библиографического отдела им были подобраны молодые ученые разных специальностей, которые следили за научной журналистикой и новыми книгами, выходившими у нас и в разных странах Европы. Вскоре после моего приезда в Петербург в 1898 г. А.А. Шахматов пригласил меня на совещание этих сотрудников, бывшее у него на квартире, на Митавской улице. Я пришел не так рано, когда уже все сотрудники были в сборе. Тут находились: специалист по новой русской литературе П.Е. Щеголев, специалист по древней русской литературе Д.И. Абрамович, слависты В.Н. Кораблев и А.Л. Липовский, германист Э.Э. Лямбек. Сначала говорили о личных и научных делах и занятиях участников собрания. Вскоре подали чай. Беседа продолжалась за чаем. Припоминая обращение Шахматова во многих случаях, которое я наблюдал у него потом на приемах научных сотрудников, я должен сказать, что и тогда все чувствовали себя у Шахматова свободно, говорили просто и прямо, как свои люди. При этом разговор вели всегда, собственно, гости. Сам хозяин обладал необыкновенною способностью слушать своих собеседников, слушать с таким вниманием и участием, что в его присутствии всякий говорил свободно, желая высказать все, что он думал и что ему хотелось. Шахматов задавал только короткие вопросы, изредка делал немногословные замечания по поводу того, что он слышал. Но эти замечания никогда не были возражениями, мешающими высказаться говорящему от начала до конца. Шахматов скорее поощрял, чем сдерживал своего собеседника. Теперь, через много лет после того, как я слышал многие разговоры ученых в доме Шахматовых, я не могу вспомнить, чтобы эти разговоры когда-нибудь отклонялись от серьезных тем, научных, литературных, общественных. Приходится признать, что А.А. Шахматов незаметно, умно, чрезвычайно деликатно и тактично направлял разговор. Помню, что его обычный вопрос при свидании был: «Ну, чем вы теперь занимаетесь?». Очевидно, «дело», научное занятие каждого интересовало прежде всего этого великого труже-

ника науки и необыкновенного организатора научных предприятий. Затем серьезность разговоров определялась уважением к личности Шахматова, почтением к его высокому положению в науке и обществе, сознанием великой пользы его многосторонней, напряженной научной деятельности. Его дом, как потом выражались, был штабом русской науки. Это сознавал всякий, кто сколько-нибудь знал и понимал Шахматова. И у него прежде всего и больше всего приходилось говорить и слушать о науке, о научном труде, о борьбе за науку.

Собрание сотрудников библиографического отдела «Известий» Академии наук кончилось распределением работы для каждого. Гости стали расходиться. Когда я остался один, Шахматов спросил меня: «Ну, а вы что на себя возьмете?» Я совсем об этом не думал и никак не ожидал такого вопроса. Предложение Шахматова меня почти что испугало. Я стал говорить, что я не сумею, не смогу ничего сделать, что лучше подобные работы я буду делать потом, после... А.А. Шахматов не настаивал на своем предложении. Так, я по провинциальной несмелости отклонился от работы, которая, при руководстве А.А. Шахматова, могла обогатить меня знанием и приучить к научно-литературному труду. Впоследствии я немало писал отзывов и рецензий на книги, но писал сам от себя, больше всего по поручениям редакции педагогического журнала «Русская школа». Жалею, что я не начал такую работу у Шахматова, в кругу его сотрудников. Позднее, после того как я уже написал немало рецензий и отзывов на разные книги по литературе, языку и педагогике, я принес А.А. Шахматову критический отзыв на книгу: К. Петров, Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина (СПб., 1904). А.А. Шахматов скоро его напечатал (Известия, 1906, кн. 1) и после мне говорил, что составитель Словаря, К.П. Петров, остался доволен моим отзывом. Это меня порадовало потому, что все мною написанное состояло из перечисления недостатков, ошибок и промахов в Словаре, который все же я признал трудом серьезным и полезным. Нужно иметь в виду, что составитель данного Словаря К.П. Петров много работал по изучению сло-

варных особенностей в языке писателей XVIII в. и передал Отделению русского языка и словесности очень большое собрание материалов по языку отдельных авторов данного века. На издание Словаря он получил пособие от Отделения русского языка и словесности и при его составлении пользовался указаниями академиков, которых благодарит в своем предисловии, именно: А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, В.И. Ламанского, М.И. Сухомлинова и И.Н. Жданова.

Впрочем, я писал свой отзыв, не учитывая этих привходящих обстоятельств. Я только придавал большое значение составлению хороших словарей отдельных писателей.

Ученые, с которыми А.А. Шахматов познакомил меня на этом собрании, после встречались со мною как добрые знакомые. Э.Э. Лямбек написал сочувственный отзыв о моей книжке «Законы произношения», В.Н. Кораблев с одобрением отозвался о другой моей брошюре — «Русское ударение». Без сомнения, тут главным образом сказывалась школа критической библиографии, которую создавал Шахматов. Он, как мы видели, образовал около себя группу библиографов (к которой великодушно хотел привлечь и меня), дал им дело и место, приложил свое руководство, как всегда авторитетное и деликатно направляемое. Дальше работа пошла уже сама собою, и, например, рецензии на мои книги появились не в академических изданиях, но они принадлежали членам той библиографической организации, которую образовал Шахматов. Он прекрасно понимал значение критической библиографии для науки, для просвещения, знал, что такая библиография должна основываться не на случайных причинах и отношениях, что она должна быть прежде всего научной и справедливой. Для этого она должна быть не стихийной, а правильно организованной и беспристрастно руководимой. Вот почему в тех изданиях, которые редактировал А.А. Шахматов, никогда не появлялось ни рецензий, ни критических отзывов непомерно резких, несправедливых, уничтожающих книгу или даже оскорбляющих автора, как это допускалось, например, «Журналом Министерства народного просвещения» в рецензиях

А.И. Соболевского. Сам А.А. Шахматов писал рецензии совершенно необыкновенные. В них виден весь Шахматов: проницательный ученый-критик и справедливый, доброжелательный человек, изящно учтивый в стиле, как был изящно учтив в жизни.

В редких случаях, когда в «Известиях» редакции А.А. Шахматова печатался критический отзыв не «академического» характера, он сопровождался «примечанием» редакции. Так, при рецензии Н.Н. Соколова на книгу Белоруссова «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни» (Известия, 1903, кн. 2), где автор рецензии почти совсем отрицает общепризнанное научное значение автора «Записок по русской грамматике», читаем следующую сноску: «Редакция Известий Отделения русского языка и словесности считает необходимым оговорить свое отношение к настоящей статье: признавая в ней достоинства в изложении взглядов А.А. Потебни на синтаксические вопросы, она не может согласиться сданною им здесь оценкой и не находит справедливым суровый приговор Н.Н. Соколова» (с. 347). Так, не мешая вполне высказываться рецензентам, Шахматов давал место и своему мнению, направляя сотрудников «Известий» к научности, вдумчивости и сдержанности в оценке научных трудов и деятелей науки.

Несколько позднее, приблизительно в 1902 г., А.А. Шахматов пригласил меня «послушать» у него на квартире доклад Н.М. Каринского о говорах Бронницкого уезда. Это был отчет о диалектологической поездке, выполненной при содействии Отделения русского языка и словесности. Н.М. Каринский хотел скорее поделиться с А.А. Шахматовым теми результатами своих наблюдений, которые он считал особенно важными и интересными. А.А. Шахматов пожелал, чтобы эти сообщения Каринского узнал и я до того времени, когда они будут напечатаны. Я был единственным лицом, приглашенным на этот доклад, и считаю данное приглашение А.А. Шахматова выражением особой его внимательности ко мне. Конечно, тут также следует видеть намерение и постоянные старания Шахматова, при всех возможных случаях, сближать друг с другом научных сотрудни-

ков, работающих по одной специальности. И нужно признать, что эти попытки товарищеского сближения молодых работников науки имели видимый успех. В окружении А.А. Шахматова были естественны несогласия и споры, но не наблюдалось ни эгоистического соперничества, ни тем более личной вражды, затемняющей сущность научной истины. Взаимная нетерпимость, несдержанные пререкания между специалистами бывали и будут, но их не было около А.А. Шахматова.

III. Воскресные приемы у Шахматовых. Новые знакомства. Этнографы: П.А. Ровинский, П.В. Шейн, В.Н. Добровольский

А.А. Шахматов был выдающимся специалистом в нескольких соприкасающихся областях знания. Понятно, что в Академии наук он скоро сделался главою, руководителем и вдохновителем нескольких научных учреждений: во-первых, тех, которые существовали в ней по старой традиции, во-вторых, тех, которые возникли или были приведены в более живое состояние инициативой и энергией самого Шахматова.

Вспоминая об этой стороне деятельности А.А. Шахматова, я буду говорить только о таких научных предприятиях, в которых я мог принимать большее или меньшее участие и только в связи с теми учеными, с которыми у меня установилось знакомство при сотрудничестве в изданиях Академии наук и при добром посредстве А.А. Шахматова.

С большинством ученых, с которыми у меня установились давние знакомства и некоторое научное общение, я встретился на воскресных приемах у Шахматова. Тут приходили сотрудники Словаря русского языка, «Известий Отделения русского языка и словесности», «Сборников» того же Отделения.

Приходили и многие другие ученые: старые знакомые А.А. Шахматова, чтобы повидаться и поговорить с ним по научным делам и вопросам, начинающие ученые, ищущие у

А.А. Шахматова советов и указаний. Здесь бывали ученые, приезжавшие из Москвы, из университетских и неуниверситетских городов. Наконец, на «воскресеньях» А.А. Шахматова можно было встретить известных лингвистов и филологов, приезжавших из-за границы.

Посещения Шахматовых по воскресеньям для меня, как и для многих других молодых научных работников, были чрезвычайно поучительны и необыкновенно привлекательны. Здесь, в общей непринужденной беседе собравшихся представителей науки, было можно услышать много нового и интересного, чего нельзя найти ни в книгах, ни в журналах. В этих воскресных приемах у Шахматова не было никакой официальности. Они были столько же деловыми, сколько праздничными свиданиями знакомых в семье гостеприимных хозяев. Кто хотел поговорить по какому-нибудь делу лично с Алексеем Александровичем, тот приходил пораньше, часов в 10 утра. Лица, желающие просто посетить А.А. Шахматова, поговорить с ним и с учеными его круга, приходили попозднее, часов в 11. В 12 часов открывалась дверь в столовую, показывалась хозяйка дома, Наталья Александровна Шахматова, и приглашала всех к завтраку. Там шел опять общий разговор, в котором принимала участие и супруга Алексея Александровича. После завтрака все переходили в кабинет хозяина пить чай. Алексей Александрович сам накладывал на мое блюдечко домашнее варенье и очень большими порциями. Разговор принимал менее специальный, более домашний характер.

К Шахматовым всегда хотелось прийти и от них не хотелось уходить. Разумеется, нельзя было очень злоупотреблять гостеприимством хозяев и посещать Шахматовых слишком часто. Пропустишь воскресенья два-три, наберется некоторый материал для вопросов или нужных сообщений о работе, и пойдешь к Шахматовым, конечно, пораньше, чтобы удлинить приятный праздничный день, побольше послушать научных разговоров. А любезный прием всегда был обеспечен. Находились люди, которые посещали Шахматовых почти каждое воскресенье,

но это были немногие друзья дома. Таков был, например, Павел Аполлонович Ровинский, известный славист и этнограф (1831—1916). Глядя на этого маститого старца, добродушного, спокойного, благовоспитанного, никто не мог подумать, что он постоянно находился под неусыпным наблюдением и преследовался русской полицией в своей стране и немецкой в славянских землях. Не знаю, какую именно опасность представляла деятельность этого человека для того или другого правительства, но то совершенно очевидно, что П.А. Ровинский обладал необыкновенной любознательностью к жизни русского и славянских народов и собрал, между прочим, богатые и ценные материалы по истории, фольклору и языку Черногории, которые составили его большое исследование «Черногория в ее прошлом и настоящем». В то время, о котором я вспоминаю, Ровинский печатал в «Сборнике Отделения русского языка и словесности» второй том названного труда, посвященный этнографии[166]. Таким образом, частые посещения П.А. Ровинским А.А. Шахматова, вероятно, имели не только дружеский характер. Шахматова должна была особенно интересовать та часть этого труда, которая была посвящена языку, наиболее — вопросы ударения.

Рядом с П.А. Ровинским, я скажу несколько слов о другом этнографе — собирателе старшего поколения, с которым я познакомился через посредство А.А. Шахматова. Это был известный собиратель народных песен, давно почитаемый мною, Павел Васильевич Шейн. Он не бывал на воскресных приемах у Шахматовых, так как по старости и болезням обладал очень малой способностью передвижения. Однако в случаях очень большой необходимости он как-то собирал все свои слабые старческие силы, на костылях, держась за стены выбирался из своей квартиры, брал извозчика, кое-как на него усаживался и ехал, куда ему было нужно. Один раз я видел его возвращающегося из квартиры Шахматовых, на Митавской, спускающегося с лестни-

[166] Сборник. 1905. № 2. С. I—XIV, 1—693.

цы с такими затруднениями, что на него жалко было смотреть. Невольно возникал вопрос: зачем же ходит этот человек, когда ему это так трудно?

А.А. Шахматов, еще до моего приезда в Петербург, знал Шейна и всячески помогал ему. Между прочим, он передавал ему записи народных песен и обрядов от С.П. Муханова из Покровского уезда Владимирской губернии (Великорус, № 2264—2269; 2542—2543).

Этот С.П. Муханов был деятельным сотрудником Словаря русского языка в его областной части. Он был близок к народу, знал язык, интересовался народным бытом и поэзией. Шахматов ценил его сообщения по местной лексике. Муханов жил в той части Покровского уезда, которая лежит за Покровом, ближе к г. Владимиру; я был житель заштатного города Киржача из другого конца уезда, ближе к г. Александрову и Москве. Наши сообщения на корректурных листах Словаря иногда совпадали, иногда дополняли друг друга.

Познакомиться лично с С.П. Мухановым мне не пришлось, но А.А. Шахматов не раз говорил мне о нем как об очень полезном сотруднике Словаря русского языка, превосходно знающем русскую народную речь.

Шейн тогда подготовлял к изданию полное собрание своих песен, которое озаглавил: «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.». Первый том этого монументального собрания был издан Академией наук в 1900 г., незадолго до смерти собирателя. А.А. Шахматов, несомненно, много содействовал изданию этого ценнейшего труда.

Вероятно, А.А. Шахматов что-нибудь говорил обо мне Шейну. Один раз Алексей Александрович сказал мне: «С вами желает познакомиться Шейн. Вы знаете его работы. Он старый и больной человек. К вам прийти не может. Вы сами сходите к нему».

Алексей Александрович сообщил мне адрес Шейна, и я решил отправиться к нему в ближайший свободный день, воскресенье.

Я был рад случаю познакомиться с собирателем сборника русских песен, который я очень любил. О Шейне мне еще в Мещовске говорил что-то не очень благоприятное мой сослуживец по уездному училищу учитель географии Высотский. Смысл его разговоров был тот, что Шейн старался сделать себе карьеру своими песнями, что он выслуживался перед начальством, пользовался покровительством высокопоставленных лиц, что товарищи по службе его не любили. Когда я пришел к П.В. Шейну, меня пригласили в его кабинет и просили подождать. Ко мне вышел убогий старичок, который шел с немалым трудом, опираясь на костыль и держась за стенку. Он сел и тотчас же стал рассказывать, где и как он собирал и издавал свои песни. Это была та самая история его трудов, которую он уже давно изложил в предисловии к своему первому известному собранию русских народных песен (1870). Потом он говорил о своей учительской службе, вспомнил, что когда-то работал в школах, открываемых Л.Н. Толстым, но ушел оттуда потому, что там очень плохо платили. Но больше всего он говорил о своих песнях: о замечательных текстах, о мастерах исполнения и т.п. Он просил меня передать ему материалы для издания или записей народных песен.

Я бывал у него и еще несколько раз, но немного, раза три. Он вскоре скончался (в 1900 г.). Потом, много лет спустя, в архиве Академии наук я просматривал опись материалов, поступивших из собрания П.В. Шейна. Там я нашел запись о некоторых, полученных из с. Константиновского Александровского уезда Екатеринославской губернии. Это, конечно, песни, сообщенные П.В. Шейну мною. Екатеринославская губерния вместо Владимирской поставлена кем-то по недоразумению. Молодые специалисты в его время говорили, что последний сборник Шейна «Великорус» напечатан небрежно, что сам издатель является слабым теоретиком в области песни...

В окончательном итоге знакомства с П.В. Шейном и его трудами у меня сложилось и оставалось свое мнение об этом бедняке и самоучке, всю свою жизнь посвятившем собиранию русской народной песни. Местные недобрые предания о

П.В. Шейне — обычные мещанские сплетни и пересуды. Товарищеское нерасположение к Шейну, возможно, имело не совсем красивое основание в пренебрежении цензовых чиновников к нецензовому сослуживцу, так сказать выскочке из бедняков, не получивших настоящего образования и считающих своею заслугою собирание каких-то песен. П.В. Шейн самостоятелен не поведением и взаимоотношениями с провинциальной учительской средой. Он — редкий пример целеустремленной жизни, неистощимой и постоянной энергии в собирании и издании русской песни и белорусского народного творчества. Он изучал смысл и язык русской песни, собирал лексические материалы по русским областным городам. Это, между прочим, сближало его с Шахматовым. В архиве Академии наук хранится весьма ценный неиспользованный материал из рукописного собрания Шейна, особенно по русской песне. В отличие от других собирателей русской песни, П.В. Шейн обладал музыкальными способностями: он знал напев, умел отбирать лучших певцов и лучшие по музыке песни. В таких наиболее музыкальных песнях и текст обыкновенно гораздо лучше, чем у исполнителей менее одаренных. Он сам говорил мне, как вызывал к пению народных песен малообщительных певцов, напевая те или другие интересные русские песни. Сначала равнодушный певец, слыша пение знакомой песни, воодушевлялся, говорил: «Нет, это у нас не так поется!» — и начинал исполнять песню по-своему...

П.В. Шейн дал лучшую классификацию русских песен, связав их с местом исполнения и бытовою обрядностью. Он обратил особое внимание на обрядовые песни русского народа и печатал их с описанием соответствующих обрядов. Наконец, он создавал русскую песню в том виде, как она слышана и записана из уст народа, не допуская никаких поправок и переделок.

Злая судьба сделала, кажется, все, чтобы П.В. Шейн остался неизвестным и ничтожным. Он был еврей, т.е. человек, в то время гонимый людьми и законом, получил очень малое образование, физически был всегда слаб и немощен, а под старость еле передвигался и был так дряхл, что на него было больно

смотреть. Но этот калека обладал необыкновенной любовью к русскому фольклору, такой силой воли, таким упорством в труде, что преодолел все затруднения. Его заслуги по собиранию русской песни велики и исключительны. Уже в очень жалкой старости он обнаруживает необыкновенную силу деятельности и издает самое обширное в его время, самое богатое собрание русских народных песен.

В «Великорусе», конечно, есть корректурные ошибки, но их немного. Скорее, нужно удивляться тому, что такой слабый старик проследил за печатанием тысячи страниц и нескольких тысяч песен. А.А. Шахматов хорошо понимал людей и не напрасно он ценил П.В. Шейна и помогал ему. Шахматов определял людей не по мелким признакам, а по существу, по научной и культурной значимости, по выполнению специальных ролей. Важно притом, что он доверял людям и уважал человека и честный труд. К нашим недостаткам Шахматов умел относиться со снисходительностью кристально чистого человека.

У А.А. Шахматова я познакомился и с другим замечательным этнографом, Владимиром Николаевичем Добровольским. Он жил в Смоленске и по временам наезжал в Петербург хлопотать и сговариваться об издании своих трудов, о помощи в собирании фольклорных материалов, замечательных по разнообразию и богатству содержания, особенно по точности в передаче народного говора. В.Н. Добровольский, в противоположность Шейну, печатал только свои записи. Все это был свежий материал, записанный из уст народа, всегда с точным обозначением исполнителей и мест записи. Они охватывали все виды фольклора: народные бытовые рассказы, сказки, песни, пословицы. Сборники Добровольского печатало Географическое общество, но Шахматов с своей стороны поддерживал его своим руководством, хлопотами и субсидиями от Отделения на поездки по собиранию материалов.

В.Н. Добровольский получил университетское образование, даже учился у знаменитого Ф.И. Буслаева и Вс. Ф. Миллера, с которыми имел постоянные научные связи. По практике и тео-

рии собирания этнографических данных он был в некоторой степени учеником Шейна. Работа по фольклору так увлекла Добровольского, что он первоначально не старался устроиться ни на какой службе. В семье его создалось тяжелое положение. Мать считала своего сына недельным, неспособным человеком, так как путешествия и записывания деревенской словесности не давали никаких заработков. Географическое общество и Отделение русского языка и словесности, вероятно при большом участии А.А. Шахматова, выхлопотали ему место инспектора народных училищ в Смоленской губернии. Это упрочило материальное положение бескорыстного, ревностного труженика науки. С другой стороны, эта служба доставляла В.Н. Добровольскому большие возможности расширения своих наблюдений. Шахматов очень ценил и его действительно редкие по точности передачи народного языка записи, и его непосредственное знание смоленских говоров в их местных разновидностях. В.Н. Добровольский сам говорил на смоленских диалектах, как их уроженцы. А.А. Шахматов говорил мне, что в один из приездов он устроит встречу с Добровольским, на которой тот продемонстрирует образцы народной речи. К сожалению, такой встречи Шахматову не удалось устроить, но в одно из воскресений я слушал разные разговоры В.Н. Добровольского о крестьянской жизни. Между прочим, он с замечательным искусством передавал, как крестьяне подражают голосам разных лесных птиц.

В.Н. Добровольский с виду был рослый, грузный, спокойный человек, но в разговоре он производил впечатление увлеченного своими наблюдениями страстного специалиста. Эти увлечения, очевидно, делали из него человека, малоспособного к успехам в практической жизни.

Близкие и постоянные сношения с крестьянством наложили на него печать первобытной простоты и независимости в обращении.

В.Н. Добровольский был одним из наиболее деятельных и ценных сотрудников Словаря русского языка и по части дополнения, и по части объяснения народных словоупотреблений.

Припоминаю, как я ломал голову над выражением *небабленный ребенок* и сначала решил объяснить его в смысле: неизбалованный, неизнеженный. В.Н. Добровольский указал мне, что это значит: не получивший при рождении помощи бабушки-повитухи.

К сожалению, теоретические понятия о языке у этого превосходного наблюдателя и знатока народной речи и жизни были довольно неглубоки и не свидетельствовали о школе Буслаева. А.А. Шахматов с снисходительной улыбкой говорил, что когда Добровольский дает объяснения фактов языка, то это у него выходит очень плохо. Для меня несомненно, что сношение с Шахматовым и с Географическим обществом, во главе Этнографического отдела которого стоял тогда В.И. Ламанский, оказали благотворное влияние на Добровольского в отношении точности наблюдения и исправности издания его записей. Первую часть его «Смоленского этнографического сборника» (СПб., 1891) редактировали В.И. Ламанский и один из членов Географического общества, вторую и третью часть (СПб., 1893 и СПб., 1894) редактировал тот же сотрудник Географического общества, который после В.И. Ламанского заканчивал наблюдение за печатанием первой части (И.Н. Половинкин). Четвертая часть печаталась в Москве, в 1903 г.; редактором ее был Н.А. Янчук.

Убедительным доказательством личной непрактичности В.Н. Добровольского служит тот факт, что самостоятельно изданный им «Смоленский областной словарь», напечатанный в Смоленске, без помощи и руководства петербургских или московских ученых, оказался настолько несовершенным, что Отделение русского языка и словесности, когда издание поступило в книжный склад Академии наук, постановило не выпускать его в продажу. При богатейшем лексическом материале, при безусловно точном объяснении слов, «Смоленский областной словарь» отличался редкой небрежностью издания. Цитаты обычно не согласованы с словами, при которых они стоят; в тексте множество ошибок; даже очень интересное предисловие написано с такими промахами, что в одном месте нельзя понять,

о каких учреждениях в нем говорится. Именно автор заявляет, что его труд «напечатан... на средства Второго Этнографического отделения... Академии наук». Но Этнографическое отделение было в Географическом обществе, а Второе отделение Академии наук совсем не было этнографическим!

IV. Представители «большой» науки: О.И. Брок, И.В. Ягич

На тех же воскресных собраниях у Шахматовых я встречал известных заграничных ученых, друзей А.А. Шахматова: Олафа Ивановича Брока и Игнатия Викентьевича Ягича. Брока я встречал несколько раз, Ягича видел у Шахматовых один раз.

Норвежский профессор Олаф Брок был тогда человеком средних лет, приблизительно одного возраста с Шахматовым. Он был очень большой специалист по фонетике и замечательный знаток фонетического строя речи в разных славянских языках. Брок когда-то временно жил в Москве и учился у Фортунатова. По-русски он говорил безукоризненно. В плане диалектологических работ Отделения русского языка и словесности стояло данное ему поручение произвести исследование двух типичных русских говоров: одного северного и одного южного. Для первой цели был выбран Тотемский уезд Вологодской губернии, для второй — Мосальский уезд Калужской губернии. Говоры Мосальского уезда предварительно изучал и сам А.А. Шахматов. Перед поездкой Брока в Тотемский уезд (весной 1902 г.) у А.А. Шахматова возникла мысль отправить и меня вместе с ним. По разным причинам это не удалось. И я к этому неэнергично стремился, так как для того чтобы овладеть теми строго научными и точными методами фонетических наблюдений, которыми пользовался этот выдающийся лингвист, нужно было предварительно пройти школу долгого и трудного специального обучения. Однако ни Шахматов, ни сам О.И. Брок не видели препятствий к совместному путешествию. Конечно, сближение в работе с таким крупным специалистом могло бы

научить меня некоторым приемам наблюдения, не требующим особой специальной подготовки, научное общение с Броком, несомненно, было бы для меня благотворно в смысле обогащения фактами, уяснения общих понятий, задач и приемов более строгого научного исследования русских говоров. Наконец, работая одновременно с Броком, я мог бы взять на себя наблюдения в области более простых отделов грамматики: морфологии, синтаксиса, ударения, словаря. Шахматов и после мне говорил, что для того чтобы поставить текстологические наблюдения с фонетической стороны более научно, необходимо хорошо изучить работы по этому отделу Брока и Томсона.

Помню один любопытный лингвистический разговор между Шахматовым и Броком. Речь шла о прародине славян. Оба собеседника на основании данных языка сходились в предположении, что ядро славянских народов зародилось где-то в Карпатах. Оттуда славяне расходились по тем территориям, которые они занимают теперь, образовывали политические единства, в которых создавались самостоятельные языки и диалекты.

В другом их разговоре для меня выяснилась мысль о пределах точности фонетических наблюдений. Именно оба собеседника, Шахматов и Брок, признавали, что фонетические особенности каждого языка практически значимы лишь в той степени, в какой они осознаются всеми говорящими на этом языке. Так, установленное научной фонетикой наблюдение, что в русском языке существуют более широкие звуки э (например, в слове *это*, перед твердой согласной) и более узкие (например, в слове *эти*, перед мягкой согласной), для нашего языка не имеет существенного значения, так как не ощущается говорящими и не ведет за собой ни морфологических, ни словарных различий. Другое дело — подобные различия *е* во французском языке, где они соединяют слова, отличающиеся по значению. Меня это положение несколько успокаивало потому, что практически оправдывало не вполне усовершенствованные методы наблюдения звуков языка, и мои соображения, и другие, результатами которых приходится всем пользоваться.

Брок относился ко мне очень внимательно и в своем «Очерке физиологии славянской речи» придал значение моей книжке «Законы и правила русского произношения». Для меня это имело особое значение, потому что на мою книжку нападал Томсон и др. В один из последних приездов при жизни Шахматова Брок рассказывал, что он работает над переводами русских писателей на норвежский язык: перевел один роман Достоевского, теперь заканчивает перевод «Анны Карениной» Толстого. Я сообщил ему, что в последнем издании этого романа есть ошибки. Например, в одном месте есть слово *пустьями* вместо *кустами*, и рекомендовал ему при затруднениях пользоваться первопечатным текстом романа, опубликованным в «Русском вестнике».

Материалы для описания северного и южного русского говора были собраны Броком во время его специальной поездки в Тотемский и Мосальский уезды летом 1902 г. Краткие сведения об этой поездке были сообщены автором в «Приложении» к «Отчету о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1902 г.» (с. 1—13).

В печати диалектологические труды Брока появились относительно поздно: «Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда» в «Сборнике Академии наук» (т. 83, № 4, 1907, с. 1—149, 1—2). Исследование «Говоры к западу от Мосальска» (Петроград, 1916, с. I—IV, 1 —128), с картою на отдельном листе, вышло в виде особой книги. В промежутке между этими изданиями появился «Очерк физиологии славянской речи» (СПб., 1910) в составе «Энциклопедии славянской филологии» (вып. 5, ч. 2).

На предварительном съезде русских филологов, 10—15 апреля 1903 г., А.А. Шахматов представил меня академику Ягичу, который был председателем съезда. Ягич сказал мне несколько приветливых слов о том, что он интересуется моими сообщениями о русских говорах и ценит в них то, что они прямо записываются на месте, из уст народа. Он говорил, что, читая эти сообщения, он тотчас же это видел.

В воскресенье, 13 апреля 1903 г., совпавшее с днями съезда, я был у А.А. Шахматова и еще раз видел И.В. Ягича. Тут шла уже простая, неофициальная беседа по текущим научным вопросам. Ягич, между прочим, говорил о затруднениях в издании его «Архива»[167]. Журнал не приносил дохода. Издатель, однако, готов был продолжать издание, пока оно не даст убытка. Была трудность с переводами, если статья для журнала присылалась не на немецком языке. И.В. Ягич, однако, энергично вел свой журнал, центр мировой славянской филологии, с 1876 до 1916 г.

Мне приходилось потом изредка слышать, что Ягич говорил по-русски не совсем хорошо. Может быть, это и было во время первого его приезда в Россию, но в данное время я не заметил в его речи ни затруднений, ни ошибок. Он говорил вполне правильно и свободно, ничем не отличаясь от своих русских собеседников.

На том же съезде филологов, в начале заседания Этнографической секции, я, по предложению А.А. Шахматова, был избран секретарем этой секции. Это было для меня неожиданно, но лестно и приятно. Весь этот съезд протекал в очень деловой обстановке. На нем я слышал замечательные доклады и выступления, например, А.И. Соболевского о необходимости и приемах издания более полного словаря церковнославянского языка, профессора Ф.Ф. Зигеля, который указывал на особое значение данных русской этнографии, в которой отразились слияния народов Запада и Востока. В результате съезда получилось чрезвычайно важное научное предприятие: издание Энциклопедии славянской филологии. А.А. Шахматов здесь играл крупнейшую роль. Он был почти невидим, не выставлялся на сцену, но в сущности являлся душою съезда. Мысль и планы издания Энциклопедии принадлежали, собственно, И.В. Ягичу; А.А. Шахматов приложил все усилия к тому, чтобы осуществить это чрезвычайно важное научное предприятие.

---

[167] Речь идет о журнале «Архив славянской филологии» (в 37 т., 1876—1920 гг.), которым руководил И.В. Ягич. — *Прим. сост.*

В составлении плана и программы съезда, в организации его работ в дальнейшем издании Энциклопедии славянской филологии видно было дело заранее подготовленное, согласованное с виднейшими научными работниками, удовлетворяющее насущным интересам науки и нашей страны. Для работы по Энциклопедии отобраны были первостепенные специалисты в каждой области. Все это было проведено Отделением русского языка и словесности Академии наук, во главе которого стоял тогда А.Н. Веселовский, передавший всю основную работу ведения съезда Шахматову. Все столкновения и трения были умно устранены и сглажены, — а они все же были. Напомню нелепое, но горячо проводившееся предложение П.Н. Миловного, К.Г. Залемана и немецкого профессора Л. Гетца — издавать Энциклопедию на немецком языке! Основанием для этого странного предложения было то, что свет науки существует только в Германии, в России некому писать и читать научных книг. Ретивых германофилов успокоили тем положением, что хотя Энциклопедия будет издаваться на русском языке, но всем авторам будет предоставлено право издавать написанные ими статьи на своем родном языке.

И.В. Ягич сделал для меня много доброго. Еще до личного знакомства он написал в своем «Архиве» одобрительный отзыв о составленных мною «Программах для собирания особенностей великорусских говоров» (1900). Затем И.В. Ягич, по поводу одной присланной мною ему книги (вероятно, «Русское ударение»), написал мне очень любезное письмо, в котором одобрил мои «Законы произношения» и сообщил, что читает, в виде отдыха, мою новую книжку: «Правильность и чистота русской речи» (1-е изд. 1911 г.). Впоследствии он написал о ней большой критический отзыв, в котором сообщил много важных замечаний и дополнений к моим примерам из авторов («Архив славянской филологии», т. 33, 6. 3—4). Этот отзыв дал мне возможность внести значительные улучшения в 1-й и 2-й выпуски 2-го издания моей книги. Ценные замечания и дополнения академика Ягича к «Синтаксису» 1-го издания, к сожалению, я

не мог использовать, так как издание книги приостановилось в связи с войной, хотя материал для нее я не переставал собирать и имею его в большом количестве. Упомянутое выше письмо Ягича имело для меня чрезвычайно успокоительное значение. Я иногда переживал тяжелые настроения из-за нападок Томсона, Соболевского и Ученого комитета Министерства народного просвещения. Письмо Ягича я получил как раз в период таких настроений. Моральная поддержка, которую давало мне это письмо, рассеяла мои тревоги. Я увидел, что мои дела не так уж плохи, если мои работы получают одобрение у ученого, которого все признавали патриархом лингвистики. И.В. Ягич и потом с одобрением упоминал о моих работах в своем монументальном труде «История славянской филологии» (СПб., 1910). Я вполне уверен, что доброе отношение ко мне И.В. Ягича началось с рекомендаций А.А. Шахматова, который всегда поддерживал меня, между прочим, и путем сближения с крупными представителями науки, которые имели с ним тесное, дружеское научное общение.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И.А. БОДУЭНЕ ДЕ КУРТЕНЭ

О личности и замечательных лингвистических трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ я имел некоторое, правда очень недостаточное, понятие еще в то время, когда жил в провинции. Его научные работы, написанные на русском языке, впрочем, было трудно находить, но они изредка печатались в «Журнале Министерства народного просвещения». Однако по содержанию и изложению они иногда были довольно трудны для чтения. Новая научная терминология, не известная учившимся русскому языку по Буслаеву и Гроту, строгая постановка научных вопросов, серьезность изложения и еще более серьезность исследования затрудняли не одного меня. Начинающему знакомство с наукой не всегда ясно, что необходимо преодолевать подобные трудности, чтобы делать успехи в науке, подниматься на ее — не всеми достигаемые — высоты. Сам создатель этих научных трудов принимал все меры к тому, чтобы дать ценное содержание своим статьям и чтобы избавить читателей от излишних трудностей при изучении излагаемых им вопросов научного языкознания. Его работы были всегда новы, оригинальны или в них по-новому, вполне самостоятельно излагались вопросы науки.

При значительности содержания они были сжаты по привлеченным для исследования материалам[168], писались в строгом плане, четко выделяющем основные положения от второстепенных подробностей, изложение шло без всяких уклонений в сторону от поставленного вопроса.

В сущности, лингвистические трактаты Бодуэна де Куртенэ были и не так трудны для чтения и изучения, если принять во внимание стройность их плана, точность терминологии, содержательность мысли, ясность изложения.

---

[168] О лекциях А.А. Шахматова, читанных в Петербургском университете, Бодуэн де Куртенэ мне когда-то говорил, что они слишком сложны: «Это орех, который трудно раскусить!»

Автор с чрезвычайной внимательностью всегда стремился изложить поставленный вопрос с необходимой полнотой и ясностьюи нередко в начале своих статей упрекал себя в том, что он недостаточно разработал предмет своего исследования, но это скорее были следы слишком повышенной научной добросовестности, чем действительной недоработки вопроса изложения.

Все это я мог понять только гораздо позднее.

Точно так же позднее я убедился в том, что труды Бодуэна де Куртенэ вовсе не так недоступны, как это казалось мне сначала. Так, получив его литографированное «Введение в языковедение (Лекции в Петербургском университете)», я отложил его на некоторое время, когда буду иметь возможность читать не спеша и вдумываясь в читаемое, но потом, принявшись за чтение, я убедился, что этот курс изложен легко и просто. Но это было потом. Первоначально же профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ, некогда переселившийся из русского Дерпта (ныне Тарту) в заграничный тогда Краков, представлялся мне лицом так же далеким, чуждым русскому миру, как и все знаменитые европейские языковеды, живые и почившие.

Благосклонная судьба дала мне, однако, возможность иметь личное и довольно продолжительное знакомство с И.А. Бодуэном де Куртенэ и больше того: я имел честь и счастье получить от него некоторую помощь в моей научной работе и в моем научном усовершенствовании.

Настоящие мои воспоминания о названном ученом написаны с целью выражения моего почтения и признательности к этому замечательному творцу и двигателю науки о языке и редкому по высокой культурности человеку, который относился ко мне с вниманием и участием от первых лет его пребывания в Петербурге до окончательного отъезда в Варшаву, т.е. от 1900 до 1918 г.

Вскоре после моего переселения в Петербург я узнал, что приехавший сюда временно профессор Бодуэн де Куртенэ будет читать в университете публичную лекцию. Я не упустил случая прослушать эту лекцию. До этого времени я мог видеть Бодуэ-

на де Куртенэ только мельком на съезде славистов в 18 г.[169], где мне, кажется, не удалось услышать никаких его выступлений, так как я бывал не на всех заседаниях съезда.

В университете я увидел и услышал его выступление в торжественной обстановке, среди большого собрания работников науки, при множестве слушателей из интеллигенции и учащихся высшей школы. Представитель университета профессор С.К. Булич открыл собрание кратким приветствием ученому гостю и предоставил ему слово для сообщения. Бодуэн де Куртенэ говорил о значении категории грамматического рода в языках, не отличающих род слов и отличающих его. Речь его меня очаровала и поразила. Никакой артист в театре, никакой певец на сцене не привлекал так моего внимания, а главное, не приносил столько радости моему сознанию. Я чувствовал, что мне открывался свет знания, найденный проницательной мыслью ученого. Я никогда раньше не думал, что такие грамматические формы, как род слов (который мы научились отличать для того, чтобы делать грамматические разборы и лучше усвоить правила правописания), имеют такое важное значение для понимания и оценки характера своего языка и чужих языков. Бодуэн де Куртенэ убедительно доказывал, что грамматическая категория рода направляет и обогащает смысловое и поэтическое содержание языка, что языки, не имеющие грамматического рода, лишены одного из средств своего художественного выражения и развития.

Без малого 50 лет прошло с тех пор, как я слышал эту замечательную лекцию, я почти совсем забыл ее содержание. В моем воспоминании сохранился только общий ее смысл; но я никогда не забывал и не забуду того сильно увлекающего впечатления, которое я получил от этого научного сообщения. Кроме того, я гораздо яснее, чем раньше, понял и увидел, что формы языка имеют глубокий смысл и дают языку содержание и жизнь и что это достигается научным исследованием.

Насколько я помню, Бодуэн де Куртенэ произносил свою речь наизусть. Он говорил хорошим русским языком, без какой-либо

[169] В рукописи две последние цифры не обозначены; ясно, что здесь речь идет не о съезде, а об одном из совещаний славистов. — *Прим. сост.*

декламации, свободно, просто, но живо и с воодушевлением. Несомненно, однако, что эта речь была подготовлена и написана.

Личное мое знакомство с И.А. Бодуэном де Куртенэ произошло при посредстве А.А. Шахматова вскоре после того, как Бодуэн де Куртенэ переселился в Петербург, вероятно в 1900 г. Я пришел к А.А. Шахматову на квартиру в Академии наук в один из приемных четвергов. При входе в кабинет Шахматова я увидел И.А. Бодуэна де Куртенэ. А.А. Шахматов представил меня своему посетителю. После того как закончился какой-то деловой разговор между А.А. Шахматовым и И.А. Бодуэном де Куртенэ, мне вздумалось обратиться к последнему с каким-то вопросом. Бодуэн де Куртенэ был почему-то особенно задумчив и рассеян и, кажется, не слышал того, что я сказал. Не давая никакого ответа, он скоро встал, простился с Шахматовым и со мною и поспешно удалился. «Что же он вам ничего не ответил?» — с недоумением сказал Шахматов и с неудовольствием покачал головою. Я ничего не сказал А.А. Шахматову, но помню, что был нисколько не обижен тем, что не получил ответа, так как я заметил, что И.А. Бодуэн де Куртенэ был во власти какого-то особого настроения и очень спешил куда-то уйти.

Все мое дальнейшее знакомство с И.А. Бодуэном де Куртенэ убедило меня в том, что в данном случае произошло какое-то недоразумение. Никогда после этого я не замечал со стороны И.А. Бодуэна де Куртенэ никакого пренебрежения. Напротив, я видел с его стороны всегда большое внимание и доброе расположениеко мне. Я уверен, что таково было его всегдашнее отношение к начинающим и более слабым в области науки.

После этого я встречался с И.А. Бодуэном де Куртенэ в Лингвистическом обществе, состоящем при Петербургском университете. Председателем общества был профессор С.К. Булич, который устраивал собрания не часто, иногда раз или два в год для особо важных докладов. Я не всегда бывал на собраниях общества, но, когда мне случалось там присутствовать, я неизменно находил в числе посетителей И.А. Бодуэна де Куртенэ, выступавшего и докладчиком и в прениях. Он много и охотно

говорил по поводу почти всякого доклада, делая интересные и важные критические указания, сообщая разъяснения, поправки и дополнения. Здесь сказывалась твердая научная направленность Бодуэна де Куртенэ, его многосторонняя осведомленность во всех вопросах языка и языков, также и в вопросах, соприкасающихся с языковедением. Не менее обнаруживались в подобных выступлениях внимание, участие, доброжелательность нашего ученого к малым, невидным труженикам науки, делавшим свои сообщения в Лингвистическом обществе.

Когда я потом выступал там с докладом «О делении слов в русском произношении», Бодуэн де Куртенэ говорил, что подобные наблюдения имеют несомненное значение; он указывал, что в латинском языке такие явления (присоединение в произношении конечных неударяемых слогов к ударяемому началу следующего слова: *му́жеска — варо́да*) произвели перестройку в образовании слов[170].

Вообще в богатом арсенале своих знаний, в исследовательском опыте, в научном анализе фактов языка И.А. Бодуэн де Куртенэ нашел для меня (как это делал и для других) подтверждение полезности моих наблюдений и указал лингвистическое значение и применение тех фактов, которые для меня являлись простым наблюдением и относились только к русскому языку.

Бывало, но очень редко, что и в докладах самого Бодуэна де Куртенэ встречались неточности. Так, в сообщении его о происхождении слова *славяне* он сказал, что это слово не относится к племенным названиям русского народа. Профессор П.А. Лавров указал, в виде поправки, на летописное название: «Новгородские словене». Впрочем, это единственная ошибка, указанная у Бодуэна де Куртенэ, которую я помню.

По поводу обычных выступлений Бодуэна де Куртенэ против нашей традиционной грамматической терминологии, неточной и смущающей, особенно в отделе фонетики, например: «мягкие» согласные, «смягчение» согласных, я припоминаю возра-

[170] Эти мои «Заметки о делении слов в русском произношении» были потом напечатаны в: Известия Отделения русского языка и словесности. 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 64—70.

жения Е.К. Булича, который защищал старые, усвоенные обычаем русские грамматические термины. Булич говорил, что всякая терминология условна, что слово может не отражать характера грамматического явления. Если мы говорим «твердые» или «мягкие» согласные, то это только наш *façon de parler* (это подлинное выражение Булича), привычный способ выражения. Это рассуждение Булича понравилось мне тогда, оно нравится мне и теперь. Напомню, что к деланным ему возражениям Бодуэн де Куртенэ относился очень спокойно, с полной терпимостью.

На одном из собраний Лингвистического общества выступила с докладом дочь Бодуэна де Куртенэ Цезария Ивановна: «Камень латырь и город Алатырь»[171]. Доклад был интересный, но встретил некоторые возражения. После мне приходилось слышать порицание, что отец не просмотрел и не исправил работу своей дочери.

Думаю, что И.А. Бодуэн де Куртенэ совсем не мог этого сделать. Как настоящий педагог, как высоко добросовестный ученый, как разумный отец, он хотел, чтобы его дочь выступала со своей научной работой честно, самостоятельно и сама защищала свои взгляды. Такое поведение его я вполне тогда понимал и высоко ценил. Не мог же И.А. Бодуэн де Куртенэ — всегдашний борец за истину в науке и честность в общественной деятельности — обнаружить явный непотизм, хотя бы и к близкому лицу, родной дочери!

Довольно часто я встречался с И.А. Бодуэном де Куртенэ в заседаниях подкомиссии, разрабатывающей проект упрощенного русского правописания. Подкомиссия эта была избрана на первом и единственном заседании Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшемся 20 апреля 1904 г. Это собрание вынесло решение об упразднении в русском правописании излишних букв: ѣ, і, ъ, θ, ѵ. Для формулировки новых правил, вызываемых устранением этих букв в русском письме, а также для выработки тех новых правил орфографии, которые были должны заменить старые, ненаучные и не соответствующие состоянию современно-

[171] Напечатан в: Известия Отделения русского языка и словесности. 1914. Т. XIX. Кн. 2. С. 90—107.

го русского языка, и была избрана особая подкомиссия, в которую вошли академики Ф.Ф. Фортунатов (председатель), Ф.Е. Корш, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов и другие лица, в числе которых оказался И.А. Бодуэн де Куртенэ. Я был приглашен для участия в работах подкомиссии ее председателем, академиком Ф.Ф. Фортунатовым, как член Комиссии, знакомый с преподаванием орфографии в начальном обучении, в сельских и городских школах. Уже на первом заседании Комиссии по вопросу об орфографии (20 апреля 1904 г.) И.А. Бодуэн де Куртенэ отнесся ко мне очень благосклонно, высказавшись с одобрением о моем докладе в Комиссии. Мой доклад представлял исторический очерк предложений по упрощению нашего правописания со стороны публицистов и ученых первой половины XIX в. В нем были цитаты со смелыми и острыми нападками на букву ѣ и другие особенности старого правописания. Встретив меня во время перерыва, И.А. Бодуэн де Куртенэ сказал: «Ваш доклад оживил наше собрание. Оно было занято очень отвлеченными рассуждениями».

Бодуэн де Куртенэ с большим вниманием отнесся к возложенному на него поручению: посещал все заседания подкомиссии, участвовал в обсуждении новых правил правописания и в редактировании основного документа, составленного в результате нескольких заседаний: «Предварительное сообщение орфографической подкомиссии».

Рядом с именами академиков Фортунатова и Шахматова он представлял наиболее вескую научную силу, утвердившую своим авторитетом новое упрощенное русское правописание. Участие Бодуэна де Куртенэ в работах подкомиссии было особенно важно потому, что академик Соболевский принял участие только в одном, первом заседании, а Корш скоро уехал в Москву.

Особенно много порадовало меня и научно помогло мне внимание И.А. Бодуэна де Куртенэ к моей книжке «Законы и правила русского произношения»[172].

Совершенно для меня неожиданно я получил от Бодуэна де Куртенэ корректуру его отзыва о ней, который должен был

[172] В первый раз напечатана в «Русском филологическом вестнике» (1906), отдельно вышла в виде оттисков из названного журнала.

выйти в «Известиях Отделения русского языка и словесности» (1907, кн. 2, с. 491—501). Небольшой одобрительный отзыв об этой моей книжке И.А. Бодуэн де Куртенэ дал также в библиографическом журнале «Книга»[173], о чем и сообщил мне сам при ближайшем свидании.

Поддержка, которую оказал мне в этом случае И.А. Бодуэн де Куртенэ, имела для меня большое значение, не только моральное. В моем хозяйственном житейском плане была поставлена цель — издавать популярно-научные и учебные книги, так чтобы у меня получались какие-либо средства, на которые я мог бы расширять свое издательство, главным образом по части педагогической и научно-популярной. Кое-что из задуманного и подготовленного я успел потом осуществить, но многое осталось только в мечтах, желаниях и мыслях.

Велики, почти непреодолимы были трудности издания и распространения книг. Прежде всего, я располагал мизерными средствами для своих работ. Затем мои выступления в защиту новой орфографии вооружили против меня Ученый комитет Министерства народного просвещения, который стал относиться ко мне враждебно и перестал одобрять мои книги для школ. Наконец, я не имел верных способов для успешной продажи книг, а книгопродавцы не только не содействовали, а иногда прямо противодействовали распространению книг, не ими изданных.

В данном случае добрый отзыв о моих «Законах произношения», написанный таким большим специалистом по языкознанию, каким был И.А. Бодуэн де Куртенэ, вполне защищал мою книжку от нападок других лиц.

С такими нападками выступил, например, официальный рецензент книжки, член Ученого комитета, профессор И.А. Шляпкин в «Журнале Министерства народного просвещения».

Его критические замечания были, впрочем, слабо обоснованы, и я написал на них возражения в «Русском филологическом вестнике».

Один из знакомых студентов университета потом мне рассказывал, что как только вышла моя статья о русском произно-

[173] См.: Книга. СПб., 1907. № 14. С. 11. — *Прим. сост.*

шении в «Русском филологическом вестнике», И.А. Бодуэн де Куртенэ принес ее в университет, разбирал на очередной лекции и рекомендовал студентам.

С его доброжелательной рекомендацией книжка имела успех. Профессор Д.Н. Ушаков говорил мне, что и в Московском университете она рекомендовалась как полезное пособие для студентов. Мне было приятно сознавать, что учебное пособие, не допущенное Ученым комитетом для школьных и учительских библиотек, было принято для изучения в двух университетах.

При такой авторитетной поддержке в 1908 г. я мог выпустить свою работу вторым изданием, в которое, конечно, внес все поправки Бодуэна де Куртенэ, а в 1915 г. напечатал 3-е издание, исправленное и дополненное.

Кстати сказать, И.А. Бодуэн де Куртенэ довольно хорошо понимал мое положение и не напрасно в конце своей рецензии упомянул об «ученых авгурах», которым кое-что может не понравиться в моей работе. К моему счастию, таких «авгуров» около меня было немного, но я все же имел их в лице И.А. Шляпкина, А.И. Соболевского, А.И. Томсона. От последнего меня защищал Олаф Брок.

Живое участие И.А. Бодуэн де Куртенэ принимал в образовании учителей начальных школ, городских и сельских. Он охотно читал им лекции, не отказывался выступать на их собраниях. Не все, конечно, хорошо его ценили и понимали. В какой-то случайной встрече один провинциальный учитель перечислял мне лекторов, чтения которых ему очень нравились. Это были известные говоруны, «звонари», как их тогда некоторые называли. В числе «неинтересных лекторов» мой собеседник, между прочим, к моему великому удивлению, назвал профессора Бодуэна де Куртенэ. «Вот, — подумал я, — слона-то ты и не приметил!» Очевидно, этот недалекий педагог хотел только спокойно слушать, пленяясь музыкой красивых, звонких фраз, и не понимал, зачем это профессор учит наблюдать, мыслить, вдумываться в значение и в связи явлений языка. Это напомнило мне случай из моей учительской практики. Ученики жаловались на то, что

учитель нехорош, придирается к ответам и требует, чтобы они понимали, что отвечают, заучив по книге.

По большой снисходительности Бодуэна де Куртенэ я приносил ему и составленные мною учебные книги, например мою злополучную хрестоматию «Школьник» (1907). Над этой книжкой я особенно много работал и в отношении текста, и в отношении предисловия для преподавателей. Я надеялся на успех этого учебника, но вышло совсем иначе. Ученый комитет не допустил его в школы, а мне прислал такую грубую и несправедливую рецензию, что я решил написать жалобу министру народного просвещения на неосновательную критику и оскорбительные выражения в рецензии. В этой рецензии было, например, написано, что в моей книге находятся «глупые» правила о сохранении здоровья и о поведении учащихся. В своей жалобе я указал, что эти «глупые» правила извлечены мною из книги, одобренной Ученым комитетом для всех учебных заведений. Рецензия члена Ученого комитета и постановление о недопущении моего учебника для школ были так явно несправедливы, что член того же Ученого комитета Анненский написал и напечатал в «Журнале Министерства народного просвещения» одобрительный отзыв о моей книге... Из моей жалобы, конечно, ничего не вышло. Но мне, однако, приятно вспомнить, что И.А. Бодуэн де Куртенэ, которому я рассказывал всю эту волновавшую *меня историю*, *сочувственно относился ко мне и к моей книге*, а о «правилах сохранения здоровья» говорил, что он обратил на них внимание, просматривая мою книжку, и нашел их очень полезными и нужными. Когда же он один раз зашел ко мне с какой-то книгой и я показал ему невежливое начало рецензии Ученого комитета, он сказал: «Что за кабацкий тон у этих членов Ученого комитета!»

Зная о внимании И.А. Бодуэна де Куртенэ к вопросам преподавания языка, я при случившейся встрече с ним говорил, что буду читать доклад на съезде учителей городских училищ (1909) о преподавании церковнославянского языка. Это был острый вопрос того времени. Учительская масса была настроена против преподавания этого языка. Я со своей стороны находил, что грамматика

церковнославянского языка, будучи сопоставлена с русской грамматикой, полагает основания научному пониманию русского языка. Затем я признавал и доказывал, что начальные учебники церковнославянской грамматики составлены без учета этой главной задачи образования и что вообще они ненаучны и непедагогичны.

Бодуэн де Куртенэ дал слово прийти на мой доклад и предполагал со своей стороны высказать мнение по данному вопросу. Но, к несчастью, случилось так, что его задержали, и он пришел на собрание к началу следующего выступления. Это был доклад молодой преподавательницы выразительного чтения Карлович, в котором она, после небольшого теоретического вступления, показывала образец художественного чтения на стихотворении А.К. Толстого «Ты знаешь край...» На длинном периоде, состоящем из очень распространенного повышения и очень краткого понижения, она хорошо сумела показать и повышение тона, и вопросительную интонацию первой части периода, и понижение голоса в конце периода.

И.А. Бодуэн де Куртенэ сказал мне, что у Карлович есть богатые данные для декламации. Оценка его была замечательно верная, потому что Карлович, имея хорошие голосовые средства, пока не обладала ни достаточной теоретической подготовкой, ни полной артистичностью исполнения.

В последовавшем потом разговоре со мной И.А. Бодуэн де Куртенэ поддерживал положения моего доклада, которые были отвергнуты собравшимися учителями. Руководители съезда даже не пожелали напечатать мой доклад в «Трудах» съезда. Они твердо решили передать преподавание церковнославянского языка в руки (по-моему, ненадежные) священников-законоучителей.

Конечно, мои встречи с И.А. Бодуэном де Куртенэ были не так часты. Они определялись удобными случаями для личного свидания. Кроме встреч в научных собраниях, я посещал его на квартире на Васильевском острове, когда я получал оттиски какой-нибудь моей статьи или издавал свою новую книжку. Он всегда любезно принимал меня, беседовал по общественным и научным вопросам, давал мне указания на полезные для меня

книги, по моим вопросам разъяснял мне что-нибудь непонятное в данных русского языка.

И.А. Бодуэн де Куртенэ имел также большие знания в этнографии, особенно в области народных верований. Он, например, объяснил мне, почему русские крестьяне уверены, что пожар от молнии можно загасить только молоком. По его указанию, памятники санскритской письменности показывают, что пожар посредством молнии производится богом огня. Гасить такой пожар — значит идти против воли бога и только увеличивать его гнев и бедствие. Если же лить на огонь молоко, то бог принимает его как жертву, и тогда пожар прекращается.

Раз, получив одно из моих больших сообщений о народных говорах, И.А. Бодуэн де Куртенэ посоветовал мне отправить это сообщение и вообще посылать мои книги некоторым заграничным ученым. Он записал мне адрес Буайе и некоторые другие. Я отправил книги по данным адресам, но, не получив ни от кого ответа, не посылал потом своих книг никому из заграничных ученых. Вероятно, сам И.А. Бодуэн де Куртенэ, будучи на их месте, как-нибудь ответил бы, получив книгу от автора. Думаю, что о них судил он по себе.

Однажды, зашедши к Бодуэну де Куртенэ, я нашел его за работой над Словарем Даля. У него находился помощник, учитель гимназии, кажется из бывших его учеников, который занимался вместе с ним чтением корректур. И.А. Бодуэн де Куртенэ говорил со мною о некоторых русских выражениях. Я, между прочим, спрашивал его о происхождении слова *шаматон*, указывая на его употребление в 1-й главе «Капитанской дочки» Пушкина. Я думал, что это французское слово. Бодуэн де Куртенэ не подтвердил моего мнения (?!).

Слово это он потом включил в Словарь Даля.

В редактировании Словаря Даля Бодуэн де Куртенэ провел громадную работу по части исправления грамматических промахов и недомолвок Даля. Он дополнил его новыми словами из современных сообщений по русской народной лексике, но по соображениям чисто научным, по традиции словарей мертвых

языков, а также, кажется, по упорству ученого, не желающего считаться со вкусами и требованиями общества, включил в Словарь Даля все неприличные (непечатные) русские слова. Это подняло против Бодуэна де Куртенэ бурю негодования, — на радость и при участии его недоброжелателей, — отголоски которой не прошли до сих пор.

И в наше время остается вопрос: как следует переиздавать Словарь Даля? В последнем издании автора или в издании Бодуэна де Куртенэ? На него ответить нетрудно. Нельзя не признать важности и ценности тех грамматических исправлений, которые внесены Бодуэном де Куртенэ, а неприличные слова, которые он внес, конечно, нет необходимости удерживать.

Мне почти не приходилось говорить с И.А. Бодуэном де Куртенэ о литературе, но помню, что один раз он говорил о Золя как о большом мастере французского литературного языка.

Очевидно, в литературе у Бодуэна де Куртенэ были реалистические вкусы. Несомненно также, что его литературная образованность опиралась главным образом на три языка: французский, польский и русский. Впрочем, он вполне владел и немецким.

Может быть, я не ошибусь, если скажу, что в его духовной личности также обнаруживались французская живость ума и польская страстность общественного чувства.

Настойчивостью характера он походил на русских людей, закаленных в борьбе и много потерпевших. Укажу для сравнения на Ломоносова с его «благородной упрямкой».

И.А. Бодуэн де Куртенэ и сам приносил иногда мне свои новые статейки по языку. Я жил большей частью недалеко от него, в так называемой Лихачевке — доме, состоящем из квартир-комнат, на углу Среднего проспекта и 6-й линии.

И.А. Бодуэн де Куртенэ иногда останавливался и начинал со мною разговор, даже встретившись на улице. Так, в первые годы нашего знакомства, случайно увидев меня около университета, он завел со мной очень серьезную беседу.

Бодуэн де Куртенэ начал с совета: поступить в университет. Я стал говорить, что это невозможно: во-первых, у меня нет

средств содержать себя в университете и вносить плату за учение (100 рублей); я живу только службою, а служба не дает мне времени подготовиться к экзамену для получения аттестата зрелости. «Но вы можете подать в университет прошение, чтобы вас приняли без аттестата зрелости. Мы будем ходатайствовать о том, чтобы вашу просьбу выполнили».

Так много добра желал и готов был мне сделать И.А. Бодуэн де Куртенэ, человек мне в сущности далекий и чуждый, приближенный только по служению науке.

Он несомненно знал, что некоторые лица, состоявшие на учебной или вообще государственной службе, умели как-то соединять эту службу с учением в университете, но они, эти учащиеся, все же имели какие-то, бóльшие или мéньшие, материальные возможности.

Таких возможностей у меня не было, и я еще раньше этого разговора отказался от мысли о получении университетского образования, не по своему нежеланию, а вследствие непреодолимых жизненных препятствий. Ту же мысль подавал мне с самого начала моего перехода в Петербург и А.А. Шахматов. Но тогда мои материальные возможности были еще более ограниченны, и я не хотел затруднять А.А. Шахматова слишком большими заботами об устройстве моей личной жизни.

Тогда и теперь мне было особенно дорого доброе расположение И.А. Бодуэна де Куртенэ, потому что он далеко не обладал безразборчивой благосклонностью ко всякому человеку. Людей политически нечистых, всякого рода черносотенцев И.А. Бодуэн де Куртенэ решительно не выносил. Когда почитатели устроили ему юбилейное чествование и подготовили адрес, он случайно узнал, что в числе лиц, подписавшихся на адресе, оказался один из учителей некоторой гимназии, замаравший себя некрасивыми политическими выступлениями. Бодуэн де Куртенэ был так возмущен, что для того чтобы его успокоить, неприятную подпись должны были устранить.

И.А. Бодуэн де Куртенэ также резко протестовал против черносотенных выступлений некоторых профессоров Петербургского университета. Эта борьба с «черной сотней» создала Боду-

эну де Куртенэ репутацию политически опасного человека. Она помешала ему вступить в члены Академии наук и, несомненно, подготовила ему жестокий суд за брошюру «Национальный и территориальный признак в автономии» (1913).

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ был лингвист исключительных дарований и необыкновенной учености.

Его покойный ученик, академик Л.В. Щерба, превосходно знавший своего учителя и его научные труды, говорил, что Бодуэн де Куртенэ в равной мере принадлежал и русской и польской лингвистической науке. «Он работал среди русских, поляков, немцев и эстонцев (в Дерпте), писал по-русски, по-польски, по-словински, по-чешски, по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-литовски»[174].

Выдающийся специалист по санскриту, он вместе с тем был знаток классических языков, особенно латинского.

В области новых европейских языков он был и романист, и германист, и славист, стоящий на высоком уровне современного ему научного знания. В отношении русского языка никакие вопросы его не затрудняли.

Соединяя практическое знание разнообразных языков с научным и подчиняя первое второму, Бодуэн де Куртенэ выставлял и выяснял общие проблемы языковедения, не опираясь на готовые теории, не руководствуясь мнениями различных авторитетов в области лингвистической науки. Он шел совершенно самостоятельным путем, и сам был большой и редкий научный авторитет, хотя и не претендовал на это положение в науке и, трудясь только для одной научной истины, если я не ошибаюсь, не признавал никаких авторитетов. Это, конечно, не значит, что Бодуэн де Куртенэ мог с неуважением относиться к большим и заслуженным деятелям науки. Он ценил и признавал, по мере их достоинства, не только значительные, но и небольшие, добросовестно выполненные научные труды.

И.А. Бодуэн де Куртенэ был ученым по природным дарованиям, по призванию. Я думаю, что также по призванию он был

[174] Русский язык в школе. 1940. № 4. С. 83—84.

и педагог: профессор, научный руководитель, учитель. Он с редкой охотой делился своими научными знаниями; он любил учить и умел это делать, будучи также замечательным педагогом и по большому опыту, по привычке, по убеждению. Он был превосходный руководитель в области научного труда, учащий работать основательно, научно, добросовестно, самостоятельно, поощряющий охоту к научному труду и вызывающий любовь к нему.

Как педагог Бодуэн де Куртенэ обладал важнейшими свойствами воспитателя и учителя: способностью применяться к уровню развития и понимания обучаемого, также терпением и снисходительностью, а главное добрым, гуманным, поистине товарищеским отношением к человеку и отсутствием всякого давления на мысль и волю своего ученика и ученого собеседника.

Внешними качествами лектора И.А. Бодуэн де Куртенэ не всегда отличался.

В публичных выступлениях он говорил большей частью легко, свободно, иногда же с заметными затруднениями, перерывами, как бы что-то припоминая, ища слов для выражения своей мысли. Это происходило именно потому, что он не всегда говорил заученное, готовое, но создавал свою речь в процессе мышления, обдумывая и продумывая то, что он говорил, и действительно отыскивая лучшие, наиболее точные, ясные и вполне понятные слушателям формы изложения своей мысли. Вследствие этого некоторым недалеким слушателям он и казался иногда незавидным оратором.

И.А. Бодуэн де Куртенэ не отказывался также от составления работ чисто школьного назначения. Такова написанная им для учителей педагогическая и вместе с тем строго научная книжечка «Об отношении русского письма к русскому языку» (1912).

И.А. Бодуэн де Куртенэ также говорил мне, как и Л.В. Щерба, что у него имеется масса неиспользованных материалов по языку учащихся в виде разного рода ученических работ.

Кроме университетских своих учеников, кроме выполнения служебных обязанностей, Бодуэн де Куртенэ всегда был готов оказать научную помощь и начинающему работнику по языку, и издательскому предприятию, желавшему опубликовать мате-

риал, имеющий некоторую научную ценность или отвечающий на практические потребности времени. Таково было его участие в издании арготического словаря Трахтенберга «Блатная музыка». Таковы были его выступления в защиту условного всемирного языка против консервативных теорий, что язык создается стихийно, что мы только пользуемся им, а не творим, не создаем его. Бодуэн де Куртенэ решительно отстаивал положение, что всякий язык — создание человеческого общества, что подготовленные представители из носителей того или другого языка могут принимать сознательные меры к его совершенствованию. Язык, по его мнению, можно не только исправлять и направлять, но при известных условиях, как, например, необходимость облегчения международных сношений, и творить, создавать его[175].

Он также с особенным увлечением защищал неквалифицированных работников науки, разного рода любителей ее от нападок официальных, патентованных ее представителей, как это видно, например, из статей его по «кашубскому вопросу».

Все это отвлекало нашего ученого от работ большого научного значения, создавало разбросанность тем, по которым он писал, а теперь значительно затрудняет разыскивание и составление полного списка его печатных трудов. Но все это объединяется одной общей целью — служить своим знанием развитию и распространению своей научной специальности, быть полезным не только науке, но и народу, среди которого автор проводил свою жизнь и вел свою научную работу.

Что касается разнообразия, кажущейся разбросанности тем, то такой характер литературных выступлений неизбежен для ученого с широкими научными знаниями и интересами.

А так как при этом Бодуэн де Куртенэ сознательно и чутко относился к явлениям окружающей его политической жизни, то, понятно, он не мог удержаться и от печатных политических выступлений. Они удовлетворяли его требовательную мысль и

[175] См. указания по этому вопросу академика Л.В. Щербы в статье об И.А. Бодуэне де Куртенэ: Русский язык в школе. 1940. № 4. С. 86.

совесть, но при существующей напряженной политической обстановке не могли принести ему ничего, кроме неприятностей и страданий.

Бодуэн де Куртенэ был патриотом и в Польше, и в России: там и здесь он служил народу, там и здесь боролся с разделяющим народы шовинизмом и с грубым, ложным патриотизмом, опирающимся на насилие, продажность, подкуп и обман. Этим объясняются его неутомимые политические выступления, за одно из которых он и потерпел от русского царского правительства тяжелое наказание: продолжительный арест и заключение в крепости, всего в течение двух лет. Правда, это устранение Бодуэна де Куртенэ из общественной жизни не сопровождалось для него никакими физическими лишениями. Когда один из знакомых научных работников, высказывая ему соболезнование, спросил его при мне о его состоянии здоровья и самочувствия после выхода на свободу, Бодуэн де Куртенэ сказал, что он чувствует себя очень хорошо и в заключении он отдыхал, живя как на даче. Мне показалось, что в этом ответе было несколько иронии над действиями правительства и учтивое отклонение разговора на данную тему. Я, со своей стороны, никак не решался ни от себя, ни от других передавать подобные сочувственные слова, боясь возбуждать в пострадавшем тяжелые воспоминания о пережитом и тревожить его больное и оскорбленное сердце.

Бодуэн де Куртенэ перенес тяжелое испытание как мудрец и невинный человек, но дикая расправа с честным гражданином, с выдающимся ученым, свободно высказавшим свое искреннее мнение по важному государственному вопросу, возмутила всех сознательных людей в России и ученый мир за ее границей. Подобные меры царского правительства уже не предотвращали, а приближали его конец, который вскоре и последовал.

Как человек И.А. Бодуэн де Куртенэ был прост в обращении, доступен и общителен. Он был человек редкой скромности. Из всех выступлений и мнений, которые он высказывал, я не помню случаев, когда бы он ссылался на свои труды, свои мнения, свои научные достижения и заслуги. Самомнения, са-

мовосхваления, тем более какого-либо хвастовства и чванства в нем не было и тени. В его словах, действиях, отношениях к людям высказывался высококультурный, строго порядочный человек. Эта строгость выражалась в том, что он не сближался с людьми невысокой этики, сомнительной репутации, в особенности если они захватывают власть и направляют научную или общественную жизнь и деятельность. С такими людьми Бодуэн де Куртенэ вел постоянную, непримиримую борьбу. Здесь сказывался человек неподкупной честности, чуткой общественной совести.

Верный слуга научной истины, И.А. Бодуэн де Куртенэ отличался высоким личным бескорыстием, материальным и моральным.

Щедрый расточитель своего научного знания, он не создавал около себя сплоченного кружка почитателей. От лиц, которым он оказывал научную помощь, он не желал никакой особой благодарности, преданности или уважения. Чувствовалось, что ему нельзя было сказать какой-либо комплимент, похвалить в нем что-либо. Это был даритель, который не желал получать ничего от одаренного.

В одной из своих статей Бодуэн де Куртенэ писал, что в основе человеческой морали должна лежать справедливость, и этой справедливостью он обладал в высшей степени. Ради этой справедливости он всегда выступал защитником притесняемых, гонимых, чем и навлекал на себя гнев и преследования всяких правящих и господствующих сил. Жестокие уроки, которыми давали знать себя такие силы, не исправили этого человека, которого по справедливости можно назвать рыцарем правды, человеком, не знавшим страха в борьбе за истину, право и справедливость[176].

И сам И.А. Бодуэн де Куртенэ, и его биографы, например Л.В. Щерба, находят, что эта борьба, не дававшая нашему ученому возможности вести научную работу спокойно, живя на

[176] См.: Русский язык в школе. 1940. № 4. С. 84.

одном месте, много повредила его научным трудам и успехам. Действительно, Бодуэн де Куртенэ был профессором поочередно в пяти университетских городах: Казани, Дерпте (Тарту), Кракове, Петербурге (два раза), Варшаве.

Русская пословица говорит: «Два раза переехать — все равно, что один раз сгореть». Конечно, Бодуэн де Куртенэ не мог получить ни удовольствия, ни выгод от пяти далеких переездов из одного университетского города в другой. Он и сам говорил, что его библиотека, его научный архив оказались растерянными и неполными. Он постоянно должен был менять и своих учеников, и своих личных и научных друзей и почитателей. Но здесь была и выгодная сторона для нашей и заграничной научной культуры. Бодуэн де Куртенэ был буквально «светило науки».

Перемещение такого светила в разные центры нашего высшего образования значительно расширило объем и круг его научно-просветительной деятельности и личных влияний. Находясь на одном месте, Бодуэн де Куртенэ не имел бы ни такого количества прямых учеников, ни такого числа лиц, на которых он мог повлиять непосредственным научным воздействием, ни таких широких возможностей просвещения общества, в котором он вращался, путем печатного слова и устных публичных выступлений. За счет тех неприятностей, которые потерпел Бодуэн де Куртенэ от многих переездов из одного университета в другой, эти университеты получили несомненные выгоды, приобретая в своем руководящем профессорском кругу такую одаренную и высококвалифицированную научную силу, которая в известной степени включалась во всю научно-просветительную жизнь тех городов, в которых находились данные университеты. И здесь Бодуэн де Куртенэ создавал научные и общественные блага, страдал и приносил жертвы для пользы одного из трех государств, в которые он переселялся, кажется, все-таки больше всего для просвещения нашей России.

КОММЕНТАРИИ

Язык и стиль писателей

«Михаил Васильевич Ломоносов и его «Российская грамматика». Статья опубликована в журнале «Русский язык в школе» (1940. № 2. С. 1—13). Печатается по тексту журнала.

В.И. Чернышев высоко оценивал «Российскую грамматику» М.В. Ломоносова. Она равно импонировала ему и глубокой научностью, и практическими, нормативными устремлениями. Создавая свои работы по грамматике русского языка, в том числе и широко известную книгу «Правильность и чистота русской речи», В.И. Чернышев вдохновлялся высоким образцом классического труда М.В. Ломоносова.

Статья В.И. Чернышева — это живо и талантливо написанный очерк реформаторской деятельности М.В. Ломоносова в области русского литературного языка, включающий характеристику содержания и исторического значения и его «Российской грамматики».

«Заметки о языке басен и сказок В.И. Майкова». Статья помещена в сборнике «Памяти Леонида Николаевича Майкова» (СПб., 1902. С. 125—159). Печатается по тексту данного сборника.

Статья В.И. Чернышева вносит вклад в разработку истории русского литературного языка.

Вас. Ив. Майков (1728—1778) — популярный русский поэт и писатель XVIII в. В его баснях и сказках, послуживших объектом наблюдений В.И. Чернышева, проступают многие особенности живой русской речи того времени в переплетении с традиционными чертами книжно-литературного языка.

Л.Н. Майков (1839—1900), которому посвящен сборник, где опубликована статья В.И. Чернышева, — историк русской литературы, академик.

«Заметки о языке А.С. Пушкина (Произношение некоторых местоимений)». Статья написана 13.11.1905 г., а опубликована в сборнике «Пушкин и его современники. Материалы и исследования» (СПб., 1908. Вып. VI, с. 117—127). Печатается по тексту первой публикации, сверенному с рукописью.

В статье рассматривается сравнительно частный вопрос: об употреблении А.С. Пушкиным местоимений *они, оне, ея, ее, ней* и числительных *одни, одне* по рифмам некоторых стихотворений.

Конечно, для нашего времени *оне, ея, одне* и т.п. — пережиток старины далекой, но современному читателю приходится иметь дело с этими словами, органически входящими в ткань произведений А.С. Пушкина.

Материал статьи помогает сознательному восприятию книжных, церковнославянских форм, встречающихся у Пушкина, а также осмыслению отступлений от прежних орфографических правил, которые, кстати сказать, уже и для языка Пушкина во многом представляли остаток старины (хотя и очень недалекой).

«Имена действующих лиц в сказках А.С. Пушкина о царе Салтане, о золотом петушке, о мертвой царевне (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка)». Статья написана 14.11.1905 г., а опубликована в сборнике «Пушкин и его современники. Материалы и исследования» (СПб., 1908. Вып. VI, с. 128—132). Печатается по тексту первой публикации, сверенному с рукописью.

В статье рассматривается интересный вопрос о том, откуда появились четыре (указанные в подзаголовке) собственных имени, которые необычны для русских народных сказок.

«Заметки о знаках препинания у А.С. Пушкина». Статья опубликована в сборнике «Пушкин и его современники. Материалы и исследования» (СПб., 1907. Вып. V, с. 130—139). Печатается по тексту первой публикации.

В.И. Чернышев на отдельных примерах дает блестящую интерпретацию пушкинской пунктуации, раскрывает ее глубокий смысл, часто остававшийся непонятным редакторам-издателям, допускавшим в ней произвольные изменения. Он вполне обоснованно отвергает неоправданные вмешательства редакторов в пушкинские тексты даже в лучших для конца XIX — начала XX в. изданиях сочинений великого поэта.

«Заметки» входят в ту серию статей, где В.И. Чернышев в интересах широких читательских масс борется за «настоящего, неисправленного, т.е. неиспорченного Пушкина».

«А.С. Пушкин и его издатели-редакторы». Статья опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (СПб., 1909. Ч. XXIII, с. 60—83). Печатается по тексту данного издания.

Статья представляет собою результат трудоемкой и кропотливой работы по сверке печатных текстов различных произведений А.С. Пушкина, изданных как при жизни поэта, так и в более позднее время. В статье речь идет о бережном отношении к изданию сочинений А.С. Пушкина.

Помимо большого специального интереса (тонкие наблюдения над пунктуацией пушкинских сочинений, замечания об орфографии текстов и др.), в этой работе содержатся довольно смелые (для дореволюционного времени) высказывания о царской цензуре, «о ее грубой цензурной силе».

В.И. Чернышев прямо говорит о борьбе, которую приходилось вести А.С. Пушкину с цензурой, «вычеркивавшей у него страницы и строчки, где выражался его политический или просто свободный образ мыслей».

«А.С. Пушкин среди творцов и носителей русской песни». Статья опубликована в сборнике «Пушкин и его современники. Материалы и исследования» (Л., 1930. Вып. XXXVIII—XXXIX, с. 82—94). Печатается по тексту первой публикации.

В.И. Чернышев прослеживает в широком плане отношение А.С. Пушкина к песне, народной и литературной. Сам Пушкин, как известно, явился автором стихотворений, получивших характер народных песен. Он с большой художественной силой воспроизводил в своей поэзии образы деятельных носителей живой народной русской песни. Его сочинения наполнены ссылками на народные и ставшие народными литературные песни, их отзвуками и реминисценциями. Все это хорошо показано в богатой материалом статье В.И. Чернышева. В.И. Чернышев произвел очень интересный и увлекательный обзор «поющего и пляшущего народа» в сочинениях А.С. Пушкина.

«Язык и стиль стихотворений Е.А. Баратынского». Печатается по рукописи, хранящейся в Институте русского языка Академии наук СССР. Текст статьи подвергся небольшому сокращению (опущены сведения из биографии поэта, параграфы о ритмике, рифмах и по

истории так называемых «искусственных» слов, а также отдельные однотипные примеры).

Статья представляет собою обширные материалы доклада, прочитанного В.И. Чернышевым в Институте языка и мышления 28 мая 1944 г. в годовщину столетия со дня кончины Е.А. Баратынского. Статья содержит многочисленные и ценные наблюдения по языку и стилю поэта пушкинской плеяды, друга и современника А.С. Пушкина.

«Язык и стиль стихотворений А.В. Кольцова». Печатается с небольшими сокращениями по рукописи, хранящейся в Институте русского языка Академии наук СССР. Дата не указана (место написания — Ленинград — проставлено).

В данной публикации опущены менее отработанные автором (с отдельными пропусками) страницы текста, где кратко говорится о рифмах стихотворений А.В. Кольцова; опущено несколько незаконченных фраз в разделах «Орфография и пунктуация», «Книжные элементы».

В.И. Чернышев оперирует в этой статье печатным изданием стихотворений поэта за 1892 г. (издание А.Ф. Маркса), на основе которого ученый собрал, систематизировал и обобщил огромный фактический материал.

В статье содержится много интересных наблюдений о языке и стиле А.В. Кольцова, которые могут быть использованы изучающими творчество поэта, а также в преподавательской практике.

Данная статья В.И. Чернышева особенно ценна тем, что в научной литературе почти вовсе нет исследований о языке А.В. Кольцова (см.: Славянское языкознание. Библиографический указатель. М., 1963. Ч. I, II. Также: Тонков В., Кольцов А.В. Жизнь и творчество. Воронеж, 1958 (особенно см.: Глава III. К вопросу изучения Кольцова. С. 313—379; Примечания. С. 379—429 (где дается библиография работ о Кольцове)).

«Сочетание *аль ни* в текстах А.В. Кольцова». Статья опубликована в «Известиях Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук» (Пг., 1921. Т. XXIII. Кн. 2. С. 83—91). Печатается по тексту указанного издания.

В.И. Чернышев в данной работе устраняет одно из «темных мест» в Стихотворениях А.В. Кольцова, восстанавливая испорченное нелепой орфографической передачей южновеликорусское областное слово *альни*, с большим художественным мастерством использованное поэтом.

Статья входит в цикл тех имеющих несомненное общественное значение работ В.И. Чернышева, в которых он борется за точное, неискаженное воспроизведение в печати сочинений наших выдающихся поэтов и писателей.

«Русский язык в произведениях И.С. Тургенева». Статья опубликована в «Известиях Академии наук СССР. Отделение общественных наук» (М.; Л., 1936. № 3. С. 473—495). Печатается по данному изданию

В статье дается анализ мастерства И.С. Тургенева, исследуется в основном язык «Записок охотника», отчасти приводятся примеры из его романов и повестей. В отдельных случаях, в порядке сопоставления, даются параллели из произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя (например, об особенностях словоупотребления и др.).

Любопытны критические замечания о редких случаях недочетов, погрешностей, выявленных В.И. Чернышевым в языке великого писателя.

«Заметки о текстах и языке И.С. Тургенева». Статья опубликована в «Известиях Академии наук СССР. Отделение литературы и языка» (1941. № 2), где помещена в разделе «Критика и библиография» (С. 90—105). Печатается по тексту данного издания.

Эта статья, которую автор называет «исследованием о текстах сочинений И.С. Тургенева, изучавшихся в отношении языка и правописания», явилась результатом большой и кропотливой работы В.И. Чернышева над текстами писателя, исследованными по разным изданиям и некоторым рукописям. Она тесно связана с напечатанной ранее (1936) статьей «Русский язык в произведениях И.С. Тургенева» и дополняет ее.

«Н.А. Некрасов при жизни и по смерти». Статья напечатана в «Известиях Отделения русского языка и словесности» (1907. Т. XII. Кн. 4. С. 256—276). Печатается по тексту данного издания.

Сопоставляя посмертное издание стихотворений Н.А. Некрасова (8-е изд., 1902) с прижизненными изданиями, осуществлявшимися под наблюдением автора, В.И. Чернышев с горестным чувством отмечает в этом посмертном издании многочисленные следы грубых и невежественных редакторско-корректорских «правок» и, справедливо

отвергая их, дает читателю возможность ознакомления с стихотворениями великого русского поэта в их действительно подлинном виде. Статья отличается богатством материала, точностью и тонкостью наблюдений над поэтическим языком Н.А. Некрасова.

«Заметки о языке и орфографии Г.И. Успенского». Статья опубликована в сборнике «Глеб Успенский. Материалы и исследования» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 493—516). Печатается по тексту данного издания.

В статье представлены результаты большой и кропотливой работы В.И. Чернышева по критическому пересмотру посмертных изданий сочинений Г.И. Успенского на основе сопоставления с авторскими рукописями и первопечатными, прижизненными изданиями их. В.И. Чернышев восстанавливает многие оригинальные особенности языка, орфографии и пунктуации Г.И. Успенского, бездумно механически «выправленные» позднейшими редакторами и корректорами вследствие их «немалого невежества в тонких и сложных вопросах литературного языка». Статья богата интересными наблюдениями над языком Г.И. Успенского и важна постановкой в ней больших теоретических вопросов, относящихся к области научной текстологии.

«Петров К. Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина». Рецензия напечатана в «Известиях Отделения русского языка и словесности» (1906. Т. XI. Кн. 1. С. 429—440). Печатается по тексту первой публикации.

Эта содержательная рецензия интересна тем, что в ней раскрываются взгляды В.И. Чернышева по важным вопросам построения словаря писателя. В.И. Чернышев дает здесь своего рода рекомендацию к составлению словаря писателя, особенно подробно останавливаясь на структуре словаря выборочного, необходимого и для широкого круга читателей, и в практике школьных занятий по литературе.

PERSONALIA

Из воспоминаний об Алексее Александровиче Шахматове (1864—1920)

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в Институте русского языка Академии наук СССР.

Статья представляет собою доклад, сделанный В.И. Чернышевым на сессии Академии наук СССР, посвященной памяти А.А. Шахматова, 14 июня 1946 г.

Воспоминания В.И. Чернышева ценны тем, что в них отражена научная жизнь Отделения русского языка и словесности Академии наук 90-х годов XIX в. и первого десятилетия XX в., воссоздается атмосфера академической научной работы того времени; здесь, глазами очевидца, даются зарисовки событий из жизни и деятельности А.А. Шахматова и ряда других ученых-филологов.

Статье предпослано небольшое вступление-план, раскрывающее последовательность расположения материала. Приводим его целиком в комментариях, чтобы не нарушать изложение доклада.

«I. Отделение русского языка и словесности. П.К. Симони. II. Первые знакомства с молодыми учеными из круга А.А. Шахматова. III. Воскресные приемы у Шахматовых. Новые знакомства. Этнографы: П.А. Ровинский, П.В. Шейн, В.Н. Добровольский. IV. Представители “большой” науки: О.И. Брок, И.В. Ягич».

Воспоминания об И.А. Бодуэне де Куртенэ

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в Институте русского языка Академии наук СССР; датирована В.И. Чернышевым 8 октября 1946 г. и написана, как видно, в связи со столетием со дня рождения выдающегося польско-русского лингвиста Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845—1929).

Об И.А. Бодуэне де Куртенэ см. вступительные статьи В.В. Виноградова и В.А. Дорошевского в книге: Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. I.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Одушевленная энциклопедия русской филологии»
(О Василии Ильиче Чернышеве) (*О.В. Никитин*) 5

**ПРАВИЛЬНОСТЬ И ЧИСТОТА РУССКОЙ РЕЧИ.
ОПЫТ РУССКОЙ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ** ... 13

ИЗ «ПРЕДИСЛОВИЯ» К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ 14
ИЗ «ПРЕДИСЛОВИЯ» КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ 15
ВВЕДЕНИЕ 16

ФОНЕТИКА 24
§ 1—5. Гласные 24
§ 6. Беглые гласные *о* и *е* 32
§ 7—12. Согласные 46
§ 13. Славянизмы 60
§ 14. Иностранные слова 66
§ 15. Сложные слова 78

ЧАСТИ РЕЧИ 82
§ 16. Образование существительных 82
§ 17. Склонение существительных мужского рода 87
§ 18. Средний род 115
§ 19. Женский род 119
§ 20. Собирательные формы 123
§ 21. Славянизмы и иностранные слова 128
§ 22. Род существительных 129
§ 23. Число 138
§ 24. Словообразование прилагательных 141
§ 25. Склонение прилагательных 148
§ 26. Степени сравнения 152
§ 27. Имена числительные 155
§ 28. Местоимения 159
§ 29—37. Словообразование глаголов. Виды 165
§ 38—43. Спряжение. Изъявительное наклонение 184
§ 44—45. Повелительное наклонение 191
§ 46—48. Причастие и деепричастие 195
§ 49. Наречия 206
§ 50. Предлоги 209
§ 51. Союзы 217
§ 52. Междометия 218
§ 53. Частицы 219

СИНТАКСИС 220
§ 54. Подлежащее 220
§ 55. Сказуемое 220
§ 56. Безличное предложение 224
§ 57. Согласование слов 228
§ 58. Слитное предложение 231
§ 59. Родительный падеж 234
§ 60. Дательный падеж 235
§ 61. Винительный падеж 236
§ 62. Творительный падеж 239
§ 63. Имена при числительных *два*, *оба* и др. 240
§ 64. Управление глаголов и имен 243
§ 65. Предлоги 249
§ 66. Соединение предложений 268
§ 67. Заимствованные обороты 275
§ 68. Времена и наклонения 278
§ 69. Употребление причастий и деепричастий 280
§ 70. Союзы и частицы 284
§ 71. Отрицания 287
§ 72. Расположение слов и предложений 292
§ 73. Ясность выражения 299
§ 74—75. Выбор форм и слов 302

КОММЕНТАРИИ 309

ЯЗЫК И СТИЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ 325

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ
И ЕГО «РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА» 326

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ БАСЕН И СКАЗОК В.И. МАЙКОВА 364

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА. ПРОИЗНОШЕНИЕ
НЕКОТОРЫХ МЕСТОИМЕНИЙ 402

ИМЕНА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ В СКАЗКАХ А.С. ПУШКИНА
О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ,
О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка) 413

ЗАМЕТКИ О ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ У А.С. ПУШКИНА 417

А.С. ПУШКИН И ЕГО ИЗДАТЕЛИ-РЕДАКТОРЫ 426

А.С. ПУШКИН СРЕДИ ТВОРЦОВ И НОСИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ПЕСНИ 455

ЯЗЫК И СТИЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ Е.А. БАРАТЫНСКОГО 471
Вступление 471
Е.А. Баратынский — поэт пушкинской эпохи 472
Критика текста 476
Орфография 476
Пунктуация 479
Грамматические особенности языка Е.А. Баратынского 483
Фонетика и произношение 483
Колебания по числу слогов 485
Ударение 486
Морфологические формы слов 491
Имена существительные 491
Имена прилагательные 493
Глаголы и причастия 495
Синтаксис 497
Согласование слов 497
Управление слов 498
Необычные сочетания в употреблении падежей
имен существительных 500
Необычные сочетания предложений 505
Разговорная основа синтаксиса
в стихотворениях Е.А. Баратынского.
Речь отрывистая 506
Сложное предложение 510
Период 513
Словорасположение 514
Словарные особенности языка Е.А. Баратынского 515
Слова церковнокнижные 515
Слова книжно-поэтические 517
Словообразование в отделе книжных слов 519
Славянизмы в префиксах 520
Слова народные и просторечные 521
Фольклорные влияния в языке Е.А. Баратынского 525
Слова «книжно-народные» 527
Семантические особенности в языке Е.А. Баратынского 527
Чужие слова 532
Слова мифологические 535
Искусственные слова в поэзии Е.А. Баратынского 537
Малоупотребительные слова в поэзии Е.А. Баратынского 544

Особенности поэтического стиля Е.А. Баратынского 546
Метафоры 546
Эпитеты 550
Сравнения 554
Образные выражения 555
Намеки 557
Сжатость выражения 558
Повторение слов 559
Заключение 563
Источники творчества Е.А. Баратынского 563
Недостатки языка в произведениях Е.А. Баратынского 567
Оценка поэтического языка и стиля Е.А. Баратынского 570

ЯЗЫК И СТИЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ А.В. КОЛЬЦОВА 573
Орфография и пунктуация 573
Книжные элементы 578
Народные элементы 588
Стилистика 603
Сравнения 603
Отрицательные сравнения 605
Метафоры 605
Эпитеты 606
Образы 608
Фигуры восклицания и обращения 609
Риторическое восклицание 609
Риторический вопрос. Фигуры вопрошения 610
Сцепление и сращение 610
Синонимы 615
Повторы 615

СОЧЕТАНИЕ *АЛЬ НИ* В ТЕКСТАХ А.В. КОЛЬЦОВА 618

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА 627
I 627
II 630
III 631
IV 633
V 634
VI 637
VII 639
VIII 642

IX 644
X 647
XI 650
XII 654
XIII 656
XIV 657
XV 659

ЗАМЕТКИ О ТЕКСТАХ И ЯЗЫКЕ И.С. ТУРГЕНЕВА 663
I 664
II 666
III 670
IV 672
V 677
VI 678
VII 681
VIII 683
IX 685
X 688
XI 691
XII 693
XIII 695
XIV 699
XV 700
XVI 705

Н.А. НЕКРАСОВ ПРИ ЖИЗНИ И ПО СМЕРТИ
(27 декабря 1877 года — 27 декабря 1907 года) 708

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ И ОРФОГРАФИИ Г.И. УСПЕНСКОГО 730
I 730
II 734
III 739
IV 741
V 742
VI 745
VII 749
VIII 755

К. ПЕТРОВ, СЛОВАРЬ К СОЧИНЕНИЯМ И ПЕРЕВОДАМ
Д.И. ФОНВИЗИНА 757

PERSONALIA 771

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ АЛЕКСЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ШАХМАТОВЕ (1864—1920) 772
I. Отделение русского языка и словесности. П.К. Симони 772
II. Первые знакомства с молодыми учеными
из круга А.А. Шахматова 780
III. Воскресные приемы у Шахматовых. Новые знакомства.
Этнографы: П.А. Ровинский, П.В. Шейн, В.Н. Добровольский 785
IV. Представители «большой» науки: О.И. Брок, И.В. Ягич 794

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И.А. БОДУЭНЕ ДЕ КУРТЕНЭ 800

КОММЕНТАРИИ 820
Язык и стиль писателей 820
Personalia 825

Научное издание

Чернышев Василий Ильич

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ
ПО СТИЛИСТИКЕ

Подписано к выпуску 23.11.2023.
Уч.-изд. л. 27,81.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324
Тел.: (495) 334-82-65, (495) 336-03-11
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Главный редактор
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин*

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, проф., академик РАН *В.М. Алпатов*;
д-р филол. наук, проф. *Е.Л. Вартанова*;
д-р филол. наук, проф., член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников*;
д-р филол. наук, проф. *Л.К. Граудина*;
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков*;
д-р филол. наук, проф. *Н.И. Клушина*;
д-р филол. наук, проф. *Н.А. Купина*;
д-р филол. наук, проф., академик РАН *А.М. Молдован*;
д-р филол. наук, д-р пед. наук, проф. *Ю.Е. Прохоров*